Российский государственный гуманитарный университет

Историко-архивный институт

Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин

Российская академия наук

Институт всеобщей истории

Отдел специальных исторических дисциплин

К 95-летию со дня рождения Елены Ивановны Каменцевой

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

Материалы
XXVIII Международной научной конференции

Москва, 14–16 апреля 2016 г.

АКВИЛОН

УДК 930
ББК 63.2
В 85

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. Москва, 14 – 16 апр. 2016 г. / редкол. : Ю. Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин.; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. ист. – М. : Аквилон, 2016. – 559 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются актуальные проблемы вспомогательных исторических дисциплин, источниковедения, историографии, археографии, использования информационных технологий в исторических исследованиях. Часть исследований посвящена вкладу Е. И. Каменцевой в развитие вспомогательных исторических дисциплин.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

Научное издание

ISBN 978-5-906578-11-2

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник продолжает традицию изданий материалов ежегодных Международных научных конференций кафедры вспомогательных исторических дисциплин (ныне – Высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин) Историко-Архивного института РГГУ. Нынешняя конференция, XXVIII по счёту, проводится совместно с Институтом всеобщей истории Российской Академии наук, который также является одним из ведущих научных центров в области специальных исторических дисциплин. Отдел специальных исторических дисциплин ИВИ РАН проводит большую работу, направленную на развитие таких наук, как палеография, кодикология, дипломатика, историческая география, историческая картография, геральдика, историческая геоинформатика и др. Сотрудничество ИАИ РГГУ и ИВИ РАН в научном пространстве вспомогательных (специальных) исторических дисциплин чрезвычайно плодотворно, свидетельством чему и является настоящая конференция. Она традиционно посвящена именно вспомогательным историческим дисциплинам и объединяет учёных различных научных центров, как академических и вузовских, так и музейных, архивных и библиотечных. Как всегда, широка и география представленных докладов, охватывающая не только Россию, но и страны ближнего и дальнего зарубежья.

Конференция посвящена памяти профессора Елены Ивановны Каменцевой (1920–2004), 95 лет со дня рождения которой исполнилось 2 октября 2015 г. Высшая школа ИВСИД ИАИ РГГУ провела Круглый стол, посвящённый Елене Ивановне, некоторые материалы которого также вошли в предлагаемый вниманию читателей сборник. Елена Ивановна сыграла поистине судьбоносную роль в истории вспомогательных исторических дисциплин. Во многом именно благодаря ей традиция преподавания и изучения вспомогательных исторических дисциплин в отечественной историографии XX века не прервалась. На протяжении более 60-ти лет она читала лекционные курсы по вспомогательным историческим дисциплинам в Историко-Архивном институте, создала классические учебные пособия по хронологии, исторической метрологии, сфрагистике и геральдике, по истории вспомогательных историче-

ских дисциплин, много лет руководила научным Геральдическим семинаром при кафедре, оставила фундаментальные научные труды, не потерявшие актуальности и по сей день. Её громадный вклад в историю и развитие вспомогательных исторических дисциплин невозможно переоценить. Для многих поколений исследователей она была Учителем, чей научный и педагогический авторитет был чрезвычайно высок.

Мы надеемся, что традиция ежегодных научных конференций по вспомогательным историческим дисциплинам будет продолжаться и в дальнейшем, а доброе сотрудничество наших институций будет и впредь столь же тесным и результативным.

*Е.И. Каменцева (Москва)**

Григорианская реформа календаря и ее последствия

Недавно опубликованы воспоминания известного историка академика Михаила Николаевича Тихомирова. Воспоминания дают объяснение некоторым «хронологическим недоразумениям», которые время от времени появляются в наших газетах, справочных пособиях и энциклопедиях о датах жизни политических деятелей, деятелей науки и культуры, да и в документах рядовых членов нашего общества при определении дат их жизни, а также при определении памятных исторических дат.

Процитируем отрывок из воспоминания М.Н. Тихомирова: «Родился я в Москве 19 мая (по старому стилю) 1893 года. Впрочем, в документах и бумагах, относящихся к моей биографии, в том числе энциклопедиях, время моего рождения показано 1 июня по новому стилю, хотя должно было бы стоять 31 мая, потому что я родился в XIX веке, а, следовательно, для того, чтобы получить дату рождения по новому стилю, надо прибавить не тринадцать, а двенадцать дней. Я же прибавил тринадцать дней, во-первых, по странному суеверию, что в июне родиться лучше, чем в мае, тем самым подправив свою судьбу по Зодиаку, согласно астрологии прежнего времени, другая же причина заключалась в перемене паспортов. От нас требовали показывать при перемене паспортов новое летосчисление с прибавкой тринадцать дней. Объяснять же милицейским работникам, что надо прибавлять не тринадцать, а двенадцать дней – было примерно то же самое, что объяснять мне сложную алгебраическую формулу» (Тихомиров М.Н. Детские годы. Москва и Подмосковье // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. В. 1. М., 1990. С. 458).

Итак, стоит проблема перевода дат со старого стиля на новый, или с юлианского календаря на григорианский. Но прежде немного истории.

Напомню, что юлианский календарь был разработан по инициативе Юлия Цезаря в Древнем Риме и принят там в 46-м г. до н.э. А затем в 325-м г. Первый Вселенский собор христианской церкви в Никее признал его обязательным для всех христиан. Поэтому с принятием христианства на Руси оказался принятым и юлианский календарь с продолжительностью года в 365 суток 6 часов. Но юлианская продолжительность года оказалась на 11 минут 14 секунд длиннее астрономического года. Вследствие этого каждые 128 лет из 11 минут 14 секунд складывались целые сутки, и к концу XVI в. астрономический счет и календарный разошлись на 10 суток. И тогда глава католической церкви папа Григорий XIII в 1582 г. провел календарную реформу, целью которой было вернуть на прежнее место соотношение астрономического и календарного годов. Численно это выразилось в возвращении весеннего равноденствия с 11 марта на 21 марта, а в дальнейшем исключения в каждые 400 лет трех суток. Так появился григорианский календарь, который вызвал отрицательное отношение к нему ученых, народа, представителей церкви в странах Европы, как в конце XVI в., так и впоследствии. Приняли

новый календарь в первые годы после буллы папы о реформе календаря лишь в тех государствах, в которых господствующей церковью был католицизм. Против высказались многие университеты, произошли волнения в народе. А «календарный бунт» в Риге перерос в социальный конфликт. Имело место и длительное противодействие протестантской церкви. Наиболее стойкими противниками реформы из христианских стран оказались Россия и православная церковь.

Было ли это результатом особого консерватизма России и православия? Вопрос о реформе обсуждался в России начиная с 30-х гг. XIX в. Особенно остро он стоял в конце XIX в., когда работала Комиссия по вопросу о реформе календаря при Русском астрономическом обществе. Активным участником ее являлся Д.И. Менделеев, полагавший, что реформа необходима, но отрицательно относившийся к введению григорианского календаря, считая необходимым ввести в России более точный календарь, чем григорианский (Менделеев Д.И. Заявление о реформе календаря // Собр. соч. Л.; М., 1950. Т. 22. С. 774–779; Он же. Календарные объединения // Там же. С. 360). Работа Комиссии кончилась практически ничем. Но на высказывание одного из ее участников, – В.В. Болотова, – небезинтересно обратить внимание. Доктор церковной истории, профессор духовной Академии в Петербурге, образованнейший человек своего времени, В.В. Болотов, владел двадцатью языками восточными и европейскими, являлся автором многих научных исследований по истории коптской, эфиопской, сирийской и христианской церквей. Признавая неточность юлианского календаря, В.В. Болотов относился отрицательно к самой идее реформы календаря в России и в том числе к введению григорианского календаря. «Отмену юлианского стиля в России, – говорил он на одном из заседаний Комиссии, – нахожу отнюдь отрицательной. Думается культурная миссия России по этому вопросу состоит в том, чтобы еще на несколько столетий удержать в жизни юлианский календарь и облегчить для западных народов возвратиться к неиспорченному старому стилю» (Каменцева Е.И. О неопубликованной книге А.И. Юшкова «В защиту юлианского календаря…» // Отечественные архивы. 1996. № 5. С. 47).

И последнее, в 1918 г., с 1 февраля, без глубокого обсуждения вопроса специалистами, Советская Россия перешла на григорианский календарь. Отделенная же от государства православная церковь для отправления церковных праздников сохранила старый стиль.

Итак, даты, существенные для истории европейского календарного счета и нашего современного счета времени: 46 г. до н.э., 325 г., 1582 г. и 1918 г.

Сейчас не вызывает сомнений, что григорианская реформа оказалась не столь удачной, как старались представить сторонники ее всеобщего введения. Григорианская реформа внесла немало трудностей в счете времени в связи с необходимостью перевода дат с одного стиля на другой. Но спорить о том, было ли ошибкой принятие григорианского календаря сейчас бессмысленно. Он вошел в употребление и мир живет по нему (Подробнее о григорианском календаре см. указанную выше статью Е.И. Каменцевой о неопубликованной книге А.И. Юшкова. С. 46–53). Источниковеды и историки, в основном, справляются с датировками и переводами дат. Лишь время от времени поднимаются некоторые календарные проблемы. Часть их связана с григорианским календарем, а часть зависит от «календарной безграмотности» общества.

В отечественной, российской хронологии возникают недоразумения по-следующим вопросам: 1. С какого времени и какие даты следует переводить с юлианского календаря на григорианский; 2. Каковы правила перевода дат с юлианского календаря на григорианский; 3. Как обозначать даты; 4. Возникают и некоторые общие проблемы, не связанные с григорианским счетом времени, а возникающие, как сказано выше, в связи с «календарной» безграмотностью общества: С какого года начинается новое столетие, а на исходе второго тысячелетия с какого года начнется новое, третье, тысячелетие.

Вопросы эти не праздные. Истории необходима выверенная, четкая и единообразная хронология.

Достаточно сложен вопрос о времени, с которого переводить даты с юлианского календаря на григорианский. В литературе по истории календарей и в руководствах по хронологии он решается по-разному.

В лучшей современной книге по истории календарей и хронологии И.А. Климишина рекомендуется переводить даты с I в. н.э. (Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1990. С. 309). Вспомним первую дату, отмеченную нами – 46 г. до н.э. Некоторые исследователи календарных проблем рекомендуют перевод дат с юлианского на григорианский календарь начинать с IV в. (дата Никейского собора – 325 г.). Так поступает С.И. Селешников (Селешников С.И. История календаря и хронология. М., 1970. С. 72). Но есть авторы, которые перевод дат считают необходимым осуществлять с 1582 г. Так, Я.И. Шур помещает таблицу перевода дат, начиная с григорианской реформы (Шур Я.И. Когда? М., 1969. С. 251). С какого же времени мы должны переводить даты с юлианского календаря на григорианский? С I в. н.э. или с IV в., или с 1582 г.? Вероятно, об этом следует договориться. Представляется разумным переводить даты с юлианского календаря на григорианский, начиная с 1582 г., т.е. с того года, когда новый стиль начал свое существование.

Переводить следует даты юбилейные и даты, связанные со странами, в которых григорианский календарь был введен раньше, чем в России.

Совершенно бесспорны правила перевода дат с юлианского календаря на григорианский. Число дней для перевода непостоянное и разница постоянно возрастает: для XVI–XVII вв. составляет 10 суток, для XVIII в. – 11 суток, XIX в. – 12 суток, для XX–XXI вв. – 13 суток. Увеличивается разница за счет 29 февраля, который имеется в юлианском календаре и отсутствует в григорианском. Увеличение происходит с 1 марта 1700 г., с 1 марта 1800 г., с 1 марта 1900 г., т.е. последнего года предшествующего века. С 1600 г. и 2000 г. разница не увеличивается, т.к. эти годы имеют 29 февраля и по юлианскому и по григорианскому календарям. До последнего времени этот вопрос не вызывал сомнений. Но, к сожалению, в настоящее время дело обстоит иначе. Некоторые деятели уподобляются тому милицейскому работнику, о котором писал в своих воспоминаниях М.Н. Тихомиров.

Государственная дума Российской федерации 10 февраля 1995 г. приняла федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России» (Федеративный Закон Российской Федерации «О днях воинской славы (победных днях) России» от 10 февраля 1995 г. // Рубежи ратной славы Отечества. М., 1996. С. 3–4). Они устанавливаются, начиная со дня победы Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере. Список заканчивается датами XVIII, XIX и XX вв. В тексте нет указаний, по какому стилю даны даты. Предположительно, по григорианскому календарю. Сопоставление дат

юлианских всех событий с датами, указанными в Законе, показывает, что все они переведены прибавлением тринадцати дней. Из всего сказанного выше ясно, что даты переведены неверно и «Российскому организационному комитету по подготовке и проведению мероприятий в связи с памятными событиями военной истории Отечества» необходимо найти пути к исправлению этой грубейшей ошибки перевода дат на григорианский календарь.

Но не только в законодательных документах можно встретить хронологические ошибки.

Невероятный пример хронологического невежества встречаем в романе Д.М. Балашова «Святая Русь», писателя талантливого, опубликовавшего целую серию исторических романов. Процитируем: «“Тое же осени, ноября 26, побеже из Орды князь Василий, сын великого князя Дмитрия”, − записывал позже московский летописец. Учитывая, что все летописные даты указаны по «старому стилю», начало бегства надобно передвинуть еще на десять-одиннадцать дней, в начало декабря» (Балашов Д.М. Святая Русь // Роман-газета. № 19−20. 1996. С. 51).

События, описываемые Д.М. Балашовым, происходят в конце XIV в. и никак не может быть переведена дата бегства князя Василия путем прибавления 10−11 дней. Либо 10, либо 11, либо вообще не переводить. Календарь построен на астрономических наблюдениях и на математических расчетах и, следовательно, на науках точных, не допускающих выбора решения. И главное, разница в 10 дней между календарями юлианским и григорианским (старый и новый стиль) относится к концу XVI – XVII вв., а 11 дней – к XVIII в.

А далее, Д.М. Балашов к этому хронологическому экскурсу дает ссылку, желая поделиться своими «познаниями». Он пишет: «К эпохе Петра I, когда у нас официально принят григорианский календарь, смещение достигло тринадцати дней. В XIV в. оно было меньше» (Там же). Поистине невероятно! И зачем в XIX в. в России работали ученые? Спорили о календарях юлианском и григорианском. Зачем было принимать в 1918 г. Советской властью декрет о введении григорианского календаря, если вес вопросы решил Петр I? Каким образом для дат XVIII в. прибавлять 13 дней, когда лишь в XX в. разница между календарями стала составлять 13 дней?

Сказать нечего! Лишь посоветовать писателю приобрести элементарные познания о счете времени. Заодно ему следует познакомиться с пасхалией, т.е. с правилами определения дат празднования Пасхи. В том же произведении «Святая Русь» Д.М. Балашов пишет: «Пасха нынче была поздняя двадцать шестого марта…» (Балашов Д.М. Святая Русь // Роман-газета. № 3. 1997. С. 69). Пасха 26 марта ранняя, а не поздняя. Период, в который празднуется православная Пасха, приходится по юлианскому календарю на время между 22 марта и 25 апреля.

Следует учитывать не только правила перевода дат, но и правила их обозначения. Каким бы календарем даты не были обозначены – юлианским или григорианским, совершенно необходимо обозначать их календарный стиль. В двойных датах основной датой должна быть до введения григорианского календаря в 1918 г. – юлианская дата, а в скобках григорианская. С февраля 1918 г. основной датой становится григорианская, а в скобках, в случае необходимости, сообщается дата юлианская. Нужно, чтобы у читателя была полная ясность по какому стилю указана дата события.

И еще один достаточно актуальный вопрос, не связанный с двумя календарными системами счета времени. Мы приближаемся к концу XX в. и

началу XXI в., кончается и второе тысячелетие, и мы часто читаем и слышим о 2000 годе, как о рубеже, с которого начинается новый век и новое тысячелетие. Это неверно. В веке 100 лет (столетие), и каждый следующий век начинается с первого года, т.е. 1701, 1801, 1901, 2001 и т.д. Годы, оканчивающиеся на два нуля – 1600, 1700, 1800, 1900, 2000 завершают века. Соответственно и половинами века являются 1901–1950, 1951–2000 гг., 2001–2050 гг., а третье тысячелетие начинается с 2001 г., а не 2000 г. И напрасно собираются встречать первые лучи солнца третьего тысячелетия в 2000 г., встречать их следует в 2001 г.

В анонсе телевизионных передач 26 мая – 1 июня 1997 г. в рекламной газете «Экстра М. Север», выходящей в Москве, опубликовано о фильме «Мятеж» (США, 1996 г.) следующее: «Последняя рождественская ночь уходящего тысячелетия превратилась в сущий ад. Огонь, страх и ненависть заполнили улицы праздничного мегаполиса 24 декабря 1999 года. Моторизованные банды похищают дочь британского посла. Офицер элитного подразделения ВВС готов один выступить против террористов». Заметим, что «последняя рождественская ночь уходящего тысячелетия» приходится не на 24 декабря 1999 г., а на 24 декабря 2000 г. Ошибка все та же – третье тысячелетие, как и XXI век, начнется не в 2000, а в 2001 году.

В заключение хотелось бы надеяться, что все здесь сказанное принесет определенную пользу архивистам, источниковедам и историкам в их практической работе. Не менее полезно обратить внимание на это и писателям, пишущим на исторические темы, т.к. они являются мощными и авторитетными распространителями исторических знаний, в том числе и хронологических, среди читающих их сочинения. И последнее: проблемы хронологии, особенности календарных систем и счета времени должны быть понятными широким кругам населения. Совершенно необходимо ликвидировать «календарную безграмотность» общества.

***** *В ноябре 1996 г. при личной встрече Е.И. Каменцева дала обещание написать статью для планируемого мной сборника по проблемам исторической хронологии. По разным причинам издание этого сборника не состоялось, и статья Е.И. Каменцевой много лет хранилась в моем личном архиве. Сейчас она предлагается для издания. Рукопись представляет собой машинописный текст на 9-и страницах формата А 4, соединенных металлической скрепой (фотокопия и оригинал рукописи переданы на кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГГУ). Авторской подписи рукопись не содержит. Трижды (на стр. 2, 7 и 8) присутствуют рукописные поправки автора, трижды отмечаются и машинописные поправки, впечатанные между строками (стр. 3 и дважды на стр. 8). В предлагаемом издании рукопись воспроизводится буквально, без сокращений и дополнений и без конъектур (за исключением явных опечаток). Карандашная пометка на 1-й странице рукописи свидетельствует о том, что почтовая служба доставила ее в г. Барнаул 19 декабря 1997 г., следовательно, временем сочинения этой статьи можно считать ноябрь 1996 г. – декабрь 1997 г., и, вероятнее всего, вторую половину 1997 г.*

Доктор исторических наук, профессор
С.В. Цыб (г. Барнаул)

М.В. Бибиков (Москва)

Начало «Русского Афона» в святогорских архивных документах и нарративах

В истории монашества Святой Горы Афон и прежде всего ее Русского Свято-Пантелеимонова монастыря есть важная, точная и непреложная дата – «февраль 14-го индикта», как хронологически первое документально верифицированное упоминание «обители Рос(а)», игумен которой Герасим собственноручно подписал документ с указанием своего развернутого титула.

Дата документа определяется как 1016 г. Грамота из архива святогорской Лавры св. Афанасия (Акт. Лавр.I.19: P. 155.37–38 Lemerle) сохранилась в подлиннике и издана в 1970 г. П. Лемерлем с коллегами в парижской серии «Архивы Афона» по этому оригиналу с приложением альбома фотографий (Табл. XIV).

Подлинный документ представляет собой гарантийное подтверждение («Асфалия») игумена обители св. Ильи Николая, который, судя по тексту, намерен обосноваться в монастыре Предтечи «Ациоанна», где игуменом являлся Симеон, для того, чтобы исполнять свои обязанности (игумена) по управлению (обителью) – временно, на один год. Акт подписан свидетелями – игуменами афонских монастырей, среди которых – и «пастырь и игумен обители Рос(а)» Герасим.

По наблюдению специалистов-кодикологов, уверенная и четкая подпись Герасима свидетельствует о том, что это грамотный человек, возможно, неплохо, по византийским критериям образованный.

Таким образом, февраль 1016 г. является неоспоримой, документально засвидетельствованной аутентичным актом важнейшего афонского архива датой первого упоминания русского монастыря на Афоне.

Сам этноним «Рос», обозначавший в греческой терминологии византийских источников середины IX – середины X вв. (Житие Георгия Амастридского, Житие патриарха Игнатия, сочинения Константина Багрянородного и др.) дружинников (как правило, скандинавского происхождения: «из Франков», как говорится в текстах хроник Георгия по Ватиканскому списку, Псевдо-Симеона, Продолжателя Феофана) киевских князей Ольги, Святослава, Владимира и др., этот этноним с середины / последней трети X в. (Константин, Лев Диакон, многочисленные печати духовных и светских владык) применялся по отношению ко всем выходцам из Руси («Росии»), как впервые назвал эту страну Константин Багрянородный).

Что касается «обители Роса», то точно также афонский Русский монастырь именуется и в развернутой собственноручной подписи «монаха (обители) Роса» Ки(риака) – писца акта святогорского прота Павла в апреле 1081 г. (Акт. Ксиропотам. 6: P. 63.68), не говоря о других прямых свидетельствах второй половины XI–XII вв.

В отличие от этих, документально засвидетельствованных дат, другие вехи хронологии начала русского присутствия на Афоне зиждятся или на местных легендах (часто позднего происхождения), или на поздних свидетельствах ретроспективно обращенных в прошлое, или на очевидных спекуляциях нового и новейшего времени.

К такого рода случаям относятся и нередко сейчас вновь выдвигаемые старые, казалось бы, уже дезавуированные, данные и особенно датировки

пребывания на Афоне основоположника русского монашества Антония Печерского. Сведения о нем в основном черпаются из «Повести временных лет» (10-е гг. XII в.), где они встречаются в составе Повести о Печерской обители, имеющей существенные хронологические и содержательные различия в разных редакциях памятника, а также из Киево-Печерского патерика (30-е гг. XII в.).

Указание в литературе на Лавру св. Афанасия, Эсфигмен или Иверскую обитель как на место пострига Антония являются лишь недоказуемыми источниковедчески предположениями. Неверифицированной признается и догадка, известная по некоторым местным афонских преданиям, возникшим только в XVIII–XIX вв., о Русском монастыре Ксилурга («Древодела») в том же качестве.

Как уже давно установлено, Лаврская версия возникла в дневнике иеромонаха Ипполита Вишенского из Борисоглебского Черниговского монастыря, посетившего Афон в 1709 г. и 5-6 июня записавшего рассказ об Антонии, переданный иеромонахом Лазарем Прокудой (бывш. Киево-Печерский иноком), жившим около Великой Лавры. Еще менее достоверна Иверская гипотеза начала XX в. Эсфигменская же легенда восходит к 1840 г., когда иеромонах Иаков Неаскитиот, или Ватопедский, в составленное им Житие Антония включил легенду о благословлении Антония на монашеский подвиг эсфигменским игуменом Феоктистом. Это Житие в рукописи анонимно, но атрибуировано А. Муравьевым во время его пребывания в Эфсигменской обители 21 августа 1849 г.

Утверждается же эсфигменская «атрибуция» Антония, в составленном и опубликованном лишь в 1893 г. Константином Дукакисом «Великом Синаксаристе» «Житии блаженной памяти отца нашего Антония Русского Эсфигменита». Многочисленные хронологические несоответствия и несуразности этого текста очевидны, поэтому в новом издании памятника последовало немало произвольных изменений в хронологии, что, однако, еще больше запутало дело. В любом случае «Эсфигменская легенда» вряд ли восходит ко времени ранее 1840 г., поскольку об этом нет ни слова в «Истории Афона» главы Эсфигмена Феодорита (ум. после 1824 г.), сохранившейся лишь в нескольких фрагментах, но известной еп. Порфирию Успенскому, который свидетельствует об отсутствии там каких бы то ни было спекуляций об Антонии Печерском. Первый переводчик на русский язык греческих актов Свято-Пантелеимонова афонского монастыря и историк Русского Афона сх. Азария (Попцов) дезавуировал рассматриваемую уже в 1865 г. легенду, составив совместно с иеромонахом Иаковым «Афониаду», включающую в себя «Житие преподобного Антония Русского» и не содержащую в основном тексте эсфигменских атрибуций.

Таким образом, единственно достоверным фактом датированного русского присутствия на Афоне остается февраль 1016 г., когда в семье святогорских обителей занимал свое место уже существовавший тогда монастырь Роса.

А.А. Гиппиус (Москва)

Берестяные грамоты и денежно-весовые системы древнего Новгорода: старые вопросы в свете новых данных

Полнота и разнообразие финансовой терминологии берестяных грамот делают их ценнейшим источником по истории денежно-весовых систем древнего Новгорода и средневековой Руси в целом (см. обобщающий обзор:

Янин В. Л., Рыбина Е. А. Денежные термины в новгородских берестяных грамотах // От палеолита до средневековья. Сборник научных трудов. М., 2011. С. 108–115). Однако в потоке материала, в основном лишь количественно добавляющего к уже известному, крупицы новой информации иногда опознаются с задержкой.

Так, при публикации грамоты № 915 (3-я треть XI в.) осталось без комментария упоминание в этом документе *гривны серебра*, на целое столетие опережающее фиксацию термина в договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191/92 г. В данном случае уточнение хронологических рамок бытования термина принципиально важно: в договоре гривна серебра фигурирует наряду с *гривнами ветхих кун*, в связи с чем ее нередко трактовали и до сих пор трактуют как новую единицу, возникшую в конце XII в. Грамота № 915 окончательно убеждает в том, что это не так.

Не сразу было должным образом оценено и употребление в грамоте № 644 (нач. XII в.) термина *золотникъ* (в значении единицы веса). Ученые XVIII–XIX в., начиная с В.Н. Татищева, широко использовали это понятие, измеряя серебряный эквивалент гривны как денежной единицы. Впоследствии эта практика была оставлена из-за сомнений в правомерности экстраполяции на домонгольскую эпоху позднего русского фунта и золотника как его подразделения. Грамота показала, что сомнения были напрасны; реабилитированный золотник сейчас возвращается на страницы работ по ранней русской нумизматике (см., например: Комар А. В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах. Т. 9. Киев; Харьков, 2010–2011. С. 131–184).

Ярким примером того, как новая информация, извлекаемая из берестяных грамот, оказывается невостребованной специальными историческими исследованиями, может служить вопрос о соотношении куны и гривны. Из двух берестяных документов второй половины XII в. (№ 663) и середины XIII в. (№ 293) с полной определенностью следует, что в это время куна и гривна находились между собой в Новгороде в отношении 1:25, свойственном краткой редакции Русской Правды (КП). О сохранении денежной системы КП говорит и использование в одних и тех же расчетах куны и резаны, свидетельствуемое целым рядом грамот XII–XIV вв. Тем самым опровергается традиционный тезис, согласно которому соотношение 1:25 сменилось в XII в. соотношением 1:50, фиксируемым Пространной Правдой (ПП). Значение этого обстоятельства по достоинству оценил лишь А. П. Толочко, парадоксальным образом использовав его для обоснования трактовки КП как новгородской подделки начала XV в. (Толочко А. Краткая редакция *Правды Руской*: происхождение текста. Київ, 2009. С. 26–36). Между тем, если остаться при датировке памятника XI в. (для чего есть все основания), следствия будут совсем другими. Коль скоро денежная система ПП не сменила в Новгороде системы КП, надо полагать, что она действовала где-то за его пределами и что распределение двух вариантов денежного счета было региональным, а не хронологическим. В самом деле, отсутствующее в Новгороде отношение куны к гривне 1:50 обнаруживается в уставной грамоте Смоленской епископии (1136 г.) (см.: Бауэр Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. М., 2016. С. 216); оно вполне могло быть актуально и для Южной Руси. При этом, поскольку процесс инфляции меховых денег должен был носить общерусский характер, мы вправе предполагать не только существование в Новгороде в XII в. 25-кунной гривны, более

легкой, чем синхронная ей 50-кунная гривна ПП, но и существование в XI в. 50-кунной гривны, более тяжелой, чем гривна ПП.

Сложность интерпретации денежной терминологии берестяных грамот наглядно иллюстрирует история термина *семница*, надежно представленного двумя документами XIII в. (№ 218 и № 349) и еще в двух (№ 219 и № 355) опознаваемого предположительно. В.Л. Янин увидел в этом термине одно из свидетельств возникновения в Новгороде в XIII в. системы семиричного членения гривны, какое-то время сосуществовавшей со старым счетом, основанным на кратности пяти (Янин В.Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 3. М., 1970. С. 165–166). Допуская, что семницей могла называться седьмая часть гривны, он склонялся к отождествлению ее с «гривной по 7 ногат», упомянутой в грамоте № 410. Как выяснилось в дальнейшем, данное сочетание было выделено в грамоте ошибочно – в действительности в тексте фигурирует *по 6 ногато намь*, то есть ‘процент по 6 ногат’. В новейшей работе В.Л. Янина и Е.А. Рыбиной *семница* по-прежнему рассматривается как элемент семиричной системы счета, но уже в значении ‘седьмая часть гривны’. Это значение действительно хорошо подходит к контексту грамоты № 218, упоминающей *по семнице намъ* ‘процент по семнице’: размер процента 1:7 (14 %) выглядит вполне реалистично. Но верно ли, что *семница* – это ‘седьмая часть’? Не следует ли видеть в этом слове обозначение *7 резан*, названных в качестве нормы процента в грамоте № 293 (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 474) и составляющих от гривны те же 14 %?

На этот и другие вопросы, связанные с соотношением упомянутых выше единиц денежного и весового счета, проливает свет найденная в 2015 г. грамота № 1073, разбор которой будет предложен в докладе.

В.И. Дурновцев (Москва)

Экологическая история как университетский проект и его значение для развития вспомогательных и специальных исторических дисциплин

Переход на двухуровневую систему высшего образования в Российской Федерации поставил перед образовательными учреждениями немало тесно связанных между собой организационных и содержательных задач. В их числе – разработка и реализация в учебном процессе магистерских программ. По крайней мере, существуют два пути их более или менее успешного разрешения. Первый лежит на поверхности и заключается в углублении за счет магистратуры профессиональной подготовки бакалавров по ранее определившимся профилям. Обучающиеся в магистратуре обнаружат в учебных планах в сущности прежние учебные дисциплины, но под другими названиями, несколько обогащенные новыми разделами, а матрица останется неизменной. В аудиторию к ним придут те же преподаватели. Пригодятся и старые конспекты. Не исключено, что уже защитившиеся выпускные квалификационные работы безболезненно будут переформатированы в магистерские диссертации. В конечном счете, рынок труда получит в результате не магистров, но старых и добрых специалистов с той только разницей, что времени (шесть лет вместо пяти) и денег (своих и бюджетных) на них будет затрачено куда больше, чем прежде.

В случае, если будущие магистранты окончили бакалавриат по не совпадающим с их выбором профилям или направлениям подготовки, им пред-

стоит в ускоренном режиме освоить новые для них дисциплины бакалавриата, а в сущности в т.н. вариативной части изучить одну дисциплину, правда, под другим названием. Конечно, речь идет о худшем выборе среди возможных вариантов движения по первому пути, хотя он отнюдь не исключен и даже подтвержден существующими практиками. Ответственные за подготовку магистрантов кафедры цепко держат в своих руках номенклатуру учебных планов и содержание программ, что понятно, объяснимо и не нуждается в каких-либо комментариях.

Второй путь заключается в решительном обновлении направленности и содержания магистерских программ по сравнению с прежней, бакалавриатской подготовкой, что позволяет вывести обучающихся на новые рубежи в той или иной отрасли науки, естественно, перспективные и с точки зрения требований рынка.

Ниже предлагается концепция принципиально нового образовательного продукта в гуманитарном образовательном пространстве – магистерской программы, соответствующей федеральному государственному стандарту высшего образования по направлению подготовки 46.04.01. – История. Рабочее название магистерской программы – «Экологическая история: источники, методы и исследовательские практики (Россия – Запад)».

Проект отличается последовательным практико-ориентированным подходом к подготовке обучающихся, учебный план основан на взвешенном сочетании фундаментального теоретического знания и практических навыков, диффузии исторических, шире, гуманитарных, естественных и технических наук. Безусловная междисциплинарная (трансдисциплинарная, мультидисциплинарная) направленность проекта определяется пограничным положением экологической истории – истории взаимоотношений между человечеством и остальной природой, а значит ориентации на достижения и потенциал естественных, технических и гуманитарных наук.

Экологическая история (Environmental History) (буквальный перевод – история окружающей среды, а как вариант, не совпадающий с версией на английском языке, но точно выражающий объект изучения – взаимоотношения человека и окружающей его среды во времени) принадлежит к одному из магистральных направлений современной мировой историографии.

Истоки экологической истории легко обнаруживаются в классической историографии, которая окружающую среду рассматривала как важный фактор исторического развития, а порой ею определяла все сколько-нибудь значимые исторические явления, события и факты. Географический детерминизм мог сужаться до климатического детерминизма, на нынешние проявления которого время от времени обращает внимание современная историография (Клименко В.В. Климат: непрочитанная глава истории. М., 2009).

Тем не менее, односторонний процесс воздействия природно-географических факторов на человеческую историю, характерный для отдельных периодов развития классической историографии, преодолевается экологической историей. Контрапунктом исследовательского внимания экоисториков является взаимодействие, взаимные отношения человека, общества, государства и окружающей их природно-географической среды.

Экологическая история – важнейший компонент глобальной истории (Global History), глобальный эколого-исторический анализ вполне соизмерим с межкультурным взаимодействием и распространением, крупномасштабной экономикой и социальной историей.

«Глобальная история – это междисциплинарная область исследований, предметом которых являются социально-исторические процессы планетарной значимости, – современный исследователь Т.Л. Шестова, – Используя достижения палеонтологии, генетики, климатологии, эпидемиологии, демографии, лингвистики и многих других дисциплин, глобальная история создает картину истории человечества в контексте планетарной социоприродной динамики. Глобальную историю часто называют наднациональной историей, т.к. она изучает процессы, актуализированные не в рамках национальных государств (что характерно для классической историографии), а в масштабах всего человечества. Если всемирная история ориентируется, главным образом, на Событие, то глобальная история – на Процесс… Классическая историография рассматривала среду как важный фактор исторического развития. Глобальная история исследует, как изменения природного мира (климата, рельефа, уровня моря, флоры и фауны и т.д.) повлияли на те или иные процессы в истории человечества» ([Электронный ресурс] – URL: http:// www.fgp.msu.ru).

Известна и многократна исследована роль Ф. Броделя в становлении глобальной истории ([Электронный ресурс] – URL: http://www.socionauki.ru/book/files/ygi/077-082.pdf). По его убеждению, геологические, биологические, климатические, эпидемиологические, демографические изменения в процессе реконструкции социально-исторической реальности должны занять подобающее им в соответствующих временам исторической деятельности (Longue Durée, Moyenne Durée, Courte Durée).

От изучения одностороннего воздействия природы и климата на людей, географического детерминизма, до глобального анализа их взаимодействия в прошлом – таково одно из историографических направлений экологической истории, сопровождающийся соответствующими источниками и информационными ресурсами. Но историко-экологическая проблематика, конечно, не замыкается на глобальной истории и тем более ею не ограничивается. Скорее, напротив. Дж. Р. МакНилл подчеркивает: «Экологическая история настолько междисциплинарна, насколько интеллектуальное занятие может быть таковым. Те, кто занимается ею, находят зерно для своих мельниц в урожаях самых разных дисциплин, от антропологии до зоологии. Границы между дисциплинами и между жанрами в пределах каждой дисциплины никогда не бывают четкими и непроницаемыми. В случае же экологической истории они особенно размытые и пористые» (Человек и природа: экологическая история. СПб., 2008, С. 29). Экологическая история обнаруживает свое присутствие там и тогда, где и когда наблюдатель может зафиксировать и проследить взаимные связи человеческой истории и природы.

Особенно существенными являются региональный, локальный уровни изучения историко-экологических проблем, как и необходимые ограничения в хронологии и в тематике (Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. М., 2006).

Больше того, исследования частного характера могут быть и привлекательнее, и эффективнее по результатам, чем глобальные историко-экологические темы. Взаимодействие социокультурных и природных феноменов на провинциальном и национальном уровне в таких странах, как Россия, на различных этапах ее исторического движения прослеживается вполне определенно и отражено как в современных исследованиях (см., напр.: Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований. Мат-лы междун. науч. конф. Елабуга, 2014), так и в науке русской истории в целом.

Еще С.М. Соловьев, подчеркивая могущество «средства сравнения, а следовательно и уяснения», высказал идею об основных факторах общественного развития – «природы страны», «природы племени» и «хода внешних событий». «Природные формы» предопределяют «занятия» людей, т.е. их производственную деятельность, которая, в свою очередь, формирует их этнический облик и детерминирует социально-политические отношения. Историк не раз возвращался к мысли о могущественном значении природной и географической среды в истории человечества, но одновременно с этим развивал и тезис об обратном воздействии общества на природу. С.М. Соловьев писал о могуществе влияния «собственно исторических условий», которые «действуют и в жизни отдельного человека: среда, где он родился и действует, способности, с какими родился, и воспитание, им полученное, принимая воспитание в самом обширном смысле, т.е. совокупность явлений, действовавших в том или другом смысле на физическое или духовное развитие человека». Его отдельные общности, как и человек, развиваются «сами из себя по известным законам», но подобно ему испытывают воздействие природно-климатических и социально-исторических условий, в которые они с самого начала были поставлены. Это предполагает активную, созидательную, творческую деятельность и человека, и данной общности, их активное участие в преобразовании природы и в изменении социально-исторических условий существования. К тому же в природе человека и в природе его племени (общества) предусмотрены такие свойства, которые делают их устойчивыми к воздействиям окружающей их географической или социально-исторической среды. Эти свойства идут от «родоначальника», являются неизменными, передаются по наследству, составляют «народный образ». В «природе племени» есть, следовательно, нечто неизменное, органичное, но не статичное, а развивающееся по законам, общим всей природе человечества. Внешние факторы – природно-географическая и социально-историческая среда – образуют, в свою очередь, особенные условия, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого. Идея органичности исторического процесса получает в «теории факторов» Соловьева законченное выражение как раз потому, что именно этнографические условия, «природа племени» кладутся им в основание человеческой истории (см. подробнее: Дурновцев В.И. На путях к экологической истории (историографические наблюдения) // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: мат-лы XXIII межд. науч. конф. М., 2011).

Экологическая история как новое научное направление в системе исторических наук заявила о себе вначале в США на рубеже 60-х – 70-х гг. XX в., а затем – вполне достойно – в европейской историографии. Положено начало историко-экологическим исследованиям и в России, в том числе на институциональном уровне (Центр технологической и экологической истории в ВШЭ (Санкт-Петербург), Центр экологической истории в Казанском федеральном университете, Елабужский институт), чего нельзя сказать об образовательных практиках. Экологическая история как учебная дисциплина отсутствует даже в направлениях подготовки «Экология и природопользование» по программам бакалавриата и магистратуры. В настоящее время только в Санкт-Петербургской школе социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ реализуется международная магистерская программа на английском языке по прикладной и междисциплинарной истории «Актуальное прошлое» (International MA program in Applied and Interdisciplinary history “Usable Pasts”). Одна из дисциплин программы – экологическая и технологическая история.

Именно в области экологической истории отчетливо преодолеваются границы, отделяющие гуманитарные и естественные науки. Междисциплинарные подходы и методы исследования становятся всеобъемлющими. При изучении исторического процесса учитывается вся совокупность эндогенных и экзогенных факторов, т.е. естественно-природных, планетарных, космических, всеобщих и локальных условий собственно человеческой истории.

Экологический историк, ориентируясь в физической географии, биологии, экологии, не претендует стать экспертом в этих областях. Он остается историком, использующим инструментарий, методы, наконец, источники информации естественных наук. А значит источниковедение, экологическое источниковедение (термин впервые введен в Е.И. Гололобовым), включает в предмет своего исследования не только исторические информационные ресурсы о человеке и обществе, но в равной степени и исторические данные о преобразованной, но не зарегистрированной «традиционными источниками» природной среде, и тем более данные о непреобразованной природной среде.

Экологическая история существенно расширяет дисциплинарные интересы исследователей за счет географии, геофизики, биологии, ботаники, экологии – и не только. В поле зрения экоисториков данные и методы палинологии, дендрохронологии, гляциологии, фенологии. И тогда, с точки зрения институализации и структуризации реальной историографии, такие научные направления, как историческая климатология, историческая метеорология и многие другие, можно определить, как специальные исторические дисциплины в системе исторических и естественных наук, обеспечивающие существование и развитие междисциплинарных исследований.

Разумеется, историко-экологическая проблематика влечет за собой более широкую академическую подготовку историков. Но точно так же специалисты в области естественных наук, встающие на путь экоистории, решая специфические исторические задачи, неизбежно должны в необходимом для них объеме осваивать профессию историка, методы исторического исследования, вовсе не претендуя на замещение истории той или иной эпохи – экономической, культурной, социальной – результатами своей работы.

Практико-ориентированность магистерской программы обусловливается основными направлениями внутри экологической истории: материальные феномены, т.е. изучение изменений и влияния на людей в биологических и физических средах, политические – со своими понятными информационными ресурсами, наконец, культурно-интеллектуальные, в границах которого обращается особое внимание на репрезентации и изображения природы в искусстве и литературе, на то, как они менялись и что они говорят нам о людях и обществе, их породивших.

Заманчивые перспективы открываются для развития культурно-интеллектуального направления экологической истории России при обращении к осмыслению грандиозного опыта изучения репрезентации природы – ландшафта и животного мира, в первую очередь, но не только – вспомогательными историческими дисциплинами. Тут особое значение приобретает анализ в историко-экологическом аспекте символико-эмблематической группы вспомогательных исторических дисциплин – геральдики, эмблематики, сфрагистики, нумизматики, бонистики, медальерики, вексиллологии, фалеристики (Пчелов Е.В. Вспомогательные исторические дисциплины – фундаментальные гуманитарные науки// Вспомогательные исторические дисциплины в современном начном знании: мат-лы XXV Междун. науч. конф. М., 2013. Ч. 1.

С. 114). Эмблематика и геральдика и, прежде всего, ее важнейшая часть – животный и растительный мир – являются заметным источником по истории архаичных естественнонаучных представлений (Пчелов Е.В. Экзотические животные в эмблематике Московского царства: естественнонаучные представления и их символическая интерпретация // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2010. М., 2011. С. 128–130; Он же. Эмблематика и геральдика как источник по истории естественнонаучных представлений// Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, посвящённая 80-летию ИИЕТ РАН, 2012. Т. 1. М., 2012. С. 168–171).

Вяч. Вс. Иванов в предисловии к работе Е.В. Пчелова «Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. (М., 2011) обращает внимание на удачный опыт автора по освоению сравнительно новой темы – зоосемиотике в применении к набору знаков, использовавшихся в древнерусской культуре и официальной символике русских государственных образований, эмблематике и геральдике. При этом фиксируются пространственные и временные обстоятельства, характеризующее место и дату их наиболее раннего появления и последующих функций (Там же. С. 5). История знаков в русской культуре – это и история, и что думали люди об окружающей их природной среде, как визуализировалась и отражалась она в русской культурной традиции.

Ю.Э. Шустова, определяя место вспомогательных исторических дисциплин в современном гуманитарном знании и образовательной модели, обращает внимание на существенное обновление предмета и содержания хронологии. «Хронология сегодня… является областью пересечения гуманитарных, естественных и точных дисциплин, и изучая "историческую", социальную, культурологическую природу времени не может развиваться без знаний современной физики, астрофизики, астрономии, биологии, психологии, математики. В этом ее уникальном месте среди наук о человеке и природе кроются колоссальный потенциал развития и возможности получения нового знания о человеке» (Шустова Ю.Э. Вспомогательные исторические дисциплины в современном гуманитарном знании и образовательной модели // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Мат-лы XVIII науч. конф. М., 2006. С. 437–452).

Включение предметной области вспомогательных исторических дисциплин в проблемное поле экологической истории открывает новые перспективы их развития и междисциплинарного сотрудничества, существенно повышает их научный статус в современном в социогуманитарном и социоприродном знании, расширяют научный кругозор обучающихся.

Одним из примечательных результатов оформления (после длительных и плодотворных исследований на конкретно-историческом и историософском уровнях взаимосвязей человеческого и нечеловеческого миров, так сказать, доэкологической или предэкологической истории) и институирования экологической истории стало то, что первые экоисторики перешли границу, отделяющую их проблематику от классической историографической традиции. Природа во многих случаях стала главной сценой в историческом повествовании. Исследовательское пространство заметно обновилось, хотя его границы остаются расплывчатыми и легко проницаемыми. Но именно это привлекло внимание к экологической истории тех, кого трудно было изначально отнести к ее подвижникам. Среди них было немало исторических

географов. При этом собственно экоистория оказалась в непростом положении – интеллектуальном долгу перед слишком близкими к ней областями. И в первую очередь – перед исторической географией.

Дж. Р. МакНилл отмечает, что границы, отделяющие экологическую историю от исторической географии, являются, пожалуй, самыми нечеткими, что их предмет по существу один и тот же, а различия касаются главным образом стиля, нюансов и техник. В общем, и исторических географов и экоисториков объединяют примерно одни и те же вопросы (Человек и природа. С. 29. См. также: Williams M. The relations of environmental history and historical geography // Journal of Historical Geography. № 20. 1994).

Основным на недавней международной конференции исторических географов ([Электронный ресурс] – URL: http://www.ichg2015.org/wp-content/uploads/ICHG-2015) (подробнее см. статью И.Г. Коноваловой, опубликованную в материалах настоящей конференции) стал доклад «Историческая география как международная дисциплина», с которым выступил Алан Бейкер, автор хорошо известной научному сообществу монографии «География и история: Преодоление разрыва», в котором нашлось место и блестящему эссе о взаимоотношениях исторической географии и экологической истории (Alan H. R. Baker. Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge, 2003).

Показательно, что на конференции современному состоянию и перспективам взаимодействия исторических и географических дисциплин посвятил свою лекцию видный экологический историк Уильям Кронон.

Тематическое разнообразие сессий, панелей, докладов лишний раз подтвердило, впрочем, и ранее очевидное – историческая география не только интернациональна, но по определению занимает ведущие позиции в концептуально-методологических и конкретно-исследовательских направлениях, реализующих основополагающие принципы современного социогуманитарного и естественнонаучного знания. Многие выступления продемонстрировали новые и даже неожиданные перспективы исследований интердисциплинарного (междисциплинарного) характера, скажем, феминистская историческая география.

Аккумулируя множество определений предмета исторической географии, учитывая традиционные и новые направления исследовательских практик, прозрачные дисциплинарные границы, разнообразные формы и жанры репрезентаций, авторитетный ежеквартальный «Журнал исторической географии», отметивший в 2015 г. 40-летие, представляет предмет исторической географии как изучение прошлого с географической точки зрения. Это ведет, как минимум, к органичному сочетанию антропологического и географического сегментов исторической географии, феноменальной широте проблематики, безусловной междисциплинарности в подходах, интеллектуальной поддержке родственных или союзных областей научного знания.

Констатация пространственного поворота в истории означает, при сохранении традиционной проблематики, усиление внимания к месту, пространству, окружающей среде, что влечет за собой обновление источниковой базы, обогащение методов исторического анализа, а также, по нашему мнению, преодоление ограниченности политико-государственных и персоналистских подходов к истории, и шире – ее чрезмерной антропологизации, анахронизму в некоторых сохраняющихся представлениях об информационных ресурсах исторической науки. Широкий и комплексный, а главное, современный, соответствующий реалиям научного познания подход к историческому исследованию означает включение в него, наряду с экономическими, культурными,

социальными и политическими факторами, биофизического мира.

Со времени своего оформления экологическая история пользуется неизменным вниманием исторических географов. В свою очередь, экоисторики, многие из которых, особенно на заре экологической истории, были – и остаются – в значительной мере историческими географами, в поиске корней нового научного направления, в разработке ее методов, научной критики источников, уточнении дисциплинарного статуса апеллируют к историографическим традициям и новациям исторической географии. При этом дело не ограничивается одними реверансами в сторону друг друга, о чем, в частности, свидетельствует дискуссия, развернувшаяся в свое время на страницах «Журнала исторической географии».

Речь, в частности, идет о границах дисциплинарности и междисциплинарности в исторической географии и экологической истории. О связях никто не спорит. Вопрос в другом: эти связи могут укрепляться при преодолении границ, с одной стороны, вплоть до неразличимости, с другой стороны, дисциплинарной сосредоточенности. При этом не обходится историческими географами и вопрос об уровне историко-географической и географической подготовки экоисториков. Исторические географы, кажется, больше склонны работать в жанре экологической истории, чем экоисторики в сфере исторической географии. Они не в меньшей мере, чем экоисторики, озабочены проблемами взаимоотношений человека и окружающей среды в прошлом.

Изучение характера, содержания и перспектив междисциплинарного взаимодействия исторической географии и экологической истории актуальны для развития этих научных направлений во всех странах, и не в последнюю очередь в России. Если историческая география имеет богатую историографию, блестяще представленную исследованиями, соответствующую во все времена мировым стандартам, то историографические проблемы экологической истории в значительной мере обусловлены опытом, если угодно, предэкологической или доэкологической истории.

В известных лекциях С.М. Середонин давал определение, которое предвосхитило будущее науки: «Предмет исторической географии – изучение взаимных отношений природы и человека в прошедшем. Как изменил человек природу, с одной стороны, как повлияла она на физическую и духовную организацию, с другой стороны, – вот вопросы, на которые должна бы ответить историческая география». Но, продолжал ученый, современный уровень знаний не позволяет исторической географии решать такие масштабные вопросы, и приходится определять предмет исторической географии у́же (Середонин С.М. Историческая география. Лекции, читанные в Имп. археол. ин-те. Пг., 1916. С. 1).

Возможно, что словосочетание «историческая география окружающей среды» удачно корреспондируется со сбывшимся прогнозом российского ученого.

«Старая» историческая география рассматривала природную среду, выразимся осторожно, по большей части стабильно, стационарно, считая ее прочным незыблемым фундаментом для меняющейся человеческой деятельности. Понятие о том, что окружающие среды менялись и что человеческая деятельность меняла их таким образом, который, в свою очередь, оказывал определяющее влияние на жизнь людей, связано в конечном счете все-таки с экологической историей. Теперь ситуация иная: изменение окружающей среды в результате деятельности человека является важным направлением деятельности представителей «новой исторической геогра-

фии». И в самом деле, различия между экологической историей и исторической географией, если не считать понятийного аппарата, отдельных дисциплинарных этикеток, становятся малозаметными и даже проблематичными. И формула «экологическая историческая география», как представляется, подводит предварительный итог имеющимся опытам разграничения между экоисторией и исторической географией. Другой вопрос: в какой мере, в каком объеме и качестве в исследовательских практиках «новой экологической истории» учитывается пространственный поворот в научном историческом познании? (The Oxford handbook of environmental history / edited by Andrew C. Isenberg (Oxford handbooks): N.-Y., 2014. P. 52−53). И еще: в какой форме этот поворот должен отражаться в образовательных практиках, в первую очередь на уровне магистратуры?

Разумеется, историко-экологическая проблематика влечет за собой более широкую академическую подготовку историков. Но точно так же специалисты в области естественных наук, встающие на путь экоистории, решая специфические исторические задачи, неизбежно должны в необходимом для них объеме осваивать профессию историка, историка искусства, филолога, культуролога, методы гуманитарных наук, вовсе не претендуя на замещение истории той или иной эпохи – экономической, культурной, социальной – результатами своей работы. Для экологической истории, отчетливого междисциплинарного научного направления, одинаково важны как история климата, лесного хозяйства, технологий, так и художественное осмысление природы.

Например, система пейзажных образов в русской поэзии. Эта тема столь же необъятна, как и литература ей посвященная и без преувеличения насчитывает сотни наименований. М.Н. Эпштейн открывает этот внушительный список известным трехтомным трудом А.Н. Афанасьева, а его выводы в результате системного изучения пейзажных образов русской поэзии от В. Тредиаковского до поэтов наших дней именно в контексте экологической истории представляется особенно убедительными.

Поэзия «всегда остается связующим звеном между природой и остальным миром… Связи человека с природой теперь гораздо более опосредованы культурой и цивилизацией, чем раньше, но соответственно усложнился и язык поэзии… Речь идет о системно-целом, можно сказать экологическом, подходе не только к природе, но и к поэзии природы, в естественном «круговороте» и «взаимосплетении» всех ее текстов и творческих индивидуальностей, связанных корневой системой национально-художественного мышления. Подобно тому, как пейзажная поэзия учит нас целостному постижению природы и способствует нашему экологическому воспитанию, так изучение пейзажной поэзии должно подвигнуть литературоведов на столь же органически целостный, экологически чистый подход к своему предмету – литературе… Мир национальной поэзии столь же целен и неделим, как мир национальной природы. В нем все органически сочленено, и требует бережного вдумчивого отношения. Все мы знаем, что части природы взаимосвязаны, истребление какого-нибудь одного вида животных или насекомых может привести к необратимым последствиям для всего биоценоза данной местности. Если бы мы научились столь же мудрому, осмотрительному подходу и к явлениям культуры, взяли бы методы глобальной экологии как образец постижения поэзии! Биология и экология уже приучились к системному рассмотрению природы в ее глобальных взаимосвязях – нам представлялось целесообразным распространить такой подход и на поэзию природы, которая вездесущностью, повторяемостью

своих мотивов как бы следует законам живой, усложняющейся, но непрерывной материи. Нас особенно радовали связи между поэтическими явлениями, находящимися на большом историческом расстоянии друг от друга, подобно тому как для системного подхода в экологии не являются помехой географические расстояния: удаленность элементов друг от друга подтверждает силу их взаимозависимости, единство экосистемы. Таким образом, не только поэзия помогает экологии, воспитывая интуитивную, сверхрассудочную любовь к природе, но и экология способна содействовать поэзии, направляя исследователей и преподавателей на путь ее постижения как нерасчленимой духовной среды обитания. Цель – сохранить поэзию как целое, как природное национальное богатство… Порою кажется, что природа – это какая-то древняя цивилизация, достигшая такого совершенства, что ей уже не нужна стала история (Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.,1990).

Естественными являются требования во многих европейских и американских университетах к студентам, собирающимся специализироваться по экологической истории. Например, магистерская программа университета Упсала предусматривает для поступающих наличие степени бакалавра по основной области исследования на факультете искусств, факультете социальных наук и факультете естественных наук, или, как эквивалент, факультете технологии. По результатам выполнения программы выпускники получают степень магистра искусств по основной специальности – глобальной экологической истории.

Конечно, в экоисторических проектах далеко не всегда произведения литературы и искусства занимают то место, которое они заслуживают. Настоящая экологическая история там и тогда, когда три исследовательских направления, ее составляющие, на методологическом, источниковедческом и конкретно-исторических уровнях находятся в нерасторжимой связи и взаимообусловленности. Наука и искусство – равноправные партнеры в экоистории, проблемы которой они могут не только решать в соответствии с ролью, отведенной им в постижении исторической реальности, но и совместными объединенными усилиями, в том числе в области культурной географии, гуманитарной географии и, конечно же, в сфере географии искусства.

Реализацию магистерской программы «Экологическая история: источники, методы и исследовательские практики (Россия – Запад)» предполагается осуществить в Российском государственном гуманитарном университете на базе факультетов и научных центров Историко-архивного института с привлечением других вузовских структурных подразделений – института экономики, управления и права (юридический факультет, экономический факультет, факультет управления), факультета истории искусств.

Обучение по программе планируется осуществлять по очной и очно-заочной формам обучения, на бюджетной и коммерческой основе. В процессе разработки программы обеспечивается тщательный учет аналогичных образовательных продуктов в зарубежных университетах. Соответствие международному уровню подготовки магистрантов в области экологической истории позволит РГГУ осуществлять взаимодействие с передовыми научными, образовательными и культурными институциями за рубежом.

Концепция проекта в полной мере отвечает миссии РГГУ как ведущего отечественного научно-образовательного центра в области гуманитарных, социальных и информационных наук. Проект соответствует одному из актуальных направлений современной исторической науки – изучению взаимо-

действия человека и природы во времени. Партнерами в реализации программы могут выступить Институт истории естествознания и техники РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Архив РАН, Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Объектами профессиональной деятельности обучающихся являются исторические процессы и явления в их природных, социокультурных, политических, экономических измерениях и их отражение в источниках по истории взаимодействия человека, общества и природы.

Актуальность подготовки магистров, свободно ориентирующихся как в гуманитарных (исторических), так и естественнонаучных и научно-технических проблемах взаимодействия человека, общества, природы и защиты окружающей среды, определяется их способностью по результатам освоения программы комплексно изучать влияние на людей изменений в биологических и физических средах, осмысливать отражение природы в философии, искусстве, литературе, исследовать государственную политику по отношению к природе. Реализация проекта полностью или частично возможна, с соответствующими коррективами, в таком широко распространенном направлении магистерской подготовки, как «Экология и природопользование».

Структура программы магистратуры включает обязательную (базовую) и (вариативную) части и состоит из следующих блоков:

Блок 1 «Дисциплины (модули)», который включает дисциплины (модули), относящиеся к базовой части программы с учетом примерной основной образовательной программы и дисциплины (модули), относящиеся к ее вариативной части. В число планируемых учебных дисциплин и соответственно рабочих программ входят Глобальная экологическая история, Экологическая история и историография России, Основы современного естествознания, История науки и техники, Историческая география, Историческое краеведение, Историческая экология, Экологический менеджмент, Экологическое право, Экологическая безопасность и устойчивое развитие, Историческая информатика, Математические методы в историко-экологических исследованиях, Интернет-ресурсы экологической истории, Геоинформационные системы (ГИС) в историко-экологических исследованиях и управлении природопользованием, Вспомогательные исторические дисциплины, Специальные исторические дисциплины экологической истории, Археология, Источники природного и культурного наследия в Архивном фонде Российской Федерации, История государственных учреждений и общественных организаций России в сфере экологии и природоохранной деятельности, Образы природы в изобразительном искусстве и литературе, История культурного ландшафта.

Блок 2 «Практики, стационарная и производственная, в том числе научно-исследовательская работа (НИР)». Предусматривается участие обучающихся в летних школах по истории окружающей среды, в том числе за рубежом, историко-экологических экспедициях, международных программах студенческого обмена и исследовательских сетей, созданных сотрудничающих с магистерской программой учреждений.

Блок 3 «Государственная итоговая аттестация».

В мировом образовательном пространстве многие десятки университетов осуществляют подготовку специалистов в области экологической истории на всех уровнях высшего образования с разнообразными формами обучения, самостоятельной работой и в тесной связи с деятельностью объединений эко-

сториков. Среди последних выделяются Американское общество экологической истории (The American Society for Environmental History, http://aseh.net) и Европейское общество экологической истории (The European Society for Environmental History, http://eseh.org/). Университетские центры экологической истории включают развернутые программы историко-экологического образования. Среди них: Университет Канзаса (http://history.ku.edu/environmental-history), Йельский университет (http://environmentalhistory.yale.edu/programs/yale-websites-and-programs), Австралийский национальный университет (http://history.cass.anu.edu.au/ http://ceh.environmentalhistory-au-nz.org/), Джорджтаун-колледж (http://college.georgetown.edu/ https://history.georgetown. edu/doctoral-program/environmental-history), Ноттингемский Университет (http://www. educationindex.ru/course/university-of-nottingham/environmental-history-law-education-and-social-sciences), Университет штата Орегон (http://www.uoregon. edu/https://envs.uoregon.edu/graduate/masters/mastersabout/), Нельсон институт экологических исследований (http://www.nelson.wisc.edu/graduate/culture-history-environment/index.php), Университет Уппсала (http://www.uu.se/en/admissions/master/selma/program/?pKod=HEH2M&lasar=15/16), Сент-Эндрюсский университет (Шотландия) (www.st-andrews.ac.uk/history/postgrad/taughtpostgrad/enviro.html), Кембриджском университете (http://www.hist.cam.ac.uk/directory/subject-groups/world-history). Один из выразительных примеров постановки историко-экологического образования в мире – Университет Висконсин-Мэдисон (http://www.williamcronon.net).

Экологическая история, ее источники, методы и практика, в полном смысле слова, междисциплинарный исследовательский и образовательный проект. Учебные дисциплины так или иначе охватывают три тематических направления экоистории – окружающую среду, воздействие человека на нее и человеческую мысль о ней. В одном случае историк по большей части удовлетворяется традиционными методами научно-исторического исторического познания, но в других необходимым образом осваивает методы естественных и технических наук, правда, в несколько облегченной, но вполне достаточной версии. Экоистория – это и собственно история, и основы естествознания, в первую очередь экология. Отсюда овладение, в допустимых объемах, методом датирования биологических остатков, предметов и материалов биологического происхождения путем радиоуглеродного анализа. Экоисторик должен ориентироваться в методах исследования экологической истории техники – совокупности экологических характеристик эволюции техносферы как единого социотехноприродного процесса взаимодействия человека, общества и природы. Свои особенности в методах прикладной экологии, структурированной на промышленную, транспортную, строительную, военную, сельскохозяйственную, биоресурсную и промысловую, медицинскую и др. В особую группу выделились методы экологического, биологического мониторинга.

Выпускники магистратуры могут работать в государственных учреждениях, в том числе структурах Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, соответствующих учреждениях в субъектах Российской Федерации, аналитических и консалтинговых центрах, органах муниципального управления, образовательных учреждениях, научно-исследовательских, проектно-изыскательских структурах. После успешного выполнения программы выпускники будут обладать знаниями и навыками, достаточными для обучения в аспирантуре и создания академической карьеры.

Исключительная популярность программ подготовки экологических историков в Европе и США и отсутствие их в России позволяет утверждать, что магистры в области экологической истории могут успешно развивать соответствующие проекты как в российском образовательном пространстве, так и в странах СНГ. При этом следует иметь в виду пристальное внимание экоисториков Западной Европы и США к экологической истории России, которое в некоторых отношениях является интеллектуальным вызовом российской науке.

С.В. Зверев (Москва)

Денежные дворы приказа Большой казны в конце XVII – начале XVIII в.

Общую характеристику работы четырех денежных дворов (трёх серебряных и одного медного), находящихся в конце XVII – начале XVIII в. в ведении приказа Большой Казны дал И.Г. Спасский в книге «Русская монетная система» (М., 1970. С. 161–162). Первую работу по их истории опубликовал В.А. Дуров (Дуров В.А. Денежные дворы приказа Большой Казны в конце XVII – начале XVIII в. // Памятники русского денежного обращения XVIII – XX вв. (Нумизматический сборник. Ч. VII; Труды ГИМ. Вып. 53). М., 1980. С. 7–36). Он точно определил начало работы трёх денежных дворов, где по старой технологии вручную чеканили серебряные копейки на кусочках расплющенной проволоки. С весны 1697 г. работал Красный денежный двор в Китай-городе в специально построенных палатах «позадь Казанские Богородицы». В 1700 г. был создан Новый денежный двор в здании бывшего Земского приказа на Красной площади. По указу от 14 октября 1701 г. был оборудован третий денежный двор в Московском Кремле в палатах «под Набережным садом», по соседству с созданном в конце 1699 г. медном монетным двором, где с 1700 г. машинным способом делали круглые монеты европейского образца достоинством в денгу (½ копейки), полушку (¼ копейки) и полполушки (только в 1700 г.).

В нумизматической литературе как бы подразумевается, что до 1697 г. чеканка монет велась на Старом денежном дворе в Московском Кремле, в тех же палатах, где позднее было организовано производство медных монет. Но составленная в июле 1699 г. опись «ветхого строения» Старого денежного двора в Кремле показывает очень большие разрушения и повреждения, которые не могли образоваться за два года. Развалились плавильные горны и печи, отсутствовали окна, выломаны лестницы, растрескались своды и т.п. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 33920). Очевидно, что в этом здании много лет работа не велась.

Фактически местоположение денежного двора в Москве до 1697 г. пока остается не известным. Но в смете доходов приказа Большой Казны за 1701 г. отмечено поступление денег «за продажной Старой денежной двор» (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1–2. М., 1872. С. 298). Продажа двора в частные руки исключает Кремль, где здание могло быть передано лишь в иное ведомство. Также есть основания исключить Китай-город, поскольку сохранившаяся опись 1695 г. фиксирует на его территории только казенный Печатный двор, а Денежный не упоминает (Зерцалов А.Н. Московский Китай-город в XVII веке. По описи 1695 г. М., 1893). Возможно Старый денежный двор находился в Белом городе или Замоскворечье.

Документы начала XVIII в. позволяют уточнить периоды работы денежных дворов приказа Большой Казны, которые были созданы в связи с увели-

чением масштабов чеканки после понижения в 1698 г. нормативного веса копейки до 0,28 г.

Красный денежный двор, также уже именуемый к тому времени Старым, с 1704 г., наряду с чеканкой прежних серебряных копеек, начал выпускать монеты европейского образца и продолжал работать до 1797 г. Медный Набережный монетный двор работал до конца 1720-х гг.

И.Г. Спасский верно отметил, что «серебряные денежные дворы – Набережный и в Земском приказе, вероятно были совсем недолговечными (Спасский И.Г. Указ. соч. С. 162). Но другие исследователи ставят более широкие рамки, что они были закрыты не позднее 1718 г., когда по указу Петра I был прекращён выпуск серебряных копеек ручной чеканки (Дуров В.А. Указ. соч. С. 20).

Недавно Р.В. Краснов высказал мнение, что эти два денежных двора прекратили работу в 1704 г., «когда именным указом от 7 февраля чеканка проволочных копеек для денежных дворов приказа Большой Казны была «временно» прекращена» (Краснов Р.В. Именные указы о чеканке золотой, серебряной и медной монеты 1701–1704 годов // Нумизматика. № 3(30). 2011. С. 99).

В действительности эти денежные дворы были закрыты не одновременно. Новый денежный двор, «что был Земский приказ», был в начале XVIII в. значительно расширен и перестроен. По сведениям годовых смет приказа Большой Казны, на его «строение» в 1701 г. было потрачено 6732 рубля с полтиною (Сборник выписок… С. 303), а 1703 г. выдано «на строение полат» 7000 рублей и на украшение купола «на дело орла меди 6 пуд 6 фунтов 30 золотников, ценою по 5 рублев фунт, итого 30 рублев 26 алтын» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. № 60. Л. 4, 116 об.). Но в том же год отмечены выдачи «на всякие денежного дела расходы» и «мастером снастных денег» только для серебряных денежных дворов, «что позади собору Казанские Богородицы» и «что под садом» (Там же. Л. 11об., 17, 24, 31 об., 71 об., 88). Также было выплачено «водовзводного дела мастеру Галактиону Никитину за взвод воды из Москвы реки на денежной двор, что под садом, на год 35 рублев» (Там же. Л. 25). Отсутствие производственных затрат на Новый денежный двор доказывает, что в 1703 г. он прекратил работу.

В смете 1704 г. также обозначены только два серебряных денежных двора, причем на Старом денежном дворе, кроме огромного тиража серебряных копеек, к концу года отмечено «манетов в деле 72 049 рублев 11 алтын 4 денги, в том числе зделано 25 000 рублев» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. № 86. Л. 70 об.). Организацией монетного производства занимался «маточного дела резец» денежных дворов приказа Большой Казны Данила Андреев сын Воронов (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 22. № 35060. Л. 2), которому в 1704 г. было выдано «к манетному делу на дело станов и снастей 2102 рубли 26 алтын с полу-1 денгой» (Там же. Л. 97). При этом, типы монет обозначены в письме от 18 августа 1705 г. главы приказа Большой Казны князя П.И. Прозоровского к царю Петру Алексеевичу среди денег, данных взаймы в Ратушу: «да манет алтынников и гривенников дватцать тысечь» (Письма и бумаги Петра Великого. Том третий (1704–1705). СПб., 1893. С. 892). Следует отметить, что монеты 1704–1705 гг. с обозначениями «ГРИВНЯ» (10 копеек) и «АЛТЫНЪ» (3 копейки) и литерами «Б.К» (Большая Казна) имеют характерный стиль оформления, который теперь можно связать с работой резчика монетных штемпелей Д.А. Воронова.

Изготовление в эти годы на Красном дворе серебряных рублевиков, полтинников и полуполтинников, на что иногда указывают нумизматы (Узде-

ников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах 1700–1917. М., 1995. С. 9, 14), пока не находит документального подтверждения. Возможно их выпуск осуществлял только Кадашевский монетный двор, работавший с 1701 г. и находящийся в ведении приказа Военно-Морских дел. Прибыль от производства шла на развитие отечественного флота. Уже с 1701 г. там изготавливали проволочные серебряные копейки и круглые монеты европейского образца разных номиналов, а с 1704 г. чеканили серебряные рублевики и медные копейки.

В смете приказа Большой Казны 1705 г. денежный двор «под Набережным садом» уже не указан (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. № 105, Л. 2). Очевидно, что он прекратил работу в прошедшем году. Можно даже попытаться определить точную дату прекращения работы. Судя по смете, в 1704 г. за «взвод» воды на этот денежный двор заплатили только 14 рублей 19 алтын 1 денгу, что, по отношению к годовой сумме в 35 рублей, соответствует 152 дням. Поскольку год был високосным, то выплаченная сумма соответствует оплате воды по 31 мая 1704 г. Видимо после закрытия денежного двора «взвод» воды в его помещения уже был не нужен и не оплачивался.

В то же время, годовая сумма «снастных денег» 576 рублей оставалась в 1702–1705 гг. неизменной, несмотря на уменьшение количества серебряных денежных дворов, что указывает на сохранение прежнего числа денежных мастеров и их перевод на денежные дворы, продолжавшие работу (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. № 105. Л. 2).

Таким образом, начиная с 1704 г. в приказе Большой Казны выпуск серебряных монет – проволочных копеек и круглых алтынов и гривен – был сконцентрирован на серебряном Красном денежном дворе, а Набережный медный двор, в дополнение к денгам и полушкам, стал чеканить медные копейки. Аналогичным образом денежное дело было организовано в приказе Военно-Морских дел, где производственные помещения для чеканки серебряных и золотых монет на Кадашевском дворе были отделены глухой стеной от помещений для производства медных копеек.

Приходо-расходные сметы приказа Большой казны дают важные сведения о производстве новых серебряных монет на Красном денежном дворе. В 1705 г. была завершена чеканка монет 1704 г. до «указного числа» 215 665,5 рублей. К маю 1705 г. было сделано монет на 50 000 рублей, к июню – на 100 000 рублей, к августу – на 140 000 рублей (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. № 105, Л. 27, 36 об., 51 об.). Не исключено, что годовой план 1704 г. выпуска серебряных монет был полностью выполнен штемпелями с этой датой.

В октябре 1705 г. в смете появляется новая сумма «манетов 120 000 рублей». Видимо в процессе реализации этого нового заказа, в декабре 1705 г. было сплавлено «на манетное дело серебра 131 пуд 27 фунтов 85 золотников, по переделу будет указного числа 75 857 рублев 16 алтын 4 денги» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. № 105. Л. 61 об., 82). Чеканка монет 1705 г. до «указного числа» затянулась на весь 1706 г. К концу года было в наличии «манетов 100 000 рублев, да в деле 20 000 рублев, из дела выдет февраля к 1-му числу» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. № 105. Л. 67). Следовательно, полностью тираж монет 1705 г. удалось выполнить лишь в январе 1707 г.

При этом, чеканка на Красном денежном дворе мелких «проволочных» серебряных копеек составляла основную часть продукции. Но в незначительном количестве чеканили также «проволочные» денги и полушки, о чем свидетельствуют итоговые суммы с долями копейки. Например, в 1705 г.

было сделано по старой технологии 426 023 рубля 3 алтына 2 денги, в 1706 г. – 432 238 рублей 5 алтын пол-3 денги (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. № 105. Л. 98 об.; № 123. Л. 76 об.).

Н.А. Комочев (Москва)

Курс лекций И.А. Голубцова в Историко-архивном институте по палеографии и дипломатике

Историко-архивный институт уже в первые годы своего существования стал ведущим центром изучения и преподавания вспомогательных исторических дисциплин. В настоящей статье публикуется проект программы по палеографии и дипломатике, разработанный И.А. Голубцовым (1887–1966) во время его недолгой работы в МГИАИ.

В деле преподавания названных дисциплин в институте Иван Александрович не был первопроходцем (О ранних учебных программах: Комочев Н.А. Из истории преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в 1930-е гг. // Вспомогательные исторические дисциплины: современные исследования и перспективы развития. Мат-лы XXVII межд. науч. конф. М., 2015. С. 255–261). Так, еще до образования специальной кафедры в 1939 г. дипломатику читал А.Н. Сперанский, затем, в 1940-е гг. – А.И. Андреев (Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 10, 20–21). В 1939 г. проблемы дипломатики затрагивал С.Б. Веселовский в лекциях для аспирантов (Комочев Н.А. Из истории дипломатики как учебной дисциплины // Единство гуманитарного знания: новый синтез. Мат-лы XIX межд. науч. конф. М., 2007. С. 179–180).

Проект программы по русской палеографии и дипломатике И.А. Голубцова относится к послевоенному времени. Через несколько лет в результате политической кампании сменится руководство кафедрой и будет ликвидирован обязательный курс дипломатики (1949 г.). Но в момент работы Голубцова в институте обстановка была еще достаточно благоприятной. К этому времени относится активная деятельность на кафедре А.И. Андреева и Л.В. Черепнина (Черепнин Л.В. Моя жизнь. М., 2015. Т. 1). Проект программы И.А. Голубцова отличается обстоятельностью и широкой постановкой вопросов, в нем вполне проявились опыт и эрудиция автора. Сейчас, когда наблюдается общая тенденция к сокращению учебных часов, выделяемых на изучение вспомогательных исторических дисциплин, такая подробная программа выглядела бы, вероятно, труднореализуемой. Помимо основного предмета, в программе затрагиваются вопросы источниковедческого плана, историография вспомогательных исторических дисциплин, история славянской письменности и влияние на нее Византии (т.е. международные аспекты), правила транскрипции рукописей (основы археографии), принципы дипломатического анализа школы А.С. Лаппо-Данилевского. Программа наглядно демонстрирует неразрывную связь основных предметов, составляющих основу подготовки профессионального историка-архивиста. Очевидна ее связь с классическим учебным пособием Л.В. Черепнина (Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956) и влияние на позднейшие программы.

Проект программы сохранился в виде машинописи в фонде И.А. Голубцова (ОПИ ГИМ). Подпись отсутствует, но автором проекта, несомненно, был сам Голубцов, преподававший в это время в институте. Авторство и датировку подтверждает соответствие приведенной в проекте програм-

мы оригинальной классификации актов той, которая присутствует в хрестоматии по дипломатике Голубцова «Форма актов Московского государства» (Комочев Н.А. «Опыт классификации актов Московского государства» И.А. Голубцова // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Мат-лы XXI межд. науч. конф. М., 2009. С. 220–223).

Текст приводится в соответствии с орфографией и стилистикой источника. Разделение на параграфы и абзацы, подчеркивания сохранены. Явные описки исправлены безоговорочно, мелкие карандашные пометы (галочки, подчеркивания) не учитывались. Границы листов обозначены двумя прямыми вертикальными чертами. Примечания по тексту и восстановленные из сокращений слова даны в квадратных скобках.

[Голубцов И.А.] Проект программы курса

«Русская палеография и дипломатика актов Московского государства» [1946 г.]

Проект

ПРОГРАММА КУРСА:

«Русская палеография и дипломатика актов Московского Государства»

Введение

Предмет изучения палеографии. Палеография книжной и документальной (архивной) письменности. Палеография и дипломатика. Место палеографии среди других вспомогательных исторических дисциплин. Внешняя критика источника. Индуктивный и дедуктивный метод палеографического изучения памятников. Внешние данные памятника как вспомогательное средство для датировки недатированных памятников и установления места их происхождения. Слабая устойчивость внешних признаков. Невозможность установления точных хронологических граней существования тех или иных признаков. Необходимость установления по возможности всех признаков. Необходимость изучения изменений во времени всех признаков, на основании которых возможна датировка недатированных памятников и установление места их происхождения: по характеру начертания букв, по материалу для письма; по орнаменту, миниатюрам, форме рукописей. Краткий обзор работ по русской палеографии.

§ 1. Изобретение славянской азбуки.

Византийская империя и славяне на Балканском полуострове. Образование Великого Моравского государства. Посольство князя Ростислава в Византию. Командировка Константина (Кирилла) и Мефодия в Моравию. Задачи, стоящие перед миссионерами. Миссионеры, как проводники политических идей Византии. Данные источников о существовании письменных знаков у славян до объявления христианства государственной религией в славянских государствах. Рунические письмена у славян. Показания источников об изобретении Кириллом славянской азбуки. Два алфавита: кириллица и глаголица. Вопрос о первенстве глаголического или кирилловского алфавита. Распространение кирилловского алфавита в Болгарии. Древнейшая болгарская кирилловская надпись. Памятники древнейшей письменности у южных славян.

§ 2. История русской письменности и эволюция начертаний букв.

Сведения о существовании письменных знаков у восточных славян до объявления христианства государственной религией в Киевском государстве. Мнения ученых о времени появления в Киевской Руси знаков славянской письменности. Характер первых рукописей, появившихся в Киевской Руси. Древнейшие, сохранившиеся до нас памятники письменности Киевской Руси. Остромирово евангелие, Изборники Святослава 1073 и 1076 г. Число датированных памятников XI–XII вв. Устав, как господствующий тип письма. Хронологические рамки. Характерные начертания некоторых букв, в древнейшем уставе. Сохранение устава в позднейшее время. Примеры уставных рукописей разных эпох. Письменность в феодальных княжествах, возникших из империи Рюриковичей. Внешние особенности в рукописях Новгородского, Псковского, Рязанского происхождения. || Великое княжество Литовское. Рукописи северо-западного и юго-западного происхождения. Развитие феодальных отношений. Внед-

рение в практику письменного закрепления сделок. Актовая письменность. Постепенная выработка полууставного письма. Причины замены устава полууставом. Русский полуустав. Характерные черты полууставного письма. Надстрочные знаки. Их происхождение. Выносные буквы. Титла. Аббревиатуры. Время появления полуустава. Хронологические рамки существования полуустава. Появление скорописи. Московская письменность XVI–XVII вв. Возникновение центральных правительственных учреждений. Выработка форм канцелярского делопроизводства. Украинская и белорусская письменность. Различные виды скорописи: северо-восточная (Московская), северо-западная (Белорусская), юго-западная (Украинская). Правила правописания в Московской Руси. Грамматические тракторы. Рукопись: «О буквех сиречь о словех». Правила расстановки надстрочных знаков. Знаки препинания. Скоропись конца XVII и начала XVIII в. Влияние на начертание букв знаков латинского алфавита. Особенности скорописи XVIII в.

Сравнительное изучение алфавитов: уставного, полууставного, скорописного. Признаки, по которым можно приблизительно датировать недатированные письменные памятники. Книгопечатание в Москве. Первые печатные книги. Реформа книгопечатного шрифта при Петре I.

§ 3. Материал для письма и орудия письма.

Пергамен и другие материалы для письма в древности (доски, дуб, береста, ткани). Русский и привозной пергамен в Киевском государстве и в более позднее время. Дороговизна пергамена. Палимпсесты. Распространение письменности. Введение в практику закрепления юридических сделок письменными документами. Изобретение на Востоке бумаги. Распространение бумаги в Западной Европе. Появление бумаги на территории СССР. Пути проникновения бумаги в эпоху феодальной раздробленности. Попытки организации производства бумаги в Московском государстве в XVI в. Книгопечатание в Москве. Бумажные мельницы в Московском государстве в XVII в. Казенные и частные бумажные мануфактуры в XVIII в. Значение установления происхождения бумаги (привозная – иностранная, русская) для определения времени и места написания памятника. Гербовая бумага. Орудия письма. «Трости». Перья. Чернила. Краски. Карамса. Миниатюры, изображающие писца книг за работой.

§ 4. Водяные бумажные знаки.

Техника производства бумаги в древнейшее время. Вопрос о бомбицине. Архаичные сорта бумаги. Появление на бумаге древнейших водяных знаков. Расположение вертикальных и горизонтальных «водяных» линий. Древнейшие филиграни. Изменение форм филиграней. Приблизительное время, в течение которого филигрань могла оставаться неизменной. Приблизительное время, около которого могла употребляться бумага с одной и той же филигранью. Значение филиграней для установления времени написания памятника. Значение филиграней для установления места возникновения памятника. «Филиграноведение». Собирание фили||граней. Русские сборники филиграней первой половины XIX в. (Лаптев, Тромонин). Труды Лихачева. «Бумага и бумажные мельницы в Московском государстве». «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». Сборник филиграней французского ученого Брике. Издание рисунков филиграней, имеющихся на документах Киевского архива древних актов (Каманин и Ветвицкая). Техника пользования указанными пособиями. Тожественные и подобные филиграни. Установление датировки памятника по рисунку филиграней.

§ 5. Установление времени происхождения рукописей по орнаменту.

Определение орнамента. Заставки. Инициалы. «Полевые» украшения. Концовки. Содержание рисунка орнамента. Повторяющаяся часть рисунка. Стиль рисунка орнаментов, инициалов. Орнамент на археологических памятниках материальной культуры. Орнамент рукописей. Орнамент византийских рукописей. Орнамент славянских рукописей Балканского полуострова. Старовизантийский орнамент памятников Киевского государства. Характерные черты. Время распространения орнамента старовизантийского стиля.

Тератологический (чудовищный) орнамент. Характерные черты. Время распространения. Вопрос о времени возникновения и происхождении рисунков тератологического стиля. Особенности новгородской, рязанской тератологии. Рисунки инициа-

лов. Распространение нововизантийского стиля. Падение Константинополя. Выходцы с Балканского полуостровав Московском государстве. Заимствование техники письма и орнаментировки рукописей у балканских выходцев. Характерные черты нововизантийского стиля. Время его распространения. Орнамент балканского стиля. Его особенности. Старопечатный стиль. Московское барокко. Орнамент рукописей XVIII в. Старообрядческий «поморский» стиль. Рококо. Ампир.

§ 6. Миниатюры рукописей.

Термин «миниатюра». Миниатюры византийских рукописей. Обычное содержание рисунка. Изображение людей, зданий, предметов материальной культуры. Греческие мастера и их ученики в Киевской Руси. Миниатюры Остромирова евангелия. Миниатюры Изборника Святослава. Миниатюры Эгбертинской псалтири. Новгородские фрески. Миниатюры рукописей Московского государства. Миниатюры времени Ивана IV. Миниатюры XVII в. «Сказание о Мамаевом побоище». «Сказание об убиении Дмитрия Угличского». Особенности рисунков. Появление гравюры на дереве западного происхождения. «Фряжские» листы. Русская гравюра на дереве. Рисунки в изданных типографским способом книгах первой половины XVIII в. Лубок. Возможность определения времени возникновения рукописи по рисунку миниатюр.

§ 7. Вязь

Определение вязи. Вязь в Византии и у южных славян. Время появления вязи в русских рукописях периода феодальной раздробленности. Вязь Литовского государства. Вязь рукописей Московского государства. Вязь в канцелярской практике московских приказов. Приемы расшифровки вязи. ||

§ 8. Криптография.

Тайнопись и ее назначение. Виды тайнописи. Вязь, лигатуры. Замена слов буквами, название которых совпадало с данными словами. Полусловица, «тарабарская» азбуки. Пермская азбука. Простая и мудрая литорея. Употребление криптографии в приказном делопроизводстве (посольские дела).

§ 9. Внешняя форма памятника.

Лист. Столбец. Тетрадь. Книга. Выработка форм канцелярского делопроизводства в XVII в. Форма приказного «дела». Столбец, склепка, скрепа, справа, рукоприкладства, отметки на документах, пометы. Установление форм делопроизводства в законодательном порядке при Петре I.

§ 10. Основные требования при получении внешних данных письменных памятников.

Внешняя форма памятника (лист, столбец, тетрадь, книга). Установление числа листов, ставов. Установление размера (листа, ссава). Определение почерка рукописи. Материал, на котором рукопись написана. Орнамент. Миниатюра. Датировка рукописи. Протограф и список. Различные редакции. Отдельные памятники и сборники памятников. Определение места написания памятника. Данные языка. Подлинник, список, копия. Умноженные документы. Памятники литературы. Памятники делопроизводственного характера. Беловой документ. Черновик. Отпуск. Принципы описания рукописей.

§ 11. Транскрипция рукописей.

Существующие правила транскрипции рукописей. Чтение текста. Приемы восстановления текста древнейших памятников. Необходимость буквальной передачи текста древнейших памятников. Значение буквальной передачи текста для его изучения. Возможность замены в памятниках позднейшего происхождения исчезнувших буквенных знаков современными (i – и; «ять» – е; «фиты» – ф и т.п.). Раскрытие титл и аббревиатур. Обязательность соблюдения фонетических особенностей написания отдельных слов. Введение в отдельных словах «ь». Прописные и строчные буквы. Пунктуация. Изводы, списки, редакция. Установление разночтений. Надписи, деланные на рукописи в позднейшее время.

§ 12. Подложные и интерполированные рукописи. Причины подделок и интерполяций. Установление подлога по внешним данным (почерк, материал для письма и пр.). Данные языка. Примеры подлогов и интерполяций. Примеры установления под-

логов и интерполяций по материалу для письма (речь Грозного в Хрущевском списке Степенной книги), по почерку (Соборное постановление на еретика арменина мниха).

II. Дипломатика публично-правовых и частно-правовых актов Московского государства

§ 1. Введение.

Дипломатика, как вспомогательная историческая дисциплина. Определение дипломатики. Акты, как разновид||ность исторического источника. Установленная практикой устойчивая форма актов. Задачи дипломатического изучения актов. Содержание курса: «Дипломатика актов Московского государства». Дипломатика и палеография. Хронологические рамки дипломатики актов Московского государства. Краткий обзор работ по русской дипломатике.

§ 2. Акты как исторический источник.

Определение акта. Публично-правовые и частно-правовые акты. Вопрос о времени возникновения публично-правовых и частно-правовых актов в славянских государствах (на территории СССР). Публично-правовые акты в Киевской Руси. Международные договоры Киевской Руси. Летописные сведения о жалованных грамотах киевских князей. Упоминание писца в «Русской Правде». Древнейшие, сохранившиеся до нашего времени публично-правовые акты. Вопрос о времени появления частноправовых актов. Доактовый период. Древнейшие, сохранившиеся до нашего времени частно-правовые акты. Дальнейшие этапы внедрения акта в публично-правовые отношения. Образование полусамостоятельных государств на территории Киевской империи. Актовое наследие Новгородского государства, Ростово-Суздальской земли, Тверского, Рязанского, Литовского, Московского княжества и служебных князей в. князя Московского. Актовый материал Московского великого княжества и Московского царства. Акты Московского государства XVII в. Первые попытки установления форм некоторых актов законодательным порядком. Реформы Петра I-го. Номенклатура актов XVII в. и установление определенной формы для большинства разновидностей.

§ 3. Терминология актов периода феодальной раздробленности Московского государства.

Термины «грамота», «память», «запись». Приемы установления названия разновидности акта. Название, содержащееся в самом акте. Название акта акта в сопровождающих его документах. Название одного и того же акта в разные периоды. Необходимость установления точной и единой терминологии. Неизбежность в отдельных случаях установления названия акта самим исследователем. Отсутствие «Индекса актов». Опыт создания «Терминологического словаря частных актов» (1920). «Материалы для терминологического словаря древних актов» (1935).

§ 4. Классификация актов.

Задачи классификации. Принципы классификации. Деление актов на «публично-правовые» и «частно-правовые». Единая классовая сущность актов той и другой разновидности, как форма закрепления «прав» господствующего класса. Установление основных разновидностей публично-правовых актов. Акты, относящиеся к области внешней политики великих княжеств и Московского государства. Их разновидности: верющая грамота, докончальная, перемирная, изметная (разметная), опасная, договорная [Слово списано карандашом]. Акты, относящиеся к области || внутреннего управления: жалованные «уставные» грамоты населению отдельных административно-территориальных единиц (наместничьи, земские, губные, таможенные); грамоты «в кормление»; доходные списки кормленщиков. Жалованные грамоты, даваемые отдельным лицам и группам лиц (вотчинная, льготная, тарханная, несудимая, срочная, поместная, ввозная, послушная, отказная, отводная, данная, купчая, оброчная); грамоты гостям, записным ремесленникам, городам. Акты судебно-процессуальные (правая грамота, судный список, докладной, подписной, срочная зазывная, беглая, бессудная, мировая). Акты церковно-административные (жалованные грамоты высших представителей церковной иерархии, благословенные, ставленые, увольнительные, венечные памяти). Частно-правовые акты. Акты, устанавливающие зависимость отдельных феодалов от сюзерена и разрывающие эту связь (присяжная запись, поручная, складная). Акты, устанавливающие зависимость эксплоатируемого населения от феодалов-

землевладельцев (полная, докладная, служилая, порядная, ссудная, жилая, отпускная). Акты, устанавливающие временную зависимость, в связи с выполнением определенной работы и на срок ее выполнения (наемная, рядная, порядная на работу). Акты, устанавливающие новое правовое отношение к движимому и недвижимому имуществу, связанные с заключением и расторжением брака (сговорная запись, рядная, роспускная); акты, устанавливающие условия отчуждения имущества новому владельцу без ограничения срока владения этим имуществом (духовная, данная, вкладная, купчая, меновная, раздельная, отводная, межевая, отступная, поступная, сдаточная); акты, устанавливающие право временного владения имуществом на тех или иных условиях (оброчная, наемная, картомная, положенная, закладная); акты, устанавливающие временные денежные отношения (заемная, ростовая, полетная). Местные разновидности некоторых актов, существовавшие под особыми местными названиями. Отдельные виды актов, близкие по характеру устанавливаемых или закрепляемых ими правовых отношений (купчая и закладная, наемная и кортомная и т.п.).

§ 5. Делопроизводственные акты и актовые книги.

Необходимость разграничения делопроизводственных документов от актов. Делопроизводственные документы, служащие удостоверением отдельного «права». Книги приказов: кормленые, таможенные, писцовые и переписные, отдельные, межевые, отводные, оброчные, вотчинные, кабальные. Отписки. Памяти. Указные книги приказов; записные приходно-расходные сметные списки. Выписи из книг. Назначение выписей. Указные грамоты. Грамоты «с прочетом». Поручные записи. Обыскные дела. Судебные дела. Перечневые выписи. Выписи в доклад.

§ 6. Выработка форм публично-правовых и частно-правовых актов. Писцы актов. Возникновение «площади». Площадные подьячие в Москве и на местах. Вопрос о «формулярниках» в Московском государстве. Формуляры отдельных актов и документов делопроизводственного характера в «азбуковниках». Формуляры в копийных книгах (картуляриях). Выработка форм делопроизводства в приказных канцеляриях. ||

§ 7. Изучение отдельного акта.

Палеографическое изучение (почерк, материал для письма, миниатюры, инициалы). Датированные и недатированные акты. Установление времени написания акта по внешним данным. Установление времени написания акта по данным, содержащимся в акте (имена, географические названия, исторические события). Примеры. Датировка по данным языка. Определение места происхождения акта.

§ 8. Состав акта.

Начальный протокол акта. «Богословие». Клаузулы акта. Определение клаузулы. Типичные и частные клаузулы. Удостоверительный протокол акта. Послухи. Писец. Рукоприкладства. Печать. Регистрация актов в правительственных учреждениях. Установление формы данного единичного акта. Интерпретация терминов. Интерпретация содержания отдельных клаузул. Пунктуация. Определение разновидности акта.

§ 9. Изучение однородных групп актов.

Задачи изучения. Выделение для изучения актов одной разновидности. Распределение актов по месту написания. Распределение актов по времени написания. Установление состава каждого акта. Сравнительное изучение формы клаузул. Установление типичных клаузул данной группы актов. Установление обычной последовательности клаузул в данной разновидности актов. Установление типичного формуляра актов данной разновидности. Возможность существования нескольких формуляров в зависимости от времени и места написания актов. Значение выработки типичного формуляра для восстановления дефектных мест в отдельных актах данной разновидности для установления дат недатированных отдельных актов для установления интерполированных и подложных актов [Так в тексте]. Примерная выработка формуляра жалованных грамот в кормление. Имеющиеся опыты установления формуляров отдельных разновидностей частно-правовых актов. Работы ак[адемика] Лаппо-Данилевского и его учеников. Применение приемов дипломатического анализа к актам делопроизводственного характера.

§ 10. Очередные задачи дипломатики. Составление индекса актов. Изучение истории отдельных разновидностей актов и их групп. Выяснение терминологии актов. Создание справочных пособий (списки административных лиц и т.п.).

ОПИ ГИМ. Ф. 504 (И.А. Голубцов). Д. 122. Л. 4–7 об. Машинопись.

И.Г. Коновалова (Москва)

Историческая география на международных конференциях 2015 года

В 2015 г. одна за другой состоялись две крупные конференции, представляющие большой интерес для специалистов по исторической географии, – XVI Международная конференция по исторической географии (International Conference of Historical Geographers, ICHG; Лондон, 5–10 июля) и XXVI Международная конференция по истории картографии (International Conference on the History of Cartography, ICHC; Антверпен, 12–17 июля).

Проведение первой из них совпало с двумя знаменательными юбилеями: сорокалетием первой международной историко-географической конференции в Кингстоне (США), положившей начало регулярным международным встречам историко-географов, и сорокалетием со дня основания «Журнала по исторической географии» (Journal of Historical Geography). Конференционные заседания проходили в аудиториях Королевского Географического общества (Royal Geographical Society with the Institute of British Geographers, RGG-IBG) и расположенной поблизости Королевской Горной школы (Royal School of Mines). Более половины всех участников представляли Великобританию, а на англоязычные страны в целом пришлось около двух третей от приехавших на конференцию исследователей из 40 стран мира.

На пленарном заседании, открывавшем конференцию, был заслушан доклад профессора Кембриджского университета Алана Бейкера (Alan R.H. Baker) «Историческая география как международная дисциплина», в котором докладчик проследил историю становления наднациональных институтов исторической географии, прежде всего регулярных международных конференций, а также показал роль национальных школ исторической географии в международном сотрудничестве в этой области. По докладу была проведена содержательная дискуссия с участием представителей историко-географических школ Бразилии, Великобритании, Канады, США и Японии.

Всего на конференции было сделано около 550 докладов (включая немногочисленные постерные), объединенных в 147 тематических сессий, которые проходили параллельно. Общий проблемный спектр докладов был по традиции чрезвычайно широк: обсуждение ключевых историко-географических понятий (таких, как «пространство», «место», «территория», «регион» и др.) и подходов; национальное строительство и государство; империя и колонизация; миграции и диаспоры; поселенческие структуры; городские и аграрные ландшафты; наследие и современность; окружающая среда и климат; коммуникации и инфраструктура в целом; демография; географические образы и воображаемая география; сакральная география и т.п. Значительное внимание было уделено истории географических знаний и истории картографии, историческим ГИС, а также разнообразным источникам, используемым в историко-географических исследованиях, в том числе архивным и картографическим.

Российское участие в конференции стало более заметным по сравнению с предыдущими конференциями в Гамбурге (2006), Киото (2009) и Праге (2012). В Лондоне Россию представляли более 20 участников, которые не

только сделали доклады, но и выступили в качестве организаторов двух сессий – «Скифия: История географического образа (Античность и Средние века)» и «Проблемы исторической географии России и Сибири».

В отличие от конференции по исторической географии, конференция по истории картографии является куда более специализированной. Она посвящена проблемам, касающимся истории, источниковедения, историографии, методологии изучения картографического материала от древности до наших дней. Конференция по истории картографии очень удобная для слушателей, так как все ее устные доклады являются пленарными (отчасти это происходит за счет относительно большого количества докладов, имеющих статус постерных). В 2015 г. представителями 36 стран мира на конференции было сделано 69 устных докладов и 22 постерных. Наиболее заметным было участие специалистов из США, Бельгии, Великобритании, ФРГ, Франции и Финляндии. Российские участники представили три постерных доклада, посвященных русским картам XVIII – начала XX в. и японским средневековым картам.

Поскольку оргкомитет конференции по сложившейся традиции рассматривает заявки потенциальных участников по любым темам, имеющим отношение к истории картографии, проблемный репертуар заседаний был весьма широк – картографирование государственной территории и границ, военная и морская картография, городская картография, источники картографических представлений и культурные влияния, роль воображения в производстве карт, оформление карт, использование карт, картографические коллекции, история карт того или иного периода (на конференции особое внимание было уделено картографии позднего Средневековья, раннего Нового времени и XX в.). Специальные сессии были посвящены сравнительному анализу средневековых карт Европы, Азии и Африки, а также популярной картографии. К особенностям конференции стоит отнести и организацию еще двух заседаний, на одной из которых рассматривались карты мира, а на другой – исторические карты и исторический ГИС.

Если конференция по исторической географии продемонстрировала характерную для современного состояния этой дисциплины фрагментарность исследовательского поля, методологический эклектизм и многообразие слабо связанных между собой дискурсов, тяготеющих к тому или иному историко-географическому сообществу, то конференция по истории картографии показала, что исследования в этой области имеют более когерентный характер. На обеих конференциях лишь немногие докладчики ставили вопросы, имеющие более или менее общий характер, то есть обращались либо к исследованиям сравнительно-исторического плана, либо рассматривали какой-то вопрос во всемирном масштабе, либо поднимали теоретические, методические, терминологические проблемы. Следующая конференция по истории картографии пройдет в Белу-Оризонти (Бразилия) с 9 по 14 июля 2017 г. (сайт: www.ichc2017.ufmg.br), а по исторической географии – в Варшаве летом 2018 г.

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский (Москва)

О возможных мотивах одного политического убийства (XI в.)*

Гибель Ярополка Изяславича в ноябре 1086 г. стала первой после кончины Бориса, Глеба и Святослава смертью Рюриковича от руки подосланного убийцы. Смерть эта, по крайней мере, в перспективе летописца, безусловно, сопоставлялась с мученичеством сыновей Владимира Святого, однако эти события

разделяло шесть с лишним десятилетий, когда в династии не происходило ничего подобного. Князь мог погибнуть на поле битвы, в результате междоусобицы, как это случилось, например, с отцом Ярополка, Изяславом Ярославичем, но хотя братоубийственная война оценивалась, разумеется, негативно, такого рода смерть все же вписывалась в некий мыслимый порядок вещей. Достаточно упомянуть здесь примирительную реплику из письма Мономаха, скорбевшего о своем погибшем сыне, но отмечавший при этом, что «дивно ли оже мужь оумерлъ в полку ти лепше суть измерли и роди наши».

Вероломное преступление, жертвой которого стал Ярополк, не могло расцениваться, как заурядное событие в рамках какой бы то ни было этической нормы, будь то обиход христианских государей, каковыми успели сделаться Рюриковичи, или повседневная жизнь некрещеных предводителей военных дружин, каковыми они были до обращения. Более того, дошедшие до нас летописные свидетельства об этом событии по сей день сохраняют детективную интригу – мы знаем имя непосредственного исполнителя преступления, некоего Нерадца, однако очень мало или почти ничего можем сказать о его заказчике, а вся ситуация как до убийства, так и после него остается весьма туманной. В.Н. Татищев охарактеризовал в свое время Нерадца как служителя Ярополка, однако и в этом мы не можем быть уверены. Мы знаем только, что у него была возможность верхом подъехать к князю, лежащему в дороге на санках, и проткнуть его саблей.

В летописи весьма лаконично сообщается также, что, совершив это убийство, Нерадец не был схвачен и как будто бы беспрепятственно бежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу. Последнее вроде бы позволяет именно в Рюрике и/или его братьях видеть автора злодейского замысла, однако летописец не говорит об этом напрямую и ни в какой момент своего повествования не возлагает вину на Ростиславичей за эту смерть, хотя подробнейший рассказ об ослеплении Василько Ростиславича Теребовльского, злодеянии, случившемся шестью годами позднее, казалось бы, давал для это походящий повод – согласие Святополка на это ослепление могло бы, например, мотивироваться местью за гибель брата. На деле же ничего подобного, повторимся, в тексте мы не находим.

Вообще говоря, если судить исключительно по летописи, ссора с Ростиславичами, которым удалось ненадолго завладеть Владимиром-Волынским, не была последним династическим конфликтом, в котором принимал участие Ярополк – более актуальным, пожалуй, было его противостояние с родным дядей, киевским князем Всеволодом Ярославичем и его сыном Владимиром Мономахом. Именно против дяди Ярополк попытался выступить незадолго до гибели и именно кузен Мономах вынудил его спешно бежать в Польшу, оставив в Луцке, фактически в руках своих противников, мать, жену и детей. Из Польши Ярополк вернулся довольно быстро и, заключив мир, получил обратно свой город Владимир, куда Всеволод посадил было Давыда Игоревича. Возвращение это и условия мира сами по себе остаются довольно загадочными – оказывается, в сущности, что выступление против дяди не нанесло династической судьбе Ярополка особенного урона. Не получив большего, он отнюдь не лишился того, чем владел прежде, и недолго просидев во Владимире, он с не вполне ясными целями отправляется в Звенигород.

Все это позволяет включить Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха в круг подозреваемых. Нельзя, впрочем, забывать и о фигуре Давыда Игоревича, который на краткий срок заполучил Владимир-Волынский, лишился

его столь же быстро, когда Ярополк вернулся из Польши, и впоследствии принужден был вести долгую борьбу за этот город. Характерно, что летописец в панегирическом слове Ярополку Изяславичу как будто бы не стремится к прояснению ситуации, говоря о том, что князь «многы беды приемь без вины изгонимъ от бра*тя* своея. обидимъ и разграбленъ. наконецъ и см(е)рть горку прия» (ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 198). Речь идет, таким образом, не о каком-то конкретном злодее, а, скорее, о несправедливостях, претерпленных от родичей-князей вообще. Если же учесть, что в предыдущих погодных статьях упоминается, как именно Мономах привел семью Ярополка в Киев и отобрал все его имущество, то его никоим образом нельзя исключить из числа тех гонителей убитого князя, о которых говорит летописец.

Общую атмосферу сомнительности всей ситуации в целом усугубляет и то обстоятельство, что после убийства Ярополка не было предпринято, в сущности, никаких видимых мер, инициатором которых должен был бы выступить киевский князь. В самом деле, Всеволод, Владимир и Ростислав с почетом и скорбью встречают и хоронят тело Ярополка в Киеве, в церкви св. Петра, но за всем этим не следует ни поиска, ни осуждения виновных в его гибели. В летописной статье мы читаем краткое упоминание о походе Всеволода к Перемышлю, однако цели и результаты этого предприятия остаются неясными, а Ростиславичи, насколько можно судить из дальнейшего, не лишаются этого города.

Итак, этот трагический эпизод в династической истории XI в. в полной мере остается детективной загадкой, когда подозревать можно многих, но обвинение ни против кого не выдвинуто. Как это нередко случается с классическими детективными историями, невозможно сказать, остаемся ли в неведении только мы, читатели летописного текста, или те же сомнения и трудности испытывал сам летописец? Пытался ли он затушевать нечто, ему хорошо известное, или вся интрига разворачивалась в такой тайне, что русский книжник и его аудитория так и не узнали заказчика убийства Ярополка Изяславича? Или, быть может, Нерадец действовал один и совершил это преступление по каким-то личным мотивам? Последнее, впрочем, представляется наименее вероятным.

Разумеется, если перед нами не политическое убийство, то реконструкция его причин представляет слишком широкое поле для догадок, которые достаточно лаконичный летописный материал не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть. Если же предположить более правдоподобный сценарий политического убийства, то у нас, как кажется, есть возможность выдвинуть новую гипотезу о его мотиве. В самом деле, почему «злым советникам» именно в 1085 г. удалось убедить Ярополка в необходимости и возможности выступить против своего стрыя, киевского князя, обладавшего к тому времени достаточно неоспоримым родовым старшинством? Почему Ярополк, вернувшийся из Польши, оказался фигурой настолько опасной, что для его нейтрализации пришлось прибегнуть не к обычным средствам вроде военного похода, но к заказному убийству? Каким образом этот князь, как будто бы не получивший от поляков военного подкрепления, смог беспрепятственно вернуться на свой стол во Владимире?

Конечно, существенную роль в этом последнем событии играло то положение, которое он занимал в княжеской иерархии. Будучи старшим и законным из живущих сыновей Изяслава, по родовому счету Ярополк уступал своему дяде Всеволоду Ярославичу, но превосходил Мономаха и прочих своих

кузенов. Именно ему предназначался старший стол после кончины Всеволода, последнего из оставшихся в живых сыновей Ярослава Мудрого. Однако это преимущество Ярополка было очевидным с тех пор, как погиб в битве на Нежатиной Ниве его собственный отец Изяслав. Что же изменилось к 1085 г.?

Для того, чтобы предложить свою версию ответа на этот вопрос, нам необходимо обратиться, с одной стороны, ко времени несколько более раннему и, с другой стороны, существенно более позднему, отстоящему от убийства Ярополка на семь с лишним десятилетий. Начнем с последнего.

3 января 1158 г. в Киеве на 84-м году жизни умирает дочь Ярополка Изяславича (ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 492–493). Из этого сообщения, отличающееся необычным для русского летописания вниманием к хронологическим вехам и биографическим подробностям жизненного пути скончавшейся княгини, мы узнаем, что она была вдовой полоцкого князя Глеба Всеславича и вдовство ее длилось около 40 лет. В летописи мы не обнаружим точной даты ее замужества, однако, по всей видимости, ее выдали или, во всяком случае, просватали за Глеба при жизни отца.

В самом деле, скончавшаяся в 1158 г. княгиня была скорее всего старшей дочерью (но отнюдь не единственным ребенком) Ярополка и Кунигунды. Вскоре после смерти мужа Кунигунда покинула Русь, взяв с собой ту из дочерей, которая впоследствии была выдана замуж за кефернбургского графа Гюнтера (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 524–528). По всей видимости, старшей дочери была бы уготована сходная судьба (ведь ей к моменту гибели отца было не более 13 лет), если бы ее матримониальная участь не была бы уже предопределена и связана с Русью.

С другой стороны, естественно допустить, что брак Ярополковны и Глеба Всеславича не мог состояться и намного раньше 1086 г. По крайней мере в дальнейшем русские князья имели склонность дожидаться для вступления брак канонически допустимого возраста, если в противном не было крайней политической необходимости. Это тем более вероятно, что для Глеба Всеславича брак с Ярополковной, судя по всему, был не первым, а традиции браков взрослых людей с маленькими детьми на Руси, кажется, не существовало − преждевременные с канонической точки зрения союзы представлялись допустимыми, коль скоро юными были оба брачующихся.

Иначе говоря, женитьба или сговор Глеба и Ярополковны должны были состояться очень незадолго до внезапной кончины отца невесты. Мы предполагаем, что между этими событиями существует не только хронологическая близость, но и непосредственная причинно-следственная связь. Вспомним, что речь идет о самом первом (во всяком случае, из известных нам) внутридинастическом браке в доме Рюриковичей − этот мощнейший политический инструмент, игравший столь кардинальную роль в мирной и военной стратегии династии в течение по крайней мере двух последующих столетий, был впервые опробован на деле.

Как мы знаем из дальнейшего, подобные матримониальные соглашения станут весьма эффективным средством для объединения интересов различных ветвей весьма разросшегося рода. В данном же случае объединялись две ветви, разошедшиеся с самого начала, да еще в переговорах участвовали такие их представители, которые могли претендовать на старшинство в собственной семье. Поскольку, как уже отмечалось, Глеб Всеславич был взрослым человеком, а его невеста − совсем юной, то центр тяжести при заключении этого

союза скорее всего определялся соглашением между зятем (Глебом) и тестем (Ярополком), хотя наверняка в деле должен был так или иначе фигурировать и отец Глеба, Всеслав Брячиславич, глава полоцкого дома.

Ветвь Ярослава Мудрого, к каковой принадлежали Ярополк, его отец и родные дядья, по родовому счету была младше ветви полоцких князей, потомков Изяслава Владимировича. К 80-м гг. XI столетия конфликты, сотрясавшие династию в середине этого века, отнюдь не ушли в прошлое. Всеслав был единственным наследником своего отца, Ярополк − старшим в своем поколении Ярославичей. Женитьба сына одного из них на дочери другого в определенном смысле объединяла бы и усиливала их претензии на тотальное старшинство в династии и оставляло бы далеко позади притязания всех прочих членов рода. Весь клан полоцких князей получал немедленную поддержку в лице Глебова тестя, сам же этот тесть, Ярополк, приобретал, в свою очередь, дружбу и помощь Всеслава и Всеславичей. Очевидно, что такого рода сотрудничество, как и все союзы, основанные на браке, разом объединяло в себе тактику и стратегию. В дальней перспективе Ярополк мог рассчитывать, что полоцкие князья, во-первых, не станут соперничать с ним за киевский стол, как соперничали в свое время с его отцом и дядьями, и, во-вторых, родовые права и военная сила этих свойственников пойдут ему на пользу в грядущем противостоянии с его собственными кузенами. В перспективе же ближней поддержка зятя и всей его родни позволяла Ярополку потребовать от дяди (Всеволода Ярославича) большего, чем ему досталось при первоначальном разделе, и недвусмысленно заявить всему роду о своих будущих правах, о тех новых основаниях старшинства, которые приобрела теперь его семья.

Опасность этой созданной Ярополком матримониально-генеалогической конструкции ясно читалась остальными Рюриковичами. Коль скоро он договорился со Всеславичами, воевать с ним, а тем более — умалять его права на династическое старшинство, оказывалось весьма затруднительным. Благодаря такой почти шахматной комбинации родовые преимущества Ярополка могли показаться неуязвимыми ни для чего, кроме внезапной гибели. Этот-то ответный ход и был сделан.

Напомним еще раз, что союз Ярополковны и Глеба Всеславича был первым в истории Рюриковичей внутридинастическим браком. Не исключено, что князья отчасти даже переоценивали степень нерушимости и серьезность угрозы, исходящей от такого союза. На протяжении XII в. у них была возможность убедиться, что отношения между тестем и зятем или двумя сватами отнюдь не всегда оказывались столь безоблачно устойчивыми, как они задумывались при заключении брака, что переменчивость политических интересов подчас оказывается сильнее уз свойствá. Однако в последней трети XI в. это новое, еще не испытанное оружие представлялось, по-видимому, неким абсолютно действенным инструментом, способным перечеркнуть все старые средства и связи и раз и навсегда изменить ход династической истории.

Именно к такому выводу нас подталкивает ситуация, сложившаяся зимой 1073 г., когда произошел конфликт между родными братьями, сыновьями Ярослава Мудрого, и отец нашего Ярополка вынужден был оставить киевский стол. Напомним, что непосредственным поводом, заставившим Всеволода Ярославича выступить против самого старшего из своих братьев, было исходящее от Святослава Ярославича известие о том, что Изяслав «сватится со Всеславомъ . мысля на наю» (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 182–183). Иными словами, одного только известия о переговорах Изяслава и Всеслава Полоцкого о браке их детей хватило для того, чтобы разрушить триумвират Ярославичей. Эффективность грядущего матримониального союза кого-то из отпрысков Изяслава с представителем полоцкой ветви Рюриковичей

представлялась настолько всеобъемлющей, что грозила перечеркнуть и давнюю упорную вражду Ярославичей со Всеславом, и узы кровного родства, объединявшие братьев, так что потребовалось незамедлительное изгнание Изяслава, дабы предотвратить эту опасность (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство» // Die Welt der Slaven. LVIII. 2013. С. 308–325).

На то, чтобы сгладить конфликт между Всеволодом и Изяславом Ярославичами, ушли годы. Наследники же Святослава Черниговского, в сущности, так и не смогли примириться со своими дядьями, что и привело к гибели Изяслава в битве на Нежатиной Ниве. В 70-е гг. XI в. этот нежелательный для большинства представителей Ярославовой ветви брак со всей очевидностью удалось предотвратить, однако самая соблазнительная возможность вступать в матримониальный союз с представительницами полоцкого дома осталась. Напомним, что с канонической точки зрения только среди них и могли искать себе брачных партнеров остальные Рюриковичи как в 70-е, так и в 80-е годы, все прочие внутридинастические комбинации еще оставались невозможными, так как остальные члены разросшейся семьи Рюриковичей были еще в слишком близком родстве.

Иными словами, в семье Ярополка осуществилось то, что не дано было довести до конца его отцу Изяславу Ярославичу. При этом Изяславу пришлось за свой брачный проект расплатиться киевским столом, а Ярополку Изяславичу, если наша гипотеза верна, собственной жизнью. Можно было бы, попытавшись реконструировать мотив политического убийства, попробовать указать и на его бенефициаров. Мы, однако, предпочли бы воздержаться от прямых обвинений, так как восстанавливаемая нами ситуация была нежелательна для всех потомков Ярослава Мудрого, не принадлежавших к линии Изяслава. Представляется несомненным, вместе с тем, что в наибольшей степени угрозе подвергались династические планы Всеволода Ярославича и его сыновей.

Небезынтересно, разумеется, оборвалась ли жизнь Ярополка в ту пору, когда его дочь была уже отдана за Глеба или предусмотрительные убийцы пытались, подобно тому, как это было проделано в 70-е годы, разрушить такой матримониальный проект на стадии сватовства. Как мы знаем из дальнейшего, договор о династическом браке был лишь немногим менее значим для его участников, чем самая свадьба, и Ярополк, строго говоря, мог выступить против своего дяди, не дождавшись того момента, когда его дочь будет уведена в полоцкие земли. Однако сколько-нибудь определенные ответы на все эти вопросы из летописи извлечь не удается.

*** В данной научной работе использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X–XVII вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.**

А.Н. Медушевский (Москва)

Проблемы исторической географии в научном творчестве О.М. Медушевской

Продолжая традиции классической русской науки (В.И. Вернадский, А.С. Лаппо-Данилевский) и своих учителей – А.И. Андреева и В.К. Яцунского, О.М. Медушевская внесла фундаментальный вклад в становление исторической географии как научной дисциплины и заложила основы ее преподавания в нашей стране. Для ее подхода к этой проблематике было характерно глубокое философское осмысление пространства, времени и смысла существования человека; междисциплинарный и антропологический подход к реконструкции

географических представлений и знаний, специальное внимание к критической источниковедческой разработке источников и их свидетельств, использование инструментария практически всех вспомогательных исторических дисциплин для достижения точных конкретных знаний в этой области (Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Она же. Теория исторического познания: Избранные произведения. М.; СПб., 2010; Она же. Пространство и время в науках о человеке. М.; СПб., 2013).

Основополагающий фундаментальный труд О.М. Медушевской – ее кандидатская диссертация «Русские географические открытия на Тихом Океане и в Северной Америке (50-начало 80-х годов XVIII века)» не был опубликован при жизни ученого и оказался введен в научный оборот только в новейшее время (Медушевская О.М. Русские географические открытия на Тихом Океане и в Северной Америке (50-начало 80-х годов XVIII века) // Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.; СПб., 2013. С. 87–278). Этот историографический факт, чрезвычайно затормозивший разработку вопросов исторической географии, нуждается в объяснении и анализе.

Практические трудности работы над диссертацией раскрываются по архивным документам (протоколам заседаний) кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (ГИАМ. Ф. 535 (МГИАИ), за предоставление мне сведений о которых выражаю признательность Л.П. Зайцевой). О.М. Медушевская, окончившая Историко-архивный институт в 1944 г., состояла с этого времени на работе в Научно-издательском отделе ГАУ МВД СССР. В сентябре 1946 г. она, «выдержав приемные испытания», была принята в заочную аспирантуру ИАИ (См.: «Отчет Кафедры вспомогательных исторических дисциплин за 1946−1947 годы» // ГИАМ. Ф. 535 (МГИАИ). Оп. 1. Д. 358. Л. 12−13), однако зачислена в нее «по заочному отделению» лишь в январе 1947 г. (Протокол от 17 января 1947 г. «О зачислении О.М .Медушевской в аспирантуру по заочному отделению» // Там же. Д. 356. Л. 5). Столь значительный промежуток времени от принятия до зачисления связан с критическим положением ее научного руководителя – А.И. Андреева в ситуации идеологических нападок на него и административными причинами. Зачисление в аспирантуру также не позволило О.М. Медушевской непосредственно перейти к научной работе, поскольку, как констатировалось в решении кафедры от 26 марта 1947 г., «тов. Медушевская, отработавшая по окончании Института нужный срок, до сих пор не освобождается от работы», в связи с чем не может выполнять определенные задания (Протокол заседания кафедры вспомогательных исторических дисциплин от 26 марта 1947 г. «Об аспирантуре» // Там же. Д. 357 Л. 5).

Выяснилось, что архивное руководство неодобрительно смотрит на научно-исследовательскую деятельность аспирантки и всячески стремится препятствовать ей под предлогом поддержания жесткой служебной дисциплины того времени. «Ввиду загруженности служебной работой О.М. Медушевская, – констатировалось в документах кафедры, – почти не выполнила свой аспирантский план. Руководитель ее, зав. кафедрой А.И. Андреев, неоднократно указывал на необходимость освобождения О.М. Медушевской от службы в Научно-издательском отделе, что встречает, однако, возражение со стороны руководителя отдела П.Г. Софинова» («Отчет Кафедры вспомогательных исторических дисциплин за 1946−1947 годы» // Там же. Д. 358. Л. 12−13). На деле речь шла о стремлении архивного руководства

безвозмездно использовать труд эффективной исследовательницы для подготовки коллективных публикаций и справочных материалов Научно-издательского отдела с целью повысить свой административный престиж. Этот конфликт разрешился лишь к концу 1947 г. путем перевода аспирантки в очную аспирантуру. «О.М. Медушевская приступила к работе с сентября 1947 г. Индивидуальный план утвержден кафедрой. Но с переходом ее в очную аспирантуру и зачетом ей времени в заочной аспирантуре сроки плана передвинулись. По плану сдача экзаменов на 1 год, 2-й год остается для написания диссертации» (Протокол заседания кафедры от 3 декабря 1948 г. «Аттестация аспирантов» // Там же. Д. 477. Л. 17).

Идеологические препятствия для научной деятельности оказались еще более значимыми в условиях послевоенной сталинской кампании против «низкопоклонства перед Западом». В связи с отстранением А.И. Андреева от преподавательской деятельности по этим мотивам и его изгнанием из ИАИ в 1949 г. вновь возник вопрос о научном руководстве аспиранткой. Вопрос был решен неформальной договоренностью А.И. Андреева с В.К. Яцунским, взявшим на себя функции научного руководителя диссертационным исследованием О.М. Медушевской. Именно в это время был написан первый завершенный научный труд О.М. Медушевской – ее аспирантская работа о карте А.А. Виниуса, рукописный вариант которой отразил влияние трудов Андреева (Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1940), но сохранил правку Яцунского (Медушевская О.М. Карта Московского государства и Сибири А.А. Виниуса // Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке: С. 279–306). В связи с перемещением А.И. Андреева из Москвы в Ленинград общение исследовательницы с ним шло в основном в форме переписки (Ананьев В.Г. О письмах О.М. Медушевской А.И. Андрееву (по материалам ПФА РАН) // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: мат-лы XVII междун. конф. М., 2010. С. 90–101).

Решение о смене руководителя было формально зафиксировано протоколом кафедры 16 мая 1949 г. (Протокол от 16 мая 1949 г. – «О назначении В.К. Яцунского научным руководителем О.М. Медушевской» // Там же. Д. 477. Л. 66). Только в августе 1949 г. кафедра смогла приступить к обсуждению темы диссертации О.М .Медушевской, посвятив этому вопросу специальное заседание (Протокол от 7 августа 1949 г. «О теме диссертации О.М. Медушевской» // Там же. Д. 477. Л. 36–38). Однако новый руководитель диссертации В.К. Яцунский также был подвергнут критике за «низкопоклонство», поскольку упорно дистанцировался от участия в разоблачительной кампании против Андреева, единомышленником которого он был, и сам широко использовал иностранную литературу в своих трудах и исследованиях по исторической географии (См.: Яцунский В.К. Историческая география: история ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955). Данные обстоятельства вновь привели к перенесению сроков работы над диссертацией. Сложная ситуация была вполне понятна коллегам исследовательницы, которые решением от 19 октября 1949 г. постановили: «Считать просьбу О.М. Медушевской о продлении ей срока пребывания в аспирантуре до 1 октября 1950 г. мотивированной» (Протокол кафедры от 19 октября 1949 г. // ГИАМ. Ф. 535 (МГИАИ). Оп. 1. Д. 535. Л. 67).

Это позволило затем вынести тему на заседание Ученого совета Института, на котором также состоялась дискуссия по данному вопросу (Протокол

заседания Ученого совета Института: утверждение тем кандидатских диссертаций – обсуждение темы О.М. Медушевской // Там же. Д. 463. Л. 35–40). Поэтому реальная работа могла начаться только в 1950–1951 гг., когда на кафедре были обсуждены отдельные главы диссертации (Протокол обсуждения глав диссертации О.М. Медушевской // Там же. Д. 535. Л. 129–130). В этот период О.М. Медушевская вела уже не только исследовательскую, но и педагогическую работу, оценивая, в частности, дипломные работы студентов по исторической географии и картографическим источникам (См.: Отзыв О.М. Медушевской о дипломной работе по новым картам (от 16 апреля 1951 г.) // Там же. Д. 608. Л.107–111). О признании высокого научного уровня диссертационного исследования О.М. Медушевской говорит серьезное и внимательное обсуждение диссертации на кафедре 12 мая 1952 г. (Протокол от 12 мая 1952 г.: «Обсуждение диссертации О.М. Медушевской» // Там же. Д. 680. Л. 13–135). Обращала на себя внимание новая постановка вопросов, знание источников, глубокая архивная фундированность работы, где были проанализированы документы десятков фондов из крупнейших архивов Москвы и Ленинграда (См. напр: Давыдов Б.Б. О работе О.М. Медушевской в читальном зале ЦГВИА СССР// Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXV Междун. науч. конф. М., 2013. Ч. II. С. 286–288).

Несмотря на жесткие идеологические и цензурные ограничения рассматриваемого периода, диссертация О.М. Медушевской была успешно защищена 30 июня 1952 г. и получила высокую оценку специалистов (Протоколы Ученого совета Института. Защита диссертации О.М. Медушевской 30 июня 1952 г. // Там же. Д. 653. Л. 14–45). Автореферат диссертации, впрочем, отразил содержание работы лишь в ограниченной степени (Медушевская О.М. Русские географические открытия на Тихом Океане и в Северной Америке. Автореф. канд. дисс. М., МГИАИ, 1952). Важнейшим практическим результатом исследования стала подготовка О.М. Медушевской фундаментальной публикации картографических источников – «Атласа географических открытий в Сибири и северо-западной Америке XVII–XVIII веков», увидевшего свет только в период «Оттепели» (1964 г.) (Атлас географических открытий в Сибири и северо-западной Америке XVII–XVIII веков. М., 1964). Этот труд, заложивший основы исторической картографии, не избежал определенной цензурной корректировки, внесенной непосредственно перед выходом книги, которую исследовательница отказалась принять (Булатов А. Странная история старинных карт России в советские годы/ / Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2012, № 6 (97) июнь. С. 42).

Таким образом, со времени поступления в аспирантуру в 1946 г. до защиты диссертации прошло 6 лет, на протяжении которых О.М. Медушевской приходилось преодолевать многочисленные идеологические, цензурные и административные барьеры, а результаты работы длительное время оставались известны лишь узкому кругу специалистов. Как минимум три раза работа над диссертацией прерывалась по независящим от диссертантки трудностям. Трудности преследовали диссертанта даже в ходе самой защиты, когда было высказано мнение об опасности столь подробного изучения картографических источников прошлого в виду их политической злободневности. Это привело к немедленному закрытию практически всех материалов, с которыми работала О.М. Медушевская, и сделало их недоступными как для нее, так и других исследователей на длительное время.

В последующее время О.М. Медушевская смогла опубликовать лишь одну большую статью по теме диссертационного исследования (Медушевская О.М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII в. // Труды МГИАИ. М., 1954. Т. 7. С. 95–127), не считая нескольких работ о русских землепроходцах в энциклопедии (Медушевская О.М. Русские землепроходцы XVII–XVIII вв. Статьи для Большой Советской энциклопедии: Перфильев (Перфильев), Илья //БСЭ. 2-е изд.- М., 1955. Т. 32. С. 547; Попов Ф.А. //Там же. Т. 34. С. 163; Стадухин М.В. //Там же. М., 1957. Т. 40. С. 417) и ряда последующих обращений к этой теме уже в 1990-е гг (Медушевская О.М. Социальный состав мореходов XVIII в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990; Она же. Источники о плаваниях русских мореходов на Алеутские острова во второй половине XVIII в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 164–165). Перевод и издание названной выше статьи о картографических источниках в канадском журнале в 1972 г. послужил основанием для идеологической проработки О.М. Медушевской со стороны партийных инстанций и привел к запрету всех контактов исследовательницы с иностранными учеными (Medushevskaia O.M. Cartographic Sources of the Russian Geographic Discoveries in the Pacific Ocean in the Second Half of the 18-th Century // The Canadian Cartographer. 1972. Vol. 9).

Поскольку все возможности по продолжению этой работы оказались заблокированы, основное внимание О.М. Медушевской было обращено на подготовку учебных курсов по картографии XVII–XVIII и XIX вв. (Медушевская О.М. Картографические источники XVII–XVIII вв. Учебное пособие по источниковедению истории СССР / Отв. ред. В.К.Яцунский. М., 1957; Она же. Картографические источники первой половины XIX в. М., 1959), разработку методов публикации картографических источников (Медушевская О.М. О методике издания картографических источников // Исторический архив. 1961. № 4 (в соавторстве). С. 193–203).

На этой основе стала возможной постановка проблем исторической географии как научного направления, предметной области знаний и университетской дисциплины (Медушевская О.М. Историческая география. Программа курса. М., 1956; Она же. Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина. М., 1959; Она же. Некоторые вопросы исторической географии в трудах по истории народов СССР // История СССР, 1960. № 1. С. 163–167). В них представлена не только концепция и структура основных курсов, но и раскрыта источниковая база соответствующих исследований. Это позволяло в трудных условиях сохранить преемственность научной школы и саму историческую географию как область научных знаний и университетскую дисциплину.

Важным самостоятельным направлением данных исследований в рамках Всесоюзного географического общества стал анализ формирования и развития научных взглядов А.И. Андреева и В.К. Яцунского, их исследовательского метода и педагогической практики (Медушевская О.М. А.И. Андреев как ученый // В.К. Яцунский и преподавание исторической географии // История географии и историческая Материалы Московского филиала Всесоюзного географического общества. История географических знаний и историческая география. М., 1971. Вып. 5: История географических знаний и историческая география. Этнография; она жгеография. М., 1975. С. 10–11;

Она же. Историческая география в преподавании В.К. Яцунского // Материалы Всесоюзного географического общества. М., 1976). В их творчестве подчеркивалась преемственность русских академических традиций, восходящих к методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского, синтез гуманитарного и естественно-научного знания, рассмотрение истории как точной и строгой науки (Медушевская О.М. К проблеме интеграции гуманитарного и естественно-научного знания: научное наследие В.К. Яцунского // Источниковедение XX столетия. М., 1993. С. 93−94; Она же. История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева // Вестник РГГУ. 2008. № 4 (апрель). С. 312–328).

Историческая география и ее перспективы, – считала О.М. Медушевская, – особенно важны с этих позиций, потому что они представляют собой редкий феномен эффективного, по существу междисциплинарного, взаимодействия естественных (география) и гуманитарных (историческая) наук, формируя особое междисциплинарное пространство. Реконструируя исторические представления о пространстве и времени, наука способна проследить развертывание человеческой деятельности, ее выражение в источниках, отражающих картину мира социума, установки социальной и когнитивной адаптации индивидов. В рамках данного подхода О.М. Медушевской было осуществлено переосмысление теоретических проблем источниковедения, сравнительно-исторического метода, заложены основы современной исторической антропологии и социологии истории (Медушевская О.М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. № 11). Перспективы исторической географии как науки и университетской дисциплины особенно важны в эпоху глобализации и ее обратной стороны – регионализации мира (Медушевский А.Н. Российская школа исторической географии: классические традиции и новые направления исследований // Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2013. Вып. II. С. 25–47).

Эти идеи стали отправной точкой на пути создания новой научной парадигмы – теории и методологии когнитивной истории О.М. Медушевской.

Е.А. Мельникова (Москва)

Жанровые особенности древнеисландских саг и форма отражения в них связей скандинавского и восточноевропейского миров

Вопрос, почему в древнескандинавских письменных текстах не отразились (или почти не отразились) события IX – первой половины X в., эпохи наиболее интенсивной активности скандинавов в Восточной Европе, почему в них не запечатлелись такие важные – центральные для отечественной истории – фигуры, как Рюрик, Олег, Игорь, до сих пор остается без ответа, несмотря на интенсивные исследования русско-скандинавских отношений эпохи викингов.

Поездки скандинавов в Восточную Европу нашли наиболее последовательное отражение в трех видах (жанрах) древнеисландских саг: королевских, родовых и «викингских». Первые ныне рассматриваются как специфическая форма раннего историописания и опираются на устную историческую традицию и поэзию скальдов. Написанные в конце XII – XIII в., королевские саги имели целью представить последовательную и «правдивую» историю норвежских конунгов-Инглингов до 1177 г. К числу описываемых событий относились, прежде всего, обстоятельства их прихода к власти, законодательная деятельность, борьба с врагами внешними (прежде всего,

данами, в меньшей степени – свеями) и внутренними (непокорными местными правителями), причины смерти и погребение. Во многих случаях рассказывалось о юношеских подвигах будущего конунга. Особое место занимала миссионерская деятельность двух Олавов. Целевая установка безымянных авторов королевских саг, а до времени их составления – специфика исторической памяти дописьменного времени, определяли крайне незначительное внимание к внешнему миру, который попадал в поле зрения лишь тогда, когда в нем оказывался сам конунг, будущий или настоящий. Соответственно, Восточная Европа возникала в повествовании не как самоценный предмет описания, а как либо – чаще всего – место пребывания самого норвежского конунга или его посланца (например, купца), либо в связи с какими-то конкретными событиями (например, сватовство Ярослава Мудрого к Ингигерд).

В исландских родовых сагах описывается история исландских знатных родов на протяжении нескольких поколений, с конца IX и до начала XI в. В контексте деяний сотен исландцев сообщается и об их поездках в Восточную Европу – с торговыми целями или для военной службы на Руси или Византии. Эти сообщения кратки и, как правило, не содержат каких-либо подробностей: отмечается сам факт поездки исландца.

Ориентированные на «достоверность» сообщаемого, и королевские, и родовые саги отражают конкретное событие («факт»), но отражают его в той форме, в которой оно запечатлелось в исторической памяти: прежде всего, его основные, «маркирующие» признаки: имя актора, место, куда он отправился, какие-то специфические особенности этой поездки. При сохранении «ядра» повествования многие детали заменялись и реинтерпретировались: многочисленные и более или менее однотипные повествования о подвигах скандинавов за пределами родины контаминировались, на их основе создавалась своего рода «база данных» – фонд мотивов и сюжетов, наиболее типичных и часто повторяемых, которые могли с легкостью переноситься из одного повествования в другое. Могла меняться и мотивация действий героя. На достоверность сообщаемого также влияла общая тенденция героизировать личность и поступки центрального персонажа саги, особенно – его деятельность за рубежом (на Руси, в Англии, в Византии – повсюду он оказывается храбрейшим, сильнейшим и т.д.).

Наряду с указанным, немаловажную роль играет и временная дистанция. По мере отдаления от XI в. повествования становятся все более краткими, лишенными подробностей, но все более насыщенными «типическими» (заимствованными из «базы данных») и фольклорными мотивами, смыкаются с представлениями о мифологическом прошлом. Описание событий IX – первой половины X в., в том числе правления такого, казалось бы, знакового конунга, как Харальд Прекрасноволосый (умер около 933 г.), лежит между «историей и мифом», а сама фигура Харальда иногда рассматривается как чисто вымышленная.

Информация в этих двух видах саг о связях с Восточной Европой в IX – первой половине X в. крайне скудна. Но она скудна и в целом для ранней эпохи викингов. Заставившие трепетать Запад набеги викингов IX в. практически никак не отразились в родовых и королевских сагах. Немногочисленные упоминания ограничены констатацией самого факта поездки (военного набега) – чаще всего в Восточную Прибалтику и Англию (походы во Франкию не упоминаются вообще).

Сказанное не означает, что ранняя эпоха викингов была забыта скандинавами XI и последующих веков. Просто «героический век» Скандинавии нашел отражение в другом виде саг – «сагах о викингах» (группе саг, выделенных из жанра «саг о древних временах»). Именно в них мы находим красочные повествования о деяниях Рагнара Кожаные Штаны, осаждавшего Париж и погибшего в змеиной яме в Йорке (его реальное существование подтверждается франкскими анналами), об Одде Стреле, правителе Гардарики, погибшем от укуса змеи, выползшей из черепа коня, о Хрольве Пешеходе (Роллон франкских источников), основателе герцогства Нормандия, и многих других реальных и вымышленных викингах, совершавших подвиги на Западе и на Востоке.

В отличие о родовых и королевских саг, саги о викингах ориентированы на «развлекательность» и воспроизводят не столько воспоминания о конкретных событиях прошлого, сколько обобщенные, «типовые» представления об этом прошлом, и поэтому для них принципиально не важно, является ли герой саги реальным или вымышленным персонажем. Важно его соответствие сложившемуся в сознании скандинавов XIII в. образу бесстрашного викинга. Реальность маркируется в сагах о викингах именами и топонимами, иногда – деталями сюжета, но – по условиям жанра – она не должна обязательно отражаться в описании действительно бывших событий. Фабулы викингских саг – подвиги героя – могут быть смутным воспоминанием о делах давно минувших, но могут и просто заимствоваться в той же «базе данных». В обоих случаях сюжет насыщается фольклорными сюжетами и мотивами: борьба с великанами, драконами и другими чудовищами, сватовство, предсказания и др.

Восточная Европа и Русь-Гардарики представлены в сагах о викингах как пространство, в котором постоянно (почти во всех сагах) оказываются герои-скандинавы, приходящие на помощь местным конунгам, также скандинавам, или сражающиеся с ними за власть в «государстве» (нередко упоминаются их родственные связи с правителями Скандинавских стран) и в результате находящие здесь себе невесту. «Русские» конунги носят исключительно скандинавские имена, общеупотребительные – для правителей Ладоги-Альдейгьюборга и вымышленные – для персонажей, не связанных с ними. Реальные топонимы (как и ряд вымышленных) – Gandvík, Aldeigjuborg, Alaborg и др. – охватывают Восточную Прибалтику и северо-запад Восточной Европы. Главным центром «Восточных земель» оказывается Ладога-Альдейгьюборг. Наконец, в викингских сагах находит отражение «варяжская» устная традиция: сказания, сложившиеся в Восточной Европе в скандинавской дружинной среде (о смерти Олега), и собственно скандинавские предания, принесенные варягами на Русь (сожжение Ольгой древлянских послов, осада Искоростеня и др.).

В вымышленных, стереотипных сюжетах викингских саг в обобщенном виде отражается реальная действительность IX – первой половины X в.: включенность Ладожско-Ильменского региона в балтийский мир, легкость и частота перемещения в нем скандинавов, их контроль (и борьба за него) над северным участком Балтийско-Волжского пути, роль Ладоги в регионе.

Таким образом, информация о Восточной Европе до середины X в. присутствует в древнескандинавской литературе, но не в виде сообщений о конкретных событиях, как в родовых и королевских сагах, а в обобщенной и

типизированной форме, в значительной степени основанной на устных преданиях о событиях далекого прошлого.

А.М. Пашков (Петрозаводск)

Елена Ивановна Каменцева и ее роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин (к 95-летию со дня рождения)

Елена Ивановна родилась 2 октября 1920 г. в Симбирске. Она была внучкой Ивана Ильича Барышева (1852–1911), который был приказчиком известного книгоиздателя купца К.Н. Солдатенкова и автором большого количества юмористических рассказов из жизни «третьего сословия», опубликованных под псевдонимом «Мясницкий» (Гитович И.Е. Мясницкий Иван Ильич // Русские писатели. 1800−1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 194−196). Одна из дочерей И.И. Барышева, Александра Ивановна, вышла замуж за инженера Ивана Ефимовича Каменцева (1880–1922), который в 1920 г. был отправлен в Поволжье на восстановление разрухи, заболел там тифом и умер. Вдова с дочерью вернулись в Москву.

После окончания в 1938 г. школы Елена Ивановна поступила в недавно образованный Историко-архивный институт. В то время обучение там продолжалось 4 года. 1930-е гг. были периодом становления Историко-архивного института. В нем преподавали многие известные ученые. Одним из наиболее успешно развивавшихся направление в то время было изучение и преподавание вспомогательных исторических дисциплин. С 1938/1939 учебного года преподавание вспомогательных исторических дисциплин в МГИАИ вел Николай Владимирович Устюгов (1896–1963). Уже в 1939−1940 гг. он опубликовал на стеклографе краткие пособия по нескольким читаемым им курсам (Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. Ч. 1: Хронология. М., 1939; Ч. 2: Метрология. М., 1939; Ч. 3: Сфрагистика. М., 1939; Ч. 4: Геральдика. М., 1940; Ч. 5: Нумизматика. М., 1940). В августе 1939 г. была создана кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Ее первым заведующим стал Александр Николаевич Сперанский. Новая кафедра нуждалась в кадрах, поэтому там началась подготовка аспирантов. Под влиянием курсов Н.В. Устюгова Елена Ивановна решила сама заняться изучением вспомогательных исторических дисциплин. В феврале 1942 г., после окончания учебы, она поступила в аспирантуру по кафедре ВИД. Ее первым научным руководителем стал А.Н. Сперанский.

Война внесла коррективы в размеренную жизнь института. Осенью 1941 г. Н.В. Устюгов ушел в московское ополчение, попал в окружение, а после выхода к своим был зачислен в регулярную армию и вернулся в МГИАИ только в 1945 г. В годы войны между Еленой Ивановной и Н.В. Устюговым продолжалась переписка, и до конца своей жизни Елена Ивановна бережно хранила письма, которые Николай Владимирович писал ей с фронта.

В начале марта 1942 г. на кафедру ВИД был принят на должность заведующего кабинетом-музеем Лев Владимирович Черепнин (1905–1977). Впоследствии известный советский ученый окончил аспирантуру РАНИОН, но в 1930 г. его арестовали по так называемому «Академическому делу», приговорили к ссылке на Север и три года (1931−1933) он провел на лесозаготовках в Холмогорском районе.

Л.В. Черепнин заменил ушедшего на фронт Н.В. Устюгова в чтении курсов по вспомогательным историческим дисциплинам, дополнил его пособия новы-

ми материалами и издал сначала переработанные и дополненные пособия Н.В. Устюгова (Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. В 2-х частях / Сост. Н.В. Устюгов, перераб. и доп. по поруч. кафедры вспомогат. истор. дисц. Л.В. Черепнин. М., 1943. Ч. 1: Хронология; Ч. 2: Метрология и денежный счет), а затем и собственные пособия по метрологии и хронологии (Черепнин Л.В. Русская метрология. Учебное пособие / Под ред. А.И. Андреева. М., 1944; Черепнин Л.В. Русская хронология. Учебное пособие / Под ред. и с предисл. А.И. Андреева. М., 1944). Уже после войны Л.В. Черепнин издал курс палеографии, в котором наряду со своими материалами использовал рукописи умершего в блокаду ленинградского историка Н.С. Чаева (Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. Учебное пособие / Под ред. А.И. Андреева. М., 1946). В период кампании по «борьбе с космополитизмом» в конце 1940-х гг. это пособие Н.С. Чаева и Л.В. Черепнина подверглось несправедливой критике (Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 36–37). В результате Л.В. Черепнин серьезно переработал и расширил это пособие, создав фактически новый учебник, который и был издан с грифом МГИАИ в 1956 г. (Черепнин Л.В. Русская палеография. Учебное пособие для вузов. М., 1956).

В июле 1942 г. из блокадного Ленинграда был эвакуирован выдающийся дореволюционный геральдист Владислав Крескентьевич Лукомский (1882–1946) и после нескольких месяцев лечения в санатории, но не позднее декабря 1942 г., он уже приступил к преподаванию в МГИАИ. И хотя В.К. Лукомский был уже тяжело болен, в годы пребывания в стенах МГИАИ он успел подготовить несколько работ по геральдике (Лукомский В.К. К вопросу о происхождении Смоленского герба // Труды МГИАИ. Т. 2. / Под. ред. А.И. Андреева. М., 1946. С. 71–76; Он же. Герб как исторический источник (доклад, прочитанный в секторе вспомогательных исторических дисциплин 22 ноября 1945 г.) // КСИИМК. Вып. 17. М.; Л., 1947. С. 49–57; Он же. Эмблематический гербовник / Рис. А.А. Толоконникова // Геральдика. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 131–168. Последняя работа была создана В.К. Лукомским в 1944 г. в количестве 10 экземпляров как учебное пособие для студентов МГИАИ). В 1980-е – начале 1990-х гг. Елена Ивановна много делала для того, чтобы восстановить память о В.К. Лукомском, ориентировала своих аспирантов на поиски документов о нем в архивах и подготовку посвященных ему публикаций, сама написала несколько работ о нём. Так, уже в начале 1980-х гг. она располагала копией автобиографической «Хроники моей жизни» В.К. Лукомского. Итогом всех усилий стала написанная Еленой Ивановной (в соавторстве с О.Н. Наумовым) брошюра о В.К. Лукомском, содержащая исчерпывающий биобиблиографический указатель (Каменцева Е.И., Наумов О.Н. В.К. Лукомский. Жизнь и деятельность. Биобиблиографический указатель. М., 1994).

Кроме упомянутых специалистов в годы войны и в первые послевоенные годы на кафедре ВИД работали Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959), Иван Филиппович Колесников (1872–1952), Иван Александрович Голубцов (1887–1966) и многие другие известные историки и архивисты. В эти же годы на кафедре учились в аспирантуре известный украинский историк академик Федор Павлович Шевченко (1914–1995), с которым Елена Ивановна впоследствии долгие годы поддерживала дружеские отношения, и ведущий специалист по истории России XVI–XVII вв. Наталья Федоровна Демидова,

которая долгие годы была лучшей подругой Елены Ивановны. С марта 1943 г. Елена Ивановна, не прерывая учебы в аспирантуре, стала лаборантом кафедры ВИД, затем начала вести занятия.

Именно в 1940-е гг. под влиянием выдающихся ученых, в основном, дореволюционной школы, таких как Н.В. Устюгов, К.В. Лукомский, А.И. Андреев, И.Ф. Колесников, Л.В. Черепнин, Елена Ивановна сформировалась как педагог и ученый. В 1949 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Новгородские порядные записи XVII века как источник по истории крестьянского закрепощения», в 1950-е гг. успешно продолжала преподавательскую и научную деятельность. В начале 1960-х гг. под влиянием «Хрущевской оттепели» историческая наука стала освобождаться от догматизма, и в этих условиях вырос интерес к вспомогательным историческим дисциплинам. Елена Ивановна со своим учителем Н.В. Устюговым впервые в СССР издает массовым тиражом в ведущем научном издательстве «Высшая школа» два учебных пособия – по сфрагистике и геральдике и по метрологии (Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1965). Пособие по сфрагистике и геральдике содержало обширный список литературы, созданный на основе картотеки подготовленной в 1940-х гг. Л.В. Черепниным и В.К. Лукомским. Выход этих пособий сразу сделал Елену Ивановну признанным и авторитетным специалистом, известным как у нас в стране, так и за рубежом (Пашков А.М. Труды Е.И. Каменцевой в англоязычной историографии // Гербовед. 1995. № 7. С. 15–18). В середине 1970-х гг. оба пособия были переизданы (Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., доп. М., 1974; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. Учебное пособие. 2-е изд. М., 1975). Показательно, что, хотя Н.В. Устюгов умер в 1963 г. и переработку пособий для их переиздания Елена Ивановна делала уже самостоятельно, она, верная памяти своего учителя, переиздала их вновь в соавторстве с Н.В. Устюговым.

В 1967 г. Елена Ивановна публикует свое учебное пособие по хронологии (Каменцева Е.И. Хронология. Учебное пособие для студентов гос. университетов. М., 1967). Оно было написано на таком хорошем уровне, что было переиздано 35 лет спустя (Каменцева Е.И. Хронология. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003). Кроме того, Елена Ивановна издала целый ряд учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам для студентов МГИАИ (Программы курсов, учебники и учебные пособия, изданные кафедрой вспомогательных исторических дисциплин // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С.178–183).

Можно без преувеличения сказать, что в 1960-е – 1980-е гг. тысячи студентов, аспирантов, сотни преподавателей высшей школы и ученых-историков и не поддающееся исчислению количество любителей изучали геральдику, сфрагистику, метрологию и хронологию по этим пособиям. Все эти издания неизменно хорошо были встречены читателями и быстро расходились. Елена Ивановна особенно гордилась тем, что в конце 1970-х или начале 1980-х гг. в Ленинградском НИИ метрологии, чтобы снабдить все отделы ее учебным пособием по исторической метрологии, его копировали на ксероксе.

В 1966 г. Елена Ивановна успешно защитила докторскую диссертацию «Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX вв. (исследование по истории мер)» (Каменцева Е.И. Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX вв. (исследование по истории мер): Автореферат дис. … докт. ист. наук. М., 1966), формально закрепившую за ней уже фактически достигнутый ею статус одного из крупнейших в СССР специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин. В 1971 г. Елена Ивановна получила должность профессора, и в 1976–1984 гг. была заведующей кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ.

Конец 1960-х – начало 1980-х гг. было временем расцвета научной и педагогической деятельности Елены Ивановны. У нее появилось много учеников, студентов-дипломников и аспирантов. Одним из первых ее учеников был Б.П. Зайцев, работавший потом в Харьковском университете. С неизменной теплотой она всегда высказывалась о заведующем отдела нумизматики Музея-заповедника «Московский Кремль» С.В. Звереве («мой ученик Сережа Зверев») и нумизмате и историке из Вологды А.В. Быкове.

Она очень жалела, что ее студент С.Г. Андриеш-Табак из Молдавии, написавший хорошую дипломную работу по молдавской геральдике, не смог продолжить учебу в аспирантуре МГИАИ, потому что независимая Молдова предпочитала готовить свои кадры геральдистов в Румынии, а не в Москве. Известным геральдистом стал И.В. Борисов. Продолжателем своего дела на кафедре Елена Ивановна считала Е.В. Пчелова. Именно с ним Елена Ивановна связывала надежды на переиздание своих пособий по метрологии и сфрагистике и геральдике.

Из всех учеников Елены Ивановны нужно выделить ее последнюю аспирантку сотрудницу Центрального музея древнерусской культуры и искусств им. А. Рублева Е.Я. Зотову, успешно защитившую весной 2003 г. кандидатскую диссертацию. В последние годы жизни Елены Ивановны Е.Я. Зотова, вместе с родственниками, взяла на себя заботу о ней, часто приезжала к Елене Ивановне и помогала ей решать разные бытовые проблемы. Надо отметить, что до последних дней жизни Елена Ивановна была окружена вниманием кафедры, ей звонили, ее навещали и по настоянию заведующей кафедрой М.Ф. Румянцевой Елена Ивановна до конца своих дней была профессором-консультантом.

В конце 1980–1990-е гг. в нашей стране происходило быстрое возрождение вспомогательных исторических дисциплин. В новых условиях Елена Ивановна, как признанный авторитет в этой области, была символом преемственности разных поколений ученых, человеком, чей авторитет помогал проведению конференций, изданию сборников, принятию новых гербов и т.п. Она входила в состав Геральдического совета при Президенте РФ, Герольдии при мэре Москвы (где принимала участие в воссоздании традиционной московской символики), была почетным членом Всероссийского геральдического общества и действительным членом Историко-родословного общества в Москве.

В 1988 г. по инициативе Елены Ивановны и под ее руководством был создан семинар по вспомогательным историческим дисциплинам, который с 1992 г. продолжился в виде семинара по геральдике. Позднее работой его работой руководили ученики Елены Ивановны Е.В. Пчелов и С.В. Зверев. К настоящему времени этот семинар стал центром объединения геральдистов

не только Москвы, но и многих городов России. На основе прочитанных там докладов регулярно выходят научные сборники (Труды Историко-архивного института. Т. 34: Сборник статей геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 1. М., 2000; Сборник статей геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 2 // Гербовед. 2004. № 4 (70). С. 5–147; Сборник статей геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 3 // Гербовед. 2004. № 9 (75). С. 5–160; Сборник статей научного семинара по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам им. Е.И. Каменцевой. Вып. 5 // Гербовед. 2005. № 7 (85). С. 4–141; Сборник статей научного семинара по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам им. Е.И. Каменцевой. Вып. 7 // Гербовед. 2005. № 3 (95). С. 5–160; Семинар по геральдике и вспомо-гательным историческим дисциплинам ИАИ РГГУ им. Е.И. Каменцевой. Бюллетени № 16–30 // Приложение к журналу «Гербовед». Вып. 2. М., 2007).

Елена Ивановна Каменцева скончалась 6 декабря 2004 г. До последних дней жизни она продолжала трудиться как историк. За полторы недели до кончины вышла последняя работа Елены Ивановны – воспоминания об Историко-архивном институте на рубеже 1930-х – 1940-х гг. (Полную библиографию работ Е.И. Каменцевой и литературы о её жизни и деятельности см.: Елена Ивановна Каменцева: Биобиблиографический указатель / Сост. Л.Н. Простоволосова, Е.В. Пчелов. М., 2006). Коллеги так оценили ее деятельность в области вспомогательных исторических дисциплин: «Елена Ивановна внесла большой вклад в исследование различных проблем вспомогательных исторических дисциплин: от теоретических разработок по всему комплексу вспомогательных исторических дисциплин до дискуссионных проблем русской хронологии и метрологии, геральдики и эмблематики. Она способствовала воссозданию в современной российской науке фалеристики, генеалогии, вексиллологии, читала курсы нумизматики и берестологии, сохранила и приумножила ту научную геральдическую традицию, которую в свое время олицетворял выдающийся геральдист В.К. Лукомский, в последние годы жизни работавший профессором кафедры» (Румянцева М.Ф., Медушевская О.М., Муравьев В.А., Чекунова А.Е., Казаков Р.Б., Пчелов Е.В. Памяти Елены Ивановны Каменцевой // Новый исторический вестник. 2005. № 1(12). С. 279–281).

В январе 2006 г. кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ провела конференцию «Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления», посвященную памяти Е.И. Каменцевой (Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Мат-лы XVIII науч. конф. / Под ред. В.А. Муравьева. М., 2006).

В 2010 г. состоялась конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Е.И. Каменцевой.

Сейчас, когда прошло уже несколько лет после кончины Елены Ивановны, можно сказать, что ее имя чтят и помнят множество людей в России и странах СНГ – ее коллеги, ученики, бывшие студенты, читатели ее работ. Это значит, что для нас Елена Ивановна по-прежнему жива...

Е.В. Пчелов (Москва)

Четыре животных в русской государственной эмблематике первой трети XVII в.

Саадак «Большого наряда» царя Михаила Фёдоровича был сделан группой европейских мастеров, работавших в кремлёвских мастерских, в 1627–1628 гг. (те же ювелиры создали и царский венец Михаила Фёдоровича 1627 г.). На налуче и колчане саадака помещены эмалевые изображения двуглавого орла, всадника-змееборца и единорога, т.е. государственных символов (эмблем), а, кроме того, центральное изображение двуглавого орла на налуче окружено изображениями четырёх животных, каждое из которых держит одну из царских регалий – это одноглавый орёл с царским венцом вверху слева (взгляд от зрителя), грифон с державой вверху справа, единорог со скипетром внизу слева и лев с мечом внизу справа. Происхождение этого комплекса бестиарных эмблем на официальном регальном предмете такого уровня неясно. Мне приходилось высказывать предположение, что их прототипами могли послужить символы четырёх евангелистов, однако внимательное рассмотрение более ранних церемониальных предметов Оружейной палаты заставляет скорректировать эту точку зрения.

Одним из уникальных шедевров в коллекции Оружейной палаты является двухместная карета царя Бориса Годунова (см. о ней недавнюю брошюру Е.В. Когут). Она была подарена английским королём Яковом I русскому государю в 1604 г. и является самым древним сохранившимся русским царским экипажем. Карета активно использовалась преемниками Бориса Годунова на протяжении XVII в., причём, что особенно важно, для репрезентативных целей. Иными словами, это был парадный царский экипаж – своего рода государственная регалия определённого типа. Царское место кареты (кресло) сохранилось со времён Михаила Фёдоровича. Чрезвычайно примечателен резной деревянный декор кареты. Для нас наиболее существенным фактом является следующий. Спереди и сзади кареты её деревянный стан фланкируют стоящие на возвышениях деревянные фигурки четырёх зверей, причём сзади эти фигуры расположены по бокам резного изображения двуглавого орла. Фигуры в передней части – орёл слева от зрителя (не сохранился), грифон со щитом справа. Фигуры в задней части – единорог со щитом слева, лев со щитом справа (на всех щитах, по-видимому, были изображения российских двуглавых орлов). Эти четыре фигуры полностью соответствуют четырём животным, изображённым на налуче саадака «Большого наряда». Причём идентично даже их расположение. Фигуры передней части кареты соответствуют изображениям животных на налуче, расположенным вверху от центральной эмблемы двуглавого орла, а фигуры задней части кареты – животным, чьи изображения расположены на налуче внизу от эмблемы двуглавого орла. Соотношение правой и левой сторон в обоих случаях показано от взгляда зрителя.

В результате композиционные схемы обеих бестиарных четвёрок аналогичны:

Орёл – Грифон (передняя часть = верх)

Единорог – Лев (задняя часть = низ).

Это со всей очевидностью заставляет полагать, что мастера, создававшие саадак «Большого наряда» ориентировались в выборе эмблем на фигурки животных, украшающих карету Бориса Годунова – карету, служившую церемониальным экипажем и Михаила Фёдоровича. Показателен тот факт, что

мастера, делавшие и саадак и венец, то есть «дополнявшие» царский «Большой наряд», ориентировались, как показала М.В. Мартынова, на декор скипетра и державы Бориса Годунова, заказанных им в начале XVII в., по всей видимости, в Праге при дворе императора Рудольфа II (сделанный тогда же венец не сохранился). Возможно, что и официальный царский экипаж был заказан в Англии примерно в то же время с целью создания «полного комплекса» регальных предметов для русского двора (о заказном характере кареты, как показала Е.В. Когут, может свидетельствовать нарочитое присутствие в его декоре русской государственной символики). Для Михаила Фёдоровича требовалось воссоздать этот «комлекс», восполнив утраты. Мастера создали венец, ориентируясь на стилистику сохранившихся скипетра и державы, а для некоторых деталей саадака, по всей вероятности, была использована символика декора сохранившейся парадной кареты, а именно изображения четырёх животных по бокам её передней и задней частей, буквально перенесённые в декор налуча саадака (но уже с изображениями регалий в лапах). Всё это показывает, что и венец, и скипетр с державой, и саадак, и карета составляли единый комплекс (и мыслились таковым) царских регалий Михаила Фёдоровича, по сути воспроизводивших и восполнявших регалии его предшественников. При этом сохранившиеся регальные предметы Бориса Годунова были дополнены новыми регалиями Михаила Фёдоровича, но ориентированными на стилистические и эмблематические традиции первых.

Остаётся вопрос, каков же источник эмблем четырёх животных. Есть ли это заимствование из европейской эмблематической традиции или же это эмблематика русского заказа (поелику и сама карета была заказной). В пользу первого могут свидетельствовать очевидные для британской геральдики эмблемы льва и единорога (особенно актуальные в своём соединении для Якова I, объединившего унией две страны). Но в этом случае требует объяснения пара орёл–грифон, имевшая, возможно, более статусное эмблематическое значение. Очевидно, однако, исходя из декора кареты, что однозначное отождествление эмблемы грифона с родом Романовых для начала XVII века представляется невозможным. Впрочем, возможность отечественных истоков символов вышеназванных четырёх животных также нельзя не принимать во внимание.

Д.Н. Рамазанова, Б.Л. Фонкич (Москва)

Собрание греческих манускриптов Рукописного отдела библиотеки МГАМИД РГАДА: этапы формирования и описания в XIX в.*

Коллекция греческих рукописей Российского государственного архива древних актов (РГАДА) невелика по объему, однако разнообразна в хронологическом и жанровом отношениях. Эта коллекция не сосредоточена в составе единого фонда, а распространена по нескольким собраниям, среди которых основная часть манускриптов хранится в следующих фондах: ф. 1607 (Дрезденские рукописные книги (Коллекция греческих рукописей)); ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД), оп. 14 (Греческие, голландские и грузинские рукописи); ф. 201 (Рукописное собрание М.А. Оболенского); ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии).

Значительная и важная часть коллекции греческих рукописей РГАДА находится в составе фонда Рукописного отдела библиотеки МГАМИД (ф. 181), где среди богатейшего собрания славянских, латинских, голланд-

ских, грузинских, арабских и других рукописей находится 25 греческих кодексов, отнесенных к оп. 14, которую составляют также грузинские и голландские манускрипты. По действующей на настоящее время системе шифров фонда выделенные греческие рукописи содержат номера с 1270 по 1295: № 1270 (Сборник церковного содержания (каталоги патриархов, митрополий, извлечения из Епифания Кипрского и др.)); № 1270а (новеллы византийских императоров); № 1271 (церковно-правовой сборник, содержащий Синтагму 14 титулов, Сборник 50 титулов, Собрание 87 глав и др.); № 1272 (толкование Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова); № 1274 (Синтагма Матфея Властаря с приложениями (правила Пс.-Иоанна Постника, ответы Никиты Ираклийского, каноны Никифора Константинопольского, и др.); № 1275–1277 (нотный Стихирарь в 3-х книгах); № 1278 (нотный Стихирарь); № 1279 (изложение «Индийской мифологии»); № 1280 (трактаты по философии и физике); № 1281 (Толкование Феофила Коридалевса на «Метафизику» Аристотеля, 1679 г.); № 1282 (Феофил Коридалевс «О душе», 1677 г.); № 1283 (трактаты Ямвлиха «О небе», Прокла Диадоха «Сфера», Исаака Аргира «О Пасхе» и др.); № 1284 (сборник грамматических и философских статей; церковно-правовой трактат Герасима Влаха); № 1285 («Синтаксис» Максима Планудиса и греческая грамматика); № 1286 («Логика и диалектика» в 3-х ч.); № 1287 («Илиада» Гомера); № 1288 («Илиада» Гомера со схолиями); № 1289 (богословский сборник); № 1290 (Литургия ап. Иакова); № 1291 (сочинения Еврипида и Ликофрона); № 1292 (сборник сочинений различного содержания, включающий богослужебные каноны, сочинения Григория Богослова, отрывки из грамматики и др.); № 1293 (сборник церковного содержания: молитвы, катехизис, нравоучительные тексты, правила); № 1295 «История войны с турками» (перевод с итальянского языка на новогреческий).

Коллекция греческих рукописей фонда начала формироваться еще в XVII в., в рамках собрания Посольского и Малороссийского приказов, рукописи которых были объединены в XVIII столетии. В частности, это относится к книгам, принадлежавшим греческому архимандриту Дионисию (подробнее об этом: Фонкич Б.Л. Библиотека иеромонаха Дионисия // Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 230–239; Тюрина Г.А. Из истории изучения греческих рукописей в Европе в XVIII – начале XIX в. Христиан Фридрих Маттеи (1744-1811). М., 2012. С. 244–246).

Рукописи фонда довольно рано стали объектом описания и исследования архивистов и ученых. На первоначальном этапе составлялись многочисленные реестры и описи книг и рукописей, находящихся в Московском архиве коллегии иностранных дел (затем – МГАМИД), а также поступавших сюда в разные годы. Одним из этапов истории архива, связанных с необходимостью инвентаризации рукописей, стали военные события 1812 г. После взятия войсками Наполеона Смоленска были приняты меры по сохранению государственного имущества: по распоряжению московского главнокомандующего графа Ф.В. Растопчина глава Архива Коллегии иностранных дел (далее – КИД) Н.Н. Бантыш-Каменский начал работу по подготовке бумаг архива к эвакуации. Среди собранных в 105 сундуках и коробах грамот и договоров, дипломатических документов и дел, были «манускрипты из библиотеки», которые 22 августа 1812 г. в числе архивных материалов на 120 подводах были отправлены во Владимир, а затем в Нижний Новгород, куда прибыли 16 сентября того же года. Однако отправлен был не весь ар-

хив: книги из библиотеки, а также греческие грамоты с прошениями о милостыне и некоторые другие документы пришлось оставить в Москве, где они в итоге уцелели от пожара, но все же подверглись частичному разорению (Белокуров С.А. Московский архив министерства иностранных дел в 1812 г. М., 1913. С. 23–26). Библиотекой в то время заведовал надворный советник М.И. Шульц, также оставшийся в Москве и приложивший немало усилий для сохранения библиотечного собрания (Там же. С. 37). После того, как архив был возвращен в Москву 25 января 1813 г., на протяжении многих месяцев проводилась его полная ревизия, в ходе которой Шульц «освидетельствовал» библиотеку (Там же. С. 55). В результате разбора книг и рукописей им, по-видимому, были составлены реестры (или каталоги) сохранившихся книг и рукописей.

Следующим важным этапом по инвентаризации и описанию рукописного собрания Московского архива библиотеки Коллегии иностранных дел была работа, проведенная в архиве в 1832 г., когда среди прочих был составлен реестр и греческих рукописей. Составителем этого реестра был выходец из фанариотского рода, князь Григорий Александрович Ханджери (1791–1847), служивший в Коллегии иностранных дел (о нем: Пчелов Е.В. Российские дворяне молдавского происхождения // Гербовед. № 88. М., 2006. С. 147–158). По-видимому, одной из обязанностей Г.А. Ханджери в 1832 г. была работа с греческими рукописями Московского архива КИД.

Тем же 1832 г. следует датировать отдельно существующий «Реестр найденным книгам и рукописям, не внесенным г. Шульцом в Каталоги» (Ф. 181. Оп. 19. 8-й реестр; 29 л.), который, по-видимому, был создан в результате обнаружения книг и рукописей, не зарегистрированных библиотекарем М.И. Шульцем после возвращения архива в Москву из эвакуации. Рукопись имеет подзаголовок «Реэстры печатным книгам и рукописям, найденным, не внесенными при приеме библиотеки, в 1832 году», где под № 3 (л. 19) упоминались греческие рукописи и печатная книга. Они составили небольшой список, содержащий пять пунктов. Первой упоминается печатная книга: «Сокращенная история на новогреческом языке, о сотворении мира до Константина Палеолога, последняго императора Восточной империи, содержит также Историю владычества турков до того времени, когда писал автор, равномерно историю Венециан и цареградских греческих патриархов; извлечено из разных авторов Дорофеем Монемвазийским, митрополитом» (Ф. 181. Оп. 19. Л. 19), ниже следует приписка другим почерком более темными чернилами: «Поступила в библиотеку и находится между книг в 4-ку под № 1227» (там же). Кроме того, в списке есть указания на следующие рукописи: 1) «Логика (имя сочинителя не означено)»; 2) «Метафизика» 3) «Рукопись, содержащая часть Гомеровой Илиады, между строками написано изъяснение прозою на новогреческом языке»; 4) «Неполная рукопись на еллинском языке, содержит молитвы». Позднее, по-видимому, были сделаны пометы, из которых ясно, что «Илиада» Гомера сохранилась в двух книгах, а «Логика» и «Метафизика» составляют три книги. Выявленные рукописи в опись были помещены уже после зарегистрированных ранее кодексов, под следующими номерами: «Логика» и «Метафизика» в трех книгах под старым № 796 (современный № 1286), «Илиада» – под старыми № 797 и 798 (современные № 1287 и 1288), и последняя рукопись по старому номеру № 799 (современный № 1289). Таким образом, можно проследить, как рукописи поступали в библиотеку либо выявлялись и фиксировались в реестрах.

В 1842 г., по-видимому, уже после прихода на службу в архив В.М. Ундольского, была продолжена работа по описанию рукописей архива, составившая несколько этапов. На первом этапе был составлен «Дополнительный реестр рукописям, которые не внесены в каталоги, также вновь приобретены покупкою или дарственностию. 1842-го года» (Ф. 181. Оп. 19. 40 л.). В этом обширном реестре среди многочисленных славянских кодексов под № 1004 была указана и одна греческая «рукопись в лист на 14 листах, скороп. Содержит часть Литургии Св. Апостола Иакова, без начала и конца, на греческом языке» (Там же. Л. 15 об. (по карандашной нумерации Л. 67 об.). Эта рукопись по действующим на настоящее время шифрам соответствует кодексу № 1290.

Следующий этап описания греческих рукописей архива также связан с деятельностью В.М. Ундольского, служившего в архиве Коллегии иностранных дел с 1842 по 1848 гг. (см: Немировский Е.Л. Вукол Михайлович Ундольский (1816–1864). М., 1996. С. 18–24). В эти годы им была проведена колоссальная работа по описанию рукописей архива (РГБ. ОР. Ф. 704. Карт. 16. № 20), в том числе и греческих (РГАДА. Ф. 181. Оп. 14). Этим описанием и в настоящее время руководствуются исследователи, обращающиеся к греческой части собрания бывшего МГАМИД. Описание В.М. Ундольского с отдельными комментариями было опубликовано С.А. Белокуровым в приложении II к его труду «О библиотеке московских государей в XVI столетии» (М., 1898. С. CXXVI–CLXXXIX). Сопоставление сохранившейся рукописи описания Ундольского и публикации Белокурова с его дополнениями позволяет выявить историю происхождения и бытования некоторых кодексов во второй половине XIX в.. При описании рукописей Ундольским, а также при дальнейшей работе над собранием была проведена не только их перешифровка, но и сделаны более подробные описания, которые дают исследователям в настоящее время более актуальный материал для отождествления и изучения этой части греческих манускриптов архива. Кроме того, уже после завершения службы В.М. Ундольского в архиве во время директорства князя М.А. Оболенского были проведены еще некоторые изменения в описаниях и хранении рукописей: например, продолжена работа по разделению конволютов и составлению описаний на отдельные кодексы, а не составные части. Так, например, рукопись под № 180 была выделена в отдельные три кодекса (№1, 1в, 2); современные шифры – 1270, 1270а, 1271) с отдельными описаниями. Отметим, что указания на номера по старому каталогу были в описании сделаны его рукой теми же чернилами, что и основной текст. Новая нумерация делалась уже карандашом.

Сопоставление описаний В.М. Ундольского и С.А. Белокурова с описями других библиотечных и музейных собраний Москвы XIX в. позволяет проследить и более сложные примеры истории бытования рукописей, в отдельных случаях содержащие немало загадок. Так, например, не ясно, каким образом в архивное описание греческих рукописей середины XIX в. был помещен кодекс под номером № 3 (по старому каталогу также № 180), содержащий поучения византийского писателя, богослова Николая Кавасилы, при том, что, судя по описаниям, эта рукопись числилась в собрании Синодальной библиотеки, о чем есть сведения и в каталоге 1805 г. Х.Ф. Маттеи (№ CCCXXIV. С. 212) и указателе архиеп. Саввы (Тихомирова) (М., 1858; напр., с. 67, 89), а затем в 1894 г. в «Систематическом описании…» греческих рукописей Синодального собрания архим. Владимира (Филантропова)

кодекс указан под названием «Сборник полемический против латинян» (№ 252. С. 345). При дальнейшем изучении рукописи в XX в. был выявлен писец – Максим Маргуний и уточнена датировка – конец 1570–1580-ее гг. (Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. М., 1993. С. 92). Изучение указанных описаний позволяет сделать два альтернативных предположения о судьбе рукописи в XIX в.: 1) если рукопись и покидала Синодальное собрание, то на очень небольшой промежуток времени в 1830–1840-е гг., после чего вернулась в библиотеку, поскольку уже в указателе архиеп. Саввы 1858 г. содержится упоминание с указанием шифров по Маттеи и по инвентарной описи 1823 г. (№ 337), но при этом неясно, кому и для чего понадобилась передача рукописи; 2) возможно, кодекс и не покидал Синодального собрания, но в этом случае непонятно, каким образом его описание оказалось среди рукописей МГАМИД. В описании МГАМИД впоследствии были сделаны уточнения и указан шифр этого кодекса в составе Синодального собрания № 252 (337/ CCCXXIV).

Другим примером рукописи, имеющей интересную судьбу, частично связанную с архивом, является кодекс, содержащий иллюминированное Евангелие-тетр (датируется 1220-1230 гг.) и имевший по старому каталогу шифр № 201. Его описание, сделанное В.М. Ундольским, известно благодаря публикации С.А. Белокурова. В XIX в. кодекс находился в составе собрания Московского архива КИД, однако в конце века Белокуров отмечал, что рукопись «ныне находится в Государственном Древлехранилище. Отд. V. разр. 3, ркп. № 3 (Белокуров С.А. О библиотеке… С. XLV–XLVI). Следовательно, в 1851 г., когда было создано «Государственное древлехранилище хартий, рукописей и печатей» (Анхимюк Ю.В. Материалы Древлехранилища в фондах ОР РГБ // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 698-701), то в него в числе других 893 ед. хр. была переведена и эта рукопись. Этот кодекс упоминался в докладе, представленном А.Е. Викторовым в 1882 г. Обществу любителей древней письменности как пример особо ценного памятника (Викторов А.Е. Государственное Древлехранилище в теремах Московского Кремлевского дворца. СПб., 1882. С. 13). После 1918 г. рукописи и предметы из Древлехранилища, имеющие музейную ценность, были переданы в Румянцевский и Исторический музеи. Так, по предложению Главархива в 1920 г. в Румянцевский музей был передан ряд рукописей (Анхимюк Ю.В. Указ. соч. С. 700-702), среди которых, по-видимому, было и греческое Евангелие. Уже в 1960-е годы рукописи были частично описаны, получили шифры и были включены в состав нескольких собраний, причем Евангелие вошло в собрание греческих рукописей (РГБ. ОР. Ф. 181. № 9; подробнее о нем см.: Фонкич Б.Л. Савва Рагузинский и греческое Четвероевангелие Российской Государственной библиотеки // Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 356-364; Щёголева Л.И. Греческие рукописи, хранящиеся в Российской государственной библиотеке // Вестник церковной истории. 2014. № 1/2(33/34). С 395–409).

Итак, небольшое по объему собрание греческих манускриптов Рукописного отдела библиотеки МГАМИД не только представляет значительный интерес в отношении разнообразия состава входящих в него рукописей, но и является примером архивной коллекции со сложной и отчасти драматической судьбой. Некоторые страницы истории формирования этого собрания, имеющие, несомненно, важное значение для понимания состояния архивно-

го дела в России XIX–XX вв., еще предстоит прочесть. При этом те из них, которые к настоящему времени поддались прочтению, оказываются связанными с именами выдающихся археографов и палеографов, приложивших немало усилий для того, чтобы это собрание оказалось доступным современным исследователям.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 14-01-00353.

Р.А. Симонов (Москва)

Путь распространение нептолемеевских магических взглядов на Руси XII века

Речь пойдет главным образом о магических методах, которые некогда применялись на Руси, но сейчас практически исчезли из жизни населения нашей страны (Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Сокровенные знания Древней Руси. М., 2015). Магические методы с медицинскими целями на Руси восходят к древним и античным представлениям: «Врачевание и врачебная астрология относились к ведомству астромагии. Астрономические, астрологические и медицинские знания Египта и Вавилона были транслированы в Грецию и стали органическим компонентом классического античного наследия. Плиний сообщает: «Доподлинно известно: Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон пускались в плавание, чтобы изучить ее [магию], переживая скорее изгнания, нежели путешествия. Ее они проповедовали по возвращении, ее держали в секрете». Концептуальной основой древних наук и практик служила натурфилософия» (Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Указ. соч. С. 221).

В указанной связи немаловажно установить, в какое время и каким путем магические представления получили распространение на Руси. В «Вопрошании» (середина XII века), написанном Кириком Новгородцем (1110-после 1156/1158), анализируется поверье «О злой судьбе», в котором рассматривается ситуация зачатия ребенка с неблагополучной судьбой. При этом дается совет, как рассчитать дни супружеского соития, чтобы избежать рождения «плохого» ребенка. При обсуждении этого вопроса архиепископ Нифонт осудил поверье, а соответствующий текст рекомендовал сжечь. Поверье «О злой судьбе» имеет свою историографию. Было установлено, что оно восходит к так называемым «Худым номоканунцам», в составе которых его текст был опубликован Н.С. Тихонравовым в середине XIX в. по рукописи XVI в. «Заповеди святых отец ко исповедающимся сыном и дщерем» (Тихонравов Н.С. Памятники отреченной руской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 302–303).

При всей близости текста поверья «О злой судьбе» в «Вопрошании» и «Заповеди» между ними есть одно существенное различие (не считая несущественных). Оно касается расчета дней соития супругов. В «Вопрошании» порядок соответствующих дней: воскресенье-суббота-пятница, а в «Заповеди» наоборот: пятница-суббота-воскресенье (Симонов Р.А. Поверье «О злой судьбе». К 900-летию Кирика Новгородца // Семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам. Бюллетень № 61. Заседание 20 января 2010 г. / РГГУ. М., 2010. С. 6). Значит, при магической обусловленности порядока дней недели в поверье «О злой судьбе», какой-то из двух вариантов поверья будет обладать магической «достоверностью», другой – нет.

Чтобы понять, какой из вариантов поверья «О злой судьбе» («Вопрошания» или «Заповеди») «магически истинен», надо выяснить, какая именно магия может лежать в основе поверья. Поскольку в нем речь идет о днях недели, то скорее всего, соответствующим магическим учением будет хрономантия – магическое гадание по времени. Античным обобщением идей хрономантии является произведение Клавдия Птолемея (2 в. н.э.) «Тетрабиблос» («Четверокнижие»), в котором устанавливались магические качества планет септенера – Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия, Луны (в порядке так называемого халдейского ряда – по удаленности от Земли). Надо иметь в виду, что магия во времена Птолемея не считалась чародейством: «Только в 3 в. магия стала идентична колдовству. Это значение она сохранила до наших дней» (Словарь античности / Сост. Й. Имшер; перевод с нем. М., 1989. С. 327). В качестве магически благоприятных («добро») для земных событий Птолемей назвал Юпитер и Венеру, неблагоприятных («зло») – Сатурн и Марс; остальные («средние») планеты могли быть теми или другими – в зависимости от определенных обстоятельств. Если учесть, что каждая планета «управляла» конкретным днем недели, то птолемеевское распределение магических качеств планет септенера по дням недели будет таким:

Распределение магических качеств планет септенера (птолемеевская версия):

Суббота	Четверг	Вторн.	Воскр.	Пятн.	Среда	Понед.
Сатурн	Юпитер	Марс	Солнце	Венера	Меркурий	Луна
зло	добро	зло	средн.	добро	среднее	среднее

В таком случае ни один порядок дней соития супругов в поверье «О злой судьбе» воскресенье (среднее) – суббота (зло) – пятница (добро) в «Вопрошании» и пятница (добро) – суббота (зло) – воскресенье (среднее) в «Заповеди» не будет иметь премуществ перед другим. Более того, если учесть, что зачатие ребенка рассматривалось в качестве поэтапного, а не одномоментного процесса, то суббота, в которую этот процесс пресекался («зло»), фактически дезавуировала магическую обусловленность поверья. Однако это не значит, что если птолемеевское распределение качеств дней недели не являлось магической основой поверья «О злой судьбе», то таковым не могло быть некое другое распределение качеств.

В указанном отношении интерес представляет распределение магических качеств дней недели, которое встречается в славяно-русском произведении «Часы на седмь дни: добры и средни и злы», опубликованном по списку середины XV в. (Тихонравов Н.С. Указ. соч. С. 382–384). Здесь приводится расписание суточных часов по планетам, не соответствующим птолемеевским магическим характеристикам. Благоприятными указываются Солнце, Сатурн и Венера (у Птолемея – Юпитер и Венера), неблагоприятными выступают Меркурий и Юпитер (у Птолемея – Сатурн и Марс), средними оказываются Луна и Марс (у Птолемея – Солнце, Меркурий, Луна). В 1992 г. М.Б. Левин указал на «работу раннего средневековья, найденную в одном из сербских монастырей», в которой характеристики планет были такими же, как в тексте «Часы на седмь дни…» (Левин М.Б. Лекции по астрологии: Начальный курс. М., 1992. Часть 3. С. 60–61).

Третьим произведением, в котором воспроизводятся нептолемеевские магические характеристики планет, является комплекс таблиц в списке рубежа XV–XVI вв. «По сему часы разумети дневные и ночные» (РГБ. Ф. 354.

№ 14. Л. 664). Здесь магически благоприятнымими являются Солнце, Сатурн и Венера, как в тексте «Часы на седмь дни…», неблагоприятными Меркурий и Марс (в «Часах…» – Меркурий и Юпитер), средними Луна и Юпитер (в «Часах…» – Луна и Марс). Не исключено, что появление обоих подтипов нептолемеевских магических характеристик обусловлено ошибкой переписчика, случайно поменявшего характеристики рядом расположенных в халдейском ряду Юпитера и Марса (Симонов Р.А. Русская астрологическая книжность (XI – первая четверть XVIII века). М., 1998. С. 27–28, табл. 3).

Если проверить «на магичность» выявленные неептолемеевские распределения качеств планет септенера, как это было сделано выше для птолемеевских, то картина будет такой:

Распределение магических качеств планет септерера (неептолемеевская версия):

Суббота Четверг Вторник Воскр. Пятн. Среда Понед.
Сатурн Юпитер Марс Солнце Венера Меркур. Луна
добро зло среднее добро добро зло среднее
добро среднее зло добро добро зло среднее

Получается, что все три части роковой последовательности дней недели поверья «О злой судьбе» (как в порядке: воскресенье-суббота-пятница, так и пятница-суббота-воскресенье) будут магически благоприятными («добрыми»). Это значит, что магической обусловленностью обладает именно неептолемеевское распределение качеств планет септенера, а не соответствующее птолемеевское распределение. Значит, уже в XII в. в Новгороде ученый Кирик и архиепископ Нифонт обсуждали это поверье, магическая обусловленность содержания которого и вызвала у Нифонта небывало острую реакцию с требованием сожжения неугодного текста. Между тем, факт ознакомления Кирика с содержанием поверья «О злой судьбе» стал связываться с «Заповедью святых отец ко исповедающимся сыном и дщерем» (Павлов А.С. О сочинениях, приписываемых русскому митрополиту Георгию (Открытое письмо к профессору Е.Е. Голубинскому) // Православный собеседник. М., 1881. Т. 1, февраль. С. 348). При этом в историографии появились гипотезы о греческих, южнославянских и латинских корнях «Заповеди» (Симонов Р.А. Поверье «О злой судьбе». С. 6–8).

Подводя предварительный итог, можно констатировать, что версия поверья «О злой судьбе», представленная в «Вопрошании» Кирика Новгородца, является самостоятельным неептолемеевским вариантом осмысления магических качеств планет септенера (передающихся дням недели), сформировавшимся независимо от «Заповеди», но «рядом» с ней. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о месте возникновения и пути проникновения в Новгород поверья «О злой судьбе».

Ключом к решению поставленного вопроса может быть причина возникновения неептолемеевской магическая трактовки планет, представленная в поверье. На соответствующую причину указал М.Б. Левин. Характеризуя работу раннего средневековья из сербского монастыря, аналогичную славяно-русскому тексту «Часы на седмь дни: добры и средни и злы», он писал: «Там каждому часу дня приписано качество: добрые часы, злые, нейтральные. Связав эти качества с планетами часа, можно видеть, что все плохие часы – часы Меркурия и Юпитера, все добрые – Солнца, Сатурна и Венеры, а нейтральные – Луны и Марса. Перенесем эти характеристики на дни недели, управляемые планетами: Венера, Сатурн, Солнце – соответственно пятница, суббота, вос-

кресенье – плюс; Луна и Марс – понедельник и вторник – ноль; Меркурий и Юпитер – среда и четверг – минус. Положительные дни и планеты соответствуют в трех мировых религиях священным дням. Все три монотеистические религии – иудаизм, христианство и ислам – выделяют для праздника один из этих дней (суббота – в иудаизме, воскресенье – в христианстве, пятница – в исламе). В традиционной христианской неделе постные дни − со вторника на среду и с четверга на пятницу (но не в среду и пятницу, потому что день в астрологии начинается с утра, а в православии с вечера). Посты соответствуют моментам перехода от «минусовых» и «нейтральных» к «плюсовым» и «минусовым» часам или дням, причем более строгий пост наступает при более резком переходе – из минуса в плюс. Религиозные правила, как мы видим, имеют и астрологический смысл» (Левин М.Б. Указ. соч. С. 60−61).

Из сказанного вытекает, что повседневная жезнедеятельность людей, регулируемая в соответствии с магическими установками Птолемея, входит в противоречие с православными правилами отправления постов. Значит, православная доктрина диктовала исправление магических установок Птолемея, в связи с чем и появились обсуждаемые нептолемеевские характеристики с «добрыми» Солнцем (воскресение), Сатурном (суббота) и Венерой (пятница). Это указывает на особый вид православной доктрины, которая не отрицала астромагию. Ее можно приурочить к одной уникальной ветви православия, судьба которой затрагивается в Житии святого Антония Римлянина (Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Кушелевым-Безбородко. М., 1860. Вып. 2. С. 263−268; Мильков В.В. Источники учености Кирика Новгородца // Симонов Р.А. Кирик Новгородец – русский ученый XII века. М., 2013. С. 227−232). Антоний основал свой (Антониев) монастырь в Новгороде не позднее 1108 г.: «Согласно позднейшей житийной легенде, Антоний был уроженцем Рима, сыном богатых родителей, якобы приплывшим в Новгород на камне в 1106 г.» (Янин В.Л. Антоний Римлянин // Древняя Русь в средневековом мире. С. 32).

Камень, на котором якобы приплыл в Новгород Антоний, находится в храме Рождества Богородицы Антониева монастыря, где служил в 1136 г. доместиком иеродиакон Кирик. Если согласиться с тем, что рассматриваемая система магических представлений попала в Новгород через православного Антония Римлянина, раньше жившего в Риме, то именно в этом регионе могли приспособиться магические взгляды Птолемея к практике православной службы. В Антониевом монастыре в XII в. существовали практики лечебных постов. Игуменом Моисеем (до 1187 г. – *Р.С.*) в Антониевой обители разрабатывались лечебные принципы воздержания «в еде и питье… Так же трактовал лечебную пользу поста (то есть телесного воздержания) митрополит Никифор в своем поучении Владимиру Мономаху» (Герасимова И.А., Мильков В.В. Целительство и медицинская книжность в Древней Руси // Философия науки. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М., 2014. С. 280−281). При этом следует иметь в виду, что магия служила опорой для теоретических раннеренессансных построений в Италии. Здесь проходили дискуссии «вокруг проблем истинной и ложной магии, истинной и ложной астрологии, истинной и ложной алхимии; чувствуется, что здесь пролегает путь, который обеспечит человеку власть над природой» (Гарэн Э. Проблемы Итальянского Возрождения: Избранные работы. М., 1986. С. 334). Этот путь мог пролегать из Италии в Новгород, и идеи раннего итальянского Возрождения посредством монахов Антониева мона-

стыря затем могли «доводиться» уже здесь, отголоском чего служит обсуждение поверья «О злой судьбе» в «Вопрошании» Кирика.

Вернемся к оценке версий поверья «О злой судьбе», представленных в «Заповеди» и «Вопрошании». По мнению А.С. Павлова, версия «Заповеди» сулит злую судьбу для «человека, зачатого в один из последних трех дней недели» (Павлов А.С. Указ. соч. С. 348). В таком случае, если не все население Земли, то его половина или какая-то значительная часть состояла бы из воров, убийц и неврастеников, чего к счастью нет. Даже если более правильно толковать рекомендацию «Заповеди» о воздержании от секса все три дня (пятницу, субботу и воскресенье), чтобы избежать рождения «плохого» ребенка, то и тогда совет может войти в противоречие с сексуальной практикой молодых супругов. Предписание должно быть достаточно сложным и напоминать специальный ритуал, чтобы завоевать популярность у населения. Именно этим отличается правило «Вопрошания», которое растягивает процесс воздержания на три недели и заставляет супругов подсчитывать и держать в памяти запрещенные для секса дни: воскресенье > суббота > пятница. При этом, «Вопрошание» трактует не одномоментным, а протяженным процесс зачатия ребенка.

Это согласуется с «Шестодневом» Иоанна экзарха Болгарского, по которому «после вливания семени и начала его телесного роста именно душа сообщает зародышу форму. Мнение Иоанна совпадает с точкой зрения Кирилла Туровского. Оба руководствовались идеями Аристотеля, который считал, что очертания человеческого тела образуются значительное время спустя после попадания семени, что бесформенный эмбрион до достижения человеческого образа собственно человеком не является, что оформившееся тело без души существовать не может, а до этого оформления душа является лишь энтелехией, или, иначе, возможностью человека» Указанная точка зрения расходилась с постановлением V Вселенского собора 451 г. о единовременном сотворении души и тела в оплодотворенном зародыше (Мильков В.В. Мир и человек // Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Сокровенные знания Древней Руси. С. 40–41).

На Руси пользовалось признанием «Богословие» Иоанна Дамаскина, «которое, как авторитетный богословский текст, оказало значительное влияние на формирование антропологических воззрений древнерусских книжников… Экзегет настаивает, что душа и тело были сотворены в одно время» (Мильков В.В. Мир и человек. С. 35–36). Поэтому нельзя исключать, что идея о протяженном (не одномоментном по Иоанну Дамаскину) оплодотворении зародыша, представленная и в поверье «О злой судьбе», была усвоена Кириком Новгородцем от Антония Римлянина и затем включена в «Вопрошание». Следует учитывать, что этот «перенос» осуществлялся в рамках распространения идей Возрождения, основная миссия которого состояла в возрождении наследия Античности, включая возрождение творений Аристотеля.

Подводя окончательный итог, можно сказать, что рассмотренная нептолемеевская магическая характеристика планет септенера могла возникнуть в Италии среди приверженцев православия круга Антония, который переселился в начале XII в. в Новгород, где основал Антониев монастырь. Здесь указанная магический система была доработана, приобретя окончательный облик в сокровенном поверье «О злой судьбе», включенном Кириком Новгородцем в середине XII в. в «Вопрошание».

Ю.Э. Шустова (Москва)

Символика сердца в орнаментике украинских изданий XVII – XVIII вв.

В культуре барокко особое место занимают эмблематические тексты и символы. В XVII в. в украинской книжной культуре осваиваются формы западноевропейской эмблематической литературной традиции. Украинское барокко имеет свою специфику, обусловленную прежде всего православной традицией. Эмблема с ее многоуровневыми смысловыми категориями, предполагающими вариативность интерпретации текста, наиболее полно отвечала художественному строю искусства барокко, которое тяготело к аллегорико-спиритуалистическому истолкованию мира и культивированием зрительно-интенсивного риторического слова, особым образом сопрягавшего слово и изображение (Сазонова Л.И. Эмблематические мотивы в русской классической литературе // Сазонова Л.И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012. С. 131). Эмблема в свою очередь использовалась как источник образов и мотивов, которые использовались как литературе, проповедях, дидактических и пр. текстах, так и в визуальных текстах – иконографии, книжной иллюстрации и орнаментике. Развитие украинской книжной культуры XVII в. было связано с художественными и композиционными поисками книгоиздателей и освоением ими европейской печатной книжной культуры. Такие поиски проявлялись как в художественном оформлении книг, так и в поэтике текстов, включенных часто в качестве самостоятельных и дополнительных элементов в богослужебную книгу, а также способствовали созданию самостоятельных оригинальных авторских произведений.

Одним из самых популярных символов в эмблематике эпохи барокко является сердце. Символическое изображение сердца и интерпретацию этого образа можно часто встретить в украинских изданиях XVII –XVIII вв. Часто символ сердца использовался в качестве мотива или символа при оформлении гравированных рамок титульных листов книг. Эта традиция восходит к западноевропейским изданиям XVI–XVII вв. Так, изображение сердца присутствует на титульном листе книги Германа Гуго (Herman Hugo, ок. 1588–1629) «Pia desideria emblematis elegiis et affectibus» (Антверпен, 1624; 2-е изд. 1659). На гравюре на меди, выполненной голландским гравером Боэцием Больсвертом (B. Bolswert, 1580–1633), центральное место занимает крылатое пылающее сердце, на котором написано название книги и имя ее автора (Hugo H. Pia desideria emblematis elegiis et affectibus ss. patrum illustrata. Antverpiae: vulgavit Boëtius a Bolswert, typis Henrici Aertssenii, 1624. 8°. Fronte p.). На одной из гравюр использован мотив сердца, начертанного на скрижалях. На ней изображен коленопреклоненный человек, протягивающий свое сердце ангелу, и образ сердца двукратно отражается на скрижалях, которые держит ангел (Ibid. Tab. 21). Под гравюрой подпись: «Fiat cor meum immaculatum in ius tificationibus tuis, ut non confundar» (Пс. 118: 80). В качестве одного из мотивов присутствует сердце на титульном листе в книге Иеремии Дрекселя (Jeremias Drechsel) «Infernus damnatorum carcer et rogus» ([Köln], 1633. 24°. Fronte p.). Самым известным мотивом сердца в оформлении титульного листа можно назвать гравюру, которую впервые использовал английский типограф Кристофер Баркер (Christopher Barker, 1581–1638) в издании Нового Завета на английском языке (The New Testament of our

Lord Iesus Christ: Translated out of Greeke by T. Beza. London: imprinted by the deputies of Christopher Barker, 1599. 4°. Fronte p.) и впоследствии многократно его сыном Робертом Баркером (Robert Barker) при издании Библии на английском языке (Лондон, 1606, 1608, 1611, 1613, 1615 и др.) (The Bible: Translated according to the Ebrew and Greeke, and conferred with the best translations in divers languages. London: Imprinted by Robert Barker, 1606. 4°; The Bible: Translated according to the Ebrew and Greeke, and conferred with the best translations in divers languages. London: Imprinted by Robert Barker, 1608. 4°; The Bible: Translated according to the Ebrew and Greeke, and conferred with the best translations in divers languages. London: Imprinted by Robert Barker, 1611. 4°; The Holy Bible, conteining the Old Testament and the New: Newly Translated out the Originall Tongues. London: Imprinted by Robert Barker, 1613. 4°; The Bible, that is the Holy Scriptures conteined the Old and New Testament: Translated according to the Ebrew and Greeke, and conferred with the best translations in divers languages. London: Imprinted by Robert Barker, 1615. 4°). Центр многофигурной композиции занимает сердце, на котором размещены все выходные данные издания. Велика вероятность того, что львовские книгоиздатели были знакомы с одним из этих изданий.

Одно из самых ранних изображений сердца в качестве мотива орнаментальной ксилографической рамки титульного листа встречаем в книге Кирилла Транквиллиона Ставровецкого «Перло многоценное» (Чернигов: тип. Кирилла Транквиллиона, при Елецком монастыре, 7 сент. 1646. 4°). Аркообразная рамка включает архитектурные (колонны) и растительные (цветы и листья) мотивы. В центре нижней части рамки в круглом картуше помещено сердце, пронзенное тремя гвоздями.

Две рамки титульных листов, включающих в сложную многофигурную композицию изображение сердца, связаны с панегириками на смерть киевских митрополитов Петра Могилы и Сильвестра Коссова. Титульный лист книги слушателя философии Киевского коллегиума Иосифа Калимона, изданной на смерть киевского митрополита Петра Могилы на польском языке в типографии Киево-Печерской лавры, представляет собой многофигурную аллегорическую композицию, интерпретирующую тему смерти человека вообще и церковного иерарха в частности (Kalimon Joseph. Żal ponowiony po pogrzebie… Piotra Mohiły. Киев: Тип. Лавры, 9 апр. 1647. 2°). В том числе титульный лист содержит две композиции с использованием символики сердца, а точнее сердец. В первом случае мы видим орла, сидящего на гнезде из венца, на ободок которого опираются четыре сердца. Рядом с эмблемой надпись: «Vt vivat» (чтобы жить). Здесь сердца символизируют начало жизни людей, а в другой эмблеме сердца являются аллегорией противоположного значения – конец жизненного пути. Мы видим аркообразный туннель, в центре которого череп, пожирающий приближающиеся к нему с двух сторон сердца, подгоняемые скелетами с факелами. В этой композиции сердца символизируют жизнь человека, конечную во времени.

Также два изображения сердца присутствуют на титульном листе книги «Столп цнот знаменитых, в Богу зешлого... Силвестра Коссова...», изданной в Киеве в 1658 г., в котором аллегорически изображаются добродетели умершего 13 апреля 1657 г. киевского митрополита Сильвестра Коссова (о Сильвестре Коссове см.: Горовий А. Забутий митрополит Сильвестр Косов. Київ, 2015). Как и книга Йозефа Калимона, «Столп цнот…» представляет собой аллегорическое прославление добродетелей Сильвестра Коссова и

оплакивание его смерти в форме визуально-вербальных текстов (см.: Звездина Ю.Н. «Столп» памяти киевского митрополита Сильвестра Коссова: особенности аллегорической программы // Софійські читання. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника Софія Київська: культурний діалог поколінь». Київ, 2009. С. 33–43). Титульный лист, как и в панегирике на смерть Петра Могилы, представляет собой сложную аллегорическую композицию на тему смерти. Здесь также двукратное изображение сердца символизирует собой противоположное значение – земной жизни и жизни в царстве небесном, жизнь и смерть. В первом случае сердце венчает три ступени, по сторонам которых сидят львы, – Веру, Надежду, Любовь. Сердце, пронзенное двумя стрелами, держат два ангела. Смысл композиции дополняет надпись: «Егда немотствую тогда силен есть. Корин. 2 глав. 12» (2 Кор. 12: 10). Противоположный смысл – эмблема с изображением сердца над облаками (границы мира горнего и дольнего). На облаках сидят два ангела, которые держат сердце, а над ссердцем – изображение треугольника, символа Бога Отца. Жизнь человека представляет собой восхождение по ступеням, вершиной праведного жизненного пути является любовь, истинная любовь к Богу, которая делает человека сильным духом, и является важным для пребывания в царстве Божием праведной души после смерти человека.

Мотивы сердца и ступеней использованы в «Столпе цнот» в самостоятельной композиции. Эмблематический текст, который составляют гравюра с изображением стоящего на саркофаге перевернутого сердца с тремя ступенями, надписью «Восхожденїе въ с(е)рдци своемъ положи: Ѱаломъ, 83» (Пс. 83: 6) и стихотворным текстом, состоящим из 43 завершенных аллегорических виршей, каждый из которых по-новому интерпретирует эмблему, изображенную на гравюре (Столп цнот знаменитых, в Богу зешлого... Силвестра Коссова... Киев: Тип. Лавры., 30 янв. 1658. 2°. Л. [38] об. – [45]). Главный смысл композиции дополняет эмблему титульного листа. В том числе здесь в вирше 27 сказано: «На серцу тут былъ законъ написаный, / не двутабличный, ꙗкъ Мωѵсею даный, / Ближнѧго тылко, и Б(о)га любити. / Але и врага: три тых таблицъ мѣти» (Л. [43]). Три ступени здесь интерпретируются как три таблицы-скрижали, на которых написан закон Божий. Восхождение по ступеням-скрижалям – это путь следования заповедям Божиим, главными из которых являются любовь к Богу, к ближнему и к врагу. И в следующем 28 вирше развивается мысль о сердце как символе разума: «З серцемъ зас ухо, и око тужъ в тропы, / бо в серцу бдѧщом, Мысль, Слухъ, Взрокъ, три стопы» (Л. [43] об.). Сердце понимается как разум человека, который проходит вой жизненный путь осмысленно, критически воспринимая мир, познаваемый посредством чувств, главными из которых являются зрение и слух, а три ступени пути восхождения разума человека представляют собой Мысль, Слух и Зрение.

Не имеющую аналога в кириллической книжности, созданную под влиянием европейской эмблематической традиции, но переосмысленную совершенно оригинальным образом, следует считать визуально-вербальный текст изданной в 1666 г. в типографии Львовского братства «Таблицы невидимой сердца чловечаго...» (Апостола). На титульном листе центральными фигурами являются три сердца, символика которых пространно объясняется в предисловии книги (см.: Шустова Ю. Символика сердца в изданиях типографии Львовского братства XVII – XVIII вв. // Історія релігій в Україні:

Науковий щорічник, 2012 рік. Львів:, 2012. Кн. I. Ч. I: Історія. С. 216–241; Она же. Символика сердца в эмблематическом тексте львовского Апостола 1666 г. // Вестник РГГУ: Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 9 (152). С. 123–131).

Мотив трех стилизованных сердец был использован львовским гравером Дионисием Синкевичем, сделавшим в 1695 г. фронтиспис для Акафистов с стихиры и каноны, изданных в типографии Львовского братства в 1699 г. (Акафисты с стихиры и каноны и с прочими молениями. Львов: Тип. братства. Типограф Василий Ставницкий, 1699. 4°. Тит. л.). На гравюре имеется подпись мастера: «1695 Дионисій СN» (гравюра опубл.: Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. Вып. II. Ч. 2: Львовские, новгород-северские, черниговские, уневские издания 2-й половины XVII в. / Сост. А.А. Гусева, И.М. Полонская. М., 1990. № 2382. С. 318). Эта гравюра была использована в качестве титульного листа для подносного издания А.Д. Меншикову «Венец победы» (Венец победы. [Львов: Тип. братства. 1709]. 4°. Тит. л.).

В большом центральном сердце фронтисписа приведены название и выходные данные книги. Над ним надпись: «Пом(о)лисѧ лицу твоему всѣм с(е)рдцем моим, пом(и)луй мѧ по слове» (Пс. 118: 58). Сердце поддерживают два святых, в руках которых свитки с надписями: «Во с(е)рдци моемъ сокрих слов(е)са, твоѧ твоѫ да не согр(ешит)» и «Возвах всѣмъ с(е)рдцемъ моимъ услиши мѧ, Г(оспод)и». Внизу гравюры по бокам помещены картуши с двумя двустишиями, дополняющими интерпретацию символики сердца: «Коим подобіѧм ум да вопериши, / смиреним с(е)рдцем егда сѧ м(о)лиши» / Се бо всѣх Творець средѣ предстоѧщих, / внемлет молву ѿ с(е)рдца приносѧщих». Надписи на свитках и стихи в картушах символизируют мир дольний, те идеалы, к которым должен стремиться каждый человек в своих делах и помыслах.

В двух сердцах меньшего размера, чем центральное, расположенных по сторонам в верхней части композиции рядом с Богородицей и Иисусом Христом соответственно и символизирующих мир горний, божественный, вписаны цитаты из Евангелия от Луки. В сердце, расположенном рядом с Богородицей, повторена та же цитата, что и в одном из сердец на титульном листе Апостола 1666 г.: «М(а)ти же егѡ соблюдаше всѧ г(лаго)ли сіѧ во с(е)рдци своемъ» (Лк. 2: 51), а в другом, рядом с Христом, – цитата, которая в эмблематическом тексте Апостола 1666 г. не приводилась: «И положиша вси слишавшїи въ с(е)рдци своемъ г(лаго)люще: что убѡ отроча се будет, и рука Г(о)с(под)нѧ бѣ с ним» (Лк. 1: 66). Таким образом, можно сказать, что в этом фронтисписе использованы были мотивы эмблематического визуально-вербального текста Апостола 1666 г.

Образ сердца встречается в качестве мотива концовок в изданиях конца XVII – первой половины XVIII в.

Образ сердца является важным в оформлении Минеи общей с праздничной, изданной в типографии Киево-Печерской лавры в 1680 г. Здесь символика сердца, представленная в сюжете фронтисписа и в концовке имеет центральное значение в понимании с одной стороны годичного праздничного цикла, а другой – подчеркивает адресность книги, посвящение ее русскому царю. Специально для этого издания было изготовлено 59 досок орнамента, а также фронтиспис с интерпретацией российского государственного герба

(Минея общая с праздничной. Киев: Тип. Лавры, 1680. 2°. Л. [2]). В геральдической композиции двуглавый орел, на груди которого в щите изображено Распятие с подписью «В сем знаменїи Побѣдиши:» (слова, которые, согласно преданию, увидел рядом с явившимся знамение креста император Константин накануне решающей битвы). Орел опирается лапами на разломанный полумесяц (символ победы над язычниками). Центральный венец над орлом как бы держит своими лучами антропоморфное солнце с надписью «Восіяе въ днехъ его правда» (Пс. 71: 7). Над солнцем проходит граница верхнего горнего мира, границу символизируют облака с надписью «Горнаѧ м(у)дрствуйте» (Кол. 3: 2). Над облаками − изображение крылатой Богородицы, которая держит сердце с надписью: «С(е)рдце ц(а)рево в руцѣ Б(о)жіи» (Притч. 21: 1). Таким образом, здесь использована одна из самых популярных в западноевропейской эмблематической литературе эмблема, получившая широкое распространение в украинской и русской культуре эпохи барокко (см.: Сазонова Л.И. Библеизм «Сердце царево в руце Божией» // Сазонова Л.И. Память культуры: Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012. С. 187−196).

Так как главная идея понимания годичного солнечного цикла праздников, представленная на фронтисписе богослужебной книги Минеи общей, связана с солярным символом орла – государственным гербом, персонифицирующим образ царя – и восходит к эмблеме «Сердце царево в руце Божией», то не случайно и появление концовки с центральным мотивом сердца. Концовка помещена в предисловии, написанном Иннокентием Гизелем, которое посвящено царю Федору Алексеевичу (Л. [5] об.), а также повторена на л. 458 (известны варианты набора с концовкой на л. 379). В дальнейшем эта концовка использовалась довольно активно в киевских изданиях, встречается в «Службе нерукотворному образу Иисуса Христа» (1680. Л. 2 об.), Полууставе (28 июля 1682. Л. 64, 82), книге Антония Радивиловского «Венец Христов з проповедей неделных, аки з цветов рожаных…» (1688. Л. 59, 277, 300 об., 488, 520), Новом Завете с Псалтирью (3 июля 1692. Л. 347 2-го сч.).

Копия доски концовки, изготовленной для Минеи общей 1680 г. имеется в одном из экземпляров Служебника (Киев, 1653) из собрания Отдела редких книг (Музея книги) РГБ (Инв. № 3067). В нем между л. 300 и 301 вплетены 2 листа с дополнительной статьей «О с(вя)тѣм агнци…», которую по заставке и концовке с изображением сердца атрибутируют как напечатанную в 1690-х гг. (Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина. Вып. II. Т. 1.: Киевские издания 2-й половины XVII в. / Сост. А.А. Гусева, Т.Н. Каменева, И.М. Полонская. М., 1981. № 97. С. 11. Рис. 1089а).

Интересная по замыслу концовка с использованием символики сердца встречается в уневских изданиях. Впервые мы ее встречаем в книге Кирилла Транквиллиона Ставровецкого «Учительное Евангелие» ([Унев]: В… обители Уневской, 5 сент. 1696 г. 2°. Л. 176 2-го сч.), также она использовалась и при оформлении Псалтири ([Унев]: В… обители Уневской, 15 сент. 1699. 4°. Л. 220 об.). Вероятнее всего, концовку можно атрибутировать граверу Никодиму Зубрицкому (1688−1724), одному из ярчайших представителей украинской барочной гравюры. Он сотрудничал со многими типографиями – Львовского братства, креховской, уневсой, черниговской, киевской. Хотя концовка не имеет подписи мастера, но выполнена она была специально для Учительного Евангелия, а серию гравюр для издания в 1696 г. изготовил

Никодим Зубрицкий, о чем свидетельствуют подписи «Никодим» и «NZ» под многими равюрами. Концовка вполне соответствует стилистике и уровню мастерства этого гравера.

Темой концовки является символическое изображение Страстей Господних, для чего изображается максимальное количество орудий Страстей и образа Христа, который следует прочитывать в данном контексте как «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16). Основу концовки представляет крылатое пылающее сердце – весьма распространенная эмблема в западноевропейской эмблематике. Сердце опирается на орудия Страстей Христовых – трость с губкой и копие, обвитое веревкой, над сердцем − соответственно надписи «IC» «XC». Сверху в сердце (в кровеносную артерию) вбиты четыре гвоздя, которые и образуют горящий факел. В сердце в лучах солнца – сидящий Иисус Христос, держащий на коленях раскрытую книгу, на которой начертаны буквы «А» и «Ω», которые следует понимать как «Я есть Альфа и Омега, начало и конец» (Откр. 1: 8). Возле Христа изображены бич и ветвь (розги?). Таким образом, в небольшой по размеру концовке емко передается страстной цикл. Орудия Страстей Христовых изображены еще на двух гравюрах из Учительного Евангелия. На одной из них изображены три ангела, держащие в руках соответственно копие и трость с губкой, гвозди и крест, бич с розгами и столп (Л. 45). На другой гравюре изображен в центре Иисус Христос, держащий чашу и крест, слева и справа от него по два ангела, держащие бич и розги, гвозди и столп, обвитый веревкой, лестницу, терновый венец, копие, трость с губкой, клещи (Л. 58, 104). Таким образом, три ксилографии из «Учительного Евангелия» интерпретируют важнейший для христианской культуры Страстной евангельский цикл (о символике орудий Страстей Христовых см.: Шустова Ю.Э. Символика страстей Христа на окладе напрестольного Евангелия 1678 года // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников семнадцатого коллоквиума. СПб., 2009. С. 167−171; Она же. Символика орудий Страстей Христовых в православной книжности второй половины XVII в. // Труды государственного музея истории религии. Вып. 11. СПб., 2011. С. 78–84; Она же. Орудия Страстей Христовых в украинских изданиях XVII в.: иконография и символика // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Мат-лы XXVI междунар. науч. конф. М., 2014. С. 83–93).

В львовском Ирмологионе 1709 г. в качестве концовки использовано крылатое пылающее сердце, которое поддерживают два человека. На сердце начертана монограмма «IXΣ» (Ирмологион. Львов: Тип. братства. Типограф Василий Ставницкий, 15 мая 1709. 2°. Л. 26). Эта же концовка используется в книге «Милостивое лето» (Милостивое лето, или благопотребных молений к душеполезному лета оставления провождению. Львов: Тип. Братства, 4 июня 1776. 8°. Л. [24] об.). Здесь сердце предстает в том числе и как щит герба Иисуса Христа (см.: Шустова Ю.Е. Герб Ісуса Христа в українських стародруках XVII ст. // Історія релігій в Україні: Праці XIII-ї міжнародної наукової конференції. Львів, 2003. Кн. 1. С. 643–647; Она же. Шустова Ю.Э. Герб Иисуса Христа в украинских печатных изданиях XVII в. // Гербовед. 2004. № 4 (70). С. 78–84). Такие концовки встречаются в западноевропейских изданиях XVI–XVII вв., например, в изданиях Иеремии Дрекселя, хорошо известными на украинских землях. В книге «Trismegistus christianus»

(Кёльн, 1634) использована концовка в виде геральдического щита, на котором помещено сердце в солнечных лучах с четырехконечным крестом и монограммой «IHS» («Iesus Hristus Salvator») (Drechsel J. Trismegistus christianus seu Triplex cultus. [Köln]: apud Cornel[ium] ab Egmond, 1634. 24°. F. 10), та же концовка использована при издании «Zodiacus christianus» (Drechsel J. Zodiacus christianus locupletatus seu Signa XII. divinae praedestinationis totidem symbolis explicata. Col[oniae] Agrippinae [Köln]: apud Cornel. ab Egmond, 1634. 24°. P. 37, 69, 103, 121, 152) и «De aeternitate considerationes» (Drechsel J. De aeternitate considerationes. Coloniae Agrippinae [Köln]: sumptibus Cornelii ab Egmond et sociorum, 1634. 24° P. 25, 91, [153], [224]).

Еще одна концовка с изображением сердца встречается в части тиража львовского издания Триоди цветной 1746 г. Сердце в лучах помещено в картуш, обрамленный растительными мотивами и двумя птицами (Триодь цветная. Львов: Тип. братства. Типограф Иван Грозевский, 1746. 2°. Л. 408. РГБ. НИО редких книг (Музей книги). Инв. № 4695; Львовская национальная научная библиотека им. В. Стефаника НАН Украины. Отдел редкой книги. № СТ-114).

Символ сердца использован в качестве рамки для обозначения примечаний на полях киевского издания Апостола 1696 г. Рамка на полях представляет собой изображение Успенской церкви Киево-Печерской лавры, в центре которой – сердце, в которое впечатывался текст примечания. По-видимому, идея такой рамки заимствована из львовского Апостола 1666 г., где сердце интерпретируется как материал для письма. Аналога такой рамки на полях в украинских изданиях больше не выявлено.

Символика сердца в орнаментике украинских изданий XVII – XVIII вв. присутствует в рамках титульных листов и в концовках и является ярким воплощением барочной эмблематической традиции в украинской книжности. Восходящая к западноевропейской эмблематичнской традиции, символика сердца используется в богослужебных, четьих и светских книгах, дополняя или иллюстрируя их текст, а иногда символ сердца образует самостоятельный смысловой текст, включенный в книгу.

Д.Г. Полонский (Москва)

Письма Е.И. Каменцевой Н.В. Устюгову за 1941–1942 гг. (по материалам Архива РАН)

Николай Владимирович Устюгов (23. XII. 1896–24. IX. 1963) был первым преподавателем Московского историко-архивного института, чью лекцию по вспомогательным историческим дисциплинам услышала ставшая студенткой первого курса Е.И. Каменцева, придя на занятия 1 сентября 1938 г. С этого момента, как вспоминала впоследствии Е.И. Каменцева, проблематика вспомогательных исторических дисциплин стала для нее основной областью научных интересов, а Николай Владимирович – главным и любимым учителем, а впоследствии и соавтором.

В Архиве Российской академии наук (далее АРАН) в фонде Н.В. Устюгова хранятся адресованные ему письма Е.И. Каменцевой, датированные 1941–1942 гг. (АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 108). Всего в этом архивном деле находится 51 письмо, первое из которых датировано 31 декабря 1941 г., последнее – 30 декабря 1942 г. Все письма написаны рукой Е.И. Каменцовой, за исключением части одного, от 12 марта 1942 г.: оно начато рукой профессора А.Н. Сперанского (9.XI. 1891–9. I.1943), заведовавшего тогда кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, и продолжено Е.И. Каменцовой (об этом письме подробнее будет сказано дальше).

Письма Е.И. Каменцевой Н.В. Устюгову за последующие годы войны также сохранились в АРАН и выделены в особые единицы хранения: 79 писем, датированных с 5 января по 30 декабря 1943 г. (АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 109) и 92 письма за последующие год и четыре месяца, с 2 января 1944 по 30 апреля 1945 гг. (Там же. Д. 110). Таким образом, в хронологическом отношении эти письма охватывают почти все время войны.

Обстоятельства переписки ученицы и учителя более чем 40 лет спустя были сообщены самой Е.И. Каменцевой в посвященной памяти Н.В. Устюгова статье, где страницы воспоминаний сопровождены воспроизведением текста нескольких его писем военного времени (Каменцева Е.И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. Ученые и их труды: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1988). Согласно мемуарным свидетельствам Е.И. Каменцевой, летом 1941 г., будучи студенткой третьего курса, она проходила практику в архиве, который тогда назывался ГАФКЭ (Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, ныне РГАДА). После выступления Сталина 3 июля 1941 г. Н.В. Устюгов встретился с ученицей в читальном зале архива. Это была их последняя встреча перед четырехлетним расставанием. На фронте Н.В. Устюгов находился с 6 июля 1941 г. до середины мая 1945 г.; но фактически демобилизация состоялась 27 июня, когда Николай Владимирович закончил войну командиром технической разведки штаба армии. Архивные материалы, в частности, наградные документы Н.В. Устюгова, хранящиеся в Центральном Архиве Минобороны (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. № 69; см. электронную публикацию на сайте podvignaroda.ru), позволяют уточнить сведения, приведенные в воспомина-

ниях Елены Ивановны. Запись в ополчение происходила 4 июля, а Н.В. Устюгов был призван Киевским РВК Москвы и зачислен красноармейцем 1311 стрелкового полка 21 дивизии народного ополчения Киевского района города, сформированной в здании школы № 59 в Староконюшенном переулке. В августе эта дивизия была переименована в 173 стрелковую, и затем вошла в состав 33 армии, занявшей Можайскую линию обороны к югу от Вязьмы. В боях в ходе Вяземской операции в октябре 1941 г. дивизия понесла огромные потери, и 5 октября полк, где служил Н.В. Устюгов, почти целиком погиб. Около 600 км преодолел 44-летний историк, выбираясь из окружения. Дальнейшая его служба проходила уже в составе 150 отдельного дорожно-эксплуатационного батальона 11 гвардейской армии. Видимо, не ранее конца ноября Н.В. Устюгов смог написать А.Н. Сперанскому (к сожалению, из всех писем Устюгова Сперанскому сохранилось лишь несколько, и они датируются довоенным временем, 1936–1939 гг.: АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Д. 116), который затем сообщил адрес полевой почты № 221 и наименование батальона Е.И. Каменцевой. Около месяца она не решалась написать Н.В. Устюгову и накануне нового 1942 г. отправила ему поздравительное письмо, которое положило начало регулярной и оживленной переписке, продолжавшейся все военные годы. Е.И. Каменцева отправляла письма Н.В. Устюгову каждые 3–4 дня. «Иногда у нас шло навстречу друг другу три пары писем. Должна сказать, что за все время войны ни одно письмо – ни Николая Владимировича, ни мое – не затерялось на фронтовых дорогах... Всего за эти годы я получила от Николая Владимировича 216 писем», – писала впоследствии Елена Ивановна (Каменцева Е.И. Указ. соч. С. 79). Следует отметить, что находящиеся в АРАН письма Е.И. Каменцевой за 1941–1942 гг. не содержат никаких повреждений (следов влаги, пятен и т.п.), и, несмотря на условия фронтового быта, явно хранились Н.В. Устюговым аккуратно и бережно.

Основное содержание писем Е.И. Каменцевой первых лет войны (фактически – за один 1942 г.) связано с учебой в аспирантуре (куда она поступила в феврале 1942 г., проучившись в институте неполные четыре года, и некоторое время была одной из двух аспиранток в МГИАИ), выбором темы диссертации, подготовкой к кандидатским экзаменам, состоянием организационных дел в институте, судьбам учеников Н.В. Устюгова и сокурсников Елены Ивановны. Письма же Н.В. Устюгова, как писала впоследствии Е.И. Каменцева, «мало касаются событий на фронтах, но дают представление о личности Николая Владимировича, его тяге к общению с молодежью…» (Каменцева Е.И. Указ. соч. С. 79). Уже в самом начале переписки, в первом ответном письме Н.В. Устюгова от 7 января 1942 г., он очень интересовался продвижением Е.И. Каменцевой в работе над исследованием по истории северных половников XVII в. – зависимого населения, которое вело хозяйство по договору с землевладельцем о «половье» – за половину урожая или на иных условиях. Будучи сам учеником Д.М. Петрушевского и В.И. Пичеты, Н.В. Устюгов, чьи основные интересы как историка были связаны с источниковедческими исследованиями социологии труда и крупных общественных конфликтов (отсюда, в частности, проистекали его послевоенные труды по истории башкирского восстания 1737–1739 гг.), очень хотел, чтобы и ученица посвятила себя неизученным сюжетам истории социально-экономических отношений, причем Русский Север притягивал его применительно к этой тематике особо. Однако А.Н. Сперанский смотрел на

перспективы работы Е.И. Каменцевой иначе. Он счел, как писал Н.В. Устюгову 12 марта 1942 г., что «[з]аниматься половниками Сольвычегодского уезда сейчас будет нельзя − (недостает архивов, узость вопроса, и т.д.)», а темой диссертации Е.И. Каменцевой должна стать «дипломатика Литовской метрики». «Руководство работой Е.И. Каменцевой я взял на себя, а когда Ты возвратишься, оно перейдет в Твои руки», − сообщал, в частности, Сперанский Устюгову (АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 108. Л. 12−12 об).

В этом же письме А.Н. Сперанский рассказывал и о переменах в МГИАИ: в частности, о том, что «[н]овая дирекция (П.П. Смирнов и И.И. Короткова) сейчас действуют достаточно энергично по подбору преподавателей»; кафедра вспомогательных исторических дисциплин, где с 10 марта Л.В. Черепнин стал ученым секретарем и заведующим учебно-методическим кабинетом, «соединена механически с кафедрой истории архивного дела» (сотрудниками последней тогда были только А.В. Чернов, работавший по совместительству заместителем директора по научной части ГАФКЭ, после 1941 г. переименованному в ЦГАДА, и аспирантка Н.В. Бржостовская). Также А.Н. Сперанский сообщал о попытке отзыва Н.В. Устюгова с фронта, предпринятой руководством МГИАИ (как известно, неудачной): «Вопрос о Твоем возвращении поставлен перед ГАУ (Главным архивным управлением НКВД – *Д.П.*)… Соответствующие бумаги посланы. Но перед кем возбуждено ходатайство − не знаю» (Там же).

Перспективы работы над Литовской метрикой в качестве диссертационной темы вызвали опасения Елены Ивановны. «Я очень жалею, что в свое время не пользовалась занятиями латинским языком с Вами… А тут еще прибавляется польский язык, хотя Александр Николаевич и говорит, что на него надо потратить недели две, не больше, но я ему в этом отношении не совсем доверяю. Как буду заниматься латинским языком, я сейчас мало себе представляю. А если придется работать над Литовской метрикой, то знать его будет необходимо с первых шагов… Вообще я нахожусь до сих пор в самом неопределенном положении, порою мне хочется совсем отказаться от Литовской метрики. Но я думаю, придется все же пока согласиться, так как Александр Николаевич и слышать не хочет ни о каких половниках», − писала она Н.В. Устюгову 14 марта 1942 г. В другом письме она продолжала: «На Литовскую метрику я смотрю сейчас как на нечто страшное, интересное, но совершенно чужое… Тема будет формулироваться «Публично-правовые акты Великого княжества Литовского по книгам Литовской метрики». Теперь у меня одно желание − чтобы Вы как можно скорее заменили Александра Николаевича» (письмо от 19. III. 1942). Н.В. Устюгов в ответ ободрял ученицу: «Беды большой, конечно, нет в том, что Вы посвятите свою диссертационную работу дипломатическому изучению такого богатого и многогранного источника, как Литовская метрика. Мне бы только не хотелось, чтобы Вы замкнулись в Литовской метрике… Я бы предпочел, чтобы Вы занимались историей Русского Севера. С моей точки зрения (далеко для Вас не обязательной) эти сюжеты более интересны…» (Каменцева Е.И. Указ. соч. С. 83). «Почитаешь Ваши письма и подумаешь: нет на свете ничего трудного, изучить польский легко, латинский тоже, и вообще все легко, было бы желание. Если бы это было так!», − отвечала Е.И. Каменцева 3 апреля, и затем в письме от 13 мая 1942 г. замечала: «Я как-то даже говорила, что Вы обладаете изумительной способностью заставить меня заниматься чем угодно (тогда я смеялась и говорила: даже китайским языком)».

Как известно, дипломатика Великого княжества Литовского так и не стала предметом диссертационного исследования Елены Ивановны: кандидатскую работу под научным руководством Н.В. Устюгова она защитила в МГИАИ 27 июня 1950 г. на тему «Новгородские порядные и ссудные записи XVII в. как источник по истории крестьянского закрепощения», а оппонентами выступили М.Н. Тихомиров и Л.В. Черепнин.

К другим темам, которым уделено немало места в письмах Е.И. Каменцевой, относятся судьбы ее однокурсников и соучеников. Так, как ей, оставшейся в аспирантуре МГИАИ, не повезло больше практически никому: те, кто не ушел на фронт и не уехал в эвакуацию, оставшись в Москве в надежде на продолжение образования, или к началу 1942 г. успели вернуться из эвакуации с той же надеждой, были выпущены из института в ускоренном порядке и без учета индивидуальных обстоятельств распределены по различным учреждениям СССР. «С нашим курсом вообще поступили не совсем хорошо (нас не так ведь было много)… Мне особенно жалко Аню Соловьеву. Ее отправляют в Коми. Это для нее тяжелый удар, т.к. она с огромным трудом месяц тому назад приехала из Челябинской области, где сейчас находятся ее родители, и вопрос усложняется таким сугубо практическим вопросом, как потеря, вследствие отъезда, квартиры. Но там с этим считаются меньше всего. Сперва наши приняли вопрос об отъезде очень трагично, но теперь даже немножко рады, а может быть и примирились как с неизбежным злом (а стоял так остро этот вопрос, потому что все, кто сдал зачеты − москвичи, и при том самые стойкие)… Сейчас я занимаюсь их проводами, это не очень веселое занятие», − рассказывала Е.И. Каменцева Н.В. Устюгову 14 марта 1942 г.

С 8 августа по 1 ноября 1942 г. Е.И. Каменцева находилась на лесозаготовках в Дмитровском районе Московской области, куда была отправлена в числе других сотрудников МГИАИ. «Следующее письмо я Вам собираюсь писать в чаще лесной под вековою сосной» − шутила она в письме учителю 2 августа, а в письме от 25 августа 1942 г. замечала, что «приятнее всего пилить осины».

После возвращения в Москву Елена Ивановна возобновила подготовку к экзаменам. «Я занимаюсь сейчас историографией − читаю Милюкова, «Главные течения русской исторической мысли», − сообщала Е.И. Каменцева Н.В. Устюгову 12 декабря 1942 г., и эти слова, по-видимому, являются редким свидетельством изучения трудов историка-эмигранта не только в МГИАИ, но в целом в вузах СССР того времени.

«Я писала обо всем, что происходило в Историко-архивном институте… [В]споминая о переписке, я думаю, что мои письма были своего рода дневником…», − писала десятилетия спустя Елена Ивановна (Каменцева Е.И. Указ. соч. С. 80). Действительно, ее письма похожи на дневник. В целом же собрание писем Е.И. Каменцевой Н.В. Устюгову представляет собой ценный источник не только индивидуальной интеллектуальной истории периода творческого становления Елены Ивановны как профессионального историка и преподавателя, но также содержит ряд важных и во многом уникальных свидетельств из истории МГИАИ и московской жизни военного времени.

Р.А. Симонов (Москва)

Работы Е.И. Каменцевой по метрологии

Наиболее заметное влияние на развитие метрологии как вспомогательной исторической дисциплины сыграл учебник Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова «Русская метрология» В 1975 г. 2-е издание этого учебника было допущено Министерством высшего и специального среднего образования СССР в качестве учебного пособия для студентов исторических факультетов государственных университетов и пединститутов. Этот учебник до сих пор остается важнейшей настольной книгой российских историков, о чем свидетельствует ее указание в библиографическом списке литерутуры при статье «Метрология» в недавно вышедшей фундаментальной энциклопедии (Столярова Л.В. Метрология // Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014. С. 484–485).

Книга дает представление о предмете русской метрологии как вспомогательной исторической дисциплине, об основных этапах складывания русских мер и денежного счета в связи с историей Русского государства, показывает значение данных метрологии для установления подлинности, времени и месте возникновения исторических источников. Учебник имеет четкую рубрикацию: каждая из глав начинается с источников, затем характеризуются различные меры, в заключение рассматривается денежный счет. Позже было издано учебное пособие, по которому студенты упражнялись в решении задач по метрологии (и хронологии) (Каменцева Е.И. Сборник задач и упражнений по метрологии и хронологии: Учебное пособие. М., 1991).

Поскольку «Введение» (с. 3–13) к «Русской метрологии» написано самой Еленой Ивановной, то мы имеем возможность судить о ее личных методологических установках в изучении русской метрологии. Е.И. Каменцева считала, что метрология объединяет две дисциплины, представленные в ее названии метрология. Каждая из частей названия как бы имеет свой денотат, зашифрованный по-гречески. «Метро» – это «мера», а «логия» – это «учение». Первая часть характеризует состояние мер, изучаемых наукой о точных измерениях. «Основной ее задачей является конкретное создание единиц измерения в виде точнейших образцов – эталонов». Вторая часть - это вспомогательная историческая дисциплина, «изучающая различные единицы измерения в историческом развитии» (Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. С. 3). «Введение» к учебнику писалось в самый расцвет поступи социализма в стране, и не все можно было сказать вслух. Но коечто можно было прочесть между строк.

Например, что эталоны мер разрабатывались (и разрабатываются) в физике. А значит, будущее метрологии связано с точными науками, и следовательно, вспомогательным историческим дисциплинам не избежать надвигающейся «экспансии» наук точного знания – физики, математики и др. Что касается метрологии, то очевидно, что сложившееся положение, когда денежный счет преподается без ознакомления с методами денежного счета просто недопустимо. Ведь фактически студентам внушается мысль, что все денежные вычисления на Руси совершались устно – без использования счетных устройств. А между тем на Руси в Средние века применялся абак, позже – использовался прибор-счеты, еще позже – арифмометр и разного рода калькуляторы. Не надо быть пророком, чтобы понять, что наступит момент, когда сведения о способах денежного счета все-таки войдут в учебники по метрологии.

Елену Ивановну пропагандировала способы денежного счета среди студентов через список литературы, прилагаемый к «Русской метрологии». Так, в нем рекомендовались работы, в которых излагались соответствующие сведения (например: Спасский И.Г. Происхождение и история русских счетов // Историко-математические исследования. М., 1952. Вып. 5; Спасский И.Г. Русская монетная система. 4-е изд. Л.,1970). Кроме прямых свидетельств об интересе Е.И. Каменцевой к способам денежного счета типа абака и его модификации в виде прибора-счетов, есть косвенные. Так, она живо интересовалась творчеством выдающегося древнерусского ученого XII века Кирика Новгородца, основоположника математической хронологии. Кирик в своих хронологических расчетах использовал абак античного типа, базирующийся на структуре древнейшей русской денежной системы (1 гривна = 20 ногатам = 50 резанам). В 1995 г. было найдено археологическое подтверждение использования на Руси XI в. абака античного типа. Об этих исследованиях Е.И. Каменцева сообщила в библиографическом списке «Хронологии» (2-е изд. М., 2003) (например: Симонов Р.А. Карик Новгородец – ученый XII века. М., 1980; Симонов Р.А. Естественнонаучная мысль Древней Руси: Избранные труды. М., 2001). В настоящее время абак нередко рассматривается в качестве свидетельства высокого уровня интеллектуального развития общества в формализации арифметического знания (см.: Симонов Р.А. Арифметика // Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014. С. 36–37; Цайгер М.А. Основы древнегреческой арифметики. Типография Semel, Карней Шомрон, Израиль, 2015).

Еще одной проблемой метрологии, которой Е.И. Каменцева уделяла особое внимание, было состояние источниковой базы. Елена Иванова подчеркивала, что «сохранилось небольшое количество источников, на основании которых можно составить представление о древнейших мерах… Вопросы состояния мер, точности мер определяются в известной степени уровнем развития культуры и научных знаний» (Каменцнва Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. С. 5, 8). Сформулированные Е.И. Каменцевой подходы к формированию источниковой базы древнерусской метрологии, требующие к каждому новому источнику пристального внимания. А также его тщательного изучения в контексте развития культуры и научных знаний, до сих пор остаются важными методологическими установками для научных исследований в метрологии. Проиллюстрируем сказанное свежим примером.

На датируемой 1125 г. фреске Св. Флора собора Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде изображен мерный жезл с пятеричной разметкой (Симонов Р.А. Измерительный прибор, изображенный на фреске 1125 г. в Новгороде // Труды XI Международных Колмогоровских чтений. Ярославль, 2013. С. 307–312). Казалось, измерительный прибор, благодаря подчеркнуто крупным разделительным рискам на нем, иначе определить нельзя. Однако в искусствоведческой историографии он толкуется как стило (Сарабьянов В.Д. Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороле. М., 2002. С. 45–46) или скальпель (Гордиенко Э.А. Культ святых целителей в Новгороде XI–XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010, № 3. С. 17). В последнее время стало обсуждаться и измерительное назначение жезла Св. Флора: «Согласно гипотезе Р.А. Симонова, измерительный прибор мог указывать на профессию каменщика при жизни Флора» (Герасимова И.А., Мильков В.В. Врачевание в Антониевом монастыре // Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Сокровенные знания в Древней Руси. М., 2015. С. 169. Прим. 92).

Возможно, известная настороженность к измерительной трактовке жезла Св. Флора обусловлена пятеричной разметкой на нем. Поскольку это подрывает утвердившееся мнение о «четвертичности» древнерусских мер длины. Эта традиция была связана с использованием народными мастерами шнура (веревки) размером в сажень; веревку складывали пополам, затем – вчетверо, легко получая половину и четверть сажени: «Русская четвертичная система была весьма удобной: если измерение производилось веревкой, то последовательное складывание ее пополам и вчетверо давало точные доли сажени. Деление же на 3 или на 5 всегда сопряжено с неудобством» (Рыбаков Б.А. Русские системы мер длины XI–XV веков (Из истории народных знаний) // Советская этнография. 1949, № 1. С. 69). Академик Б.А. Рыбаков, автор «четвертичной» древнерусской системы мер длины, сам считал ее производной «народных знаний». Но ведь не каждый представитель народа обладал таким набором знаний, чтобы, например, уметь пользоваться абаком. Значит, нельзя отрицать, что рядом с «народной» метрологией в Древней Руси могла существовать «научная» метрология. Именно такую ситуацию фактически допускала Е.И. Каменцева, когда постулировала, что состояние метрологии в стране определялось в том числе уровнем «научных знаний».

Если идти в заданном Е.И. Каменцевой направлении дальше, то можно допустить, что наука Древней Руси представляла собой синкретический комплекс арифметических и геометрических знаний. И в таком случае пятеричная разметка жезла Св. Флора могла соотноситься с основными особенностями счета на абаке. В соответствии с источниками, в древнерусском абаке был четко представлен пятеричный принцип, кроме того, основным средневековым арифметическим действием, используемым в нем, было так называемое «удвоение» (сейчас оно не используется в качестве самостоятельного действия) (Симонов Р.А. Кирик Новгородец – русский ученый XII века в отечественной книжной культуре. М., 2013. С. 147–199). Следует иметь в виду, что разметка на жезле Св. Флора не просто пятеричная; она как бы отражает действие «удвоения». Это выражается в том, что средняя часть разметки по величине вдвое меньше крайних частей – находится в отношении 2:1:2. Получается, что если среднюю часть разметки обозначить через «а», то крайние части будут «2а». То есть разметка жезла Св. Флора передает в геометрической форме арифметическую структуру счета на древнерусском абаке.

Возвращаясь к творчеству Е.И. Каменцевой, можно заключить, что ее исследования в области метрологии не остались в прошлом, а направлены в будущее. Они принадлежат к редкому типу научных работ, значение которых раскрывается в том случае, если анализируются не столько сами по себе, сколько в контексте современных результатов, которые могут на первый взгляд казаться слишком оригинальными и необычными. В действительности же, эти новые результаты являются логическим продолжением идей, заложенных в трудах Е.И. Каменцевой.

Т.И. Хорхордина (Москва)

Елена Ивановна Каменцева и Историко-архивный институт

Елена Ивановна Каменцева поступила в Историко-архивный институт в 1938 г. Это были трудные как для всей страны, так и для Института годы репрессий, когда в ИАИ один за другим менялись директора, многие из которых были арестованы.

Рейнгольд Карлович Лицит (1892–1938), первый директор Института архивоведения в январе-сентябре 1931 г., умер в Каргопольском лагере 24 апреля 1938 г. Реабилитирован посмертно 2 февраля 1956 г.;

Николай Иванович Соколов, директор ИАИ в октябре 1934 – июле 1937 гг. Личное дело Н.И. Соколова рассматривалось в конце марта 1937 г. на собрании актива архивных учреждений страны, где была принята резолюция: «оставлять дальше директора ИАИ т. Соколова нельзя... потому, что он, будучи делегатом съезда профсоюзов в 1928 г. голосовал против линии ЦК ВКП(б), голосовал против ввода т. Кагановича в состав ВЦСПС». Соколов был снят с должности 11 июля, арестован в августе 1937 г.

Его сменил Георгий Григорьевич Овчинников (1895–?), директор ИАИ в сентябре 1937 – мае 1938 гг. В декабре 1937 г. в Институте работала очередная комиссия «по проверке аспирантуры, части студентов и административно-преподавательского состава», в выводах которой записано: «Новое руководство в лице директора Овчинникова... не приступило к решительной ликвидации последствий гнилого руководства бывшего директора Соколова». В мае 1938 г. он был снят с должности директора ИАИ. На этом следы его теряются.

Незадолго до поступления Е. Каменцевой в Институт, в мае 1938 г. директором ИАИ становится Константин Степанович Гулевич (1898–1939), окончивший в 1935 г. Экономический институт красной профессуры. (ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3971. Л. 72). Пожалуй, из всех директоров ИАИ за период с 1931 по 1941 г. Гулевич оказался в самом тяжелом положении. Именно на годы его службы пришелся пик репрессий НКВД. За месяц до его назначения, 16 апреля 1938 г. Верховный Совет СССР принял решение о передаче архивных учреждений в ведение НКВД, а 21 апреля об этом объявлено приказом по ЦАУ СССР. Это решение повлекло за собой тщательные проверки всех сотрудников ЦАУ. Не стал исключением и Историко-архивный. Была назначена очередная комиссия, итогом работы которой явился Акт обследования ИАИ в связи с приемом в систему НКВД от 14 августа 1938 г., где говорилось: «В институте долгое время орудовали пробравшиеся в него отъявленные враги народа». (ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 354. Л. 39–40).

На этой трагической ноте заканчивается период становления ИАИ, и следующий год можно считать началом нового этапа истории ИАИ, этапа, связанного с сопротивлением и попытками отстоять честь науки перед лицом всей мощи репрессивной государственной машины.

К.С. Гулевич продолжил начатую предыдущим директором Н.И. Соколовым традицию приглашения выдающихся ученых и специалистов. К тому же после включения архивной системы и ИАИ в ведение НКВД в 1938 г. Институт, как это ни парадоксально, казался островком безопасности за пределами внимания верхов. Гулевич не только игнорировал доносы, оставляя их без внимания, но и, зная о «неблагонадежности» будущего сотрудника, принимал на работу преподавателей, уволенных по политическим соображениям из других учреждений.

С приходом К.С. Гулевича в структуре вуза происходят изменения, последствия которых ощущались на протяжении 1940–1950-х гг., и сказались самым непосредственным образом и на судьбе Е.И. Каменцевой, поскольку в 1939 г. была создана кафедра вспомогательных исторических дисциплин, с которой она связала всю свою жизнь в Институте. Так, еще в июле 1938 г. на первой конференции научных и руководящих работников системы ЦАУ,

окончивших ИАИ, совместно с активом центральных и республиканских архивов, был поставлен вопрос об улучшении преподавания ВИД и образовании с этой целью отдельной кафедры (Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 10). Таким образом из кафедры истории и организации архивного дела выделилась кафедра вспомогательных исторических дисциплин, ставшая для Елены Ивановны родной: на 2-м курсе она начала специализироваться на ней, где и готовила дипломную работу. Основал и возглавил кафедру А.Н. Сперанский (1891–1943), которого Елена Ивановна считала своим Учителем. (Каменцева Елена Ивановна // Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 215). О нём его ученики вспоминали: «Преданность делу у Александра Николаевича Сперанского была поистине беспредельной… Двери его квартиры были широко открыты для всех желающих с ним посоветоваться о теме, о ходе работы, о методике исследования» (Воспоминания А.Т. Николаевой // Цит. по: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 12).

Под руководством Н.В. Устюгова (1896–1963), на кафедре начал свою работу студенческий кружок, где Елена Ивановна принимала самое деятельное участие. В анкете, составленной в 2000 г. для Биобиблиографического словаря, она также считала себя ученицей Н.В. Устюгова, и пришедших на кафедру чуть позднее Л.В. Черепнина (1905–1977) и А.И. Андреева (1887–1959).

К.С. Гулевич с успехом сочетал в себе административные и чисто человеческие качества. Подтверждением этому служат такие инициативы, как созыв торжественного заседания расширенного Ученого совета совместно с аспирантурой и студентами для чествования защитивших диссертации «бывших аспирантов, а ныне кандидатов исторических наук тт. Бабурина и Френкина» (Народный архив. Личный фонд С.Ф. Айнберг-Загрязской. Л. 7).

Придание столь высокого статуса встрече с новоиспеченными кандидатами, «первенцами нашего института», как назвал их Гулевич, было свидетельством искреннего участия и сочувствия руководителя профессиональным успехам своих подопечных.

Научные руководители М.С. Френкина (Михаил Самойлович Френкин арестован в 1939 г., вернулся в Историко-архивный после долгих лет лагерей и в 1970-е гг., на склоне лет покинул страну навсегда) и Д.С. Бабурина (Дмитрий Сергеевич Бабурин – директор ИАИ в октябре 1944 – августе 1947 гг.) – Ю.В. Готье (1873–1943) и А.Н. Сперанский были носителями научно-исследовательской культуры высочайшего уровня, отстаивавшими идею неразрывной связи исторической науки с архивами. А.Н. Сперанский на этом заседании Ученого совета сформулировал три непременных требования к любой исторической диссертации: во-первых, «кандидатская диссертация должна быть таким научным исследованием, которое прочно и надежно войдет в инвентарь русской науки»; во-вторых, «чтобы тема была еще не изучена»; и, наконец, в-третьих, «чтобы обязательно эта тема была построена на архивном материале». Ю.В. Готье, в свою очередь, призывал студентов не отвергать с порога «старую, буржуазную литературу». «Если это есть ценное историческое исследование,… то в таком случае очень уместно внести в свою работу… споры по данному поводу». (Народный архив. Личный фонд С.Ф. Айнберг-Загрязской. Л. 25; Хорхордина Т.И. Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института. М., 1997. С. 56–57).

Такова была атмосфера честного научного поиска, царившая в ИАИ Гулевича (К.С. Гулевич, как и его предшественники, пробыл посту директора ИАИ недолго – 31 мая 1939 г. в Управление кадрами ЦК ВКП(б) была подана докладная записка И.И. Никитинского и начальника отдела кадров ГАУ НКВД СССР К.И. Удальца «О состоянии кадров ГАУ НКВД», где говорилось: «Профессорско-преподавательский состав института… засорен антисоветскими элементами. Яркими фактами этой засоренности является то, что директором Института работает сомнительный человек – Гулевич К.С., в прошлом связанный с активным, ныне осужденным, троцкистом Дробнисом». 16 июня 1939 г. Гулевич был снят с работы, а спустя два месяца, 20 августа 1939 г., от Никитинского на имя Берии поступил рапорт следующего содержания: «Гулевич К.С. … в 1921 г. являлся лидером шляпниковской оппозиции в Полтаве. Решением Свердловского РК ВКП(б) от 14.08.39 за активную антипартийную деятельность, за скрытие от партии принадлежности к шляпниковской оппозиции и неискренность Гулевич из рядов ВКП(б) исключен». Тогда же Гулевич был арестован и расстрелян).

Центром же наиболее интенсивной и плодотворной работы в институте без сомнения была кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Именно здесь к концу войны сформировалось целое поколение ученых, чьи имена стали визитной карточкой ИАИ. К ним принадлежала и Елена Ивановна Каменцева, которая уже в начале своего профессионального пути проявила себя разносторонним исследователем, отличающимся отличным знанием опыта историографии, комплексностью и масштабностью тематики, привлечением широкого круга источников в изучении вспомогательных исторических дисциплин.

В ИАИ сформировался уникальный тип ученого-исследователя и педагога-воспитателя, который умеет работать с текстом, документом, источником в самом широком их понимании, и способен передавать это знание следующим поколениям специалистов. Эти традиции и впитала в себя Е.И. Каменцева, ставшая именно таким ученым и педагогом. Благодаря ученым, обладавшим историко-архивным мышлением и передававшим его своим ученикам в стенах ИАИ, властям не удалось превратить Институт во второстепенный, рядовой центр подготовки кадров. Из многочисленных дискуссий в Институте родились авторские программы воспитания профессионалов, сохранявшие своеобразие взглядов специалистов, сотрудников преимущественно той кафедры, которую в наименьшей степени затронула идеологизация исторической науки – кафедры вспомогательных исторических дисциплин.

В трагический и героический период как для страны в целом, так и для ИАИ – в годы Великой Отечественной войны, Елена Ивановна, будучи студенткой, вместе со всеми участвовала в строительстве противотанковых рвов в районе Истры, куда группа студентов и преподавателей выехала уже 20 июля 1941 г.

В октябре 1941 г. на страницах центральной печати и по радио прозвучало сообщение о том, что ИАИ продолжает работу по законам военного времени. Помимо занятий в учебных аудиториях, преподаватели и студенты патрулировали улицы города, сбрасывая с крыш фашистские зажигательные бомбы, выступали с лекциями и концертами в подшефных госпиталях и школах. Многие юноши с первых дней войны ушли на фронт. В память об отдавших жизнь за родину в 25-ю годовщину битвы под Москвой в ИАИ была установлена бронзовая мемориальная доска. Добровольцами ушли на

фронт и достойно проявили себя на полях сражений многие студенты, аспиранты, преподаватели и выпускники института. Ушел на фронт и учитель Елены Ивановны Н.В. Устюгов.

На кафедру директором ИАИ П.П. Смирновым (1882–1947) были приглашены А.И. Андреев и Л.В. Черепнин, ставшие для Е.И. Каменцевой наставниками в науке.

На протяжении всего 1941/42 учебного года ИАИ набирал студентов, комплектовался его профессорско-преподавательский состав, налаживалась работа кафедр. В 1942 г. десятки студентов под руководством преподавателя К.Г. Митяева работали на заготовке дров для московских заводов, фабрик, больниц, школ. Студенты и преподаватели участвовали в ремонте и восстановлении зданий, пострадавших от налетов вражеской авиации. Елена Ивановна пережила вместе со всеми испытания, выпавшие на долю Института. Вопреки всем тяготам, Институту удалось сохраниться и не прекратить работу в годы войны.

В 1942 г. окончив Институт, Елена Ивановна поступила в аспирантуру, одновременно являясь лаборантом кафедры. В 1944 г. она начинает преподавательскую деятельность в качестве ассистента кафедры.

Подлинный расцвет кафедры приходится на труднейший военный и послевоенный период, когда на кафедре работала плеяда историков, носителей лучших достижений мировой и отечественной исторической и архивоведческой школ, и не мыслящих свою исследовательскую деятельность вне архивов. Студенты, обучавшиеся в Институте в эти годы, вспоминают о замечательном преподавательском коллективе, в котором работали и признанные в академическом мире ученые, и не менее талантливая молодежь.

Студенты, вспоминая о занятиях на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, писали, что Н.В. Устюгов или А.Н. Сперанский, видя неподдельную заинтересованность студентов, нередко подходили, завязывали беседу, давали пояснения, вызывая тем самым еще больший интерес к дисциплине: «Это делалось ненавязчиво, как-то по-домашнему просто… Они умели легко, на ходу сообщать несведущим юнцам массу знаний и вместе с тем прививали им (т.е. нам) интеллигентные манеры обращения, приучали к хорошему русскому языку, невольно передавали лучшие традиции [старой, дореволюционной] высшей школы новому поколению». («Историко-архивный институт стал моим родным домом»: Воспоминания Н.А. Ковальчук о годах учебы в институте (1940–1947) // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 83).

В мае 1942 г. под руководством А.Н. Сперанского возобновил работу научный студенческий кружок при кафедре ВИД, прекративший на время свое существование с уходом на фронт в начале войны Н.В. Устюгова, который относился к студентам, «как к собственным детям, готов был отдать им все свое время и силы». (Там же. С. 80).

А.Н. Сперанский предложил членам кружка коллективную работу – сбор материала по истории войны. Речь главным образом шла об отборе фронтовых писем и свидетельств участия в войне преподавателей и студентов. В июне 1943 г. на Всесоюзной конференции историков-архивистов идея Сперанского была подхвачена В.В. Максаковым, предложившим переориентировать работу по комплектованию ГАФ СССР на общенациональный сбор документов, отражающих события военных лет в новом хранилище – Центральном государственном архиве Великой Отечественной войны. Выража-

ясь современным языком, ставилась задача «гуманизации» архивов, которая по существу совпадает естественной для мироощущения подлинного архивиста идеей (Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. М., 1994. С. 280–281).

Лишь в мае 1942 г. было принято решение о представлении А.Н. Сперанского к званию профессора. Но в начале января ночевавший в голодную и холодную зиму 1942–43 г. в здании Института А.Н. Сперанский скончался здесь же, в одной из комнат… «9 января 1943 г. остановилось сердце моего Учителя. Он скончался ночью, в институте. Если бы лекарство… Если бы рядом был человек… Так ушел из жизни мой Учитель», – проникновенно написала в воспоминаниях Е.И. Каменцева. (Каменцева Е.И. Александр Николаевич Сперанский – основатель кафедры вспомогательных исторических дисциплин в МГИАИ (1891–1943 гг.) // История вспомогательных исторических дисциплин: Сборник документов и материалов. М., 1992. С. 323).

Так в январе 1943 г. студенческий кружок при кафедре вспомогательных исторических дисциплин вновь остался без руководителя. Лишь в 1946 г. он возобновил работу как кружок источниковедения истории СССР под руководством А.И. Андреева и Л.В. Черепнина, а с весны 1950 г. бессменным руководителем кружка являлся С.О. Шмидт (1922−2013).

В июне 1943 г. заведующим кафедрой ВИД был назначен А.И. Андреев, ученик Н.П. Лихачева и А.С. Лаппо-Данилевского. Т.В. Батаева (1929−2006), студентка Историко-архивного института в 1945–1949 гг., вспоминала: «Первого сентября – первая лекция… Ее нам читал профессор А.И. Андреев… Он с улыбкой в уголках губ и глаз сказал: «Надеюсь, что вы пришли в Историко-архивный институт согласно твердому выбору, не случайно». И дальше – о том, что изучают в Институте, кого он готовит… Александр Игнатьевич ходил по аудитории по узкому проходу, разделявшему ряды, и, как будто заглядывая в душу, обращался к каждому: «Сможешь ли ты стать настоящим историком-архивистом?» («Наш набор 1945 г. был первым послевоенным…»: Воспоминания профессора Т.В. Батаевой об Историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2005. №1. С. 93).

То были «наиболее трудные, но достойные страницы в истории кафедры, ее дальнейший рост, борьба за свободу научной мысли» (Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 15). Деятельность Андреева преследовала цель сохранить научную преемственность советской высшей школы как составной части отечественной дореволюционной и мировой науки (Там же. С. 23).

Кроме Е.И. Каменцевой в 1940-е гг. на кафедру приходят И.А. Голубцов (1887–1966), В.К. Лукомский (1882–1946), О.М. Медушевская (1922–2007), А.Ц. Мерзон (1915–1959), И.А. Миронова (1920–2001), А.Т. Николаева (1908–1988), А.А. Новосельский (1891–1967), М.Н. Черноморский (1913–1980), В.К. Яцунский (1893–1966), Е.А. Луцкий (1907–1991), А.А. Зимин (1920–1980), С.О. Шмидт и другие замечательные ученые.

В мае 1942 г. по инициативе Л.В. Черепнина при кафедре ВИД было решено создать кабинет-музей. Вслед за этим началась работа по отбору материалов Государственного исторического музея и А.Н. Сперанского. Позднее коллекцию рукописных и старопечатных книг передал на кафедру И.Ф. Колесников. (Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 13).

Студенты, учившиеся у Л.В. Черепнина, вспоминают, как на семинарах он открывал им увлекательный мир документов, не только словом, но и де-

лом убеждая каждого из них в верном выборе профессии. («Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...». С. 93). Сам Черепнин писал об этом так: «Историко-архивный институт сделался за короткий срок для меня родным. Я люблю свою работу в кабинете и вкладываю в нее все, что могу». (Цит. по: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С.16).

В 1940-е гг. увидели свет такие учебники, созданные на кафедре, как «Источниковедение истории СССР» М.Н.Тихомирова и С.А. Никитина (1940), «Русская хронология» Л.В. Черепнина (1944), «Русская метрология» (1944), «Русская палеография» Н.С. Чаева и Л.В. Черепнина (1946).

В 1947 г. в Институте, в «теремке» была устроена выставка, посвященная 800-летию Москвы. На страницах дневника, который вел А.И. Андреев, сохранились записи об этапе создания экспозиции и посещении ее академиками С.И. Вавиловым (1891–1951), Б.Д. Грековым (1882–1953), И.И. Минцем (1896–1991). О впечатлении, произведенном на них выставкой, говорит тот факт, что «по предложению С.И. Вавилова отделение истории и философии приняло в этот же день постановление о создании в здании Печатного двора постоянной выставки Музея старой книги». (ПФА РАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 53. Л. 178–184. Цит. по: Щедрова И.М. Автобиографические материалы А.И. Андреева 1940-х годов. Источниковедческий анализ: Дипломная работа / Научн. рук. Простоволосова Л.Н. М., 1992. Рукопись).

Первые годы работы Е.И. Каменцевой преподавателем пришлись на трагический период в истории Института, когда в конце 1947 г. директором МГИАИ был назначен Николай Алексеевич Елистратов (1899–?) (До прихода в Институт Н.А. Елистратов, директор ИАИ в январе 1948 − августе 1950 гг., работал ответственным инспектором РОНО, директором Московского энергетического института, заместителем Контролера по высшей школе и АН Министерства госконтроля СССР), который вынудил покинуть вуз А.И. Андреева и Л.В. Черепнина, организовав кампанию по травле собственных сотрудников. В 1947 г. в период начавшейся борьбы с космополитизмом бюро Свердловского РК ВКП(б) Москвы обязало Историко-архивный институт обсудить «реакционную сущность» «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского. На партсобрании института А.И. Андреева, который читал курс источниковедения, обвинили в «низкопоклонстве перед Западом» и осудили за допущенные им идеологические «ошибки» (Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 27).

В августе 1948 г. состоялась известная сессия ВАСХНИЛ, проработка итогов которой на всех уровнях имела самые трагические последствия для отечественной науки. В октябре 1948 г. итоги сессии обсуждались и на Ученом совете МГИАИ. Доклад Елистратова наносил сокрушительный разгром трудам и деятельности А.И. Андреева, Л.В. Черепнина, С.Б. Веселовского. В решении Ученого совета в связи с докладом Елистратова сказано следующее: «В научной и учебной работе института вскрыты факты протаскивания буржуазной идеологии... Ярким примером примиренчества являются грубые идейно-теоретические ошибки, допущенные в печатных трудах заведующего кафедрой ВИД проф. Андреева А.И., которые содержат раболепное преклонение перед буржуазной наукой, клевету на русский народ и его исторических деятелей... В курсе источниковедения, читаемом проф. Черепниным, отсутствует идейно-классовый анализ источников». (ЦМАМ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 443. Л. 142–143; Хорхордина Т.И. Как выбирают судьбу // Отечественные архивы. 1998. № 3. С. 58–59).

В.В. Цаплин (1924–2003), студент Института в 1947–1952 гг., в своем дневнике периода учебы сделал запись от 18 ноября 1948 г. о переводе А.И. Андреева и Л.В. Черепнина на полставки. Андрееву запретили читать дипломатику, Черепнину – источниковедение: «Дирекция нашла, что у них не марксистский подход к материалу, который они читают студентам». («…Историко-архивный институт окончен. В сделанном не раскаиваюсь…» (Студенческие дневники В.В. Цаплина. 1947–1952 гг.) // Отечественные архивы. 1998. № 3. С. 35).

В такой удушающей атмосфере Е.И. Каменцева готовила кандидатскую диссертацию, блестяще проводила со студентами занятия; как и другие преподаватели кафедры, не бросила своих наставников, не осудила их соответствии с требованиями руководства. Это еще одна характерная особенность, отличавшая преподавателей кафедры – порядочность.

Но в апреле 1949 г. А.И. Андреев был уволен из Института и уехал в Ленинград, где президент АН СССР С.И. Вавилов помог ему получить работу. В том же году был уволен и Л.В. Черепнин, хлебнувший в Институте «горечи упреков. При очередной кампании его обвинили в космополитизме и прочей ереси. … «Я присутствовала, − вспоминала о заседании Ученого совета 1948 г. Н.А. Ковальчук, − на этом омерзительном судилище уже в качестве аспирантки. В том же году Лев Владимирович покинул Историко-архивный…» («Историко-архивный институт стал моим родным домом»… С. 69).

Однако, как вспоминают многие студенты, привязанность и признательность Льву Владимировичу сохранились и тогда, когда он покинул МГИАИ: «мы… узнали, что ушел он не по своей воле, а после проработки в связи с политической кампанией по борьбе с космополитизмом» («Наш набор 1945 г. был первым послевоенным…»… С. 93).

По существу, это был разгром кафедры ВИД. Л.Н. Простоволосова и А.Л. Станиславский (1939–1990) справедливо отмечали, что обстановка, в которой работали преподаватели кафедры, «…была подчас невыносимой. Блестящие специалисты, являвшиеся украшением нашей науки, они подвергались публичным проработкам невежд, их заставляли калечить лекционные курсы, учебники и учебные программы. Можно только удивляться, что в таких условиях они смогли воспитать несколько поколений квалифицированных историков-архивистов» (Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 37).

И все же, несмотря ни на что, «члены кафедры продолжали сохранять высокий уровень преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, дальнейшее развитие которых связано с именами А.А. Зимина, Е.И. Каменцевой, Е.А. Луцкого, О.М. Медушевской, А.Ц. Мерзона, И.А. Мироновой, А.Т. Николаевой, М.Н. Черноморского, В.К. Яцунского и других ученых, работавших на кафедре в последующие годы» (Там же. С. 38).

Несмотря на трудный период в истории кафедры и Института в целом, в 1950 г. Е.И.Каменцева блестяще защитила кандидатскую диссертацию «Новгородские подрядные записи XVII в. как источник по истории крестьянского закрепощения».

Она стала автором классических работ по вспомогательным историческим дисциплинам. В 1960-е гг. выходят в свет учебники и учебные пособия Е.И. Камецевой «Русская метрология» 1965 г. (2-е изд. 1975), «Русская сфрагистика и геральдика» (1963; 2-е изд. 1974), «Хронология» (1967), за-

нявшие достойное место в научно-образовательной деятельности не только Историко-архивного института, но и других вузов нашей страны. Учебники и научные труды Е.И. Каменцевой выдержали испытание временем, и сохраняют свое значение и сегодня.

В 1967 г. ею защищена докторская диссертация «Русская историческая метрология конца XVII – начала XIX в.», ставшая значительным событием не только в российской, но и мировой науке. Характерный для научных трудов Елены Ивановны сравнительно-исторический анализ является, как известно, одним из самых сложных методов научного исследования. Он требует максимальной объективности, широкой эрудиции и скрупулезного труда при сопоставлении документов.

Еще одно направление многогранной деятельности Е.И. Каменцевой – научно-педагогическая, которая свидетельствовала о ее невероятной востребованности как ученого, специалиста-практика, педагога.

Трудно назвать области вспомогательных исторических дисциплин, которые бы не разрабатывала Елена Ивановна. Елена Ивановны читала курсы лекций по вспомогательным историческим дисциплинам, геральдике и эмблематике, дипломатике, берестологии, нумизматике.

В течение десяти лет, с 1976 по 1986 гг. Елена Ивановна руководила кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Несколько поколений студентов вспоминают ее замечательные лекции, которые пробуждали исследовательский интерес, доброту и благородство души Е.И. Каменцевой.

Худин К.С. (Москва)

Елена Ивановна Каменцева и ее работа в РГАДА

75 лет назад, 28 сентября 1940 г. Е.И. Каменцева, тогда еще студентка III курса, приступила к занятиям в читальном зале ГАФКЭ (Государственный Архив Феодально-Крепостнической Эпохи) (ныне – Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА)). В «Дирекции Историко-архивного института» ей было выдано отношение, в котором значится тема работы: «Отписки 1651 года тяглых земель, переданных в руки беломестцев в поморских уездах». (РГАДА. Ф. 1498. Оп. 3. Д. 1309). Видимо, уже в процессе работы, формулировка темы была изменена, и в архивной анкете значится, как «Запрещение беломестцам владеть тяглыми землями указом 4.VI.1651 г.». Эту проблему предполагалось раскрывать на материале фонда «Приказные дела старых лет» (Ф. 141) за 1651–1652 гг. Однако, помимо этого фонда, Еленой Ивановной были привлечены писцовые книги.

В феврале 1944 г. Е.И. Каменцева становится аспиранткой Историко-архивного института. 9 апреля руководство института просит допустить ее к архивным материалам по теме диссертации: «Порядные записи XVII в. как источник по истории русского крестьянства». Диссертация планировалась на материале «Приказных дел старых лет» (Ф. 141) и «Архива Оружейной палаты» (Ф. 396).

За время работы над диссертацией до 1950 г. были также использованы материалы фондов: «Боярские и городовые книги» (Ф. 135), «Рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина» (Ф. 196), «Углицкая земская изба, ратуша и провинциальный магистрат» (Ф. 827), Новгородская приказная палата» (Ф. 1144), а также столбцы Разрядного приказа (Ф. 210). 27 июня 1950 г. состоялась защита диссертации, а с сентября Е.И. Каменцева начинает рабо-

тать над новой темой – «Комиссия 1735 г. О системе российских мер и весов» по документам Сената. С января 1951 г. в область ее внимания попадает Комиссия 1737–1741 гг. Постепенно, хронологические рамки исследования расширяются и охватывают уже 1736–1742 гг. В это время Е.И. Каменцева работает над составлением программы курса «Русская хронология» в МГИАИ.

К 1955 г. складывается идея создания учебного пособия и исследования по истории русских мер. С 1961 г. помимо метрологического аспекта исследование Е.И. Каменцевой приобретает сфрагистический аспект. Ее были привлечены фонды: «Кабинет Петра I» (Ф. 9), «Кабинет Екатерины II» (Ф. 10), «Кабардинские, черкесские и другие дела» (Ф. 115), «Приказные дела старых лет» (Ф. 141), «Сибирский приказ» (Ф. 214), «Сенат и его учреждения» (Ф. 248), «Берг-Коллегия» (Ф. 271), «Камер-Коллегия» (Ф. 273), «Коммерц-Коллегия» (Ф. 276), «Главная Соляная контора» (Ф. 353), «Главная полицмейстерская канцелярия» (Ф. 366), «Комиссии о коммерции» (Ф. 397); документы Госархива: «Дела относящиеся до императорской фамилии» (Ф. 3), «Уголовные дела по государственным преступлениям» (Ф. 6), «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция» (Ф. 7), «Внутренне управление» (Ф. 16), «Финансы» (Ф. 19). Изучение этого материала привело к созданию в 1962 г. курса лекции по метрологии для студентов МГИАИ «Русские меры длины (XI – начало XX вв.). В начале 1960-х гг. это исследование получило отражение в ряде статей в Археографическом Ежегоднике, Трудах МГИАИ. Итогом стало создание учебного пособия «Русская метрология» в 1965 г. и защита докторской диссертации по теме: «Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX в.: (Исследование по истории мер)» годом позднее.

С 1968 г. Е.И. Каменцева работает над широкой темой «Проблемы вспомогательных исторических дисциплин» – ею уже накоплен значительный материал. Она работает с фондами: «Следственная комиссия о компанейщиках обмена и переделки мелких серебряных денег в крупную монету» (Ф. 300), «Архив Оружейной Палаты» (Ф. 396), «Белозерская приказная изба» (Ф. 1107), «Приказ книгопечатного дела» (Ф. 1182), «Арсеньев Ю.В.» (Ф. 1254). Выходит в свет проект «Программы по вспомогательным историческим дисциплинам: (для исторических факультетов государственных университетов)». Е.И. Каменцева выступила ответственным редактором, а наряду с ней составителями выступили А.Т. Николаева, А.А. Зимин, О.М. Медушевская, В.К. Яцунский.

В разнообразии того материала, с которым ей доводилось работать, проявились широта ее научных интересов и тщательность в разработке каждой темы.

Н.Г. Абрамова (Москва)

Об учебной литературе по вспомогательным историческим дисциплинам

В ходе профессиональной подготовки историков и архивистов традиционно много внимания уделяется изучению вспомогательных исторических дисциплин. Профессор Е.И. Каменцева, несомненно, была и остается признанным специалистом в этой области, на ее работах воспитывалось не одно поколение студентов. Классическими являются её учебные пособия по хронологии, русской метрологии, сфрагистике и геральдике (последние два в соавторстве с Н.В. Устюговым), не потерявшие своей значимости и сегодня. В связи с этим, представляется уместным на научной конференции её памяти затронуть вопрос об учебной литературе по вспомогательным историческим дисциплинам.

Проблема с учебными пособиями (а точнее с отсутствием таковых) стоит в настоящее время очень остро. Она обострилась и в связи с новыми возможностями и проблемами в преподавании ВИД, которые появляются в связи с переходом на новые образовательные стандарты, на двухуровневую систему высшего образования. Значительно расширился, например, набор вспомогательных дисциплин, которые включены в профессиональный цикл вариативной части учебного плана кафедры источниковедения исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, появилась возможность преподавания ряда дисциплин в качестве специальных (элективных) курсов. Важным стало превращение традиционно преподаваемых кафедрой курсов «Архивоведения отечественной истории» и «Историческая география России» в единый годовой учебный курс внутри профессионального цикла базовой части учебного плана бакалавриата – «Вспомогательные исторические дисциплины», что позволило начинать его преподавание с раздела «Система вспомогательных исторических дисциплин».

Вопросы подготовки учебных пособий были неоднократно предметом рассмотрения на заседаниях Высшей школы источникоедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин ИАИ РГГУ (в частности, в декабре 2015 г.). На кафедре источниковедения исторического факультета МГУ много раз обсуждался этот вопрос, в том числе на VI и VII научных чтениях памяти проф. Анатолия Васильевича Муравьева, которые были посвящены соответственно проблемам изучения и преподавания исторической географии и преподаванию вспомогательных исторических дисциплин.

Научная судьба и биография Каменцевой и Муравьева во многом похожи. Муравьев был одним из создателей кафедры источниковедения истфака МГУ. Он читал курсы лекций по источниковедению, исторической географии, архивоведению, хронологии, метрологии, вел занятия по русской палеографии. Много внимания Муравьев уделял методике преподавания ВИД. Он часто выступал с докладами о содержании, принципах преподавания, построении и методических проблемах учебных курсов, в том числе и курса исторической географии. Не утратили своего значения, являются классическими учебные и учебно-методические пособия, автором или соавтором

которых он являлся, среди них «Русская палеография: Пособие для вузов. (1966, 1982), «Историческая география СССР. Уч. пособие» (1973), «Историческая география эпохи феодализма. Западная Европа и Россия в V – XVII вв.: Уч. пособие» (1973). Они, как и учебные пособия Каменцевой, востребованы в ходе учебного процесса, их материалы активно используются.

Задачи, которые стояли перед нашими предшественниками и которые стоят в условиях современного образовательного процесса перед нами, очень схожи. Среди них принципы формирования учебного плана, отбора ВИД и элективных (специальных) курсов, распределения их между бакалавриатом и магистратурой, подготовка самих курсов, соотношение материала разных дисциплин и разграничение учебного материала между курсами (напр., историческая география, историческая картография и историческая топонимика), взаимодействие между преподавателями, читающими лекции по одному и тому же курсу. Очень важна подготовка учебных и учебно-методических материалов, программ и учебных пособий.

Учебники и учебные пособия, подготовленные Каменцевой, Муравьевым и их коллегами, сыграли важную роль в развитии высшего исторического, историко-архивного образования, они стали классическими для нашей науки. Если наши предшественники в 60-е – 70-е гг. XX в., по моему мнению, достаточно удачно сняли остроту проблемы, которая была в то время, то сегодня еще предстоит предпринять шаги в этом направлении. Определенная работа уже сделана и делается, из-за недостатка времени не буду перечислять программы и пособия, подготовленные в последние годы в столичных и региональных вузах. Чаще всего они представляют собой сборники кратких разделов с традиционным набором дисциплин (хронология, метрология, геральдика; историческую географию, как правило, незаслуженно обходят вниманием).

ВИД сегодня представляют собой не сумму данных справочного характера, а определенную систему наук, систему знаний, представляющую самостоятельный интерес и имеющую междисциплинарный характер, многие из них развиваются в самостоятельную отрасль исторической науки, что можно видеть из эволюции их содержания. Огромный материал в изучении ВИД, накопленный научным сообществом к настоящему времени, в сочетании с ограниченными временными рамками отдельных курсов, требуют серьезной работы по ликвидации лакуны в обеспечении учебного процесса учебной и учебно-методической литературой. Представляется, что возможно и целесообразно объединение усилий различных подразделений и даже различных вузов (например, коллег со всех кафедр отечественной и всеобщей истории, ведущих преподавание исторической географии на истфаке МГУ), по выработке методики и принципов преподавания, форм контроля знаний, использования современных достижений, в частности Интернета и т.д. Было бы очень хорошо, если бы совместные усилия привели к созданию новой учебной литературы хотя бы по основным ВИД (в том числе и единого пособия по исторической географии с древнейших времен до сегодняшнего дня), по примеру того, что было создано Е.И. Каменцевой, А.В. Муравьевым и их коллегами.

Р.М. Абрамян (Москва)

Генеалогические исследования вардапета Хачика Дадяна (1863–1936)

Хачик вардапет Дадян (в миру Вахан Григорьевич Тер-Григорян) родился в 1863 г., в семье потомственных священников в карабахском селе Верхний Тагавард. После окончания Шушинской епархиальной школы работал учителем в учебных заведениях Арцахской епархии. В 1889 г. принимает духовное звание. Служил на различных должностях в Карабахе, населенных пунктах Ирана (Маку, Салмаст, Хой) и Эриванской губернии. В 1895 г. возведен в сан вардапета (архимандрита). В 1899 г. назначен заведующим новообразованного музея Эчмиадзинского католикосата. Эту должность он занимал вплоть до 1920 г.

На протяжении всей своей жизни Хачик вардапет Дадян активно занимался исследованиями различных аспектов истории и культуры армянского народа. Им собраны богатейшие этнографические и фольклорные материалы в Арцахе (Дизак, Варанда, Хачен, город Шуши), Парскахайке, Васпуракане, частично Айрарате (Егвард).

Велики заслуги вардапета в области армянской археологии. Ему принадлежит заслуга проведения первых раскопок знаменитого монастыря Звартноц. Также им организованы раскопки в Гарни, Армавире, Двине, Егварде. Им собрано большое количество эпиграфических надписей. Следует отметить, что многие из описанных им объектов ныне не существуют.

Как историк вардапет Хачик известен своими исследованиями в области древней и средневековой истории Кавказской Албании, Арцаха, отдельных армянских монастырей и т.д. До наших дней научное наследие Хачика вардапета Дадяна в полной мере не введено в научный оборот. Большинство его исследований осталось неопубликованными.

Анализ материалов личного фонда Дадяна в Национальном архиве Армении (Ф. 319) свидетельствует о глубоком интересе исследователя к генеалогии. В указанном фонде хранится большое количество черновых материалов (иногда в нескольких вариантах), посвященных истории отдельных родов. Представлены исследования по генеалогии древних и средневековых династий Кавказской Албании (Агванка) (Араншахики, Михраняны), Арцаха (Хаченские князья, Допяны и др.), ряда исторических областей Армении (цари Сюника, Вачутяны и др.).

Дадяном собраны ценные материалы о большинстве меликских (Хасан-Джалаляны, Мелик-Шахназаряны, Мелик-Еганяны, Мелик-Исраеляны, Мелик-Пашаяны и др.) и ряде бекских (Баатуряны, Долуханяны, Лазаряны и др.) фамилий Карабаха. Также им подготовлены родословные отдельных священнических и крестьянских фамилий (Ерицанцы из Арачадзора, потомки махтеси Арутюна, Мамиконяны из Джраберда, Марданянцы из Дизака и др.).

Основной формой фиксации генеалогического материала являются составленные автором родословные росписи и генеалогические таблицы (как отдельных ветвей рода, так и сводные, включающие порой сотни имен). К ним прилагаются выписки из научных публикаций, исторических источников, фамильных документов, колофонов рукописей, копии эпиграфических надписей, переписка с информаторами, записи устных сообщений. Также значительный интерес для генеалогов представляют списки родов (азгов),

проживавших в том или ином населенном пункте, сопровождаемые краткой информацией об их происхождении и сословной принадлежности.

Учитывая состояние источниковой базы генеалогии армянского населения Арцаха и постоянно растущий интерес к данной тематике, крайне важным представляется подробное изучение и публикация собранных Хачиком вардапетом Дадяном материалов.

А.Г. Авдеев (Москва)

«Поминальная революция» XIII в.

Источники о формах индивидуального поминовения умерших в Древней Руси от введения христианства до появления первых синодиков при св. митрополите Киприане в конце XIV в. крайне ограничены. Устойчивой традиции фиксации захоронений Киевская Русь также не знала. Действовавший в это время Студийский устав, содержавший различные формы поминовения умерших, не предусматривал регулярной системы организации их долговечной памяти, включённой в круг богослужения.

«Безэпитафийная» традиция захоронений в Раннее Средневековье была общехристианской. Раннесредневековые подписные надгробия в Западной Европе редки вплоть до эпохи Каролингов. В Византии эпитафии исчезли в начале VII в., а ближе к концу столетия появились поминальные граффити на стенах храмов. Это в значительной степени объясняет длительное отсутствие подписных надгробий, а шире – укладывается в «религиозный оптимизм» Древней Руси, жившей в уверенности, что крещёный человек спасётся без труда.

Погребальная обрядность очень консервативна, и происходящие внутри неё перемены свидетельствуют о происходящих в обществе идеологических сдвигах. На Руси такие перемены, связанные с потребностью фиксации точного времени смерти (а иногда и места погребения), произошли в XIII в. В традиционных письменных источниках данные перемены не названы. Их фиксируют эпиграфические и археологические источники, которые принадлежат данному столетию в целом (и, следовательно, не связаны с татаро-монгольским разорением и не им порождены), но не дают возможности детализировать процесс.

Исследуемые перемены прослеживаются в самом массовом источнике – поминальных граффити с формулой «преставися раб Божий» на стенах древнерусских храмов. Наиболее многочисленны и изучены поминальные граффити из Софии Киевской: они появляются позднее, на рубеже 80-х – 90-х гг. XI в. и достигают максимума во второй половине XII – начале XIII в.

В отличие от Киева, поминальные граффити в Новгородской земле появляются столетием позже – на рубеже XI–XII вв., а пик их распространения приходится на XIV в. В данном случае, в отличие от Софии Киевской, разорённой монголами и долгое время стоявшей в руинах, видимо, можно говорить о непрерывности поминальной традиции в новгородских храмах.

Большинство ранних поминальных граффити расположено в алтарных частях храмов, куда имели доступ только священнослужители, и, скорее всего, были выполнены ими. Скорее всего, они выполняли мнемонические функции и, будучи ***личным*** напоминанием для священника, были связаны с ежегодным поминовением во время богослужения. С другой стороны, по-

минальная надпись, сделанная в алтарной части рассматривалась как своего рода «вечная молитва» за усопшего.

В XIII в. формуляр поминальных граффити дополнился ссылкой на день памяти святого (развёрнутая формула). В Софии Киевской такие граффити датируются второй половиной столетия (на одном из них есть дата 1285 г.). В Новгороде самое раннее граффито с развёрнутой формулой датировано 1279 г., что совпадает с киевским материалом, но категорически это утверждать нельзя при наличии граффити, суммарно датируемых XIII в.

С последней трети XIII в., насколько позволяет судить опубликованный материал, в новгородских храмах распространяется новая традиция размещать поминальные граффити вне алтарной части храма, что, видимо, связано с расширением круга лиц, участвующих в поминовении.

С «поминальной революцией» XIII в. связано появление первых надгробных памятников. На сельских кладбищах Северо-Востока Руси в XIII–XV вв. преобладают анэпиграфные валуны. Летописи и памятники агиографии сохранили сведения об аналогичных надгробиях, связанных с городской культурой, – на могилах свв. князей Муромских Константина и его сыновей Михаила и Фёдора (конец XII или начало второй четверти XIII в.), св. князя Даниила Московского (†1303) и прп. Прокопия Устюжского.

Эпитафии на валунах появляются скорее как исключение. Самое древнее на настоящий момент датированное подписное валунное надгробие Руси найдено в Борисоглебском монастыре на Смядыни (на западе современного Смоленска). Год кончины, обозначенный на одной стороне камня в нетрадиционном для Руси летоисчислении от Рождества Христова, исследователи толкуют по-разному – 1219 или 1271, 1239 (В.Н. Щепкин), 1271 (А.М. Дундуков-Корсаков, Б.А. Рыбаков). Вырезанная на другой стороне камня эпитафия несёт набор информационных единиц, типичных для «классических» подписных надгробий Московской Руси: указаны месяц и день смерти имя умершего, его сан и формула «преставися раб Божий», до этого встречающаяся лишь на поминальных граффити.

С «поминальной революцией» XIII в. связано распространение символических знаков и узоров на надгробиях и крышках саркофагов. К символическим знакам относятся «вавилоны», вырезанные на поверхности крышек саркофагов и валунов. Данные знаки, сделанные на различных носителях, встречаются в разных районах Старого Света, и единой трактовки их смысла не существует. Однако разнообразие обстоятельств нанесения этого знака и сопутствующего контекста, размеров и пропорций самих изображений позволяют предполагать, что «вавилоны» могли в каких-то случаях служить неким религиозным или мировоззренческим символом, и реконструкция смысла этого знака, как кажется, зависит от функционального назначения его носителя. Он процарапан ***после*** нанесения эпитафии в верхнем правом углу лицевой стороны надгробия намогильной плиты чъргубиля Мостича — одного из высших болгарских сановников при царях Симеоне I (893–927) и Петре I (927–969) и свидетельствует о существовании в X в. традиции, связывавшей «вавилоны» с погребальной символикой.

На Руси в зависимости от носителя и места нанесения изображения данные знаки можно разделить на две группы. К первой относятся «скрытые» граффити на крышках саркофагов, найденных в Василеве (Украина, Черновицкая область) (XII в.) и в Ростовском Петровского монастыре (вторая половина XIII в.).

Вторую группу составляют открытые для обозрения врезные изображения «вавилонов», связанные с надгробиями. На Руси такие знаки встречаются на валунах. В Псковской области камни с изображением «вавилона» найдены в деревне Заречье (Псковский район) и на Труворовом городище, древнейшей крепости Изборска, которая функционировала с XI по начало XIV в. Изображение «вавилона» даёт основания считать его намогильным.

Изображения «вавилонов» встречаются на валунах в Тверской области. Один такой валун обнаружен у села Тутань (ныне деревня в Калининском районе). Но наибольший интерес представляет камень с вырезанным именем «Степан», найденный в 1835 г. в засыпи кургана (?), раскопанного в окрестностях села Кузнецова Бежецкого уезда (ныне – Рамешковский район Тверской области). А.К. Жизневский, осуществивший первую публикацию данного памятника, по палеографическим признакам датировал имеющуюся на нём надпись XII в., однако её краткость и нестандартные начертания отдельных букв позволяют усомниться в данной датировке и признать, что равным образом надпись могла быть сделана и в XIII в. Тем не менее, семантика и символика «вавилонов» остаются неясными, и их изображения на валунах с отсутствующим или неясным археологическим контекстом оставляют этот вопрос открытым.

Археологически наиболее ранние примеры фиксации места захоронения белокаменными плитами, датируемыми концом XIII – началом XIV в., хорошо прослежены в соборах и монастырях Владимира-на-Клязьме, Ростова Великого, Переславля-Залесского.

Распространение данного типа надгробий взаимосвязано с развитием врезных композиций, составленных из полос, орнаментированных треугольчатым орнаментом. В Северо-Восточной Руси они появляются на крышках белокаменных саркофагов не позднее 1238 г. Наиболее ранний пример даёт крышка саркофага из Старой Рязани, разрушенной татаро-монголами. Общее представление об их эволюции во второй половине XIII–XV вв. дают четыре некрополя. Первый из них был открыт во время земляных работ близ Успенского собора Московского Кремля в середине 60-х гг. XX в. Три других комплекса – в Богоявленском и Даниловском монастырях Москвы, а также в селе Коломенском – были изучены Л.А. Беляевым. Для данных некрополей характерны два типа анэпиграфных белокаменных надгробных плит: без украшений, с орнаментами из полос и кругов, составленных из крупных треугольников, вырезанных в технике трёхгранно-выемчатой резьбы. Общей чертой этих композиций является то, что узор покрывает всю поверхность надгробия, не оставляя места для эпиграфического поля.

Некрополь, обследованный на Соборной площади, во второй половине XII в. находился на территории посада, а его участок, на котором были найдены белокаменные плиты, начал формироваться после татаро-монгольского разрушения Москвы и просуществовал до строительства первого каменного Успенского собора в 1326 г.

Плитам из кремлёвского некрополя аналогичны анэпиграфные белокаменные надгробия, найденные при раскопках Богоявленского монастыря, где находили последнее упокоение представители родовитейших служилых родов. Частью они обнаружены in situ, частью в переотложенном состоянии, частью в кладке первого монастырского собора. Культурный слой, подстилающий данные погребения, принадлежит селищу рубежа XII–XIII – сер. XIII в., а пере-

крывающий их слой связан со строительством каменного храма в середине XIV – начале XV в.

Таким образом, анэпиграфные белокаменные надгробия появляются в Москве во второй половине XIII в. ***до*** широкомасштабного белокаменного строительства в Кремле при Иване Калите и, очевидно, связаны с превращением города в столицу удельного княжества и формированием здесь слоя служилой элиты. В целом распространение намогильных плит с треугольчатым орнаментом во второй половине XIII в. совпадает с отмеченными выше первыми упоминаниями анэпиграфных валунных надгробий в источниках, а также с появлением изображений «вавилонов» на намогильных памятниках. Треугольчатый орнамент, появившийся на крышках известняковых саркофагов накануне татаро-монгольского нашествия, во второй половине XIII в. «перешёл» на белокаменные плиты и сосуществовал с ними.

Семантический смысл треугольчатого орнамента утрачен и пока не поддаётся «дешифровке». Его прообразами могли быть узоры на декоративных предметах из дерева, металла или кости. Вместе с тем в «Хожении игумена Даниила» дано не только подробное описание внешнего вида Гроба Господня, покрытого «дъсками мраморяными», но и даны размеры «лавицы», на которой «лежа тело Господа нашего Иисуса Христа» – 4 локтя в длину, 2 в ширину и пол-локтя в высоту. На мой взгляд, данные параметры – 218,8×109,4×27,35 см – с бóльшим основанием свидетельствуют, что данная плита могла стать иконографическим прообразом ранних белокаменных надгробий, поскольку параметры последних нередко вписываются в эти размеры, но этот вопрос требует дополнительного изучения и напрямую не связан с темой данного исследования.

К.А. Аверьянов (Москва)

О времени возникновения термина «Русская земля» в узком смысле

В свое время Н.М. Карамзин подметил интересную деталь. Хотя в XII–XIII вв. русские земли занимали обширные пространства Восточной Европы, летописцы этого времени зачастую именовали Русью не всю страну, а только ее южную часть или, по преимуществу, Киевскую область (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 248, прим. 296; Т. II–III. М., 1991. С. 318, прим. 316; С. 527, прим. 37).

Лаврентьевская летопись, рассказывая о походе киевского князя Святослава Всеволодовича и сожжении города Дмитрова (1181 г.), отмечает: «…пожга (Святослав – *К.А.*) город Дмитров, възвратися опять в Русь…». После гибели Андрея Боголюбского (1175 г.) во Владимир съехались ростовцы, суздальцы и переяславцы. На последовавшем совещании говорилось: «… князь наш убьен, а детей у него нету, сынок его в Новегороде, а братья его в Руси». Из этих случаев видно, что в XII в. Владимиро-Суздальская земля не называлась Русью. Этим словом именовались южные княжества, где жили братья Андрея (ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 388, 371).

Подобная ситуация характерна и для Новгородской земли. В 1136 г. «иде в Русь архиепископ Нифонт с лучьшими мужи». Под 1142 г. говорится, что новгородцев не отпускали из Руси, пока они не приняли князя Святополка (Там же. Т. III. М., 2000. С. 24, 26). Не входила в состав Руси и Смоленская земля, что видно из рассказа о походе князя Изяслава Мстиславича в 1148 г.

на Волгу. На устье Медведицы он соединился с новгородцами, а затем подошел его брат Ростислав «с всими роускыми силами, полки, и с смоленьскими» (Там же. Т. II. М., 1998. Стб. 370). Это же можно сказать и про Галичскую землю, которая также не считалась Русью. Победив в 1152 г. Владимира Галицкого, венгерский король пошел «в Оугры, а Изяслав оу Рускую землю» (Там же. Стб. 454).

Последующие историки подтвердили справедливость наблюдений Н.М. Карамзина. В частности, С.М. Соловьев выяснил, что термин «Русь» у летописцев употребляется в двух значениях: 1) «в самом обширном смысле слова, т.е. все русские владения» и 2) «в тесном смысле, т.е. Киевская» земля или волость (Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 24). По мнению В.О. Ключевского, это произошло из-за того, что первоначально Русской землей «называлась преимущественно Киевская область», а в XI–XII вв. «так стала называться вся территория, подвластная русским князьям» (Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 167).

Историки еще в XIX в. пытались выяснить границы «Русской земли» в узком ее значении, но основная работа по картографированию этой темы пришлась на вторую половину XX – нач. XXI в. Укажем на работы М.Н. Тихомирова, А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова, В.А. Кучкина, И.В. Ведюшкиной, В.В. Седова, А.В. Назаренко, П.П. Толочко, М.Ф. Котляра, И.Н. Данилевского, А.П. Моци. Не вдаваясь в детали определения границ, отметим, что большинство современных исследователей полагает, что «Русской землей» в узком смысле этого слова именовали Южную Русь в составе Киева, Чернигова и южного Переяславля (Федотов А.Ф. О значении слова Русь в наших летописях // Русский исторический сборник. Т. I. Кн. 2. М., 1837. С. 111–116; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 22–45; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 28, 33; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е доп. изд. М., 1993. С. 60–65, 71; Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 83–95; Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // Там же. С. 101–116; Седов В.В. Избранные труды. Славяне. Историко-археологическое исследование. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 2005. С. 704; Назаренко А.В. Две Руси IX в. // Родина. 2002. № 11-12. С. 18, 19; Толочко П.П. Київська Русь. Київ, 1996. С. 30; Котляр М.Ф. «Руська земля» в літописах XI – XIII ст. // Український історичний журнал. 1976. № 11. С. 101, 105; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 174; Моця А.П. Южная «Русская земля. Киев; Сумы, 2008. С. 52, 54).

В ходе этой работы выяснилась интересная деталь. В древнейшем летописании (до начала XII в.), отразившемся в «Повести временных лет», встречается 250 употреблений слова «Русь», но при этом нет примеров, где оно употреблялось бы в узком значении. С первой трети XII в. картина меняется на совершенно противоположную. Число употреблений термина «Русь» в широком значении единично, и, напротив, нарастает лавинообразно в узком. При этом данная традиция довольно быстро затухает к концу первой трети XIII в., причем еще до монгольского нашествия. Самым важ-

ным для нас является то, что для XII в., когда все летописцы дружно выделяли «Русскую землю» (в узком смысле) из других частей Древней Руси, данное обособление не соответствовало никаким политическим реалиям того времени. В этот период Чернигов и Переяславль представляли собой стольные города самостоятельных княжеств со своими княжескими династиями, своим летописанием, своей политикой. Более того, они постоянно враждовали между собой. Поэтому вполне оправданным стало предположение, что подобное словоупотребление – реликт ситуации какого-то более раннего времени, а для летописцев XII в. единство этой территории было не более чем историческим воспоминанием.

Отсюда вполне закономерно наметился дальнейший ход исследований – необходимость выяснения, к какому времени относится возникновение понятия «Русь» в «узком смысле»? По мнению М.Н. Тихомирова, оно есть ничто иное, как «древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в., задолго до завоевания Киева северными князьями». А.Н. Насонов еще более удревнил возникновение этого термина, полагая, что границы «Русской земли» «определились еще в условиях хазарского ига», а сама она «генетически связана с культурой антов Среднего Поднепровья VI–VIII вв.».

Б.А. Рыбаков внес коррективы в эту схему. Черняховская археологическая культура II–V вв., которую принято связывать с антами, по своему протяжению значительно шире, чем область Приднепровской Руси. Однако вскоре анты сходят с исторической сцены (последнее упоминание о них датируется 602 г.). Поэтому имеющиеся в Среднем Приднепровье археологические памятники Пеньковской культуры VI–VII вв. следует связать с древними русами.

Но могла ли память о ситуации VI–VII вв. так живо сохраняться в XII в., спустя полтысячи лет? Осознавая это противоречие, В.В. Седов связал с древними русами памятники более поздней Волынцевской культуры VII–IX вв.

Данным выводам противоречит свидетельство «Русской правды», юридического свода XI в., наряду с другими категориями населения выделяющего «роусина» и «словенина» (Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1940. С. 70 и др.). Это – прямое указание на то, что в XI в. в пределах Русской земли (в широком значении) существовала «Русь» (в узком смысле), жителей которой именовали русинами, тогда как, к примеру, новгородцы называли себя словенами.

Данное предположение подтверждается свидетельством византийского императора Константина Багрянородного, в середине X в. упоминающего «Внешнюю Русь», представляющую собой подчиненную русам территорию славян: «приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда». Как выяснили исследователи, речь идет в данном случае о Новгороде, Смоленске, Любече, Чернигове, Вышгороде.

Если во времена Константина Багрянородного известна «Внешняя Русь», вероятно должна была существовать и «Внутренняя Русь» (этого термина у византийского императора нет, и он восстанавливается как оппозиция к «Внешней Руси») или просто «Русь», представлявшая собой собственно Киев, откуда выходили в полюдье русы (Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. 2-е испр. изд. М., 1991. С. 45, 51).

Данная ситуация принципиально совпадает с употреблением русскими летописцами XII в. термина «Русь» в широком и узком значениях. Правда, исследователей смущал тот факт, что по свидетельству Константина Багрянородного в состав «Внешней Руси» входили такие города, как Чернигов, Любеч, Вышгород, обычно относимые к «Русской земле» в узком смысле этого слова. Однако следует учитывать, что за несколько столетий границы последней могли значительно расшириться.

Отсюда вытекает наш основной вывод: у летописцев XII в. «Русская земля» в узком смысле слова представляла собой не что иное как память о Русской земле рубежа IX–X вв., территорию вокруг Киева, завоеванную в 882 г. князем Олегом и ставшую его личным владением. Именно она явилась ядром Древнерусского государства, вокруг которого объединились другие русские земли.

Адилов Жамшид Хасан угли (Ташкент Узбекистан)

История создания городского герба Ташкента (вторая половина 60-х годов XIX – начало XX в.)

После завоевания Российской империей в Средней Азии появляются новый вид эмблем – гербы. Как мы знаем, до этого в Средней Азии использовались в основном тамги, тугри и другие знаки. Гербы в Средней Азии начали утверждать сначала для областей Туркестанского генерал-губернаторства, которое было образовано в 1867 г. из завоеванных территорий Средней Азии. Позже административные центры и крупные города среднеазиатских областей тоже обзавелись своими гербами. Именно в это время было положено основа традиции утверждении гербов для крупных городов региона. К сожалению, до сих пор городская геральдика Туркестанского генерал-губернаторства с точки зрения геральдической науки не изучалось.

Между тем, городские гербы, как и всякий герб, – это не только произведение искусства, они часть нашей истории, и изучение их в купе с документами, которые освещают возникновение и использование гербов, будет способствовать увеличению наших знаний по ряду вопросов социально-политической истории региона (Соболева Н.А. Российская городская и областная Геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 5). А так же изучение городских гербов как исторического источника дает нам сведения, об истории развития городов, о деятельности центральных государственных учреждений, о политике верховной власти по отношению к местной.

В 1865 г. Ташкент был завоеван войсками Российской империи и был включен в состав Туркестанской области. В 1866 г. был выработан первый проект герба Ташкента. Согласно проекту герб должен был иметь следующий вид: «Щит серебряный, разделен червленым крестом, сопровождаемым четырьмя зелеными виноградными лозами с кистями. В вольной части герб Туркестанской области» (http://www.heraldicum.ru/uzbekstn/towns/tashkent). К тому же, щит увенчан серебренной башенной о трех зубцах короной и окружен двумя золотыми виноградными лозами, соединенными Александровской лентой.

Этот герб не был официально утвержден. В 1867 г. Туркестанская область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство, административным центром которого стал город Ташкент. К тому же Ташкент был

центром Сыр-Дарьинской области генерал-губернаторства, а также центром Ташкентского уезда в составе Сыр-Дарьинской области. Ташкент – местопребывание генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа, станция Среднеазиатской железной дороги, административный и торгово-промышленный центр русских среднеазиатских владений.

Но, несмотря на довольно высокий статус – центр генерал-губернаторства, официально, городским гербом обзавелся лишь 21 апреля 1909 г. Официальный герб Ташкента был утвержден вместе с другими гербами Сыр-Дарьинской области. Этот герб выглядел следующим образом: «В золотом щите, лазуревый волнообразный пояс, сопровождаемый, вверху и внизу, двумя зелеными, опрокинутыми, виноградными листьями. Щит увенчан золотой башенной о трех зубцах короной и окружен двумя золотыми виноградными лозами, соединенными Александровской лентой» (http://geraldika.ru/symbols/9109). Герб Ташкента имел традиционную форму городских гербов – боевой щит, так называемой французской формы, прямоугольный, с овально закруглёнными нижними углами и с остриём в середине нижней части.

Гербы городов Сырдарьинской области и в частности, герб Ташкента не вошли в известную книгу П.П. Винклера «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи», изданную в 1900 г. Так как они были высочайше утверждены 21 апреля 1909 г., а опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи» только в 1912 г.

По указу «О гербах губерний, областей, градоначальств, городов и посадов» (4\16.07.1857 г.) Золотая башенная корона о трех зубцах, для других губернских городов, Александровская лента – лента красного цвета, применялась в гербах областей, градоначальств и в гербах уездных городов. В то же время, Александровская лента, с двумя золотыми виноградными лозами, применялась для городов, занимающихся виноделием (http://statesymbol.ru/dictionaries/20070).

Здесь надо отметить, что до 1909 г. фактически гербом Ташкента служил утвержденный в 5 июля 1878 г. (закон № 58684) герб Сыр-Дарьинской области. Щит городского герба в точности повторял областной герб. Но щит герба Сыр-Дарьинской области был украшен Древнею Царскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровской лентой (П.П. фон-Винклер. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в Полное Собрание законов с 1649 по 1900 г. СПб., 1900. С. 149.). Лазуревый волнообразный пояс – это река Сыр-Дарья – источник жизни и плодородия всего края, а виноградные листья и лозы символизируют процветание виноградарства в этой области.

Дореволюционные гербы считались в Советском государстве потерявшими силу, упраздненными. Их даже не удосужилось формально отменить. Герб Ташкента являлся официальным символом города до установления в нем советской власти в ноябре 1917 г. Позже этот символ города, как и все элементы былого режима, были преданы забвению. А следующий официальный герб Ташкент был утвержден только в 1981 г.

Таким образом, городской герб Ташкента является для нас еще одним важным источником по истории Туркестанского генерал-губернаторства. Он дает представление об отношении правящих верхах Российской империи к городу и к региону в целом. Герб несет в себе и более практичные данные, как административный статус, география, флора и хозяйство. Изучение городского герба Ташкента, и других городов Туркестана в перспективе позволяет более широко изучить историю Туркестанского генерал-губернаторства.

Л.И. Акимова (Москва)

О ритуальном объекте Масленицы

Масленица – один из наиболее древних русских праздников. Она стоит на рубеже старого и нового годов, представляя «перевернутый мир» типа римских Сатурналий и именуясь у европейцев Чертовой неделей, Неделей безумных, Сумасшедшими днями (Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. Конец XIX – начало XX в. М., 1977. С. 141, 296, 226). Масленица воспроизводит ритуал *сотворения мира* из хаотических вод. Вертикальная ось космоса, соединяющая Низ/Воду с Верхом/Небом, символизируется *Мировым древом* – шестом, стволом, стягом. Они водружаются на ритуальные сани, часто везущие ладью, челн или корабль – представителей Низа. На древо возлагается символ Верха (и специально солнца) – колесо, головной платок, антропоморфная фигура.

Аналогом Мирового древа выступает *Мировая гора*, в образе ледяных катальных гор, часто обставлявшихся хвойными деревьями (Бессонов П.А. Белорусские песни. М., 1871. С. 116 сл.). Постоянные *катания с гор*, движения вверх и вниз, есть знаки упорядочения нового космоса в его вертикальной структуре; такова же и цель *качелей*. А *катания по улицам* селений воспроизводят мироустроительную функцию в широтной сфере: определения четырех частей света.

Разделение в акте космотворения Низа (водного, лунного, женского начала) и Верха (небесного, солнечного, мужского) влечет за собой необходимость их *брачного союза*. Иерогамия находит отражение в *чествовании новобрачных* и порицании холостяков – тем привязывают *колодку*, символ Мирового древа как идеального партнера (Миллер В.Ф. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884. С. 23 и сл.), а также в обсценных шутках, масках, представлениях.

Скрыто присутствует и *бог-новорожденный*, о чем говорит обязательность посещений родителями бабок-повитух, кумовьев и крестных. Дети первыми строят катальные горы, их первыми вывозят на катанья, они начинают кулачные бои (Бессонов П.А. Указ. соч. С. 127).

В Масленице утрачено главное ритуальное ядро – *жертвоприношение*. За образом коровы-матери, дающей «белые» ритуальные блюда, скрывается бывшая кровавая жертва – *медведь*. Следы его присутствия многочисленны: живого зверя водят на празднике, он представляет Масленицу, унаследовавшую древние обряды медвежьих праздников: «жирными» 4-дневными пирами чествовали медведицу, 5-дневными – медведя. Ритуализованные действа с едой, масками и «неприличными» представлениями совершались ночью в присутствии реституированного образа жертвы.

В русской Масленице сакральный стол превратился в дневную «объедаловку». Но память о ритуальном убийстве былого тотема сохранилась: в «нечистых днях», ассоциируемых со Страшным судом (Бессонов П.А. Указ. соч. С. 124); в Четвертой родительской – *поминальной субботе* накануне праздника; в странном образе бестелесной Масленицы («душа моя Масленица, перепелиные косточки, бумажное твое тело…»); в фактах вождения живого медведя (Авдеева Е. Очерки Масленицы в европейской России и Сибири, в городах и деревнях // Отечественные записки 1849. Т. 62. № 23. С. 227) и травли зверей; в культе *дерева* (на котором хоронили медвежьи

останки); в мощных ритуалах *тризны* – с кулачными боями, игрой в мяч, взятием снежных городков; в заключительном жертвоприношении *собак* (ср. символическую кару пса у болгар в *Песи дан*: «чтоб не беснел» − Бессонов П.А. Указ. соч. 1871. С. 175).

Наследием медвежьих праздников является и ***прощание-прощение*** (Пилсудский Б. На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина, год XXIII. 1914. Вып. 1−2. С. 119 и сл.), сопровождаемое ***целованием*** покойника (Гондатти Н.Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 48. Вып. 2 // Труды этнографического отдела. Кн. VIII. М., 1888. С. 77). Архаический ритуал Прощеного дня сохранился в Саратовской губернии: все просят прощения у хозяина, а он ***не просит*** ни у кого (Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. Кемерово, 1991. С. 57−58).

О древнем происхождении Масленицы говорит строгая упорядоченность действ: обрамление катальных гор рядами деревьев и ледяных статуй; соединение в «поезда» праздничных саней; выстраивание молодых «столбами» для взаимных поцелуев, а ряженых мужиками вдов − шеренгами; ведение кулачных боев «стенка на стенку» и т.д. Здесь нет «толпы», присущей, например, Семику. ***Шествия***, ***ряды***, ***стенки*** отражают важнейший акт сакрального ритуала − ***собирания костей*** жертвы с целью ее ***реституции***, а ***противостояние рядов***, организация «аллеями», широчайшим образом представленная уже в медвежьих праздниках на стрельбище и на пирах, где участники рассаживались на нарах рядами попарно, друг против друга (Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи. Хабаровск, 1933. С. 64, 317; Колосовский А.С. Растительная символика в ритуалах медвежьего праздника. С. 6. Ил. 1 // http://www.icrap.org/ru/kolosovski8-1.html. 8.01.2016), акцентирует наличие в социуме двух экзогамных групп.

Древними аналогами Масленицы представляются два греческих праздника – февральские Антестерии и июльские Великие Панафинеи. Им присуще: всеобщность участия; прибытие на корабле; культ столпа-древа; качели (Антестерии); застолье (винное), проходящее, как у эвенков и айнов, в глубоком молчании (Антестерии – Burkert W. Homo Necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen. 2-te Aufl. Berlin; New York, 1997. S. 242f.), «жирная» еда (Панафинеи с их гекатомбами коров и овец); почитание душ умерших. На Антестериях, с иерогамией и участием детей, так же *отсутствует* центральный объект жертвоприношения; «ужасной» жертвой «нечистого дня» полагался растерзанный Дионис (Burkert W. Op. cit. S. 249, 257). В Панафинеях же удержался образ Артемиды-*медведицы* (позднее смененной Афиной), почитаемой на Афинском Акрополе приношением *хитона* (новой шкуры/оболочки души), и образ *пса* (FHG LXXXIV; Dion. Hal. De dinarcho judic. 3) как священной жертвы, связанной с алтарем и оливой Акрополя.

А.Н. Акиньшин (Воронеж)

Краеведческий аспект исторической географии и исторической топонимики (на примере Воронежского края)

При изучении истории края очень важна географическая локализация событий, как применительно ко времени описываемых событий, так и в

соотношении с реалиями сегодняшнего дня. Признанным специалистом в области исторической географии Центрального Черноземья был профессор ВГУ В.П. Загоровский (1925–1994). Он опубликовал в 1970-е – нач. 1990-х гг. более десятка статей по этой проблеме. Наиболее важные из них: Географические контуры Воронежского уезда в XVI–XVIII веках // Научные записки Воронежского отдела Географического общества СССР. Воронеж, 1970. Вып. 1. С. 146–151; Материалы южнорусских военно-географических экспедиций XVII века как историко-географический источник // Основные проблемы исторической географии России на современном этапе. Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной конференции по исторической географии России. М., 1980. С. 111–112; Краткое историко-географическое и историко-демографическое описание Изюмской черты // Проблемы исторической демографии. Сборник статей. Томск, 1982. Вып. 2. С. 3–12. Загоровский был составителем исторических карт в «Атласе Воронежской области» (1994).

По инициативе В.П. Загоровского в марте 1988 г. была образована Центрально-Черноземная секция Научного совета АН СССР по исторической демографии и исторической географии. Итогами работы секции стали семь научных конференций с публикацией тезисов (Курск, 1989; Воронеж, 1991; Тамбов, 1992; Курск, 1994; Брянск, 1996; Липецк, 1998; Воронеж, 2000) и научный сборник по исторической географии Черноземного центра России под редакцией В.П. Загоровского (Воронеж, 1989).

С проблемами исторической географии перекликаются книги В.П. Загоровского по исторической топонимике «Как возникли названия городов и сел Воронежской области» (1966) и «Историческая топонимика Воронежского края» (1973) и работа В.А. Прохорова «Вся Воронежская земля: Краткий историко-топонимический словарь» (1973). Сегодня мы с полным основанием можем сказать, что проблемы исторической географии ранней истории Воронежского края (конец XVI – начало XVIII в.) достаточно хорошо изучены.

По иному обстоит ситуация с позднейшей эпохой, начиная с губернской реформы Петра I. Здесь остаются вопросы географической локализации ряда крепостей и слобод, идентификации населенных пунктов, изменивших в силу исторической ситуации свое название (слобода Петровская – Бутурлиновка, слобода Константиновка – Кантемировка, село Верхние Острожки – Козловка). Усложненное и постоянно менявшееся административно-территориальное деление приводит к путинице в указании места рождения того или иного персонажа. К примеру, Ф.В. Ростопчин по данным большинства энциклопедий родился в 1765 г. в селе Козьмодемьянское Ливенского уезда Орловской губернии, в то время, как Орловская губерния создана в 1778 г. Десятилетием же ранее Ливенский уезд входил в Елецкую провинцию Воронежской губернии. Упрощенным выходом из такой ситуации является указание места рождения по современному административному делению с добавлением понятия «ныне» или без этого (как это характерно для Липецкой энциклопедии).

Подобная путаница, хотя и в меньшем масштабе, возникает при отнесении сел к конкретным уездам внутри одной губернии и необходимости перевода их на современное районное деление. Хорошо, когда село имеет редкое название или существует в «единственном экземпляре» (сёла Гвазда, Плеповка, Пузево Павловского уезда, ныне Бутурлиновского района). Хуже, когда речь заходит о многочисленных Андреевках, Березовках, Ивановках,

Песках. «Развести» их по районам вместе прежних уездов удаётся далеко не всегда. Делать это приходится с помощью списков населенных мест, ревизских сказок, метрических книг, списков церковных приходов. Труднее всего обстоит дело с локализацией исчезнувших, переименованных или переданных в другие области населенных пунктов. По данным на 1859 г. в 12 уездах Воронежской губернии насчитывалось 2508 городов, слобод, сел, деревень и хуторов. В советское время из состава Воронежской губернии / области выбыли Бирюченский, Валуйский и Задонский уезды, прибыл Борисоглебский уезд (из Тамбовской губернии), в другие регионы перешли пограничные селения Острогожского, Землянского и Нижнедевицкого уездов. По данным за 2014 г. в Воронежской области в 32 двух муниципальных районах насчитывается 1731 населенный пункт, из которых 15 городов, 4 поселка городского типа и 13 рабочих поселков. Утратили городской статус Землянск и Коротояк, обрели Бутурлиновка, Калач, Лиски, Поворино, Россошь, Семилуки, Эртиль, вновь возник Нововоронеж (не имеет района).

Весьма значительную работу по сопоставлению дореволюционной и современной судьбы населенных пунктов проделал В.А. Прохоров. Помимо информации из опубликованных им книг доступен обширный архивный фонд краеведа в Государственном архиве Воронежской области (Ф. Р-229). Им выявлен весь массив переименований населенных пунктов в советское время (село Тресвятское – ныне Парижская коммуна, село Гнилое – ныне Лозовое, село Красноженово – ныне Радченское, село Анновка – ныне Алейниково и т. д.). В 1930-е гг. предпринимались попытки переменовать город Борисоглебск в Колхозград, Воронеж – в Каганович, но, к счастью, они не осуществились. Город Лиски в 1965–1991 гг. носил имя Георгиу-Деж, при этом район и железнодорожная станция сохраняли прежнее название. Возникшая в 1870 г. на основе села Новопокровского узловая станция получила свое название по селу Лиски на другом берегу реки Дон, где прежде планировалась линия железной дороги.

В краеведческих публикациях каждый раз проделывается работа по сопоставлению географических границ прежних крупных уездов и современных мелких районов (некоторые мз которых периодически упраздняются и восстанавливаются (Воробьёвский и Каширский районы) либо переименовываются (Евдаковский – Каменский). Особо сложной проблема сопоставления сёл и деревень является для времени существования Центрально-Черноземной области (1928–1934), когда в 155 районах насчитывалось 23587 населенных пунктов. В двухтомной «Воронежской энциклопедии» (2008) содержится более трехсот статей о сёлах и деревнях. Во всех случаях указан уезд, в который они ранее входили (чего нет, к сожалению, в Белгородской, Липецкой и Тамбовской энциклопедиях).

В идеале необходимо создание сводной таблицы переименования селений и таблица сопоставлений географических объектов прежних уездов и нынешних районов, однако из-за монотонности такой работы пока не видно желающих за нее взяться.

Н.А. Алексеенко (Севастополь)

Византийский Херсон между Комниными и Палеологами: свидетельства моливдовулов*

Абсолютное большинство корреспондентов византийского Херсона согласно памятникам сфрагистики принадлежит ранне- или средневизантискому периодам. Здесь мы можем назвать и печати городских функционеров, и адресантов из различных уголков империи. Ассортимент должностей и чинов достаточно широк, хотя он и не отражает всю полноту византийской табели о рангах. В тоже время он демонстрирует местные специфические черты не характерные для большинства византийских провинций, сохраняя при этом общеимперские традиционные формы управления и развития системы финансово-экономических и торговых связей. К этой группе булл сегодня можно присоединить несколько новых печатей, дополняющих информацию об адресантах Херсона. Во-первых, это две ранние печати (VII–VIII вв.): хартулярия Иоанна и Косьмы, амартола (грешника), являющихся классическими образцами сфрагистических памятников ранневизантийского времени.

Еще два моливдовула Ефимия Арсавира и Льва Геларга хотя и отвечают византийским традициям представляют достаточно редкий зооморфный тип с изображением крылатого фантастического животного (дракона) встречающийся на памятниках сфрагистики X в. Необычный тип изображения абсолютно идентичен сюжету на херсонских печатях Мосика Цулы и Анастаса Масхула (Алексеенко Н.А. Печати с родовыми именами из Херсонского архива печатей // ТГЭ: Византия в контексте мировой культуры. Санкт-Петербург, 2008. Т. XLII. С. 269–270, № 2–4)., безусловно представляющих выходцев не из греческой среды.

Весьма немногочисленную группу в Херсоне представляют печати периода кризиса фемного строя. Казалось бы, редкость печатей поздневизантийской эпохи подтверждают утвердившийся в современной библиографии тезис, что, несмотря на то, что город по-прежнему оставался оплотом империи к концу XI в. он теряет былую славу и постепенно утрачивает свои позиции. Однако, в последнее время моливдовулы вносят существенные поправки в традиционные представления по данному вопросу.

Появление печати катепана Херсона и Хазарии конца XI в. (Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСБ. Севастополь, 2012. Т. XVII С. 7–17), заставляет в ином свете рассматривать весь таврический регион и соответственно роль и значение в нем Херсона. Памятники сфрагистики свидетельствуют о сохранении связей местных нотаблей с представителями центральной власти и знати, многие из которых занимали видные посты в государстве или при дворе.

В последнее время эта группа памятников существенно расширилась и мы можем говорить о безусловном внимании к Херсону и во второй половине XI в. как со стороны императорского дома, так и представителей византийской элиты. Об этом свидетельствуют печати императора Михаила VII Дуки (1071–1078), сына севастократора Исаака Комнина и племянника императора Алексея I (1081–1118) Иоанна Комнина (Алексеенко 2013: 406), куропалата Никифора Вотаниата (Алексеенко Н.А. Печати представителей византийской аристократии в Таврике: новые персонажи // МАИЭТ. Симфе-

рополь, 2008. Т. XIV. С. 419, 420-421, № 4) и великого хартулярия секрета стратиотиков Иоанна.

Вероятно, начиная с правления Алексея I Комнина, когда внимание Византии в большей степени было обращено на восток Таврики или Тамань, контакты Херсона с центральной властью все же несколько ослабли. Тем не менее, и в XII в. сюда продолжает поступать корреспонденция из центра, иллюстрацией которой служат, безусловно, столичной работы печати высокопоставленных византийских сановников таких как Константин Ксир (Банк А.В. Вислая свинцовая печать XI-XII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. Т. 34. С. 296–298) и Михаил Синадин (Шандровская В.С. Печати представителей рода Синадинов в Эрмитаже // Вопросы востоковедения. 1990. Т. 51. С.181–182), к которым сегодня можно добавить буллу севаста Феогноста Тессаракондапиха.

Находки подобных печатей резко выделяющихся из числа обнаруженных на территории Херсона и по стилистике, и по характеру сложной метрической надписи, и по принадлежности, безусловно, являются свидетельством существования продолжающихся связей города с центром.

Более того, благодаря моливдовулам в известном смысле мы можем говорить и об их сохранении даже в XIII столетии, в период, когда был утрачен Константинополь и империя распалась на несколько самостоятельных государств. В это время Херсон по-прежнему остается в зоне внимания, по крайней мере, византийской церкви, о чем свидетельствуют находки булл высших иерархов не только константинопольского патриархата, о чем свидетельствуют печати патриарха Мануила II (Алексеенко Н.А. Патриарший моливдовул из Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1990. Вып. 25. С. 25–29) и амастридского митрополита Николая (Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1995. Vol. 4. P. 150–151, № 14), но и Древней Руси (Алексеенко Н.А. Печать киевского митрополита Кирилла из Херсонеса // Российская археология. М., 1999. Вып. 1. 186–190).

Надо полагать, что интерес к Херсону не ослабевал на протяжении всей его истории. И даже на ее закате проявился в лице новых сюзеренов – императоров Трапезунда, буллы которых были найдены при раскопках Херсонеса (Соколова И.В. Указ. соч. С. 205, №№ 7–9).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

С.В. Алпатов (Москва)

Рукописные гадательные книги в системе русской книжной культуры XVIII в.*

Документированная традиция рукописных гадательных книг типа «Гадания царя Давида», «Круг царя Соломона» и «Коло Фортуны», предлагавших библейскую цитату или иной литературный текст в качестве предсказания, начинается в России с XVI столетия и продолжается до середины XIX в. (Райан В.Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 461–470; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. 4. СПб., 1867. С. 248–250).

XVIII век является своего рода акмэ традиции рукописных гадательных книг, судя не только по числу сохранившихся копий, но, прежде всего, по разнообразию структуры и содержания рукописных оракулов, а также по обширной географии списков и значительной дифференциации социальных типов лиц, практиковавших данный вид гаданий (Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. / Отв. ред. А.В. Топорков, А.А. Турилов. М., 2002. С. 119–120; Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 67–74).

При изучении факторов формирования традиции рукописных гадательных книг XVIII в. особое внимание следует уделить роли переводных (в частности, польских и шведских) гадательных сочинений в этом процессе (Николаев С.И. Польская поэзия в русских переводах втор. пол. XVII – перв. трети XVIII века. Л., 1989. С. 76–79; Белоброва О.А. Очерки русской художественной культуры XVI–XX вв. М., 2005. С. 284–300). При этом, наши представления о путях и формах распространения в России XVIII в. переводных гадательных текстов могут быть существенно дополнены в результате анализа новых архивных материалов (РГАДА. Ф. 210. Д. 1133. Л. 191–195. 1688–1689 гг.; Там же. Ф. 188. Д. 768. Книга к метанию костей употребительная. Перв. пол. XVIII в.; Ф. 188. Д. 771. Гадательная книга. Не ранее 1788 г.).

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет сопоставительный анализ двух рукописных гадательных книг второй половины XVIII в. Первая из них – «Гадательная книга, сочиненная стихами артиллерии капитан-порутчиком Михайлом Алексеевым в Москве, 1750 года» (РГАДА. Ф. 187. Д. 260) – представляет собой копию 1778 г., которую «писал от скуки между делом, Государственной Коллегии Иностранных Дел капитан-порутчик Михайло Михайлов Ломов». Другая рукопись из Смоленского собрания отдела рукописей РГБ (ОР РГБ. Ф. 733. Д. 3. Два почерка второй половины XVIII в.), несмотря на сложную структуру и богатую собственную судьбу рукописи, возводимую согласно записи на обложке рукою подполковника Сергея Петровича Римского-Корсакова (1807–1883) к рубежу семнадцатого и восемнадцатого столетий: «Эту книгу писал дедушка моего дедушки Ив. Ив. Лесли, после 1694 г.» – несомненно, восходит к одному с «Гадательной книгой Михаила Алексеева» оригиналу, установить который еще предстоит.

Последовательный анализ и сопоставление рукописных гадательных книг начала XVIII столетия и его второй половины (в особенности, рукописей, восходящих к общему оригиналу, либо компилирующих сходные источники) выявляет системные процессы преобразования текстов переводов европейских гадательных сочинений в оригинальные отечественные произведения данного жанра, активно инкорпорирующие географические и социокультурные реалии, фольклорные паремии и идиомы городского просторечия – при сохранении исходных структурных принципов гаданий и базового списка вопросов гадающего к оракулу.

Таким образом, новонайденные и ранее известные, но недостаточно изученные рукописные материалы из собраний РГАДА и РГБ позволяют проследить пути и механизмы распространения переводных и оригинальных гадательных сочинений в разных слоях российского общества XVIII в., в том числе по новому оценить фактор экспансии во второй половине столетия отечественных печатных оракулов (Вигзелл Ф. Читая фортуну: гадательные книги в России: вторая половина XVIII – XX вв. М., 2007), вытес-

нивших к середине XIX в. рукописные гадательные книги на периферию не только дворянской, но и демократической книжной культуры.

* Работа выполнена по программе гранта РГНФ № 14-04-00128.

О.Е. Алпеев (Москва)

«Мобилизационный дневник» германской армии на 1914/15 г. как источник по истории подготовки Первой мировой войны

Вопрос о происхождении Первой мировой войны и роли в этом генеральных штабов Великих европейских держав до сих пор остается дискуссионным. Во многом это объясняется недостаточной информативностью сохранившихся планирующих документов военных ведомств России, Германии, Австро-Венгрии. Так, германский Рейхсархив, хранивший военную делопроизводственную документацию имперского периода, был практически полностью уничтожен авиацией союзников в 1945 году. Из-за этого в распоряжении историков остались лишь разрозненные материалы, не позволяющие в полном объеме ответить на вопрос о характере планирования германского Генерального штаба в конце XIX – начале XX в.

До настоящего времени план войны Германии традиционно оценивался исследователями как агрессивно-наступательный и авантюрный. Считалось, что в случае общеевропейского вооруженного конфликта Прусский Большой Генеральный штаб готовился воплотить в жизнь т.н. «План Шлиффена» – гипотетический план действий на западной границе Германии, изложенный в памятной записке бывшего его начальника генерал-полковника графа А. фон Шлиффена «Война против Франции» 1906 года. Согласно «Плану Шлиффена» разгром западного противника в ходе грандиозного генерального сражения следовало осуществить в течение 6–8 недель путем глубокого вторжения в Бельгию и обхода левого фланга французских войск западнее Парижа.

В современной зарубежной историографии существование «Плана Шлиффена» как действительной оперативной концепции германского Генерального штаба ставится под сомнение. Эту мысль впервые высказал в 1999 г. американский историк Т. Зубер в статье «Переосмысленный "План Шлиффена"» и позднее развил ее в монографии «Изобретая "План Шлиффена"» (Zuber T. The Schlieffen Plan Reconsidered // War in History. 1999. № 6 (3). P. 262–305; Idem. Inventing the Schlieffen Plan: German War Planning, 1871–1914. Oxford, 2002.). По его мнению, «План Шлиффена» являлся послевоенной фабрикацией бывших офицеров кайзеровского Генштаба, стремившихся оправдаться за поражение в битве на Марне в 1914 г. Он предположил, что Генштаб Второго рейха готовился прежде всего к отражению согласованных атак французских и русских войск. Концепция Зубера вызвала серьезную полемику среди исследователей. Многие историки, прежде всего Г.П. Гросс, А. Момбауэр, Р.Т. Фоли, Т.М. Холмс, не приняли ее и продолжают считать, что в начале Первой мировой войны германское командование реализовало именно «План Шлиффена», модифицированный его преемником на посту начальника Большого Генштаба Х. Мольтке-младшим.

В фонде русского Главного управления Генерального штаба, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), нам удалось обнаружить документ, свидетельствующий в пользу состоя-

тельности концепции Т. Зубера. Это – перевод на русский язык «Мобилизационного дневника» на 1914/15 г., итогового документа германского стратегического планирования, в котором излагался план развертывания на Западном фронте, введенный в действие в начале Первой мировой войны (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8484. Л. 27–71). Судя по внутренней описи дела и по ряду внешних признаков документа, подлинник был добыт и переведен разведывательным управлением Штаба (Генштаба) РККА не позднее 1936 г. Он представляет собой машинописный текст на 44 листах. Контаминация незначительных по объему фрагментов «Мобилизационного дневника» и другого неизвестного документа была издана в сборнике «План Шлиффена: анализ и документы» (Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente. Paderborn, 2006. S. 478–484), который должен был завершить дискуссию, начатую Зубером.

В «Мобилизационном дневнике» определялись последовательность и содержание военно-политических мероприятий в случае возникновения дипломатических осложнений, при непосредственной угрозе возникновения войны и при объявлении мобилизации. Наибольший интерес представляют указания, относящиеся к периоду с 10-го дня мобилизации, когда германская армия переходила к активным действиям (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8484. Л. 61–65). Необходимо отметить, что в публикации фрагментов документа в вышеупомянутом сборнике эта часть была пропущена.

Начало наступления главных сил – пяти армий правого крыла намечалось самое позднее на 12-й день мобилизации. К этому времени планировался захват бельгийской крепости Льеж. Перед ними ставилась лишь ближайшая задача – выход на линию Брюссель–Вавр–Намюр–Живе–Фюме–Флоренвиль, т.е. к франко-бельгийской границе. Далее в документе разбирались предполагаемые действия 6-й и 7-й армий в Лотарингии и Эльзасе в случае французского наступления между Мецем и Вогезами, и оговаривались мероприятия по их усилению за счет 5-й, 8-й (в случае нейтралитета России) и Северной армий. В документе также ставились задачи итальянской армии, развертываемой в Эльзасе. Внимание сотрудников Большого Генштаба, уделяемое действиям на левом фланге Западного фронта, показывает, что решающее столкновение между германской и французской армиями ожидалось в Эльзасе и Лотарингии, а не в Бельгии и Северной Франции.

Содержание «Мобилизационного дневника» коррелирует с материалами военных игр и полевых поездок, проводившихся германским Генштабом, которые помогают реконструировать замысел первой операции Германии на западной границе. Так, документы военной игры 1905 г. и полевых поездок 1905, 1906 и 1908 гг. свидетельствуют о том, что в Германии готовились прежде всего к ведению обороны Лотарингии, а главные силы германской армии, развернутые на бельгийской границе, предназначались для нанесения контрудара по наступающим севернее Меца французам.

Таким образом, анализ содержания представленного документа показывает, что кайзеровский Генеральный штаб в начале XX в. планировал контрнаступательную операцию на западе, но не глубокое вторжение на территорию Франции. Фактической целью планирования «мозга армии» Германии являлось поражение объединенных сил союзников во встречных столкновениях на границе, что и произошло в ходе грандиозного Пограничного сражения в августе 1914 г. Дальше этого момента предвидение А. фон Шлиффена и Х. фон Мольтке-младшего не распространялось.

О.В. Андреева (Москва)

Графический и «орфографический» облик книги первых лет советской власти

Отдельное место в изучении данных языка как исторического источника занимает проблема графики и орфографии. Важной в этой связи представляется реформа орфографии 1918 г., которая готовилась четырнадцать лет и уже при первых обсуждениях встретила сильнейшее противодействие со стороны части русского общества, воспринявшей ее как покушение на основы русской письменности и культуры. Было бы неверно усматривать в этом только косность – здесь имело место и стремление к стабильности, сохранению традиций. Исследователи отмечают, что причины враждебного отношения были разного характера – социальные, политические, психологические, культурно-исторические, в меньшей степени – научные (Кузьмина С.М. Общество и орфография: (На материале истории реформы 1904–1918 гг.) // Язык, культура, гуманистическое знание: Науч. наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999. С. 215).

Реформа была решительно, без обсуждения, проведена советской властью (Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства. 1917. № 2. Ст. 76; 1918. № 74. Ст. 804). В Петрограде распоряжением комиссара печати, агитации и пропаганды Союза коммун Северной области М. Лисовского предписывалось «изъять из всех типографских касс» шрифт, «не пригодный для новой орфографии» (Цит. по: Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»: Тайные истории советской цензуры 1917–1929. СПб., 1994. С. 41). Однако, на наш взгляд, не стоит переоценивать категоричность таких требований в первые месяцы действия реформы. Как отмечал А.А. Сидоров, графическое начертание букв не было определяющим моментом при выпуске печатной продукции на начальном этапе советского книгоиздания. Главными факторами оставались содержание и оперативность печати (ОР РГБ. Ф. 776. Карт. 38. Ед. хр. 8. Л. 38). Более того, власть прибегала в некоторых случаях к сознательному использованию старой орфографии как к пропагандистскому приему, например, при выпуске брошюры Д. Бедного «Обманутым братьям в белогвардейские окопы». Следует иметь в виду и такой шаг новой власти, как печатание книг по старым матрицам издательств И.Д. Сытина и А.Ф. Маркса. Кроме того, нельзя было не учитывать реального положения дел в разрушенном шрифтовом хозяйстве.

Таким образом, вывод о том, что «употребление старой орфографии считалось верным и неопровержимым признаком неприятия новой власти» (Блюм А.В. Указ. соч. С. 41), правомерно делать лишь для периода после 1919 г. Но и здесь вряд ли можно говорить о каких-то карательных акциях по отношению к возможным нарушениям установлений. Правда, элемент явной демонстративности оставался для эмигрантских изданий. Ср., например, мнение о «собачьей, советской, безграмотной, заборной орфографии, орфографии отхожих мест» (Цит. по: Браун Ф. О новом русском правописании // Вестник русского книжного рынка. 1922. 25 февр. С. 3).

Ситуацию введения новой орфографии следует рассматривать комплексно. Как мы подчеркнули, сама идея реформы письма не была продуктом творчества большевиков. Но ее совпадение по времени с социальной революцией не случайно. Общество как бы настраивалось на кардинальное

решение многих проблем – не только политических, экономических, но и культурно-исторических. Реформа в целом прошла достаточно безболезненно для социума, который воспринял ее в ряду других, более глубинных (Кузьмина С.М. Указ. соч. С. 216).

Графический («орфографический») облик книги (вкупе с новым содержанием) делал ее семантически «новой», «советской», «доброкачественной» в глазах ее потребителей. Статус дореволюционной книги снизился уже в начале 1920-х гг. По наблюдениям Торгового сектора Петрогосиздата, для петроградских покупателей в 1923 г. было характерно критическое отношение к дореволюционным изданиям. Так, книга Д.Н. Овсянико-Куликовского «Теория поэзии и прозы» лежала на складах, в то время как советское издание того же труда было распродано в количестве 5 тысяч экземпляров. Даже при развитой книготорговле и учитывая особый контингент покупателей книги в Петрограде, продажа старых изданий составляла не более 2–5 % оборота Петрогосиздата (Ревильон. Что читает публика // Жизнь искусства. 1923. № 51. С. 2).

Интересно сопоставить социокультурные обстоятельства проведения реформы орфографии XX в. и введения гражданского шрифта Петром I. Как показала Т.Г. Куприянова, через реформу шрифта в первой четверти XVIII в. опосредованно осуществлялась интеллектуальная перестройка общества (Куприянова Т.Г. Гражданская книга в России первой четверти XVIII в. М., 2001. С. 94). Радикальный переход от привычного кириллического шрифта как носителя традиционной культуры к шрифту, с которым связано рациональное знание западного типа, должен был совершить перелом в самосознании человека, сделать его «гражданским». Реформа орфографии начала XX в., как она разрабатывалась в Комиссии под руководством академиков Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова, не имела и не могла иметь подобной цели. Она решала задачи исключительно научного и прагматического характера. (Другое дело, что она вызвала «орфографический раскол» в обществе). Однако тот факт, что ее проведение совпало с историческими катаклизмами в жизни России, способствовал тому, что она и по реализации, и по восприятию в массовом сознании стала «советской». Не будучи идеологической на этапе интенции, она действительно стала таковой на этапе осуществления. Можно согласиться с исследовательницей книги петровского времени, что овладение через знаковую природу слова новой идеологией способствовало формированию нового мировоззрения.

Следует подчеркнуть, что в письменном обиходе грамотных людей, особенно высокообразованных, имевших до реформы активную письменную практику, старые орфографические навыки оставались в течение нескольких лет и даже десятилетий. Подобные особенности письма можно отметить в эпистолярии и личных записях ученых, писателей, художников (М.Л. Лозинский, П.Д. Эттингер, Н.О. Лернер, В.А. Фаворский, М.В. Муратов, А.М. Кожебаткин, Ф.И. Витязев и многие другие).

И. Антанасиевич, Б. Чурич (Белград, Сербия)

Русский дом в Белграде: история строительства и первоначальная структура Русского дома в Белграде

Идея строительства культурного центра русской эмиграции в Королевстве Югославия, появилась еще в конце 20-х гг. и под Русский дом было выделено место в центре города, вблизи дворцового комплекса. Сам участок

принадлежал тогдашнему русскому посольству. И в рамках этого посольского участка, в его нижней части был выделен кусок земли под Русский дом. Расположенный в нижней части участка на улице Королевы Натальи, он не пострадал во время войны и ныне стоит на том же самом месте.

Проект Русского дома – работа известного русского архитектора, выпускника Высшей военно-инженерной академии в Санкт-Петербурге Василия (Вильгельма) Федоровича фон Баумгартена, генерал-инженера, корпусного инженера 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Югославская пресса тех лет описывала Русский дом как «...представительное здание в довольно экзотическом для белградской архитектуры стиле русского ампира, ностальгически напоминающем любому русскому человеку дворцы императорского Петербурга», которое построено «с тончайшим вкусом и изысканностью» (по материалам газеты «Правда» за 1932–1933 гг.).

Идея создания в югославской столице объединенного центра русской культуры – Русского дома – возникла в рядах основанной югославским государством Государственной комиссии по вопросам русских беженцев и Русского культурного комитета возглавляемого профессором-славистом Александром Беличем. Еще в 1928 г., на основе соглашения Министерства иностранных дел и Министерства просвещения Королевства Югославия с президиумом Госкомиссии по делам русских беженцев, был создан Русский культурный комитет (РКК), куда вошли как представители югославского правительства, так и самые значительные ученые Югославии.

На первом заседании РКК 29 мая 1928 г. глава Госкомиссии Александр Белич подчеркнул, что целью новой организации является подъем и развитие тех граней жизни, «...без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни − науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное, к общей части Славянства, место» (Косик. В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992, №4. С. 20–32). Было принято решение о том, что РКК создаст условия для формирования Русской публичной библиотеки, Русского литературно-художественного журнала, Русского книгоиздательства, Русского научного института (РНИ) и Русских художественных студий − музыки, живописи, театра. Результатом деятельности Русского культурного комитета явилось строительство Русского дома имени императора Николая II как комплексного культурного центра.

22 июня 1931 г. была торжественно проведена закладка фундамента и освящение строительства Дома. На самом здании Русского дома были размещены две плиты с надписями: на одной по-сербски было написано: «За вечито сећање на славнога Цара Николу II − заштитника Срба». Другая плита была на русском языке: «В вечную благодарность прославленному Королю Югославии Александру I − защитнику русских». В конце июля 1932 г. газета «Правда» сообщает, что строительные работы уже подходят к концу: «Здание построено, осталась лишь внутренняя отделка помещений, которая – как уверяет корреспондент – до осени закончится».

На конец августа было намечено переселение в новый объект важнейших учреждений – Государственной комиссии по вопросам русских беженцев в первую очередь. До начала нового учебного года в Русский дом должна была переехать и русская гимназия, а переезд же других организаций и учреждений намечен на сентябрь и октябрь. Таким образом, заканчивает свою статью корреспондент белградской газеты «Правда», уже в конце

1932 г. белградский Русский дом должен стать «ядром культурной и художественной деятельности всех русских в Белграде и в Югославии». Все же внутренние работы по отделке помещения затянулись и здание полностью было закончено лишь весной 1933 г. И в воскресный день 9 апреля 1933 г. Русский дом или Русский дом царя Николая II, а именно такое название он носил первоначально, был официально открыт.

Название нового центра русской культуры – Русский дом царя Николая II – по А. Беличу выбрано не случайно: «Когда начали решать о том, как назвать новый центр русского просвещения и просвещенности, кому посвятить этот памятник великому русскому народу, этот алтарь русского духа и русской культуры – раздался дружный возглас – раздалось имя того, кому наша страна больше всех обязана своей свободой и воссоединением ее народов, имя того, кто в страшный час протянул руку спасения и помощи нашему народу, наконец, имя того, кто за свое рыцарство и свою спасительную помощь всей Европе, может быть и всему миру, поплатился кровью и истреблением всей царской семьи» (Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920–1950-е гг. М., 2006).

С момента своего основания Русский дом становится просветительным, культурным и научным центром всех русских, оказавшихся в эмиграции. Русский дом стал не только культурным центром русского Белграда, но и центром, который жил жизнью страны и одинаково открывал свои двери как для русских, так и для сербов. Русские учреждения и организации разместились в новых помещениях следующим образом: на первом этаже, кроме русского Общедоступного театра с залом на 750 мест, находилась еще русская Публичная библиотека с читальней и малый зал Русского научного института; на втором этаже размещались помещения русско-сербской мужской и женской гимназий и начальная школа; на третьем – помещения Государственной комиссии; на четвертом – такие общества и студии, как Русское музыкальное общество, которое одновременно взяло на себя и обучение истории и теории музыки, оперному пению и регентскому искусству и Художественная студия с классами живописи, скульптуры и рисования, а также помещения различных общественных организаций; на цокольном этаже находился большой гимнастический зал и помещения музеев. Посещаемость Дома превышала в среднем 2 000 человек в день.

Самой большой сокровищницей русских книг в Белграде *Русская публичная библиотека в Русском доме*. Она «выросла» из библиотеки, основанной в 1920 г. представительством Всероссийского союза городов в Королевстве СХС. И первый «вклад» в это благородное дело внесла сербка, пожертвовав сто русских книг. В 1928 г. библиотека насчитывала уже 20 000 книг. Потом на помощь пришел Русский культурный комитет и к 1933 г. в реорганизованной библиотеке на полках стояло около 60 тысяч печатных изданий. В газетных статьях 1938 г. читаем, что «библиотека изобилует книгами высокого, неоспоримого качества: собраниями сочинений русских классиков, важными произведениями мировой литературы в русском переводе, большим количеством книг на французском и других иностранных языках». К 1940 г. библиотечный фонд составил 130 000 томов. Приблизительно полторы тысячи русских белградцев (а с членами их семейств — примерно пять тысяч человек, т.е. половина русского Белграда) пользовались сокровищами своей библиотеки.

Русский научный институт в Русском доме, основанный в 1928 г. в Белграде, был одной из крупнейших российских эмигрантских научных организаций. Основан он был на IV съезде Русских академических организаций за границей. В отличие от предыдущих трех, проведенных в Праге (преимущественно организационных), белградский съезд имел научный характер.

Под председательством профессора В.Г. Коренчевского на съезде было прочитано 104 доклада (из Югославии – 58), принят ряд резолюций и учрежден постоянный центр для развития свободной русской науки – Русский научный институт в Белграде, открытие которого было провозглашено 16 сентября, в день открытия съезда. В связи с основанием института в Белград переехал академик П.Б. Струве – экономист и социолог с мировым именем. Председателем правления являлись проф. Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский.

В рамках института работало одно из первых объединений русских ученых − *Русское Археологическое общество,* председателем которого был избран филолог и историк-славист, профессор Белградского университета А.Л. Погодин, ранее преподававший в высших школах Варшавы и Харькова.

Первая *русско-сербская гимназия* в Белграде была основана 14 октября 1920 года и первым её директором был замечательный педагог Владимир Дмитриевич Плетнёв (часто гимназия так и называлась – «Плетнёвской») – энтузиаст своего дела и новатор.

При Русском доме был создан *Союз ревнителей чистоты русского языка,* чьей задачей было сохранение идентичности отечественного культурного наследия. Придерживаясь разных политических взглядов, все эмигранты послереволюционной волны были едины в главном – в любви к России, которую они пронесли через всю свою жизнь. Поэтому этнокультурной ассимиляции русской эмиграции не было, хотя они и находились в близкой им языковой среде, каковой являлась Югославия. Именно здесь, в Белграде возник мощный центр русской культуры и языка.

Атмосферу «русскости» отмечали все, кто посетил тогдашний Белград, но сохранилась она во много и благодаря деятельности Союза ревнителей чистоты русского языка, который был основан в 1928 г. Евгением Александровичем Елачичем.

Союз русских писателей и журналистов в Югославии возник в Белграде 1 октября 1925 г. для объединения не только профессиональных литераторов, но и всех «русских культурных сил». Устраивал литературные конкурсы, вечера, издавал книги. Первым председателем союза был Алексей Иванович Ксюнин. Деятельность Союза включает в себя активную издательскую деятельность: в Белграде выходили такие газеты как «Русская газета», «Новое время», «Возрождение», «Старое время», «Царский вестник», «Русский голос», «Русское дело», «Русский народный вестник», «Новый путь» и др. Включая провинциальную периодическую печать, выходило более 220 наименований газет и журналов.

Русский общедоступный театр – так назывался театр, расположенный в помещении Русского дома. Традиции, которые привезла с собой эмиграция включали в себя праздники, обычаи, культ хорового пения, театрализованные представления и эстрадные скетчи и пр.

В Русском доме располагалось и *Русское музыкальное общество,* которое было сформировано 2 января 1928 года. Основателями общества были В.А. Нелидов, И.И. Слатин, В.И. Бельский, А.В. Соловьев и М.Н. Каракаш.

В общество входило около сотни человек. Общество имело собственную библиотеку нот и книг по музыке. Кроме публичного исполнения музыкальных произведений, общество заботилось о музыкальном просвещении его членов и русской молодежи. С 1930 г. проводились занятия по игре на духовых инструментах, в целях образования собственного оркестра. Под руководством Н.Д. Мисочко-Егоровой ежемесячно давались концерты с участием русских преподавателей музыки и их учеников.

Комиссия по делам русской эмиграции была образована в июне 1920 г. по соглашению между Российским посланником бывшего царского правительства в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев и правительством Королевства.

В задачи Комиссии входили оказание различных видов помощи русским эмигрантам, организация и руководство русскими учебными заведениями, расположенными на территории страны. В соответствии с направлениями деятельности Комиссии в ее составе имелись отделы труда, учебный, статистический, контроля и бухгалтерия. В состав Комиссии входило равное количество членов от эмигрантов (С.Н. Палеолог, проф. В.Д. Плетнев, М.В. Челноков и др.) и от югославской стороны. Председателями Комиссии являлись видные югославские государственные и общественные деятели: А.И. Белич, Л. Йованович, С. Кукич. 22 мая 1941 г. по распоряжению немецких оккупационных властей Комиссия была распущена.

Мемориальный музей царя Николая II, который был открыт в Русском доме 7 июня 1936 г., благодаря усилиям Общества блюстителей памяти Николая II, во главе которого находился митрополит Антоний Храповицкий – глава русской заграничной церкви. Единственный в своем роде музей занимал всего одну небольшую комнату; его экспонаты – предметы, связанные с жизнью и судьбой последних Романовых, вывезенные из императорского посольства в Константинополе или же принесенные в дар русскими эмигрантами. Стены музея были украшены большими полотнами – портретами Николая I, Александра II, Александра III, Николая II и членов их семей, также как и редкие сохранившиеся семейные фотографии последнего русского царя. Посетивший музей корреспондент газеты «Политика» обращает внимание своих читателей на наиболее ценные экспонаты: альбом фотографий к царскому визиту во Франции 1901 г., металлическое блюдо, которое когда-то украшало стену императорского кабинета, расписание уроков царевича Алексея за учебный 1916–17 год, а также предметы, относящиеся к коронации Николая II: разрисованное меню императорского званого обеда 14 мая 1896 г/, работа художника Васнецова, разрисованное меню императорского званого ужина 20 мая, программа церемонии бракосочетания, разрисованная программа торжественного спектакля (опера «Жизнь за царя» Глинки), работа художника Рябушкина.

Так же при Русском доме был создан и *Музей русской конницы*. Его основатели считали необходимым сохранить для будущего фотографии, рисунки, гравюры и другие материалы, касающиеся конницы и императорской фамилии; при музее предполагалось также образовать военно-справочную библиотеку по истории кавалерии и создать военно-исторический кружок для изучения действий конницы во время Первой мировой и Гражданской войн. Председателем Комиссии, руководившей музеем, был избран генерал-майор Е. В. Иванов. Позже, 24 Февраля 1935 г. был образован исторический Отдел Музея, заведование которым принял на себя гвардии полковник Рубец.

Библиотечный же отдел принял на себя генерал Богаевский, причем альбомами при библиотеке заведовал корнет князь Кудашев. По данным на 1 ноября 1936 г. в Музее русской конницы в Белграде хранилось 514 предметов, из них 325 составляли собственность музея, 157 – принадлежали полковым объединениям и 32 – частным лицам (ГАРФ. Ф. Р-6800. Оп. 1. Д. 1. Л. 22). Вот как описывается музей репортером журнала «Часовой»: «С биением сердца можно переходить от одного портрета к другому, от одной гравюры к другой, к изображениям атак наших доблестных полков и батарей, а также к изображениям полков и батарей конницы в ее обучении, в ее повседневной жизни и в изображениях ее быта и т.д. Великий Суворов, вереницей за ним герои и партизаны Отечественной войны – Кульнев, Дорохов, Денис Давыдов, Сеславин, Платов и Фигнер, а дальше портреты позднейших по времени к нам начальников, представляющих собою галерею наших вождей, строго глядящих на нас со стен, призывая нас к великому подвигу спасения нашей порабощенной Родины…» (Музей Русской конницы в г. Белграде // Часовой. 1939. № 236–237. С. 36). Появление музея вдохновило и другие зарубежные центры на создание подобных. Так появили общества хранителей исторической памяти в Бейруте (Сирия), Скопье и Нише (Югославия), а в 1934 г. было образовано «Общество ревнителей истории русской конницы» в Париже (цит. По Муромцева Л.П. Типология российских эмигрантских музеев, Вопросы музееологии. 2013, 1(7). С. 52).

Также в Русском доме был расположен ***музей Общества офицеров Российского военно-воздушного флота в Югославии*** (был закрыт для посетителей), и небольшое музейное собрание Объединения галлиполийцев.

Общество русских художников как «Художественная студия 1-го Армейского корпуса», ведет свой отсчет с Галлиполи. Именно там она начала свою работу, а потом продолжила в Белграде в 1922 году как «Студия русских художников» в стенах Русского офицерского собрания.

Даже краткое описание структуры Русского дома дает представление о грандиозности идеи создания этого учреждения культуры, подобного которому в момент его формирования не было и именно эта модель послужила образцом для всех зарубежных русских центров подобного типа.

А.Б. Асташов (Москва)

Приказы и приказания в практике взаимодействия военных и гражданских властей в годы Первой Мировой войны в ходе массовых выселений в 1915 г.

При описании кризиса в отношениях между военным руководством и верховной властью России в годы Первой мировой войны в литературе подчёркивается критика военными деятельности царской бюрократии за её медлительность, неэффективность, нераспорядительность. Причиной этого указывается практика постоянного согласования интересов различных ведомств. На этом фоне практика и стиль военного руководства якобы отличались деловитостью и решительностью. Анализ такого источника, как приказания военного руководства во время Первой мировой войны даёт возможность уточнить границы эффективности принятия решения военным руководством.

Авторы работ по делопроизводству и военному праву в целом едины в определении характера приказов и приказаний. И приказы и приказания одновременно являются нормативными и делопроизводственными документами. Как нормативные документы они обеспечивают управленческие функции взаимодействия армейских и гражданских органов власти. Как делопроизводственные документы они обеспечивают документное обслуживание делопроизводство армии и подчиненных ей гражданских ведомств различного уровня на театре военных действий. Приказ касается основной деятельности такой государственной организации как русская армия. Приказание же носит формально уточняющий характер в рамках выполнения тех же функций, на решение которых нацелен и приказ, касается отдельных вопросов деятельности армии.

Юридическими основаниями для высылки были статьи 12 и 19 «Правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении» и п. 4. ст. 415 «Положения о полевом управлении войск в военное время». При высылке военное командование адресовалось к гражданским властям; тем самым военные вступали в сложные взаимоотношения с гражданскими властями, вносившими в дело обороны на театре военных действий массу не боевых, сугубо гражданских обстоятельств, что и отражено в приказаниях со стороны военного командования.

Прежде всего, следует отметить недостаточную определенность инстанции, отдающей приказания. Формально приказание исходило от верховного командования (Главковерха, Главкома армиями фронта или командармов), но донесено оно было до исполнителей в телеграммах начальников штабов, Главного начальника снабжений, начальника военного округа, или даже губернаторов в отношении подчиненных им лиц. При этом в переписке практически отсутствуют сами тексты приказаний, заменяемые отсылками, упоминаниями о них в телеграммах (или в телефонограммах, или в сообщениях по прямому проводу). Уже здесь создавалась почва для сомнения в авторитетности приказаний, почему нижеподчинённые руководители просили уточнить изданные распоряжения. Вызывала неясность и сама форма приказания, называвшаяся «повеление», «распоряжение», «указание», «рескрипт» и т. п., что вызвало критику, поскольку в самих законах такие формы распоряжений не были предусмотрены. При составлении приказаний военные проявлялись по отношению к гражданским властям предупредительность, воздерживались применять «обидные» формы в виде слов «приказываю» и т.п.

В отличие от боевых приказов, приказания в отношении высылки гражданского населения носили расплывчатый характер касательно целесообразности, сроков, мер, объёмов, мест высылки, категорий, способов передвижения, времени нахождения в месте высылки, целесообразности возвращения высылаемых. Например, Главком Северо-Западного фронта М.В. Алексеев в феврале 1915 г., получив приказание о высылке евреев, уточнял у Главковерха: 1) следует ли выселять всё еврейское население и при утвердительном ответе; 2) следует ли выселять в сторону отступающего противника или же после отступления противника всё население из района занятого противником выселять вглубь России; 3) следует ли выселять всех евреев или только подозрительных и неблагонадежных; 4) следует ли брать заложников независимо от выселения остального населения.

Приказание о массовой (около 300 000 чел.) высылке евреев из Ковенской губурении вызвало в течение недели обширную переписку (включая согласование, уточнение, переписывание самого текста приказания) между Главкомом, Главным начальником снабжений Северо-Западного фронта, начальником штаба 10-й армии, отдельными министрами, Департаментом Полиции, губернаторами как на театре военных действий, так и вне его, министрами, председателем Совета министров. В переписке использовались отсылки на общественное мнение и финансовые круги на Западе, членов Государственной думы, общественное мнение в России, множество запросов, жалоб, протестов с мест. Но даже уточнённый текст приказания вызвал в свою очередь неприятие командующего 2-й армией, по-своему толковавшего такое переделанное приказание. Особенностью такой переписки является непрямое (самих авторов приказаний и их оппонентов), а косвенное (т.е. вторых, а то и третьих подчиненных им лиц) согласование позиций, что порождало затягивание, выхолащивание смысла приказания, создавало атмосферу интриг между инстанциями различного уровня, порою саботаж, между военными и гражданскими должностными лицами.

Подобную же переписку с многочисленными согласованиями, переделкой, дополнениями самого распорядительного документа вызвало приказание о массовом выселении поляков. Этот приказ породил пассивное (со стороны населения) и активное (со стороны националистических, либеральных и революционных кругов) сопротивление. И в этом случае для уточнения и изменения смысла приказа были задействованы командующий 2-й армией, Варшавский генерал-губернатор, Варшавский обер-полицеймейстер, губернаторы Царства Польского, многочисленные польские общественные и сословные организации. В результате вместо первоначального приказания о поголовном выселении были приняты приказания о мобилизации военнообязанных, принудительном зачислении в рабочие команды, а в конечном счете – вообще приказание об отмене выселения поляков.

Но даже и при наличии разъяснения, возникала проблема толкования, а главное – исполнения приказания на нижестоящих уровнях: корпусном, дивизионном, полковом. Учитывать нужно и культуру конкретных исполнителей приказаний: полицейских, казаков, участников спецкоманд и т.п. Именно на их деятельность (поголовное – вместо выборочного, принудительное – вместо добровольного – выселение) появились протесты и жалобы населения и различных гражданских учреждений, уточняющие дополнительные приказания командования.

Следует также учесть при выполнении приказаний и сопротивление самого населения, пассивное или активное: уходят, но скрываются в соседних лесах, потом возвращаются и т. п. Это порождало, в свою очередь, и дальнейшие запросы в развитие предыдущих приказаний: следует ли далее продвигать население или довольствоваться тем, что оно на данный момент очистило район боевых действий, но продолжает мешать войскам вести военные действия и т.д.

Таким образом, анализ приказаний военного ведомства по отношению к гражданским инстанциям показывает нарастание в практике их применения таких обстоятельств, на устранение которых у военного командования не было полномочий. В целом это приводило к параличу военной машины в части практики распорядительно-приказной деятельности в предреволюционной России.

О.В. Ауров (Москва)

Рукопись X.I.4 из Королевской библиотеки Эскориала (Испания) в рукописной традиции «истории Испании»

«История Испании» (*Estoria de Espanna*) – выдающийся памятник средневековой испанской (кастильской) историографии, одна из первых европейских хроник эпохи Высокого Средневековья, написанная на разговорном (кастильском) языке. Текст был создан в скриптории короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252–1284) в г. Паленсия. Он должен был отразить события от начала испанской истории до взятия Кордовы королем Фернандо III Святым (1236 г.) и стать частью дилогии, которая, помимо «Истории Испании», включала также «Всеобщую историю» (*General Estoria*); последняя была доведена до конца, тогда как первая не была завершена. Известны три основных редакции «Истории Испании»: «Первая (Ранняя)» (1270–1274), «Критическая» (1282–1284) и «Пространная редакция (или хроника)» (1289 г.); две первых были созданы под непосредственным руководством «мудрого короля», тогда как последняя создавалась уже при его преемнике Санчо IV Храбром (1282/84–1295).

Первые издания «Истории Испании» были осуществлены выдающимся испанским филологом-медиевистом Р. Менендесом Пидалем (1906, 1955, 1977 гг.). При определенных различиях, все они основываются на текстах рукописей *Y.I.2* (XIII в.) и *X.I.4* (XIV в.) из Королевской библиотеки Эскориала (недалеко от Мадрида); рукописная история памятника в целом включает несколько десятков рукописей конца XIII–XIX вв., важнейших из которых являются 37 (в изданиях 1906, 1955 и 1977 гг. разночтения представлены в постраничных примечаниях).

С начала 1960-х гг. теоретические принципы, положенные в основу изданий Р. Менендеса Пидаля, подвергаются активной критике (Д. Каталан, И. Фернандес-Ордоньес, М. де ла Кампа, А. Вард и др.). Суть их состоит не только в том, что за время, прошедшее со времени этих изданий, выявлены новые (и весьма значимые) версии текста, но и в крайнем преувеличении (по мнению большинства исследователей) роли кодекса *X.I.4*, являющегося (в отличие от *Y.I.2*) позднейшей компиляцией. Она была составлена, вероятно, королевским нотарием Фернаном Санчесом из Вальядолида между 1321 и 1344 гг. Стремясь получить завершение текста рукописи *Y.I.2*, в погоне за «полной» версией он искусственно соединил под одной обложкой фрагменты разных кодексов (и, что наиболее важно, разных редакций) конца XIII – первой половины XIV вв., буквально подогнав их друг к другу. В результате, оказались буквально «перемешанными» часть Первой (Ранней) и Пространной редакций, к которым были добавлены отдельные тексты иного происхождения, в частности – «Легенда о графине-предательнице» (начало XIV в.). Кроме того, компилятор несколько расширил первоначальные хронологические рамки памятника, доведя его не только до взятия Кордовы (1236 г.), но и до смерти короля Фернандо III (1252 г.); для этой цели была частично использована «Хроника Святого Фернандо» (начало XIV в.).

При всей значимости результатов новейших исследований, значение кодекса *X.I.4* все равно следует признать весьма значительным. Скомпилированный всего через несколько десятилетий после создания оригинала, его текст столетиями воспринимался читателями как законченное сочинение.

Именно в этом качестве он неоднократно копировался, в том числе – в XV–XVI вв. (рукописи *X.I.7* (XV в.) (Королевская библиотека Эскориала) и *ms. 1487* (XVI в.) (Национальная библиотека (Мадрид)) и, по существу, представляет собой самостоятельную редакцию памятника.

Избранная библиография

Издания памятника (XX – XXI вв.):

Estoria de los Godos. Critical edition and contextual introduction by A. Ward. Oxford: Society for the Study of Medieval Languages and Literature/Oxbow Books, 2006 (Medium Aevum Monographs, New Series, xxiv).

La "Estoria de España" de Alfonso X. Estudio y edición de la "Versión crítica" desde Fruela II hasta la muerte de Fernando II/ Ed. por M. de la Campa Gutiérrez. Málaga: Analecta Malacitana, 2009.

Primera Crónica General de España, editada por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán /2 vols. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1977 (Fuentes cronísticas de la historia de España, I).

Primera Crónica General ó sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289 /Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid: Bailly-Bailliére é hijos, editores, 1906.

Primera Crónica General que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289. /Publ. por R. Menendez Pidal, con la colaboración de A.G. Solalinde, M. Muñoz Cortés, J. Gómez Pérez /2 vols. Madrid: Seminario Menéndez Pidal; Gredos, 1955.

Versión crítica de la "Estoria de España". Estudio y edición desde Pelayo hasta Ordoño II/por I. Fernández-Ordóñez. Madrid: Fundación Menéndez Pidal. Universidad Autónoma de Madrid, 1993 (Fuentes cronísticas de la historia de España, VI).

Важнейшие исследования рукописной и текстологической традиций:

Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España. /Ed. por I. Fernández Ordoñez. Valladolid, 2001. P. 61 – 82.

Catalán D. De Alfonso X al Conde de Barcelos: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal, Madrid, Seminario Menéndez Pidal, Gredos, 1962.

Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo, Madrid, Seminario Menéndez Pidal, Fundación Ramón Menéndez Pidal, Universidad Autónoma de Madrid, 1997.

Catalán D. La «Estoria de España» de Alfonso X: creación y evolución, Madrid, Seminario Menéndez Pidal, Fundación Ramón Menéndez Pidal, Universidad Autónoma de Madrid, 1992.

Fernández Ordoñez I. Las "Estorias" de Alfonso el Sabio. Madrid: Istmo, 1992.

La historia alfonsí: el modelo y sus destinos (siglos XIII-XV) /Ed. G. Martin. Madrid, Casa de Velázquez, 2000.

Т.А. Базарова (Санкт-Петербург)

Диариуш русских послов в Османской империи П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711–1713 гг.

Русские дипломаты П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев были отправлены к Порте не из Москвы, как предыдущие посольства, а из турецкого военного лагеря на р. Прут. После заключения мирного договора 12 июля 1711 г. П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев с великом везирем и османским войском двинулись в турецкую столицу. Перед дипломатами поставили задачу добиться ратификации договора султаном и затем вернуться на родину. Однако Петр I не спешил выполнять условия подписанного на Пруте договора, и Порта еще три раза (9 декабря 1711 г., 31 октября 1712 г. и 13 апреля 1713 г.) объявляла войну России. Русские дипломаты пять месяцев (с ноября 1712 по март 1713 г.) провели в заключении в Едикуле. Наконец, 13 июня 1713 г. в

Адрианополе был подписан новый договор, установивший на долгие годы мир между Россией и Османской империей, и 2 сентября 1714 г. П.П. Шафиров, М.Б. Шереметев (а также посол в Стамбуле с 1702 г. П.А. Толстой) смогли покинуть берега Босфора.

Сохранившийся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН среди бумаг П.П. Шафирова диариуш (дневник) содержит краткий перечень событий с 11 июля 1711 г. по 15 апреля 1713 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4866). Эта небольшая тетрадь из шести листов формата в 1/8; водяные знаки отсутствуют. Первые страницы, где речь шла о пути русских полномочных министров в Адрианополь и Стамбул, написаны четким почерком (предположительно, подьячего Ф.А. Сенюкова) и с минимальными исправлениями. Постепенно почерк меняется. Сначала уменьшаются размер букв и расстояние между строками. С 9 января 1712 г. почерк подьячего становится размашистым и менее разборчивым, в тексте возникают исправления, зачеркивания и вставки (в том числе и зашифрованные), а также записи другими почерками и чернилами.

Первая зашифрованная фраза (отдано «писмо мунтяном для посылки к фелтмаршалу») появилась 13 ноября 1711 г., когда полномочные министры вместе с великим везиром и османской армией следовали из Адрианополя в Стамбул. С декабря 1711 по апрель 1712 г. (время мирных переговоров с османами) секретной информацией становится любая отправка русскими дипломатами курьеров с донесениями к государю или генерал-фельмаршалу Б.П. Шереметеву. 14 декабря также зашифровали фразу – «казнены кегая и секретарь».

В 1711 и до 26 апреля 1712 г. дневник по возможности фиксирует ежедневные события (возле дат 10, 18, 29, 30 декабря 1711 г. оставлены пустые строки): отсылка или прибытие курьера, посещение послов их европейскими коллегами, секретарями и переводчиками, отправка русских секретарей и переводчиков с различными поручениями, конференции с представителями османского правительства и пр. Записи очень краткие, обычно в одну – две строки; при этом, как правило, звания и должности сокращались до одной буквы. Судя по лаконичности и сухости записей, дневник призван был сохранить «для памяти» (и для последующего отчета) хронологическую последовательность событий. Записи велись от третьего лица, лишь однажды (10 апреля 1712 г.) встречается – «Господин посол Толстой свобожден и к нам прибыл».

В мае – октябре 1712 г. (после окончания мирных переговоров в Стамбуле) число записей о событиях в каждом месяце уменьшается до 3–6. В октябре рядом с датой «в 31 <день>» стоит короткая фраза: «взяты в Едикуль»; в ноябре дневник зафиксировал два события, связанные с подготовкой османского военного похода против царя («В 15 <день> яныческой ага пошол в Андреянополь. В 27 <день> салтан вышел в поход из Констянтинополя»). Следующая запись появилась 1 февраля 1713 г. («ведомость первая о ш<ведском> к<ороле> получена», т.е. русским послам стало известно о калабалыке). Последние строки дневника связаны с освобождением послов из тюрьмы и прибытием в Адрианополь, где начались новые мирные переговоры.

Итак, диариуш был составлен во время пребывания русских послов в Османской империи и доставлен ими на родину. Возможно, записи за первые полгода пребывания русских дипломатов в Османской империи аккуратно переписали с каких-либо заметок или черновика. С начала 1712 г.

строки в тетрадь добавляли с разной периодичностью – по мере необходимости зафиксировать то или иное событие. Составитель диариуша с первых строк именует П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева «господами послами». Между тем, с берегов Прута в Стамбул вице-канцлер и генерал-майор прибыли в качестве полномочных министров. Грамоты о ранге чрезвычайных и полномочных послов стольник А.Ф. Лопухин доставил только 13 августа 1712 г. В записях с 27 марта по 13 августа 1712 г. они из послов «превращаются» в министров. Очевидно, это связано с необходимостью отразить события русско-османских мирных переговоров, посредниками в которых выступали английский посол Р. Саттон и голландский посол Я. Кольер (напр., 27 марта «министры были с послами на конференции» или 3 апреля «министры с послами были в конференции»).

В инструкциях оправляемых к зарубежным дворам русских послов обычно содержалось указание вести статейный список, который наряду с приходо-расходными книгами становился основным отчетным документом. П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев таких указаний не получили и статейного списка не вели. Отчет о ходе и результатах дипломатической миссии начали составлять через несколько лет после ее завершения – в 1721 г. в Санкт-Петербурге. Основой для составителей статейных списков стали реляции, письма, указы, тексты договоров и другие документы, сохранившиеся в Коллегии иностранных дел и иных ведомствах, а также в личных архивах участников турецких событий (Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб., 2015. С. 129–131).

В список привлеченных к составлению отчета источников логично включить и диариуш. Однако сравнение сведений, содержащихся в дневнике и статейных списках, ставит такое утверждение под сомнение. Так, в отчет русских послов не вошла такая обязательная часть статейных списков, как подробное описание дороги к месту назначения. Отметим, что в ряде случаев сведения из дневника не отражены в статейных списках, а также встречаются расхождения в датах (согласно диариушу курьер М. Арсеньев с известием о разорении Новобогородицкой крепости вернулся в Адрианополь 24 октября 1711 г., а по статейным спискам – 25 октября). По-видимому, диариуш затерялся в архиве П.П. Шафирова и не использовался при составлении статейных списков.

А.Г. Баранов (Москва)

О выпуске денежных знаков РСФСР образца 1921 г. в 17-й (бывшей Синодальной) типолитографии

14 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) была провозглашена Новая Экономическая Политика, одним из следствий выполнения которой стал «денежный голод», непрерывно усиливавшийся из месяца в месяц. Имевшиеся в стране фабрики Гознака не справлялись с многократно увеличившимися требованиями на изготовление все новых и новых партий находившихся в обращении типов и видов денежных знаков. Решить возникшую проблему можно было с помощью открытия новых фабрик Гознака, упрощения и удешевления производства купюр выпускаемых номиналов и изготовления новых банкнот крупных достоинств, не печатавшихся ранее. Для этого в июне 1921 г. были выпущены в обращение дензнаки упрощенного типа об-

разца 1921 г. достоинством в 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 рублей, в Ростове-на-Дону была открыта новая фабрика Гознака, а в Москве к печатанию денег привлечены мощности 17-й типолитографии МСНХ.

Эта типолитография до 1930 г. размещалась по адресу Никольская улица, д. 15, в здании, построенном в 1811–1815 гг. архитектором И.Л. Мироновским специально для Синодальной типографии. Литографическое отделение занимало Ивановскую и Воскресенскую палаты. В типографии было 150 различных машин. После 1917 г. Синодальная типография была ликвидирована и преобразована в типографию Гознака. С 1930 г. в ее помещениях разместился Историко-архивный институт (с 1991 г. РГГУ).

Весной 1921 г. Художественно-Графическому отделу Гознака вследствие чрезвычайно ощущаемого денежного голода в Республике было поручено срочно закончить выработку новых денежных знаков достоинством в 25 000, 50 000 и 100 000 рублей образца 1921 г. Управляющий фабриками поручил Художественно-Графическому отделу организовать литографское печатание дензнаков в 17-й типолитографии с июня 1921 г. (РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 4. Д. 183. Л. 145.). Тогда с невероятным напряжением удалось выбросить в обращение нужное количество дензнаков для предотвращения денежного кризиса. По планам Гознака необходимый стране месячный запас дензнаков путем печатания расчетных знаков 50 000 и 100 000 рублей образца 1921 г. в размере 500 млрд. мог быть изготовлен даже при имевшихся неблагоприятных условиях работ в 17-й типолитографии в течении двух с половиной месяцев (РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 3 Д. 152 Л. 148.). Для изготовления этих купюр применялась бумага с узором № 285 (крупные 6-ти лучевые звезды), имевшаяся на 1-й Московской фабрике в запасе около 3 млн. листов.

В середине июля по указанию главного техника Ермолаева заведующему 2-й Московской фабрики последовало срочное распоряжение от Управления фабриками Гознака сделать переводные оттиски литер АА для расчетных знаков 50.000 руб. достоинства образца 1921 г. начиная с серии АА 001 кассир Лошкин и литер АБ для расчетных знаков 100 000 руб. достоинства образца 1921 г. начиная с серии АБ 003 кассир Селляво, которые следовало передать в 17-ю типолитографию. Расчетные знаки достоинством 50 000 и 100 000 руб. образца 1921 г. печатались по 24 экз. на листе. В каждой серии до 250 000. экз. О фактическом изготовлении расчетных знаков мы можем узнать из нижеприведенных таблиц.

Табл.1. Сведения об изготовленных 17 типолитографией расчетных знаках достоинством 50 000 руб. образца 1921 г. на 28.12.1921 г. (РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 2. Д. 65. Л. 280)

Номера и кассир	Кол-во листов и экз.	Номера и кассир	Кол-во листов и экз.	Общее кол-во листов и экз.
АА 001 Лошкин	8750,5 / 210012	АА 005 Дюков	8750,5 / 210012	17501 / 420024
АА 009 Оников	11000 / 264000	АА 013 Порохов	11000 / 264000	23000 / 528000
АА 017 Солонин	10099 / 242376	АА 021 Козлов	10099 / 242376	20198 / 484752
АА 025 Смирнов	10000 / 240000	АА 029 Сапунов	10000 / 240000	20000 / 480000
АА 033 Силаев	8500 / 204000	АА 037 Колосов	8500 / 204000	17000 / 408000
АА 041 Колосов	1250 / 30000	АА 045 Силаев	1250 / 30000	2500 / 60000
Итого, экз.:				2.380.776 экз.
На сумму, руб.:				119.038.800.000

Табл. 2. Сведения об изготовленных 17 типолитографией расчетных знаках достоинством 100 000 руб. образца 1921 г. на 28.12.1921 г. (РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 2. Д. 65. Л. 280 об.)

Номера и кассир	Кол-во листов и экз.	Номера и кассир	Кол-во листов и экз.	Общее кол-во листов и экз.
АБ 003 Селява	9999,5 / 239988	АБ 018 Порохов	9999,5 / 239988	19999 / 479976
АБ 008 Дюков	9599,5 / 230388	АБ 013 Силаев	9599,5 / 230388	19199 / 460776
АБ 023 Сапунов	11800 / 282000	АБ 028 Смирнов	11800 / 282000	23600 / 564000
АБ 033 Беляев	7500 / 180000	АБ 038 Герасимов	7500 / 180000	15000 / 360000
АБ 043 Козлов	9250 / 222000	АБ 048 Солонин	9250 / 222000	18500 / 444000
АБ 053 Солонин	4250 / 102000	АБ 058 Козлов	4250 / 102000	8500 / 204000
АБ 063 Герасимов	2750 / 66000	АБ 068 Беляев	2750 / 66000	5500 / 132000
АБ 073 Смирнов	2000 / 48000	АБ 078 Сапунов	2000 / 48000	4000 / 96000
АБ 083 Порохов	750 / 18000	АБ 088 Силаев	750 / 18000	1500 / 36000
АБ 093 Дюков	500 / 12000	АБ 098 Селява	500 / 12000	1000 / 24000
Итого, экз.:				2.800.752 экз.
На сумму, руб.:				280.075.200.000

Всего в 17-й типолитографии в 1921 г. было изготовлено расчетных знаков двух достоинств на общую сумму 399 114 000 000 руб.

Кроме печатания расчетных знаков в 17-й типолитографии производились работы по изготовлению для Ростовской Экспедиции переводов на камень расчетных знаков 500 и 1000 рублей образца 1921 г., а также перевод расчетных знаков 25 000 рублей образца 1921 г. и литер АВ начиная с номера серии 002 кассир Дюков (РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 2. Д. 65. Л. 140).

Интересно, что на 2-й Московской фабрике Гознака, где изготавливались матрицы, клише и стереотипы для всех фабрик Гознака была допущена ошибка, выявленная уже в процессе печатания расчетных знаков достоинством в 50 000 руб. на 17-й типолитографии. 14 июля Главный эксперт испытательной станции Гознака доложил о необходимости удаления на расчетных знаках 50 000 руб. достоинства образца 1921 г. точки, стоящей после слов «Народный Комиссар финансов» и «Кассир» (РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 3. Д. 152. Л. 163.). В утвержденных проектных образцах таких точек не было. Если просматривать изготовленные денежные знаки, то можно увидеть, что на первых сериях есть лишние точки, затем исчезает лишняя точка после слова «Кассир», затем обе лишние точки. Связано это с внесением изменений в новые клише.

Как изготавливались «образцы» выпускавшихся расчетных знаков? Из производства 17-й типолитографии на 1-ю Московскую фабрику 21 июля 1921 г. были доставлены образцы расчетных знаков номиналом 50 000 рублей: 150 листов (по 24 экз. на листе) отпечатанные только лицевой стороной и 150 листов (по 24 экз. на листе) отпечатанные только оборотной стороной. По их получении на них были наложены слова «образец» посредством перфорирования. Затем получившиеся «образцы» в количестве 3000 экз. были сданы в Отдел денежных и расчетных знаков (РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 3 Д. 152. Л. 171). Аналогично были изготовлены «образцы» расчетных знаков достоинством в 100 000 руб. в количестве 3000 экз.

В обращение расчетные знаки достоинством 50 000 и 100 000 рублей образца 1921 г. стали поступать согласно декрету СНК РСФСР от 31 июля 1921 г. «О выпуске денежных знаков крупных достоинств». Спустя год их выпуск в обращение был прекращен и данные расчетные знаки еще некоторое время обменивались из расчета 10 000 рублей расчетными знаками за 1 рубль денежными знаками образца 1922 г.

С.И. Баранова (Москва)

Заказчики изразцового декора зданий Москвы второй половины XVII в.

Круг исторических источников постоянно пополняется «нетекстовыми» свидетельствами, прежде всего – объектами материальной культуры. Конечно, историки и раньше широко использовали монеты, печати, наградные знаки, инсигнии, надгробия и даже бытовые предметы, не проходя при этом мимо изразцов. Но их рассматривали как иллюстрации или, в лучшем случае, как носители надписей и символов, к которым применяли традиционные виды анализа (например, текстологический).

С развитием музееведения, теории и истории реставрации, материальной культуры, археологии и близких им дисциплин, в значительной мере опирающихся на «немые» свидетельства и широко привлекающих приемы из областей точных и естественных наук, историческое исследование материального мира стало более самостоятельным и системным. Это потребовало приложения целенаправленных усилий для выявления информационного потенциала, накопленного в области материальной культуры и пригодного для исторических заключений. В средневековой истории, которую освещает достаточно широкий круг традиционных источников, возник комплексный (мультидисциплинарный) подход, применяющий параллельный анализ неписьменных и письменных свидетельств с последующим сравнением результатов.

Этот подход используется и в изучении русского изразца как особого исторического источника, к анализу которого привлекают смежные области исследования и специальные исторические дисциплины (геральдика, эмблематика), а также мало связанные с ним, на первый взгляд, генеалогию и просопографию.

Такой подход к изразцовому декору Москвы второй половины XVII в. позволяет не только «материализовать» вкусы её жителей, но зримо демонстрирует статус именитых заказчиков и выявляет связи внутри их круга, а также взаимоотношения с привлекаемыми к работе мастерами. В результате картина просопографии обогащается, мы больше узнаем не только об изразцах, но и о том сравнительно устойчивом сообществе, которое складывалось вокруг их производства и создания монументальных декоративных композиций.

Роль заказчика мы признаем определяющей априорно. Но выявление конкретных запросов, установление форм и путей их воздействия на конечный результат, особенно просопографических связей – требует специального исследования. Сам новый вид броского архитектурного декора возник благодаря развитию вкусов и возможностей заказчиков, ведь именно они осуществляли выбор в пользу крайне дорогие в XVII в. многоцветных изразцов. За уникальным декором фасадов Москвы этого времени просматривается и воля царского двора; и более многочисленный круг заказчиков, отдавших предпочтение изразцу; и пестрый по составу круг наиболее высокооплачиваемых и искусных зодчих и мастеров.

Приведем конкретные примеры. Говоря о роли заказчика в создании изразцового декора, невозможно пройти мимо фигуры патриарха Никона. Это своего рода «суперзаказчик», напоминающий нам о меценатах эпохи Ренессанса. Он безусловный творец нового стиля, заново открывший для России

архитектурные возможности керамики при опоре на имевшихся в его распоряжении западнорусских мастеров.

Даже охлаждение отношений царя с патриархом Никоном, закончившееся ссылкой последнего в 1666 г., отразились на «никоновском изразцовом проекте» совершенно особым образом. Его новации не были отторгнуты светской и церковной властью (использованные в облицовке новых храмов изразцы демонстрируют полное приятие московским двором новоиерусалимских образцов: павлинье око, херувимы, розетки). Изразцы украсили фасады зданий обширной московской программы Романовых: царей Алексея Михайловича (Покровский собор в Измайлове) и его сыновей Феодора (церкви Теремного дворца) и Петра I (Сухарева башня, Монетный двор, Главная аптека). Заказы нового вида декора царем и представителями его ближнего круга дали своего рода санкцию, открыв период широкого применения изразцов в строительстве и, прежде всего, в тех постройках Москвы, которые имели политическое и градостроительное значение.

Сооружения с изразцовым декором вызвали волну подражаний в дворцовых кругах: следует серия заказов со стороны людей, выдвинувшихся при новой династии. Их возвышение прекрасно отражено в храмовом строительстве – не случайно церковь св. Николая в Столпах, одну из первых в Москве, украшенных полихромными изразцами, построил в 1669 г. боярин А.С. Матвеев. Аналогичным образом убрал изразцами церковь Григория Неокесарийского, воздвигнутую им в 1660–1670-е гг., А.С. Постников (с 1666 г. – царский духовник). Велика роль в продвижении изразцового декора князя В.В. Голицына: в конце 1670-х – первой половине 1680-х гг. он руководил строительными работами в Кремле, в том числе, перестройкой церквей Теремного дворца, а в 1687 г. украсил не менее великолепным изразцовым нарядом свой домовый храм – церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду.

Украшение построек в монастырях и церковных резиденциях изразцами обеспечивали специальные заказы. При митрополите Сарском и Подонском Евфимии (1688–1695) Крутицкий теремок (1693) на митрополичьем подворье на Крутицах получил изразцовый декор, поражающий безудержной пышностью даже в эпоху расцвета русского изразца. Другой пример активного воздействия церковного иерарха дает история грандиозного строительства резиденции патриарха Адриана в Николо-Перервинском монастыре, где изразцами украсили Никольский храм (1696–1700).

Во второй половине XVII в. очевидный интерес государственной власти, как одного из основных заказчиков, к декоративным возможностям ценинных изразцов определил их широкое применение в зданиях, имевших идеологическое, политико-репрезентативное и градостроительное значение. Расширение круга заказчиков фасадных изразцовых декораций, в который вошли лишь избранные представители верхушки русского общества, ограничивала не столько элитарная, сколько государственная составляющая. Поэтому вскоре открылась возможность следовать новой «моде» для жителей Гончарной и Мещанской слобод, населенных специалистами высокого класса и, отчасти, зарубежного происхождения. Объединив средства и использовав владение технологической базой, они смогли украсить свой храм не хуже, чем царственные заказчики. Правда, в отличие от последних, их имена пока неизвестны.

М.В. Батшев (Москва)

Письма Д.А. Валуева из-за границы как исторический источник по восприятию им Европы

В фонде Свербеевых в РГАЛИ отложились письма Д.А. Валуева к Д.Н. Свербееву и его супруге (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 624а), написанные им во время поездки на лечение за границу в 1844 году. Данные письма до настоящего времени не были введены в научный оборот. Их изучение и публикация позволит написать новую страницу в биографию молодого, скоропостижно умершего историка.

До своего отъезда в заграничное путешествие он успел закончить главную работу своей жизни «Симбирский сборник». В сборнике увидели свет ценные исторические документы собранные Валуевым и его друзьями в разных Волжских городах. Составители посвятили этот сборник памяти другого знаменитого уроженца Симбирской губернии Н.М. Карамзина.

В «Симбирском сборнике» увидела свет «Разрядная книга», которая содержит записи распоряжений русского правительства 1559–1605 гг. Специально для этой публикацией Валуевым было написано обширное «Введение», которое он назвал «Нечто о местничестве», которое он опубликовал только после благосклонного отзыва М.П. Погодина. Автор рецензии на сборник в журнале «Отечественные записки» писал: «Кто сколько-нибудь занимался древней русской историей, тому известно, что местничество представляет в ней такое явление, к которому прямо или косвенно примыкают почти все прочие».

Первый город, увиденный Валуевым в путешествии был Любек. Он увидел его в необычном ракурсе: «Меня поразил Любек, не видавши не поймёшь немецкого города, а между тем, как только увидел, убедился, что Славянский Любоч, без шуток, форм всех домов каменная изба и мне тотчас живо напомнило село Лысково возле Нижнего; серьёзно улицы сплошных изб и рыды крыш совершенно напоминают. Особливо я помню одну, где видно, по какому то инстинкту, тамошние мужики выстроились такими же каменными избами, только не достаёт черепиц» (Там же. Л. 2).

После Любека он приезжает в Гамбург. Здесь по совету Свербеева, он планирует посетить одного из бывших профессоров Московского университета, к которому он снабдил Валуева рекомендательным письмом: «Жаль, что ваше письмо Дмитрий Николаевич к декану в Гамбург мне только дало узнать, что он бедный давно уже умер, сын тоже и остались 2 дочери» (Там же. Л. 12). Оттуда планировал попасть в Магдебург, а затем в Лейпциг и Дрезден. Дрезденская галерея произвела на него необычайно сильное впечатление: «Впрочем, мне много помог Дрезден, чтобы уравновесить себя и помириться с собой и настоящим. В Мадонне Раф. Я впервые понял искусство, а в Сакс. Швейцарии начал понимать природу. Мадонна для меня заслонила всё остальное, и одно осталось во мне: стыдно сказать и особливо Дмитрию Николаевичу, первые два раза, как я подходил к ней, я не мог удержаться от слёз, и просто плакал, должен был уйти и спрятаться за окошко. Это мечта женщины и матери в её божественности, мечта, которую поймёшь, только увидав Рафаэля, на неё можно молиться и поставить в церковь» (Там же. Л. 11). Германия за редким исключением ему не сильно понравилась: «Немецкие города, кроме Дрездена безобразны, или как Питер

выделанная виньетка, а не картина с её смыслом и душой, вложенной художником» (Там же. Л. 12).

После краткого знакомства с Германией он отправляется на морские купания в Великобританию. Купания пошли ему на пользу. Он почувствовал улучшения в своём здоровье. На обратном пути в Россию он посетил Берлин и Дрезден. В Берлине он мечтал послушать лекции знаменитого Шеллинга, но не сложилось: «В Берлине я ещё застал две недели лекции и впервые понял всё великое значение Герм. Науки и Университета, только к великой досаде Шеллинг всё ленится» (Там же. Л. 20). А от идеи остаться в Германии еще на несколько месяцев отказался, т.к. понимал, что кроме него литературно-издательские проекты славянофильского кружка никто не сможет вытянуть.

Н.В. Башнин (Санкт-Петербург)

О дате смерти преп. Дионисия Глушицкого*

Согласно Житию, преп. Дионисий «ископа себе гроб прежде своего преставлениа за 7 лет» в Сосновецкой пустыни и завещал свое тело положить именно там (Житие Дионисия Глушицкого. Основная редакция // Святые подвижники и обители Русского Севера / Изд. подг. Г.М. Прохоров и С.А. Семячко. СПб., 2005. С. 118). Такой поступок не был чем-то необычным. В конце первой четверти XIV в. подобным образом поступил и митрополит Петр. Он незадолго до своей смерти († с 20 на 21 декабря 1326 г.) в строящемся храме в честь Успения Богородицы в Москве «своими руками сделал в нем себе гроб» (Прохоров Г.М. Петр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 327).

По мнению М.Р. Майзульса, психологическая черта средневекового человека – это страх внезапной смерти, ведь для него спасение мыслилось через «обряды перехода», требующие времени (Подробнее см.: Майзульс М.Р. Древнерусский человек перед лицом смерти // Россия XXI. 2003. № 5. С. 108–149). Православная традиция загодя готовиться к смерти сохранялась еще долго и широко зафиксирована в документах и этнографических материалах XIX – начала XX в. Женщины шили себе «смертную» одежду, а мужчины делали гробы или запасались досками для «домовины». Но главным для верующего человека считалось подготовиться духовно для последнего жизненного шага, поэтому стремились исповедаться или над больным совершалось соборование (Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 73).

Обстоятельства смерти Дионисия Глушицкого в Житии зафиксированы с поразительной точностью: сначала Дионисий «месяца майа 29, в четверток, в недуг телесны впаде», а «преставися в лето 6945, в день неделны, в 6 час дне, месяца июня 1 день» (Житие Дионисия Глушицкого… С. 132).

В церковной и историографической традиции прочно закрепилась дата смерти Дионисия Глушицкого – 1 июня 1437 г. Один из первых исследователей вологодских монастырей еп. Евгений (Болховитинов) приводил без указания источника другую дату смерти Дионисия Глушицкого – 1 июня 1412 г., которая в литературе не закрепилась (Евгений (Болховитинов), еп. Краткое сведение об угодниках Божиих, в пределах Вологодской епархии почивающих, прославленных церковию, и местно чтимых (Публ.

Н.И. Суворова) // Вологодские Епархиальные ведомости. Прибавления. 1864. № 1. С. 14). Также без указания источников еп. Евгений сообщает и другие сведения о глушицких святых. По его данным, преп. Амфилохий Глушицкий скончался 14 октября 1422 г., преп. Макарий 13 мая, без указания времени смерти названы преп. Тарасий и преп. Феодосий (Там же).

Думается, что приведенная еп. Евгением дата кончины Дионисия Глушицкого неверна. Дело в том, что в Житии сообщается не только о дате ухудшения самочувствия и смерти Дионисия, но и упоминаются дни недели, когда это произошло: 29 мая – четверг, 1 июня – воскресенье. На основании формул Е.Ф. Карского и Н.Г. Бережкова (Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 44–48; Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1973. С. 36–37; Каменцева Е.И. Хронология: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2003. С. 84–85), таблиц определения кругов солнца и вруцелета (Каменцева Е.И. Хронология.. С. 76–81) были проведены подсчеты, согласно которым в 1437 г. 29 мая приходилось на среду, а 1 июня на субботу. Сведения о времени смерти Дионисия Глушицкого, представленные в Житии, справедливы для 1438 г., в этом году 29 мая приходилось на четверг, а 1 июня на воскресенье. В источнике точно названо и время суток, когда скончался преподобный – 6 «час дне». Согласно таблице, приведенной Л.В. Черепниным, 6 час дня соответствует 8.30 утра по современному счету (Черепнин Л.В. Русская хронология. С. 50. Табл. XI).

Итак, Дионисий Глушицкий умер около 8.30 утра в воскресенье 1 июня 1438 г. Известны аналогичные случаи пересмотра даты смерти подвижников. Так, Е.Е. Голубинский доказал, что Сергий Радонежский скончался не в 1391 г., а в 1392 г. и его кончина записана «по старому мартовскому счету» (Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по лавре. М., 1909. С. 68–71. Прим. 4); А.Г. Сергеев уточнил время кончины св. Корнилия Комельского – 19 мая 1538 г. (Сергеев А.Г. Житие и устав св. Корнилия Комельского как исторический источник. Автореф. дисс... к.и.н. СПб., 2001. С. 13).

Зная дату смерти глушицкого святого и количество прожитых им лет и месяцев – «лет 74, 6 месяц», можно вычислить приблизительную дату рождения – декабрь 1363 г.

Тело Дионисия, согласно завещанию, необходимо было перевезти из Покровского монастыря в Сосновецкую пустыню, но мул «не потягоша». Тогда привели любимого мула Дионисия «и повезе моск (мул – *Н.Б.*), и не ста до оная пустыни» (Житие Дионисия Глушицкого.. С. 133). Отношения понимания и взаимодействия с животными являются общим топосом для житийной литературы (Перечень подобных сюжетов см., напр.: Буфеев К., протоиерей. Животные рядом со святыми. М., 2012. В этом перечне упоминается и сюжет из жития Дионисия Глушицкого с мулом. При этом автор допускает опечатку – «Сосковец» вместо «Сосновец» (С. 218). Впрочем, вся книга не лишена подобных недоразумений). Приводя случаи подчинения подвижникам «божьих тварей», агиографы тем самым подчеркивал святость преподобных.

Процитированный выше рассказ Жития о похоронах Дионисия допускает и еще одну аллюзию. В Вологодской губернии в XIX в. был известен обычай в любое время года (летом или зимой) везти покойника на дровнях. Эти дровни оставлялись на погосте, в поле или в лесу (Кремлева И.А. Похо-

ронно-поминальные обряды... С. 78). Кроме этого, еще в домонгольской Руси «сани, подобно ладье, вошли в обиход языческого и христианского культа и погребального обряда», а мертвых «перевозили даже летом на санях: так было и с князем Владимиром в апреле 1015 г., так было при погребении князей Бориса и Глеба в мае 1015 г. и при похоронах князя Святополка-Михаила в апреле 1113 г. Сани получили специальное название «кречелы» (погребальный катафалк)» (Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Материальная культура. М.; Л., 1948. Т. I. С. 306). Приведенные данные позволяют предположить, что тело Дионисия Глушицкого везли к месту похорон на дровнях, что и объясняет затруднения мула. На основании многочисленных этнографических данных В.А. Коршунков рассмотрел проводы усопших и отметил, что «при движении похоронной процессии – на «последнем пути» умершего – все было строго регламентировано. Особенно опасались задержки, непредвиденной остановки» (Коршунков В.А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М., 2015. С. 220–221). Вероятно, совокупность приведенных выше причин и привела к тому, что этот эпизод также вошел в состав Жития.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-5985.2015.6.

М.Р. Белоусов (Казань)

Стольники в учетных документах Разрядного приказа 1664 г.

Разрядный приказ, как известно, помимо прочих функций, выполнял функцию «кадрового ведомства». Поэтому учет пригодности к службе и служб представителей московских чинов двора (стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов) являлся одной из важнейших его задач. Среди учетных документов Разрядного приказа центральное место занимают боярские списки – ежегодно составлявшиеся в Московском столе Разрядного приказа перечни членов Государева двора с регулярно вносившимися сведениями об их пригодности к службе, местонахождении и служебной деятельности. Однако и другие делопроизводственные документы Разрядного приказа реализуют его функцию по учету представителей московских чинов двора. Указанные документы хранятся в Российском государственном архиве древних актов в фонде Разрядного приказа среди столбцов Московского стола (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9).

В перечне мая 1664 г., озаглавленном «Столники ж у смотру великого государя были, а в приезде мая в 10-м и в 11-м числех в приезде (sic! – *М.Б.*) не записались» (заголовок перечня исправлен из: «Столники ж у смотру великого государя написаны в нетех, а иные, быв у смотру, а в приезде мая в 10-м и в 11-м числех в приезде (sic!) не объявились») (Там же. Д. 350, Л. 15−17), названы 33 стольника (кн. А.И. Буйносов-Ростовский, кн. С.А. Хованский, кн. М.С. Прозоровский, кн. Г.Д. Долгорукий, кн. С.И. Татев, П.И. Годунов, кн. И.И. Дашков, И.Л. Салтыков, кн. В.И. Хилков, кн. М.А. Кольцов-Масальский, кн. А.И. Хилков, кн. А.И. Лобанов-Ростовский, М.Б. Милославский, Д.И. Салтыков, кн. П.И. Хованский, кн. А.И. Хованский, Г.Я. Милославский, Г.А. Зюзин, И.И. Чемоданов, кн. М.Н. Егупов-Черкасский, кн. Ф.Н. Барятинский, кн. Ф.А. Хилков, кн. А.А. Хилков, В.Н. Бутурлин,

кн. И.И. Львов, кн. А.В. Козловский, кн. М.В. Львов, И.В. Янов, Ф.И. Сомов, В.И. Доможиров, кн. Ф.С. Волконский, Д. Долмаков, И.Я. Коробьин).

При именах семи из них (П.И. Годунов, кн. В.И. Хилков, кн. А.И. Хилков, кн. А.И. Лобанов-Ростовский, кн. Ф.А. Хилков, кн. А.А. Хилков, Д. Долмаков) были сделаны пометы, представляющие собой нечто среднее между цифрой «1» и буквой «л». При этом имена шестерых (кроме Д. Долмакова) были вычеркнуты из перечня. Для выяснения значения указанной пометы был привлечен «наличный» боярский список марта 1664 г. (Там же. Д. 360. Столпик 1). Как было нами ранее установлено, этот список является «московским» по характеру, то есть в него, в отличие от большинства других «наличных» списков середины XVII в., не включена «отпускная половина» служилых людей (Белоусов М.Р. Боярские списки 1645-1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. 1. С. 82). Однако, указывая для подтверждения «московского» характера мартовского «наличного» списка 1664 г., что в «подлинном» списке 1663/64 г. (Д. 356. Столпик 2) без каких-либо помет, в том числе о службе вне Москвы, значатся среди прочих имена стольников князей В. И., А. И., Ф. А. и А. А. Хилковых (Белоусов М.Р. Указ. соч. С. 82), мы не имели никаких данных об их нахождении «в отпуске».

Предположив, что указанная выше помета является редуцированным слогом «от» (сокращение слова «отпущен»), мы проверили, имена кого из 33-х стольников включены в «наличный» боярский список марта 1664 г., а чьи имена в нем отсутствуют. В результате было установлено, что в этом «наличном» списке не значатся 7 стольников, при именах которых была сделана указанная помета, тогда как все остальные служилые люди занесены в перечень стольников мартовского списка. Следовательно, данная помета действительно является сокращением слова «отпущен», а в мартовский «наличный» боярский список 1664 г. не вносились имена служилых людей «отпускной половины».

Необходимо также выяснить, почему имя Д. Долмакова, в отличие от шести других стольников «отпускной половины», не было вычеркнуто из перечня (Там же. Д. 350. Л. 17). Здесь дело, видимо, в следующем. Судя по первоначальной редакции заголовка перечня (очевидно, перечень был составлен в середине мая – см. даты предыдущего и следующих документов столбца (15 мая, 14 мая, 16 мая – Там же. Д. 350 Л. 12, 18, 19)), все стольники из него были «у смотру великого государя написаны в нетех» (государев смотр проходил в Грановитой палате 31 марта – см. ед. хр. 350, л. 20). Вскоре выяснилось, что 7 из них находились в марте «в отпуске», вследствие чего при их именах была сделана указанная выше помета «от».

15 мая 1664 г. был объявлен царский указ служилым людям московских чинов: «А которые столники, и стряпчие, и дворяня, и жилцы на ево, государеве, смотре в Гранавитой полате не были, а приехали к Москве после тово, и которые ныне на указной срок мая в 9-м числе к Москве не приехали и в 10-м и в 11-м числех в приезд не записались, и тем указал великий государь быти на Москве без сьезду до своего, великого государя, указу» (Там же. Д. 350. Л. 14).

Вскоре, 19 мая, «великий государь пожаловал московских чинов людей, которые у его, государева, смотру в Грановитой полате марта в 31 день не были, велел их из нет написать в естех» (Там же. Д. 350. Л. 20–20 об.). В соответствии с этим указом в заголовке перечня слова́ «написаны в нетех» зачеркнули и приписали вместо них слово «были», а также вычеркнули из

перечня тех стольников, которые ранее находились «в отпуске» (кроме Д. Долмакова).

Если же рассматривать указы от 15 мая и от 19 мая в неразрывной связи, то становится очевидным, что в «естех» были написаны только те «нетчики», которые всё же «приехали к Москве» к 19 мая. Видимо, Д. Долмаков под действие указа от 19 мая не попал, поскольку не прибыл в Москву. Поэтому его имя не было вычеркнуто из перечня, и в итоговом количественном подсчете «естей» и «нетчиков» по реализации указа от 19 мая «в нетех» числится 1 стольник (Там же. Д. 350. Л. 20). О том, что этот стольник – Д. Долмаков, свидетельствует «наличный» боярский список июля 1664 г. (Там же. Д. 357. Столпик 2). В перечне стольников этого списка имеется рубрика «Нетчик», под которой записан лишь Д. Долмаков (Там же. Д. 357. Столпик 2, Л. 15). Из остальных 32-х стольников двое в июльском «наличном» списке отсутствуют (при имени кн. И.И. Дашкова в майском перечне стольников сделана помета «на Пензу», при имени Ф.И. Сомова – «на Уфу» (Там же. Д. 350. Л. 16, 17), 23 значатся в основном перечне стольников «наличного» списка июля 1664 г. (Там же. Д. 357. Столпик 2. Л. 7-11, 14), 7 – под рубрикой стольников «Больных» (Там же. Д. 357. Столпик 2. Л. 15).

Ю.С. Белянкин (Москва)

Из истории листовых изданий Московского Печатного двора: государевы жалованные грамоты

В современных работах по истории московского книгопечатания уже неоднократно подчеркивалось, что Московский Печатный двор (МПД) выполнял, помимо всего прочего, важную функцию издания первостепенной и особо актуальной для государства и Церкви того времени (особенно это характерно для второй половины XVII в.) печатной продукции. Среди таковой весьма значительную долю занимали листовые издания – разного рода грамоты, тиражировавшиеся в связи с теми или иными текущими военными и политическими событиями. Несомненно, они являются ценными источниками по генеалогии, поместному землевладению, социально-политической истории и рассеяны в различных государственных и частных собраниях. Наиболее крупные комплексы, включая корректурные экземпляры, а также материалы по истории издания представлены в РГАДА, ГИМ и РГБ.

В настоящее время в НИОР РГБ хранятся необработанные актовые материалы XVII в. – грамоты МПД, не входящие в состав каких-либо иных фондов. Речь идет о немногим менее 40 единицах. Сложность выявления и работы с такими материалами состоит в том, что они могут находиться и нередко находятся в рассеянном виде в самых разных фондах какого-либо архивохранилища, зачастую в фондах личного происхождения. Листовые издания-грамоты как самостоятельные комплексы до недавнего времени не становились объектом исследований (Комочев Н.А. К составлению каталога царских жалованных грамот XVII в. // Археографические ежегодник за 2011 г. М., 2014. С. 364–383). Они представляют собой однотипные печатные бумажные однолистные жалованные грамоты-бланки служилым людям на вотчины и поместья, с вписанным рукописным текстом. В отдельных случаях простая черно-белая орнаментика издания (заставка, инициал, наборные рамки на полях) могла меняться на киноварную (это оговаривает-

ся и в документах МПД, в сметных списках), равно как и значительно увеличивалась длина грамоты (она начинала напоминать своего рода большой столбец). Данные грамоты, как малотиражные (преимущественно) листовые издания, не описаны в литературе по истории московского книгопечатания. Большую часть грамот НИОР можно сгруппировать по принадлежности одним и тем же получателям: Дмитрий Федосеевич Арсеньев, Глебовы, Губастовы, Шокуровы, Стрешневы, Федор Иванович Лызлов, Елисей Борисович Поскочин, Федор Тимофеевич Братцов, Степан Иванович Левашов, Федор Васильевич Грецов, Федор Иванович Нелидов, Василий Макарьевич Макарьев, Исая Петрович Беклемишев. Грамоты также разделяются по тематическим блокам и, соответственно, по датам выхода в свет тиражей тех или иных групп грамот: грамоты за польские, турецкие и крымские кампании, за службу во время Стрелецкого бунта 1682 г. и во время мятежа Федора Шакловитого.

В новейших исследованиях и документах по истории Московского Печатного двора выявлено на основании документов Приказа книгопечатного дела, что самые ранние свидетельства об издании государевых жалованных грамот относятся к февралю 1671 г. В собрании НИОР РГБ имеются немногим более ранние экземпляры жалованных грамот – конца 1660-х гг.

В рассматриваемом комплексе небольшая часть актов адресована наследникам служилых людей за «отцовы» службы в качестве подтверждения прав на вотчины, основная же представляет собой награды за непосредственную службу получателей (за «литовские», «польские» и др. службы, Чигиринский поход, Троицкий «поход» и др.). Основная часть грамот относится к 1680 – 1690-м гг. Единственная (и самая ранняя из всех) грамота является ставленой и датируется временем патриарха Никона.

На сегодняшний день известен опубликованный исследователями указ 1676 г. о напечатании жалованных вотчинных грамот с приведением текста грамоты за службу в польском походе 1654 г. (Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П. Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 гг. Кн. 2. М., 2011. С. 487) Текст печатался с оригинала грамоты («образцовой»), присланной от государя. Грамоты печатались по памятям из Поместного приказа. Впоследствии грамоты из Печатного двора отправлялись в Поместный приказ, который и оплачивал издание и мог также присылать бумагу для тиражей. В указе перечисляется, кому они жаловались: бояре и окольничьи, стольники и стряпчие, дворяне московские и жильцы, городовые дворяне и дети боярские. За последнюю треть XVII в. в Архиве Приказа книгопечатного дела неоднократно встречаются упоминания об издании жалованных вотчинных грамот как отдельном виде продукции МПД. Сведения об издании грамот по традиции сопровождаются формулой «по указу великого государя… и по благословению святеишаго патриарха…».

В настоящее время в библиографии государевы жалованные грамоты не описаны и не учтены как самостоятельные издания. Исключением стали только несколько выпусков подобных им изданий: это ставленые и отпускные поповские, протопоповские и диаконовские грамоты, таможенная грамота, государевы уставные грамоты, государевы грамоты Западному войску (Запорожье и Черкесские земли), разрешительные грамоты – все за вторую половину XVII в. (начиная с прихода Никона на патриарший престол и к руководству работой МПД).

Наиболее ранний документ из комплекса НИОР РГБ, не являющийся при этом собственно жалованной грамотой, это грамота поповская патриарха Никона Якову Борисову на священство в Никольской церкви с. Серякуш Арзамасского уезда ([Московский Печатный двор] 26 января 1658 г. [7166]. Орнамент: инициал). В документе отметки о взимании пошлины, на обороте скорописью XVII в. титул царей, отметка-справа подьячего Наумки Колесникова. Печать архиепископская красного воска, вислая, на шнурке; бумажная прикрепа. На обороте полууставом подтвердительные патриаршие записи от патриархов Иоасафа, Питирима и Иоакима. Подпись дьяка Исайи Лапина. По документам Архива МПД известен более поздний тираж поповских грамот, датированный маем того же года. Тиражи подобных грамот могли колебаться от нескольких сотен (200–400) до 3 000 экз.

На сегодняшний день нет общепринятого формуляра описания подобных рукописно-печатных материалов, учитывая также и то, что они находятся как бы на стыке рукописей, архивных материалов и печатных изданий. На наш взгляд возможен следующий вариант археографического описания:

Жалованная грамота царя Алексея Михайловича Михаилу Васильевичу Шокурову за службу в русско-польской войне на перевод 191 четверти земли из поместья в вотчину в Дмитровском, Вологодском, Суздальском уездах. 25 ноября 1669 г. [7178]. Строк: 48. Шрифт: 82 мм. Орнамент: заставка, инициал.

Отметки о взимании пошлины и записи в «книгу». На обороте листа с текстом скорописью XVII в. титул царя Алексея Михайловича, отметка справщика. На обороте дублирующего листа скорописью арабскими цифрами: «№ 3». Печать гербовая красного воска, вислая, на шнурке; парчовая прикрепа. Лицевая сторона грамоты закрыта тафтой.

Вероятно, текст описанной выше грамоты послужил оригиналом для текста аналогичной грамоты тиража 1676 г.

Нередко на листах той или иной грамоты можно обнаружить интересную дополнительную информацию в виде помет, маргиналий или записей, возникших во время бытования документа. Так, например, жалованная грамота Степану Ивановичу Левашову за службу царям во время Стрелецкого бунта 1682 г. содержит довольно пространную запись более позднего времени (скорописью XVIII в.) с росписью земельных владений родственников получателя по уездам и подтверждением актуальности самой грамоты. Потомки другого владельца предъявили документ при межевании. Жалованные грамоты, если они долгое время хранились в частной собственности, как правило, сберегались до настоящего времени в специальных деревянных футлярах – по размеру грамоты-свитка.

Поэкземплярное изучение и описание рассматриваемых листовых изданий МПД позволяет проследить метаморфозы формуляра, редакции текста грамоты определенной группы в связи с динамикой текущих политических событий, типографские особенности (набор, шрифт, орнаментика). Настоящие актовые материалы представляют существенный интерес в области дипломатики, истории московского книгопечатания XVII в. и отечественной истории раннего Нового времени. Немаловажной задачей могла бы стать максимально полная каталогизация изданий печатных грамот.

М.М. Бенцианов (Екатеринбург)

Антропонимика как инструмент для реконструкции процесса интеграции «москвичей» в новгородскую среду в первой половине XVI в.

«Изменные» склонности новгородцев стали оправданием для проведения масштабных выселений местных землевладельцев. «Выводы», начавшиеся в 70-е гг. и продолжавшиеся до конца XV в., затронули несколько тысяч новгородцев. На смену им в Новгородскую землю были переведены выходцы из Северо-Восточной Руси: дети боярские, дворцовые слуги, купцы. Их взаимодействие с новгородцами и постепенная интеграция в сложившуюся систему новгородского общества изначально была одной из задач центрального правительства, заботившегося о сохранении видимости преемственности.

«Новгородские бояре», набранные из местных детей боярских, участвовали в подписании договоров с Ливонским Орденом. Известны были примеры брачных союзов между новгородцами и представителями московских боярских родов. Эти браки были санкционированы великокняжеской властью, признавшей при проведении писцового описания переход части «боярщин» в руки представителей московских боярских фамилий (И.А. Черный Колычев, И.В. Квашнин, И.В. Ляцкий, Т.И. Зезевитов, Т.И. Окунь Линев).

В некоторых случаях при проведении испомещений использовалось созвучие фамилий «старых» вотчинников и сменивших их помещиков, которое не могло быть простой случайностью. В Локоцком погосте Деревской пятины присутствовал «боярин» Д.В. Кишкин и его дети. Здесь же получили поместья братья Ушак, Ширшик и Племянник Кишкины и их младшие родственники. В Шегринском погосте ситуация была более запутанной. Полными тезками были житий Алексей Васильев Квашнин, встречавший в 1476 г. великого князя Ивана III в Новгороде, и «новый» помещик с тем же набором имени, отчества и фамилии, который принадлежал к знатному старомосковскому боярскому роду. Его брату Михаилу Квашнину досталась «боярщина» Тимофея Квашнина сельцо Квашнино.

Подобная путаница приводила к тому, что зачастую сами новгородские дворяне, потомки первых помещиков, не могли или не хотели разобраться со своим происхождением. Уже через несколько поколений они использовали близость фамилий для создания родословных легенд, в которых подчеркивали связь с местными, хорошо известными по летописным сообщениям, боярами (Савеловы).

Характерным показателем переориентации на новгородские ценности служит использование «москвичами» некоторых типичных для Новгорода до московского завоевания прозвищ и имен. Несмотря на близость антропонимических традиций в Северо-Восточной Руси и в Новгороде, в последнем случае существовали некоторые собственные популярные «герои».

Писцовое описание Шелонской пятины конца 30-х гг. XVI в. зафиксировало у помещика В.И. Колосова двух сыновей – Казимирца и Короба. Сочетание двух этих прозвищ в кругу одной семьи было далеко не случайно. В последние десятилетия новгородской независимости заметными персонами здесь были братья Василий Казимир и Яков Короб. Тысяцкий, а затем посадник В.А. Казимир в 1456 г. «бился много» под Старой Русой. В 1471 г. он был одним из предводителей новгородцев в Шелонской битве, где попал в плен и был отправлен в заточение. В 1481 г. он был среди воевод, послан-

ных во Псков. Вместе с братом Я. Коробом его «поимали» в том же 1481 г. Он, очевидно, был весьма популярен в Новгороде, позднее став прототипом былинного героя Василия Казимировича, хорошо известного среди сказителей русского Севера. Использование прозвищ этих братьев-посадников В.И. Колосовым для обозначения своих сыновей свидетельствует о том, что память о них сохранялась в среде новгородских детей боярских спустя полвека после присоединения Новгорода.

Не меньшей известностью пользовался Василий Буслаев, еще один герой новгородского былинного эпоса. Прозвище Буслай, производное от имени Буслав (Быслав, Сбыслав), встречалось в среде псковского боярства (Федор Буслаевич) и в самом Новгороде (например, вотчинники Быславские). В писцовой книге 30-х гг. XVI в. упоминаются Буслай (Буслан) Ильин Понафидин и его брат Василий (как у былинного героя). Это же прозвище (Буслав) принадлежало в 70-е гг. XVI в. одному из Лаптевых.

В Деревской пятине известен был носитель еще одного характерного, сугубо новгородского прозвища — Посадник Лопухин. Более проблематично определить происхождение его современников, помещиков Бежецкой пятины, Посадниковых (Посадничей), которые могли быть связаны со «старыми» новгородскими землевладельцами.

Значительной популярностью в Новгородской республике пользовалось некалендарное имя Богдан. Писцовые книги рубежа XV–XVI вв. показывает, что среди «старых» землевладельцев это имя (личное имя, а также использование в виде отчества и фамилии) встречается не менее восьми раз: Есипов (Носов), Трубицын, Яковль, Перфуров (Кошкин), Кавский, Спицин (Спенцын), Норовов, Вырский, Александров (возможно, одно лицо с Богданом Вырским). Еще в нескольких случаях оно использовалось для обозначения отчества, фамилии и имени мужа (Иван Богданов Онуфриев, Василий Богданов Яконов (Воецкий), Константин Богданов Бабкин, Онанья Богданов, Савелий Богданов, Ивоня Богданов, Федор Богданов, Иван, Филя и Мартемьян Богдановы, Офимья Богдановская жена Тулитова). Наиболее известным персонажем в этом ряду был Богдан Васильевич Есипов, посадник и крупнейший землевладелец, «боярщины» которого были расположены на территории нескольких новгородских пятин.

У выходцев из Северо-Восточной Руси, фигурировавших в тех же писцовых книгах (порядка полутора тысяч имен), это имя не было зафиксировано ни в одном из возможных сочетаний. Писцовые книги конца 30-х гг., дошедшие в отрывочном виде, и платежная книга 1543 г. Деревской пятины показывают совершенно иную картину. Не менее 31 «москвича» второго и третьего поколений, принадлежавших к различным социальным слоям, носили имя Богдан. 28 из них были детьми боярскими: Беклемишев, Шишмарев, Чириков, Оничков, Порецкий, Темкин, Жиборов, Мякотин, Стогов, Репьев, Куликов, Мякинин, Воронов, Посохов, Родичев, Обутков, Луховитин, Шампов, Клементьев, Кузминский, Борков, Печенегов, Рахманов, Борыков, Бутурлин, Румянцев, Хватырев, князь Корецкий; двое принадлежали к числу купцов – Птицын и Курюков, а Богдан Непоставов Рукавов был подьячим.

Ни в одном из приведенных примеров не удается проследить связь этих лиц с прежними новгородскими землевладельцами. Распространение этого имени, в первую очередь, было связано с восприятием ими новгородских традиций, носителями которых в первой трети XVI в. стали являться потом-

ки московских переселенцев, хотя после появления на московской службе большого числа выходцев из Великого княжества Литовского это имя приобрело также определенную популярность и в других частях страны.

Со временем память о мятежности новгородского боярства и его конфликтах с великокняжеской властью ушла в глубокое прошлое. А воспоминания о силе и влиятельности местного «величавого» боярства стали частью наследия новгородского дворянства, во многом определив впоследствии его специфическое положение в системе других служилых корпораций Московского государства.

Н.А. Биленко (Тула)

Опыт обращения к исторической географии при изучении субъектов рынка Тульской губернии конца XIX в.

При изучении регионального рынка Тульской губернии конца XIX в. существенным историко-географические подходы представляются естественными и необходимыми. Поскольку рынок образуется деятельностью субъектов на определенной территории, то его пространственная локализация позволит определить преимущественные места размещения субъектов предложения, т. е. торговцев. В дальнейшем установленная локализация может быть использована для выяснения причин подобного размещения.

Настоящая работа основана на анализе статистических данных переписи населения Российской империи 1897 г. Необходимость использования демографической статистики при изучении субъектов рынка очевидна. В соответствии с действующим законодательством, торговцами могли быть как получившие торговые свидетельства лица, так и не имевшие таковых, но реализовывавшие товары из особых списков, установленных Министерством финансов. Для того, чтобы такие торговцы не «выпали» из поля зрения исследователя, в основу статистических данных, подлежащих картографированию, легло не количество торговых предприятий и торговых свидетельств, выданных казенной палатой, а количество лиц, указавших занятие торговлей в переписи в качестве основной деятельности.

Из всего перечня занятий (65 наименований), определенного разработчиками переписи, нами были отобраны исключительно торговые – всего 15 форм (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XLIV. Тульская губерния. СПб., 1904. С. 138–145). После вычисления количества торговцев из общей массы населения была установлена их численность 1) по губернии в целом, 2) по уездам и 3) по городам. Путем картографирования полученных данных удалось установить целостный образ размещения торговцев, недостижимый при использовании таблиц и диаграмм.

На основе анализа переписного материала было установлено, что всего торговлей в Тульской губернии было занято 12068 человек. Принимая каждый уезд губернии за однородную количественную величину, т.е. используя сумму торговцев уезда и уездного города, было выяснено, что абсолютное большинство из них находилось в пределах Тульского уезда (40 %). При этом вырисовывается «гряда» наибольшей концентрации торговцев, проходящая с севера к юго-востоку губернии через Тульский, Крапивенский (6 %), Богородицкий (7 %), Ефремовский, граничащий с Орловской губер-

нией (10 %), уезды. Районы, пограничные с другими губерниями, обладают средними показателями концентрации торговцев: на западе – Белевский (5,6 %), Одоевский (4,6 %); на востоке – Веневский (5,3 %), Епифанский (5,7 %); на юге – Новосильский (5,4 %) уезды. Наименьшая концентрация торговцев установлена в самых северных уездах – Алексинском (3,4 %) и Каширском (3,4 %), граничащими с Московской губернией.

Принимая во внимание, что уезд является сравнительно крупной территориальной единицей, было признано допустимым отклонение от средней по уезду величине концентрации торговцев и проведено картографирование вычисленных статистических данных отдельно по уездам и городам. При этом общая картина сильно изменилась. Наименьшая концентрация торговцев (от 100 до 200), осуществляющих свою деятельность в уездах, была отмечена в западных и северных: Белевском, Одоевском, Алексинском, Каширском. От 200 до 300 торговцев было отмечено в Тульском, Веневском и Чернском уездах. От 300 до 500 – по всей южной и юго-восточной границе Тульской губернии. Центр с наибольшей концентрацией торговцев (свыше 500 человек) сместился южнее губернского города – в Крапивенский уезд.

Данные, полученные от картографирования материалов по городам, выявили наличие населенных пунктов с наибольшей концентрацией торговцев. Это собственно губернский центр – Тула (37,9 %), Ефремов (7,1 %) – юго-восток, Белев (4,4 %) – запад губернии. Города, обладающие средним количеством торговцев, расположились цепью, проходящей с северо-запада на юго-восток, тяготея к восточной границе губернии: Кашира (2,4 %), Венев (3 %), Богородицк (3,2 %) и Епифань (3,1 %).

Чтобы разобраться в такой пестрой картине, было проведено совмещение двух вышеупомянутых картограмм с данными по уездам и по городам, а также нанесены важнейшие транспортные пути, проходившие по губернии. В результате было установлено: во-первых, что торговцы тяготели к административным центрам (абсолютное их большинство – 72,1 % – было сконцентрировано в городах, из которых 53 % располагалось в Туле). Во-вторых, все города, обладающие значительным количеством торговцев, имели либо крупные железнодорожные станции, либо речные пристани. Аналогична ситуация и с уездами: Крапивенский, лидирующий по количеству в нем торговцев (4,5 %) «обрамлялся» железными дорогами с сетью станций с запада, юга и востока, хотя сама Крапивна находилась в удалении от них, что, вероятно, и обусловило столь малое количество торговцев (1,4 %) в самом городе. Но также было установлено, что наличие железнодорожной станции, например, в Богородицке (3,2 %), не гарантировало большой концентрации торговцев.

Перспективность применения материалов переписи в рамках историко-географического метода видится в возможности выявления особенностей или типичности установленного размещения торговцев при проведении аналогичных исследований по другим губерниям. Локализация же торговцев каждой отрасли, предусмотренной переписью, покажет приоритетные районы торговли теми или иными товарами. Подход, предложенный в настоящей работе, может быть использован при проведении компаративных исследований (Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015).

О.Б. Бокарева (Москва)

«Выписка о посылке из России к шаху персидскому подарков» (1629–1678 гг.) как исторический источник

«Выписка» – рукописный кодекс из 7 тетрадей (РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Реестр II. Столбцы. Связка 4 б. К[ороб] 15. Ед. хр. 6. 35 л.). Наряду с «Выпиской» в «персидском» фонде архива хранятся еще две рукописи подобного характера: «Выписка о договорах с Персиею о купечестве и о присылке в дарех царю Алексею Михайловичу Ризы Христовой и в подарок двух богатых кресел, и о мирных договорах» и «Выписка по челобитьям вышедших из Персии российских полоняников о даче им за полонное терпение жалованья, и следственныя дела до посольства князь Григорья Тюфякина касающияся» (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Реестр II. Столбцы. Св. 3. К. 11. Ед. хр. 7. 1625–1724 гг.; Св. 4 а. К. 12. Ед. хр. 4. [с 1626 г.]).

В архивной описи также упомянута «Выписка из дел Посольского приказа о посылке подарков персидскому шаху и о раздаче жалованья послам и посланникам в Персии» (Там же. Св. 4 б. К. 15. Ед. хр. 10. 1629 г.). Перед ней в описи указаны «Выписки о посыланных с 1629 года по 1680-й в Персию российских послах, о даванном им и находившимся при них служителям жалованье и об отправляемых к шахам подарках» (Там же. Ед. хр. 4). Однако этот заголовок был позже вычеркнут из текста описи, а под № 4 теперь значится отпуск царского наказа астраханским воеводам Ф.Ф. Куракину и И. Коробьину.

В XIX в. была проведена ревизия посольской документации, которую разделили на книги, дела и грамоты. Опись состояла из трех частей. В ней делались исправления названий и мест нахождения источников.

В Описи архива Посольского приказа 1673 г. упомянут «столп о приеме кизылбашских послов 112-го году, ветх гораздо и от пожаров поплел» (Опись архива Посольского приказа 1673 года / подг. В.И. Гальцов. М., 1990. С. 351). Его текст частично совпадает с «Выписью из посольских книг о встречах в Москве иностранных послов», сохранившейся в другом архивном фонде (РГАДА. Ф. 156. Д. 137. 1615–1649 гг. 16 л.).

Сведений о «Выписке подарков» за 1629–1678 гг. в архивной Описи 1673 г. нет. Возможно, он был составлен позже Описи 1673 г. на основании посольских книг или дел. Об этом говорят результаты ее кодикологического изучения.

Размер рукописи (основание/высота) – 23,4×17 см. Она помещена в плотный конверт серо-зеленого цвета с водяным знаком ярославской бумаги второй половины XVIII в. Рассмотрению филиграней на обложке рукописи препятствует наличие наклеек и синих печатей МГАМИД. Номер листов на обложке проставлен простым карандашом римскими цифрами. На обороте первого листа обложки чернилами у верхнего левого поля сделана надпись: «Зевакин Е.С. 1924. IX». Штамп на одном из листов указывает на неоднократную проверку рукописи в 1937 г. К делу приложен листок о микрофильмировании «Выписки» в 1977 г.

Рукопись состоит из 7 ненумерованных тетрадей, скрепленных в середине корешка бечевкой. Написана скорописью XVII в. четырьмя почерками: 1) Л. 1–11 об.; 2) Л. 12–20 об.; 3) Л. 21–27 об.; 4) См.д.: 1А) Л. 28–34. Пагинация в верхнем правом углу рукописи выполнена черными чернилами,

схожими с теми, которыми написан основной текст. Филигрань «Герб города Амстердама» с лигатурой DV – основной водяной знак рукописи (подобная в альбоме Т.В. Диановой датируется 1680 г.: Филиграни 17–18 вв. «Герб города Амстердама / сост. Т.В. Дианова. М., 1998. С. 50. № 143.).

В рукописи содержатся сведения из 14 «персидских» посольских книг (РГАДА. Ф. 77. Оп. 3. Кн. № 1(8) 1629 г., 2°, 66 л.; Кн. № 2(9) 1640–1643 гг., 4°, 605 л.; Кн. № 3(10) 1642–1649 гг., 4°, 312 л.; Кн. № 4(11) 1644–1645 гг., 4°, 523 л.; Кн. № 5(12) 1649–1650 гг., 4°, 482 л.; Кн. № 6 (13) 1658 г., 2°, 131 л.; Кн. 7(14) 1662–1666 гг., 2°, 615 л.; Кн. № 8(15) 1671–1674 гг., 4°, 404 л.; Кн. 9(16) 1672–1675 гг., 2°, 98 л.; Кн. 10 (17) 1673–1675 гг., 2°, 56 л.; Кн. 11 (18, ч. 3) 1676–1677 гг., 2°, 386 л.; Кн. 12 (19) 1674–1676 гг., 2°, 230 л.; Кн. 13 (20) 1676–1684 гг., 4°, 148 л.; Кн. 14 (21) 1676–1681 гг., 2°, 71 л.). Объем сведений, почерпнутых из разных книг, варьируется. Иногда это лишь краткие упоминания о подарках, например: «и послы принесли ка Аббасъ шаху птицъ живыхъ, две или три» (из кн. № 8, л. 14 об.). В других ссылках встречаются более обширные фрагменты росписей государевых даров (Кн. 18. Ч. 3). Благодаря опубликованному оглавлению посольских книг можно говорить о наличии объемных описей царских подарков персидским шахам (Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 187–194).

Текст «Выписки» построен по тематико-хронологическому принципу. В хронологической последовательности упомянуты русские посольства в Персию с детальным описанием значимых царских подарков (поминков) шахам с указанием стоимости каждого предмета в отдельности и общей суммы. Цена государевых даров обычно суммарно превышала цену получаемых иностранных подношений. Например, подарки, преподнесенные царю от шаха в 1629 г., были оценены в 3475 руб. Ответное русское посольство во главе со стольником князем А.О. Плещеевым и дьяком Н. Талызиным повезло поминков шаху на 3614 руб. Среди подарков преобладали охотничьи птицы (ястребы и кречеты), огнестрельное оружие (пушки и пищали), предметы роскоши (стулья, часовые механизмы), ценная «мягкая рухлядь» (пушнина), слюда, рыбья кость и др. В «Выписке» насчитывается несколько сотен ценных подарков, отправленных с русскими послами к персидским шахам.

Текст рукописи можно сопоставить с опубликованной Описью царской казны 1640 г., в которой отражается состав ответных шаховых подарков: цветные шелковые и суконные отрезы тканей, ковры, шатры, луки, тулунбасы – воинские музыкальные инструменты, сабли и многое другое (Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года / Сост. М.Ю. Горьков. М., 2014. 191 с.).

Составление росписей подарков – одна из функций Посольского приказа, а поднесение государевых даров дипломатами имеет давние исторические корни. «Выпись подарков» за 1629–1678 гг. никогда не публиковалась, в историографии на нее нет ссылок. Она ценна компактностью, справочным характером и может служить дополнительным источником по изучению не только внешнеполитических связей, но и бюджета Российского государства в XVII в.

А.Г. Болебрух (Днепропетровск, Украина)

О многозначности исторического источника и социальной активности историка

Междисциплинарные методы анализа исторических источников все шире и успешнее используются исследователями (Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории. М., 2004). Они способствуют выявлению таких данных в имеющихся свидетельствах об исторической реальности, которые при применении традиционных для историографии методов и методик практически недоступны. В результате новых или обновленных исследовательских процедур смысловое содержание документа расширяется, а его семантика включает данные, добытые родственными гуманитарными дисциплинами – от философии и художественной литературы – до экологической истории.

Кроме того, синтез исторической эпистемологии с иными, близкими по природе дисциплинами, обогащает гуманитаристику в целом. Он помогает историкам объемнее воспринимать явления и процессы, отразившиеся в традиционных источниках. Так, художественные произведения вводят ученого-историка в тайники человеческой психологии, мотивации людского поведения, стимулов индивидуальной воли и мышления. Приобретенный корифеями отечественной и зарубежной литературы опыт «человековедения» представляет несомненную ценность для историка, хотя, конечно, объяснить конкретные причины поступков исторического деятеля он не может.

Пример художественного видения мира встречается, например, в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», в знаменитом стихотворении «Август»: «Прощай, размах крыла расправленный,/ Полета вольное упорство / И образ мира, в слове явленный,/ И творчество, и чудотворство». Смелая, независимая, упорная мысль поэта обеспечила отражение в слове многообразия и сущности мира («образ мира») и такое «творчество» справедливо названо «чудотворством».

Изучению историками причинно-следственных связей между разнообразными явлениями социальной жизни России XIX в., бесспорно, способствует русская литература. Анализ лучших образцов отечественной историографии подтверждает плодотворность подхода к источникам как к семантически многозначному объекту. Думается, следует прислушаться к мнению С.О. Шмидта, который в дискуссии о соотношении источников исторической науки и художественной литературы отнес последнюю к «памятникам исторических знаний», в отличие от традиционных исторических источников как хранилища достоверных фактов (Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1). Но это вовсе не означает, что историки должны исключить литературную составляющую из «источниковой базы» исторического исследования. Скорее, напротив.

Вспомним блестящий очерк В.О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки». Литературный образ (Онегина), созданный гением А.С. Пушкина, помог В.О. Ключевскому создать продуманную концепцию роли дворянского сословия в истории России XVIII–XIX вв. и специфики русского исторического процесса в сопоставлении с западноевропейским образцом.

Историческая наука – одна из гуманитарных дисциплин, а их общее призвание – изучение человека в его духовной и общественной деятельности. Поэтому и историческая наука, и художественная литература объединены одной социальной миссией – представлять современникам взвешенную оценку прошлого и настоящего состояния общества. Историческая наука не может ограничиваться выявлением и описанием только достоверных фактов ушедших веков. Ее задача состоит и в оценке настоящей стадии развития общества как одного из следствий событий прошедших периодов общественной жизни.

С.М. Соловьев в свое время так сформулировал задачу истории как науки: «она имеет обязанность отвечать на вопросы жизни». Ученый видел в ней в первую очередь «науку народного самопознания». В социальной активности, которую нельзя путать со служением властным интересам, заключается миссия и историка, и писателя. И те, и другие содействуют, каждый по-своему, «народному самопознанию». И каждый оставляет после себя след – будущие источники, предысточники, для идущих за ними и за современной им эпохой исследователями.

А.А. Бондаренко (Москва)

Перспективы просопографического изучения состава канцелярских служителей Великого княжества Литовского XV–XVI вв.

В историографии широко представлены работы по изучению деятельности государственной канцелярии Великого княжества Литовского, однако вместе с этим ощущается нехватка исследований, посвященных истории ведения местного делопроизводства. Важной задачей реконструкции деятельности различных «канцелярий» − удельных, частновладельческих, поветовых − является выяснение персонального состава их служащих и должностных лиц, так или иначе задействованных в создании, организации движения и хранении документов. Комплексное изучение происхождения актовых источников входит в предметную область дипломатики. В то же время перспективным подходом к исследованию документальной традиции Великого княжества Литовского XV–XVI вв. видится систематизация сведений о канцелярских служителях при помощи метода просопографии. Схожим образом некогда были подготовлены работы Ю. Вольфа о государственных деятелях Литвы и С.Б. Веселовского о делопроизводителях Московской Руси (Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego (1386–1795). Kraków, 1885; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975).

В распоряжении исследователей содержатся документы последних представителей удельного периода истории Литовского государства − князей Ярославичей-Пинских, Олельковичей, Кобринских, Сангушковичей и других. В ряде случаев во главе делопроизводства удельных литовских «протоканцелярий» второй половины XV − начала XVI в. точно так же, как и в Московском государстве (Каштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 138–139), стояли «близкие к князю церковники», а не светские лица. Из корроборации значительного числа удельных актов все же остается неизвестным, кто именно составлял текст документа и заверял его приложением печати. Так, удельный князь Пинского и Клецкого княжества Ф.И. Ярославич собственноручно («своею

рукою») записывал некоторые свои грамоты, однако это не исключает отсутствие определенного штата должностных лиц, исполнявших «канцелярскую» и управленческую функции в его владениях. Как следует из документов, служащие князей Ярославичей (их служебники, урядники, посланцы) в своем большинстве принадлежали к числу земян и бояр.

В опубликованных и архивных документах (Российский государственный архив древних актов. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 18, 32, 33, 36) были выявлены упоминания порядка двухсот лиц, имевших прямое или косвенное отношение к деятельности канцелярии польской королевы Боны Сфорца, управлению ее имениями, осуществлению административных, судебных, хозяйственных мероприятий, проводившихся ею в своих владениях и сопровождавшихся созданием значительного количества документов. Полученный список делопроизводителей не может претендовать на исчерпывающий характер, однако, следует полагать, он в достаточной мере репрезентативен для первоначальной оценки масштабов деятельности канцелярии Боны, а также для формирования представлений о социальном и этноконфессиональном составе ее служащих. Состояние источников в некоторых случаях позволяет проследить карьеру лиц, задействованных в работе центральной части и подразделений канцелярии Боны Сфорца, выделить факты семейной преемственности на службе у королевы и в государственной канцелярии (например, у небезызвестных родов Воловичей, Семашковичей, Фальчевских), выяснить историю их землевладения.

В ряде имений Боны Сфорца урядниками являлись известные деятели Литовского государства. Специально назначенными «комиссарами» при разборе тех или иных судебных разбирательств были не только представители литовско-русских и польских шляхетских и княжеских родов, но и представители римско-католического и православного духовенства. Большинство высших урядников Боны (старост, наместников, державцев, справцев), а также ее канцлер и охмистры (гофмейстеры) были католиками. Писари королевы, известные по своим скрепам, принадлежали к числу высшего католического духовенства. Определенная часть служащих поветовых подразделений канцелярии Боны исповедовала православие.

Многие должностные лица королевы относились к служилому дворянскому сословию. В правовой терминологии Великого княжества Литовского понятие «дворянин» несколько отличалось от реалий Московского государства. Дворяне королевы Боны были задействованы в судопроизводстве, «волочном» измерении, составлении описаний и инвентарей, использовались в качестве «посланцев» для коммуникации двора королевы с урядниками, в некоторых случаях даже осуществляли контроль над деятельностью ее старост. Замечание М.К. Любавского о том, что дворянская служба «была для многих началом служебной карьеры» (Любавский М.К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 418), полностью оправдано, так как многие дворяне Боны впоследствии являлись управляющими и урядниками ее имений, а после отъезда королевы в Италию (1556 г.) служили в великокняжеской канцелярии или занимали административные посты в Литве и Польше.

Установление персонального состава княжеских и частновладельческих канцеляристов Великого княжества Литовского и воссоздание их коллективных биографий является важной составляющей и в реконструкции деятельности делопроизводственных центров XV–XVI вв., и в изучении эволю-

ции документальной традиции этого региона в целом. Кроме того, такая постановка вопроса отчасти может решить проблему выяснения правомочности использования термина «канцелярия» по отношению к практике ведения делопроизводства в удельных, вотчинных и поместных землях. Перспективным направлением является компаративное изучение литовской и московской средневековой делопроизводственной практики.

А.Г. Бондач (Москва)

Дневник архимандрита Евфимия (Колетти) из фондов РГАДА: опыт атрибуции*

В ходе каталогизации греческих манускриптов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), нами была изучена рукопись, содержащая личный дневник за 1730 г., написанный по-гречески с включением отдельных записей и слов на русском языке. Рукопись находится в ф. 17 («Наука, литература и искусство»), происходящем из собрания Государственного архива Российской империи, и имеет следующий шифр: РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 155а (выражаем глубокую благодарность главному специалисту РГАДА А.Б. Плотникову, обратившему наше внимание на эту рукопись). Дневниковые записи выполнены на страницах печатного календаря на 1730 г., изданного Петербургской Академией наук («Календарь или Месяцеслов исторический и генеалогический на лето… 1730… учиненный по меридиану и ширине царствующаго Санктпетербурга, Москвы и протчих знатных градов»), и охватывают период с 1 января по 9 декабря указанного года; в основном они помещаются на чистых листах, но некоторые заметки сделаны поверх печатного текста.

При исследовании дневника прежде всего возник вопрос о его атрибуции, поскольку в рукописи отсутствуют какие-либо указания на авторство текста. При первоначальном просмотре дневника можно заметить, что автор многократно пишет о том, как «служил литургию в своем монастыре» (ἐλειτούργησα εἰς τὸ μοναστήριόν μου; 5 января et passim), не указывая, однако, название этого монастыря; при этом он упоминает о посещении различных московских монастырей (Богоявленского, Покровского, Андроникова, Новодевичьего и др.), в том числе с целью совершения богослужений. Также он часто сообщает о встречах с архиереями (Новгородским, Рязанским, Ростовским, Казанским и др.), представителями аристократии («графом Головкиным», «князем Черкасским», графом В.Ф. Салтыковым и др.) и даже с членами императорской семьи (царевнами Екатериной Иоанновной и Прасковьей [«Параскевой»] Иоанновной). Таким образом, дневник принадлежит высокопоставленному иерарху Православной Церкви (архиерею либо, по крайней мере, архимандриту или игумену), жившему в тот период в некоем монастыре, находившемся, скорее всего, в Москве.

Тот факт, что дневник почти полностью написан по-гречески, позволяет сразу ограничить круг наших поисков двумя группами церковных деятелей. Автором его мог быть либо весьма образованный русский иерарх (вероятнее всего, обучавшийся на Западе, поскольку в российских духовных школах того времени вряд ли можно было в совершенстве выучить греческий язык), либо грек, занимавший в России какую-либо церковную должность. В пользу второго варианта говорит высокая выработанность почерка данной руко-

писи; если же для автора дневника греческий и не был родным языком, то ему, во всяком случае, приходилось много и быстро писать по-гречески.

При более тщательном ознакомлении с содержанием дневника выясняется важное обстоятельство биографии автора: в 1730 г. он стал членом Св. Синода. 1 июня автор отмечает, что был «призван в Синод»; 9 июня пишет о совместном заседании Синода и Сената, где обсуждались предложения об изменении состава Синода; 26 июня упоминает о новом заседании Синода, где продолжилась дискуссия о его составе. Эти сведения хорошо согласуются с фактами из истории Синода. Как известно, к моменту восшествия на престол Анны Иоанновны в Синоде оставалось лишь четыре члена: Феофан (Прокопович), архиеп. Великоновгородский и Великолуцкий; Феофилакт (Лопатинский), архиеп. Тверской и Кашинский; Георгий (Дашков), архиеп. Ростовский и Ярославский; Игнатий (Смола), митр. Коломенский и Каширский (Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896. С. 270). 20 мая 1730 г. Анна Иоанновна издала указ, в котором ставились задачи по реформированию Синода и предписывалось на переходный период ввести в состав Синода шесть дополнительных членов (помимо имевшихся четырех архиереев); 25 мая Синод во исполнение этого указа определил в дополнение к имевшимся трем членам (Георгия (Дашкова) не было в Москве) включить в свой состав архиереев: Леонида (Петровского), архиеп. Сарского и Подонского; Питирима, архиеп. Нижегородского и Алатырского; Иоакима, еп. Суздальского Юрьевского, а также архимандритов: Троице-Сергиева монастыря – Варлаама (Высоцкого); Новоспасского – Евфимия (Колетти); Саввино-Сторожевского – Досифея (Богдановича-Любимского); Высоко-Петровского – Сергия (Белоградского); Горицкого Успенского (Пречистой на Горицах) в Переславле-Залесском – Илариона (см. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания [далее – ПСПРВПИ]. Т. 7. № 2324. С. 79–80). 9 июня, в соответствии с указом от 20 мая, открылась конференция Сената с Синодом для обсуждения преобразований Синода. Накануне этого события, 7 июня, императрица устно объявила Феофану Прокоповичу, что избранные дополнительные члены должны до окончания конференции с Сенатом участвовать в заседаниях Синода наравне с остальными его членами; 8 июня Феофан сообщил в Синоде об этом указании Анны Иоанновны, после чего Синод распорядился действовать в соответствии с ним (ПСПРВПИ. Т. 7. № 2334. С. 103–104).

Указ Анны Иоанновны от 21 июля 1730 г. (ПСПРВПИ. Т. 7. № 2355. С. 129), принятый по итогам заседаний Сената и Синода, определял «быть членам… Синода» следующим лицам: из архиереев – новгородскому Феофану (Прокоповичу), крутицкому Леониду (Петровскому), нижегородскому Питириму и суздальскому Иоакиму; из архимандритов – назначенному за год до этого в Харьковский Куряжский Преображенский монастырь Платону (Малиновскому), а также упомянутым выше новоспасскому архимандриту Евфимию (Колетти) и горицкому – Илариону; кроме того, из протопопов в Синод определялись двое: «успенский» Иван и «благовещенский», тоже Иван. В дневнике же под 22 июля имеется запись о том, что этот указ (τὸ βασιλικὸν πρόσταγμα) – «быть в Синоде 4 архиереям, 3 архимандритам, 2 протопопам» – был прочтен в Синоде.

Далее, под 16 сентября в нашей рукописи сообщается, что «были в Черкизово архиереи Новгородский, Крутицкий и Суздальский, и архимандрит Платон, и я с Круликом» (очевидно, Феофил Кролик, с 1723 г. – архиманд-

рит Чудова монастыря), где был объявлен указ императрицы о назначении автора дневника в Чудов монастырь. В данном указе (ПСПРВПИ. Т. 7. № 2374. С. 155) говорится: «…в тот Чюдов монастырь перевесть Новоспаского монастыря архимандрита Евфимия, а в Новоспаской определить бывшаго чюдовскаго архимандрита Феофила Кролика…».

Таким образом, автором дневника является архимандрит Евфимий Колетти («Колетия») (1683–1738/1739), высокообразованный грек, к тому времени много лет проживший в России. В 1718–1728 гг. он находился по политическому обвинению в заключении в монастырской тюрьме на Соловках, а вскоре после освобождения был назначен архимандритом московского Новоспасского монастыря (подробнее о его биографии см.: Рамазанова Д.Н. Архимандрит Евфимий Колетти: судьба ученого грека в России в первой половине XVIII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V. М., 2015. С. 412–434). В его дневнике, о существовании которого ранее ничего не было известно, описываются события важнейшего периода церковной карьеры Евфимия − 1730 г., когда он становится членом Св. Синода и тем самым получает возможность непосредственно участвовать в управлении Российской Церковью.

Атрибуция дневника позволяет в дальнейшем использовать его в качестве нового источника для изучения, с одной стороны, биографии Евфимия Колетти, а с другой − церковной и политической истории России времен правления Петра II и Анны Иоанновны.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 14-01-00353.

Л.И. Бородкин (Москва)

Новые подходы к решению источниковедческих проблем в задачах создания 3D моделей объектов культурного наследия*

В докладе рассматриваются источниковедческие вопросы, возникающие в задачах создания виртуальной реконструкции исторической городской застройки с помощью технологий компьютерного 3D-моделирования. Разработка этих технологий дала импульс появлению нового направления исторической урбанистики, связанного с изучением эволюции городской среды, которая во многом определяется изменениями городской застройки. В этом процессе нередко изменяется облик зданий, улиц и площадей; иногда они исчезают с карты города – в ходе радикальных перестроек или в результате войн, пожаров и т.д.

В данной работе обсуждаются источниковедческие проблемы реконструкции исторической городской застройки центра Москвы на примере Страстной площади, возникшей в XVII веке вокруг Страстного девичьего монастыря, который был уничтожен в 1930-х гг. Анализ эволюции рассматриваемой пространственной инфраструктуры проводится на основе комплекса источников, характеризующих объекты реконструкции на нескольких временных срезах. Использование в ходе построения виртуальной реконструкции методов 3D-моделирования требует новых источниковедческих подходов, ориентированных на синтез разнотипных источников, к тому же относящихся к различным периодам времени, в течение которых происходила эволюция изучаемого историко-архитектурного ансамбля. Немало-

важным аспектом такой работы является и обеспечение верификации создаваемой виртуальной реконструкции.

История Страстного монастыря, эволюция его исторической застройки получили отражение в целом комплексе разнообразных по характеру и типам источников. К ним относятся проекты архитекторов, планы и чертежи основных построек комплекса, документы, связанные с перестройкой, реконструкцией, реставрацией и другими изменениями внешнего облика зданий монастыря, а также фотографии конца XIX – начала XX вв. и изобразительные материалы (картины, гравюры, литографии). Основные документы по истории Страстного монастыря сохранились в целом ряде архивных фондов, прежде всего в фонде Страстного монастыря, фонде Московской духовной консистории (ЦГА г. Москвы), фондах канцелярии Святейшего Правительствующего Синода и Обер-прокурора Синода, хозяйственного управления при Синоде, коллекции строительных планов, фотографий и рукописей Синода, фонде департамента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий (РГИА), а также в фондах РГАДА: Монастырского приказа, Коллегии экономии, канцелярии синодального экономического управления, Московской конторы Синода и др.

Обращение ко всему комплексу доступных источников, включая материалы архивов и опубликованных источников, даёт возможность восстановить расположение и размеры строений, изменения их облика, сопоставив полученную из описательных источников информацию с данными графических и изобразительных источников; найти подтверждения гипотез или выявить «нестыковки» сведений из различных источников. Специфика использования разнотипных источников для построения виртуальной реконструкции заключается, в частности, в том, что сведения из различных источников требуют (после источниковедческого анализа) дальнейшего синтеза, с тем, чтобы максимально обоснованно восстановить облик объектов историко-культурного наследия путем совместного рассмотрения информационного потенциала имеющихся источников. При этом построение реконструкции на определенный срез времени может потребовать привлечения источников, относящихся к более ранним или, напротив, к более поздним срезам.

Главную роль в процессе построения виртуальной реконструкции исторической застройки Страстной площади играют графические и изобразительные источники, включающие чертежи, планы, карты, гравюры, литографии. По каждому зданию, располагавшемуся на территории Страстного монастыря и прилегающей к нему площади, участниками проекта был собран комплекс источников, на основе которых происходило построение 3D-моделей. Главные объекты реконструкции – монастырский храм и надвратная колокольня – воссоздавались преимущественно на основе выявленных чертежей, планов, карт. Наиболее подробно конструкция храма была описана и перенесена на чертежи в 1920-х гг. (существенно, что соборный храм Страстной иконы Божьей матери не претерпел сколько-нибудь значительных перестроек за два века). При воссоздании внешнего облика храма учитывались также архивные нарративные доку- менты. Расположение в пространстве каждого объекта реконструкции определялось соотнесением его с планами территории Страстного монастыря 1757, 1773, 1831 гг., а также со сводными топографическими картами, созданными на основе архивных документов участниками проекта

В ряде случаев нарративные источники содержат важные сведения о перестройках зданий, происходивших в ходе реконструкций площади или вследствие чрезвычайных ситуаций, к примеру – после пожара 1773 г. Такие документы включают данные о размерах строений, их этажности, материалах постройки, цвете фасадов, архитектурных элементах. Делопроизводственная документация, характеризующая различные аспекты строительства зданий, – прошения об их постройке, ремонте ветхих строений, сметы и счета на постройку новых корпусов, в том числе приходно-расходные книги Страстного монастыря, – позволяет с достаточной точностью восстановить облик зданий на изучаемом периоде времени.

Преимуществом построенной 3D-модели является возможность интерактивного просмотра реконструкции в онлайновом режиме и её верификации. Под понятием верификации мы подразумеваем возможность взаимодействия пользователя с представленными на сайте проекта источниками (текстовой документацией, чертежами, планами, живописными произведениями и т.п.) и созданной на их основе виртуальной 3D-моделью с подробным описанием методики ее построения применительно к каждому зданию, с целью анализа воссозданной модели, поиска в ней возможных неточностей, неподтвержденных гипотез. В итоге пользователь может прямо на мониторе своего компьютера не только просмотреть реконструкцию монастырского комплекса в его эволюции, но и обратиться к оцифрованным источникам, положенным в основу реконструкции каждого его фрагмента. Опыт такого интерактивного режима общения с построенной 3D-моделью Страстного монастыря и окружающей его исторической городской застройки XVIII – XIX вв. можно приобрести, обратившись к информационному ресурсу нашего проекта на сайте Исторического факультета МГУ: http://www.hist.msu.ru/Strastnoy

* Исследование поддержано грантом Российского научного фонда (РНФ) №14-18-03473.

Е.А. Брюханова (Барнаул)

Источниковедческий анализ статистических данных на примере таблиц по занятиям населения переписи 1897 г.*

Опубликованные сведения о народонаселении по первой всероссийской переписи 1897 г. долгое время были практически единственными источниками данного статистического обследования в связи с тем, что первичные материалы считались либо уничтоженными, либо не доступными из-за сложности обработки. Тем не менее, агрегированные источники, особенно отражающие профессиональный состав населения, выдержавшие шквал критики по поводу способа обработки и классификации данных, не рассматривались с источниковедческих позиций. Можно отметить единичные случаи проверки опубликованных сведений. Так, Б.Г. Литвак провел сопоставление агрегированных данных по Московскому уезду с обнаруженным им первичным статистическим материалом (Литвак Б.Г. Перепись населения 1897 г. о крестьянстве России// История СССР. 1990. № 1. С. 114–126).

Перевод опубликованных материалов переписи 1897 г. в электронный формат, а именно, создание многомерной базы данных по занятиям населения, позволил расширить возможности работы с источником и провести источниковедческий анализ агрегированных данных. Далее представлены некоторые результаты проведенного сопоставления структуры и значений

погубернских выпусков (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. I-LXXX. СПб., 1903–1905) и специального издания по занятиям населения (Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. I–IV. СПб., 1905).

Первый этап источниковедческого анализа был направлен на выявление ошибок источника, специфики структуры таблиц и возможности реконструкции статистических данных. Для этого использовалась «перекрестная» проверка сумм данных по административным единица и по группам занятий, а также сравнение с таблицами с общим количеством населения. К очевидным типографским ошибкам можно отнести непропечатанные символы или смещенные строки. Так, в источнике было указано, что в Орловском уезде Вятской губернии проживает 8109 женщин-членов семей (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 167), тогда как верным значением является 108109. Менее очевидными являются статистические погрешности, выявляемые в результате перекрестной проверки. Например, в Бирюченском уезде Воронежной губернии в группе 16 «Лишенные свободы и отбывающие наказания» указана 191 женщина, тогда как всего в губернии женщин, лишенных свободы, значится 141 (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. IX, Тетр. 2. Воронежская губерния. СПб., 1904. С. 146–147). В результате проверки оказалось, что в Бирюченском уезде не было женщин, отбывающих наказание. В большинстве случаев «перекрестная» проверка позволяет «исправить» статистические погрешности источника. Таким образом, база данных хранит два значения – из источника и «исправленное». А в генерируемых отчетах пользователь получает «чистые» данные, но при этом имеет возможность сравнить их с оригинальными.

Второй этап состоял в выявлении особенностей двух источников и подходов к сравнению представленных в них сведений:

1. Различаются подходы к организации профессиональных данных по территориальным единицам: большее количество профессиональных групп представляет меньшее количество административных единиц, которые они характеризуют. Так, погубернские итоги представляют характеристику всех уездов и всех городов губернии, но по 65 профессиональным группам, т.е. содержат более полную территориальную характеристику губернии, при этом «Распределение населения по видам главных занятий…» дает развернутую (по расширенной классификационной схеме из 390 профессиональных групп) характеристику всех уездов и крупнейших городов губернии.

2. Издания предлагают не идентичный набор статистических сведений, различия, прежде всего, проявляются в обработке данных о членах семьи самозанятых. Эти данные наиболее полно представлены в погубернских выпусках, тогда как в специальном издании по главным занятиям сведения о членах семьи представлены в сокращенном виде и по уездам не приводятся. Тем не менее, они приобретают значение при реконструкции профессиональной структуры региона, т. к. в отдельных группах могут составлять более половины от общего количества вовлеченных в занятие. Это значит, что самозанятых, например, в группе «Сельское хозяйство» в городах может быть существенно меньше, чем членов семей. Потеря или игнорирование таких данных может привести к неточной интерпретации структуры профессиональной занятости региона.

3. Еще одним отличием является разная организация самого статистического материала. В погубернских итогах сведения по уездам приводятся за вычетом данных по уездным и безуездным городам, которые показаны отдельно, а в специальном издании по главным занятиям сведения по уездам включают обобщенные данные по городскому сельскому населению.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, элементарным уровнем, позволяющим проводить сравнения между двумя источниками, является уровень 65 профессиональных групп; во-вторых, поле для сравнений ограничено набором соответствующих территориальных единиц; в-третьих, для осуществления «перекрестной» проверки требуется предварительная работа по унификации статистического материала, при этом за основу была принята более общая схема специального издания по главным занятиям, поэтому для проведения сравнений необходима аккумуляция и пересчет количества занятых в профессиональных группах погубернских итогов.

На третьем этапе было проведено сопоставление статистических данных двух источников по группам занятий на уровне губерний. Несоответствие значений встречаются в 7 % от общего числа административных единиц, при этом уровень погрешности варьируется в среднем около 1 %. Таким образом, можно сделать вывод о высоком уровне статистической обработки данных по занятиям населения, приведенных в опубликованных итогах переписи 1897 г.

* Исследование поддержано РФФИ, проект № 15-06-07553А

Е.А. Брюханова, О.И. Чекрыжова (Барнаул)

Опыт источниковедческого анализа карт Российской империи XIX – начала XX вв.*

Анализ карт административно-территориального деления Российской империи рубежа XIX–XX в. проводился с целью создания карты-модели для интернет-системы «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX вв.» (http://hcod.asu.ru), в которой в настоящее время представлены все статистические данные по занятости населения Российской империи на рубеже XIX–XX в. и реализована возможность их пространственной визуализации на картах губерний, регионов и Российской империи.

При отборе картографического материала учитывались как задачи разрабатываемого ГИС-проекта, так и особенности исторического периода. Одной из основных задач проекта являлось проектирование и создание геоинформационной системы на основе нескольких тематических карт Российской империи конца XIX – начала XX вв. и данных о социальном составе жителей, уровне экономического развития региона, сферах занятости, возрастном и этническом составе занятых. Выполнение этой задачи предусматривает широкое использование методов картографирования, лежащих в основе большинства работ, использующих в качестве аналитического инструмента пространственный анализ (Акашева А.А. Пространственный анализ данных в исторических науках. Применение геоинформационных технологий: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2011. С. 5). Под методом картографирования в последнее время стал пониматься процесс создания новых электронных тематических карт, совмещающих в себе инфор-

мацию как картографических, так и статистических исторических источников (Владимиров В.Н. От исторического картографирования к исторической геоинформатике. Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. М.; Барнаул, 2005. С. 22.).

Принципиальным решением было создание карты на уровне уездов, округов и округ, что обусловлено, с одной стороны, масштабами регионов и губерний Российской империи (например, северная граница Тобольской губернии проходила по Ледовитому океану, а южная – по плодородной лесостепи, протяженность губернии была более 1 млн. км), с другой – иерархичной структурой статистических данных по административным единицам: регион – губерния – уезд – город. Уездное административно-территориальное деление позволит в последующем корректно отразить на карте социально-экономическое развитие таких крупных регионов как Сибирь и Центральная Азия, а также выявить «пограничные» районы, отличающиеся спецификой социальной и профессиональной структуры. Такое решение существенно сократило диапазон поиска карт, т.к. наибольший интерес представляли комплексные карты с максимально подробным административно-территориальным делением.

Для административного деления отдельных территорий (преимущественно, окраин) Российской империи конца XIX – начала XX в. характерна подвижность или размытость границ, например, для округов (уездов) Центральной Азии и уездов, округов и округ Сибири. Кроме того, среди доступных картографических источников не было обнаружено комплексной карты датированной 1897–1898 гг., поэтому хронологические рамки поиска источников были значительно расширены. При этом даже максимально близкая датировка карты к дате проведения переписи не давала гарантии отсутствия изменений административно-территориального деления. Поэтому все карты, используемые в создании картографической основы ГИС, дополнительно прорабатывались по письменным источникам на предмет корректировки административно-территориальных изменений. Помимо карт Российской империи широко использовались карты отдельных губерний, дающие большие возможности для конкретизации отдельных населенных пунктов или границ территориального деления.

Особое внимание уделялось тематическим картам социально-экономической направленности, представляющим собой ценный источник. Сочетание географической, административной информации и специальных отраслевых данных (например «Карта путей сообщений Российской империи») позволит создать авторские электронные карты по отраслевой занятости уездов, губерний, регионов.

Таким образом, в качестве базовых картографических источников разрабатываемого ГИС-проекта были выбраны: 1) «Административная карта Российской Империи с показанием железных и почтовых дорог» с врезками Азиатской России и составных губерний. Автор карты П.Ф. Петиш. Карта содержит: города, станции, пути сообщения, границы (государственные, губернские, уездов); 2) «Карта Российской Империи и сопредельных с нею государств (1892-1902 гг.). Составлена к 10-летию комитета Сибирской Железной дороги Э.А. Коверским. Содержит государственные границы и границы Вассальных стран, границы внутреннего деления (губернии, области). Особенностью данной карты является отображение важных стратегические объектов государства; 3) «Карта путей сообщения Российской Империи»

(1916 г.). Разработана Отделом статистики и картографии, г. Москва. Показаны практически все виды границ, отображены внутренние водные пути, существующие почтовые и железные дороги и строящиеся железные дороги, элементы орографии.

Такой комплексный подход к картографическому материалу служит не только средством визуализации данных, но и элементом качественного анализа, позволяющим выявлять пространственные закономерности и территориальные связи. Вместе с тем, карты не являются конечной целью, а служат одним из инструментов исторических исследований, в процессе которых создаются новые карты-модели, служащие для получения нового знания.

*** Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 15-06-07553А**

О.А. Валькова (Москва)

Генеалогическая загадка или из истории родословной семьи женщины-астронома Н.М. Субботиной

Нина Михайловна Субботина родилась 25 октября 1877 г. (Субботина Н.М. Автобиография. Не ранее 5 ноября 1936 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 45) в семье горного инженера Михаила Глебовича Субботина (1850–1909). Переболев в детстве скарлатиной, Нина Михайловна на всю жизнь осталась инвалидом, полностью лишившись слуха и способности свободно ходить из-за парализованных ног. Это не помешало ей, однако, прожить яркую и интересную жизнь, много путешествовать и, главное, стать вполне профессиональным и самостоятельным астрономом-наблюдателем. Она опубликовала по примерным подсчетам около 200 научных статей и заметок (Там же. Л. 45), а также монографию по истории кометы Галлея (Субботина Н.М. История кометы Галлея (С картой, рисунками и фотографическим снимком кометы). СПб., 1910), принесшую ей золотую медаль и премию Русского астрономического общества. И всё это не только вопреки физическим ограничениям, но и несмотря на законодательство Российской империи начала XX в., не позволявшее женщинам обучаться в российских университетах и существенно ограничивавшее (вплоть до 1911 г.) возможности женщин при поступлении на службу в научные учреждения. Таким образом не вызывает никаких сомнений, что Н.М. Субботина была далеко не ординарным человеком. Неудивительно поэтому, что она сама и история ее семьи вызывают интерес.

Сохранившиеся источники свидетельствуют, что Нина Михайловна очень гордилась своей семьей, ее прошлым, гордилась своим отцом, которому, по ее собственным словам, всецело была обязана интересом к астрономии (Субботина Н.М. Письмо О.А. Федченко. 15 декабря 1916 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 109 об.). К сожалению, архив семьи Субботиных погиб во время блокады Ленинграда. Возможно, именно поэтому о семье Нины Михайловны до настоящего времени было известно крайне мало и попытки как дальних родственников, так и краеведов восстановить генеалогию семьи, предпринимавшиеся в последние годы, оказывались безуспешными. Можно сказать, что доступные сведения исчерпывались следующими словами, написанными Ниной Михайловной в письме к ее давнему другу, известному революционеру и ученому Николаю Александровичу Морозову (1854–1946): «....мама с папой оба принадлежали к семье "интеллигентных разночинцев" и еще мамин прадед был писатель – конца

XVIII в., сотрудник Новикова, дед – профессор МГУ. Бабушка видала в детстве Пушкина, потом Белинского, Гоголя, принимала у себя Грановского, Кудрявцева, Рулье и др[угих] тов[арищей] ее отца. Была оч[ень] культурная. Папа вырос на идеях Чернышевского и так же воспитал нас. Ни тени принуждения: это был наш друг и руководитель и друг учащейся молодежи» (Субботина Н.М. Письмо к Н.А. Морозову 3 июля 1935 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 20, 20 об.).

Письмо было написано в период реконструкции Тихвинского кладбища при Александро-Невской Лавре, на котором были похоронены родители Нины Михайловны. Отдел Благоустройства Ленсовета распорядился «убрать» могилы Субботиных с территории кладбища. Несколько ранее бывшие в то время в живых братья и сестры Субботины обращались к Н.А. Морозову с официальной просьбой об оказании содействия в сохранении могил в неприкосновенности (Субботина Н.М., Субботин С.М., Субботин О.М., Субботина О.М. (Лансберг). Прошение Н.А. Морозову. 16 июня 1935 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1808. Л. 1 об.). Время и обстоятельства написания письма объясняют как его стиль – очевидно, что Н.М. Субботина имитировала «официальный» стиль середины 30-х гг., – так, по нашему мнению, и отсутствие упоминания конкретных имен. Возможно также, что ее корреспондент, Н.А. Морозов, был с этими именами знаком. Как бы то ни было, но Нина Михайловна задала задачу, как потомкам своей семьи, так и профессиональным историкам.

Задача эта касается, как мы видели, в основном женской линии семьи Субботиных, являвшейся, судя по словам Н.М. Субботиной, старинной московской семьей, участвовавшей в культурной и научной жизни Москвы с конца XVIII в. Поэтому нашим первым шагом стали поиски девичьей фамилии матери семейства. М.Г. Субботин был достаточно известным инженером. Основные вехи его биографии известны из опубликованного некролога (Михаил Глебович Субботин. (Некролог) // Горный журнал, издаваемый Горным ученым комитетом. 1910. Т. 1. № 2. С. 267), в котором, разумеется, нет упоминаний о его семье. Найти его «Послужной список» оказалось однако несложным. В соответствии с ним, М.Г. Субботин был «Женат первым браком на дочери коллежского советника Соколова – Надежде Владимировне» (Послужной список горного инженера коллежского советника Субботина. 1890 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 36813. Л. 9). Казалось бы, на этом наши поиски должны были неизбежно закончиться, поскольку найти человека по фамилии «Соколов» без каких бы то ни было подсказок даже среди населения Москвы второй половины XIX в. представляется мало реалистичным. Однако подсказка обнаружилась: через два года после смерти Н.М. Субботиной ее младшая коллега Н.М. Неуймина опубликовала небольшой очерк, посвященный ее биографии, в котором заметила, между прочим, что из-за постоянных, связанных с работой, разъездов отца «мать с детьми жила в московском домеусадьбе деда (по матери) Соколова – архитектора по специальности» (Неуймина М.Н. Памяти Н.М. Субботиной // Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть. 1964. М., 1963. Т. 67. С. 261). Таким образом мы узнали, что деда Н.М. Субботиной по материнской линии звали Владимир Соколов, и был он московским архитектором. Так начались наши поиски среди московских архитекторов, живших приблизительно в середине XIX в. Истории наших дальнейших поисков, совершенных ошибок и полученных неожиданных результатах посвящен настоящий доклад.

Р.М. Вацеба (Львов, Украина)

Славянская этнонимика Эльбо-Заальского междуречья как источник исследования ранней государственности у белых сербов

Исследование процессов образования государственности на славянских землях в эпоху раннего средневековья осложняется ограниченностью письменных источников, что обуславливает необходимость поиска новых подходов к их анализу. Особое значение в этом контексте приобретает использование методов вспомогательных исторических дисциплин, в частности ономастики.

Основанием данного исследования стало предположение о том, что процессы формирования ранней государственности отражались в средневековой этнонимике. Принимая во внимание перспективы исследования етнонимики, видное место среди славянских земель занимает Эльбо-Заальськое междуречье, которое письменные и археологические источники позволяют отождествлять с Белой Сербией (Вацеба Р. Етнополітична структура Південного Полаб'я наприкінці VIII – у першій третині X ст. // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. 2015. Вип. 4. С. 9). Благодаря пограничному расположению региона западноевропейская письменная традиция IX–XII вв. сохранила более 20-ти названий сербских «племен» и пагов, в которых просматриваются следы славянских этнонимов. По лингвистическим особенностям их можно разделить на 4 группы:

а) этнонимы с суффиксом «ич», который в латинских текстах передается, как «ic», реже – «ik» или «iz»: колодичи / коледичи (Colodici, Cholodiki), хунтичи / хутичи (Chuntici, Chutizi), ситичи / житичи (Zitici, Citice, Zitice), нелетичи (Neletici, Neletiki), нудичи (Nudzici, Nidkike), квезичи / кезичи (Quezici), скитичи (Scitici, Scitizi), струпеничи (Strupenice);

б) этнонимы с буквой «ы» / «и» (в лат. источниках – «i») в конце слова, но без суффикса «ич»: гломачи (Glomaci), далеминцы (Daleminci, Talaminzi, Dalamentsan), нижаны (Nisani, Niseni), сирмунты (Sirmunti), сиуслы / сысыли (Siusli, Siusuli, Siusile, Siusili, Sysyle), тухурины (Tuchurini, Ducharin, Tucherin, Tuchorin), волаукы (Uuolauki), рохолензы (Rocholenzi), плисны (Plisni, Plisna, Plisina). К этой группе следовало бы отнести и общий для всего славянского населения исследуемой территории этноним «сербы». Однако, из-за древнего происхождения (этноним сформировался еще до заселения славянами Эльбо-Заальського междуречья) он не может рассматриваться как источник к изучению политического устройства славянских княжеств Южного Полабья;

в) этнонимы или названия пагов, содержащие окончания «ове» (лат. «owe»): звик-ове(ы) (Zwicowe, Zwickowe, Zwickau, Zwickaw), брисинг-ове(ы) (Brisingowe) и сар-ове(ы) (Sarowe). Конструкции этнонимов второй и третьей группы, скорее всего, почти одинаковые по содержанию, ведь в чешском и польском языке смысловое наполнение окончаний «i»/«y» и «owe»/«owie» является тем же. Менее вероятно, что этнонимы, отнесенные к третьей категории были образованные от притяжательных прилагательных.

г) этнонимы или названия пагов, которые не относятся к первым трем группам, с буквой «а» в конце слова: вета (Weta, Vedu, Weitao, Weyta), пуонзова (Puonzowa, Ponzowa), орла (Orla, Orlam, Horla), гера / гераха (Gera, Geraha), добна (Dobna), скундира (Scuntira, Sundra). Названия этих пагов явля-

ются искаженными отражениями этнонимов, которые первично могли быть похожими на этнонимы второй или третьей группы. Например, этноним плисны, отнесенный ко второй группе, в более поздних источниках принял форму «плисина», характерную для этнонимов четвертой группы (Conradi I. Heinrici I. et Ottonis I. Diplomata // MGH. Diplomatum Regum et Imperatorum Germaniae. T.1. Hannoverae, 1879–1884. № 231. P. 317, № 65. P. 146; Ottonis II. Diplomata // MGH. Diplomatum... T. 2. Pars prior. Hannoverae, 1888. №30. P. 40, № 89. P. 104, № 90. P. 105, №193. P. 221, № 196. P. 223; Ottonis III. Diplomata // MGH. Diplomatum... T. 2. Pars posterior. Hannoverae, 1993. № 106, P. 517; Lotarii III. Diplomata // MGH. Diplomatum... T. 8. Berolini, 1927. P. 131; King Alfred's Orosius. Part 1. London, 1883. P. 16; Annales Bertiniani // Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis recusi. Hannoverae, 1883. P. 23; Annales Fuldenses // Scriptorum rerum Germanicarum... Hannoverae, 1891. P. 67; Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon // MGH. Scriptores Rerum Germacarum. Nova series. T. 9. Berolini, 1935. P. 6, 98, 116, 340, 516).

Значительная часть рассмотренных выше этнонимов впервые была задокументирована в IX–X вв. Учитывая, что с начала X в. началось включение западной (сербской) части Южного Полабья в Восточно-Франкское королевство (следствием этого процесса должна была стать консервация етнонимики на уровне локальных полит-этнонимов), это дает основание рассматривать, по крайней мере, часть славянских этнонимов Эльбо-Заальського междуречья, как источник к исследованию политического устройства белых сербов в IX в.

Особый интерес с точки зрения исследования процессов становления государственности на землях белых сербов представляет вопрос происхождения названий племен-княжеств. Суффикс «ич» определенно указывает на патронимическое происхождение этнонимов первой группы. Подобные случаи засвидетельствованы в письменных источниках, содержащих рассказы о легендарном Чехе (Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 34), либо о летописных Радиме и Вятке (Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1. М.;Л., 1950. С. 14). Патронимическое происхождение части этнонимов второй и третьей группы возможно. В частности, в одном из документов Оттона II (Ottonis II. Diplomata // MGH. Diplomatum... T. 2. Pars prior. Hannoverae, 1888. № 89. P. 104) именно в контексте событий в Южном Полабьи упоминается антропоним «Nezan» (если это имя носил еще и один из князей нижан, то легко прослеживается словообразование: Nezan→Nezan<u>i</u>→N<u>is</u>ani). С другой стороны, согласно словам Титмара Мерзебургского, племя гломачей получило свое название от одноименного источника (Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2009. С. 6–7), то есть в Южном Полабьи патронимические этнонимы сосуществовали с этнонимами другого происхождения. И все же, доминирование первых (по крайней мере, на территории между Нижней Заале, Эльбой и нижним течением Белого Эльстера, которые были политическим ядром Сербского объединения и характеризовались наличием господствующих и зависимых племен–княжеств (Tyszkiewicz L. Podziały plemienne i problem jedności słowian serbołużyckich // Słowiańszczyzna Połabska między Niemcami a Polską. Poznań, 1981. S. 122–124) можно считать главной чертой этнонимики Эльбо-Заальского междуречья в IX в.

Подобная ситуация в V в. сложилась на территории Ирландии, где патронимические этнонимы «Uí», «Cenél», «Clann», «Síll» (внуки, семья, потомки), вытеснили выражение «Maqui Mucoi» / «moccu», которое использовалось для обозначения племенной принадлежности (Ó Cróinín D. Irlandia średniowieczna (400–1200). Warszawa, 2010. S. 71–73). Сомнительно, что все население раннесредневековой Ирландии происходило из 150 родов, а именно столько «королевств», по словам Фрэнсиса Дж. Бирна, здесь должно было существовать во времена св. Патрика (Бирн Ф. Короли и верховные правители Ирландии. СПб., 2006. С. 15). Скорее всего, настоящими потомками основателей ирландских «королевств», как и славянских княжеств Эльбо-Заальского междуречья были только представители правящих родов, а в сознании остального населения (или, по крайней мере, создателей письменных источников), идентификация с локальными династиями начала доминировать над их собственной этнической принадлежностью. Изменения в ирландской этнонимике, по мнению Даибги О'Кройнина, отражали более глубокие общественные преобразования, в ходе которых были разрушены архаичные племенные структуры, а племена-народы стали подданными династических родов (Ó Cróinín D. Irlandia średniowieczna… Warszawa, 2010. S. 70–71). Этот процесс, в общем, характерный для периода формирования государств дружинного типа – универсального этапа развития общества, при котором функции зарождающегося государства, выполняет, в основном, военная организация – дружина или аналогичная ей военная структура (Войтович Л. Дискусія про ранню державу // Княжа доба: історія і культура. 2011. № 4. С. 11–12). Вышесказанное позволяет рассматривать патронимические этноними как признак существования дружинных государств. В то же время отсутствие в племени или княжестве этнонима патронимического происхождения не может быть аргументом против функционирования здесь институтов дружинного государства, ведь династ всегда мог прийнять прежнее название своего племени, как это случалось в средневековой Ирландии (Ó Cróinín D. Irlandia średniowieczna… Warszawa, 2010. S. 72).

Таким образом, анализ славянской этнонимики Эльбо-Заальского междуречья указывает на формирование здесь в IX в. ранних государств дружинного типа.

Д.П. Ващук (Киев, Украина)

Некоторые документы из истории турецкого набега на Польшу и Волынь в XVI в.

Для украинских земель Великого княжества Литовского серьезной проблемой были набеги татарских войск. В то же время, факты о нападении именно турецких войск практически отсутствуют. Найденные нами два документа в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки подтверждают, что турки, также, как и татары, осуществляли набеги на украинские территории с целью грабежа, однако не так часто.

Эти источники представляют собой два фрагмента одного большого документа, в котором содержится информация о нападении турецкого войска на Польшу и Волынь. Они находятся в двух разных фондах: один хранится в собрании автографов П. П. Дубровского (Ф. 971. Авт. 125. № 5. Л. 1; другой в Ф. 293 «Западно-русские акты». (Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1). На обоих фрагментах отсутствуют датировка, место написания, печати и филиграни. Ана-

лиз графики письма позволил предположить, что документ написан в первой половине XVI в. Как вариант, писарем мог быть Иван Горностай, поскольку почерк на этих документах очень похож с теми, которые он лично писал. Более точную датировку можно сделать по фамилии воеводы келейского, белогородского и добрыцкого Каики, который упоминается во втором документе. К сожалению, нам пока не удалось определить в каких именно годах он занимал указанную должность.

Первый документ представляет собой письмо великого князя литовского неизвестному лицу (поветовому уряднику), в котором содержатся известия некоего беглеца по имени Бут. Последний утверждал, что замок Дубно подвергся нападению турок, а потом из них 8 000 пошло на Польшу, а 6 000 остались на Волыни. В связи с этим великий князь приказывал уряднику немедленно выезжать со своими слугами и войском («конне и збройне») к г. Берестье и там ждать дальнейших приказаний от гетмана. Последний должен был указать время и место следующего сбора.

Во втором документе содержатся сведения (расспросные речи) непосредственно самого Бута, который сбежал от турок в воскресенье из г. Дубно. Во-первых, он сообщил о том, что на Польшу пошло 8 000 турок под предводительством Каика, воеводы келейского, белогоро*д*ского и добрыцкого. На Волыни остались 6 000 турок (правда, в самом документе указанно 11 000, но, вполне возможно, что ошибся писарь) и 1 000 татар, а с ними уже год присутствует некто Дашовлуй Санчак. Во-вторых, целью военного похода, по его мнению, есть добыча пленных; войска в Польше и на Волыни должны действовать самостоятельно, но не известно, какими дорогами они пойдут. В-третьих, если не удастся набрать пленных, то у турок в планах осада неизвестного города.

Таким образом, имеем редкие известия о том, что в набегах на земли ВКЛ и Польши причастны не только татары, но и турки. Безусловно, эти два отрывка есть частью какого-то единого документа. Вполне возможно, что остальные фрагменты могут быть находиться среди многочисленных собраний Отдела рукописей РНБ и ждут своих исследователей. В связи с этим приносим слова благодарности Германскому историческому институту в Москве, при финансовой поддержке которого осуществлялась научно-исследовательская работа в указанном учреждении.

Публикация документов

№ 1. Первая половина XVI в. – Великокняжеский лист неизвестному лицу (поветовому уряднику), в котором содержатся известия некоего Бута о нападении турок на замок Дубно, а также о наступлении 8000 на Польшу и 6000 турок на Волынь.

…Вжо на*м* се*с* на*ш* листъ до твое*й* м(и)л(о)*с*ти написа*в*ши.

Писа*л* к на*м* кн(я)зь ге*т*ма*н*, поведаю*чи*, *иж* прибе*г* к нему Бу*т* в то*т* ча*с*, ка*к* ту*р*кове при*ш*ли по*д* е*г*(о) замо*к* Дубе*н*. И которы*и* слова то*т* Бу*т* поведи*л*: “И*ж* втя*г*нуло в Ля*д*скую землю осмъ тися*ч* ту*р*ко*в*, а у Волы*н*скую шесть тися*ч*”.

Мы с то*г*(о) листа копею списа*в*ши, посла*ли* до твое*й* м(и)л(о)*с*ти в се*м* н(а)шо*м* листе. Твоя м(и)л(о)*с*ть тому порозумеє*ш*, а про то абы твоя м(и)л(о)*с*ть самъ со всими слугами своими собра*в*ши и поготову бы*л* ко*н*не а зброине, то*г*(о) ча*с*у ничого неме*ш*каючи до Берестья, а пове*т* сво*й* ве*с* а*ж*-бы твоя м(и)л(о)*с*ть каза*л* вря*д*нико*м* свои*м* выена*ти* (так в ркп, должно быть “выеха*ти*”. – *Д. В.*) ко*н*не а збро*й*не, то*г*(о) ча*с*у ничого неме*ш*каючи до

Берестья. И ка*к* скоро кн(я)зь ге*т*ма*н* и*х* обо*ш*ле*т*, а на которы*й* ча*с* и на которо*м* местцы каже*т* *им* бы*ти*, а*ж*бы они к нему бе*з* всяко*г*(о) ме*ш*ка*н*я єхали, а на то*т* ро*к* и на то*м* местцу в не*г*(о) были. А про то абы в(а)ша м(и)л(о)*с*ть чуючи таковую по*т*ребу великую, рачили ся бо*р*здо зготовити со *в*сими слугами своими ко*н*не а збро*й*не на*в*юце*л*…

Оригинал: ОР РНБ. Ф. 971. (Собрание автографов П.П. Дубровского). Авт. 125. № 5. Л. 1. Бумага. Водяной знак отсутствует. Общие размеры: 21,5х16,5 см. Количество строк − 13. Состояние сохранения – отличное. Чернила светло-коричневые. Скоропись. Почерк писаря выразителен. Натиск сильный. Без печати. Имя писаря отсутствует.

№ 2. Первая половина XVI в. Расспросные речи некоего Бута из Дубна о нападении 80000 турок на Польшу, 6 000 турок и 1 000 татар на Волынь.

…А то ты*и* речи, которы*и* поведи*л* Бу*т*, што втекъ о*т* турко*в*.

Та*к* поведає*т*, которы*и*, де*й*, лю*ди* пошли в Ля*д*ское, старшии проме*ж* ними Каико, воєвода келейский и белогоро*д*ски*й*, и добрыцки*й*, а с нимъ войска восмъ тися*ч*, нижли о*н* не ведає*т*, ка*к* далеко маю*т* в Лядскоє пои*ти*. А што, де*й*, зде на Волы*н* пошли, то Дашо*в*лу*й* Са*н*ча*к*, што и *в*си*ж* го*д* бы*л*, а с ни*м* шесть тися*ч* пя*т* тися*ч* ту*р*ко*в* (учитывая информацию с предыдущего документа, здесь вполне возможна ошибка писаря; правильнее было бы: “шесть тися*ч* или пя*т* тися*ч* ту*р*ко*в*”. – *Д. В.*), а тисяча тата*р*. А татарове, де*й*, Добрыцкий и Киле*й*ски*й*, сами, де*й*, люди посполиты*й*, добры*й* и те*ж* подле*й*ши*й*, а толко, де*й*, с ними две ручницы; и ка*к*, де*й*, обосна*в*ши в земли и чо*г*(о) добы*в*ши полону, маю*т* поити и*з* земли. И та*к* поведає*т*, и*ж* тоє войско и*з* Ля*д*ское земли мае*т* пои*ти* таки свои*м* войско*м*, а си*й* з Волыня свои*м* войско*м*, нижли того неведає*т* таки*л* свои*м* шляхо*м* маю*т* пойти, куды увошли, чили ину да куда. И тое те*ж* поведає*т*, так, де*й*, говоря*т*, єсти ся нездобуду*т* и они маю*т* которого города добывати, але неведає*т* которо*г*(о) на имя.

А то*т* Бу*т* втек в неделю з Дубна, але не знаєть с которого местца…

Оригинал: ОР РНБ. Ф. 293 (Западно-Русские акты). Оп. 1. Ед. хр. 13. Бумага. Водяной знак отсутствует. Общие размеры: 21х16 см. Количество строк – 12. Состояние сохранения − хорошее. Чернила светло-коричневые. Скоропись. Почерк писаря выразителен. Натиск слабый. Без печати. Имя писаря отсутствует.

А.Г. Векслер, М.Г. Гусаков (Москва)

Археология – стратиграфия, монеты, хронология

Научные споры о том, является археология вспомогательной или самостоятельной исторической дисциплиной, закончились ещё в 70-е гг. прошлого века. Возобладало мнение, что археология является самостоятельной исторической дисциплиной, в круг интересов которой входил огромный исторический период из жизни homo sapiens, начиная с эпохи первобытности и до появления письменности (дописьменный период). В те же времена бытовала фраза, что археология изучает «домарксовый» период, то есть до образования классовых обществ. Может быть с научной точки зрения эти термины не совсем точны, хотя бы потому, что открытие таких цивилизаций, в которых были зафиксированы наличие антагонистических классов и памятники письменности как, например, «государства Междуречья» в зна-

чительной степени являлись заслугой не только историков, лингвистов, но и археологов. Однако, со временем круг задач археологических изысканий расширился во много раз. Археологии стала доступна не только доисторическая эпоха, но и современность. В Москве, в начале 30-х гг. историк, москвовед П.Н. Миллер организовывал выставки археологических артефактов под удивительным названием «Московский мусор», где в качестве экспонатов были печные изразцы, помадные банки, ложки, вилки, битая посуда и множество вещей, потерянных и выброшенных горожанами.

Теперь, спустя много лет, московские археологи раскапывают Москву как учебник по археологии. Итак, мы можем констатировать, что археология сегодня и археология Москвы в частности, являет собой историю от мезолита (финальная фаза палеолита 10 000 лет – каменного века) − до сего дня. Археология стала исторической дисциплиной с своим научным аппаратом. В археологию пришли ряд дисциплин из естественных наук: радиокарбонный метод датирования, дендрохронология, люминесцентный анализ, остеология и т.д. И это понятно, археология постоянно нуждается в правильной научной датировке артефактов. Проблема хронологии в археологии – наиважнейшая. Нет хронологии – нет целого пласта знаний! Датирование предметов может быть в двух аспектах, относительным, т.е. в диапазоне (от сих − до сих), и абсолютное (печать – 1525 г. такого числа).

С второй половины XIX до середины XX в., археологи использовали в основном «сравнительно-типологический метод». Принципы этого метода состоят в том, что выделяется и исследуются типы древних сооружений и вещей, которые выстраиваются в хронологические цепочки. «Тип» в археологии понимается как совокупность признаков, которые имеют сходство по назначению, материалу и форме, но могут различаться в менее существенных деталях. Например, понятие тип применяют к таким археологическим объектам, как постройки (их остатки), погребальные камеры, древние вещи, керамика и т.д. На основе типологии может быть прослежена эволюция ископаемых предметов во времени и пространстве. При этом выделяется в качестве определяющего признака – форма предмета, усложнение её конструкции или напротив упрощение. К сожалению, многое в такой работе зависит от опыта и эрудиции исследователя. От его умения не только логично выстроить цепочку признаков, но и построить хронологический ряд. Однако на этом пути исследований много вопросов и уточнений, которые постоянно необходимо подвергать перепроверкам и корректировкам.

Но в археологи есть вещи, которые конкретную дату их изготовления: это в первую очередь монеты (денежные единицы), товарные пломбы и печати, как знаки владельцев. В археологии монеты достаточно важный материал, однако, есть дублирующий материал, например: фибулы, браслеты, булавки и т.д. т.е. предметы из области погребального обряда, вещи извлеченные из древних погребений. По ним составлены прекрасные хронологические таблицы и археологи давно их используют в научной практике.

Но в городской археологии монеты далеко не редкость. А.Г. Векслер, одни из авторов этой статьи, вел крупно масштабные раскопки в центре Москвы, в Китай-городе, на ул. Ильинке и Старом Гостином дворе в течение почти 6 лет (1995–1999 гг.). Был извлечен огромный вещевой материал: более 10 000 индивидуальных находок, это монеты, пломбы, печати, предметы украшений, оружие, инструменты, поделки из дерева, кожи (обувь), изделия из металлов (меди, бронзы, золота и серебра), камня, глины. Число фрагмен-

тов битой глиняной посуды измерялось сотнями тысяч (более 600 000 тыс. единиц). Весь этот материал был расставлен в типологические таблицы и разложен по археологическим пластам (т.н. «стратиграфические» таблицы). В данной статье мы рассматриваем только монеты, пломбы и печати. Что это нам дает? Ответ прост, расставляя монеты, пломбы и печати, которые имеют твердую дату чеканки, мы можем определить хронологические пласты, и проанализировать, как формировались городские напластования во времени, от домонгольского периода – до современности. Мы знаем заранее, что культурные напластования в городских условиях, в разные времена подвергались перемешиванию и, практически, не представляют четкой хронологической последовательности. Но мы можем скорректировать наши представления о дате каждого слоя, используя даты монет, пломб и печатей. Для этого мы должны четко определить диапазоны разброса поздних и ранних монет. В сущности, мы этой процедурой устанавливаем хронологические границы по монетам. После их корректировки, мы вставляем в хронологические границы «не датированный» вещевой материал. После подстановки вещей, мы заполняем пласты, в которых фиксировались различные сооружения, жилища, колодцы, мостовые и т.д. В результате мы получаем взаимозависимость совокупности предметов, сооружений с хронологией. Дальше в анализ вступают исторические факты, полученные из письменных источников. Параллельное сравнение письменных источников с археологическими и стратиграфических и есть искомый результат нашей работы. В заключении отметим, что целью этой процедуры, продатировать огромный материал, который не имеет таких четких хронологических признаков, как монеты или печати.

Д.В. Вербицкая (Москва)

Источники изучения истории лагерной медицины на Колыме и Чукотке в 30–50-е годы XX века

История лагерной медицины в СССР – одно из «белых пятен» новейшей отечественной истории. Небольшая монография (Нахапетов Б.А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М., 2009) не исчерпывает содержания этой многогранной исследовательской темы, тем более, что ее информационные ресурсы в достаточной мере и не изучены, и не использованы. Речь идет в первую очередь о делопроизводственной документации, периодической печати, источниках личного происхождения – воспоминаний и писем, наконец, не в последнюю очередь, произведениях художественной литературы. К тому же при изучении истории лагерной медицины необходимо включать не только вопросы собственно медицинского обслуживания заключенных, оказания им медицинской помощи, но и обеспечения узников лагерей питанием и одеждой, жилыми помещениями, а также санитарно-гигиенических мероприятий в лагерях.

Изучение делопроизводственной документации позволяет проследить, какими в разные периоды функционирования лагерей Колымы и Чукотки были нормы питания заключенных, каково было их обеспечение вещевым довольствием, какие меры предпринимались для поддержания приемлемого санитарного состояния лагерей (наличие бань, санитарных пропускников, обеспечение заключенных питьевой водой, посудой, мылом и т.д.). Делопроизводственная документация содержит сведения об актировании заклю-

ченных, мерах, принимаемых руководством лагерей в отношении заключенных-инвалидов. Делопроизводственная документация создавалась как в лагерях отдельных регионов, так и на союзном уровне, что необходимо учитывать при отборе и анализе разновидностей документов. Различные справки, отчеты содержат сведения о количестве больных (в т.ч. с указанием диагнозов), о категориях труда, определенных для заключенных медицинскими комиссиями. Разумеется, данные делопроизводственных документов требуют тщательной проверки с применением других видов письменных источников, так как реальные условия содержания заключенных зачастую оказывались хуже, чем предписывалось указаниями сверху.

Источники личного происхождения – воспоминания и письма узников лагерей, медицинских работников Дальстроя – весьма информативны. В воспоминаниях и письмах постоянно встречаются характеристики конкретных людей – врачей, фельдшеров, санитаров, работавших в системе санитарной службы Дальстроя. «Человеческое измерение» истории лагерной медицины – одно из необходимых условий реконструкции драматической истории ГАЛАГа.

На Колыме отбывали незаслуженное наказание, а также работали по вольному найму многие известные врачи. Изучение их воспоминаний, а также свидетельства о них пациентов и друзей, способствует выявлению новых сведений об их жизненном пути, о научных заслугах в области медицины. В отдельных воспоминаниях подробно описаны медицинские учреждения – больницы лагерей, санитарные части. В них содержатся данные о бытовых условиях жизни медицинских работников и заключенных. Повседневная жизнь узников ГУЛАГа и вольнонаемных – существенный сегмент драматической истории страны в минувшем столетии.

Воспоминаниям и письмам, разумеется, свойствен субъективизм, но этим они и ценны как исторический источник. Большинство дошедших до нас текстов принадлежит людям, чьи условия существования в лагерях были крайне тяжелыми. Возможны были и некоторые преувеличения, не менявшие, впрочем, общей картины. Кроме того, воспоминания, как правило, создавались по прошествии времени, отдельные события стирались из памяти, другие невольно искажались, а некоторые сознательно умалчивались. Письма в этом отношении являются более надежными, но при работе с ними необходимо помнить, что в системе лагерей существовала жесткая цензура, в силу чего о многом, в том числе и о реалиях своей жизни, заключенные зачастую не могли сообщать откровенно. Естественно, сведения, почерпнутые из источников личного происхождения, как и из делопроизводственной документации, предполагают тщательную проверку с привлечением других источников.

Различные сведения по истории лагерной медицины на Колыме и Чукотке содержатся в периодической печати – центральной газеты Дальстроя «Советская Колыма» и из районных газет – газет горнопромышленных управлений. Прежде всего, в газетах можно найти фамилии и имена медицинских работников Дальстроя, в том числе, работавших и в лагерях. Такого рода сведения содержатся в списках работников, отмеченных правительственными и ведомственными наградами. При изучении вопроса об оказании медицинской помощи заключенным и об условиях их содержания в лагерях по материалам газет следует быть осторожными. Общеизвестно, что периодическая печать в Советском Союзе была предельно идеологизирована, через периодику власть доносила до широких масс тот объем идеологи-

чески «правильной» информации, который считала необходимым. О сознательном искажении газетной информации говорить не приходится в силу его очевидности. Газетные публикации, приходится читать «между строк», само слово «заключенные» в прессе отсутствует.

Еще одним видом исторических источников, содержащих информацию по истории лагерной медицины на Колыме и Чукотке, являются произведения художественной литературы. Нередко художественное произведение ярче и полнее отражает события, чем официальные документы. В этом случае показательны рассказы В.Т. Шаламова, во многом автобиографические. Один из циклов его рассказов носит название «Левый берег» и посвящен тому времени в жизни писателя, когда он работал в центральной больнице для заключенных на Колыме. К тому же В.Т. Шаламов нередко в своих рассказах выводил персонажей под подлинными именами. Это повышает историческую ценность его произведений, хотя необходимо помнить, что характеристики, даваемые писателем своим героям, могут быть не только субъективными, но и вымышленными, несмотря на большую автобиографичность его произведений.

История лагерной медицины на Колыме и Чукотке во второй четверти XX в. – перспективная для дальнейшего исследования тема не только в силу недостаточности ее научного освоения, но и очевидными пробелами в выявлении и последующим источниковедческим освоением комплексов репрезентативных документальных материалов.

А.Е. Виденеева (Ростов Великий), еп. Савва (Михеев) (Москва)

Казначейская инструкция как исторический источник: на материале Новоспасского монастыря 1830-х годов

Должностные инструкции, разработанные для высших, руководящих монастырских постов (наместника, казначея, эконома, ризничего, благочинного и т.д.), являются ценным историческим источником для изучения внутреннего уклада жизни монастыря: устройства служебной иерархии; принципов деятельности управленческого аппарата; полномочий, прав и обязанностей лиц, наделенных властью. В архивном собрании Московского Новоспасского монастыря выявлены два уникальные документа – казначейские инструкции 1836 и 1839 гг. (РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 150. Л. 1–3; Д. 179. Л. 1–3 об.). Их характеристике посвящена настоящая работа.

Новоспасские инструкции датированы близкими датами, однако их тексты имеют значительные различия. Точнее будет сказать, что общую, единую суть эти документы выражают в различных формах. Вероятно, это объясняется тем, что они относятся ко времени двух разных настоятелей. Первая бытовала при архимандрите Поликарпе (Гойтанникове) (1824–1837), вторая – при архимандрите Аполлосе (1837–1851).

Инструкции подобного рода имели отношение к процедуре вступления в должность. По обычаю, существовавшему в Новоспасском монастыре, при назначении нового лица на руководящий пост, об этом оповещалась братия и штатные служители. В трапезе, при общем собрании монастырских насельников, назначаемому вручалась соответствующая должностная инструкция, которая «для ведома» зачитывалась вслух. (РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 190. Л. 5).

Обе рассматриваемые инструкции, будучи регламентирующими документами, содержат перечень обязанностей, которые возлагались на монастырского казначея.

Пост казначея относился к высшим ступеням служебной монастырской иерархии, обеспечивал принадлежность к числу управителей монастыря – «соборных старцев». Казначейская должность была и сложной, и ответственной, от ее исполнителя требовались определенные личностные качества, которые четко выражены в инструкции 1836 г.: «казначей должен быть иеромонах, поведением благонадежный, испытанный в верности и безкорыстии, и способный к разчетливости». Основным долгом казначея являлось исполнение финансовой функции – получение и выдача монастырских денег, а также хранение денежных средств, как наличных, так и обращенных в процентные бумаги. Казначей имел дело с полным объемом денег, поступаемых в монастырь: штатного государственного содержания, вкладов и пожертвований, церковных и неокладных доходов, платежей за аренду земли и других источников.

При непосредственном участии казначея осуществлялось расходование монастырских денег. По распоряжению настоятеля или наместника, он сам производил необходимые монастырю закупки и платежи, а также выдавал деньги ответственным лицам, получая от них отчеты. Ему предписывалось «знать, сколько чего в год потребно для монастыря купить, и о том заблаговременно представлять собору или настоятелю, и с их дозволения покупать с разсмотрением». Казначей выдавал жалованье и рассчитывался с работниками. Движение монастырских денег в обязательном порядке фиксировалось в письменных документах, что также поручалось казначею. Он был ответственен за текущую внутримонастырскую финансовую отчетность. В ведении казначея находились приходо-расходные книги.

Наряду с решением финансовых вопросов, к числу казначейских обязанностей, судя по должностным инструкциям, относились следующие виды хозяйственной и административной деятельности: хранение ценных финансовых документов монастыря (процентные билеты на банковские вклады, контракты и договоры, планы на земли и угодья и т.п.); хранение и проверка описей монастырского имущества; ответственность за состояние монастырской недвижимости хозяйственного назначения; наблюдение за состоянием монастырских зданий, контролирование ведения ремонтных работ; контроль за деятельностью штатных служителей: «за оными смотреть, пресекая всякое между ними безчиние, ослушание и леность»; участие в заключении контрактов и арендных договоров; приобретение необходимых или недостающих предметов бытового обихода; заготовка расходных хозяйственных припасов (дрова, сено, овес, уголь); наблюдение за состоянием конюшни и богадельни; ответственность за соблюдением порядка на монастырском кладбище; ответственность за целостность и сохранность колоколов.

Важно подчеркнуть, что казначей, наряду с другими членами старшей братии, имел право подписи делопроизводственных монастырских документов. Инструкции подтверждают, что монастырские управители находились в зависимом, подотчетном положении друг у друга, а сферы их влияния пересекались. Так, казначей состоял в подчинении наместника, а ряд функций – осуществлял совместно с экономом. В свою очередь, во взаимоотношениях с трапезным монахом и другими членами братии казначей исполнял руководящую роль. В подчинении у него находились штатные служители и наемные работники.

Итак, главная ценность казначейских инструкций Новоспасского монастыря заключается в их исключительной информативности. В этих документах четко, ясно и определенно зафиксированы круг обязанностей и сфера полномочий казначея, в том виде, как они понимались и оценивались современниками. Судя по данным свидетельствам, должностные обязанности казначея Новоспасского монастыря в середине XIX в. включали в себя преимущественно финансовые, в значительной мере – хозяйственные и отчасти – административные функции. По долгу своей службы он касался многих важных областей монастырской жизни, к которым относились: производство денежных сборов и расходование денежных средств; хранение денег и ценных бумаг; оформление документов финансовой отчетности; наблюдение за состоянием хозяйственных зданий и служб; контролирование штатных служителей; покупка бытовых предметов, продуктов и хозяйственных припасов; заключение арендных договоров и многое другое. В целом, для должности казначея были свойственны большая ответственность, широкие полномочия и строгая подотчетность.

И.А. Вознесенская (Санкт-Петербург)

К истории бытования рукописных сборников о Петре I

Широкое распространение «петровской» темы в рукописной традиции XVIII в. связано с тем огромным значением, которое в общественном сознании занимала личность императора Петра I. Исторические песни, сказки, лубочные картинки XVIII в. создали образ Петра как часть народной культуры, оказав влияние на историческую литературу о петровском времени (См.: Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. I. XVIII век. Спб., 1912).

Самыми распространенными сочинениями о Петре в XVIII в. стали «История о зачатии и рождении Петра Великого» П.Н. Крекшина, «Записки о стрелецком бунте» А.А. Матвеева, «Житие Петра Великого» А. Катифора, Дневник Великого посольства, слова Феофана Прокоповича. Следует отметить, что ни Крекшин, ни Катифор, ни Матвеев до последней четверти XVIII в. не издавались, а Дневник Великого посольства был издан только в XIX в. Таким образом, эти сочинения были напечатаны, уже став известными и популярными, получив широкое распространение в списках.

Круг владельцев рукописей, содержащих сочинения о Петре I, который может быть определен по владельческим пометам, представлен практически всеми слоями российского общества XVIII в. Однако до сих пор мы с трудом представляем себе, какое место подобные сочинения занимали в библиотеках и круге чтения, как и кем подобные тексты переписывались, кем заказывались. М.Н. Сперанский определил в качестве среды бытования таких сборников средний служилый класс (Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 39), что может быть подтверждено на следующем примере.

В собрании Археографической комиссии БАН (№ 180) хранится рукописная книга, представляющая собой сборник, который содержит сведения не только о писце и заказчике, но и о протографе списка. Сборник состоит из двух сочинений: «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Перваго самодержца всероссийскаго и о протчем» П.Н. Крекшина и «Жития Петра Великого» Антонио Катифоро. На л. 1 находится следующая

запись писца рукописи: «Сия книга Житие Петра Великаго списана в Лученском Воскресенском погосте в усадище Майкове в доме господину отставному секунд майору князь Михайле Афанасьевичу Мышецкому с книги взятой из Сеницкого погоста из дому титулярного советника Дмитрея Васильевича Мячкова. А списована сего 1771 года в разных месяцах и числех и окончана июля «26» дня трудами отставнаго сержанта Ивана Иванова сына Лисятникова». Настоящий текст вписан в сложную орнаментальную рисованную пером рамку, которую выполнил, скорее всего, сам писец.

В конце рукописи другим почерком в таблице написаны сведения о рождении детей у Степана Васильевича Шамшева, князя Петра Михайловича Мышецкого и князя Михаила Афанасьевича Мышецкого. Мы можем предположить, что записи принадлежат руке Михаила Афанасьевича. В первой графе таблицы отмечены дата и место рождения и имена восприемников при крещении, во второй графе — сведения о смерти. У М.А. Мышецкого с 1763 по 1790 г. родилось 17 детей, из которых на момент последней записи в живых осталось 5, среди которых сын Петр, у которого в 1798 г. родился сын Василий. Дочь М.А. Мышецкого Марфа в 1785 г. вышла замуж за поручика С.В. Шамшева, и с 1787 по 1799 г. у них родилось 6 детей, двое из которых умерли в младенчестве. Последний лист рукописи поврежден, поэтому чтение затрудняется из-за отсутствия значительного фрагмента текста. Здесь речь идет о детях отставного секунд-майора Афанасия Савича Мышецкого, сведения взяты из записки его собственной руки, сделанной в «следованной псалтири».

Таким образом, в течение первой половины 1771 г. (до 26 июля) отставной сержант Иван Лисятников в доме секунд-майора князя Михаила Афанасьевича Мышецкого переписал сборник, в состав которого входят 2 сочинения о Петре I («О зачатии и рождении Петра» П.Н. Крекшина и «Житие Петра Великого» А. Катифоро). Протографом послужила рукописная книга, которая принадлежала титулярному советнику Дмитрию Васильевичу Мячкову. Тогда же книга была переплетена и хранилась в доме Михаила Афанасьевича, он использовал эту рукописную книгу не только для чтения, но и для записей о рождении детей и смерти родственников в своей семье. Его отец Афанасий Савич также делал подобные записи на Псалтири. Анализ записей показывает жизнь семьи Мышецких на протяжении многих лет, самая ранняя указанная дата 1732 г. − год рождения брата Михаила Афанасьевича Дмитрия, последняя 1799 г. − год рождения его внучки Евдокии.

Усадище Майково Лученского погоста Обонежской пятины (сегодня в черте г. Пикалево Ленинградской области) стало местом рождения почти всех детей Михаила Афанасьевича, только двое первых родились в Олонце. Почти все умершие дети похоронены в Лученском погосте при Воскресенской церкви. Михаил Афанасьевич тщательно высчитывал срок их жизни с точностью до часа. Старший «Александа» прожил 10 лет 5 месяцев 3 дня и 22 часа, Василий, «едучи из Кронштадта в Питер на шлюбке для спуску корабля он мой милой сын потонул, жития ево 18 лет 7 месяцов и 15 дней», восемь детей умерли в младенчестве, последняя дочь родилась мертвой.

Записи о рождении детей также фиксируют связи семьи. Восприемниками при крещении двух первых детей, родившихся в Олонце, были П.А. Жеребцов, Ф.М. Ходченкова, Д.М. Вындомский и А.П. Корсакова, всех следующих детей крестили родственники, дедушки и бабушки, дяди и тети,

братья и сестры, довольно часто совсем маленькие. Алексаша в первый раз стал крестным своей сестре Марфе, когда ему было всего три года.

Заметим, что Афанасий Савич для семейной хроники использовал Псалтирь, а его сын, родившийся в 1735 г., сделал своей настольной книгой «Житие Петра Великого». С 1771 г. по 1799 г. он фиксировал все семейные события, связанные с рождением, браком и смертью родных. Можно предположить, что именно эта книга предназначалась для чтения в домашнем кругу, в том числе и детям. Таким образом, мы видим, что дворянские библиотеки могли пополняться книгами, взятыми у соседей, благодаря переписыванию.

Л.В. Войтович (Львов, Украина)

«Двойная» коронация Даниила Романовича: истоки легенды

Противники признания факта коронации Даниила Романовича, пытаясь оправдать свои утверждения, часто ссылаются на давнюю легенду о «двойной» коронации, заставившую сомневатся в факте коронации ещё Александро Гваньини (1534/1538 – 1614). Итальянский офицер на польской службе, с критическим ренессансным мишлением, в своей хронике «Описание Сарматии Европейской» (1578), говоря о коварных намерениях Даниила Романовича стать королем, а также о собственной инициативе легата Опизо в этом направлении, по поводу самого акта коронации написал: «чего едва и не осуществил». Необходимо разобраться, откуда взялись эти сомннения относительно коронации вообще и сам рассказ о «двойной» коронации.

Наиболее полную информацию об обстоятельствах и переговорах, предшествующих коронации Даниила Романовича, сообщает Ипатьевская летопись. Там же представлено и описание самой коронации, которая состоялась в Дорогичине поздней осенью 1253 г., зимою 1253/1254 г. или в начале 1254 г. (хронология Галицко-Волынской летописи, являющейся частью Ипатьевской летописи, вызывает определенные сложности), где князь принял корону, привезенную легатом Опизо, в присутствии сына Льва Даниловича и мазовецкого князя Земовита.

Информацию о коронации Даниила Романовича оставил также хорошо информированный современник, которого сложно заподозрить в фальсификации – Николо де Курбио (Николо де Кальви) (+ 1273) – францисканец, личный исповедник римского папы Иннокентия IV, автор «Жития папы Иннокентия IV». Но у Николо де Кальви известие о коронационной миссии легата Опизо не датировано. Редакторы первого издания *Vita Innocentii Papae IV* считали, что коронация состоялась в 1246 г., следуя за не всегда точными в хронологическом плане известиями итальянского историка Одорика Рейнальди (1595–1671), который так датировал это событие в своей работе.

Еще один польский источник подтверждает эту информацию – «Анналы Красинских» (компилятивная хроника, доведённая до 1341 г., опирающаяся на информацию источников XIII в. – «Анналы краковского капи тула» и «Каталог краковских епископов»). Согласно этому источнику, коронация состоялась в 1253 г. Любые сомнения устраняют признание королевского титула после 1253 г. венгерским королем Белой IV, титулатура Даниила Романовича в договоре с Тевтонским Орденом и мазовецким князем, заключенном в Рачонже в 1254 г., а также в более поздних латиноязычных документах.

Поздняя Густынская летопись подала информацию о коронации под 1247 г., однако папскую инициативу объяснила реакцией на «славные победы» Даниила Романовича в Чехии, имевшие место в 1253 г.

Воинскими подвигами Даниила Романовича объяснил папскую инициативу и киево-печерский архимандрит Захария Копистенский (+ 1627), подчеркнув при этом, что, принимая корону, князь не отступил от православия.

Киевский книжник Феодосий Софонович (+ 1672), излагая события коронации вслед за Ипатьевской летописью, добавил о присутствии на коронации православных енисков, запрете папы гонений на православных под угрозой отлучения и его намерении собрать собор для соединения церквей.

Первым представил коронацию Даниила Романовича под 1246 г. (эта дата позже через передачу другими хронистами дошла до О. Рейнальди) польский хронист Ян Длугош (1415–1480). Хотя он и пользовался различными летописями, хронологические неточности в его работе встречаются довольно часто. Но рассказ о коронации у Длугоша имеет совершенно другой смысл: Даниил, князь Руси, Киева и Дорогичина, желая королевского титула и обещая перейти в католичество, был коронован легатом Опизо, вопреки протестам польских епископов во главе с краковским прелатом Прандотой, коротые зная коварство князя, просили этого не делать. Даниил не сдержал своих обещаний. Под 1249 г. хронист поместил известие о том, что папа прислал к Даниилу епископа армаганского Альберта, именованного архиепископом руским, для принятия присяги Риму, но Даниил отослал его без надлежащего почтения.

Исследователь текста хроники Длугоша В. Семкович не смог установить, откуда взял Длугош эту информацию. Продолжая исследования отца, его дочь В. Семкович-Зарембина установила, что в первичном тексте пассаж 1246 г. был вписан автором на полях в процессе редактирования текста, тогда как первичный текст под 1253 г. (после рассказа о передаче краковским епископом Прандотой чешскому королю Пшемыслу II Оттокару реликвии св. Станислава) был зачеркнут Длугошем. Этот текст сообщал о коронации и коронационных торжествах, на которых присутствовал и епископ Прандота. Странно также, что только в одном (1975 г.) из нескольких изданий текста Длугоша имеется маленькое примечание о существовании зачеркнутого фрагмента. Никто из исследователей, за исключением Д. Домбровского, не обратил внимания и на работу В. Семкович-Зарембины.

Можно согласиться с предположением Д. Домбровского, что кроме летописи Длугош использовал потерянную позже грамоту круга краковского епископа Прандоты либо утраченные польские анналы, в которых имелось сообщение об отбытии в Дорогичин после краковских торжеств, посвящённых беатификации св. Станислава, в составе делегации, возглавляемой легатом Опизо, и краковского епископа, присутствовавшего на коронации.

Ян Прандота (1200–1266) был верным соратником краковского князя Болеслава Стыдливого, союзника Даниила Романовича и его сына Льва. По свидетельству грамоты от 19 июля 1255 г., именно он выступал посредником при восстановлении отношений между чешским королем и Даниилом Романовичем. Конечно, его присутствие на коронации Даниила, поддержанной Болеславом, более вероятно, чем попытка сорвать саму коронацию.

Легат Опизо происходил из семьи тосканских аристократов Маласпина из Пьяченцы графов ди Луна. Папа Иннокентий IV (Синибальдо де Фиески), тоже происходящий из лигурийских графов Лаваньи, полностью доверял

ему сложные дипломатические миссии. Поэтому в 1245–1246 гг. он исполнял миссии легата в Польше и Пруссии, а в 1253–1254 гг. – в Польше, Пруссии и на Руси. Длугош мог не знать, что в 1246 г. Опизо не имел полномочий для земель Руси, но он не мог не знать, что ни один легат не мог бы пойти на самовольную коронацию без полномочий от папы, а также без присланных папой регалий. Следовательно, помещая известие о коронации под 1246 г., он сознатально фальсифицировал факты.

3 мая 1246 г. легатом для Руси был назначен примас Ирландии Альберт, о котором Длугош упомянул под 1249 г. Уже после коронации, будучи рижским архиепископом (1253–1272), Альберт был повторно назначен буллой Иннокентия IV легатом на Русь с поручением принять унийную присягу от короля и епископов. Церковная уния, вероятно, была аналогична римско-болгарским условиям 1204 г. с сохранением восточного обряда, и переговоры о ней велись параллельно с переговорами с никейским патриархом и с его согласия. О сохранении восточного обряда свидетельствуют и соответствующие буллы Иннокентия IV. Присяга эта, видимо, была принята, ибо князь Василько Романович обращался к папе для решения своих матримониальных проблем, а следующий папа Александр IV в бреве от 3 февраля 1257 г. пенял королю Даниилу за разрыв связей с Римом и нарушение клятвы. Видимо, на базе этого бреве и скомбинировал Длугош свою информацию о коварстве Даниила.

Отказ Длугоша от первичного текста и вставка на полях, безусловно, несут следы межконфессионального противостояния, неудачных попыток заменить православную иерархию католической в аннексованной части королевства Руси, в которых автор принимал непосредственное участие, а также его нежелание в связи с этим поддерживать престиж и славу короля Даниила.

Мацей Меховский (Меховита) (1457–1523), имея в своём распоряжении оба текста Длугоша, включил их в свою «Хронику Польши». Так получилось две коронации: под 1246 г. по инициативе легата Опизо и в 1253 г. «по поручению папы Иннокентия IV», на которой присутствовали епископ краковский Прандота и другие епископы.

Последующие хронисты продолжили эти комбинации. Мартин Кромер (1512–1589) повторил обвинения Длугоша, упомянул о предупреждениях Прандоты и даже обвинил Даниила в разорении вместе с татарами и литвинами польских земель, которые он обязывался защищать. Саму коронацию он отнес к началу 1260-х гг. Йоахим Бельский (ок. 1540–1599), перерабатывая отцовскую хронику, датировал коронацию 1260 г., повторил за Кромером, что уния была принята с целью совместной с поляками обороны от татар, но князь сам напал на польские земли.

Мацей Стрыйковский (ок. 1547 – 1582), используя различные источники, уверенно развернул повествование о двух коронациях: в 1246 г. в Киеве и в 1253 г. в Дорогичине в присутствии Прандоты и других польских епископов.

Станислав Сарницкий (1532–1597) написал о двух коронациях под 1246 и 1260 г. Бартош Папроцкий (1543–1614) ограничился информацией о помазании Даниила на королевство и коронации в Дорогичине папским легатом аббатом Опизо, не указывая даты этого события. А иезуит Ян Алоиз Кулеша писал в 1704 г., что до смерти короля Даниила (которую он вслід за Длугошем относил к 1266 г.) вся Русь оставалась католической.

Таким образом, можно утверждать, что никаких оснований для сомнений в факте коронации источники не дают. Ян Длугош первым, имея полную и правдивую информацию об этих событиях, отказался от неё в пользу

сознательно сфальсифицированной реляции, унижающей короля Даниила. Эта реляция возникла под влиянием современного хронисту межконфессионального противостояния, вызванного попытками заменить православную иерархию католической на аннексированных Польшей землях королевства Руси. Последующие авторы модернизировали эту версию, порождая новые хронологические ошибки. А многие современные историки, не зная о существовании первичного текста Длугоша, продолжают искать причины различных версий либо сомневаться в самом факте коронации.

В.В. Волков (Ржев)

Старопечатные книги из «Нового Рогожского собрания», напечатанные кирилловским шрифтом в XVIII – XIX вв. в типографиях греко-российской церкви*

Статья представляет собой обзор части фонда Библиотеки редких книг и рукописей Русской Православной Старообрядческой Церкви, в который входят старопечатные книги, напечатанные кирилловским шрифтом в XVIII–XIX вв. в типографиях Греко-Российской Церкви. Собрание находится в Рогожском старообрядческом культурном центре в Москве, началось формироваться в 1940-е гг. взамен утраченного в процессе национализации в 1920-х гг., и в последнее десятилетие получило название «Новое Рогожское собрание».

Раздел собрания содержит 185 изданий в 402 экземплярах XVIII–XIX вв.: соответственно XVIII в. представлен 81 изданием в 158 экземплярах; XIX в. – 104 изданиями в 244 экземплярах. Несмотря на свою немногочисленность, собрание представляет интерес по ряду причин. Во-первых, слабая изученность книги кирилловского шрифта этого периода. Во-вторых, интерес представляют место и роль, которое занимали книги, изданные в не старообрядческих типографиях, и попавшие в собрания и библиотеки старообрядцев.

Старообрядцы активно интересовались и собирали эти издания. Эти книги им были необходимы для полемики с представителями господствующей церкви и представителями других старообрядческих направлений. Например, Арсений (Швецов, 1840–1908), еп. Уральский и Оренбургский, выдающийся старообрядческий апологет, публицист, историк в своих работах неоднократно ссылается на издания, находящиеся в нашем собрании. Подтверждая мысль блаженного Августина Аврелия о неповторении таинств, он ссылается на книгу «Поучительные слова блаженного Петра Хрисолога, сиречь Златослова, [архиеп. града Равенны]», (М., 1794) (см.: Арсений, еп. Уральский и Оренбургский. Апология о старообрядствующей иерархии…: Речь, произнесенная в Санкт-Петербургской духовной академии // Арсений, еп. Уральский и Оренбургский. Сочинения. Ржев; М., 2008. Т. 1. С. 133). В своих исторических работах еп. Арсений опирается на «Феатрон, или Позор исторический, изъявляющий повсюдную историю Священного писания и гражданскую чрез десять исходов…» (СПб., 1720). См., например: его «Ответ старообрядцев, приемлющих священство, на вопрос сормовских беспоповцев о восточном падении» // Арсений, еп. Уральский и Оренбургский. Т. 2. С. 149). В данном случае эта книга была необходима, чтобы прояснить некоторые особенности во взаимоотношениях Восточной и Западной Церквей.

По содержанию издания можно разделить условно на несколько групп.

Первая группа – книги Св. Писания. В собрании представлены экземпляры «Елизаветинской Библии» : 4-го СПб. издания (1751) и Московских 3-го (1757), 4-го (1762), 5-го (1766), 8-го (1784) изданий; Новый Завет (М., 1783); ряд синодальных изданий Библии XIX в. К этой группе примыкают толкования на книги Св. Писания. Среди них «Евангелие с толкованием (Благовестное)» Феофилакта Болгарского (М.: 1748; 1803); «Симфония или Согласие на Четвероевангелие и Деяния апостолов» Иоанна Ильинского (М., 1761); «Симфония на Послания и Апокалипсис» А.И. Богданова (М., 1737); «Толкование на Псалтирь. Ч. 1–3» кардинала Беллярмина (М, 1791) и др.

Значительная по объему группа – творения св. отцев и учителей Церкви. Это творения Иоанна Златоуста: «Беседы на Книгу Бытия» (СПб., 1766); «Беседы на 14 посланий апостола Павла» (М., 1767); «Толкования на деяния святых апостолов» (М., 1768); «Беседы на евангелиста Матфея» (М., 1781); «Книга разных поучительных слов и бесед» (М., 1787). Василий Великий представлен СПб. (1787) и Московским (1790) изданиями «Богоугодных трудов». Среди творений других восточных учителей – издания Иоанна Дамаскина «Изложение православныя веры» (М.,1774); «Поучения» Амвросия Медиоланского (СПб., 1778); «Поучительные слова» Петра Хрисолога (М., 1794); «Толкование на Песнь песней» Феодорита Кирского (М., 1808); 6-е издание «Собрания разных поучительных слов» Илии Минятия, еп. Кефалонитянина (М., 1842). Представлены и сборники, среди которых: «Добротолюбие» (М., 1793), Киевское издание «Алфавита духовного» (1851).

Среди сочинений российских иерархов Греко-Российской церкви представлены экземпляры следующих изданий: «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни» в 2х частях / Собиратели и редакторы Гавриил (Петров) и Платон (Левшин) (М., 1779); Димитрия Ростовского (Туптало) «Собрание разных поучительных слов и других сочинений» (М., 1786), «Сочинения» (М., 1842); Парфеня (Сопковского) и Георгия (Конисского) «О должностях пресвитеров приходских». (М. 1796).

Большую группу составляют книги богослужебные. Это Московские издания «Устава церковного (Типикона)» (1814), «Служебника» (1705); «Ирмология» (М., 1716); «Триоди цветной (Пентикостариона) (1742), «Минеи служебные»: на февраль (1724), январь (1750), апрель (1768), другие месяцы. Отдельные чино-последования представлены экземплярами изданий «Службы явлению иконы Богородицы Тихвинской (СПб., 1811), «Службы свв. Захарии и Елизавете» (СПб., 1719», «Служба с акафистом святителю Христову Николаю и житие со чудесы его» (Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1757). Особый церковно-археографический интерес представляют «Служба благодарственная о победе под Полтавою» Феофилакта (Лопатинского) (М., после 27.06.1709); «Последование молебнаго пения… о помощи православно-российскому войску на разорвавших неправедно мир нечестивых махометан и того единомысленников» (М., [1711]); «О возношении имени патриаршаго в церковных молитвах» Феофана (Прокоповича) (СПб., 1721); «Служба св. Герману, архиепископу Казанскому и Свияжскому» (М., 1861).

Книжные памятники агиографического характера представлены многочисленными комплектами экземпляров «Книги житий святых» Дмитрий Ростовского (Туптало) как тремя издания типографии Киево-Печерской лавры (1705; 1764; 1827), так и Московсковской Синодальной типографии изданиями: 1-м (1759), 3-м (1764), 4-м (1782), 6-м (1789), 8-м (М., 1805), 9-м (1815), 11-м (1835), 12-м (1840), 14-м (1859). Присутствуют отдельные ком-

плекты экземпляров изданий «Пролога» (М., 1755; 1765). Отдельные жития представлены «Службой и житием преподобного и благоверного великого князя Даниила Московского» (М., 1828); «Житием великого князя Киевского Владимира» (Киев, 1865). Здесь же ряд Киевских изданий «Киево-Печерского патерика» (напр., 16-е изд., 1837).

Каноническое право представлено 5 экземплярами «Кормчей» (М., 1787). Раздел историко-церковный представлен экземплярами изданий: Вильгельма Стратемана «Феатрон или Позор исторический» (СПб., 1724), Георгия Кедрина [и др.] «Деяния церковныя и гражданския» (М., 1794), Иосифа Волоцкого «Просветитель ...» (Казань: Тип. Имп. ун-та, 1882); книгой «Ифика иерополитика или Философия нравоучительная» (СПб., 1764).

Особый раздел представляют книги, освещающие православное вероучение с позиций Греко-Российской церкви и «классические» антистарообрядческие труды. Среди них занимают значительное место многочисленные экземпляры «Камня веры» Стефана (Яворского) (М., 1729); «Обличение неправды раскольническия» Феофилакта (Лопатинского) (М., 1745); «Пращица» Питирима, еп. Нижегородского (М., 1752); два издания «Розыска о брынской вере» Дмитрия Ростовского (М., 1745; 7263); «Ответы на вопросы старообрядцев» архиеп. Никифора (Феотоки) (М., 1854); «Увет духовный» (3-е изд. М., 1791); «Беседа о Стоглавном соборе и о истинном согласии с православною церковию» (СПб., 1836)», «Вертоград духовный» И.Ф. Пешехонова (М., 1867).

Ряд изданий в собрании относится к довольно редким. Например, известно всего два экземпляра «Объявления об отречении Калины Михайлова от раскола (20 декабря 1719 г.)» (СПб., 15.01.1720) (Гусева. А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. № 938а). Выявленный нами экземпляр – третий из вводимых в научный оборот. Три издания из выявленных нами в собрании не включены в известные систематические каталоги. Это – «Требник» (М.: Синодальная тип., 07.1765. Инв. № 3057», а также два однолистных издания: «Форма в первых великих ектениях, на вечерни, утрени и литургии ...» (СПб.: Синодальная тип. 02.1798) и одноименная «Форма» (СПб.: Синодальная тип. 02.10.1827).

Судя по владельческим записям и знакам, значительная часть книг поступила из собраний известных старообрядческих деятелей, священников, архиереев: Александра (Богатенкова) еп. Рязанского и Егорьевского (штамп-экслибрис «Се мое»); Мелетия (Картушина, 1859−1934), архиепископа Московского; Флавиана (Слесарева, 1879−1960), архиепископа Московского; Геронтия (Лакомкина, 1872−1951), епископа Ярославского и Костромского; священника Петра Даниловича Залетова, протоиерея Василия Королева (1982−1962). На большинстве же книг экслибрис Библиотеки Рогожского Покровского старообрядческого собора, появившийся примерно в начале 1980-х гг.

Некоторые записи удостоверяют владение книгами монастырями и храмами. Среди них: «Изъ библіотеки Московскаго Страстнаго Монастыря»; «Библіотека Московскаго Покровскаго Миссіонерскаго монастыря», «Церкви Святыя Великомученицы Параскевы, что на Пятницкой»; «Церкви Святыя Живоначальныя Троицы Гренадерскаго Его Королевскаго Высочества Принца Евгенія Вюртембергскаго полка. 1834го года марта ...».

Записи на некоторых книгах представляют собой автографы известных исторических деятелей прошлого. Например, «Сии книги далъ вкладомъ въ Страстной м(о)н(ас)т(ы)рь Платон Архіепископъ Московскій. 1779. августа.

12. дня.» на кн. «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни / Собиратели и редакторы Гавриил (Петров) и Платон (Левшин). Ч. 1. (М., 1779. Инв. 3556). Или запись «Подарена Графу Аракчееву 1815 год 24 августа во время его посещения Монастыря Тихвинска (далее неразб.)»; «Сію книгу «Служба явленію Иконы пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Тихвинскія» поднесенную Тихвинскимъ монастыремъ Графу Аракчееву, и потомъ мною пріобрѣтенную изъ его библіотеки покупкою, приношу въ даръ Церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, что въ Тюремномъ Острогѣ, съ тѣмъ, если кто пожелаетъ оную себе имѣть для рѣдкости строкъ собственной руки графа Аракчеева, то долженъ внести въ оную церковь замѣну дватцать пять рублей. Іюля 31го дня 1837го года. Рабъ Божій Георгій Р….въ» на книге «Служба явлению иконы Богородицы Тихвинской» (СПб., 1811. Инв. 685).

На основе представленного обзора следует сделать выводы о том, что книги кирилловского шрифта XVIII–XX вв., напечатанные типографиями Греко-Российской Церкви, являлись неотъемлемой частью старообрядческих собраний и библиотек, что уточняет и расширяет границы бытования этих книг.

*** Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00208а «Научное описание старопечатных книг кирилловского шрифта XVI – 1-й четв. XIX в. из собрания Библиотеки редких книг и рукописей Русской Православной Старообрядческой Церкви».**

А.Ю. Володин (Москва)

Компьютерное источниковедение: пути развития в эпоху тотальной оцифровки

Понятие «компьютерное источниковедение» появилось в 1993 г., но споры о его сути, применимости, полноте и точности не утихают вот уже 20 лет, а сам термин всё ещё часто используется в кавычках (Тяжельникова В.С. Компьютерное источниковедение: к постановке проблемы // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995. С. 272). В российской историографии идея компьютерного источниковедения тесно связана с развитием исторической информатики (Гарскова И.М. Источниковедческие проблемы исторической информатики // Российская история. 2010. № 3. С. 155–156).

Сегодня можно сформулировать три основных пути развития компьютерного источниковедения, которые можно назвать и тремя разными определениями предметной области. Во-первых, под компьютерным источниковедением понимают источниковедение при помощи компьютера (классический пример данного подхода – компьютерное решение задач атрибуции, например: От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / Отв ред Л.В. Милов. М., 1994). Во-вторых, речь идет об источниковедении электронных документов (т.н. born-digital, то есть появившихся на свет уже в электронном виде; см. например: Kirschenbaum M. The .txtual Condition: Digital Humanities, Born-Digital Archives, and the Future Literary // DHQ. 2013 7.1). И в-третьих, можно говорить об источниковедении документов, существующих в электронной форме, то есть включающих и оцифрованные документы, и электронные копии документов (полно эта точка зрения изложена в исследовании: Варфоломеев А.Г., Иванов А.С. Компьютерное источниковедение. Семантическое связывание информации в репрезентации и критике исторических источников. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013).

Сегодня оцифровка стала обыденной практикой историков-исследователей (Володин А.Ю. Цифровая история: ремесло историка в цифровую эпоху // ЭНОЖ «История». 2015. № 08. DOI: 10.18254/S0001228-9-1). По этой причине

работа с цифровыми источниками (причем с практической точки зрения, уже не так важно, идет речь о цифровом оригинале или цифровой копии) становится важным и актуальным вопросом источниковедения. Если сформулировать эту задачу в традициях школы И.Д. Ковальченко: «Главная из прикладных задач источниковедения состоит во все более явственно обнаруживающейся потребности повышения информативной отдачи источников» (Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М., 2003. С. 120).

Три главных исследовательских задачи источниковеда: эвристика, критика и интерпретация, в свете компьютерного источниковедения приобретают новые аспекты. Эвристика приобретает черты не только поиска источников в местах хранения (архивах, библиотеках, музеях), но и поиска в сетях общего доступа, причем найденная информация требует достаточно сложной организации. Критика источника требует формулировки принципов аутентичности (свойство электронного документа, гарантирующее его идентичность заявленному), мультимедийности (сплетение воедино текста, изображений, звука и видео) и интероперабельности (способность взаимодействовать и функционировать с разными программными продуктами). Интерпретация источников ставит новые задачи к «связности» знания, главной технической составляющей которой становится смысловая разметка электронных документов, позволяющая их соединять в том числе и на основе многомерной скрытой информации (McGann J. Marking Texts of Many Dimensions // A New Companion to Digital Humanities. Wiley-Blackwell, 2016. P. 358–376).

Условно можно выделить три типа цифрового представления исторической информации: текст, таблица и изображение. Особенность цифрового перехода состоит, в том числе, и в том, что эти типы на практике чаще всего создают неожиданные гибриды. Простой пример: оцифрованная средневековая рукопись – первоначально становится изображением, а процедура установления текста, даже если в ней и принимают участие компьютерные технологии, в основном согласуется с классическим текстологическим подходом. Таблица придает структуру информации самого разного характера, а связанные таблицы уже превращаются в базу данных. И тут мы подходим к важному свойству, которое позволяет увидеть перспективы цифрового подхода, – это многослойность цифровых форматов. Необходимость сочетать неструктурированную, структурированную и графическую информацию создает основу для мультимедийного понимания современных электронных ресурсов. Многообразие форматов современной передачи информации во многом скрывает от взгляда существенные различия, необходимые для актуального осмысления. Например, что один и тот же файл может сообщить разное количество информации в разных программах. Получается, что исследователь оказывается в зависимости от функционала программного обеспечения.

Такая определенная зависимость современного исследователя от формата хранения исторических источников открывает широкие перспективы перед компьютерным источниковедением. Сегодняшние «цифровые вызовы» исторической профессии требуют системного ответа. В условиях формирования, пусть и аморфного, представления о «цифровых гуманитарных науках» всё больший спрос у ученых возникает на программные инструменты и реально применимые прототипы для источниковедческих, археографических, дипломатических, палеографических исследований. Россыпь технологий и подходов, уже апробированных на конкретно-историческом материале, может быть воспринята и применена в источниковедческой практике. Компьютерное ис-

точниковедение (уже без кавычек) ждёт новых исследователей, которые вновь и вновь будут ставить вопрос о том, что же такое компьютерное источниковедение. И есть надежда, что ответы на этот ключевой вопрос исторической профессии в наш цифровой век будут инновационными и творческими.

И.М. Гарскова (Москва)

О новой роли баз данных в исторических исследованиях

Во второй половине 1980-х гг. обращение историков к технологии баз данных ознаменовало появление исторической информатики как нового междисциплинарного направления. История его не свободна от противоречий и даже конфликтов, отраженных в ряде международных дискуссий: в 1994 г. П. Доорн сравнил увлечение многих исследователей созданием баз данных с движением «к концу направления History and Computing» (Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», 1995. № 13). Опасения П. Доорна были связаны с тем, что во множестве работ этого периода исследование ограничивалось созданием базы данных и не включало этапа ее анализа. Будучи, по существу, "болезнью роста" нового направления, эта проблема отражала процесс количественного роста источников нового вида. Со временем ее удалось благополучно разрешить, и проблематика создания и анализа баз данных стабильно имеет высокий приоритет в исторической информатике.

В последнее десятилетие в использовании технологий баз данных, как одного из основных разделов исторической информатики, наметились тенденции, которые позволяют констатировать повышение интереса исследователей к этой технологии и расширение сферы ее применения, «точки роста», где возникают новые перспективы применения баз данных в исторических исследованиях. Это заметно и в тематическом сборнике серии «Круг идей» (Круг идей: базы данных в исторических исследованиях / Под ред. В.Н. Владимирова, И.М. Гарсковой. Барнаул, 2013), и в материалах конференций и семинаров АИК последних лет.

В первую очередь здесь следует назвать тенденцию комбинирования технологии баз данных с технологиями пространственного анализа на основе географических информационных систем (ГИС). Исторические ГИС, невозможные без создания баз данных, – перспективное направление, которое наиболее ярко представлено в историко-демографических и социально-экономических исследованиях. Связывая исторические базы данных, созданные как для синхронных, так и для диахронных исследований, с географической основой, исследователи получают возможность пространственно-временного анализа данных (Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика. Барнаул, 2005). Одним из примеров такого исследования может служить проект «Типология занятости населения регионов Российской империи конца XIX – начала XX вв. на основе многомерного анализа статистических данных первой всеобщей переписи населения 1897 г.» (Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И. Пространственный анализ социально-экономических данных переписи 1897 г.: статистический и картографический методы (на примере уездов Сибири) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», 2015. № 43). Статистическую основу проекта составляет база социально-экономических данных переписи 1897 г. Функция геокодирования позволяет

«привязывать» сведения базы данных, сгруппированные по уездам, губерниям и областям Российской империи, к картографической основе.

Еще одной тенденцией последних лет стало применение баз данных в контент-аналитических исследованиях источников, содержащих как текстовые, так и графические данные (иллюстрированные журналы, плакаты и т.п.). Особенностью изучения таких источников является то, что классический контент-анализ не может быть применен к визуальной информации. Поэтому разрабатывается методика, базирующаяся на метаданных, описывающих содержание изображений «на языке» предварительно разработанной системы категорий, преобразованной, с одной стороны, в поля реляционной базы данных для частотного анализа, а с другой стороны – в синтезированный текст, состоящий из ключевых слов, для последующего контент-анализа (Гарскова И.М. Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Вып. 8 (41) – [Электронный ресурс]. – URL: http://history.jes.su/s207987840001255-9-1 DOI: 10.18254/S0001255-9-1).

Формализованный текст, базирующийся на предварительной содержательной обработке материала с выявлением индикаторов и категорий анализа, является адекватным и перспективным подходом к изучению текстов с большим количеством графических иллюстраций (Еремеева Е.А. Гендерные представления в советском обществе сквозь призму официального юмористического дискурса: опыт контент-анализа текстов журнала «Перец» // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2013. № 40; Попова Ж.Г. Журнал «Крокодил» 1920–1930-х гг.: информационный потенциал и методы количественной обработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36; Мигей Е.В. Применение компьютерных методов исследования при анализе плакатной пропаганды Народного фронта в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. // XIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2012» – [Электронный ресурс] – URL: http://timacad.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1784/47318_e652.pdf).

Помимо двух названных исследовательских областей, где включаются новые возможности работы с базами данных, возрождается интерес исторической информатики и к проблемам создания и анализа баз данных изображений, поставленным впервые в 1990-х гг. (Image Processing in History. Towards Open Systems / Jaritz G, Fikfak J, eds. Halbgraue Reihe zur historischen Fachinformatik. Serie A. Vol. 16. St. Katharinen: Max-Planck Institut für Geschichte in Kommission bei Scripta Mercaturae, 1993). Например, в Петрозаводском университете на основе новых методических и программных разработок создана информационно-поисковая система для работы с петроглифами, которая дает возможности классификации и поиска в графической коллекции на основе базы данных признаков, извлеченных из изображений (Кириков П.В. и др. Об опыте создания системы управления коллекциями графических документов // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях).

Этот ряд можно продолжить другими примерами новой роли баз данных в исторических исследованиях.

В.Н. Глазьев (Воронеж)

Соколовские атаманы 1613 года: проблема локализации

В июне 1613 г. И. М. Заруцкий со своим войском и Мариной Мнишек занял Лебедянь. Против него была направлена правительственная армия под командованием И. Н. Одоевского. Перед лицом превосходящих сил Заруцкий, не принимая боя, оставил Лебедянь и направился к Воронежу (Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 72).

Среди воевод армии И. Н. Одоевского находился молодой полководец Мирон Андреевич Вельяминов. О его службе свидетельствует челобитная сыновей 1647 г., в основу которой положен послужной список воеводы. В документе сообщается, что в ходе продвижения Заруцкого к Воронежу «воронежские атаманы, усманские и соколовские, все своровали, Маринке крест целовали и пошли с ними под Воронеж» (Челобитная шацких дворян М.М. и А.М. Вельяминовых о поместье с описанием службы их отца окольничего М.А. Вельяминова // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. М., 2003. С. 342).

По Дозорной книге Воронежского уезда 1615 г. известны размещенные на берегах реки Усмани атаманы сел Собакино и Бобяково, а также живущие на берегах реки Воронеж ступинские и излегощинские атаманы (Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Т. 2. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891). О соколовских атаманах ни Дозорная книга Воронежского уезда 1615 г., ни Воронежская десятня 1621/1622 г. ничего не сообщают. А.Л. Станиславский предположил, что текст челобитной Вельяминовых испорчен и следует читать: «ступинские».

Однако судя по публикации, источник находился в хорошей сохранности. Данные челобитной Вельяминовых в основном подтверждаются другими документами, что свидетельствует о том, что источник в целом достоверен.

Казаки, поселившиеся в селах в окрестностях Воронежа, назывались «слободскими». Как считал В.П. Загоровский, при поступлении на службу все казаки отдельных групп называли себя иногда атаманами, так, видимо, возникли села, где жили одни «атаманы» (Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 30).

Возможно, атаманы были поселены под Воронежем в конце 1612–начале 1613 г. Небольшая часть казаков, участников Первого ополчения, как показал А.Л. Станиславский, получили земли сразу после освобождения Москвы. Поместьями наделялись видные представители казачества, отмечено и групповое испомещение неверстаных казаков в Оскольском уезде. По их челобитной отделялась земля в Голубиной поляне (Станиславский А.Л. Указ соч. С. 97; Оскольские древности. Оскольская дозорная книга 1615 г. Старый Оскол, 2004. С.13, 89).

В описи архива Разрядного приказа отмечен «отпуск по челобитью усманских казаков о воронежских землях 121 году» (Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 65). Не исключено, что в данной челобитной казаков речь шла о наделении землями в Воронежском уезде на реке Усмани в 1612/1613 г.

О каких воронежских соколовских атаманах упоминалось в челобитной Вельяминовых? Как отмечал В. П. Загоровский, на рубеже XVI–XVII вв. в

среднем течении реки Воронеж на землях бояр Романовых возникли первые постоянные селения; крестьяне Романовых стали распахивать здесь целину. Позже, в 20-х гг. XVII в., владельцем вотчины был Иван Никитович Романов, дядя царя Михаила Федоровича, центром вотчины являлось село Романово городище (Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 234).

Севернее Романова городища, на берегу реки Воронеж, располагалось с. Соколье, принадлежавшее князю А.Н. Трубецкому, до этого Сокольем владел князь Д.Т. Трубецкой. В 1647 г. здесь возникла крепость Белгородской черты Сокольск (ныне городская черта Липецка). Упомянутые в послужном списке М.А. Вельяминова соколовские атаманы связаны с этим местом. Известно, что И.М. Заруцкий со своими сторонниками шел к городу Воронежу по правому берегу одноименной реки. Не исключено, что из Лебедяни, расположенной на Дону, он вышел к реке Воронеж в районе Соколья.

В документах, опубликованных А. И. Гамаюновым, починок Соколий упоминался с 1612/1613 г. В сельце Кузьминках и починке Сокольем поселились казаки Ф. Вялой, Г. Шайдур, Т. Березкин и другие. В 1614/1615 – 1615/1616 гг. князь Д.Т. Трубецкой подал иск к названным казакам. Эти земли он называл «старинной вотчиной» отца – князя Тимофея Романовича Трубецкого. Сыск о Кузьминках и Сокольем производил воронежский воевода князь Н. Борятинский. Сельцо и починок были признаны владением князя Д.Т. Трубецкого, впоследствии они перешли к его двоюродному брату. В Лебедянской писцовой книге 1627/1628 г. село Соколье названо вотчиной князя А.Н. Трубецкого. Названные в иске Д.Т. Трубецкого казаки отмечены в лебедянской десятне 1614/1615 г. как поместные атаманы, разделенные на две статьи. К первой статье с окладом 50 четвертей, денежным 3 руб., относились, наряду с другими, Федор Иванов сын Вялова, Григорей Понкратов сын Шайдур. Во вторую статью были включены лица с окладом 30 четвертей, денежным 2 руб. 50 коп. (Гамаюнов А.И. Лебедянь в начале XVII в. (Исторический квартал. Вып. 3) Липецк, 2013. С. 106–107,139,193).

Если жившие на реках Воронеж и Усмань слободские атаманы поддержали И.М. Заруцкого, то остальные воронежские служилые люди сохраняли верность царю Михаилу Романову. В июне 1613 г. И.М. Заруцкий разорил воронежские деревни: Синдякину, Остапову, Сушиловку. Очевидно, испомещенные в названных селах дети боярские, сохраняли верность царю Михаилу Романову. Примечательно, что сражение войска И. М. Заруцкого с правительственной армией произошло у Русского рога, за четыре версты от воронежской крепости. Воронежские атаманы находились в лагере Заруцкого, воронежские служилые люди (дети боярские, городовые казаки и стрельцы) воевали на стороне правительства. Казачий предводитель потерпел поражение в ожесточенном сражении.

Д.Е. Гневашев (Москва)

Земельные пожалования в Вологодском уезде при царе Владиславе*

Земельная политика была действенным инструментом, применявшимся верховной властью для упрочения своей социальной базы. Земля являлась основным объектом интереса служилого человека, и от того, какие шаги предпринимала власть в отношении перераспределения земли в среде служилого сословия, во многом зависело настоящее и будущее этой власти.

Особая степень взвешенности и ответственности предпринимаемых шагов в данной сфере требовалась от власти в переломные моменты истории России. Во времена российской Смуты начала XVII в. разными центрами власти были апробированы различные сценарии земельной политики. Эта политика и ответная реакция сословий на нее давно и плодотворно изучается в науке. На одном из этапов Смуты активным участником политического процесса выступила Речь Посполитая в лице короля Сигизмунда III и его сына, невенчанного русского царя Владислава. От их имени в течение 1610–11 гг. производились пожалования служилых людей землями, чинами и должностями. Опубликованные документы позволяют анализировать земельную политику Владислава (а в виду его малолетства фактически Сигизмунда III) с разных точек зрения.

В центре внимания данного сообщения стоит практика пожалований служилых землей в Вологодском у. от имени Сигизмунда и Владислава. Рассмотрение земельной политики в региональном аспекте (даже на примере одного уезда), безусловно, позволяет более отчетливо представить её характер, направленность и цели лиц, её проводивших. С другой стороны, такой подход помогает уяснить роль конкретной территории в политических планах власти.

Факты пожалований землей в Вологодском уезде, извлеченные из Литовской метрики и материалов Поместного приказа, немногочисленны, но и на их основе можно сделать ряд предварительных наблюдений.

Первое пожалование землей в Вологодском у. фиксируется Литовской метрикой 30 марта 1610 г., когда известный деятель Смуты князь В.М. Рубец Мосальский получил королевский лист «на отчизны и поместья» в Козельском и Мещовском уездах, а также «в уезде Вологоцком волость, а в ней селцо Новое, селцо Старое Никольское с деревнями». 7 ноября 1610 г. король указал боярам разобраться с челобитьем И.Т. Грамотина, просившего пожаловать его «в отчизну» Пуркаловской третью Тошенской волости Вологодского уезда, а также с. Девичьим Рукавом и доходами с кабака и таможни в Темниковском уезде. По выражению Л.М. Сухотина, эти требования «повергли в недоумение» канцлера Л. Сапегу. Канцелярия Сигизмунда, «сведомы не будучи обычаю московского, и што бы то было, о чом он (Грамотин – *Д.Г.*) нам бил чолом», просила Думу оценить целесообразность пожалования и соответствие выдвинутой просьбы статусу челобитчика. В ноябре 1610 г. Н.С. Суколенов получил от короля назначение на вологодское воеводство. Кроме того, ему было пожаловано в поместье вологодское дворцовое село Фрязиново (380 чети).

В стан короля под Смоленском тянулись и менее заметные челобитчики, просившие пожаловать новыми землями или подтвердить права на уже бывшие за ними земли. Так, в июне 1610 г. И. Благой получил выморочное вологодское поместье Б. Брянчанинова (150 чети). Т. Шаров укрепил за собой королевским листом владения на Угличе и в Новгороде Северском, а также вологодское поместное сельцо Брыково. Братья Елизаровы в ноябре 1610 г. выхлопотали у короля грамоту на крупное (300 чети) вологодское поместье в Обнорской волости. В декабре 1610 г. дьяка С. Васильева пожаловали вологодским дворцовым селом Говоровым (190 чети).

Ни Владислав, ни тем более Сигизмунд не были уполномочены раздавать земли и чины. Однако пожалования русских сторонников короля проводились с осени 1610 г., и, как отмечает Б.Н. Флоря, не соответствовали условиям августовского договора о признании царем Владислава, демон-

стрировали неспособность Думы отстаивать коренные национальные интересы (Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 280). Между тем в конце 1610–1611 гг. королевские пожалования приобрели еще больший размах. Динамику земельной политики Сигизмунда можно оценить на примерах распоряжения королем вологодскими землями. Так, известный капитан Ж. Маржерет 15 мая 1611 г. был пожалован в вотчину двумя погостами на Двине «вместо той вотчины, што ему преж дано было… наше дворцовое село Кубенское с деревнями и с кобаком, а потом от него отошло и отдано кому иному». Ему же в оклад 1000 четей была придана дворцовая Сямженская волость. «Французской земли поручника Ожелемпера» король пожаловал в поместье «дворцовым селом Пельшмою». Большое поместье князя А.В. Голицына король пожаловал А.Р. Безобразову, а затем князю Б.М. Лыкову.

На вопрос – осуществлялись ли в реальности права на поместья и вотчины пожалованных Сигизмундом лиц – Л.М. Сухотин дал неопределенный ответ. По его мнению, вопрос пожалований решался ситуативно, в зависимости от разных условий, но пожалования носили преимущественно декларативный характер. Впрочем, новооткрытые А.В. Антоновым акты говорят о том, что королевские земельные пожалования в отдельных случаях все же проводились в жизнь. Учитывая, что Вологда присягнула новому царю осенью 1610 г., можно полагать, что какая-то часть дворян, исхлопотавших под Смоленском и Вильно королевские листы на вологодские земли, смогла конвертировать их в реальные земельные дачи. Однако следов этих пожалований писцовые материалы 1610-х – 1620-х гг. не фиксируют. Этот факт подтверждает наблюдение Л.М. Сухотина о том, что пожалования короля и Тушинского вора не были признаны правительством Михаила Романова, а розданные земли были отписаны от новых владельцев ещё властями I ополчения и Земского правительства. Впрочем, те дворяне, которые были утверждены королём в правах владения землями, полученными от прежних государей, при Михаиле Федоровиче сохранили их. К примеру, поместье Т. Шарова в июле 1613 г. было отделено его вдове и сыну.

Отмеченные факты наглядно показывают популистский характер земельной политики Сигизмунда, стремившегося необоснованно щедрыми земельными пожалованиями, не соотносимыми ни с чинами, ни с окладами, ни с предыдущей службой жалуемых лиц, расширить круг своих сторонников из числа знати и провинциальной служилости.

Фондом королевских пожалований практически всегда становились дворцовые земли. Вероятно, уже при Владиславе власть вплотную столкнулась с нехваткой земли в центральных уездах для пожалования служилых и обратила взор на обширные северные черные волости и дворцовые села. Большая часть пожалований Сигизмунда III осталась на бумаге, однако правительство Михаила Романова в течение 1613 г. щедрой рукой пустило в поместную раздачу все те же вологодские дворцовые села и ряд черных волостей.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00393.

Е.И. Гололобов (Сургут)

Географические карты 1920–1930-х гг. как источник по истории природопользования на севере Западной Сибири

Интересным, но малоизученным источником по истории природопользования на Севере Западной Сибири в 1920–1930-е гг. являются старые географические карты. В специфической географической форме они информируют об особенностях пространственного размещения, состоянии и взаимосвязях различных природных и общественных явлений и их изменении во времени. Пространственно-временная сущность картографической информации определяет самостоятельное и долговременное практическое значение этих источников.

Давая пространственный образ местности в прошлом, они могут использоваться в качестве своеобразных «точек отсчета» по ряду показателей при определении скорости и направленности изучаемого специалистами явления, исследования его динамики (например, уменьшение лесистости, возрастание эрозированности почв, развитие заболачивания территории при сведении лесов и т. д.). Для прогноза развития ландшафтов во времени требуется сравнить между собой состояние природы в определенные временные интервалы (десятилетия, столетия), что позволяет проследить динамику явления, выяснить тенденции его развития.

В качестве примера можно привести следующие, выявленные в архивах, карты и картографические материалы. Схематический чертеж Самаровского, Кондинского, Уватского, Тобольского ЛПХ с нанесением площадей, подлежащих лесоавиационным работам. Масштаб 1: 16,8 км. 1934 (ГАОО. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 14. Л. 9). Копия карты Самаровского района, составленной в 1930–1931 гг. в отделе землеустройства Тобокрзу по данным экспедиции по организации территории Самаровского района полученным в 1929–1930 гг. (ГАОО. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 14. Л. 73–74). Карта лесов местного значения по Омской обл. 1937. Масштаб 1: 500000 м^2. На карте представлены все лесхозы Остяко-Вогульского округа (ГАОО. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 72).

Более подробно остановимся на выявленной в фондах ГАСО Карте естественно-исторических районов Уральской области (Составитель Б.Н. Городков. 1924 г. Масштаб 1:5290000. Издание Уральского областного статистического бюро. Научно-технический отдел ВСНХ, государственная картография, Ленинград). В специализированных библиографических справочниках 1920-х гг. она отсутствует (Коногоров П.Ф. Картография Северной Азии (1917–1927 гг.). М., 1928. С. 14–17), современные же разработки подобного рода охватывают более ранние периоды (История научно-картографического изучения Сибири и Дальнего Востока XVII – начало XX вв.: Библиогр. указ. лит. (вторая половина XVII в. – 1995 г.) / Авт.-сост. О.Н. Катионов. Новосибирск, 1998).

Карта Б.Н. Городкова содержит интересную информацию о природе региона в контексте ее использования человеком, то есть в контексте природопользования. На ней указаны ландшафтные зоны, северные и южные границы распространения лиственницы, сосны, ели, кедра, северная граница выращивания хлеба, отмечены удачные попытки развития земледелия севернее границы выращивания хлеба.

В 1920-е гг. в состав Уральской области входил север Западной Сибири (современная территория ХМАО-Югры и ЯНАО). Он был очень слабо изу-

чен в картографическом отношении. В указанный период картографированием сибирских территорий занимались: Академия наук СССР, Военно-топографическое управление, Переселенческое управление, Геодезический комитет ВСНХ, Гидрографическое управление, Геологический комитет, Народный комиссариат земледелия (Наркомзем), Народный комиссариат путей сообщения (Наркомпуть).

По мнению специалистов, внимания заслуживали карты военного ведомства и Геодезического комитета ВСНХ, съемки остальных учреждений в картографическом отношении были неудовлетворительными (Картография и карты / Сибирская советская энциклопедия. 1931. Т. II. С. 560.).

Карт удовлетворительного качества по северу Западной Сибири, изданных до второй половины XX в. крайне мало, что делает обнаружение работы Б.Н. Городкова еще более ценным. Несомненно, возвращение Карты естественно-исторических районов Уральской области 1924 года, составленной Б.Н. Городковым, в научный оборот позволит расширить информационную базу для изучения природы региона и ее использования человеком в XX в. Возможно, она послужит отправной точкой для осуществления междисциплинарных исследований историко-экологического характера.

Старые карты, сопутствующая историко-географическая информация (статистико-экономические, географические описания, сведения путешественников, архивные документы научных экспедиций и т.д.) выступают полноценным источником по истории природопользования, взаимодействия человека и природы на Севере Западной Сибири в целом. Текстовые и изобразительные географические материалы дают возможность сравнительно-исторического анализа, который необходим для полноценного освещения вышеуказанных проблем.

А.И. Гончаров (Москва)

Жалованные наградные портреты как особый вид наград Российской империи

На рубеже XVII – XVIII в. наряду с учреждением первых орденов в России появляется особая награда – жалованный миниатюрный портрет царствующей особы. Первые награды с изображением царя Петра Алексеевича предназначались для пожалования за особые военные или гражданские заслуги перед государем и Отечеством.

Жалованные портреты, как и первый отечественный орден, были заимствованы Петром I из западноевропейской наградной традиции. Во время Великого посольства 1697 – 1698 гг., в котором принимал участие и сам царь, несколько его приближённых получили от европейских монархов наградные портреты в драгоценных оправах. В период пребывания русского посольства в Бранденбурге сподвижнику русского государя Францу Лефорту от имени курфюрста Фридриха III была вручена «в маленьком ковчежце курфюрстова персона, писана на золоте, кругом осажена каменьями…». Ещё один соратник Петра I – генерал Фёдор Алексеевич Головин, получил наравне с другими подарками «персону курфюрстову с алмазами». Третьим членом русского посольства, награждённым портретом курфюрста Фридриха III с алмазами, стал думный дьяк Прокофий Богданович Возницын.

Сам Пётр I, путешествовавший инкогнито под именем Петра Михайлова, 18 июня 1797 г. получил от курфюрста бранденбургского знаки ордена Великодушия с алмазами.

Первые «алмазные персоны» царя Петра I были изготовлены в 1698 г. придворным эмальером английского короля Вильгельма III Оранского миниатюристом Шарлем Буатом. В качестве образца для них послужил большой парадный портрет царя работы немецкого художника Готфрида Кнеллера. За выполнение наградных портретов Петра I было уплачено 360 гиней, сумма включала в себя не только оплату работы мастера, но и стоимость материалов – золота и алмазов. К настоящему времени сохранились миниатюрные наградные портреты Петра I без короны и алмазных украшений работы Ш. Буата.

Первым российским подданным, пожалованным миниатюрным портретом царя Петра Алексеевича, стал третий полномочный посол Великого посольства П.Б. Возницын, который принимал участие в Карловицком конгрессе 1698 года, а также подписывал 16 января 1699 г. мирный договор с Турцией. Современники отмечали, что во время подписания договора на его груди красовалась «персона Великого Государя, Его Царского Величества, оправленная в золото и алмазами украшенная».

Наградные портреты российских самодержцев, исполненные в технике финифти (или станковой портретной миниатюры), как правило, имели овальную или круглую форму. В верхней части знака было помещено изображение императорской короны. Знаки изготавливались из золота, а рамка портрета и корона украшались драгоценными камнями. Обычно жалованные портреты носились на груди, приколотые к голубого цвета банту – цвета ленты ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Миниатюрными портретами российских императоров жаловались также члены семей влиятельных европейских домов, иностранные высокопоставленные чиновники и дипломаты. Данные награждения имели свои внешнеполитические причины. Часто важнейшие международные события, такие, как заключение договоров о сотрудничестве, создание межгосударственных союзов, сопровождались взаимным пожалованием их участников высшими государственными наградами. Подобные награждения являлись одним из общепринятых элементов межгосударственного этикета.

Начиная с императрицы Екатерины I «персоны» стали раздаваться более щедро. Награды жаловались не столько за заслуги в государственной деятельности, но, прежде всего, как знак, свидетельствующий об особой государевой милости.

Следует отметить, что миниатюрные наградные портреты не входили в состав наградной системы Российской империи и не имели каких-либо законодательно оформленных правил их функционирования. Награждение ими производилось исключительно по личному усмотрению императорской особы. Традиция вручения подобных знаков, обычно называвшихся «персоной», просуществовала в отечественной наградной практике вплоть до начала XX в.

М.В. Горбаневский (Москва)

О культовой модели в городской топонимии России XX – XXI веков

1. Историко-культурные традиции любого народа и его памятники (к ним, несомненно, относится и сложившаяся за века система географических названий, топонимов) имеют чёткую тенденцию к передаче от поколения к поколе-

нию. События октября 1917 года и воцарившийся затем в нашем Отечестве политический строй эту тенденцию нарушили, во многом – очень серьёзно.

Одним из основных и характерных топонимических изменений советской эпохи стало возникновение десятков тысяч мемориальных топонимов и названий-посвящений, названий-символов. Возьмём для примера наименования населённых пунктов в Европейской части России: *Вождь Пролетариата, Воровский, Володарск, Гагарин, Дзержинский, Калининград, Киров, Красный Путь, Ленино, Ленинец, Ногинск, Пролетарий, Свердловский, Советск, Тутаев, Ульяновск* и т.д.

2. С развитием режима культа личности Сталина такая топонимическая модель образования новых наименований достигает пика продуктивности, доходя до полной абсурдности, образно нарисованной А.И. Солженицыным: «Имя этого человека склоняли газеты земного шара, бормотали тысячи дикторов на сотнях языков, выкрикивали докладчики в началах и окончаниях речей, выпевали тонкие пионерские голоса, провозглашали во здравие архиереи. Имя этого человека запекалось на обмирающих устах военнопленных, на опухших деснах арестантов. По имени этому во множестве были переназваны города и площади, улицы и проспекты, школы, санатории, горные хребты, морские каналы, заводы, шахты, совхозы, колхозы, линкоры, ледоколы, рыболовные баркасы, сапожные артели, детские ясли – и группа московских журналистов предлагала также переименовать Волгу и Луну» (Солженицын А.И. В круге первом: Роман. Париж: YMCA-PRESS, 1969. С. 106).

3. Появившиеся на карте нашей страны и её городов десятки тысяч мемориальных топонимов составили обширнейшее виртуальное коммунистическое кладбище – от улиц *Карла Либкнехта* и *Клары Цеткин* до переулков *Павлика Морозова* и террориста *Степана Халтурина*, который в феврале 1880 г. с целью покушения на императора Александра II произвёл взрыв в Зимнем дворце, повлёкший за собой гибель десятков безвинных жертв – от горничных и официантов до простых солдат. Однако важно понимать, что это – культовая модель, характерная именно для советского периода истории нашей страны и доведённая до полного абсурда (например, одних только населённых пунктов, названных в честь С.М. Кирова, в СССР имелось более 150, а улицы Вальтера Ульбрихта не было даже в ГДР, но на карте Москвы она существовала!).

4. Следует подчеркнуть, что мемориальные названия, то есть такие топонимы, которые официально утверждаются специальным указом для увековечивания и прославления ушедшего из жизни человека (и тем более – здравствующего), вовсе не являются частью традиционной русской топонимии. Наоборот, для нашей культуры они чужды или, если использовать научный термин, экстрасистемны: до событий 1917 г. «мемориальные» названия населённых пунктов, улиц, площадей были единичными (среди городов – *Екатеринбург, Екатеринодар, Павловск, Николаевск, Александрополь* и некоторые другие, в основном связанные с правившей царской династией Романовых, среди внутригородских названий – единичные метафорические топообразования типа *Екатерининская ул., Николаевская ул., Скобелевская пл.* и др.).

В советской топонимии мемориальная трансонимизация (перевод антропонима в разряд культовых топонимов) стала одним из атрибутов сакрализации идеологии строя, его представителей и выполняла псевдорелигиозную функцию, что отмечено точной и ёмкой формулой философа Н.А. Бердяева:

«Тоталитаризм отвечает религиозной потребности и есть эрзац-религия». Данный топонимический феномен подробно рассмотрен в специальной работе (Нерознак В.П., Горбаневский М.В. Советский «новояз» на географической карте: О штампах и стереотипах речевого мышления. М., 1991).

5. В годы перестройки и особенно после поражения путча 1991 г. российские учёные и деятели культуры во главе с академиком Д.С. Лихачёвым смогли впервые открыто выступить против культовой модели в топонимии, добиться вместе с общественностью возрождения многих исторических названий улиц и городов (ср: *Санкт-Петербург, Владикавказ, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Сергиев Посад, Тверь* и др.), а также настоять на учёте основных историко-культурных топонимических традиций в законодательстве обновлявшейся России. Этому во многом способствовал успех важнейшего научного форума, Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия − памятники культуры» (17−20 апреля 1989 г.), проведённой Советским фондом культуры и Академией наук СССР.

Вот что, в частности, подчеркнул академик Д.С. Лихачёв в приветствии участникам конференции «Исторические названия – памятники культуры» 1989 г., опубликованном перед её началом в сборнике тезисов: «Понятие наследие духовной культуры народа вбирает в себя все многообразие созданных на протяжении веков памятников, от произведений великих мастеров до безымянных образцов народного творчества. Исторические названия, создаваемые в разные эпохи, как культурно-исторические свидетельства своего времени, также должны быть отнесены к памятникам. И как таковые они нуждаются в собирании, каталогизации и изучении […] Репертуар современных названий, сформировавшихся в период с 20-х по 80-е гг. нашего столетия, вступает в противоречие с новым мышлением… Он перенасыщен именами-анахронизмами, отражающими атрибутику времен культа и застоя. Ситуация в этой сфере представляет собой безрадостно однообразную картину. Значительный культурный слой названий, входящих в культурно-историческую среду, был разрушен. Замена исторических географических названий «именами-новоделами» привела к изъятию из обращения и той комплексной культурно-исторической информации, которую несёт в себе имя» (Лихачёв Д.С. Исторические названия − наследие духовной культуры народа // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия − памятники культуры». 17–20 апреля 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 1989. С. 3).

В 1997 г. группой московских учёных (в которую входил автор) был разработан текст Закона № 40-70 г. Москвы «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы», единогласно принятого Московской городской Думой 08.10.1997 г. Статья 10 закона предельно чётко оговаривает необходимые условия присвоения улицам мемориальных названий: «Присвоение улицам имён, фамилий известных жителей города Москвы, граждан и зарубежных стран может производиться только новым улицам <u>и по истечении не менее десяти лет со дня смерти указанных лиц</u>» (*выделено мной – МГ*).

6. К сожалению, присвоение в 2004 г. одной из улиц Москвы в Южном Бутове имени президента Чеченской Республики *А. Кадырова*, погибшего в результате террористического акта, явилось грубым нарушением статьи 10 упомянутого Закона г. Москвы. Я неоднократно бывал в Чечне, во многих её

уголках, уважаю этот самобытный народ Северного Кавказа и до сих пор дружу с семьей чеченцев, покойный глава которой был весьма уважаемым человеком в Чечено-Ингушской АССР. Так что обвинить меня в предвзятости к чеченцам просто невозможно. Но меня как учёного, долгие десятилетия занимавшегося и изучением топонимии Москвы, и спасением исторической системы названий улиц столицы России от большевистского историко-культурного нигилизма, и как одного из авторов Закона «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» 1997 г., не могло не возмутить такое решение – о создании *ул. Кадырова* в Южном Бутове. Данная норма закона действовала и тогда, в 2004 г. Её никто не отменял. Никаких оговорок в законе об исключениях из этой нормы не было. Напомню и то, что статья 7 «Устава Москвы», т.е. нашей городской конституции, принятого в июне 1995 года, называется «Основные принципы организации и осуществления власти в Москве». И первая её фраза гласит: ВЛАСТЬ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА ОСНОВЕ ЗАКОНА. Повторю: присвоение в тот период названия московской улице в честь А. Кадырова в обход Закона (даже в самых благих интересах) было абсолютно противозаконно. Внимательно перечитаем указ президента № 608 от 10 мая 2004 г. «Об увековечивании памяти А. Кадырова», на этот указ ссылаются некоторые московские чиновники. В указе ничего об улице не говорится, там сказано так: «П. 2. Рекомендовать Правительству Москвы решить вопрос об увековечении памяти А. Кадырова в Москве». Как это можно было достойно решить? Например, учредить десять-двадцать именных стипендий на деньги правительства Москвы − стипендий имени Ахмата Кадырова для обучения одарённых представителей чеченской молодёжи в Российском университете дружбы народов. Или присвоить имя Кадырова национально-культурному чеченскому центру в Москве.

7. Именно для создания необходимых для власти исключений норму закона, касающуюся мемориальных названий, Московская городская Дума в 2008 г. частично пересмотрела в ходе принятия его новой редакции, что нам представляется ошибочной и опасной тенденцией. В связи с тем, что у меня и ряда коллег-топонимистов возникли вполне конкретные опасения, касающиеся судьбы данного раздела статьи 9 Закона, по моей просьбе радиостанция «Эхо Москвы» 13.04.08 (в воскресном прямом эфире популярной программы «Говорим по-русски») провела опрос: «Считаете ли вы правильным, чтобы мемориальные названия присваивались улицам только спустя 10 и более лет со дня смерти человека, чью память власти намерены увековечить?» Результаты голосования были весьма показательны: 97,3% участников голосования дали на этот вопрос ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ответ, и только 2,7 % были против. Таков выбор социально активных москвичей: они открыто высказались против возможного пересмотра данной нормы закона. Однако действующая редакция этой статьи «Закона» г. Москвы (от 24.12.2008 № 69) ныне такова: «…Присвоение имен, фамилий известных жителей города Москвы, граждан Российской Федерации и иностранных граждан может производиться только новым улицам и по истечении 10 лет со дня смерти указанных лиц, за исключением случаев, когда такое присвоение рекомендовано Президентом Российской Федерации и Мэром Москвы» (*выделено мной – МГ*)». Кстати, именно это изменение позволило московским властям провести весьма спорное переименование *Большой Коммунистической ул.* (б. Большой Алексеевской) в *ул. Александра Солженицына*.

8. Подвергая объективной критике традицию советских и постсоветских мемориальных названий, следует напомнить ещё один важнейший и непреложный факт: городской топоним выполняет прежде всего функцию ориентира, т.е. адресную функцию, а не просто историко-культурную (кумулятивную, накопительную функцию). Поэтому любое мемориальное название улицы в устной речи быстро «стирается», видовой термин, обозначающий объект, как правило, подвергается естественному изъятию и ставит имя даже уважаемого человека, в честь которого улица названа, в неудобное, а порой просто глупое положение: «Вы на Крупской выходите? <улице>», «Как до Чкалова доехать? <улицы>», «Вы на Солженицыне <улице> работаете?», и т.п.

9. Тема мемориальной культовой топонимии имеет прямое отношение к теме восстановления неоправданно утраченных географических наименований, в том числе и названий улиц. Представители современной российской науки, культуры, общественности, институтов гражданского общества должны помнить завет академика Д.С. Лихачёва: «Возрождая историко-культурную преемственность в топонимии, мы возвращаем тем самым культурные ценности нашего народа, протягиваем связующие нити от настоящего к прошлому и от прошлого через настоящее к будущему. Возвращение и охрана исторических названий – благородная социальная и культурная задача!» (Лихачёв Д.С. Исторические названия — наследие духовной культуры народа. С. 4).

Актуализация темы мемориальных географических названий связана с обеспокоенностью значительной части представителей науки, культуры, неравнодушной и неангажированной властью общественности тем, что ныне всё чаще находит проявление социолингвистический феномен «нового новояза».

10. Из разных регионов России к нам поступала и поступает информация о создании ряда новых топонимов по аналогии с названиями коммунистического периода в истории страны, в частности, именно по «мемориально-культовой» модели, Ср. сюжет с «топонимическим подарком» действующему президенту Республики Адыгея: «12 июля 2007 года в Адыгее в честь 60-летнего юбилея президента республики Асланчерия Тхакушинова спасатели МЧС РА, сотрудники администрации Майкопского района, Кавказского государственного природного биосферного заповедника и съёмочная группа республиканского ТВ совершили восхождение на вторую по величине горную вершину республики − безымяный пик высотой 3092 метра над уровнем моря. Участники экспедиции водрузили на нём отличительный знак с надписью: «Отныне вершина носит имя Президента Адыгеи *Аслана Тхакушинова*» (Диана Дадашева, Сергей Иванов. Президент Адыгеи взял безымянную высоту // Газета «Коммерсантъ-Юг России». № 122 от 13.07.2007 http://www.kommersant.ru/region/rostov/page.htm?Id_doc=782199).

В равной мере заслуживает критики попытка московской организации партии «Яблоко» вопреки действующему закону протащить на карту столицы название улицы в честь убитой журналистки Анны Политковской − сразу после её убийства и в нарушение упомянутого выше закона г. Москвы: эта инициатива «яблочников» стала проявлением чисто советского (в худшем смысле этого слова) и необольшевистского менталитета, с наследием которого так упорно и самоотверженно боролась своим печатным словом покойная А.С. Политковская.

11. В примере, который приводится ниже, переплелись и судьбы нашей речи, которая у власти всё-таки остается ещё падчерицей, а не любимой дочерью, и некий дрейф к культовой модели.

В октябре 2008 г. в столице Чеченской республики появилось такое внутригородское название, которое даёт нам полное право говорить об опасности «нового новояза» в российской топонимии: с карты российского города Грозного президент Рамзан Кадыров, подписав соответствующий указ (и при отсутствии в Чечне топонимического законодательства), стёр память о Победе в Великой Отечественной войне: *проспект Победы*. Топоним существовал с 1955 г., когда страна отпраздновала 10-летие Великой Победы. Грозненский проспект Победы, увековечивавший в своём названии подвиг миллионов наших сограждан, был переименован в *проспект имени В.В. Путина*. Заметим, что сам В.В. Путин тогда почему-то не одёрнул президента Чечни, а ограничился, на мой взгляд, неопределёнными отговорками, которые опубликовала лишь газета «Московский Комсомолец». Не слышно было протестов со стороны ветеранских организаций. Правительство РФ не сделало никаких заявлений, хотя повод для этого более чем серьёзный.

Напомнив о беспрецедентном переименовании проспекта Победы в Грозном в проспект имени В.В. Путина (я, как и многие сограждане, считаю день 9 Мая ГЛАВНЫМ праздником страны), ещё раз хочу подчеркнуть: мемориальная топонимия эпохи коммунистического режима, эпохи тоталитаризма показала и доказала: это − культовая модель.

12. Один из новых примеров, относящийся уже к 2015–2016 гг. В Казани единственную в России *улицу Эсперанто* в июне 2015 г. власти столицы Татарстана переименовали в честь действующего президента Казахстана *Нурсултана Назарбаева* незадолго до его 75-летия. Мэрия Казани и её топонимическая комиссия нарушили действовавшие на тот период собственные официальные правила, ибо один из пунктов местного подзаконного акта — Положения о географических объектах – гласил, что «присвоение наименований в честь выдающихся личностей невозможно в отношении ныне живущих лиц». В данном случае политика снова (используя метафору одного из видных публицистов Русского Зарубежья А.Н. Артёмова, 1910−2002) оказалась опрокинутой в географию: одним из главных мотивов переименования, судя по официальным документам, явилось то, что «Нурсултан Назарбаев является личностью международного масштаба, и название его именем одной из улиц Казани послужит дальнейшему развитию связей между двумя республиками» (цит. по: http://realty.newsru.com/article/30Jun2015/nazarbaev).

Следствием такого административного произвола стали активные протестные действия части жителей Казани, флэшмобы, случаи демонтажа новых «мемориальных» табличек, задержания казанскими полицейскими граждан, которые протестовали против переименования улицы. Несколько тысяч казанцев подписали протестную петицию. Они напомнили как о мотивах возникновения топонима *улица Эксперанто*, так и о его судьбах. Улица Эсперанто была названа в 1935 г. по инициативе казанских эсперантистов − участников кружка по изучению этого языка. «В 1930-х годах язык эсперанто изучался передовыми людьми общества, объединённых гуманистической идеей сплочения всего человечества. Культура эсперанто играла большую роль среди татарских писателей в 1930-е гг. − активным эсперантистом был татарский драматург и писатель Шамиль Усманов», − отмечается в петиции. Однако, уже в конце 1930-х отношение к языку эсперанто в

стране меняется – не в последнюю очередь из-за участия в международном эсперанто-движении Усманова, который подвергся аресту и умер на допросе в НКВД в 1937 г. В 1947 г. улица была переименована в честь Жданова. В 1988 г. по инициативе казанских эсперантистов улице было возращено прежнее имя» (цит. по: http://realty.newsru.com/article/30Jun2015/nazarbaev).

Следует отдельно подчеркнуть, что казанская улица является единственной в России, названной в честь международного языка и его создателя, польского врача и лингвиста Людвига Заменгофа, получившего прозвище «доктор Эсперанто».

После скандала с переименованием *улицы Эсперанто* в честь *президента Казахстана Нурсултана Назарбаева* власти Казани уже в начале 2016 г. изменили правила присвоения имён городским территориям и реорганизовали топонимическую комиссию города: согласно новому положению, которое утвердил мэр Казани Ильсур Метшин, теперь улицы и другие объекты можно называть и в честь ныне живущих людей.

13. Проблему топонимического новояза нужно обсуждать так, как мы это делаем сейчас. Предельно откровенно, профессионально, без новой кампанейщины, ответственно, но гласно и жёстко. Ибо только профессиональные, честные и объективные исследования коллег-языковедов, историков, социологов, географов, краеведов, проводящиеся в современной России, особенно важны для тех, кто может подняться над уровнем корпоративного и бытового эгоизма.

Отношение к нашему богатейшему материальному и духовному историко-культурному наследию за последние десятилетия существенно изменилось. Исторические традиции сегодня обретают вторую жизнь, идеи национального единства и соборного согласия, спасшие Россию во время смуты XVII в., после чего наша Отчизна поднялась, окрепла и стала могучей державой, переживают второе рождение. Эти традиции и идеи становятся политической и культурной доминантой и потребностью нашего времени.

14. Россияне не утратили интереса к истории большой и малой Родины – России и своего края. Такой интерес связан со стремлением посмотреть в историческое зеркало, увидеть себя, собственные черты в своих предках и предшественниках, обнаружить сходство и понять различия.

В заключение хочу напомнить очень полезную и точную по теме цитату, она принадлежит перу прекрасного русского писателя Константина Георгиевича Паустовского: «Названия – это народное поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа, его истории, его склонностях и особенностях быта. Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует делать это прежде всего грамотно, со знанием страны и любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумывает» (Паустовский К.Г. Повесть о жизни. Книга шестая: Книга скитаний // Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1982. С. 559).

О.В. Господаренко, Е.В. Олейноченко (Николаев, Украина)

Нумизматический материал с памятника Днепровское-2 как отображение экономических связей Причерноморья в XV в.

В XV в. Северное Причерноморье стало местом столкновения политических интересов нескольких стран: Крымского ханства, Османской империи, Молдовы, Польши и Литвы. Их политические интересы были связаны с раз-

витием международной торговли и выгодами от контроля важнейших торговых путей. При реконструкции экономической жизни любого региона большое значение имеет нумизматический материал. Он дополняет картографические и письменные источники, формируя более полное представление о роли региона в международных связях. На сегодня есть достаточно оснований для локализации на месте городища Днепровское-2 (Очаковский р-н Николаевской обл.) генуэзского замка Леричe.

Осенью 2012 г. в рамках плановых разведок НДЦ «Лукоморье» был проведен осмотр памятника археологии Днепровское-2. В результате осмотра и археологических раскопок был выявлен нумизматический материал. После реставрационных работ стала возможным его определение.

Монета 1. Серебро. Диаметр монеты 0,15 мм, вес 0,64 г. Чекан не полный. Аверс. Чекан по кругу поместился не полностью. Из надписи по кругу читается только «султан», в круге имя хана не читается. Реверс. Чекан выходит за пределы монеты. Предположительно надпись «чекан Орда-Базар». От двузубой тамги видна только одна часть. Монета есть в каталоге Френа (№ 312, табл. X № CCCLIX) и принадлежит хану Кичи-Мухаммаду (Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных Мухаммеданских династий. СПб., 1832. С. 34).

Монета 2. Серебро. Диаметр монеты 0,155 мм, вес 0,69 г. На монете с двух краев заусеницы, появившиеся при чекане. Аверс. В одиночном картуше в три строки имя султана, которое не читается, поскольку права сторона надписи испорчена. Предположительно, «Мухаммед бен Тимур». Реверс. По центру двузубая тамга с двумя точками в середине, справа налево надпись, вероятнее всего «чекан Орда-Базар». Монета практически сходна с монетой 1, но лучшей сохранности. Единственное отличие это отсутствие надписей по кругу, которые, вероятно, сместились при чекане.

Монета 3. Серебро. Диаметр монеты 0,145 мм, вес 0,70 г. Обе стороны монеты чеканены не по центру. Аверс. Надпись по кругу не читается, в круге в три строки «Саид Ахмад хан». Реверс. По центру изображение тамги с точкой, слева направо «чекан Орда-Базар). В каталоге К.Хромова рис.8.3 (Хромов К.К. Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Часть I. Монеты Джучидов XIII – XV веков. Киев, 2004. С. 42).

Таким образом, из трех золотоордынских монет две, предположительно, принадлежат хану Кичи-Мухамеду (834–847 г.х./1430−1444 гг. (рис. 1.1−1.2) и одна – Саид Ахмаду (848–863 г.х./1445−1459 гг.).

Монета 4. Серебро. Диаметр монеты 0,15 мм, вес 0,55 г. Аверс. Св. Евгений верхом на коне, идущем вправо. Изображение святого не сохранилось. Год чеканки не читается. Видны буквы «U», «I», «A». Реверс. Император верхом на коне, идущем вправо. Изображения коня не сохранилось. Монограмма вокруг изображения также не читается. Предположительно монета принадлежит трапезундскому императору Иоанну IV (1429–1460) (по О. Ретовскому табл. 15) (Retowski O. Die münzen der Komnenen von Trapezunt. Mit 15 tafeln und 50 abbildungen. Moscau, 1910).

Ранее в Лабораторию археологии и этнологии ННУ имени В.А. Сухомлинского на реставрацию из частной коллекции были предоставлены две монеты. По словам владельца, монеты были найдены на территории Днепровского-2.

Монета 5. Грош. Серебро. Вес монеты 1,32 г. Имеется отверстие, вероятнее всего монета использовалась как монисто. Аверс. В центре в точечном

ободке голова тура с лировидными рогами, между которыми помещена пятилучная звезда. Справа располагается растущая луна, слева – розетка из пяти лепестков. По кругу надпись + MONET.. ∴ (предположительно) HELIE ∴ WO… Реверс. По центру в точечном круге U-образный щит, разделенный на две части. Справа расположены три балки, слева – в два вертикальных ряда шесть (возможно, семь?) лилий. Над щитом расположена корона. По кругу надпись +WDE ∴MOLDAVIEN… Предположительно, двойной грош молдавского господаря Ильяша эмиссии 1432 г. (Бырня П.П., Руссев Н.Д. Монеты средневековой Молдавии // Stratum plus. 1999. № 6. С. 189. Рис. 9).

Монета 6. Полугрош. Серебро. Вес монеты 0,39 г. Аверс. По центру голова тура с лировидными рогами, между которыми пятилучная звезда, справа – растущая луна, слева – розетка из пяти лепестков. Реверс. По центру U-образный щит из двух частей. Справа расположены три балки, слева – в два вертикальных пять лилий. Изображения над щитом сохранились плохо. Предположительно, полугрош господаря Молдавии Александра Доброго эмиссии 1415–1430 гг. Четвертый тип монет этого правителя по классификации О.Илиеску (Бырня П.П., Руссев Н.Д. Монеты средневековой Молдавии // Stratum plus. 1999. № 6. С. 188. Рис. 6).

Таким образом, представленный нумизматический материал датируется перв. пол. XV в. и дает возможность выдвигать некоторые предположения. В начале XV в. усиление Молдавского княжества в Северо-Западном Причерноморье связано с появлением Молдавского торгового пути. Этот путь шел через Сучаву на Белгород и Каффу, задействованы в нем были и устья Буга и Днепра. Именно этим обстоятельством и объясняется наличие молдавских монет на территории памятника. Находки серебряных трапезундских аспров на юге Украины встречаются не часто, особенно датируемые XV в. Учитывая фактор присутствия генуэзских купцов в Трапезунде, данная находка подтверждает наличие торговых связей Южного Причерноморья не только с Крымом (где такие находки встречаются чаще), но и нашим регионом и еще раз свидетельствует о повышении роли замка как связующего звена между Востоком и Западом.

Е.А. Грондзель (Москва)

Родерик Нэш и начало экологической истории

Объект экологической истории (Environmental History) – взаимодействие человека (общества, государства) и природы во времени. Особенность этого научного направления в границах исторической науки состоит в двойственности его эпистемологических оснований. С одной стороны, окружающая среда рассматривается в нем как играющая заметную, а то и определяющую роль в человеческой истории (что, в общем, не ново), а с другой стороны, процесс и результаты влияния человека на окружающую среду, в том числе и болезненные, а то и катастрофичные (что тоже понятно и известно). Отсюда новаторство экологической истории: экоисторики изучают процесс взаимного влияния человека и природы, шире, человеческой культуры и окружающей среды.

В любом историческом исследовании необходима терминологическая определенность, поэтому, в частности, важно понимать различия между исторической экологией, которая изучает динамику процессов в надорганизменных системах, и экологической историей, которая решает историче-

ские задачи, изучая историю взаимоотношений человека и природы (Дурновцев В.И. На путях к экологической истории России // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. М., 2011).

Экологическая история возникла в США в 60–70 гг. XX в. как ответ науки на мощное движение за охрану окружающей среды, охватившее страну. Начался поиск исторических истоков экологического кризиса. Заявив о себе как междисциплинарное поле для взаимодействия ученых с различными интересами, сохраняя и упрочивая междисциплинарные подходы, экологическая история скоро стала вполне самостоятельной областью исторических исследований. На современном этапе – это новаторское интеллектуальное предприятие, расширяющее границы представлений о месте и роли человека в жизни планеты, роли природы в развитии цивилизации (Александров Д., Брюггемайер Ф.Й., Лайус Ю. Экологическая история: введение // Человек и природа: Экологическая история. СПб., 2008).

Начало экологической истории традиционно связывают с именем Родерика Нэша, в настоящее время заслуженного профессора, доктора философии штата Висконсин. Р. Нэш, национальный лидер в направлении экологической истории, обрел известность благодаря работе «Wilderness and the American Mind» (Roderick N. Wilderness and the American Mind. New Heaven: Yale University Press, 1967), которая остается самой популярной среди других его книг и более чем 150 статей.

В 1960 г. историк начал писать диссертацию об американской идее дикой природы, а после того, как в 1964 г. Конгресс принял закон о дикой природе, защитил диссертацию и опубликовал книгу «Дикая природа и американский разум». Автор преследует цель: восприятие естественной среды в разные эпохи, ее преходящие ценности и опасности для человека. Дикая природа могла считаться хаотичной, заброшенной, мистической и дьявольской, но и священной, гармоничной и умиротворяющей. Уединение с ней могло казаться как наказанием, так и возможностью стать ближе к Богу. Серьезное внимание обращено на этимологию самого термина «wilderness». Его понимание весьма противоречиво: с одной стороны, это враждебность и угроза, с другой – красота и восхищение.

Для молодой американской нации самоценность пейзажа заключалась именно в «дикой природе», контрастировавшей с природой Европы. Образ отличительной культуры считался признаком настоящей народности. Короткая история страны, слабые традиции, незначительные литературно-художественные достижения явно проигрывали ценностям Европы, кроме одной – дикой природы. Источником гордости американцев становилось покорение диких территорий, в которых к середине XIX в. стали видеть культурный и моральный ресурс, основу национального самоуважения. Дикая природа для американцев оказалась источником энтузиазма, процветания, развития экономики.

Так тема охраны окружающей среды стала главным содержанием национальной дискуссии о дикой природе. А исследование Р. Нэша как раз и содержит анализ развития идеи охраны дикой природы в США. Восхищение природой приводит к тому, что американцы начинают задумываться не только о том, как ее сохранить и защитить, но и законодательно закрепить статус определенных территорий. В обществе зарождаются протест и беспокойство за их судьбу. И уже в 1872 г. произошло исключительно важное

событие – в целях предотвращения безудержной эксплуатации водных ресурсов открылся в Вайоминге первый в мировой истории Йеллоустоунский национальный парк.

Одна из стержневых идей «Дикой природы…»: природу нужно сохранять не ради нее самой, но во имя людей, нынешнего и будущих поколений.

В 1989 г. вышла новая книга Р. Нэша, посвященная истории развития экологической этики и движения за права природы в США (Nash R. The Rights of Nature: A History of Environmental Ethics. Madison: University of Wisconsin Press, 1989). Одну из глав автор начинает с цитаты Кристофера Д. Стоуна (юриста и экофилософа): «Я предлагаю предоставить законные права лесам, океанам, рекам и так называемым «природным объектам» в окружающей среде, по сути дела, природной среде в целом». Р. Нэша, убежден: границы экологической этики следует расширить от человека и общества до биофизической сферы. Иначе говоря, права любого человека и общества ничтожны, покуда окружающая среда, дикая природа лишены аналогичных прав.

В новейших экоисториографических исследованиях вклад Р. Нэша в развитие нового направления мировой историографии оценивается чрезвычайно высоко (Isenberg A. C. The Emergence of a new Field // The oxford handbook of environmental history. New York: Oxford university Press, 2014). При этом отмечается особая роль историка, с 1970 г. объективно интеллектуально возглавившего движение за создание парков (parksmovement) по всему миру.

В американской историографии важнейшими факторами формирования американской нации признаются природа и климат, а также дикая степь, которая ставила перед поселенцами все новые и новые задачи, заставляла продвигаться вглубь континента, постоянно перемещая подвижную границу между освоенными и неосвоенными территориями – frontier.

Но есть и другая страна, с не меньшей и даже большей площадью и с не менее необузданной природой – Россия. Ее первопроходцы по своему уникальному пути осваивали новые земли и продвигались вглубь Сибири. При изучении истории обеих стран невозможно должным образом ценить процесс взаимодействия природы и человека в историческом движении.

Современные историки отмечают: в российской историографии процесс становления экоистории, опирающийся на близкие к ней предшествующие исследовательские практики, учитывающий соответствующие опыты зарубежной историографии, приносит заметные результаты, в том числе и на научно-организационном уровнях (Калимуллин А.М., Виноградов А.В. Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований // Историко-биологические исследования (Studies in the history of biology). СПб., 2015. Т. 7. № 2). Е.И. Гололобов выделяет особенности развития экологической истории в России – обширной территорией обусловливается расширение масштаба исследований – от региональной истории к общероссийским обобщениям (Там же). По-видимому, в России экологическая история как научное направление в границах исторической науки будет соответствовать не только общемировым тенденциям, но и иметь специфические черты, определяемые особенностями взаимоотношений человека и природы в различные эпохи и меняющиеся пространственные характеристики страны.

А.И. Груша (Минск, Беларусь)

О малоизвестной внешней форме документов в Великом Княжестве Литовском в конце XIV – первой половине XVI в. (наблюдения и предварительные выводы)

Цель данного сообщения – ввести в научный оборот сведения об одной из внешних форм бытования корреспонденции и документов (далее – документов) в Великом Княжестве Литовском (далее – ВКЛ) в конце XIV – первой половине XVI в. Эта форма не являлась особенностью данных документов на протяжении всего срока их бытования, а использовалась лишь на определённом его этапе: от момента отправки до получения и ознакомления с их содержанием. Речь идёт о такой форме, когда документ передавался получателю в сложенном виде – как конверт, при этом текст документа оказывался на внутренних сторонах указанного конверта. Печать (восковая) в данном документе выполняла двойную функцию: она служила одновременно знаком удостоверения и средством скрепления конверта.

Вот перечень тех признаков, которые характеризуют документы, складывавшихся в конверты. 1) Фрагменты печати находятся на оборотной стороне документа. Подчеркнём, речь идёт именно о фрагментах печати. Впрочем, часто исследователь имеет дело даже не с этими фрагментами, а лишь со следами не сохранившихся печатей. 2) На обороте документов имеется надпись, в котором указывается, кому они адресованы. 3) Наличие на носителе текста документов тонких, преимущественно, горизонтальных прорезей, расположенных по ширине документа в два-три-четыре и более симметричных ряда. В некоторых из этих прорезей сохраняются фрагменты тонких бумажных полосок. 4) Наличие чётких следов от впитавшегося воска печати, имеющих разную площадь сравнительно с площадью, занимаемой оттиском печати. 5) Видны чёткие линии сгибов документов, образующие на носители текста рисунки четырехугольников различной формы и размеров. 6) Все документы изготовлены из бумаги.

Указанные признаки в том или ином составе были замечены и указаны А.Л. Хорошкевич в отношении большой серии полоцких посланий конца XIV–XV в. (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977. Вып. 1 (далее – ПГ. Вып. 1). №14. С. 62–63, №17. С. 65, №30. С. 87, № 43. С. 122 и др.). А.Л. Хорошкевич произвела и реконструкцию внешней формы данных документов. По её словам «текст посланий полоцких властей помещался на одной стороне листа. На другой надписывался адрес, вернее наименование адреса. Послание складывалось втрое, в соединенные концы, прорезанные очень острым орудием, вставлялась узкая до 0,5 см бумажная лента. На этой ленте укреплялся вощаной оттиск печати наместников, отдельных бояр или полоцкой городской печати» (Хорошкевич А.Л. Введение // ПГ. Вып. 1. С. 7). По виду, адресату и адресанту документов, где обнаружены данные признаки – это преимущественно переписка властей Полоцка и Риги с просьбами, требованиями, сообщениями и др.

Нами были исследованы внешние признаки около 50 полоцких посланий в Ригу и верительных грамот полочан за конец XIV – 60-е годы XV в. (написанных кириллицей) (Latvija valsts vēstures arhivs – LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 68, 66, 48, 157, 156, 155, 194, 154, 160, 165, 166, 163, 208, 177, 178, 183, 184, 175, 176, 186a, 179, 167, 168, 170, 180a, 182, 174, 180, 206, 185, 186, 181, 187,

188, 197, 202, 198, 196, 200, 199, 201 и др.). Наблюдения, подтверждённые экспериментом (каждый из исследуемых документов складывался так, как подсказывали их внешние признаки, отмеченные выше), показали следующее. Если документ был написан на узком вытянутом листе бумаги, то его боковые края просто загибались с обеих сторон по направлению друг к другу, таким образом, что текст оказывался внутри конверта, а один край покрывал другой. Если же лист бумаги был более широким, то он сначала сгибался один или два раза вдоль широких сторон, и лишь затем края, образовавшиеся относительно узкой полосы, подгибались друг к другу. Полученный конверт скреплялся полоской бумаги, продеваемой через прорези. Полоска скрепляла как внешние, так и внутренние стороны конверта. Концы полоски запечатывались восковой печатью отправителя. Причём печать нередко прикладывалась так, что её оттиск находился одновременно на двух противоположных внешних краях сложенного документа, скрепляя их. На одной из внешних сторон конверта надписывался адрес. Конверт складывался таким образом, что адресат по печати, не раскрывая конверт, мог сразу определить отправителя. Если судить по наличию следа от впитавшегося воска оттиска печати, находящегося на противоположной стороне той части конверта, на которой находился адрес, указанные части дополнительно скреплялись благодаря клейким свойствам воска. Чтобы вскрыть конверт, необходимо было разорвать полоску. Если же печать скрепляла края сложенного документа, то при вскрытии необходимо было также разрушить и печать.

Среди архивных документов, отложившихся вместе с полоцкими посланиями, оказалась и корреспонденция великого князя литовского – два документа за 1461 г. и 1463 г. Этот правитель складывал свои послания таким же образом, как это делали полочане (LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 213, 222).

Выше мы писали, что конверт скреплялся полоской бумаги, продеваемой через прорези, которая скрепляла как внешние, так и внутренние стороны конверта. Очевидно, благодаря такому способу складывания документа и такому средству скрепления конверта, эти документы и назывались согласно источникам «зашитыми» листами. И действительно, конверт фактически сшивали – только не нитками, а бумажной полоской.

Информация о документах, о которых пойдёт речь ниже, не является полной, поскольку у нас отсутствуют сведения о скреплении конверта при помощи бумажной полоски. Это – переписка великого князя литовского с должностными лицами государства, между этими лицами, содержащая распоряжения, инструкции, сообщения, донесения, извещения и т.д. Одно из посланий великого князя литовского за 1508 г. было опубликовано Б. Горчаком. Публикатор сообщил, что печать была приложена к обороту листа (Archiwum Narodowe w Krakowie. Oddz. I (далее – AN w Krakowie). ASang. Teki rzymskie II. Sygn. 14; опубл.: Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1890. T. 3: 1432–1534 (далее – AS. T. 3). № 90. S. 60–61). Исследование этого документа de visu показало, что документ имеет четыре линии сгиба, конверт, образованный посредством сгибания листа, скреплялся при помощи оттиска печати, т. е. этот оттиск ложился одновременно на разные части конверта.

Часть переписки великого князя с должностными лицами государства, между этими лицами за 30-е гг. XVI в. была опубликована М.М. Кромом. Эта переписка касалась вопросов внешней безопасности государства, личных интересов контрагентов, придворных новостей и др. Публикатор отме-

тил расположение печатей или их следов и адресов на обороте документов и реконструировал первоначальную форму этих документов. О результатах реконструкции он отметил в легенде к документам: «Лист был сложен в виде пакета (на обороте видны линии сгиба)» и др. (Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / сост. М.М. Кром. М.; Варшава, 2002. № 5. С. 35, №7. С. 57, № 20. С. 74, № 23. С. 77 и др.). Характерной особенностью корреспонденции великого князя этого времени являлось то, что на внешней стороне конверта, наряду с адресом ставилась подпись писаря, составлявшего послание.

Внешний вид конвертов на этапе от момента отправки до получения могли иметь и документы правового характера. Речь идёт о великокняжеских позовах (письменных повестках в суд), известительных листах правителя о пожаловании, листах великого князя подданным с особыми решениями, с запретами чинить противоправные действия. Известные нам документы данных разновидностей датируются 40-ми годами XV – первой третью XVI в. (AN w Krakowie. ASang. Teki rzymskie II. Sygn. 4; опубл.: Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1887. T. 1: 1366–1506 (далее – AS. T. 1). № 125. S. 126–127; AN w Krakowie. AMCh. Sygn. 907. S. 11, 12; Archiwum Glówne Akt Dawnych (далее – AGAD). Archiwum Radziwiłłów (далее – AR). Dz. XI. Sygn. 9. S. 4, 2; Dz. X. Sygn. 703. S. 6–7 и др.). Отдельные признаки, указывающие на то, что документы складывался в виде конверта, были отмечены первыми публикаторами данных документов: З. Л. Радзиминьским, П. Скобельским и Б. Горчаком (AS. T. 1. № 125. S. 127; AS. T. 3. № 90. S. 61; № 232. S. 224; № 233. S. 224 и др.). В результате непосредственного ознакомления с этими документами выяснилось, что лист бумаги сгибался два или четыре раза, конверт скреплялся печатью. Этот конверт мог иметь несколько надписей: имя адресата; о сути вопроса, изложенного в документе; имя писаря – составителя документа (разный состав надписей см.: AN w Krakowie. ASang. Teki rzymskie II. Sygn. 67; опубл.: AS. T. 3. № 296. S. 282; AN w Krakowie. ASang. Teki rzymskie II. Sygn. 69, 75 и др.).

С какой целью документы складывались в конверты? Предположим, делалось это для того, чтобы предотвратить не санкционированное ознакомление с содержанием документов, точнее, предотвратить утаивание факта этого ознакомления. Информация, содержащая переписку между великим князем и должностными лицами, между должностными лицами, действительно не предназначалась для широкой огласки. Но почему надо было скрывать содержание письменных повесток в суд, извещений о пожаловании и т.д. В сокрытии этого содержания не было необходимости. Следовательно, назначение документов правового характера, складывавшихся в конверт, заключалось в другом. Но в чём?

Обращает на себя внимание, что на конвертах правовых документов могло быть надписано два адреса: первым адресатом являлся субъект интитуляции, вторым – вторая судебная сторона или вторая сторона конфликта (AN w Krakowie. ASang. Teki rzymskie II. Sygn. 36; опубл.: AS. T. 3. №189. S. 178–179; AN w Krakowie. ASang. Teki rzymskie II. Sygn. 46; опубл.: AS. T. 3. № 233. S. 223–224; AN w Krakowie. ASang. Teki rzymskie II. Sygn. 47; опубл.: AS. T. 3. № 232. S. 224; AN w Krakowie. ASang. Teki rzymskie II. Sygn. 69; AGAD. AR. Dz. X. Sygn. 703. S. 6–7). Как можно предполагать, движение документа с двумя адресами было следующим. Он доставлялся вначале лицу, указанному во втором адресе (или самим вторым адресатом),

потом временно – для ознакомления с содержанием – передавался лицу, отмеченному в первом адресе (это делал второй адресат), затем вновь возвращался второму лицу для последующего использования и хранения. Заданность маршрута движения документа тут имела цель обеспечить правовую защиту сторон – передать документ той стороне, которая инициировала разрешение конфликта и которая в этом документе более всего нуждалась.

Можно предположить, что форма конвертов в первую очередь сообщала и регламентировала точный маршрут движения документов, конечную точку этого движения. Например, если говорить о посланиях великого князя должностным лицам, то данный маршрут должен был строго соответствовать информации, указанной в адресах на внешней стороне конвертов – послания надлежало передать *непосредственно* в руки указанных в адресе должностных лиц, а не, например, их слугам. Письменные повестки в суд великого князя должны были остаться у тех лиц, которые были отмечены в данных адресах, а не, скажем, у должностных лиц, ответственных за выполнение тех или иных правовых процедур. Данная форма оберегала документы от малейших поворотов и задержек и предупреждала всех видящих их о негативных последствиях нарушения установленного маршрута.

А.Л. Грязнов (Вологда)

Сведения документов XIV – XV вв. о земельных владениях и статусе Белозерских князей*

Акты и нарративные источники помогают проследить процесс эволюции землевладения и трансформацию социального статуса белозерских князей в конце XIV – XV вв. В XV в. фиксируются владения внуков и правнуков князя Василия Согорского. Скорее всего, этими землями первоначально владел он сам. Так для второй половины XIV в. в Белозерском княжестве определяется территория как минимум одного удела. Его земли располагались в разных районах княжества. Основной массив находился в Пошехонье, но были значительные владения на западе и севере Белозерья, а Карголома непосредственно примыкала к самому городу. Такое распределение владений – показатель политического единства княжества в это время. Практически все княжеские земли располагались в староосвоенных районах. Самым показательным в этом плане является Кема. Резиденция князей Кемских находилась рядом с городищем древнерусского времени, вблизи курганного могильника с дружинными захоронениями и следами пребывания военного контингента. Белое Село – центр Белосельской волости, первоначально владение старшего сына Василия Согорского Юрия Белосельского, до середины XVII в. было административным центром Пошехонского уезда.

Частично представление о владениях старшего белозерского князя Федора Романовича можно составить на основании данных о его вдове Федосьи. К 1389 г. она владела ключевыми землями в центральном Белозерье – Городком и Волочком и волостями на западной окраине княжества – Судой, Колашной и Слободкой. Кроме того, по купчей на село Вашки мы знаем, что под юрисдикцией Федора Романовича находились боярские земли на восточном берегу Белого озера.

Рейд новгородцев по Двинской земле и Заозерью в 1398 г. начался с Белоозера, находившегося тогда под контролем великого князя. Нападению

подверглись два белозерских городка. Первый был разграблен, а из второго вместе с великокняжескими воеводами вышли белозерские князья и, выплатив контрибуцию, добились перемирия.

В этом эпизоде интересны следующие моменты. Говорится о нескольких князьях, а значит, к этому времени уже действовали сыновья Василия Согорского. Князья находились в городе и, вероятно, имели там свои резиденции. У князей, очевидно, были свои военные отряды, ведь если бы новгородцы значительно превосходили местный контингент, то им бы не было необходимости ограничиваться откупом. Самое важное, что, судя по этому эпизоду, политические решения принимают именно белозерские князья. Великокняжеского наместника в этом случае мы не видим, а великокняжеские воеводы выступают как вспомогательный контингент.

С обладанием частью политической власти в Белозерье можно связать и то, что древнейшие кирилловские документы были составлены с доклада князю Юрию Васильевичу, который в первое десятилетие XV в. был белозерским наместником. В это же время часть наместнических полномочий вместо Юрия выполнял его старший сын Давыд. Получается, что после 1380 и до фактического выделения удела князя Андрея Дмитриевича около 1400 г., и в первые годы его княжения, Белозерские князья, в первую очередь Юрий Васильевич, обладали реальной политической властью, у них было свое войско, а владения многократно превосходили самые крупные вотчины местного боярства. В пользу этого свидетельствуют и родословцы, которые при перечислении белозерских князей XIII – XIV вв. последним называют именно Юрия Белосельского.

С 1430–40-х гг. прослеживается изменение статуса белозерских князей. Они фиксируются как неотъемлемая часть формулы, описывающей состав двора удельных белозерских князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича: «мои князья, бояре и дети боярские». В житии Кирилла Белозерского князь Давыд Семенович Кемский и княгиня Каргаломская предстают могущественными аристократами, окруженными многочисленной челядью, а по актам видно, что в своих владениях они сохраняли традиционные княжеские прерогативы – право суда и сбор дани, но наместничество князя Давыда Семеновича Кемского осталось единственным эпизодом занятия этой должности после Юрия Васильевича. Дробятся княжеские владения, которые теперь у каждого из внуков Василия Согорского ограничены отдельными волостями. Тут мы наблюдаем включение местной княжеской династии в состав двора удельного князя московской династии.

Следующее поколение Белозерских князей столкнулось не только с дроблением владений, но и с разделением Белозерья. Его южная часть – Пошехонье, сначала отошла Ивану Андреевичу Можайскому, затем Василию II, потом великой княгине Марье, а затем Андрею Углицкому. Вместе с этим менялся и адрес службы пошехонских ветвей Белозерских князей. В результате частой смены сюзерена их служебные позиции, наверняка, оставались сравнительно низкими. Самое высокое служебное достижение для того времени – это занятие Василием Ухтомским должности дьяка при дворе вологодского князя Андрея Меньшого. Замкнутость территорией Белозерья и служба в уделах не позволили потомкам Василия Согорского сколько-либо значительно увеличить свои земельные владения. В результате, ликвидация Белозерского и Угличского уделов привела к значительной служебной деградации Белозерских князей. На фоне служивших в Москве на протяже-

нии XV в. княжеских и боярских фамилий они проигрывали как в плане статуса, так и в плане земельных владений. В 90-е гг. Белозерским князьям, по сути, пришлось начинать служебную карьеру заново, но, они уже не обладали ни чрезвычайно крупными земельными владениями, ни политической властью, даже в масштабах региона. Об этом свидетельствует походный список 1495 г. и невыразительная карьера представителей рода на протяжении XVI в.

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ №16-01-00184 и № 16-11-35002.

Гуслистова А.Н. (Вологда)

Источники по генеалогии вологодского гильдейского купечества XVIII в.*

Исследование генеалогии русского купечества является одним из перспективных и интересных направлений в современной российской науке. Изучение истории формирования и развития родов гильдейского купечества в XVIII в. является ключевым в решении ряда важнейших вопросов социально-экономического развития Российской империи.

Генеалогия вологодского купечества XVIII в. ранее не привлекала внимание историков в связи с общей неразработанностью источниковой базы. Однако, ситуация меняется. Недавно был опубликован самый ранний источник XVIII в. – Переписная книга Вологды 1711–1712 гг. (Писцовые и переписные книги Вологды XVII–начала XVIII века. Т. 2. / Подготовка к изданию – И.В. Пугач, М.С. Черкасова. М., 2008) Кроме того, на сегодняшний момент выявлено восемь неопубликованных книг по статистическому учету населения. Это I, II, III, V ревизии, две обывательские книги 1787 и 1792 гг., окладные книги 1790-х гг. и метрические книги вологодских церквей за 1756–1800 гг. (всего 34) (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 675, Кн. 676. I Ревизия (1722); РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 689, 694. II ревизия (1744); РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 699. III ревизия (1763); ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4369. V ревизия (1795); ГАВО. Ф. 476. Оп. 2. Д. 3. Окладная книга 1792 г.; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Обывательская книга за 1787 г.; ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Обывательская книга за 1792 г.; ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Дд. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 27, 29, 31, 32, 33, 36, 36, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56 – метрические книги г. Вологды).

Ревизские сказки, окладные, обывательские и метрические книги являются документами разными по форме и содержанию, и составлялись с разными целями. Ревизские сказки составлялись в связи с подушных налоговым обложением населения с 1720-х каждые 15–20 лет. Окладные книги составлялись ежегодно с целью фиксации капитала гильдейского купечества и ежегодных выплат (окладов) по нему. Обывательские книги появились в конце XVIII в. на основании Городового положения 1785 г. для фиксации городских граждан (обывателей), которые были обязаны владеть определенным имуществом и капиталом. Метрические книги составлялись в рамках церковной документации Русской православной церкви для фиксации данных о рождении, браке и смерти в конкретных церковных приходах.

При использовании ревизий в составлении генеалогии ряда фамилий вологодского гильдейского купечества важно учитывать, что женское население города ревизии стали учитывать только с III ревизии (1763). До этого сведения о женщинах помещались в источниках редко (обычно указывались

вдовы с сыновьями). Поэтому нам известна только часть женщин, доживших до III ревизии. Например, жена Степана Маркова с. Колесова – Марфа Иванова, указана в III ревизии в возрасте 62 лет (1701 г.р.). Замужние дочери Семена Никонова с. Оконнишникова, умершего в 1754 г. в 104 года (!) указаны в возрасте: 81 год – Парасковья (1682 г.р.), 71 год – Елена (1692 г.р.), 61 год – Марья (1702 г.р.) (РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 699. Л. 50 об., 103 об.) А их дети обоего пола, вероятно, должны быть записаны на фамилию мужа.

Брачные связи купцов и родственников по женской линии можно проследить со второй половины XVIII в., используя метрические книги, где помещался соответствующий раздел о браках и записывались родившиеся дети обоего пола.

При определении возраста ряда посадских людей и купцов Вологды также существуют определенные сложности. Уже указывалось, что при сравнении переписной книги 1677/78 гг. и I ревизии, данные о возрасте были различными (Гуслистова А.Н. Торговые люди Вологды: опыт историко-генеалогической характеристики… С. 86). Такая же проблема существует при сравнении информации ревизских сказок и обывательских книг 1787–92 гг. Например, купец I гильдии, городской глава в 1783–1789 гг., Максим Иванов с. Рыбников указан в обывательской книге 1792 г. в возрасте 47 лет (1745 г.р.). А в III ревизии (1763 г.) записано, что ему 25 лет (1738 г.р.), что подтверждают данные II ревизии (ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Л. 396 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 699. Л. 160; РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Д. 689. Л. 121). Расхождение на 7 лет, поэтому точную дату рождения М.И. Рыбникова нужно проверять данными метрических книг. А так как метрические книги Вологды сохранились только с 1756 г., поэтому возраст М.И. Рыбникова можно будет определить по его браку.

В целом источники по генеалогии вологодского гильдейского купечества XVIII в.: ревизские сказки, метрические, окладные и обывательские книги при очевидной разноплановости, разновременности и различных задачах составления при тщательном и скрупулезном сопоставлении имеющейся в них информации могут быть использованы в исследованиях истории фамилии. Информацию, содержащуюся в них, можно унифицировать. Необходимые для генеалогических исследований данные – фамилия, имя, отчество купца, его возраст (дата рождения), состав родственников, социальный статус, были указаны почти во всех упомянутых документах. При этом надо учитывать, что в большинстве случаев эти книги составлялись независимо друг от друга, что позволяет проверять данные одного документа другим, или восполнять недостающие сведения. Например, вполне возможно, что при составлении обывательских и окладных книг использовались ревизские сказки, однако ряд разночтений по возрасту некоторых персоналий, видимо, свидетельствует об обратном.

*** Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ 15-11-35002 а(р).**

М.Ю. Данков (Петрозаводск)

К вопросу о любопытном геральдическом феномене (герб г. Сортавала)

Геральдическая история города Sordwall, основанного шведами в сер. XVII в. на северном берегу Ладожского озера, увлекательна. На протяжении четырех столетий, «мистический» город (название переводится как «власть

чёрта») находился в зоне противоборства Московского царства, а затем Российской империи со Шведским королевством. В XX столетии за него продолжили борьбу Советский Союз и независимая Финляндия. Город менял не только свое имя Sordwall-Сердоболь-Sortavala-Сортавала, но и герб. Еще Тявзинский мирный договор со Шведским королевством в 1595 г. закрепил карельские земли Приладожья за Россией. Однако, пользуясь неразберихой Смутного времени, Корельский уезд в 1611 г. захватили шведы, и по Столбовскому договору эта территория переходит под власть Стокгольма. По примеру Trondhjems län на землях уезда с 1634 по 1721 гг. существовал Кексгольмский лен (Kexholms län). Объединитель шведских земель король Густав II Адольф стремился укрепить стратегическое пространство на востоке и рекомендовал строить новые города в Приладожье. Однако в 1632 г. генерал-губернатор И. Скутте и наместник Г. Спор лишь декларативно объявили об основании городка Sordwall. В реальности центр сформировался при королеве Христине, после инициативы генерал-губернатора Ингерманландии и Кексгольмского лена Э. Гюлленстерна и стараниям П. Брахе, в 1642 и в 1648–1654 гг. возглавлявшего Государственный Совет Швеции. Стокгольм в 1643 г. предоставил городу привлекательные коммерческие привилегии.

В 1651 г. собственником земли Северного Приладожья стал шведский дворянин Густав Банер, получивший наследство от отца, полководца Й. Банера. Феодальная округа Sordwall, относимая к категории «свободной земли» (fralsejord), была поименована Сордвалльским графством. Фамильный герб дворянского рода Банеров лег в основу городской печати и первого герба Sordwall. Эмблема представляла собой геральдический щит красного цвета, увенчанный золотой короной, а в поле щита находились две скрещенные кавалерийские пики, украшенные синими флажками. Ниже были изображены две согнутые в локтях руки с мечом и пикой, напоминающие ключевой элемент шведского герба Карелии. Символика графства и города Sordwall совместила герб Банеров с изображением двух вооруженных рук, отражающих борьбу Шведского королевства с Московским царством. При короле Карле XI, в 1680 г. Сордвалльское графство прекратило существование. Ликвидация «автономии», названная «reduktion», увязывалась с возвратом «короне» многочисленных графских владений.

После Северной войны (1700–1721) территория Приладожья, была присоединена к Российской империи. Точных данных о времени переименования Sordwall в Сердоболь, нет, скорее всего, это произошло после Ништадтского мира. Судьба русского Сердоболя на протяжении XVIII в. не была безоблачной. В 1742–1743 гг. город захватили и сожгли шведы. Вскоре в составе Кегсгольмской провинции, он вошел в Выборгскую губернию, где сохранялись шведские законы, церковное управление, судебная и налоговая системы, а шведский язык являлся официальным.

26 июля 1760 г. Екатерина II подписала указ о возвращении Сердоболю городского статуса, а в 1784 г. город превратился в центр обширного уезда. Через четыре года, 4 октября 1788 г. императрица по докладу Сената «О гербах городов Рижской, Ревельской и Выборгской губерний и некоторых городов Олонецкого наместничества» подписала закон № 16716 и пожаловала Сердоболю новый герб – «в голубом поле на золотых древках красные знамена, положенные крестообразно». «Городовая эмблема» напоминала прежний герб города, восходивший к геральдической символике рода Банеров.

На закате наполеоновских войн Сердоболь в 1811 г. «влился» в территорию Великого княжества Финляндского. Через два года Комитет по организации Выборгской губернии Российской империи видоизменил герб северного городка, добавив к пикам по ленте. В 1817 г. Александр I вернул первоначальную символику. Позже в гербе Сердоболя вновь оказался элемент старинного герба Карелии, но вместо меча и сабли на красном щите с пиками синего цвета и золотыми флажками оказались меч и стрела. Любопытно, что в середине XIX в. появился более сложный вариант герба г. Сордавала. Его составили при бароне Б.В. фон Кёне, управляющем Гербовым отделением Департамента герольдии Сената. «В лазуревом поле» изображались «два накрест положенные золотые» штандарты, а по бокам их находились две руки «в золотых кольчугах» с мечом и стрелой. Элементами внешней части герба являлись башенная корона «о трех зубцах» и «накрест положенные серебряные кирки».

Новая геральдическая история города связана с независимостью Финляндской республики. Герольдмейстер А. Гранфельт предложил обновленный герб Sortavala с флажками на пиках красного цвета, с белыми треугольниками у древка и золотыми шнурами. Стилистика герб, не нарушила, а подчеркивала изначальную символику герба графов Банеров.

Годы военного лихолетья 1939–1944 гг. не отразились на геральдике города. Современный герб г. Сортавала решением малого городского совета народных депутатов утвержден 28 декабря 1991 г. Через пять лет он был внесен в Государственный геральдический реестр РФ. Эмблема сохранила основные сюжеты исторической геральдики – «картуш с короной», в голубом поле «флаги, положенные крестообразно», а «цвет древков, короны и окантовки картуша золотой».

М.С. Девятков (Москва)

Исследование состава некрополя московского Донского монастыря в трудах XVIII–XX вв.

С последней четверти XVIII в. в России возникает интерес к составу некрополя, который вначале отличал подход к памятнику как к раритету (Богданов А.И., Рубан В.Г. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779. С. 374–446). Изучение состава некрополя как исследовательская проблема оформилась спустя столетие (Саитов В.И. Петербургский некрополь. М., 1883). Реконструкция исторического некрополя является сложным процессом в виду подвижности его состава. Еще в XIX в. исследователи констатировали использование старых надгробий при строительстве зданий и мощении дорог, спекуляцию со стороны кладбищенских властей, уничтожение кладбищ в целях перестройки городов и т. п. В данном сообщении мы попытаемся суммировать все используемые при реконструкции состава некрополей методы и оценить их возможности.

1) Наиболее распространенным методом изучения состава некрополя является ***метод натурных обследований***, полевых наблюдений. На нем основано большинство публикаций о составе некрополя Донского монастыря. Сравнение опубликованных данных с письменными источниками (ЦХД до 1917 г. Ф. 421. Донской монастырь. Оп. 1–3) показало, что одного натурного обследования кладбища недостаточно. Так, выявленные билеты для погре-

бения в Донском монастыре за 1770-е и 1840-е гг. содержат информацию по 179 погребенным, и только 86 лиц (или 48% от общего количества) было выявлено ранее на основе натурных обследований.

2) ***Археологический метод*** подразумевает проведение раскопок, в результате которых открывается доступ к объектам изучения. Археологические исследования являются ключевыми при исследованиях тех или иных объектов, которые находятся в земле или под водой. Погребения относятся к числу основных видов археологических памятников (Археология: учеб. М., 2006. С. 8). Археологические раскопки предваряют изучением письменных и иконографических источников, археологической разведкой, сбором данных геодезии, геологии и геофизики (Беляев Л.А. Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры (полевые исследования). М., 1991. С. 16). Монастырская археология появилась сравнительно недавно. Она разрабатывает ряд направлений: 1. Архитектурная археология; 2. Археология поселения, куда входит монастырский некрополь (изучение его структуры в историческом развитии и надгробия); 3. Бытовая археология; 4. Музеефикация раскопанных комплексов; 5. Специфическая археология для отдельно взятого объекта (Беляев Л.А. Археологическое исследование Соловецкого монастыря. С. 9). Раскопки в Донском монастыре в 1972 и 1974 гг. имели иную цель – выяснить, предшествовала ли каменным стенам монастыря деревянно-земляная крепость (Рабинович М.Г. Отчет об археологических разведках в быв. Донском монастыре. АИА РАН, Ф. Р-1. Д. 6083. Л. 8).

3) ***Источниковедческий метод*** базируется на источниковедческом анализе письменных источников. Отделение этого метода от предыдущих условно, т. к. комплексное археологическое исследование предполагает изучение обнаруженных находок, в том числе, методами источниковедения. Нельзя исключить определенных источниковедческих исследовательских процедур и при натурных обследованиях. Метод источниковедения позволяет установить информационные возможности источника для получения сведений об общественном развитии (полнота, достоверность и новизна этих данных) и аргументировано оценить значение источника (Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 2000. С. 122). Анализ публикаций списков погребенных позволяет заключить, что работа с письменными источниками велась недостаточно активно. Однако работа только с одними источниками также не способствует получению максимального результата: так, например, князь Н.Н. Голицын в «Родословной князей Голицыных» (Голицын Н.Н. Род князей Голицыных: материалы родословных. СПб., 1892. Т. I. 611 с.) «потерял» 38 представителей этого рода, т. к. автором не был использован метод натурных обследований.

Рассмотренный набор методов, в теории, универсален для решения поставленной проблемы. Каждый отдельно взятый метод, естественно, применим с оговорками. Археологические раскопки позволяют получить информацию, о которой не сохранилось упоминаний в письменных источниках. Однако такой метод часто не может быть реализован, например, из-за изменившейся инфраструктуры места, утилизации и вторичного использования надмогильных памятников. Тогда выявленные затруднения может решить обращение к сохранившимся письменным источникам. Это могут быть: персональные дела о смерти, книги погребений и крещений, книги учета

купленных могильных мест, метрические книги и т.д. Но известны и негативные условия, влияющие как на появление, так и на сохранность письменных источников. Самым же доступным способом в реконструировании некрополя является метод натурных обследований. Однако указанный метод реализуем только в отношении сохранившихся вещественных источников. Плохая сохранность памятников затрудняет чтение надписей или вовсе не дает возможности сделать это и, соответственно, обеспечивает неверную интерпретацию полученных данных.

Исследователь должен быть в курсе истории складывания и развития конкретно взятого некрополя, т.к. учет перевезенных памятников с других кладбищ вместе с «историческими» без соответствующих помет искажает исторический состав некрополя.

А.В. Дедук (Москва)

Где находился Оконицкий лес, упомянутый С. Герберштейном? (К исторической географии Окско-Донского междуречья в конце XV – начале XVI вв.)

Одна из основных задач исторической географии – это локализация топонимов, упомянутых в исторических источниках. Настоящее сообщение посвящено локализации одного из топонимов, упомянутого бароном Сигизмундом Герберштейном. Описывая земли верхнего Дона, Сигизмунд Герберштейн пишет: «Знаменитейшая река Танаис, отделяющая Европу от Азии, начинается приблизительно в восьми милях к югу от Тулы, с незначительным отклонениям на восток, но не в Рифейских горах, как писали некоторые, а в некоем озере Iwanowosero, т.е. озере Иоанна, которое простирается в длину и в ширину приблизительно на тысячу пятьсот верст и начинается в лесу, которые одни называют Оконицким лесом, а другие Епифановым» (Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. I. М., 2008. С. 309. Цитируется в переводе А.В. Назаренко).

Расположение Тулы в конце XV – начале XVI вв. хорошо известно. Первоначально Тула находилась на Тороховском городище на р. Тулице (правом притоке р. Упы) (Воронцов А.М., Гриценко В.П., Фомин К.Н., Шеков А.В. Позднесредневековые слои Тороховского городища // Позднесредневековый город III: Археология и история: Мат-лы III Всероссийского семинара. Тула, 2011. С. 23–59; Гриценко В.П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 13–15), затем она в начале XVI в. была перенесена на современное место (Фомин К.Н. Историческая топография города Тулы XVI - начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула, 2007. С. 37–51). Местонахождение «озера Иоанна» также не представляет загадки – это Ивановское озеро в современной Тульской области, из него вытекают реки Шат и Дон.

Епифанов лес был убедительно соотнесен А.В. Лаврентьевым с рядом однокоренных топонимов с корнем «Епифан» на Верхнем Дону, где князем И.Ф. Мстиславским был поставлен Епифанский острог (Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005. С. 13–15). Однако второе название леса не получило должного объяснения.

В латинском и немецком текстах топоним передан как «Okonitzkilies» (Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. I. М.. 2008. С. 308). На наш

взгляд, «Оконицкий» лес из всех топонимов Окско-Донского междуречья наиболее близок по звучанию с «Корницким».

Впервые Корницкий засечный лес упоминается в писцовой и отдельной книге вотчины кн. И.Ф. Мстиславского 1571/72 гг.: «А крепость около Городенского посаду лес обошел большой засечной. С одну сторону от Городеньского посаду мимо села Хорошего до Тульского уезда до Корник по смете в длину на пятнатцать верст, а поперек на семь верст, а инде и больши, а инде и меньши» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Венев. Д. 1. Л. 21 об. – 22; Города России XVI в.: Мат-лы писцовых описаний. / Изд. подг. Е.Б. Французовой. М., 2002. С. 320; Писцовые книги XVI в. / Изд. Н.В. Калачова. Отд. II. СПб., 1877. С. 1542). По описаниям XVII в. и картографическим источникам XVIII в. его можно уверенно локализовать в правобережье р. Шат (правого притока р. Упы) (РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1783; Ф. 271. Оп. 3. Д. 1059; Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 416. Л. 248 об. − 263 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25823; ОР БАН. Осн. собр. карт. № 659).

В XVI – XVIII вв. в составе Соловского уезда существовал Корницкий стан (Дедук А.В. К исторической географии Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти акад. Л.В. Милова. М., 2013. С. 288–294). Его «историческим» центром, скорее всего, являлся город Рязанского княжества Корнике, городище и посад которого датируются по данным археологии XII – концом XIV вв. (Клянин Р.В. Корнике - город Рязанского княжества // Тр. VI международного конгресса славянской археологии. Т. 2: Славянский средневековый город. М., 1997. С. 140–146). На юго-востоке Корницкий стан граничил с землями Епифанского уезда.

Таким образом, можно утверждать, что Оконицкий и Епифанов лес − это два разных топонима, зафиксированные Герберштейном. Оконицкий лес можно соотносить с Корницким лесом, который находился к востоку от р. Шат.

Е.Н. Дербин (Ижевск)

Наименование государственной территории в Древней Руси в трудах историков русского права конца XIX – начала XX в

Наименование государственной территории в Древней Руси (IX – сер. XIII в.), безусловно, является предметом исследования исторической географии, точнее ее части – политической географии. Эта проблема до сих пор находится в числе дискуссионных вопросов древнерусской истории. Ее актуализация в последнее время связана с трудами А.А. Горского. Он правильно указал на некорректное использование в исторической науке термина «княжество», не встречающееся в источниках до конца XIV века. В одной из своих работ он также дал краткую историографическую справку о понятиях «земля» и «волость» в смысле территориально-политических единиц Древней Руси (Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–11). В ней указаны мнения как дореволюционных, так и советских историков, в т. ч. взятых из трудов по исторической географии России. Однако проблема наименования древнерусской государственной территории до недавнего времени особо не интересовала собственно историков. Наибольшее внимание к ней проявили историки-юристы конца XIX – начала XX в., которые в своих общих трудах по истории русского права отдельно обращались к изучению территории, как

одного из главнейших признаков государства. Неизвестно по какой причине, но А.А. Горский не указал практически ни одного их мнения по рассматриваемому вопросу (кроме Д.Я. Самоквасова, да и то не вполне точно). Ограниченность рамками сообщения не позволяет остановиться на этом подробнее. Поэтому целесообразно сгруппировать взгляды историков русского права конца XIX – начала XX в. по двум направлениям. При этом необходимо иметь в виду, что почти все они считали Древнюю Русь состоящей из множества отдельных государств, сложившихся еще до прихода варягов и включавших города с пригородами, находящимися под властью старшего города.

Первые исследователи (старшее поколение, занимавшее кафедры истории русского права различных вузовских центров Российской империи) стремились выделить и обосновать (причем своеобразно) основное наименование государственной территории в нашей древности, рассматривая и иные варианты. К первой группе исследователей относились В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.Я. Самоквасов, В.В. Сокольский. Между первыми двумя разгорелась даже полемика по изучаемой проблеме. В.И. Сергеевич считал, что наилучшим образом юридическую природу государственной территории выражает термин «волость», который «обозначает территорию, состоящую под одной властью». Так как во главе волости стоял князь, то вторым названием территории служило наименование «княжение». В.И. Сергеевич даже употреблял гибрид «волость-княжение», отсутствующий в источниках. Слово «земля», по мнению данного историка, употреблялось в Древней Руси в смысле отдельного государства, но лишь как метафора. «Так как земля, окружающая город, есть составная часть волости, то иногда целое, волость, обозначается именем своей части земли - землей» (Сергеевич В.И. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 1–13). Напротив, М.Ф. Владимирский-Буданов абсолютизировал термин «земля», построив на нем свою теорию «земского государства или государства в форме земли». В этом наименовании, считал он, «выражены существенные особенности этого типа государства, совершенно неуловимые из терминов "княжение" и "волость". Им означается, что древнее государство есть государство вечевое». Название «волость», полагал М.Ф. Владимирский-Буданов, чаще употреблялось в источниках для обозначения части государства, а для целого – в редких случаях как метафора. Слово «княжение» же обозначало «территорию, принадлежащую тому или другому князю», т.е. всякую область (провинцию или целую землю), управляемую князем. Но так как князь мог владеть временно несколькими землями или, наоборот, внутри земли было несколько князей и княжений, то, по меткому замечанию историка, «признать государством всякое княжение, значит утратить вовсе твердое представление о государственном строе Древней Руси, ибо пределы и состав княжений изменялись чуть не ежегодно». М.Ф. Владимирский-Буданов также употреблял гибрид «земля-княжение» или «княжение-земля», отсутствующий в источниках (Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб.; Киев, 1907. С. 11–14, 283–287). Д.Я. Самоквасов также принимал точку зрения о главном наименовании государственной территории в Древней Руси «землей», но по отношению к иным терминам его мнение было особым. Учитывая его периодизацию древнерусской истории, в первый период – эпоху племенных государств-княжений (до утверждения власти Рюриковичей), «волость» – это составная часть «земли». Во второй период – эпоху удельных государств, государственная территория (княже-

ство) именуется «земля», «волость», «отчина», «удел» или именем главного города (Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. 3-е изд., испр. и доп. М., 1908. С. 117–118, 248–250). В.В. Сокольский в целом соглашался с М.Ф. Владимирским-Будановым, но считал, что сложившегося государственного строя в Древней Руси не было. Поэтому наименования «земля» или «княжение» («волость», по его мнению, была составная часть земли) относились не к государственной территории, а к некоей сложной общинно-территориальной организации (Сокольский В.В. Очерк истории русского права. СПб., 1906. Вып. 2. С. 4–10).

Второе направление историков (среднее и младшее поколение) не различали разнообразные наименования государственной территории, считая, что единовременно в Древней Руси употреблялось в одинаковом смысле множество названий: «земля», «княжение», «волость» (или «власть»), «отчина» (или «вотчина»), «дедина», «удел», «уезд», по имени старшего города (Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1907. Ч. I. С. 147–150; Максимейко Н.А. Лекции по истории русского государственного права. Харьков, 1907. С. 4; Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 2-е изд. СПб., 1908. С. 62–64; Сыромятников Б.И. История русского государственного права. М., 1909. С. 112–113; Латкин В.Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1912. С. 22; Грибовский В.М. Древнерусское право. Пг., 1915. Вып. 1. С. 44; Числов П.И. Курс истории русского права. М., 1915. Вып. II. С. 162–170). Только ученик В.И. Сергеевича С.А. Корф придерживался мнения своего учителя, считая самым распространенным термином для наименования древнерусского государства «волость» (Корф С.А. История русской государственности. СПб., 1908. Т. I. С. 7), а ученик М.Ф. Владимирского-Буданова И.А. Малиновский – «земля» (Малиновский И.А. Лекции по истории русского права. Ростов-на-Дону, 1916. С. 80). Таким образом, большинство историков русского права конца XIX – начала XX в. относились ко второму направлению, часто употребляя в своих работах гибрид из терминов «земля-волость», «волость-княжение» и т.п. Это, в свою очередь, опровергает утверждение А.А. Горского, что большинство историков различало «земли» и «волости» в качестве наименований государственной территории в Древней Руси. Тем не менее, нельзя не приветствовать попытку современного исследователя на основе тщательного изучения источников самостоятельно разобраться в этом дискуссионном вопросе нашей исторической географии.

А.Р. Джиоева (Санкт-Петербург)

Дом принца Гессен-Гомбургского в Немецкой слободе

Основным источником в исследованиях об имуществе частных лиц XVIII в. являются описи, составленные, как правило, при получении наследства или в связи с конфискацией. Дополненные сведениями из эпистолярных источников они создают любопытную картину складывания материальной и духовной культуры времени (Саверкина И.В. Описи имущества частных лиц как источники по истории русской культуры первой четверти XVIII в. Автореф. дис. …к.и.н. СПб., 1995).

В данной публикации представлены сведения о московском доме генерал-фельдцейхмейстера принца Людвига Гессен-Гомбургского, выявленные в письмах, хранящихся в архиве ВИМАИВиВС (о комплексе документов

архива ВИМАИВиВС, связанных с именем принца: Вознесенская И.А. Архив ландграфа Людвига Гессен-Гомбургского как источник по истории военной элиты 1730-х гг. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 213–224).

Известно, что императрица Елизавета Петровна по случаю своей коронации в 1742 г. подарила принцу Людвигу Гессен-Гомбургскому, поддержавшему её в ночь дворцового переворота, дом в Немецкой слободе. Этот подарок, как мы сейчас предполагаем, мог быть фиктивным, дававшим право собственности на имущество, которое фактически досталось принцу раньше от полковника Марка Скорятина в счет части долга. Среди писем генерал-фельдцейхмейстеру 1738 г. упоминается этот должник принца, взявший под расписку 1000 р. в Крымском походе. Из доношений доверенного лица принца в Москве Михаила Опачинина, асессора, а позже военного советника, узнаем также, что в марте 1738 г. полковник Скорятин пытался торговаться, уверяя, что если ему не уступят 100 р. долга, то он заплатит все 400 р. через 2 месяца. Дом же в Новонемецкой слободе достался ему по иску к вдове иноземца Якова Бантышки − Нениле Романовой дочери» (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 501. Л. 63, 327–330). Это следует из указа ЕИВ от 23 марта 1738 г. о составлении описи конфискованного имущества, который был передан Опачинину и в подлинности которого он сомневался, подозревая Скорятина в «фальши» и желании любыми уловками отсрочить выплату долга. Копия указа была приложена Опачининым к письму принцу с просьбой навести справки в Канцелярии конфискации в Санкт-Петербурге.

Двор до 1738 г. пережил пожар, но, по словам Опачинина в доношении от 29 декабря 1737 г., в остальном, в доме высококняжеской светлости все было в «добром здоровии». Двору был сделан план, «как ево строить надлежит» (Там же. Л. 19). В дом были привезены вещи принца из Риги, где он служил генерал-майором в 1727–1730-х гг.

По составленной в январе 1738 г. описи мы знакомимся с комплексом вещей, характерных для быта обер-офицера-европейца: кровать «аглинская столярная без завесов», 10 столов, включая походный, 24 стула, обитых кожей, 11 рюмочек, 6 стаканов хрустальных пивных, 2 бокала хрустальных с крышками, 14 бутылок вина, венгерского и французского, погребцы с флягами резными, восьмигранными и простыми с вином и пустые, 40 бутылок с рейнвейном, 48 бутылок «порозжих», 2 штофа «порозжие», таган большой железный, подсвечники стенные жестяные ломаные «штук 40», кулек гвоздей, 4 бочки пивные старые, 3 фонаря, аптечка, фузея старая солдатская, футляр на турецкий кальян, разная другая рухлядь (лохани, короба, 3 кровати, 3 саней ветхих, палатка негодная – около десятка наименований) и книги на немецком языке – Библия в черной коже с позолоченными листами, старый рижский молитвенник, Евангелие ветхое, букварь и азбука (Там же. Д. 503. Л. I–III).

31 января 1739 г. Опачинин составляет опись, в которой к старому перечню добавляется список вещей, оставленных прежними хозяевами: зеркала в золоченых рамах и в черных, одно над камином разбитое, 2 больших портрета в круглых золоченых рамах, 5 маленьких в золоченых рамах, 20 «картинок и персон» в рамах, 2 больших дубовых шкафа, еще 1 с ящиком, 4 больших сундука с оковками, за печатями, 2 короба плетеных под висячими замками и печатями, подголовник дубовый с оковками, опечатанный, два

сундука и ящик с голландскими книгами, ветхими, в погребе рухлядь ветхая «яко столы и протчая», и там же положены голландская Библия, долговая книга и еще несколько ветхих книг (Там же. Л. 74 об.–75). Печати ставили дворецкий Вельнер, капитан Корф, бывший хозяин Бантышка, к тому времени покойный, и сам Михаил Опачинин.

20 февраля 1738 г. Опачинин советует принцу велеть протапливать дом хотя бы через день, чтобы палаты к приезду его светлости «выстояться могли» (Там же. Д. 501. Л. 71). Письма принцу, посланные в марте 1738 г., приходят из Санкт-Петербурга, так что, возможно, он, действительно, останавливался в этом своем доме в Немецкой слободе. С уверенностью мы можем сообщить лишь об одном случае, когда дом принял под свой кров знатного гостя.

11 июня 1738 г. в доме был проездом родственник принца – Гессен-Кассельской гвардии подполковник и кавалер граф фон Изенберг. О его прибытии Опачинин был извещен заранее и подготовил для ночлега перину, 3 подушки пуховые, одеяло и «полатку о двух перегородках», которую граф взял с собой в Петербург, уплатив за нее 62 р. В доме граф употреблял «токмо красное вино», днем «изволил кушать» у знакомого, «изрядно веселился» и уехал всем довольный на купленной в тот же день за 23 р. вызолоченной дорожной коляске (Там же. Л. 242 – 242 об., 248).

Летом 1741 г. принц просил Опочинина выслать ему из московского дома его немецкие книги, что и было сделано.

Предметы быта и имущество частных лиц являются материалом, который позволяет раскрывать ушедшую эпоху в разных аспектах – от ментальных ценностей обладателей обычного скарба до истории складывания частных собраний живописи. В публикуемых здесь материалах мы видим, что в доме военного аристократа, использовавшемся в качестве путевого, помимо кровати, стульев и стола важнейшей ценностью были стаканы и вино, сохранность которых обеспечивалась рутинными заботами множества людей от караульных до хозяина.

Ф.Д. Джуманизяова (Ташкент, Узбекистан)

Сведения «Худуд ал-‘Алам» («Пределы мира») о тюркских племенах Тохаристана

Одним из географических сочинений мусульманских авторов, дающих ценные сведения о странах и народах Центральной Азии эпохи средневековья, является персидское географическое сочинение X в. неизвестного автора «Худуд ал-‘Алам» («Пределы мира»). В данном сочинении наряду с описанием стран также значительное место заняли сведения о племенах, обитавших в них, в частности – о тюркских племенах в Тохаристане.

Среди этих племен, обитавших в Тохаристане и на территориях южнее него, упоминается племя, название которого передано арабским письмом как خلخ, зафиксированное в ряде мест «Худуд ал-‘Алам», к примеру на страницах 17б, 18а, 21б-22б (Ḫудӯд ал-‘Āлем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. Таб. 34–35, 42–44). Так В. Минорский в переводе этого сочинения на английский язык данный термин в разделах «Слово об области Карлуков и ее городах» (17б, 18а) и «Слово об области Хорасан и ее городах» в описании Тохаристана (21б), читает как *карлук*, но в разделе «Слово об области пределов Хорасана» при описа-

нии Газни и Забулистана (22а–22б), как *халадж*. При этом, исследователь в ссылке пишет, что в этом месте следует читать *халадж* вместо *халлух* (Ḥudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. L., 1970. P. 111, note 3). В. Минорский справедливо отметил, что близкое написание в арабской графике этнонимов *халадж* и *халлух*, открыло путь бесчисленным запутанностям в мусульманских источниках.

Интерпретация В. Минорским термина خلخ как *карлук* в разделе «Слово об области Карлуков и ее городах» английского перевода произведения «Худуд ал-'Алам» не вызывает сомнения, т. к. сведения сочинения позволяют локализовать место обитания карлуков в X веке на территории Восточного Туркестана и Семиречья (Ҳудӯд ал-'Āлем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. С. 42–44).

В. Минорский интерпретирует термин خلخ как *халадж* в следующем описании: «В Газнине (Газна) и пределах этого города, который мы упоминали, живут тюрки халаджи, владеющие многочисленными (стадами) баранов. Странствующие в этом климате, пасущие на земле и пастбищах. Эти тюрки халаджи также многочисленны в областях Балх, Тохаристан, Буст и Гузганан» (Ḥudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. London, 1970. P. 111). Если исходить из этого сведения, то получается что в описании Тохаристана, под этнонимом خلخ, который В. Минорский переводит, как *карлук*, скорее всего, мы имеем дело с халаджами, которые согласно сведениям хроники Синь Тан шу и бактрийских документов уже в середине VII в. проживали не только в Тохаристане, но и в регионах к югу от Гиндукуша (Sims-Williams N. Turks and other peoples in the Bactrian documents // Ötüken'den İstanbul'a. Türkçenin 1290 Yılı (720–2010), 3–5 Aralık, 2010. İstanbul. Bildiriler. İstanbul, 2011. P. 20–21; Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск, 1989. С. 76.). В пользу этого можно привести и следующее сведение «Мафатих ал-'улум» («Ключи наук») Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ибн Юсуфа ал-Хоразми, также написанного в X в.: «Хайатила (الهياطلة) – это группа могущественных людей, правивших Тохаристаном (طخارستان); тюрки Халаджи и Канджина (خلج و كنجينه) являются их потомками» (Bosworth C.E., Clauson G. Al-Xwārazmī on the peoples of Central Asia // Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1965. P. 8).

Таким образом, рассмотренные выше сведения, позволяют говорить о том, что этноним خلخ, упомянутый в «Худуд ал-'Алам» при описании территорий Тохаристана, следует читать как халадж. В пользу этого мнения можно привести и упомянутое выше сведение Хорезми, которое свидетельствует не только о том, что халаджи проживали в Тохаристане, но и о том, что их рассматривали в качестве преемников эфталитов. Хотя тюрки халаджи и канджина, не были связаны генетически ни с эфталитами, ни с западными тюрками, но тот факт, что они переселились в этот в регион намного раньше эпохи Тюркского каганата и вошли в состав политического объединения эфталитов, включавшего в себя различные группы кочевого и оседлого населения, это позволило мусульманским авторам считать их потомками эфталитов. К тому же, как отмечают некоторые исследователи, халаджи были самыми древними тюрками, проникшими в Хорасан.

О.В. Дудина (Воронеж)

Область «городов Белгородского полка» 1658–1700 гг.: географический аспект

В 1658 г. на юго-западной и южной окраинах России был образован Белгородский полк. В состав полка были записаны служилые люди и их родственники из 44-х городов и их уездов. В связи с этим возникло новое географическое понятие «города Белгородского полка» и соответственно сформировалась новая административно-территориальная единица – Белгородский разряд. Белгородский разряд частично соответствовал территории современных областей Центрального Черноземья России и частично северо-восточных областей Украины. Возглавлял Белгородский разряд воевода Белгородского полка, как правило, окольничий или боярин. Белгородский разряд находился в ведении Разрядного приказа.

Состав и численность городов и соответственно уездов, входивших в Белгородский разряд, менялись. До 1678 г. наблюдается увеличение количества городов Белгородского полка. Согласно наказу белгородскому воеводе кн. А.Ю. Звенигородскому, в 1659 г. ему было подведомственно 38 городов (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. Белгородск. ст. Д. 581. Л. 4). В 1663 г. число городов Белгородского разряда составляло 51 (Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских, Кн. 3. 1911. С. 138–191). В 1676/1677 г. к «городам Белгородского полка» относилось 64 населенных пункта (Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 75–76).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что восточная часть Белгородской черты – Орлов, Усмань, Белоколодск, Добрый, Сокольск, Козлов с пригородами в 1659 г. не включена в список, внесенный в наказ кн. А.Ю. Звенигородскому. Служилые люди восточной части Белгородской черты во главе с козловским воеводой подчинялись воеводе Белгородского полка в случае серьезной военной опасности. В наказе воеводе Белгородского полка 1664 г. кн. П.И. Хованскому козловский воевода назывался «сходным»; т. е. в особых случаях военной опасности он с подчиненными ратными людьми сходился с воеводой Белгородского полка. В момент «больших неприятельских приходов» в сход к кн. П.И. Хованскому должен был приходить и тамбовский воевода с половиной тамбовских служилых людей, хотя Тамбов в Белгородский разряд не входил. Воевода г. Козлова занимал особое место среди городовых воевод Белгородского разряда. В его ведении *службой* находились города Добрый, Сокольск, Усмань, Бельский, Челновой, а *судом* их ведали местные воеводы. Тем не менее, восточная часть Белгородской черты от Усмани до Козлова с пригородами регулярно включалась в состав «городов Белгородского полка».

Впоследствии северо-западные города Белгородского разряда (Орёл, Болхов, Белёв, Кромы) отошли ко вновь образованному Севскому полку.

Севский разряд состоял из двух частей: украинные – Белев, Болхов, Карачев, Орел, Кромы; северские – Брянск, Севск, Рыльск, Путивль, Каменное, Недрыгайлов.

После окончания русско-польской войны и заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. возник план разделения Белгородского разряда на две части с центрами в Белгороде и Воронеже. План разделения Белгородского разряда на две части не был осуществлен из-за резкого обострения обстановки на Украине (Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 35–36).

Область «городов Белгородского полка» делилась на 4 части: города «в черте», «по черте направо», «по черте налево», «за чертой». Согласно Описи городов, ведомых в Разряде 1678 г., города «в черте»: Мценск, Елец, Ливны, Курск, Новосиль, Епифань, Чернь, Данков, Лебедянь, Талецк, Чернавск, Ефремов, Старый Оскол, Землянск, Обоянь, Суджа, Сумин (Сумы).

Город Белгород – административный центр Белгородской черты – делил города «по черте» на две части. Города «по черте направо» от Белгорода, если смотреть из Москвы в 1678 г.: Болховой, Карпов, Хотмышск, Вольный, Алешня, Ахтырка. Как показал В.П. Загоровский, города Ахтырка, Боромля и Олешня во второй половине XVII в. не находились непосредственно на Белгородской черте. Ахтырка располагалась примерно на 7 километров южнее черты, а Боромля и Олешня находились севернее черты. Но существовал Олешнинский участок Белгородской черты, протянувшийся через Олешнинский уезд примерно на 25 километров по правому берегу р. Ворсклы от Каменицкого Колодезя до речки Ворсклицы (Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С.164-169).

Города «по черте налево» от Белгорода, если смотреть из Москвы в 1678 г.: Короча, Яблонов, Новой Оскол, Верхососенск, Усерд, Олшанск, Острогожск, Коротояк, Урыв, Костенск, Воронеж, Орлов, Усмань, Белоколодск, Сокольск, Добрый, Козлов, Бельский, Челнавский. Города «по черте» были построены в 1635–1658 гг.

Города «за чертой» в 1678 г.: Валуйки, Маяцкий, Чугуев, Змеев, Салтов, Нежегольск (располагался на Белгородской черте – *О.Д.*), Харьков, Валки, Краснокуцк, Мурафа, Богодухов, Колонтаев, Городной, Лебедин, Булыклея, Краснополье, Миrополье (Опись городов, ведомых в Разряде. 1678 г. // Дополнения к актам историческим. СПб., 1875. Т. 9. С. 219–220).

К 1681 г. в подчинении воеводы Белгородского полка находились крепости вновь построенной Изюмской черты, помимо названных: Коломак, Высокополье, Новый Перекоп, Водолага, Соколов, Лиман, Андреевы Лозы, Балаклея, Изюм, Царев-Борисов, Острополье, Купенский, Двуречный, Каменский, Полатов; а также крепости, расположенные южнее Белгородской черты, но прикрытые Изюмской чертой Волчьи Воды, Золочев. За Изюмской чертой располагались городки Маяцкий и Тор.

Воевода Белгородского полка не всегда располагался в Белгороде, в 1670-х гг. административным центром Белгородского разряда фактически

являлся Курск. Белгородский разряд в качестве военно-административного округа на юге России существовал до начала XVIII в., до реформ Петра I.

М.В. Егорочкин (Москва)

Птолемей ал-Гариб и неоплатонические биографии Аристотеля: состояние проблемы*

Среди дошедших до нас биографий Аристотеля три – *Vita Marciana*, *Vita vulgata* и *Vita Latina* – связанны со школой Александрийских неоплатоников V–VI вв. Согласно догадке Ингемара Дюринга, саму биографию в школьный курс лекций ввел Аммоний Гермий. Это отчасти подтверждает Vita Aristotelis Syriaca prima, которая начинается ссылкой на «Деяния» Аммония (VS I, 1), являвшиеся, если верить тексту, жизнеописанием Стагирита. При этом Аммоний, по Дюрингу, пользовался биографией Птолемея, о котором кроме прозвания al-ġarīb – араб. 'чужестранец', 'неизвестный', и впрямь ничего не известно.

В 1888 г. Вильгельм фон Крист высказал предположение, что Птолемей ал-Гариб есть не кто иной, как Птолемей Хенн (ок. I–II в. н. э.). Суда говорит о нем как о грамматике, приписывая ему труд Περὶ παραδόξου ἱστορίας, роман Σφίγξ, эпическую поэму Ανθόμηρος, а также «некоторые другие сочинения» (Suda s.v. Πτολεμαῖος), в число которых, предположительно, входила и биография Аристотеля.

Окончательно гипотеза о тождестве Птолемея ал-Гариба и Птолемея Хенна оформляется в работе Юлиуса Липперта (1894 г.). Липперт исходит из того, что прозвание al-ġarīb было дано Птолемею не арабскими авторами, но является переводом греческого ξένος. Важную роль здесь сыграло кажущееся сходство между Χέννος и ξένος. Липперт допускает, что причина, по которой первое могло быть ошибочно принято за второе, скрывается в маюскулах Χ и Ξ – их легко перепутать при беглом чтении. Не исключает он и другой возможности: арабский переводчик прочитал ΧΕΝΝΟΣ верно, но не понял его значения, и, решив, что оно является диалектной или варварской формой слова ΞΕΝΟΣ, перевел его как al-ġarīb.

Гипотезу Криста–Липперта поддержали многие исследователи. Итоговую же черту под ней подводит книга Антона Хатциса *Der Philosoph und Grammatiker Ptolemaios Chennos* (1914 г.), где ученый, собрав все возможные свидетельства о Птолемее Хенне, представляет его человеком самых широких интересов, равно не чуждого ученой словесности, науки и философии (Хатцис приписывает ему два специальных сочинения – Περὶ ψυχῆς и Περὶ φιλοσοφίας). Книга Хатциса подкрепила гипотезу Криста–Липперта недостающими ей дотоле фактами, так что еще в 1957 г. Альбрехт Диле характеризует ее как communis opinio своего времени.

Тем не менее, попытка Хатциса воссоздать интеллектуальный портрет Птолемея Хенна во всей доступной полноте невольно обнаружила шаткость тех предпосылок, на которых держалась догадка Криста. Отождествление

биографа Птолемея ал-Гариба с Птолемеем Хенном подспудно подразумевало и его тождество с философом Птолемеем (ср. Πτολεμαῖος ὁ φιλόσοφος у Элия – *In Cat.* 107, 13 CAG XVIII, 1). Таковых известно, по меньше мере, двое: платоник и перипатетик. Первого упоминают Ямвлих и Прокл, второго – Секст Эмпирик и Лонгин (Iamb., *De anima* 26 Finamore–Dillon; Procl., *In. Tim.* I, 20; Sext., *AM* I, 60–61; Longin. ap. Porph., *Vita Plotini* 20).

В связи с этим следует напомнить, что на Птолемея-платоника как на вероятного автора биографии Аристотеля еще в 1854 г. указывал Валентин Розе. Однако по достоинству идея Розе была оценена только во 2-ой пол. XX в., когда к ней одновременно обращаются Диле и Дюринг (1957 г.). Диле приводит веские аргументы против гипотезы Криста–Липперта. Их суть такова: у нас нет ни единого свидетельства, где бы мифограф Птолемей Хенн упоминался в связи с философией, как нет ни единого упоминания и о философе Птолемее, которое свидетельствовало бы о его литературных занятиях. Дюринг, в свою очередь, выдвигает ряд принципиальных положений о Птолемее. Во-первых, тот, скорее всего, принадлежал школе Порфирия и Ямвлиха, а его биография Аристотеля написана в 1-ой половине IV в. Во-вторых, своим прозванием al-ġarīb Птолемей обязан арабскому переводчику, стремившемуся таким образом отличить его от автора «Альмагеста». В-третьих, почти все последующие биографии Аристотеля суть ἐπιτομαί биографии Птолемея.

В 1961 г. происходит поистине знаменательное событие. В манускрипте Aya Sofya 4833 обнаруживается арабская версия Птолемеевой биографии. «Труд Птолемея, содержащий завещание Аристотеля, список его сочинений и описание жизни и посвященный Галлу» – так озаглавлена эта биография в стамбульской рукописи.

Весть эта, однако, не скоро достигает европейских исследователей: первый и не слишком обнадеживающий отклик Дюринга появляется лишь десятилетие спустя (1971 г.). По мнению исследователя, Ptolemaei vita Arabica, за вычетом введения, чуть ли не слово в слово повторяет уже известную на тот момент биографию Аристотеля, написанную арабским автором XIII в. Усайбией. Оставаясь верным своим представлениям, Дюринг склоняется к тому, чтобы считать новонайденный текст всего лишь еще одним извлечением из Птолемея, нежели его собственным сочинением. Впрочем, стамбульская находка побуждает Дюринга пересмотреть датировку (отныне биографию ал-Гариба он датирует не 1-ой пол. IV в., но сер. III в.), а также позволяет предположить, что материалы для биографии Птолемей собирал не иначе как в Александрии, явно заимствуя завещание и список сочинений Аристотеля у Андроника.

Иной точки зрения придерживается Мариан Плезя, предложивший в ряде работ (1975–1986 гг.) собственное решение «птолемеевского вопроса». По его убеждению, новооткрытая арабская биография Птолемея в полной мере отражает греческий оригинал. Обращая внимание на явные расхождение между ней и тремя неоплатоническими жизнеописаниями Аристотеля, Плезя приходит к выводу, что они не являются, как думает Дюринг, всего лишь ἐπιτομαί

Птолемеева сочинения, но вместе с ним принадлежат одной общей традиции, в конечном итоге восходящей к Андронику. При этом Плезя считает, что Птолемей ал-Гариб не может быть отождествлен ни с Птолемеем Хенном, ни с Птолемеем-платоником. На самом деле за арабским прозвищем скрывается неизвестный по другим источникам преподаватель аристотелевской философии, который жил не ранее IV в. Заказчиком же его сочинения был Флавий Клавдий Галл. Столь точная идентификация адресата позволяет ученому предположить, что Ptolemaei vita Aristotelis была составлена не в Александрии, а в Антиохии между 351 и 354 гг. Эти соображения были поддержаны Димитрием Гутасом, также весьма критически отнесшимся к дюринговской оценке стамбульского манускрипта (1986 г.).

Таким образом, гипотеза о биографическом труде Птолемея ал-Гариба как основном источнике для неоплатонических биографий Аристотеля на сегодняшний день утратила свою объяснительную силу.

*** Работа выполнена при поддержке РНФ в рамках проекта № 15–18–30005.**

О.Ю. Елина (Москва)

К истокам профессии ботаника в России: о первых отечественных травниках и гербариях*

Формирование профессии ботаника в России – многофакторный процесс, непременной составляющей которого являлась практическая работа с растением. В мало дифференцированном российском естествознании XVIII в. именно по объекту изучения происходили как самоидентификация, так и восприятие естествоиспытателя научным сообществом как *ботаника*. При этом он мог быть как состоящим на государственной службе профессионалом, так и любителем, занимающимся ботаникой в качестве развлечения. Одним из главных направлений работы с растениями в то время была их каталогизация: описание полезных растений в *травниках*, а также составление коллекций высушенных растений, *гербариев*. В докладе освещаются особенности *гербария/травника* как *историко-научного источника*, специфика его формирования и жизни. Рассмотрение этих вопросов является основой для изучения *роли гербариев* и их создателей в расширении знаний о путях формирования *ботанической профессии* в России в XVIII в.

Мы оставляем за рамками исследования анонимные народные травники и лечебники – обширный пласт источников, хорошо изученных этнографами, культурологами, историками медицины и т.д. Истоки авторской традиции, впоследствии приведшей к профессиональным «флорам», обычно связывают с переводом труда немецкого врача И. фон Каубе (Кубе) «Ortus Sanitatis» (ок. 1491 г.), предположительно выполненным в 1530-е гг. Н. Бюлевым и Д. Герасимовым по заказу митрополита Московского Даниила. Этот травник, более известный как «Прохладный вертоград» по списку 1678 г., послужил основой для множества дополненных списков и компиляций XVIII–

XIX вв., в том числе иллюстрированных. XVIII в. отмечен появлением печатных травников и фармакопей; среди них – «Врачебное веществословие» Н. Максимович-Амбодика (1783–1784 гг.). Одновременно множились издания с описаниями экспедиционных сборов, коллекций ботанических садов и т.д. Среди первых – каталог коллекции сада Академии наук, выполненный И. Амманом в 1736 г. Закономерным развитием этого направления стало составление знаменитых русских иллюстрированных «флор», среди авторов которых – всемирно известные ботаники И.Х. Буксбаум, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас и др.

Считается, что гербаризация началась параллельно или несколько позже составления травников. Грань между травниками и гербариями долгое время была размыта: высушенные части растений вместо рисунков наклеивались в травники. Но именно гербарий символизировал начало формирования ботаники как науки. Конвенционально ботаническим сообществом был установлен примат гербарного образца как единственно аутентичного, первичного документа, который не мог быть заменен письменным или графическим. Приведем комментарий в этой связи Карла Линнея: «Гербарий имеет превосходство над любым изображением и необходим каждому ботанику» («Философия ботаники», 1751).

В чем состоит специфика гербарного листа и гербария (свода/коллекции отдельных листов, институции) как исторического источника, в данном случае – по истории науки? Особенность этого источника – его «гибридный» характер: гербарий является одновременно и вещественным, и словесным (письменным), а иногда еще и изобразительно-графическим источником. Это одновременно и крайне недолговечный источник (хрупкость растения), и способный храниться в веках при оцифровке, практически не теряя своих информационных свойств. Гербарий – источник с явной эстетической составляющей: засушенное растение не только отсылает к воспоминаниям о живом благоухании, но красиво само по себе. Уместно использовать такой образ: гербарий как институция – это музей с уникальными произведениями, имеющими как информационную, так и художественную ценность.

Задача ранних гербариев состояла в том, чтобы различать и опознавать растения; они по форме и существу являлись эквивалентом иллюстрированной книги, на страницах могли быть помещены изображения растений. В дальнейшем изображения с листов исчезли; поменялась техника закрепления высушенного растения (штрипы и пр.). В XVIII в. появились информационные записи, первоначально непосредственно на гербарном листе. В идеале указывались: название растения (в том числе с синонимами), место и дата сбора, коллектор(-ы), промежуточные лица и пр. Но, как правило, большая часть данных отсутствовала, информация была далеко не полной. Важным элементом явилось введение гербарных этикеток (со второй половины XVIII в.) – отдельных небольших листов бумаги с данными о растении. Это нововведение отражало изменившееся целеполагание гербария: гербарный лист с засушенным растением изучали для приобретения сведе-

ний по систематике, морфологии. Однако полная информация на этикетках стала повсеместной практикой не ранее конца XIX в.

Не менее важным было общее устройство гербария. Например, К. Линней в уже упомянутой «Философии ботаники» приводит не только инструкцию для составления гербария, но дает чертеж гербарного шкафа (на 6 тыс. листов), предусматривавшего отдельное гнездо особого размера для каждого из 24 классов растений введенной им системы.

Первые достоверные сведения о гербарных сборах в России относятся к петровским временам (гербарий лейб-медика Петра I П. Арескина, сборы Д.Г. Мессершмидта, И.Х. Буксбаума). Весь XVIII в. отмечен гербаризацией, которую осуществляли ведущие ботаники России – от И.Г. Гмелина и С.П. Крашенинникова до И.И. Лепехина и П.С. Палласа. Среди известных коллекторов назовем также Г.Ф. Гельма, И.И. Георги, С.Г. Гмелина, И.А. Гюльденштедта, В.Ф. Зуева, Э. Лаксмана, Ф.В. Лондеса, К. Мерка, И.И. Редовского, Н.П. Соколова, Ф.Х. Стефана, И.П. Фалька, Ф.Б. Фишера, П. Шангина и др. Обширные гербарии (все перечисленные сборы, относящиеся к Академии наук) хранились в Кунсткамере; большая часть их уцелела до наших дней.

Важнейшие гербарные коллекции создавались под патронажем любителей ботаники, владельцев частных ботанических садов. Самыми значительными были гербарии, сосредоточившиеся в знаменитой семье Демидовых. Так, П.А. Демидов в 1789 г. передал в дар Московскому университету переплетенный в 20 томов гербарий дикорастущих и культивируемых растении (почти полностью погиб в пожаре 1812 г.). Не менее ценным считался гербарий А.К. Разумовского, число видов растений в котором достигало 10 тысяч (впоследствии был перевезен Ф.Б. Фишером в Петербург). Собравшиеся вокруг Разумовского ботаники и коллекторы организовали в 1809 г. первое в России профессиональное общество с выпуском специализированного журнала.

Сохранившиеся гербарии (как и отчеты об утратах) свидетельствуют о масштабе коллекторской деятельности в России XVIII в. Гербаристические практики, включавшие активные экспедиционные сборы, составление и кураторство гербариев, экспертную и аналитическую работу, требовали рекрутирования в профессию дополнительных ресурсов, тем самым способствуя расширению и консолидации дисциплинарного сообщества. Гербаристика стала важным направлением ботанической науки в России и одновременно – элементом популяризации, привлечения внимания к ней государственных и частных патронов.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ № 15-03-00584.

К.А. Елохин (Москва)

Этапы развития инкской геральдики

В отечественной историографии уже были изучены некоторые аспекты инкской геральдики и вексиллологии, однако общей работы по периодизации истории инкской геральдики не существует. Данная работа призвана заполнить эту лакуну, хотя бы отчасти.

Первый этап развития инкской геральдики относится к 1532–1600 гг., когда гербы, наравне с признанием благородства инков были пожалованы им испанцами за те или иные заслуги, например, помощь в борьбе с другими инками, восставшими против владычества испанцев, за помощь в распространении христианства и т.д. Признание инков благородными и наделение их гербами со стороны испанцев было обусловлено в том числе и экономически – конкистадоры женились на сёстрах и дочерях (нюстах) верховных инков, которые обладали большими земельными площадями, золотом и человеческими ресурсами.

Говорить о времени появления инкской геральдики, т.е. о первых пожалованных испанцами гербах, следует с осторожностью, специалисты называют то 1544, то 1545 гг. Однако, учёные оперируют изображением герба верховного инки Тупак Уальпы (Tupac Hualpa, ?–1533), скончавшегося на 11 лет ранее, т.е. в 1533 г.

В ходе внутренних конфликтов среди инков, спровоцированных конкистадорами, образовалось две династии, имевших титул верховного инки: одна – Сапа Инки, легитимная с точки зрения испанцев, обитала в Куско и происходила от Уаскар Тупак Куси Паулью Инка (Huascar Tupac Cusi Paullu Inca, 1518?–1549), который после крещения в 1543 г. взял имя Кристобаль Паулью Инка (по имени крестного отца Кристобаля Вака де Кастро (Cristóbal Vaca de Castro, ок. 1492–1566)); вторая происходила от Манко Инка Юпанки (Manco Inca Yupanqui, 1515?–1544), также известного как Манко II. Представители обеих династий полагали друг друга незаконными наследниками верховных инков.

Позднее это противостояние, имевшее корни в XVI в., выразилось в XVIII в. в том, что представитель рода Пумакауа, после захвата в плен Хосе Габриэля Кондорканки Ногейры, известного как Тупак Амару II (José Gabriel Condorcanqui Noguera или Tupac Amaru II, 1738–1781), заказал картину, на которой была изображена пума, победившая в схватке змею и находившаяся под одобрительным взглядом Богородицы, воплотив тем самым не только гласность фамилий обоих инков («амару» на яз. кечуа означает «змея, демон»), но и, вероятно, имея в виду победу своей ветви когда-то правившего рода инков, над ветвью Тупак Амару II, потомка Манко II.

Для всей инкской геральдики, выраженной в гербах как представителей обеих династий, так и родственных им инков, не являвшихся прямыми потомками последнего легитимного для всех инки Уайна Капак (Huayna Capac,

1493–1525), например, семейств Синчи Рока, Гуаман и т.д., характерно наличие общих фигур: змей, пум, птиц, деревьев, радуги, дву- и одноглавых орлов, *маскапайчи* (налобного украшения в виде кисточки) и *льяуто* (венца, на котором крепилась *маскапайча*). В виде щитодержателей чаще всего представлены двуглавые орлы (род Чигуан Топа), пумы (род Синчи Рока), фигуры инков (род Бетанкур).

Основными источниками по геральдике инков за этот период являются жалованные грамоты, имеющие изображения гербов и их блазоны, хранящиеся в архивах Испании и Перу, а также немногочисленные портретные изображения индейцев с гербами.

Второй этап – период 1601–1700 гг. – беден геральдическими источниками. После подавления в 1781 г. восстания Тупак Амару II множество источников – документов и портретов, с изображёнными на них гербами, было злонамеренно уничтожено, или закрашено. Планомерное уничтожение источников знаний о гербах потомках инков, их принадлежности к знати, привело к тому, что некоторые гербы и их владельцев невозможно атрибутировать до сих пор. Наиболее ценными являются чудом сохранившиеся фрески инков-донаторов в церквях Перу и Боливии, а также немногочисленные портреты.

Третий этап – 1700–1781 гг. – характеризуется более многочисленными источниками, по сравнению с предыдущим этапом. Возросло количество дошедших до нас портретов, фресок, различных нарративных документов, из которых мы узнаём о привлечении портретов как вещественного доказательства благородства инков в судах по делам о наследстве.

Инки в XVIII в. использовали как парадную одежду тунику древних верховных правителей, называемую *унку*. Документы свидетельствуют об использовании инками (Франсиско Тупак-Амару) *унку* с родовыми гербами (Documentos para la historia de la sublevacion de José Gabriel de Tupac-Amaru, cacique de la provincia de Tinta en el Peru. Prímera edición. Buenos-Aires, 1836. P. 33). В историографии известно об использовании инками флагов с родовыми гербами (Walker C.F. The Tupac Amaru Rebellion. London, 2014. P. 116).

После поражения восстания Тупак Амару II в 1781 г. большинство инков лишилось гербов, многие, выступившие на стороне Х.Г. Кондорканки, лишились также богатства, титулов, социального положения среди испанцев, сохранив высокий социальный статус в глазах индейцев и продолжали пользоваться родовой инсигнией *маскапайчей* и другими регалиями верховных инков, вплоть до первой трети XIX в.

На данный момент многие потомки инков обеднели, утратили связи с родственными семьями, память о предках и принадлежавших им гербах, лишь некоторые из них помнят о славном прошлом и гордятся им.

Н. Жабборов (Ташкент, Узбекистан)

Рукописи малоизученного произведения, приписываемого Ходже Ахмаду Яссави

Ходжа Ахмад Яссави (ум. 562/1166–67 г.) – известный среднеазиатский поэт, великий учёный-мыслитель, знаменитый духовный наставник-шейх и выдающийся философ. Он родился в Исфиджабе (нынешний Сайрам), учился в Бухаре у таких мастеров как Арсланбаб, Шихабуддин Исфиджаби, Юсуф Хамадани и разработал духовно-нравственное учение, на основе которого был создан первый в Центральной Азии мистический орден яссавия. Произведения Ходжи Ахмада Яссави были весьма популярны среди народов, проживавших в Центральной Азии. Они первоначально передавались из уст в уста, а в дальнейшем были зафиксированы в рукописях. Хотя Ходжа Ахмад Яссави хорошо знал арабский и персидский языки, но в своих произведениях отдавал предпочтение чагатайско-тюркскому языку. Благодаря его заслугам тюркский язык был сохранён и введен в литературный обиход.

Заслуги Ходжа Ахмада Яссави были высоко оценены в свое время. Основоположник узбекской литературы Алишер Навои в своем произведении *«Насаим ал-мухаббат мин шамаил ал-футувва»* («Зефиры любви, доносящиеся от ароматов благородства») дал высокую оценку личности Ходжи Ахмада Яссави, возвеличивая его как *«Туркистон мулкининг шайх ал-машойихи»*, что в переводе означает *«Главный шейх Туркестанского края»*. Абдуррахман Джами, считающийся основоположником таджикской литературы, относился с большим уважением к личности Ходжи Ахмада Яссави, описывая его в своей книге *"Нафахат ал-унс мин хазарат ал-кудс"* (Ароматные веяния из вершин святости) как *«Сар халка-и машойих-и атрок»*, что в переводе означает «Глава звена тюркских шейхов». Народы Центральной Азии испокон веков о нём говорили: *«Мадинада – Мухаммад, Туркистонда – Кул Ходжа Ахмад»*, т.е. «В Медине – Мухаммад, а в Туркестане – Божий раб Ходжа Ахмад». Ему также присвоены такие звания, как *«Пир-и Туркестан»*, *«Султан ал-арифин»*, *«Хазрат-и Туркестан»*, *«Хазрат-и Султан»* и т.д.

Что касается научно-нравственного наследия Ходжа Ахмада Яссави, то оно исследовано и многократно опубликовано ведущими научно-исследовательскими центрами России, Франции, Германии, Турции и США. ЮНЕСКО объявила 2016 г. годом выдающихся ученых, внесших большой вклад в общемировую цивилизацию. Среди них Аристотель, Насими и Ходжа Ахмада Яссави. Тем не менее, всё ещё рано говорить, что все произведения Х.А. Яссави исследованы. В качестве примера можно привести «*Рисола дар одобиарикат*» («*Трактат об этике тариката»*). Исходя из содержания произведения, мы перевели его как *«Трактат об этике ордена яссавия»*, хотя подразумевающееся слово «яссавия» в названии оригинала не присутствует.

В фонде рукописей Центра восточных рукописей имени Абу Райхана Беруни при Ташкентском государственном институте востоковедения хранится три рукописные копии данного трактата за инв. № 3808 (312б – 316б), 6652 (361а – 363б) и 9175 (69а – 74а). Научное описание данных рукописей в таких каталогах как «Собрание восточных рукописей Института Востоковедения АН УзССР» (11 томов изданы в Ташкенте в период с 1952 по 1987 гг.), «Кожа Ахмет Иасауи хикметтерінің колжазба каталогы» (Туркістан, 2006) и других отсутствует. В силу этого рукописи до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. В связи с этим мы сочли целесообразным дать их краткие описания.

1. Рукопись за инв. № 6652 состоит из 441 листов и охватывает около 10 трактатов. На странице 01а имеется примечание «Qarokulda yozilgan», т.е. данная рукопись переписана в Каракуле. Каракул, ранее упоминаемый в исторических источниках как «Пайкенд», является одним из древнейших городов Центральной Азии (Материалы Бухарской археологической экспедиции. СПб, 2013. Вып. XII. Отчёт о раскопках в Пайкенде в 2011–2012 гг.), ныне представляет собой районный центр Бухарской области Республики Узбекистан и находится в 60-70 км от Бухары. *«Трактат об этике ордена яссавия»* находится на листах 361а – 363б. На каждой странице – 19 строк. Язык – персидско-таджикский. Вид почерка – *насталик*. Названия глав и основной текст трактата написаны черными чернилами. Грубоватая бумага – восточная, кустарная, среднего качества. Переписчик не указан, но в результате анализа почерков можно предположить, что трактат переписал некий Мухаммад Сафар (л. 210а) родом из Каракула. Год переписки именно этого трактата отсутствует, но предыдущий трактат переписан им в 1245 г.х. (л. 210б), что соответствует 1829–30 гг. Имеются кустоды. Размер рукописи: 14,5×25,5 см.

2. Рукопись за инв. № 9175 состоит из 200 листов и содержит около 10 трактатов. *«Трактат об этике ордена яссавия»* находится на лл. 69а –74а. На каждом листе по 18 строк. Язык – персидско-таджикский. Вид почерка – *насталик*. Названия глав написаны красными, а основной текст – черными чернилами. Имя переписчика и год переписки не указаны. Бумага восточная, кустарная, среднего качества. Имеются кустоды. Размер рукописи: 14,5×25,5 см.

3. Рукопись за инв. № 3808 состоит из 325 листов и включает в себя более чем 20 трактатов. *«Трактат об этике ордена яссавия»* находится на лл. 312б – 316б. На каждом листе по 15 строк. Язык – персидско-таджикский. Почерк – *насталик*. Названия глав написаны красными, а основной текст черными чернилами. Переписчик не указан, но в результате сопоставительного анализа почерков можно предположить, что его переписал Ганиходжа, сын Хайруллаходжа (л. 255б). Год переписки трактата отсутствует, но предыдущий ему трактат переписан в 1253 г.х. (л. 255б), что соответствует 1837-38 гг. Бумага – тонкая, восточная, кустарная, с глянцем, светло-кремового цвета. Имеются кустоды. На полях примечений нет. Размер руко-

писи: 14×24,5 см. Название данного трактата указано в «Каталоге суфийских произведений XVIII–XX вв. из собраний Института Востоковедения им. Абу Райхана ал-Бируни Академии Наук Республики Узбекистан» (Stuttgart, 2002. S. 220).

Богатое научно-духовное наследие Ходжи Ахмада Яссави, в число которого входит и «Трактат об этике ордена яссавия», служило распространению и укреплению ислама среди народов Центральной Азии, сохранению традиционных общечеловеческих ценностей и их воплощению в жизнь, духовному обогащению всех тюркоязычных и персоязычных народов, формированию таких качеств, как человеколюбие, милосердие, честность, справедливость, доброжелательность, веротерпимость, толерантность и доверие между народами. Малоизученный *«Трактат об этике ордена яссавия»*, приписываемый Ходже Ахмаду Яссави, является одним из важных источников ордена яссавия.

А.Е. Жуков (Санкт-Петербург)

Летописный свод 1560 г. и сборник Михаила Медоварцева в рукописи БАН. Арханг. Д. 193*

Летописный свод 1560 г. является одним из крупнейших памятников русского летописания эпохи Ивана Грозного. Однако его изучение находится на начальном этапе. В частности, нуждается в исследовании вопрос об источниках Свода. Большая часть известий в нем восходит к Никоновской и Воскресенской летописям, а также к Новгородскому своду 1539 г. и Летописному своду 1518 г., отразившемуся в Софийской II и Львовской летописях (Жуков А.Е. К вопросу об источниках Летописного свода 1560 г. // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 7: Историческое повествование в средневековой России. С. 126-187). Кроме того, некоторые статьи Свода 1560 г. сходны с известиями из сборника М.Я. Медоварцева, находящегося в составе конволюта БАН. Арханг. Д. 193 и датируемого 30-ми гг. XVI в. (Амосов А.А. Из истории кодекса сборника Д. 193 Архангельского собрания РО БАН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР. Л., 1976. С. 34–40).

Так, в Своде 1560 г. читается оригинальная Повесть о присоединении Пскова к Московскому государству. Долгое время она считалась уникальным известием этой летописной компиляции. Ее текст был опубликован Н.Н. Масленниковой по Румянцевскому списку Свода 1560 г. (Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 185-194). Однако впоследствии М. В. Кукушкина выявила более ранний список этого памятника в рукописи БАН. Арханг. Д. 193, как раз в части, написанной М. Я. Медоварцевым. Текст в Медоварцевском сборнике дословно совпадает со Сводом 1560 г. (Кукушкина М.В. Новый список Повести о Псковском взятии // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 473–476).

Кроме того, в Своде 1560 г. под 6967 г. читается известие о предсказании архиепископу Ионе, что он возглавит новгородскую епархию (РГАДА. Ф. 181. (рукописное собр. МГАМИД). Оп. 1. № 11. Т. 3. Л. 172 об. – 173). Сходный текст читается в Летописце в составе сборника Михаила Медоварцева в конволюте БАН. Арханг. Д. 193. Это известие присутствует еще в одном источнике Свода 1560 г. – Новгородском Своде 1539 г., отразившемся в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского (Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 168). Однако в ряде чтений Летописный свод 1560 г. сближается именно с Медоварцевским летописцем. Во-первых, в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского читается: «Егда, рече, бе еще младенец, оставшу ми сиротою от отца своего седми лет, а от матере треи лет, и положил Бог на сердце жене вдовице именем Натали, матере Якова Дмитреевича Медоварцове, а Михаилове бабе, и взя мя в дом к собе» (ПСРЛ. Т. 43. С. 184). В Своде 1560 г. и Медоварцевском летописце отсутствует чтение «а Михаилове бабе» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 11. Л. 172–172 об.; Сиренов А.В. Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 292). Во-вторых, в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского сообщается, что Наталья приняла Иону как родная мать «и нача кормити и одевать» (ПСРЛ. Т. 43. С. 184). В Своде 1560 г. и Медоварцевском летописце вместо «и нача кормити и одевать» читается «воспита его Бога ради добре» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 11. Т. 2. Л. 172 об.; Сиренов А.В. Указ. соч. С. 292). В-третьих, в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского сообщается, что Иону отдали «на учение грамоте диакону» (ПСРЛ. Т. 43. С. 184). В Своде 1560 г. и в Медоварцевском летописце чтение «дьякону» отсутствует (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 11. Т. 2. Л. 172 об.; Сиренов А.В. Указ. соч. С. 292). Наконец, в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского сказано, что церковную карьеру будущему архиепископу Ионе предрек некий блаженный, имя которого не названо (ПСРЛ. Т. 43. С. 184), в то время как в Медоварцевском летописце и Своде 1560 г. это чудо приписано святому Михаилу Клопскому (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 11. Т. 2. Л. 172 об.; Сиренов А.В. Указ. соч. С. 292).

Таким образом, две статьи Летописного свода 1560 г. сходны с известиями, читающимися в Медоварцевском сборнике, расположенном в составе конволюта БАН. Арханг. Д. 193. Это Повесть о присоединении Пскова к Московскому государству и известие о предсказании архиепископу Ионе церковной карьеры Михаилом Клопским. Поскольку обе эти статьи известны только в составе Медоварцевского сборника, можно предположить, что последний послужил непосредственным источником Свода 1560 г.

* Исследование выполнено за счет средств гранта РГНФ № 5-31-01017 «Славяно-русские рукописи первой половины XVI в. Библиотеки Российской Академии наук: исследование и подготовка каталога».

Л.П Зайцева (Москва)

Вклад Елены Ивановны Каменцевой в становление современной символики России

Вспоминая Елену Ивановну, нельзя не отметить её постоянный интерес к новым идеям и исследованиям в области геральдики, вексиллологии, фалеристики, особенно ярко это проявилось в начале 90-х гг. XX в.

«В новых условиях Елена Ивановна, как признанный авторитет в этой области, была символом преемственности разных поколений ученых, человеком, чей авторитет помогал проведению конференций, изданию сборников, принятию новых гербов и т.д.» (Пашков А.М. Елена Ивановна Каменцева и её роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин (к 90-летию со дня рождения) // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы 22 Международной научной конференции. Москва. 28–30 января 2010 года. М., 2010. С. 81).

Свой большой научно-исследовательский опыт она активно использовала в работе заседаний Круглого стола Правительственной комиссии по проблемам разработки новой государственной символики Российской Федерации. «В декабре 1990 – феврале 1991 года было проведено три заседания, на которых обсуждались генезис и эволюция исторических государственных символов и вырабатывалась концепция государственной символики России. При обсуждении этих академических вопросов иногда шли достаточно горячие дискуссии, рассматривались многочисленные проектные рисунки, поступившие и поступавшие в адрес Комиссии и Комитета по делам архивов. <…> Вопрос о возвращении исторических государственных символов России всесторонне обсуждался на каждом заседании «круглого стола». <…> По вопросу о возвращении двуглавого орла в качестве Государственного герба России было много споров и возражений. <…> Однако шаг за шагом участники Круглого стола продвигались в разрешении возникавших сомнений, добывали всё новые факты, доказывающие широкий и глубинный смысл этого символа, его универсальность, выдвигали аргументы в пользу признания за двуглавым орлом права вернуться в Россию в качестве её Государственного герба.» (Вилинбахов Г.В. История Российского герба и флага. СПб., 2004. С. 68–69).

Острое обсуждение данной проблемы в ходе дискуссий нашло отклик в специальной статье, опубликованной Еленой Ивановной в журнале «Родина». Статья «Двуглавый орёл снова в полете?» «об эволюции древнего изображения всадника на гербе Москвы написана с присущей ей широтой и обстоятельностью и может служить образцом объективного исследования в области геральдики» (Демидова Н.Ф. Сфрагистика и геральдика в научном творчестве Е.И. Каменцевой.// Гербовед. 1995. № 7. С. 11). Елена Ивановна много сил и внимания уделяла процессу становления новой российской символики в самых различных её сферах – геральдики, фалеристики, век-

силлологии. Поэтому закономерно, что она являлась членом Геральдического совета при Президенте Российской Федерации (Указ Президента РФ от 29 июня 1999 года. № 856).

Необходимо отметить активное участие Елены Ивановны в научно-практических конференциях по проблемам геральдического обеспечения силовых ведомств. Она с большим вниманием относилась к этим изысканиям, на заседания геральдического семинара приглашались специалисты, занимающиеся вопросами военной геральдики, вексиллологии, фалеристики. В ноябре 1999 г. Елена Ивановна участвовала в работе Первой военно-геральдической конференции Вооруженных Сил РФ. В среде военных геральдистов к её мнению и замечаниям всегда относились с особым вниманием.

В начале 90-х гг. именно научный авторитет Каменцевой способствовал разработке новой символики Москвы, с учетом исторических традиций в этой области. Особенно Елена Ивановна была озабочена сохранением исторической преемственности московской символики. Её статья «История и символика герба Москвы», опубликованная в газете «Вестник геральдиста» в 1990 г. стала заметным событием в научном сообществе. С 1995 г. Каменцева в составе Московской герольдии (Распоряжение Мэра Москвы от 6 мая 1995 г. № 239-рм). Активная позиция Елены Ивановны помогала остальным членам Московской герольдии успешно вести работу по разработке символики герба и флага всех территориальных районов и административных округов Москвы. Подготовленная герольдией «Концепция составления гербовых эмблем для территориальных единиц г. Москвы» стала основным ориентиром в освоении геральдического пространства Москвы и её территориальных образований. В её личном архиве сохранилось много черновых набросков выступлений на заседаниях герольдии, материалов с её замечаниями по тому или иному эскизу, рисунку герба или флага. Также на заседаниях геральдического семинара, в дискуссиях и обсуждениях, рождалась современная Московская символика. Поэтому по праву можно считать, что московские гербы и флаги имеют частицу души Елены Ивановны и будут ей памятью для будущих поколений москвичей.

С начала 90-х гг. Елена Ивановна являлась активным членом многих общественных организаций. 14 апреля 1991 года в Химках состоялся Учредительный съезд Всесоюзного Геральдического Общества, которое после распада СССР, в 1992 году было преобразовано во Всероссийское Геральдическое общество. «Везде она является желанным гостем и энергичным активистом. Её не смущает ни время года, ни погода, ни место сбора. Она добросовестно посещает любые заседания, где бы они не проходили, и как бы ни удобно было до них добираться. <…> В ВГО она вступила одной из первых, (её членский номер №4), чем значительно повлияла на его авторитет и живучесть. <…> За многолетнюю активную плодотворную работу в деле возрождения и развития отечественной геральдики ей присвоены звания "Почетный член ВГО" и "Почетный член РГК" (Русская Геральдическая Колле-

гия).» (Сметанников И.С. Общественная геральдическая деятельность Елены Ивановны Каменцевой // Гербовед. 1995. № 7. С. 4–5.). Особым талантом обладала Елена Ивановна, «собирательством» в единый центр всех, кто занимался и интересовался вопросами геральдики, фалеристики, вексиллологии, генеалогии. Поэтому она особенно приветствовала появление журнала «Гербовед», который вышел в свет в октябре 1992 г. Это можно считать своеобразным подарком Елены Ивановны к её 70-летию. К журналу и к главному редактору Игорю Станиславовичу Сметанникову у Елены Ивановны было особое отношение. Её ожидание, что журнал «Гербовед» своими публикациями поможет ответить на вопросы, которые встали в процессе возрождения и становления российской символики, как перед определенной системой знаний. С другой стороны, журнал мог объединить в одном месте работы по геральдике, фалеристике, вексиллологии а также объединить вокруг журнала всех интересующихся данными проблемами. Поэтому можно понять, сколько внимания и сил отдавала она каждому номеру журнала. Так сложилось, что последний номер журнала «Гербовед», вышедший при жизни Елены Ивановны, был посвящен её любимому детищу Геральдическому семинару: «17 ноября 2004 года состоялось юбилейное 75-е заседание Семинара по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам Историко-архивного института РГГУ. <…> весь текущий выпуск журнала написан уважаемыми "семинаристами". Такого крупного всплеска публикаторской активности, пожалуй, ещё не было в истории российской геральдики. Шутка ли: за один неполный год – целых два солидных сборника научных трудов! На наших глазах рождается новая геральдическая традиция: каждые полгода издавать специализированный «семинарский» номер «Гербоведа». Хватит ли сил и энергии уважаемым коллегам выдержать столь высокий темп? Это покажет время. Хочется надеяться, что новая традиция послужит мощным стимулом для активизации писательского потенциала российских учёных-гербоведов. Да не оскудеет энергией рука пишущего геральдиста!» (Сметанников И.С. Слово редактора // Гербовед. 2004. № 75. С. 3).

Именно во многом благодаря научно-педагогической школе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института оказался возможен тот подъём геральдики, который наблюдался в России с начала 1990-х годов. Каменцевой удалось сохранить и приумножить ту научную традицию, которая исторически сформировалась на кафедре вспомогательных исторических дисциплин. Елена Ивановна считала необходимым объединение не только геральдистов, но и специалистов в области исторических наук – сфрагистики, фалеристики, генеалогии, вексиллологии, нумизматики, вокруг кафедры и семинара, как ведущего центра изучения и преподавания вспомогательных исторических дисциплин.

Свои идеи ей удалось воплотить в работе Геральдического семинара кафедры вспомогательных исторических дисциплин, который существует с ноября 1992 г. Огромная заслуга Елены Ивановны, возглавлявшей семинар и

руководившей его работой до последних дней жизни, состоит в том что, специалисты получили уникальную возможность обсудить в заинтересованной и понимающей аудитории сложные исследовательские проблемы. Состав участников обеспечивает высокий научный уровень докладов, в которых впервые введено в оборот значительное количество неиспользовавшихся ранее источников, новой, ценной информации. Главным итогом деятельности семинара можно считать то, что сложилось достаточно сплоченное ядро его постоянных участников, среди которых – доктора и кандидаты наук, сотрудники научно-исследовательских и преподаватели учебных институтов, работники музеев и архивов. Геральдический семинар стал заметным явлением столичной научной жизни. С 15 декабря 2004 г. Семинар стал именоваться «Научный семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам имени Е.И.Каменцевой», которым ныне руководит её ученик заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин кандидат исторических наук Е.В. Пчелов.

«Её заслуга (и это особенно видно) состоит в том, что она, в отличие от всех остальных своих коллег, создала нечто ощутимое и живое, нечто, в чем бьётся сердце, мысль и иногда вдохновение – это семинар. Геральдический семинар, теперь уже её имени» (Борисов И.В. Елена Ивановна Каменцева: о ней буду помнить всегда // Гербовед. 2005. № 85. С. 11).

Ю.Н. Звездина (Москва)

Атрибуты трех главных добродетелей в поздних русских иконах святых Веры, Надежды, Любови и матери их Софии

Русская иконопись XIX – начала XX в. пока еще не привлекает пристального внимания исследователей, однако интерес к ней в последнее время возрастает. Поздние иконы заключают в себе немало загадочных элементов, и далеко не на всякий вопрос можно сразу найти ответ. Это относится и к теме нашего сообщения, посвященного примечательному, но практически не изученному пока еще явлению в иконописи указанного времени: сочетанию атрибутов трех богословских добродетелей с образами святых Веры, Надежды и Любови.

Иконы, о которых пойдет речь, попадаются в основном в частных собраниях и на аукционах, нам они пока не встречались ни в действующих храмах, ни в экспозициях музеев. Это образы конца XIX – начала XX в., представляющие трех святых дев-мучениц с их матерью, Софией. Девы держат в руках атрибуты: Вера – крест, Надежда – якорь, Любовь – пылающее сердце (иногда бывают перепутаны). Показаны именно атрибуты добродетелей, а не мученичества, как, например, в польской церковной живописи, когда все три девы изображаются с мечами, либо одна из них изображается с огненной печью, вторая – с мечом, третья – с железной решеткой (Malkiewiczowna H. O poznosredniowiecznej ikonografii I kulcie sw. Zofii z trzema corkami w Malopolsce // Folia historiae atrium. Wroclaw, 1990. T. 26.

S. 27–70. Искренне благодарю за предоставление этой редкой публикации В.Г. Пуцко). На поздних русских иконах изображаются атрибуты трех главных богословских добродетелей, известные с эпохи Средневековья и тогда же широко распространившиеся в Европе. Наиболее ранние из известных нам образов присутствуют в Кельнском соборе, в 1190–1220 гг. они украсили знаменитый реликварий трех волхвов, а около 1320 г. ростовые фигуры трех дев-мучениц (судя по нимбам над их головами) с упомянутыми атрибутами в руках были изображены в капелле Святой Агнесы. Впрочем, не исключено, что это тоже образы добродетелей.

Впрочем, фигуры трех добродетелей с их атрибутами изображены в известной у нас со второй половины XVII в. Библии Пискатора: образы Веры с крестом в руках, Надежды с якорем и Любви с тремя младенцами (вместо пылающего сердца) украшают титульный лист Нового Завета. Аллегорическая композиция сопровождается латинскими стихами, которые в 1679 г. перевел Мардарий Ханыков (см.: Белоброва О.А. Вирши Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46. СПб., 1993. С. 334–376). Переводчик XVII в. сохранил в своих виршах упоминание всех трех добродетелей и их атрибутов.

Следует отметить, что образы трех добродетелей нередко встречаются у ведущих духовных авторов – например, святителя Димитрия Ростовского, в том числе в сочетании с темой Святой Троицы (Подробнее об этой проповеди см.: Звездина Ю.Н. «Слово на Святую Троицу» святителя Димитрия, митрополита Ростовского // Троицкие чтения 2000. Большие Вяземы, 2001) и Страстей Христовых. А в акафисте святым мученицам Вере, Надежде, Любови и матери их Софии три девы прославляются в сочетании с упоминанием главных добродетелей.

Для нас пока остается загадкой, почему в России второй половины XIX – начала XX в. в провинции получают распространение иконы с особенностями иконографии, характерными скорее для периода барокко, с его увлечением аллегориями и символами. Строгановский иконописный подлинник конца XVI – начала XVII в. содержит образец иконографии трех дев-мучениц, но там они представлены с крестами в руках, как и их мать София (см.: Фартусов В.В. Руководство к писанию икон. М., 2002). Первоисточник, в котором образы святых Веры, Надежды и Любови изображены с атрибутами добродетелей, еще предстоит выявить. Пока что самым удивительным нам представляется тот факт, что это явление оказалось востребовано в народной среде, поскольку известные нам иконы написаны непрофессиональными мастерами. Мы можем только предположить, что в основе этого явления лежит более ранняя гравюра.

С.В. Зверев (Москва)

Рукопись предполагавшегося Д.Н. Чудовским в 80-х гг. XIX в. каталога серебряных копеек Петра I

Для истории отечественной нумизматики представляет интерес хранящаяся в Государственной публичной исторической библиотеке рукопись предполагавшегося Д.Н. Чудовским (?–1890) подробного описания серебряных копеек царя Петра Алексеевича, чеканенных на кусочках расплющенной проволоки (ГПИБ. Фонд КХ. Шифр К 15 2/55. Инв. № 0774401).

Автор каталога был известным коллекционером русских монет и почтовых марок второй половины XIX в. В молодости он служил в гвардии. Вышел в отставку в чине поручика и поселился в своем имении в Валдайском уезде Новгородской губернии. В 1860-х гг. жил в Новгороде и служил в Губернском по крестьянском делам присутствии. В 1880-х гг. он жил в Киеве и до 1890 г. служил в Киевском обществе взаимного кредита. Дмитрий Никитич был одним из наиболее авторитетных знатоков русских монет. После кончины Д.Н. Чудовского в 1890 г. его коллекция монет была приобретена московским нумизматом П.В. Зубовым (1862–1921), который после Революции 1917 г. все свое собрание передал Государственному Историческому музею (ГИМ).

Сохраняют значение работы Д.Н. Чудовского по филателии: «Описание русских земских почтовых марок, конвертов и бандеролей» (Киев, 1888) и по нумизматике: «Древнейшие русские монеты» (СПб., 1884) и ««Новгородки»: критический разбор первых двух вып. Русской допетровской нумизматики гр. Ив. Ив. Толстого» (Киев, 1887).

Вполне возможно, что подробные каталоги однообразных новгородских и псковских монет XV в., которые были выпущены молодым петербургским нумизматом И.И. Толстым (1858–1916), как раз и натолкнули Д.Н. Чудовского на мысль использовать такую же форму подачи материала для описания серебряных копеек Петра I, которые представлялись еще более однообразными и трудно читаемыми. Нумизматы обычно разделяли их лишь по обозначению монетного двора или по датам кириллическими буквами под изображением всадника с копьем.

Рукопись Д.Н. Чудовского имеет свои особенности. В простом картонном переплете содержится 31 лист (62 стр.) плотной бумаги, размером 350х210 мм. Первые три листа чистые. Возможно, автор зарезервировал место для небольшой вводной статьи. На обороте третьего листа имеется оттиск печати библиотеки Государственного Исторического музея (ГИМ) с № 25112 и датой «4-XI-1930», что отражает историю рукописи – ее поступление в музей вместе с коллекцией и нумизматической библиотекой П.В. Зубова и последующий учет в библиотеке ГИМ, еще до передачи части книжного фонда в ГПИБ.

Тексты каталожных описаний весьма аккуратно написаны тонким пером. Всего описано 207 типов серебряных копеек с именем царя Петра Алексее-

вича, массовый выпуск которых осуществлялся в 1682–1717 гг. До № 120 перед описаниями монет помещены изображения лицевых и оборотных сторон копеек, также выполненные тонким пером. Для № 124–126 сделаны карандашные рисунки, еще не обведенные чернилами. Поскольку на небольших по размерам расплющенных кусочках серебряной проволоки отпечатывалась лишь малая часть целого штемпеля, для некоторых рисунков следует предполагать «собирание» Д.Н. Чудовским более полного изображения аверса или реверса по нескольким экземплярам копеек, битых одинаковыми штемпелями.

Автор попытался описать все известные ему типы серебряных копеек Петра I, даже с учетом штемпельных связей. Интересны, даваемые Д.Н. Чудовским, ссылки на номера внутри каталога, с указанием на «большое сходство» или даже «совершенно одинаков с №…».

Многочисленные карандашные правки и дополнения по тексту, и отсутствие более 80 изображение монет показывают, что кончина Д.Н. Чудовского не позволила завершить работу. Это надолго отодвинуло изучение отечественных монет конца XVII – начала XVIII в.

Если бы этот каталог увидел свет еще в конце XIX в., то история отечественной нумизматики могла быть иной. Ведь даже капитальное исследование А.С. Мельниковой «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого» (М., 1989) в действительности не соответствует названию, т.к. завершает рассмотрение нумизматического материала царствованием Федора Алексеевича (1676–1682) и не включает монеты времени совместного правления братьев Ивана и Петра Алексеевичей в 1682–1696 гг. и более поздние серебряные копейки правления Петра I. Монеты периода двоецарствия получили свою первую систематизацию только в конце XX в. (Клещинов В.Н., Гришин И.В. Реконструкция и классификация штемпелей проволочных копеек совместного правления царей Ивана и Петра Алексеевичей (1682–1696 гг.) // Монета. Международный нумизматический альманах. Вологда, 1995. № 2. С. 24–31), а более поздние копейки 1696–1717 гг. были каталогизированы лишь в начале XXI в., через 120 лет после неопубликованной работы Д.Н. Чудовского (Гришин И.В., Клещинов В.Н. Каталог Русских средневековых монет времени единоличного правления царя Петра Алексеевича (1696–1717 гг.). М., 2005).

Г.А. Зверкина (Москва)

Египетский треугольник в средневековом Новгороде

Исследователи древнерусской естественнонаучной мысли ориентируются в основном на имеющиеся (часто только в копиях) тексты, сохранявшиеся, как правило, в монастырских библиотеках (В.В. Мильков, Р.А. Симонов. Кирик Новгородец: Учёный и мыслитель. М., 2011; В.В. Мильков. Космологические произведения в книжности Древней Руси: Ч.1–2. СПб., 2008–2009;

А.В. Григорьев, И.А. Денисова, В.В. Мильков, С.М. Полянский, Р.А. Симонов. Древнерусская космология. М., 2004, и др.). Некоторый вклад в эти исследования даёт также расшифровка и изучение берестяных грамот – в основном, бытового содержания – например, Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Под ред. В.Л. Янина. М., 2003; http://gramoty.ru/ и др.).

Геометрические же методы древних и средневековых славян практически не исследованы; возможно, единственным источником, где можно обнаружить изучение методов применения геометрической алгебры в технических конструкциях, являются две небольшие работы Б.А. Рыбакова (Б.А. Рыбаков. Мерило новгородского зодчего XIII в. // Б.А. Рыбаков Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С.105–118. Впервые опубликовано: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975; Б.А. Рыбаков Архитектурная математика Древнерусских зодчих // Б.А. Рыбаков Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С.82–104. Впервые опубликовано: Советская археология. 1957, №1; С.83–112). И это при том, что изучению пропорций древнерусского зодчества посвящено довольно много исследований.

В работе об архитектурной математике Древней Руси Б.А. Рыбаков показывает, как могли быть использованы найденные на территории Болгарии и Южной Руси так называемые «Вавилоны» – чертежи трёх концентрических прямоугольников с соединёнными серединами сторон. Как правило, эти чертежи выглядят как неаккуратные наброски: линии не всегда прямы и параллельны, не все углы можно признать прямыми.

Скорее всего, это эскизы будущих точных чертежей, для ***предварительных*** геометрических расчётов, которые затем делались на точно сделанном чертеже – такие ***точные*** чертежи также были обнаружены археологами.

После использования рисунки «Вавилонов», сделанные на черепице или небольших камнях, видимо, становились «полем» для настольной игры, которая в разных источниках называется «Вавилон» или «Мельница»; несомненно, создавались игральные доски и специально для игры – и они уже никогда не использовались для геометрических расчётов.

Игра «Мельница» была распространена, по-видимому, на всей территории древней Руси, и, в частности, игровые доски с таким чертежом (полем для игры) были многократно обнаружены на территории Великого Новгорода. Чертежи на этих досках дополнены линиями, выделяющими углы фигур, близких к прямоугольным.

Однако одна из таких досок из Новгородского музея, названная *«Доска для игры в «Мельницу» на лодочной скамье, XII-XIV век»* (далее «*артефакт*»), имеет бросающиеся в глаза отличия от такого же рода досок, хранящихся в этом и других музеях Новгородской области.

Во-первых, на игральных досках, в отличие от «Вавилонов», середины сторон концентрических прямоугольников соединяются не прямыми линиями, а двойными ломаными, образующими нужные для игры «уголки»; а

артефакт имеет стандартное соединение середин сторон прямоугольников прямыми линиями, дополненными гораздо более грубо (видимо, позднее?) выполненными линиями, выделяющими игровые «уголки».

Во-вторых, в отличие от других игральных досок, средний прямоугольник *артефакта* имеет отношение сторон 3:4 и *действительно* прямые (а не приблизительно прямые) углы; расстояния между вершинами противоположных сторон равны между собой с точностью до долей процента. Сами стороны этого прямоугольника, как и стороны других (внутреннего и внешнего), не выглядят прямыми, что объясняется деформацией дерева при намокании и высыхании.

При этом обе диагонали среднего прямоугольника находятся с его сторонами в отношении 3:4:5 – это соотношение сторон «египетского» треугольника, с древнейших времён используемого для построения прямого угла.

В описании *артефакта* сказано, что рисунок, вырезанный на лодочной скамье, *предположительно* предназначен для игры. Однако, если это изображение было сделано на лодочной скамье, находящейся в узкой лодке новгородца, то непонятно, как около неё должны были бы располагаться игроки. Скорее всего, чертёж был вырезан на доске после того, как она перестала быть лодочной скамьёй (из-за того, что пришла в негодность лодка или же сломалась скамья).

Далее, внешний и внутренний прямоугольники *артефакта* вырезаны менее аккуратно, но, тем не менее, отношение сторон внешнего прямоугольника к соответствующим сторонам среднего равно *примерно* $\sqrt{2}:1$ Можно предположить, что для построения сторон внешнего прямоугольника от вершин среднего было отложено *примерно* по 2/10 сторон среднего вовне, и затем вычерчены стороны внешнего прямоугольника.

Внутренний прямоугольник построен ещё более неточно: отношение длин его сторон к длинам соответствующих сторон средних прямоугольника колеблется между $1:\sqrt{3}\approx 0,577$ и 2:3≈0,668. Можно предположить, что планировалось отношение $1:\sqrt{3}$. Несложный анализ показывает, что на построенном в таких пропорциях чертеже (средний прямоугольник построен с помощью египетского треугольника, и стороны всех трёх относятся как $\sqrt{2}:1:\frac{1}{\sqrt{3}}=3\sqrt{2}:3:\sqrt{3}$ соответственно) можно решать примерно тот же круг задач, что и описанный Б.А. Рыбаковым в цитированной выше публикации.

Итак, мы приходим к следующим выводам: 1) изначально чертёж был вырезан на ***бывшей*** лодочной скамье как геометрический инструмент новгородского мастера; 2) этот инструмент представляет собой вариант «Вавилона» с несколько иными пропорциями, он позволяет решать достаточно широкий круг геометрических задач; при его создании использовался египетский треугольник; 3) после использования в качестве геометрического инструмента чертёж был дополнен линиями для игры в «Мельницу»; отличие *артефакта* от традиционной доски для «Мельницы» заметно при первом же взгляде.

Е.В. Злобин (Москва)

Сетевые библиотеки как военно-мемуарный источник

Электронные библиотеки – сравнительно новый культурный феномен. Внедрение ИКТ привело к тому, что изменилась «технология» чтения, хранения текстовой информации. Книги мигрируют на электронный носитель в форматах ePub, fb2, DjVu, pdf, BBeB, MOBI, LRF для чтения с использованием технологий т.н. «электронной бумаги». Первая сетевая библиотека Максима Мошкова открылась в 1994 г. (lib.ru). А в 2005 г. в России была даже основана Ассоциация электронных библиотек.

Особенность библиотеки Мошкова в том, что книги представлены в архаичном формате txt, обеспечивающем минимальный размер файла, без форматирования текстов, дизайн сайта минималистский. В настоящее время пополнение библиотеки остановлено.

В развитие идеи свободных сетевых библиотек М. Мошков поддерживает ряд проектов самопубликаций авторов, в том числе т. н. «ArtOfWar. Творчество ветеранов последних войн. Сайт имени Владимира Григорьева» (artofwar.ru) и «Окопка – современная военная литература» (okopka.ru). ArtOfWar как первая электронная библиотека военно-мемуарных текстов создавалась В.А. Григорьевым (Григорьев Владимир Аркадьевич, 1964–2005 гг., участвовал в боевых действиях в Афганистане в 1985–1987 гг. лейтенантом-двухгодичником после СПбГУ как начальник звуковещательной станции, позже переводчик полка) для публикации произведений воинов-афганцев в целях снятия т.н. «Афганского синдрома». Позже в число авторов вошли участники других военных конфликтов, вплоть до последних событий на Украине, а также «невоевавшие» военнослужащие. В настоящее время библиотека является, пожалуй, самым ёмким источником мемуарных и художественных произведений о боевых действиях на постсоветском пространстве, включающим более 6000 материалов различных жанров.

Отбор публикаций на сайт осуществляется экспертным сообществом наиболее уважаемых авторов. Текст может появиться на сайте библиотеки только по рекомендации эксперта. Этим ресурс качественно отличается от блогов и твиттера, в которых решение о публикации принимает только автор. При этом каждый эксперт указывается, поэтому пользователям видно, кто кого рекомендовал. Ведётся простейшая статистика по числу произведений, воинским званиям и родам войск, наиболее популярным авторам и др.

Проанализируем, как распределяются авторы воспоминаний по воинским званиям. Трудность анализа воинских званий авторов заключается в том, что звание указывается на основе самоидентификации, т.е. звание, которое автор указал, когда зарегистрировался на ресурсе. В большей степени это имеет значение для мемуаров и произведений офицеров, т. к. зачастую при регистрации указывалось последнее воинское звание при увольнении в запас, а не звание на момент описываемых событий. Без учёта этого обстоя-

тельства распределение авторов по укрупнённым категориям – рядовой и сержантский состав, младшие офицеры и прапорщики, старшие офицеры – достаточно равномерно – 35 %, 26 % и 37 % от общего числа учтённых. Обычно в частях на одного старшего офицера приходилось в среднем 5–10 младших офицеров и от 50 до 100 солдат и сержантов. Если принять это соотношение, то получается, что основными авторами мемуаров и рассказов являются именно старшие офицеры (от майора и выше), которые пишут в 10–15 раз чаще чем младшие офицеры и на два порядка чаще чем рядовые. Однако более корректный вывод именно по офицерам можно будет сделать, проанализировав их воинские звания в описываемый ими период боевых действий, что будет сделано в дальнейшем.

По родам войск самое большое число авторов (17 %) относит себя к пехоте. Второй по численности (14 %) является условная группа «Разведка». Следующие три группы – ВДВ, связь, МВД – примерно одинаковы по количеству. То есть, наиболее активно мемуары пишут участники, которые либо активно участвовали в боевых действиях, либо представители рода войск с повышенными требованиями по уровню образовательной подготовки призывников.

Сравним «источниковую ёмкость» библиотек ArtofWar и Окопка. По общему числу опубликованных материалов первая ArtofWar опережает вторую почти в пять раз: 6339 против 1240. В то же время эти два массива материалов частично пересекаются, т. к. некоторые авторы публикуются на обоих сайтах одновременно. На ArtofWar 55 % публикаций посвящены Афганистану, 17 % – Чечне, и 10 % – конфликтам в СНГ (Окопка – 42 %, 24 % и 17%, соответственно).

Объём публикаций продемонстрируем на примере мемуаров подполковника запаса Б.Г. Цехановича «Куба любовь моя, остров зари багровой» (Служба на Кубе, 1986–88 гг.), «Птб или повесть о противотанковой батарее» (Первая Чеченская война, 1995–1995 гг.), «Комендант Южной Зоны Безопасности» (Грузино-абхазский конфликт, 1997 –1998 гг.), «Умирать страшно лишь однажды» (Вторая Чеченская война, 1999–2000 гг.), размер которых в txt формате превышает 5 Мб, или 2700 страниц! По содержанию это документальные мемуары, подробные дневниковые записи с датами, временем и местом действия.

Формирование военно-мемуарного комплекса, благодаря сетевым библиотекам, во многом схоже с аналогичным процессом после войны 1812 г., практически сразу по её окончанию, в отличие от Великой Отечественной войны, когда в массовом порядке мемуары стали публиковаться после 1965 г. Мемуары участников Чеченского конфликта были опубликованы в электронном формате сразу после его окончания. А события на Украине освещаются участниками в дневниково-мемуарном жанре on-line.

В сетевых публикациях нет цензуры, взгляд изнутри на теневую сторону войн существенно отличается от официоза. Велика доля воспоминаний рядовых, младших офицеров в сравнении, например, с Великой Отечественной.

Отсутствуют т.н. литобработчики, труды которых наши прославленные полководцы только подписывали. Таким образом, сетевые библиотеки являются важным военно-мемуарным источником по новейшей Российской истории.

Е.Я. Зотова (Москва)

Меднолитая пластика как источник по истории сельской мастерской Владимирской губернии XIX века

Эпиграфические памятники составляют значимый комплекс в художественном наследии старообрядцев. В этом ряду особое внимание привлекают предметы меднолитой пластики, отмеченные на обороте рельефной датой «ЗРВ ЛЕТА» (7102–1593/1594). К их числу принадлежат два известных произведения – крест «Распятие Христово» и икона «Спас Вседержитель» – выделяющихся среди поздней меднолитой пластики своей «древностью», подтверждаемой отлитой датой. Известно, что такие образа охотно приобретались старообрядцами, ценившими так называемое «дониконовское» литье, т.е. литье, произведенное до церковной реформы второй половины XVII в., до раскола Русской Православной церкви.

Эти две композиции отличаются и близостью технико-технологических особенностей, которые позволяют отнести их не только к одной и той же категории, или сорту меднолитой пластики, но и к одной литейной мастерской. Подчеркнём, что точное определение сорта литья – одно из главных условий выявления не только места производства предметов с «загадочной» датой, но и специфики ассортимента продукции целой мастерской.

Первая, известная нам, классификация меднолитой пластики содержится в материалах Министерства внутренних дел, в которых указаны три категории медных крестов и икон, «известных под названиями: загорских, поморских, погостских и других, из коих первые два сорта отливаются в Московской, а последние во Владимирской губернии. Употребление сих икон и крестов, как известно, есть повсеместное по всей России, оно укоренилось с давнего времени между простым народом, не исключая и лиц православного исповедания, так что иконы сии имеются почти во всех избах и других жилищах и вывешиваются в селениях над воротами домов, на судах и проч. Сверх того, сими иконами крестьяне благословляют детей своих, отлучающихся в дальние дороги или поступающих в рекруты, и образа сии остаются потом у них на целую жизнь…» (Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1860. Кн. II (1801–1858). С. 430).

В 1869 г. владимирский краевед И.А. Голышев определял следующие категории медного литья: «Иконы медные разделяются на 4 категории: загарские (гуслицкие), никологорские (Никологорского погоста), старинные или поморские (для раскольников поморской секты) и новые. Новые предназначаются для православных, а старинные – для раскольников, которые льются с особыми для них рисунками» (Голышев И. Производство медных

икон в селе Никологорский погост, Вязниковского уезда // Владимирские губернские ведомости: Неоф. часть. 1869. № 27. С. 1).

Из перечисленных сортов меднолитой пластики именно «никологорский» включал литье «под старое», и мастера в селе Никологорский погост Вязниковского уезда Владимирской губернии, «что в 25 верстах от Мстёры», славились и своими подделками под древние красномедные образцы. В конце XIX в. здесь насчитывалось 10 меднолитейных мастерских, которые производили кресты, иконы и складни. В указанной публикации И.А. Голышев так описывал производство медных икон в этих кустарных мастерских: «Берут иконы гуслицкие, отпечатывают в глину, отчего получают так называемую форму. Когда застынет металл, вынимают, затем, как задняя часть выходит шероховатою, то чистят подпилком, и икона готова». Кроме того, известный владимирский краевед раскрыл и процесс создания подделки: «…отливают снятую с старинного изображения форму или крест из зеленой меди, потом кладут на два часа в воду, в которой распущена простая соль, затем вынимают и держат над парами нашатыря, отчего зеленая медь обращается в цвет красной меди и изображение принимает кроме того закоптелый вид».

Такая специфика работы никологорских литейщиков была известна уже в XIX в. отечественным коллекционерам, которые приобретали изделия непосредственно у мастеров. Не случайно Н.М. Постников, известный московский собиратель икон и произведений прикладного искусства, в своем каталоге выделил комплекс из 16 меднолитых предметов работы никологорского мастера с таким важным уточнением – «подделыватель оных мастер Мальков, село Николо-Горский погост, Владимир. губер. Вязниковского уезда, второй половины XIX века» (Каталог христианских древностей, собранных московским купцом Николаем Михайловичем Постниковым. М., 1888. С. 103).

Первой в ассортименте продукции этого сельского мастера указана икона «Спасителя поясного», без уточнения о наличии даты. Для полноты представления об ассортименте этой мастерской следует назвать и такую широко известную композицию, как «Двенадцать праздников», целую серию «ажурных» икон с изображениями «Святителя Николы Чудотворца (Можайского)», «Благоверных князей Бориса и Глеба» и «Георгия Победоносца». Среди крестов указаны следующие популярные изводы: «Ангел со крестом и тростью» (более известный как «Ангел Великого Совета»), крест «Архангел Михаил стоящий» и «крест с изображением вверху Благовещения Пресвятой Богородицы и двух Серафимов». Таким образом, для медных икон и крестов так называемого «никологорского», или «погостского», литья характерна особая пластическая разработка образа, ставшая повторением древнерусских композиций, форм и орнаментов.

При знакомстве с ассортиментом никологорской литейной мастерской становится ясно, что вся продукция известна в многочисленных отливках XIX – начала XX в. Среди этого ряда особое место принадлежит кресту «Распятие

Христово», с датой «ЗРВ ЛЕТА» (7102–1593/1594), отлитой на обороте. Это меднолитое произведение является повторением одного очень почитаемого древнерусского образца – креста, принадлежавшего преподобному Евфимию Суздальскому (Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века / Ред-сост. И.А. Стерлигова. М., 1996. С. 147).

Иконографическая композиция этого медного креста-реликвии известна в нескольких вариантах, исполненных в мастерских Никологорского погоста (Кириков А.А., Бережков В.Н. Антология православного художественного литья: Неизвестная коллекция. Т. 2. Кресты. М., 2003. С. 216. Кат. 242–254. С. 217–223).

Продукция этих сельских мастерских оптом закупалась торговцами-офенями, которые затем не только продавали её по окрестным селам, но и поставляли товар на ярмарку в Нижний Новгород и в другие города. Как писал И.А. Голышев: «В последних годах, со времени снятия воспрещения торговать медными образами, торговля эта (имеется в виду медное литье) значительно усилилась всюду. Гуртовая продажа икон сосредоточена в больших размерах в слободе Мстере Вязниковского уезда, имеющей торговые обороты с офенями, последние, покупая иконы гуртом, развозят во все концы России».

Подтверждением этих слов известного краеведа стала судьба многочисленных меднолитых предметов с датой «ЗРВ ЛЕТА» (7102–1593/1594), известных в музейных и частных собраниях.

С.Г. Иваницкая (Запорожье, Украина)

Публицистика Сергея Ефремова на страницах «Книгаря» (1917-1920 годы) как исторический источник

Тексты выдающегося украинского литературоведа, критика, публициста, редактора, издателя, академика Всеукраинской Академии наук, представителя украинской политической элиты либерально-демократического направления Сергея Александровича Ефремова (1876−1939) на страницах журнала «Книгарь» составляют важную, но малоизученную часть его разнообразного и яркого наследия (Иваницкая С.Г. Публицистика С.А. Ефремова дореволюционного периода как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII межд. науч. конф. М., 2015. С. 213−214). После многих десятилетий принудительного забвения это наследие, наконец, возвращается к своему потенциальному читателю. В годы национальной революции 1917−1921 гг. Ефремов был лидером Украинской партии социалистов-федералистов и министром (генеральным секретарем) по межнациональным делам при Центральной Раде. Как справедливо заметил один из лучших знатоков его творчества Юрий Бойко, «в 1917 году не было на Украине ни одного национально сознательного человека, который бы не знал, кто такой Ефре-

мов» (Бойко Ю. Літературознавча та літературно-критична методологія Сергія Єфремова // Сучасність. Мюнхен, 1976. № 10. С. 33).

«Книгарь: літопис українського письменства» выходил с сентября 1917 до марта 1920 гг. в Киеве в издательстве «Час». Редактором был вначале В. Королев-Старый (1917, № 1 – 1919, № 18), затем – Н. Зеров (1919, № 19 – 1920, № 1–3), впоследствии известный поэт и критик, лидер неформального объединения украинских «неоклассиков». Увидел свет 31 номер. Благодаря широкому кругу интеллектуалов (не менее 500 авторов) журнал в краткий срок превратился в авторитетный специализированный критико-библиографический печатный орган, где живо обсуждались новинки бурно развивающегося украинского книжного рынка. Сам С. Ефремов опубликовал 47 публицистических текстов: статьи по книговедению и литературоведению, объемные рецензии, краткие отклики на новые издания, полемические реплики, два некролога (памяти адвоката Ильи Шрага и экономиста Михаила Туган-Барановского). Особняком стоит статья о преследовании режимом А.И. Деникина в 1919 г. украинских изданий (Єфремов С. Карна експедиція. Епізод з найновішої історії української книги // Книгарь. 1920. № 1–3 (29–31)).

Сергей Ефремов, прирожденный публицист и в то же время автор основательной, весьма популярной среди массового читателя «Історії українського письменства» (1911) выступал не просто лоцманом в книжном море. Даже небольшие по объему, его работы можно трактовать как существенный вклад в науку. Не случайно Ю. Бойко как-то заметил: «Литературоведение Ефремова связано тесно с жизненной актуальностью. Поэтому есть соблазн рассматривать его научное наследие как публицистику. Но во многих случаях − это лишь соблазн. Потому что его публицистика того замеса, которая естественным образом перерастает в интересный, живой, сочный литературоведческий анализ. Засушенные бабочки под стеклом − это не его род классификации. Он не желает также быть доктринером-исследователем, который живет голыми формулами. Литературно-общественная и критическая публицистика причудливо перерастает у Ефремова в глубокий литературоведческий опыт, и не пытайтесь у него эти две сферы разделить в тех случаях, когда он сам того не желает» (Бойко Ю. Літературознавча та літературно-критична методологія Сергія Єфремова // Сучасність. Мюнхен, 1976. № 10. С. 49).

Репертуар ефремовских статей в «Книгарі» следующий. Три достаточно объёмные статьи − «Голод на книжку» (1917, № 2), «Наші місяшники» (1917, № 4), «Про пошану до книги» (1918, № 5) − посвящены проблемам книгоиздания. Часто встречаются рецензии на сборники весьма востребованной в бурное революционное время политической публицистики. Например, Ефремов с энтузиазмом приветствовал выход книги П. Стебницкого «По-між двох революцій. Нариси політичного життя за р.р. 1907–1918» (К., 1918), обсудив, между прочим, в статье «Серед білої ночі»

проблему украинского-российских отношений и агрессии большевизма против Украинской Центральной Рады. Рецензировал переиздания произведений М. Драгоманова, А. Конисского, Б. Гринченко, В. Доманицкого, книжки В. Левинского «Царская Россия и украинский вопрос», В. Дорошенко «Українство в Росії», Ю. Охримовича «Короткий нарис розвитку української національно-політичної думки в XIX ст.» (ч. 1). История общественных движений, литературный процесс, популяризация наследия выдающихся деятелей украинского движения – еще один вектор интересов Ефремова-рецензента. С особым пристрастием реагировал он на массовые издания, посвященные Тарасу Шевченко. Критически оценивал брошюры, посвященные И. Франко и М. Павлику. На страницах «Книгаря» можно также встретить солидные по объему критические работы С. Ефремова классического типа – возможно, апробацию тематики будущих монографий или разделов «Історії українського письменства» (которая выдержала несколько переизданий – 1917, 1919–24). Впечатляют тексты о литературно-критическом наследии П. Кулиша, жизненной судьбе Е. Гребинки, рефлексии по поводу издания в издательстве «Криниця» собрания сочинений М. Коцюбинского, отклик на сборник прозы начинающего писателя-модерниста М. Ивченко…

Публицистика С. Ефремова на страницах «Книгаря» – ценный исторический источник для реконструкции новейшей эпохи «украинского возрождения» (конец XIX – нач. XX ст.), явно недостаточно вовлеченный в историографической процесс, уникальный ресурс адекватного формирования коллективной памяти украинского общества. Археографическая обработка, научное комментирование и издание этих стилистически безупречных, концептуально значимых, во многом обращенных к современности работ С. Ефремова – ближайшая практическая задача украинской гуманитаристики.

*Статья подготовлена благодаря грантовой поддержке 2012–2014 гг. Канадского института украинских студий Альбертского университета (Вечный фонд им. Михаила и Дарьи Ковальських).

В.И. Иванов (Краснодар)

Значение «обжи» как меры площади земельных угодий в XVII в. (по материалам Соловецкого монастыря)

Наиболее распространенной единицей оклада в северо-западной Руси XV-XVII вв. была «обжа». Самое раннее известное упоминание ее относится к 60−80-м гг. XV в. В летописном рассказе под 8 января 1478 г. сообщается, что: «три обжы соха; а обжа один человек на одной лошади орет; а кто на 3-х лошадех и сам третей орет, ино то соха».

О содержании обжи в литературе высказано несколько точек зрения: мера земли равная 2,5 десятины (далее – дес.) (П.А. Соколовский); мера земли равная 15 дес. (А.С. Лаппо-Данилевский); окладная единица, приравненая к

площади посева от 2 до 7 дес. (П.Н. Милюков); окладная единица, определяемая наличием рабочей силы и качеством земли (Б.Д. Греков); земельная мера равная в домосковский период 9 десятинам, а на рубеже XV–XVI в. – 15 дес. (Г.В. Абрамович); окладная единица однолошадного хозяйства без точной земельной меры, которая в 80-е гг. XVI в. была во всех новгородских пятинах приравнена 15 дес. пашни (А.Л. Шапиро).

Наиболее подробный анализ содержания обжи проведен Г.В. Абрамовичем (Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. Вып. 11. М., 1963. С. 364–390). Одним из важнейших источников для него стала дозорная книга 1611 г. Сумской волости Соловецкого монастыря (СпбИИ. Колл. 2. Д. 129). Из нее этот автор берет указанные там параметры обжи (126х32 сажени (далее – саж.), которые показывают, что она равнялась 4032 квадратным саж или 1,68 дес. Используя практику государственных писцов, автор умножает эту цифру на 3 («в 3-х полях») и получает 5 дес., хотя источник ни о каком трехполье не говорит. Более того, в нем нет ни одного упоминания о хлебопашестве. Все поля и припаши, которые измеряли дозорщики, были сенокосными. Далее автор присоединяет к пяти дес. шесть возов теребовых (лесных) сенокосов, которые приравнивает 3 дес. При этом морские пожни, по его словам, также как и отхожие пожни в новгородских пятинах, в обжу не входили.

Г.В. Абрамович отмечает, что «пашня и сенокос не исчерпывали собой весь участок, входивший в обжу». К ним он прибавляет усадьбу и огороды, которые занимали, по его мнению, не менее 1 дес. Получается, что обжа равна 9 дес. Этот размер характеризует, по мнению автора, домосковскую обжу (Абрамович Г.В. Указ. соч. С. 372–374). Что касается дворовой земли и огородов, то по нашим наблюдениям в дозорной книге 1611 г. они не фиксировались. Данные дозора этой же волости за 1661 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 57. Л. 20 об., 29 и др.) показывают, что самая большая крестьянская усадьба с огородом (232,25 кв. саж.) не превышала 1/16 обжи. В обжу эти земли не включались, а если ставился новый двор на тяглой земле, то добавлялся еще участок (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

В действительности в сумскую обжу входили: полевые земли, морские пожни и теребовые сенокосы. Единицей учета морских сенокосов был лук, который соответствовал, как сообщает источник, 2 обжам (скорее всего, имеется в виду площадь). Все тяглые владельцы полевой земли имели соответствующую долю и на морском побережье. Площадь их не измерялась. Известно только количество возов сена в каждом луке – оно колеблется от 48 до 80. В книге 1661 г. после указания размеров обжи (126х32 саж. или 63х61,5 саж.) сделана такая запись: «А сена ставитца на тяглую обжу полевого 24 воза, да морских пожен косят на тяглую обжу по 40 возов, да лешего сена теребовых покосов на тяглую ж обжу по 6 возов. Обоево косят сена в полях и на море и на теребах на обжу по 70 возов» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 57. Л. 67–67 об.).

Подсчет сена на морских пожнях непосредственно по тексту описания луков показывает, что на 1 обжу приходилось в среднем не 40, а 31,1 воза (в 1611 г.) или 31,5 воза (в 1661 г.). Сами крестьяне и монастырские власти полевые земли (вероятно, вместе с теребами) и морские пожни ставили в соотношение 1:1. Это почти точно совпадает с нашими подсчетами: 30 возов на полях и теребах (по записи) и около 31 на морских пожнях (по тексту дозора). Следовательно, общая сумма составит не 70, а 61 воз на 1 обжу.

Для определения площади сенокосов необходимо выяснить содержание понятия «воз». Источник сообщает, что в Сумской вол. один воз приравнивали 3 закольям (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 57. Л. 79 об. – 80). По данным начала XX в., вес заколья колебался от 0,5 до 2 пуд., иногда доходя до 4 пудов (в соседней Сороке) (Никольский В.В. Быт и промыслы западного побережья Белого моря. М., 1927. С. 52, 67). Если взять самое распространенное значение «заколья» в 2 пуд. сена и принять, что в XVII в. оно было таким же, то тогда воз будет равен 6 пуд. Исходя из этого можно считать, что полевая земля в обже давала 144 пуд.; тереба 36 пуд.; а морские пожни 186 пуд. сена. Размеры полевых участков обжи нам известны – они должны были составлять 1,68 дес. Укос с 1 дес. поля составит в среднем (144 пуд.: 1,68 дес.) 86 пуд., что в два–три раза ниже, чем в начале XX в., когда при интенсивном удабривании получали до 200–250 пуд. сена.

Другие угодья, которые почти не удобрялись в XX в., давали, очевидно, такой же укос как и в XVII в.: тереба 30-70 пуд., а морские пожни (при естественном удобрении водорослями) от 40 до 100 пуд. с десятины (Никольский В.В. Указ. соч. С. 62–64). Для получения 36 пуд. теребового сена необходимо было при среднем укосе в 50 пуд/дес. около 0,72 дес. Морских пожен для обеспечения 186 пуд. сена должно быть в обже при среднем укосе в 70 пуд./дес. около 2,66 дес. Реальный размер одной обжи в Сумской вол. в соответствии с такими расчетами (1,68+0,72+2,66) составит приблизительно 5 дес. Получается, что размеры морских пожен и теребов в сумме (3,38 дес.) в два раза превосходили площадь полевой земли, при этом на полях и теребах собирали приблизительно столько же сена, сколько его ставилось на морских пожнях. Интересно отметить, что при государственном описании Заонежья в 1582/83 г. практически все обжи включали по 10 четей пашни паханой в поле или 15 дес. в трех полях.

Н.П. Иванова (Барнаул)

Возможности реконструкции древних дат в новгородском летописании с помощью пасхальных хронологических элементов

Елена Ивановна Каменцева внесла большой вклад в исследование различных проблем вспомогательных исторических дисциплин. Некоторые ее публикации как учебного, так и научно-исследовательского характера посвящены изучению русской хронологии (Каменцева Е.И. Русская хронология: Справочное пособие / Отв. ред. А. А. Зимин. М., 1960; Каменцева Е.И.

Хронология: Учебное пособие. М., 1967; Каменцева Е.И. О неопубликованной книге А.И. Юшкова «В защиту юлианского календаря» // Отечественные архивы. 1996. № 5. С. 46–53). Это не случайно.

Историческая хронология как одна из специальных исторических дисциплин тесно связана с источниковедением, и зачастую способна помочь и в атрибутировании авторства того или иного источника, и в установлении времени его написания. Одним из важных ее предназначений является возможность редукции древних дат на современную систему счета времени. Это особенно актуально для древнерусской хронологии, поскольку одним из основных источников ее реконструкции являются летописи. Основная сложность при работе с данным видом источников состоит в том, что составители/авторы летописей не объясняли, какими системами времяисчисления они пользуются при датировании тех или иных событий. В Древней Руси использовались различные времяисчислительные системы, в том числе и архаичные, о чем еще в XIX в. предупреждал В.В. Болотов (Болотов В.В. Следы древних месяцесловов поместных церквей // Христианское чтение. 1893. Вып 1. С. 177–210). Выявление тех или иных хронологических элементов в летописях их сравнительный анализ, позволяет не только производить редукцию самих дат, но и времяисчислительных систем, использовавшихся летописцами, а значит, может помочь в определении авторских предпочтений в выборе хронологических ориентиров.

Одними из важных хронологических элементов, позволяющих осуществлять подобного рода реконструкции, являются пасхальные хронологические элементы. Пасха являлась важным хронологическим ориентиром средневекового общества и не только в Древней Руси, но и в других христианских странах. Для этого разрабатывался и использовался специальный подвижный (пасхальный) календарь, и его элементы часто можно встретить в русских летописях.

База данных «Хронология новгородского летописания (IX – середина XV вв.)» (далее - БД), разработанная автором данной публикации, позволяет получать сводные данные по всем хронологическим элементам, используемым в новгородском летописании, в том числе и пасхальным. В настоящее время в БД полностью занесены сведения по всем хронологическим элементам следующих новгородских летописей: Новгородская первая летопись (далее – НПЛ) со всеми ее списками как старшего (далее – НПЛ-С), так и младшего изводов (далее – НПЛ-К); летописи, так называемой новгородско-софийской группы – Софийская I (далее – СПЛ) и Новгородская IV (далее – НЧЛ). Несмотря на, казалось бы, небольшой процент данных хронологических элементов от их общего числа, для разных летописей он составляет примерно 6–8 %, однако именно они зачастую помогаю в реконструкции древних дат.

Всего на данный момент в БД зафиксировано 286 пасхальных хронологических элементов, что составляет 7,23 % от общего числа хронологиче-

ских элементов (3958). Обращает на себя внимание тот факт, что в новгородских летописях ни разу не упоминается, ни один из элементов, используемых для расчета даты Пасхи (Круг Луны, Круг Солнца, Эпакта, Основание, Вруцелето). Это интересно еще и потому, что среди исследователей бытует мнение, что большая часть летописцев принадлежала к духовному сословию, которым эти понятия были хорошо знакомы.

Первые употребления пасхальных хронологических элементов в русских летописях начались с заимствования из византийских источников. Первое такое использование зафиксировано в новгородско-софийской группе летописей (СПЛ, НПЛ) и речь идет о собственно византийских событиях. «Скончася великии кроугъ» – так датируется 24 год царствования императора Михаила в Царьграде (Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. М.: Языки русской культуры, 2000, С. 12; Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000, С. 16). Первое самостоятельное использование пасхальных элементов для датирования событий относится к 1054 г. (дата смерти Ярослава Мудрого).

Обращает на себя внимание, что наибольший процент использования пасхальных элементов – 32−34 % приходится на XIII−XIV вв., причем в НПЛ-С, этот процент в XIII в. максимальный – 54,76 %. Все это явно имеет свое объяснение и требует дополнительного исследования.

Продемонстрируем на нескольких примерах, каким образом упоминание в летописях пасхальных хронологических элементов помогает в редукции древней даты на современную систему счета времени, а также в реконструкции древнерусских времяисчислительных систем. Так, в НПЛ-С под 6676 г. помещено известие о том, что князь Роман Мстиславович, сын Мстислава Изяславича, сел на новгородский престол «мѣсяця априля въ 14, въ въторую недѣлю по велице дни, индикта първаго» (Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 33). В 6676 г. и 1168 г. действительно был первый индикт, и 14 апреля приходилось на воскресенье, Пасха в этом году была 31 марта, т.е. 14 апреля действительно было вторым воскресеньем после Пасхи. Таким образом, в данной статье летописцем использована константинопольская эра, мартовский календарный стиль.

В некоторых случаях наличие в летописи пасхальной отсылки позволяет реконструировать отсутствующую юлианскую дату. В 6801 г в НЧЛ описан поход новгородцев на шведский город, но быстро наступившая распутица не позволила им захватить город, а произошло это «въ вторникъ на похвалнои недѣли». Похвальная неделя − это 5-я неделя Великого поста. В 6801 и 1293 г. Пасха была 29 марта, тогда похвальная неделя приходилась на 15 марта, вторник перед этой неделей приходился на 10 марта, т.е. неудачное наступление на шведский город произошло 10 марта 1293 г.

Подводя итог, можно констатировать. Первое, русские летописи насыщены пасхальными хронологическими элементами, позволяющими производить реконструкцию пасхальных дат. Наличие пасхальных элементов поз-

воляет производить не только реконструкцию древних дат на современную систему счета времени, но и сами древнерусские времяисчислительные системы. Использование же информационных технологий в обработке нарративных источников (летописей) позволяет раскрыть их дополнительные информационные возможности.

И.Н. Извеков (Сочи)

О концептуальной модели формирования генеалогической культуры молодежи

Образовательный процесс с учетом востребованного социумом воспитательного эффекта в затянувшейся реформируемой сфере российского просвещения вряд ли может обойтись без вспомогательных исторических дисциплин в современном гуманитарном знании. Методологической основой воспитательной инновации выступает ценностно-генеалогический подход в целостной образовательной среде семьи и образовательного учреждения, который формируется на осознании личной (семейной) информации, классифицируемой как генеалогические ценности. Как показывают наши многолетние генеалогические исследования, такой подход в воспитании молодежи плодотворно влияет на духовно-нравственное воспитание, гражданское самосознание, толерантность и патриотические чувства молодежи. Относительно целей и задач воспитания в педагогике существуют разные суждения. Не отвергая других целей воспитания, ценностно-генеалогический подход актуализирует задачи воспитания качеств личности, раскрывающие ее нравственность. Однако современные инновационные технологии в воспитательной сфере образовательных учреждений на основе приобщения молодежи к изучению микроистории родных истоков в истории Отечества в последние десятилетия набирает популярность и становится духовно-нравственной потребностью вникнуть в суть преемственности поколений в формирующемся гражданском обществе регионов РФ.

При сохранении целевой установки на развитие патриотических, гражданских и общечеловеческих (нравственных) качеств личности в оптимизации государственной воспитательной политики в субъектах РФ все чаще прибегают к научно-обоснованному ценностно-генеалогическому подходу с целью акцентирования внимания на формировании генеалогической культуры молодежи как инновационной деятельности в духовно-нравственном воспитании учащихся (Извеков И.Н. История семьи в истории Отечества: генеалогия в учебном процессе высшей школы: Учеб. Пособие. М, 2016. + Доп. Материалы [Электронный ресурс; режим доступа http: /www. Znanium.com] – (Высшее образование: Магистратура). – DOI 10.12737/1072 (www.doi.org)). Проведение исследования истории семьи, ветви рода в аспекте изучения истории Отечества несет в себе огромный потенциал духовно-нравственного воспитания молодежи. Сущность формирования генеалогической культуры личности заключается в целенаправленном приобщении

ее к общечеловеческим и семейным культурным ценностям, этике и эстетике поведения, социально и индивидуально значимой творческой деятельности. Установлено, что личность, приобщенная к генеалогической культуре, более восприимчива к осознанию гражданских и социальных компетенций, адекватному восприятию гуманных, патриотических и толерантных качеств личности. Приобщение личности к генеалогической культуре сказывается на ее поведении, что проявляется не только в личностной, но и общественной активности, стремлении делать добро людям, бережно относиться к родительской семье, чтить преемственность поколений, помнить предков, сохранять семейные традиции, быть отзывчивыми, честными, добропорядочными, целеустремленными и проявлять другие нравственные общечеловеческие качества.

Решение проблем развития генеалогической культуры личности в образовательных учреждениях во многом зависит от организации учебно-воспитательной работы в них. Обращение к ценностно-генеалогическому подходу воспитания молодежи связано с менеджментом формирования генеалогической культуры в образовательных учреждениях, что, в первую очередь, связано с формулирования воспитательных задач: воспитание генеалогических и нравственных ценностей личности; воспитание генеалогической и нравственной культуры и на этой основе актуализация нравственного становления личности; воспитание патриотов России, достойных граждан своей страны, своего края, помнящих свое родство, знающих свою родословную, микроисторию семьи в истории Отечества; воспитание толерантности, культуры межличностных и межэтнических отношений; формирование у молодежи активной жизненной позиции, позитивного отношения к учебе и общественной деятельности на основе осознания семейных традиций, обычаев, поступков родителей, родственников и предков; нравственное обогащение личности средствами литературного представления своей семейной истории (воссоздание и систематизация семейного архива, составления монографии, написания биографических очерков, исторического рассказа, повести и др.); привитие нравственной культуры, бережного отношения к родительской семье, родным и свойственным корням, породненным семьям, своей будущей семье; нравственные проявления в поведении и деятельности в современном гражданском обществе.

В соответствии с психологической структурой личности объектом педагогического влияния становятся взаимосвязанные сферы внутреннего мира личности − нравственные ценности, нравственное сознание, нравственные чувства и нравственные привычки, определяющие линию поведения молодого человека не только в изучении истории семьи, но и в других ситуациях. Это оказывает воздействие на все образующие компоненты генеалогической культуры – целевой, содержательный, деятельностный, результативный.

Введение программы курса «История семьи в истории Отечества» в учебно-воспитательный процесс предполагает использование инновационных образовательных технологий, включение следующих методов обучения

и воспитания, направленных непосредственно на духовно-нравственное развитие молодежи средствами генеалогии: методы формирования нравственного сознания и нравственных чувств (рассказ, лекция, беседа, диспут, диалог, пример, использование средств массовых коммуникаций и компьютерных технологий; нравственно-эстетического потенциала искусства и другие на материале генеалогической направленности); методы формирования нравственных привычек и опыта нравственного поведения (организация воспитывающих ситуаций, игра, индивидуальное проектирование, творческие конкурсы, волонтерская, музейная, краеведческая, природоохранная деятельность, военно-патриотическая поисковая работа и др.).

Рассматриваемый ценностно-генеалогический подход в воспитании молодежи в образовательном пространстве семьи и образовательного учреждения педагогический коллектив, как правило, акцентирует внимание учащейся молодежи на приемах формировании абстрактно логического мышления обучаемых, при этом стиль изложения учебной литературы и педагога также ориентированы на данную когнитивную стратегию. С другой стороны, современные исследования на основе внедрения новых информационных технологий находят методологическое противоречие между механизмами психической активности субъекта и существующими технологиями обучения, апеллируя лишь к сфере рационального сознания и игнорирующими возможности формирования продуктивного поведения, опирающего на устойчивые паттерны психической активности. В данном аналитическом обзоре ценностно-генеалогический подход акцентирует внимание на понятиях «сетевое взаимодействие», «сетевая теория», «сетевая методология» и других синонимов от слова «сеть», под которыми в практике просвещения понимается специфика взаимодействия, общения и активизации познавательной деятельности людей (не исключая систему Интернет). Однако актуальной потребностью сложившейся системы образования является использование инновационных технологий обучения, разработанных на основе современных методологических позиций индивидуальных образовательных траекторий, которые должны быть максимально индивидуализированными и обоснованными с позиции теоретико-прикладного аспекта их психологического содержания (так же, как, например, и технологии компетентностного формата).

В учебно-воспитательном процессе молодежи, нацеленного на формирование нравственной компетентности, практикуются и нетрадиционные подходы для мотивации познавательной активности в контекстном обучении, задействованные через систему сетевого взаимодействия. Такие инновации способствует развитию интереса не только к профессиональной деятельности, общего гуманитарного, социально-экономического, математического и общего естественнонаучного циклов, но и в большей степени к формированию нравственной воспитанности и гражданской компетентности молодежи. Такое сетевое взаимодействие призвано обеспечить успешность профессиональной подготовки и формирование профессиональной и общей компе-

тентности воспитанников. Взаимосвязь общеобразовательной и профессиональной подготовки, овладение практическими профессиональными умениями и навыками реализуются в процессе всех видов самостоятельных и коллективных работ, учебных и производственных практик, подготовки курсовых и выпускных исследований, участия в научно-организационной творческой деятельности учащейся молодежи.

Без разработки концептуальной модели инновационного процесса по формированию генеалогической культуры молодежи в контексте ценностно-генеалогического подхода в образовательных учреждениях практически не имеет смысла. Во-первых, необходимо на основе моделирования выявлять наиболее существенные структурно-функциональные связи целостной образовательной среды семьи и образовательного учреждения. Во-вторых, не менее существенной оказалась, и задача применить теоретическое моделирование при создании промежуточных рабочих моделей для детального и наглядного представления исследуемых фактов, явлений взаимодействия субъектов (преподавателей, учащихся, родителей) в учебно-воспитательном процессе. В целях формирования генеалогической культуры молодежи на основе промежуточных моделей необходимо определить совокупность таких педагогических условий, которые обеспечили бы участие молодежи, преподавателей-предметников, руководителей групп, представителей администрации образовательных учреждений и родителей в совместной целенаправленной деятельности по изучению учащимися семейных историй. В-третьих, наглядно в этой модели должны быть представлены и другие компоненты, отражающие участие в этом важном социальном процессе осознание истории развития гражданского общества и познавательного интереса в экономико-социальном развитии муниципального округа, региона, страны. Комплекс педагогических условий, обеспечивающих эффективность формирования генеалогической культуры молодежи на основе ценностно-генеалогического подхода в целом и в различных его аспектах должен отразить предпосылки овладения учащимися знаниями и умениями, необходимыми для успешной поисковой, исследовательской и творческой деятельности генеалогической направленности, влияющих на формирование их нравственных качеств и свойств.

Совокупность педагогических условий должна иметь гибкую структуру и отражать основные изменения в содержании и проявлении генеалогической культуры молодежью. Реализация концептуальной модели предполагает педагогическое обеспечение формирования генеалогической культуры молодежью не только через его цель, содержание, результаты, но и педагогические технологии. Педагогические технологии направлены на формирование комплекса качеств и свойств личности, формируемых при целенаправленном воздействии объективных и субъективных факторов (истории семьи, структуры и содержания учебных дисциплин, специально разработанных программ по генеалогии и т.д.), отражающих семейные (генеалоги-

ческие) ценности и традиции, внутрисемейные и межпоколенные связи, положительный опыт старших поколений и их преемственность.

Д.Г. Илиади (Лондон, Великобритания)

Задачи России в Закавказье в годы Первой мировой войны: по документам Государственного архива Российской Федерации

Проблема территориального размежевания с Османской империей в Закавказье в начале XX в. не находилась в центре внимания политических, военных и общественных деятелей России. К этому времени их гораздо больше беспокоили события на Дальнем Востоке, в первую очередь подготовка и ход Русско-японской войны. Восточный вопрос занял второстепенное место в российской внешней политике. Так, в фонде российского министра иностранных дел графа В.Н. Ламздофа сохранилась аналитическая записка посла в Константинополе – А.И. Зиновьева (1900 г.), где говорится, что перед ним стоят три задачи: критский вопрос, помощь армянам-эмигрантам и 11 млн. руб. недоимок по военному вознаграждению и содержанию турецких военнопленных (ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 500. Л. 100 об.). Как видно, проблемы были незначительны.

Между тем, с конца XIX в. Кавказ стал одним из важнейших социально-экономических, военных и культурных центров развития России. Значение региона возвысилось благодаря развитию нефтяной промышленности, строительству железных дорог и трубопроводов, реконструкции и строительству портов. Важность развития Кавказа отражена, в частности, в докладе министра финансов С.Ю. Витте «Соображения о способах осуществления Черноморской побережной железной дороги» (Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2004. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. С. 559).

В силу этих обстоятельств уже в начале вступления Османской империи в войну вопрос обороны Кавказа стал одним из ключевых в ходе военных действий. Отметим, что в России никаких стратегических планов развертывания войск в Закавказье не было. Военные операции планировали, исходя из оперативной обстановки. Для русского общества и правящих кругов было совершенно очевидно, что целью России должно стать овладение Константинополем, но вопрос о послевоенной границе на Кавказе не был прояснен.

Однако политический или правовой статус в системе международных освобожденных от турецкого владычества народов, характер их взаимоотношений с освободителями нигде не раскрывался. Примечательно, что этот вопрос не затрагивался и на правительственном уровне. Так, в деле Канцелярии Совета министров сохранилась записка вице-директора канцелярии МИД Н.А. Базили «О целях наших на Проливах» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 163–164). Документ был напечатан уже во время войны. Однако в документах дела нет данных, проясняющих цели войны на Кавказе.

Отметим, что в историографии изучалась история военных действий на Кавказском фронте, однако вопрос о целях войны на Кавказе еще не был предметом исследования. Прояснить его позволяет доклад генерала от инфантерии Ф.Ф. Палицына «Соображения о желательной в Малой Азии границе», адресованный императору Николаю II (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 601. Л. 1–10). Документ датирован 18 (26) марта 1915 г., т.е. подготовлен в разгар решающих боев на фронте. Для того чтобы провести источниковедческий анализ документа, важно охарактеризовать личность его автора.

Ф.Ф. Палицын окончил Первое военное Павловское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в лейб-гвардии Царскосельском стрелковом батальоне. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1895–1905 гг. служил начальником штаба генерал-инспектора кавалерии, в 1905–1908 гг. – начальником Генерального штаба. Генерал от инфантерии (1907), член Государственного совета. С началом Первой мировой войны находился на Юго-Западном фронте при генерале Н.И. Иванове. После перевода великого князя Николая Николаевича на Кавказ 23 августа 1915 г., стал заведующим укреплениями Кавказского фронта. Современники дают ему противоположные оценки (Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 63; Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 446–447). При этом генерал Н.А. Епанчин, оценивал его качества отрицательно, опираясь на мемуары генерала Е.В. Масловского (Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте. Париж, 1933. С. 269–270).

Сложность изучения роли и места генерала в военной истории состоит еще в том, что о нем крайне мало опубликованных документов (Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1922. Кн. 3; Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2013. Приложение № 1. С. 349–351). Его личный фонд хранится в Гуверском архиве войны, революции и мира и почти не доступен для российских историков. Несмотря на это, можно сделать вывод, что генерал пользовался доверием непосредственного начальства. В силу этого обстоятельства можно предположить, что именно потому его попросили составить доклад о задачах и будущих границах России в Малой Азии. Автор доклада анализирует данные об экономическом и культурном положении новых территорий и перспективы интеграции этих земель в состав России. По мнению генерала, овладение Эрзерумом влечет включение Трапезонда в состав России, а пограничная черта от мыса Ерекли должна быть перенесена к западу, к городу Тереболи и оттуда на юг по отрогам Понтийского Тавра в Вавук-Дагу. Таким образом, данный документ позволяет восполнить один из важных пробелов в истории Первой мировой войны.

С.С. Илизаров (Москва)

Начала вспомогательных исторических дисциплин в России

Сегодня, без сомнений, можно говорить: русской исторической науке в момент ее формирования чрезвычайно повезло в том, что в ее начале был редкостный работник – ученый и просветитель академик Герард Фридрих Миллер (1705, Херфорд – 1783, Москва). Нет области исторического знания, в которой он не оставил бы зримый и не стираемый до настоящего времени след. Так и в отношении становления отечественного источниковедения и вспомогательных дисциплин истории он был первым.

С трудами ученого связаны процесс становления в России научной литературы, выработка первых исследовательских программ, формирование принципов обоснования знания, приверженность принципу достоверности исторических реконструкций. От Г.Ф. Миллера начинается устойчивая и непрерывная традиция отечественного источниковедения, для которого характерно предельное внимание к документу / историческому источнику и осмыслению его природы, а само научное сочинение на русском языке приобрело сохраняемую, в основном, до настоящего времени модель с обязательным обоснованием актуальности выполненного исследования, с публичной демонстрацией состава и содержания эмпирической базы, оснащенной достаточным научно-справочным аппаратом.

Г.Ф. Миллер уже в своих первых проектах 1730–1740-х гг. комплексного («совершенного») изучения истории России и ее народов (включая сопредельные территории) формулировал задачи проведения исследований во всей хронологической глубине и тематической полноте – гражданской, церковной, ученой и естественно-научной. Он ставил вопрос о необходимости разработки русской археологии («древностей»), генеалогии, нумизматики («знание монет»), хронологии («летосчисление»), фалеристики, геральдики, эпиграфике и других вспомогательных исторических дисциплин, включая, согласно тогдашним классификациям, и географию.

Ученый не создавал специальных методических работ по вспомогательным историческим дисциплинам, однако его труды содержат бесчисленное количество примеров мастерского владения всем арсеналом методов и операционных средств, необходимых для профессии («должности») ученого–историка. В качестве примера можно привести предисловие к выполненному Г.Ф. Миллером археографическому изданию (1774 г.) писем Петра Великого к Б.П. Шереметеву. Причем, это вовсе не вводная часть к публикации документов, а обширная монография «О происхождении и службах предков Шереметевых особливо же о славных делах фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомках его». В тексте насчитывается около 300 прямых подстрочных ссылок на источники, которые при простой систематизации дают следующую выразительную картину: летописные (1 раз); Летопись о мятежах (2); разрядные (5); Степенная книга (1); документы (договора,

письма и пр.), хранившееся в Московском архиве Коллегии иностранных дел (10); документы из архива Тобольска (1); документы из собрания графа П.Б. Шереметева (3); неизданные письма Петра I Ф.М. Апраксину и А.Д. Меншикову (4); Журнал Петра I (146); письма Петра I к Б.П. Шереметеву (103); Марсова книга (2); журнал П. Гардона (1); источники, изданные в «Древней Российской Вифлиофике» (4); документы английских путешественников, опубликованные Р. Хаклюйтом (1); ландкарты (1); автобиография А.Л. Левенгаупта (1); свидетельства Миллера автобиографического характера (1); эпиграфические памятники / надписи с надгробий Романовых в Ново-Спасском монастыре (1); рукописная история Петра I, написанная Ф.И. Соймоновым (1); документы, изданные в Польше (3); ссылки на не идентифицированные документы (6). На самом деле общее количество использованных исторических источников, как минимум, на порядок больше. В тексте имеются многочисленные ссылки на родословные книги, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, жалованные грамоты, а также международные мирные договора, статейные списки, царские указы и циркулярные грамоты, брачные договора («рядные записи»), реляции послов, материалы следственных дел, надписи с надгробий Шереметевых, захороненных в Московском Богоявленском монастыре, в Никольской церкви в Гнездниках и другие, впервые вводимые в научный оборот свидетельства бурной петровской эпохи. Таким образом, глубина эмпирической базы в монографическом по жанру предисловии Миллера к письмам Петра I исключительно велика, или, говоря иначе, – плотность обоснования каждого фактического положения, выдвигаемого историком, максимально возможна для такого типа научного исследования.

Г.Ф. Миллер весьма близко подошел к выделению в особый класс специальных исторических дисциплин. Так в предисловии к первому русскому географическому словарю (1773 г.) он писал, что к собственно историческим наукам принадлежат гражданская, церковная, ученая и «художественная история». Но наряду с этим имеются и «особенныя науки» как то: «Землеописание (География), Летоисчисление (Хронология), Родословие (Генеалогия), знание Гербов (Гералдика), знание древних и новых денег (ars Nummaria) и всякия древности, какого бы звания ни были, а некоторым образом и известия о нынешнем состоянии государств по их направлению, числу жителей, сухопутной и морской силе, коммерции, манифакутарам, земледельству, животным, растениям, минералам и прочим земным произведениям». Если к этому прибавить этнографию (этническую историю), в которой Миллер был едва ли не лучшим специалистом в XVIII в., то получится практически полный цикл вспомогательных исторических дисциплин в максимально расширенном варианте этого понятия.

Хотя основные произведения Г.Ф. Миллера опубликованы, тем не менее, остается еще немало неизданных трудов, которые позволят и далее открывать новые грани его научного диапазона. Так, исключительный интерес

представляют ответы Г.Ф. Миллера – сотрудника Московского архива Коллегии иностранных дел на вопросы по русской дипломатке, заданные в 1766 г. крупнейшим тогда специалистом по вспомогательным историческим дисциплинам профессором Геттингенского университета И.-Х. Гаттерером. Полтора десятка вопросов и, соответственно, ответов касались широкого спектра русской палеографии: о древнейшем архивном документе; о языках, на которых написаны документы; материале для письма и о времени, с которого документы стали писать на бумаге; о цвете применявшихся чернил; формуляре жалованных грамот; о российских архивах и отдельно об архивах монастырей; группа вопросов о печатях – о материале, форме, размерах, надписях и изображениях, отличиях государственных, церковных и «партикулярных людей», а также о времени появления на печатях гербов и, в частности, двуглавого орла и т.п.

Можно считать доказанным, что именно Г.Ф. Миллер первым в русской исторической науке применил слово «источник» в качестве научного термина, семантически весьма близкого к современному пониманию, хотя этот термин и не стал для него доминирующим. В своих трудах он также оперировал такими понятиями и терминами их обозначающими, как «сфрагистика», «дипломатика», «этимология», «историческая география» и др. Вообще огромное значение этого ученого в отношении становления и развития языка русской науки не изучено и не оценено. Впрочем, и все деяния Г.Ф. Миллера и жизнь, отданная развитию русской науки и просвещения, и по прошествии сотен лет не получает заслуженной оценки, и он по прежнему «чужак».

Разве не странно как по разному у нас воспринимают великих людей Российской империи XVIII в.? Екатерина II (София Фредерика Августа принцесса Ангальт-Цербсткая) – великая русская императрица. А ученый и просветитель, российский историограф академик Герард Фридрих Миллер, о котором С.В. Бахрушин писал как о человеке, свершившем революцию в области исторической науки, не имеет в глазах потомков заслуженного титула «Великий»…

Л.И. Илларионова (Москва)

Фотография как источник: иллюстрация, альбом, архивный документ

Всех читателей, конечно, радует богато проиллюстрированная книга. В книге по истории, искусству, архитектуре важен исторически точный иллюстративный ряд, соответствующий тексту. Размещение в книге в качестве иллюстраций фотографий, сделанных мастерами прошлого – явление не редкое, максимально соответствующее издательским задачам. На примере творчества И.Ф. Барщевского рассмотрим степень доступности для издателей фото наследия.

И.Ф. Барщевский (1851–1948) прожил длинную, плодотворную жизнь. Родился в Лужском уезде Петербургской губернии, с 14 лет стал изучать фотографию, работал ретушером в ателье К.И. Бергамаско, посещал Рисо-

вальную школу Д.В. Григоровича при Обществе Поощрения художеств и попутно приватные классы Академии художеств, много и успешно занимался самообразованием. В 1877 г. переехал в Ростов Великий, где открыл свою портретную фотографию, но почти сразу попробовал свои силы в другой области фотоискусства – съёмке памятников архитектуры Ростова, которые произвели сильное впечатление на Ивана Фёдоровича. В 1881 г. по просьбе Комиссии по восстановлению Ростовского Кремля он создал первую серию фиксационных фотографий памятников Кремля, требовавших первоочередной реставрации. С этого времени он постоянно работал как фотограф архитектуры, сотрудничая с крупнейшими организациями по изучению русской архитектуры – Императорской Академией художеств, Московским археологическим обществом, Археологической комиссией и др. Эта первая серия фотографий привлекла внимание академика архитектуры А.М. Павлинова, археолога А.С. Уварова, архитекторов В.В. Суслова и Н.В. Султанова, с которыми И.Ф. Барщевский осуществлял поездки по древним русским городам. География его поездок поражает и сегодня: Ярославль, Ростов, Москва, Вологда, Владимир, Юрьев-Польской, Суздаль, Переславль-Залесский, Кострома (1882–1884), Санкт-Петербург, Астрахань, Новгород, Псков (1885–1886), Углич, Александров, Крым (1887–1888), Кавказ (1888–1889), Муром, Галич (1889–1890), Ярославль, Ростов, Новгород, Псков (1891–1894), Ярославль, Москва, Старица (1895–1896).

Подобранные самим И.Ф. Барщевским тематические подборки фотографий были сформированы в специальные альбомы («Русская архитектура», т. 1–47) и постепенно с 80-х гг. XIX в. (в течение 15 лет) выходили из печати, но приобрести их были в состоянии только крупнейшие книжные собрания: Императорская Публичная библиотека, Академия художеств, Библиотека Эрмитажа, музей Штиглица, Общество Поощрения художеств и др. Коллекция негативов (2717 ед. хр.) с изображением памятников русской архитектуры и декоративно-прикладного искусства в настоящее время хранится в Музее архитектуры им. А.В. Щусева. Часть из всего отснятого фотоматериала была опубликована в изданиях: «Русские древности по снимкам И.Ф. Барщевского». Вып. 1–15 (М., 1915); «Церковно-исторические памятники и вклады дома Романовых Московского периода». Вып. 1–8 (М., 1915), отдельными иллюстрациями фотографа были снабжены журнал «Зодчий», многотомная «История русского искусства» И.Э. Грабаря и др. Два десятилетия назад был подготовлен CD «Русская архитектура в фотографиях И.Ф. Барщевского» (единственный экземпляр в России хранится в Музее архитектуры им. А.В. Щусева).

В 1891 г. по поручению Императорского Православного Палестинского общества была проведена экспедиция по Сирии и Палестине под руководством историка Н.П. Кондакова. Это была первая научная экспедиция Общества, поставившая перед собой цель исследование христианских древностей как «вещественных» памятников, так и сохранившихся письменных источни-

ков. В состав экспедиции входил И.Ф. Барщевский, оставивший большой массив фотографий (более 1 тыс. ед. хр.). После экспедиции весь массив фотографий был организован в альбомы, которые сейчас хранятся в Российской национальной библиотеке: «Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского. В 2-х тт. – 126 л.»; «Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского. В 4-х тт. – 341 л.»; «Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского. В 4-х тт. – 340 л.», не вошедшие в печатные издания. Позже был издан альбом «Храм Воскресения Господня в Иерусалиме» (СПб., 1893), а в 1904 г. вышел в свет отчет «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине Н.П. Кондакова…» (СПб., 1904).

В начале XX в. И.Ф. Барщевский жил в имении «Талашкино» у М.К. Тенишевой, создав музей русской старины. В 30-е гг. он переехал в Коломенское, где работал хранителем музея-заповедника. В 1948 г. он скончался.

Фотонаследие И.Ф. Барщевского огромно, но использовать его в научных, издательских и иных целях не просто. Нужно знать все вышедшие в свет издания, фондодержателей архивных (музейных) материалов. Представленная таблица характеризует степень доступности фотографий: более распространенными являются публикации в периодических изданиях и книгах (их можно найти в отраслевых и крупных библиотеках); книга (научный отчет «Археологическое путешествие …» как тиражная продукция и наряду с альбомами (даже при минимальном тираже) не является библиографической редкостью); следующие фото материалы – альбомы – по сути, архивные документы, но т. к. они хранятся в библиотеках, доступность их вполне реальна; музейные предметы, представленные в виде отдельных листов в фондах музеев тех городов, где жил И.Ф. Барщевский, не всегда атрибутированы; CD находится в составе музейного фонда Музея архитектуры им. А.В. Щусева.

	Русская архитектура	Святая Земля
CD	БД «Русская архитектура». - ГНИМ им. А.В. Щусева.	-
иллюстрации	Журнал «Зодчий» и др. периодические издания, «История русского искусства» под ред. И. Э. Грабаря	
книги		«Археологическое путешествие по Сирии и Палестине Н.П. Кондакова…». - СПб., 1904.
альбомы	«Русские древности по снимкам И.Ф. Барщевского». Вып. 1 – 15. М., 1915; «Церковно-исторические памятники и вклады дома Романовых Московского периода». Вып. 1–8.	«Храм Воскресения Господня в Иерусалиме». - СПб., 1893.

	М., 1915;	
архивные документы в фондах библиотек и библиотек при музеях	«Русская архитектура» тт. 1–47 – РНБ; «Русская архитектура» тт. 1–47 – Библиотека ГЭ; «Москва в фотографиях И.Ф. Барщевского». – ИЗО РГБ.	«Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского». В 2-х тт. – 126 л.» РНБ; «Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского. В 4-х тт. – 341 л.» РНБ; «Экспедиция Императорского Палестинского Общества в Палестину. 1891 г.: Атлас фотографий И.Ф. Барщевского. В 4-х тт. – 340 л.» РНБ.
Архивные (музейные) документы в фондах музеев	Музей архитектуры им. А.В. Щусева; Музеи Ростова Великого, Ярославля, Смоленска и др.	

З.П. Иноземцева (Москва)

Агиография и биографика как вспомогательные исторические дисциплины

Развитие цивилизационных процессов в XXI в. выявило определяющую роль человеческого фактора, перечеркнув формулу «бытие определяет сознание», как научно несостоятельную; формулу, на которой в течение века держался весь каркас теории исторического материализма и прогресса. Исходя из понимания, что Человек − субъект истории, А.Дж. Тойнби показал: «Духовный процесс индивидуальных душ в этой жизни фактически обеспечивает значительно больший социальный прогресс, чем какой-либо другой процесс. <…> Святые производили на мир большее воздействие, чем император или командующий войсками» (Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 2006. С. 528, 552).

Жития, жизнеописания, биографии выступают с давних времен как форма свидетельств о человеке и представляют ценнейший источник гуманитарного познания нарративного типа при условии, что они созданы в ходе исследовательского процесса, включая эвристику, внутреннюю и внешнюю критику источников с целью установления достоверности данных (Источниковедение. Теория. История. Метод. Уч. пособие. М., 2000. С. 49).

«Агиография» (от «святой», «пишу») и «биографика» («жизнь человека», «пишу») имеют общий объект (человек) и предмет исследования – исторические источники, содержащие сведения биографического и генеалогического характера о человеке; используют в значительной части единую структуру источниковедческого анализа (методы исследования), дополненные в агиографии методом христоцентризма (осмысление духовной состав-

ляющей жизнедеятельности человека в свете христианской нравственности). Именно эта дополняющая константа в агиографии определяет ее отличие от биографики. Специфика выражается в готовности сознания агиографа к постижению не только фактов и событий, определяющих жизненный путь человека (биографика), но и способность к восприятию внутреннего духовного пространства личности (агиография).

«Агиография» и «биографика» не заняли пока места в системе вспомогательных исторических дисциплин, достойного тому вкладу, который они могут внести в гуманитарное знание о человеке и его историческом прошлом. Причины этому: и длительное нивелирование роли личности в истории, и политизированный подход к оценке жизнедеятельности лица и его наследия («биографика»), и антирелигиозная политика советской власти в России в XX в. («агиография»). Печатавшиеся в этот период массовыми тиражами идеологически очищенные серии биографий включали имена тех людей, заслуги которых были официально признаны советским государством. Эти биографические серии – малоинформативный источник для познания объективных реалий в судьбах людей и в истории народа. Приводимые в них факты документально не удостоверены.

В 1918 г. была изъята из научного знания «агиография». Жития изучались узким кругом специалистов филологов как жанр древнерусской литературы. Получил распространение миф, что В.О. Ключевский не нашел в житиях исторически значимых фактов. Между тем, ученый, проанализировав более 5000 списков житий и источников, которыми пользовались их составители, утверждал иное: жития «оставляли заметный отпечаток, <…> не только на морали жизни, но и на воспроизведении исторических фактов, из которых они извлекались» (В.О. Ключевский. Древнерусские жития как исторический источник // Ключевский В.О. Православие в России. М., 2000. С. 237). Ключевский, – вспоминает историк С.И. Смирнов, – говорил, что в процессе исследования житий у него «появилось чувство человека, который нырнул в глубину, затаив дыхание движется под водой и думает, хватит ли у него сил вынырнуть. Помню, я указал Василию Осиповичу, что для «Курса [русской истории]» он немало взял материала из житий, и он с живостью ответил: «как же, ведь, в житиях жизнь, которой вы не найдете в актах» (Смирнов С.И. Исследование В.О. Ключевского «Древнерусские жития как исторический источник». М., 1913. С. 4; ОРФ. Ф. 4. Д. 1. Л. 163). А.А. Зимин также замечает, что Ключевский в «своих сочинениях неоднократно приводил ценные исторические сведения, заимствованные им из житий» (А.А. Зимин. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 1860-е годы XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 193).

Подчеркивая историческое и общественно-воспитательное значение житий святых, Ключевский с горечью отмечал: «в деле издания нашего исторического материала давно чувствуется резкий пробел: изданы летописи, акты, а подлинные жития русских святых пропущены и остаются в рукопи-

сях» (Ключевский В.О. Новые исследования по истории древнерусских монастырей // Православие в России. М., 2000.С. 526).

После векового забвения биографика и агиография вновь возвращаются в научное знание. Канонизация в 2000 г. новомучеников XX в., за веру пострадавших, положила начало процессу обращения народа к истокам своего прошлого. История России XX в. в ее объективных реалиях предстала в десятках сотен житий новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви, составленных агиографом игуменом Дамаскиным (Орловским). В.Ф. Петровская исследовала «биографику» как специальную историческую дисциплину, представив обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 гг. (Петровская М.Ф. Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 гг.).

«Историографическая революция» в исторической науке, когда «множественность познавательных контекстов делает историческую реальность принципиально многозначной и превращает Историю, по образному выражению П. Хаттона, в «искусство памяти» (А.В. Лубский. Историческая наука в современной России: интеллектуальная ситуация «fin de siècle» / Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Сб. ст. В 2-х т. Т. 1. М., 2013. С. 157), проблема актуализации «агиографии» и «биографики» как самостоятельных вспомогательных исторических дисциплин в системе научного знания представляется своевременной.

Е.В. Казбекова (Москва)

Студенческие пометы XIII–XIV вв. в списках «Декреталий Григория IX» РНБ. Lat. F. v. II. № 8 и 24

Законодательный свод «Декреталии Григория IX» (иначе «Liber Extra», 1234) является самым массовым правовым сводом западного средневековья: только полных списков и крупных фрагментов насчитывается около 700. Считается, что по преимуществу они использовались в преподавании и изучении права.

Из четырех хранящихся в РНБ списков «Декреталий Григория IX» больше всего читательских маргиналий во фрагментах Lat. F. v. II. № 8 и № 24, в богато иллюминированной итальянской рукописи Эрм. лат. 26 их заметно меньше, а в «карманной» парижской рукописи Lat. O. v. II. № 7 встречаются только единичные записи. В общей сложности оба фрагмента прошли через руки порядка двух десятков студентов, то есть мы располагаем двумя десятками записей прослушанных курсов лекций (Казбекова Е.В. Изучение права духовенством в XIII–XIV вв.: маргиналии в рукописях «Декреталий Григория IX» РНБ. Lat. F. v. II. № 8 и № 24 // Моделирование социальной среды / Сост. Е.Н. Кириллова. М., 2015. С. 12–85; Она же. Маргинальные пометы в рукописях канонического права XIII–XIV вв.: два фраг-

мента «Декреталий Григория IX» в РНБ (Lat. F. v. II. № 8 и № 24) // Маргиналии в средневековых рукописях. Сб. ст. / Под ред. А.И. Сидорова, М.С. Бобковой. М., 2015 (в печати); Она же. Пометы студента XIV в. во фрагменте «Декреталий Григория IX» РНБ. Lat. F. v. II. № 24 // Сб. статей к 60-летию П.Ю. Уварова. М., 2016 (в печати)). Основное их содержание – это выправление списков текста «Декреталий» и ординарной глоссы и буквальное разъяснение их смысла. Присутствуют глоссы типа casus legum / capitulorum с резюме содержания отдельных глав и типа notabilia с абстрактно сформулированными правовыми правилами. Маргиналии с толкованиями более высокого уровня с приведением аргументов для диспутов (brocardica, quaestiones) редки. То есть, судя по студенческим маргиналиям, методика преподавания была направлена на унификацию текста списков у студентов, разъяснение текста и заучивание материала, основной упор делался на устные знания.

На основании палеографии эти студенческие записи датируются серединой XIII–XIV вв. и даже XV в. Они очень разные по объему и характеру, уровень подготовки и методы работы студентов были различны, кто-то старался фиксировать максимум из того, что говорит преподаватель, кто-то записывал выборочно. Набор изучаемых глав не всегда совпадает.

В обоих фрагментах речь идет о чистовых записях, не конспектах (это лишь подчеркивают единичные исключения во фрагменте № 24: несколько глосс небрежным курсивом XV в. и черновые пометы XIII/XIV в., переписанные рядом набело). Анализ ошибок в маргиналиях читателей показывает, что значительная их часть представляет собой ошибки понимания при списывании, а не при диктовке: «Loca(n)t» вместо «Vocavit», «p(otes)t dens» вместо «pe(n)dens» и т.д.

Структура лекций или занятий, там, где объем записей позволяет ее определить, была различной: у большинства упор, судя по всему, делался на содержательное толкование, но во фрагменте № 24 у двух студентов очень велика доля грамматических комментариев, выдающих слабое знание латыни и предмета.

И тот, и другой метод преподавания находят соответствие в современных свидетельствах. Известны три описания структуры лекций по праву: цивилистов Иоанна Бассиана конца XII в. и Пьетро Перегросси середины XIII в. по римскому праву и канониста Остийца (Hostiensis), Энрико Сузанского, середины XIII в. по каноническому. Методика преподавания, при которой ординарная глосса читалась и изъяснялась так же, как текст, была, очевидно, достаточно распространена. Об этом же свидетельствуют и петербургские фрагменты, в которых и к тексту, и к глоссе у ряда читателей имеются схожие грамматические пометы: расстановка знаков пунктуации, абзацев, параграфов для правильного прочтения, исправление грамматических ошибок, приведение разночтений, пояснения отдельных терминов и трудных мест.

В самом раннем из петербургских списков «Декреталий» Lat. F. v. II. № 8 (середина – вторая половина XIII в., 122 л., Франция и Сев. Италия, фрагмент, содержащий первые три из пяти книг «Liber Extra») структура читательских комментариев немного отличается от фрагмента № 24 (конец XIII – первая половина XIV вв., Франция и Сев. Италия, 6 л., фрагмент третьей книги «Liber Extra»). В отличие от фрагмента № 24, где общее количество помет может доходить до 180 на лист, в фрагменте № 8 грамматических комментариев меньше и они, в основном, к ординарной глоссе, а не к тексту. Несколько отличаются и жанры правовых комментариев. Большинство из них – восполнение лакун в ординарной глоссе, сначала до четвертой редакции 1266 г., затем до редакции в переработке Джованни д'Андреа (около 1338 г.). Во фрагменте № 24 читатели восполняли лакуны в глоссе в редакции Джованни д'Андреа, в первую очередь добавляя ссылки на свод «Liber Sextus» Бонифация VIII 1298 г., и одним из читателей сделаны выписки из «Speculum iudiciale» французского канониста и теолога конца XIII в. Гийома Дюрана Старшего. Во фрагменте № 8 гораздо большую роль, чем во фрагменте № 24, играют мнемотехнические записи. Среди ранних читательских помет – это рифмованные изречения типа notabilia, среди более поздних – мнемотехнические схемы типа distinctiones.

Мнемотехнические рифмованные изречения на нижнем поле во фрагменте № 8 принадлежат первым 3–4 читателям. Из порядка 114 изречений на 94 листах рукописи 48 изречений стерты, найти соответствия удалось лишь для 34. Среди этих 34 юридические правила составляют лишь чуть более половины (19; напр., л. 120 об. «Indultum tollit negligentia, crimen, abusus, oppositum factum, damnum, tempus variatum»), остальные 15 приходятся на долю изречений литературного (9) и теологического содержания (6). Эти мнемотехнические изречения вскрывают малоисследованный пласт «университетской» культуры (лишь единицы из них находят соответствия в указателях Х. Вальтера: Walther H. Initia carminum ac versuum medii aevi posterioris latinorum. Göttingen, 1959. № 13999; Idem. Proverbia sententiaeque latinitatis medii aevi. Teil 1. Göttingen, 1963. № 5878), и в этом отношении петербургский список № 8 стоит в одном ряду с рукописями Кассель. StuLB. 2° iurid. 19 со 102 юридическими рифмованными изречениями, Берлин. Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz. Theol. lat. oct. 102 с 83 мнемотехническими стихами и др.

Таким образом, можно сказать, что студенты, оставившие записи, как правило, уже обладали солидными знаниями юридической латыни, права, владели навыками каллиграфического письма. Однако, наряду с ними, курсы по тому же предмету, судя по всему, слушали и те, кто не очень хорошо знал латынь и только приступал к изучению права. Основная масса помет в обоих фрагментах, включая знаки пунктуации – это прежде всего выправление текста и глоссы и восполнение лакун в глоссе, дополнение ее до следующих редакций. Таким образом, на основании читательских маргиналий

можно сказать, что основное содержание курса декретального права в университетах второй половины XIII–XIV вв. заключалось в унификации используемых студентами списков текста и глоссы, разъяснении их содержания и заучивании материала.

Т.В. Кайгородова, С.В. Цыб (Барнаул)

О дате смерти киевского князя Мстислава Великого

Датирующие показания русских летописных источников нередко доходят до нас не только искаженные перепиской, но и прошедшими через специальное хронологическое редактирование, осуществленное компиляторами. Если редакторы обладали определенными знаниями в области хронологии, им удавалось придать отредактированным записям безупречную стройность, за которой почти бесследно исчезала первоначальная и, предположительно, достоверная датирующая информация.

Все историки, писавшие о смерти старшего мономаховского сына князя Мстислава Великого, всегда относили ее к 15 апреля 1132 г., полагаясь на выглядевшую безупречной ультрамартовскую дату Ипатьевской летописи: « В лѣто ҂ѕ҃ х м҃а Престависѧ . бл҃говѣрнъıи кн҃зь Мьстиславъ… априлѧ въ е҃і празнои недѣлѣ . в пѧтокъ» (ПСРЛ-2, 294). Именно так ее трактовал в свое время крупнейший знаток древнерусской хронологии Н.Г. Бережков, при этом признав годовую дату «лаврентьевской» группы летописей (6640 г.) (ПСРЛ-1. 301) мартовской, а календарное число тех же памятников (14 апреля) – ошибочным (Бережков Н.Г., 1963, с. 135).

Обратим внимание на факт, ускользнувший от внимания известного ученого: некоторые летописные памятники северо-восточного происхождения 6640 г. образца Лаврентьевской летописи датируют 6639 г. (ср.: ПСРЛ-1, 301; ПСРЛ-30, 59; ПСРЛ-34, 73; Приселков М.Д., 1950, с. 212). Разница между двумя этими годами явно соответствует разнице между ультрамартовским и сентябрьским календарными стилями: 6639 г. завершается датой «на Госпожин день» (15 августа), а 6640 г. начинается с описания осенне-зимних событий (изгнание Святополка Мстиславича и Полоцка, замирение Ярополка Владимировича с братьями «тое же зимы»), тогда как в Лаврентьевском списке все эти известия датируются 6640 г. Получается, что в «ипатьевской» линии формирования летописного текста 6640-й ультрамартовский год был искусственно увеличен на один номер, после чего этот 6641-й «увеличенный» год был ошибочно принят кем-то из переписчиков за ультрамартовский, в соответствии с чем и производилось безошибочное (но все-таки неверное!) вычисление юлианской даты и пасхально-недельного показания. Первичность датировки северо-восточных памятников подтверждает и относительное показание Владимирского летописца («преставися князь великии Мьстислав Володимировичь,… в великом княжении был 6 лет»; ПСРЛ-30, 59), что никак не позволяет получить его смерть в 6641 г. от

даты начала киевского княжения Мстислава (6633 или 6634 г.). Чуть позже, в статье 6647 г., «ипатьевскому» благочисленнику, знатоку пасхального счета, изменила точность, чем и выдается искусственность его псевдо-ультарамартовских расчетов: датированное этим годом (опять же увеличенным в сравнении с северо-восточными памятниками) начало княжения в Киеве Вячеслава Владимировича он отнес к 24 февраля и к среде Мясопустной седмицы (ПСРЛ-2, 302), хотя ни в одном из ближайших годов такого сочетания календарно-пасхальных элементов не было.

Относительная первичность годовой шкалы северо-восточных памятников в сравнении с увеличенными годами Ипатьевской летописи подтверждается и тем обстоятельством, что новгородские лнтописи, используя в своих статьях отдельные зимствования из южнорусского летописания 2030-гг. XII в., всегда ориентируются на хронологию первой группы источников: так, Полоцкий поход Мстислава в софийско-новгородских летописях описан в 6635 г. (в Ипатьевской летописи – в 6636 г.), а смерть Мстислава в Новгородской первой летописи – в 6640 г. (6641 г.), а в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях – даже к 6639 г., как в некоторых владимиро-суздальских памятниках (НПЛ, 466; ПСРЛ-4, 144; ПСРЛ-5, 160).

Итак, за поздними хронологическими элементами мы можем рассмотреть первоначальную дату одного из важнейших событий окончания киевской эпохи (смерть Мстислава Владимировича Великого 14 апреля 1131 г.).

А.В. Калашникова (Москва)

Медали П.В. Зубова: опыт восстановления личной коллекции

Павел Васильевич Зубов (1862–1921) – выдающийся российский коллекционер монет и медалей. С 1918 г. он работал в отделении монет, медалей и печатей Государственного Исторического музея вместе с А.В. Орешниковым, а его личная коллекция и библиотека стали филиалом отделения.

П.В. Зубов умер в Москве 2 июля 1921 г. Сразу же после похорон все его шкафы с монетами были опечатаны, а в марте – апреле 1923 г. часть нумизматической коллекции (200 000 монет, расположенных в 14 шкафах) и библиотека (в 20 шкафах) были перевезены в ГИМ, согласно его завещанию. В течение 1925–1928 гг. в дар музею от членов семьи Зубова поступали остатки его собрания – медали, налоговые собачьи жетоны, знаки извозчиков.

Коллекция П.В. Зубова стала одной из главных составляющих собрания Отдела Нумизматики ГИМ. Гордостью собрания являются русские и восточные монеты – те разделы нумизматики, которыми более всего занимался Павел Васильевич. Но помимо монет, он собирал памятные и наградные медали. П.В. Зубов поддерживал связь с монетными дворами, заказывал медали непосредственно у медальеров, некоторые медали привозил из-за границы. Если большая часть монет из коллекции Павла Васильевича Зубо-

ва стала частью собрания ГИМ ещё при его жизни, то коллекция медалей была передана родственниками только 1928 г. Она была зарегистрирована в Главной Инвентарной книге музея под номером 63201. Особая опись, составленная дополнительно при регистрации коллекции, содержит общие сведения по ее количественному составу.

Согласно описи, в музей была передана «Коллекция медалей из собрания П.В. Зубова, состоящая из медалей больших, средних, меньше средних, односторонних кружков и малых медалей» общим количеством 3853 экземпляра. Среди них 32 экземпляра российских и иностранных медалей XVI и XVII вв. (1 – в золоте, 19 – в серебре, 12 – из недрагоценных металлов), 601 медаль периода правления Петра I (9 – в золоте, 95 – в серебре, 497 – из недрагоценных металлов), 114 иностранных медалей времени Петра I (56 – в серебре, 58 – из недрагоценных металлов), 28 медалей периода правления Петра II (9 – в серебре, 19 – из недрагоценных металлов), 79 медалей периода правления Анны Иоанновны (3 – в золоте, 25 – в серебре, 8 – в меди, 43 – из недрагоценных металлов), 159 медалей периода правления Елизаветы Петровны (1 – в золоте, 60 – в серебре, 8 – в меди, 90 – их недрагоценных металлов), 5 медалей периода правления Петра III (4 – в серебре и одна недрагоценная), 598 медалей периода правления Екатерины II (3 – в золоте, 216 – в серебре, 379– из недрагоценных металлов), 518 медалей периода правления Александра I (9 – в золоте, 216 – в серебре, 293 – из недрагоценных металлов), 163 иностранных медали на общие с Россией события периода правления Александра I (2 – в золоте, 54 – в серебре, 107 – из недрагоценных металлов), 430 медалей периода правления Николая I (1 – в золоте, 193 – в серебре, 229 – из недрагоценных металлов, 7 –в меди), 425 медалей периода правления Александра II (1 – в золоте, 119 – в серебре, 305 – из недрагоценных металлов), 206 медалей периода правления Александра III (87– в серебре, 8 – в меди, 111 – из недрагоценных металлов), 13 иностранных медалей на общие с Россией события периода правления Александра III (7 серебряных, 6 – из недрагоценных металлов), 459 медалей периода правления Николая II (172 – в серебре, 287 – из недрагоценных металлов), 31 иностранная медаль на общие с Россией события периода правления Николая II (11 – в серебре, 20 – из недрагоценных металлов).

К описи прилагалась таблица, в которой обозначалось количество медалей по императорам, размеру и составу металла. Выделялись большие и малые золотые, серебряные, оловянные, медные, бронзовые, чугунные и железные медали, а также односторонние кружки из тех же металлов и медали, выполненные в технике гальванопластики.

Судьба коллекции Зубова сложилась не очень удачно. Уже в марте 1929 г. часть медалей была передана в центральный Антирелигиозный музей, о чём свидетельствует акт выдачи № 97 от 19.03.1929. Во время Великой Отечественной войны коллекция медалей Зубова, как и прочие фонды ГИМ, была эвакуирована, и после войны, в 1946 г., переучтена. При пере-

учёте музейных ценностей довоенные книги поступлений были погашены, и предметы из вернувшихся фондов вписаны в книгу поступлений заново, однако уже не по хронологии поступлений, а систематически. Коллекция медалей П.В. Зубова была расформирована и дополнила систематическую коллекцию памятных и наградных медалей ГИМ. Номер 63201, присвоенный коллекции в 1928 г., был списан в 1955 г., тогда же был составлен ордер о выдаче предметов из ГИМ, согласно которому из номера 63201 было исключено 72 предмета (ордер № 580 от 25 апреля 1955 г.)

В настоящее время предпринимается попытка восстановления целостности растворившейся в систематическом собрании ГИМ коллекции П.В. Зубова. Работа усложняется тем, что предметный состав коллекции неизвестен. Определить принадлежность медалей к ней можно только по сохранившимся надписям и ярлычкам. Правила учёта музейных предметов в 1920–1930-х гг. предполагали шифровку предметов чернилами (на каждом из них писался номер), а также по возможности подвешивание бирки с номером на предмет. В ряде случаев эти шифры сохранились до наших дней, и благодаря им на настоящий момент нам удалось выявить 235 предметов из фонда наградных медалей, гарантированно принадлежавших коллекции П.В. Зубова: 35 серебряных медалей, 41 медаль из недрагоценного металла, 143 оттиска медалей в бронзе подлинными штемпелями и 16 фрачных копий.

Выявленная коллекция – только небольшая часть изначального собрания, но и она представляет немалый интерес. Среди выявленных предметов – наградные медали за Русско-Турецкие и Русско-Японскую войны, «За взятие штурмом Ахульго», «За усердную службу», «За усердие», «За любовь и отечество», «За переход на шведский берег в 1809 г», «За прекращение чумы в Одессе» и др.

Т.М. Калинина (Москва)

Взгляд на хронологию народов арабского писателя ал-Мас‘уди (X в.)

> **Среди других вспомогательных исторических дисциплин хронология занимает одно из первых мест, потому что понимание исторического процесса немыслимо без знания исторической последовательности событий.**
>
> *Е.И. Каменцева*

Известный ученый-энциклопедист Абу-л-Хасан ал-Мас‘уди (ок. 896 – 956) известен по сохранившимся двум (из 30-ти с лишним) трудам: «Золотые копи и россыпи самоцветов» и «Книга предупреждения и пересмотра».

В круг его интересов входили история царей и владык, войны, образ жизни и верования народов, а также другие области знаний: информация о морях, приливах и отливах, реках, Земле и ее строении, влиянии звезд на обитателей населенной четверти Земли, зависимости цвета кожи, облика и нравов людей от положения их по отношению к Солнцу и проч. (Maçoudi. Les Prairies d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de

Courteille. Paris, 1861–1867. T. I–VII; Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masûdi / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894).

Автор собирал свои впечатления от многочисленных путешествий, сведения купцов и торговцев, информацию из сочинений предшественников и современников (Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. труды. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 171–172; Shboul Ahmad M.H. Al-Mas'udi and his World. A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. London, 1979. P. 1–29, 229–242; Микульский Д.В. Арабский Геродот. М., 1998. С. 112–223).

Ряд востоковедов относили произведения ал-Мас'уди к «'адабу», популярному жанру, сочетавшему образовательные, назидательные и развлекательные цели (Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. XXXV; Фильштинский И.М. Арабская литература в средние века: Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977. С. 13; Пелла Ш. Вариации на тему адаба // Арабская средневековая культура и литература. Сб. статей зарубежных ученых. М., 1978. С. 62). Однако ал-Мас'уди ставил целью изложить «известия времени», «сведения о древних правителях и исчезнувших народах, о временах минувших, вымерших обществах, о том, как они жили и менялись… о царях и лютых деспотах…» (Maçoudi. Les Prairies d'or. T. I. P. 18; Kitab at-tanbih. P. 2–3).

Важнейшее значение трудов ал-Мас'уди состояло именно в том, что он был одним из первых арабских литераторов, творения которого были направлены на изложение прошлого разных народов, но в беллетризованной форме; львиная доля информация посвящалась, естественно, истории арабов до ислама и после его принятия (Кузнецов В.А. Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 73; Микульский Д.В. Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Муруджж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар»). М., 2006. С. 24–40).

Ал-Мас'уди ввел специальные главы в свой последний прижизненный труд «Книга предупреждения и пересмотра»: «Сообщение о хронологии народов, пророков и царей и общей хронологии мира от Адама до нашего пророка (да благословит Аллах его и его род) и о том, что к этому относится». Начало этой главы: «Нет такого народа как среди повинующихся закону религии, так и среди иных, древних и позднейших, который не имел бы своего летосчисления, не возвращался бы к нему и не пользовался им как опорой в большинстве своих дел. [Летосчисление] воспринимал потомок от предка, остающийся в живых от уходящего [в мир иной]. Ведь благодаря летосчислению познаются великие события и важные дела, то, что происходило в минувшие времена и в прошлые века. И если бы [всё] это не было упорядочено и записано, то прервались бы рассказы [о прошлом], исчезли бы предания, а родословия остались бы неизвестными» (Kitab at-tanbih, P. 196).

Ал-Мас‘уди отметил счет эпох у древних народов «по важнейшим событиям, большим изменениям и правлениям великих царей» а также по всемирному потопу и по времени смешения языков в Вавилоне (Ibidem. P. 197). Он рассказал, как велось летоисчисление у персов-огнепоклонников: они начинали летосчисление с появления Кайумарта Килшаха – «царя глины», который считался прародителем людей (ал-Мас‘уди сравнивал его с Адамом) (Ibidem). Персы также вели счет эр от гибели царя Дария и появления Искандара (т.е. Александра Македонского), затем – от начала царствования Ардашира Папакана, затем – от Йездигерда.

У древних греков и римлян, по ал-Мас‘уди, издревле счет лет велся по древним царям и важнейшим событиям, затем появилась эра Александра Македонского, она стала постоянной и существовала во времена жизни ал-Мас‘уди, однако он отмечал разногласия в определении ее начала.

Автор упоминал отсчеты эпох у коптов в Египте – с начала царствования Навуходоносора, от царствования Филиппа, царя Александра Македонского, от гонителя на христиан римского царя владыки Диоклетиана; последний счет остался таким и при ал-Мас‘уди (Ibidem. P. 198).

По словам ал-Мас‘уди, израильтяне вели зачин лет поначалу – от года смерти Исраила, потомка Ибрахима, затем – от исхода евреев из Египта, позднее – от разрушения Иерусалима Навуходоносором и угона пленных в Вавилон (Ibidem. P. 199–201). Кратко упомянуто, что христиане отсчитывают свои века от рождения Мессии и связанных с этим событий. Также есть данные о счете времени индийцев и китайцев (Ibidem. P. 201–202).

Львиная доля известий приходится, естественно, на летосчисление арабов – по многочисленным племенным событиям (войнам, раздорам, переселениям) до наступления эры ислама, когда «мусульмане согласились между собой вести летоисчисление от хиджры» (Ibidem. P. 203–211).

Вся информация о хронологии сопровождается цифровыми вычислениями и пометками о промежутках времени между царствованиями царей или вождей, теми или иными событиями. Такие данные есть не только в одной главе, они проходят через все повествования о царях и владыках народов.

Еще одна глава говорит сама за себя: «Сообщение о некоторых суждениях по поводу лет и месяцев у разных народов, добавочных днях в високосные годы и о днях, прибавляемых в конце года» (Ibidem. P. 214–227).

Итак, по мысли ал-Мас‘уди, знание хронологии – необходимая составляющая изучения истории народов, без которой невозможно составить правильное представление о прошлом.

Р.К. Кармов (Нальчик)

Из истории формирования фондов в архиве Кабардино-Балкарии

Для более точного понимания процессов и облегчения поисков нужных первоисточников мы решили на примере одного архива показать влияние государственного устройства на формирование архивных фондов.

14 сентября 1920 г. из Терского архива поступило указание комитету Нальчикского округа: «в этот архивный фонд должны быть сданы все материалы до 25 октября 1917 г.» (Ф.Р-248. Оп. 1. Д. 2. Л. 610). Это означало, что все дореволюционные фонды из Нальчика должны быть переданы во Владикавказ. Передаче дел помешало то, что в 1921 г. Кабарда вышла из состава Горской Республики.

4 сентября 1922 г. заведующий областным архивом писал в Управление Центрархива: «При центральном исполнительном комитете Совета Кабардинской области состоит архив с делами, относящимися к 1820 г. и позднейших лет и содержит в себе архивные материалы учреждений бывшего Нальчикского и Пятигорского управлений» (Ф.Р-248. Оп. 1. Д. 2. Л. 19). 25 января 1923 г. прошло заседание президиума ЦИКа, на котором повестка дня звучала «О сосредоточении всего архивного материала, касающегося КБАО в местном архивном управлении» (Ф.Р-248. Оп. 1. Д. 6. Л. 5). В области начала проводиться работа по упорядочению архива. 6 декабря 1923 г. председатель суда Кабардино-Балкарии писал в архив: «Облсуд препровождает согласно прилагаемой описи книги Нальчикского Горского словесного суда за 1890–1919 гг. и дела того же суда за 1914–1920 гг. всего 2566 дел на хранение» (Там же. Д. 4. Л. 22).

Выявлением документов занимались различные организации. Так, 5 декабря 1925 г. в совет общества изучения края пришел ответ из Астраханского архива. В нем написано: «О Кабарде и Балкарии могут сохраниться материалы только в архиве бывшего астраханского губернского правления, но таковой находиться в неразобраном состоянии» (Там же. Д. 9. Л. 122).

В самом архиве началось формирование фондов, в списке, составленном в 1925 г., указаны фонды дореволюционного периода: почтово-телеграфного отдела; Горского суда; Лесничества и Нальчикского управления, насчитывающие в себе 6000 кг. документов.

Из отчета Кабардино-Балкарского архива за 1925–1926 гг.: «К началу отчетного периода в областном архивохранилище находилось налицо 21 фонд, из них пореволюционных 20 и дореволюционных 1, но и этот один фонд считается лишь потому, что он не был разобран и представляет из себя сумму дел за сто лет по всему бывшему Нальчикскому окружному управлению» (Там же. Д. 6. Л. 421).

Параллельно шла работа по выявлению документов из других архивов. 14 марта 1928 г. в письме заведующего архивом Грошева в Северо-Осетинское архивное бюро записано: «Вы нам сообщили, что из архивного

фонда Терского областного архива могут быть выделены и переданы нам следующие дела по бывшему Нальчикскому округу: 1.Материалы народной переписи 1897 года. 2. Материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. 3. Посемейные списки 1886 г., а также дела, хранящиеся в Северо-Осетинском архбюро» (Там же. Д. 17. Л. 48).

15 сентября 1928 г. из Грузии пришел ответ на просьбу выделить документы, касающиеся истории Кабардино-Балкарии. «Кабардинские дела распределены хронологически и инвентарно описаны, но не выделены из архивных материалов Горского отдела Департамента главного управления наместника Кавказского» (Там же. Л. 85).

26 октября 1928 г. заведующий архива обращался в Центральный архив РСФСР. В обращении написано: «Скажем только, что Северо-Осетинское и Ингушское архбюро во Владикавказе уже в свое время передали нам по взаимному соглашению часть дел, относящихся исключительно к нашей области» (Там же. Л. 85).

Об особенностях формирования фондов на федеральном уровне свидетельствует секретное указание от 16 августа 1928 г. местным окрисполкомам из ОБЛИКа: «произвести обследование и изъять архивные материалы из национализированных или муниципализированных усадеб и имений бывших помещиков, дворян и князей» (Там же. Д. 20. Л. 34).

При таких усилиях, прилагаемых для выявления документов поражают списки документов к уничтожению. В одном из таких списков 1929 г. записано: «1. О выдаче свидетельства на право ношения оружия туземцам. … 8. Книги каптенармуса Кабардинского конного полка» (Там же. Д. 30. Л. 11). Список не подписан и отсутствуют документы, подтверждающие уничтожение документов из списка. Так же уничтожались документы из районных архивов. В список отобранных для уничтожения документов в 1929 г. вошли документы 1916–1918 гг.

Примером варварского обращения с документами в 1930-х служит вторичное их использование. То есть использовалась чистая сторона документов более раннего периода. Например, среди документов 1934 г. обнаружен билет капитана Латынина 1868 г. Согласно данным в 1936 г., в архиве числилось 155 фондов, из которых дореволюционных 33. К 1938 г. 35 дореволюционных фондов, из них разобрано 25.

В 1941 г. архивисты Кабардино-Балкарии подготовили список из 13791 дел для эвакуации, в том числе было отобрано 10 фондов из документов дореволюционных. Явно видно, что эвакуации подверглись не все дела с фондов, а выборочно. После возвращения фондов в Нальчик, в 1944 г., была обнаружена нехватка материалов в количестве 1181 дел, из них 513 дел дореволюционного периода.

Согласно документу 1958 г., количество фондов дореволюционного периода составляло 50. Этот документ ссылается на приложение 2, в котором был подробный перечень фондов, но удивительно то, что именно этого но-

мера нет, а соседние приложения сохранились. Согласно информации из путеводителя, из дореволюционных фондов два передано в Ставропольский архив, а три утеряны во время Отечественной войны. Из учетных документов мы выяснили, что из Ставропольского архива в 1948 г. было получено три фонда. В 1949 г. передано из Грозного 35 дел. В том же году передано из архива Осетии 4 дела. В 1950 г. передано из Ставрополя два фонда.

Всего на сегодняшний день документы дореволюционного периода составляют 50 фондов. Последний фонд пронумерован 56 номером. Но остались вопросы, почему фонд номер 45 остался пустым без всяких объяснений? Как оказались документы управления 2-го Туркестанского округа армейского корпуса в Нальчике?

Кроме объективных причин в процессе формирования фондов были задействованы и субъективные, в которых еще предстоит разобраться. Кроме этого в фондах АС КБР найдено мало документов о количестве дел дореволюционного периода. Сохранились документы о том, что в Центральное управление отсылались отчеты, но самих отчетов нет. Для выяснения этих вопросов и выявления отчетов необходимо изучить Федеральные архивы.

М.Ю. Катин-Ярцев (Москва)

Из опыта восстановления родословной баронов Фитингоф, дома Турмонт

Общеизвестно, что балтийские рыцарства хорошо обеспечены генеалогической справочной литературой. Первыми были выпущены ещё в конце XVIII в. справочники Августа Вильгельма Гупеля (Hupel A.W. Kurlands alter Adel und dessen Landgüter, oder Kurländische Adelsmatrikul // Nordische Miscelanneen St. 3. Riga, 1781. S. 5–68; Zu der kurländischen Adelsmatrikul. Nordische Miscelanneen St. 11–12. Riga, 1786. S. 431–435; Materialien zu einer liefländischen Adelsgeschichte… Nordische Miscelanneen St. 15–17. Riga, 1788. S. 11–732; Ergänzungen der Materialien zu den hiesigen Adelsgeschichten. Nordische Miscelanneen. S. 22–23. Riga, 1790. S. 363–392; Beyträge zur Geschichte der lief-, ehst- und kurländischen altadelichen Geschlechter, nebst Ergänzungen der dasigen Ordens-Annalen. Neue Nordische Miscelanneen. S. 9–10. Riga, 1794. S. 11–416). Генеалогическую часть составляли материалы бригадира Генриха Иоганна фон Ливена.

Однако и у самых известных, подробно исследованных родов существуют отрасли, которым «не повезло». Пример такой ветви – бароны Фитингоф из дома Турмонт. Об имении Турмонт Виленской (позднее Ковенской) губернии, Новоалександровского уезда, известно очень мало. Располагалось оно в приходе (парафии) Смолвы (Smołwy), в 18 верстах от уездного города Новоалександровска. По некоторым данным, упоминается впервые лишь в 1798 г. Принадлежала Турам, затем Фитингофам, Линдеманам, Маевскому. В нём провел последние годы жизни и умер художник Сократ Максимович Воробьев (1817–1888), в своих картинах запечатлевший виды окрестностей своей усадьбы.

Состояние источников для курляндской генеалогии осложняется тем, что на данный момент в корпусе метрических книг гораздо больше лакун, чем в соседних провинциях – Лифляндии и Эстляндии. Причин тому как минимум две: 1) до выхода нового церковного Устава лютеранской церкви (подписан Николаем I 28 декабря 1832 г.) не существовало консисторского экземпляра метрической книги, был только один, хранившийся в приходе; Многие церковные книги оставались в своих приходах до октября 1944 – марта 1945 г., а именно – жесточайших боёв в так называемом «Курляндском котле»; 2) курляндский земельный архив был в 1919 г. перевезен под руководством его директора Оскара Ставенгагена (1850–1930) в Германию, и вернулся на территорию Латвии только в году 1971-м (Handbuch der personalen Gelegenheitsschrifttums in Europäischen Bibliotheken und Archiven. Bd. 12. Riga. Teil 1. Hildesheim-Zürich-New-York, 2004. S. 39). Однако многие материалы оставались в Прибалтике. Вероятно, в монументальный труд «Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften» были включены далеко не все.

Первоначально эту линию причислили к отрасли Фитингофов с острова Эзель, и в Gothaisches Genealogisches Taschenbuch für 1912 Генрих Фитингоф был показан братом Отто и Рейнгольда, сыновей Иоганна Фитингофа, владельца имения Зандель (убит около 1536 г.). Но дальнейшие исследования, проведенные Николаем Карловичем фон Эссеном, показали отсутствие такого брата (N. v. Essen. Genealogisches Handbuch der Oeselschen Ritterschaft. Tartu, 1935. S. 396–398).

Вероятно, Турмонтскую ветвь собирались опубликовать в «курляндской» части Хандбуха. Однако она не была доведена до конца, т.к. издание справочника прекратилось во время Второй Мировой войны, в 1943 г.

Занимаясь генеалогией балтийских рыцарств, автор обращает особое внимание на ответвления родов, произошедшие от межконфессиональных браков, прежде всего с русскими православными дворянками. Они представляются зачастую слабо изученными.

Для доработки родословной пришлось взять за основу «Готский альманах» за 1912 г. (Gothaisches Genealogisches Taschenbuch für 1912. S. 887–889). Первое пробуждение интереса относится примерно к 1992 году, когда в послужном списке генерал-лейтенанта Николая Адамовича Фитингофа мне встретились упоминания о реке Хабль, горах Тхаб и Папай на Западном Кавказе, на которых в 1990 г. мне пришлось побывать во время туристского похода. Таким образом, первыми были обработаны материалы Российского Государственного Военно-Исторического архива.

Из детей родоначальника, польского камергера Магнуса Александра (ок. 1753–1809 или 1810), дети Адам (1780–1828), Александр (ок. 1795–ок. 1862), Александр Адам (1800–?), Федор (1805–?) и Бенедикт (?–?) поступили на военную службу, а потом стали помещиками Виленской, Тамбовской, Екатеринославской, Харьковской губерний.

Александр Федорович (Александр Теодор, ок. 1795–ок. 1862), приобрел имение от жены Софии Поликарповны, урожденной Папковой, в селе Студенец (Соломенск) Моршанского уезда. Из его детей наиболее известен Борис Александрович (1829–1901), штабс-капитан в отставке, автор опер «Мазепа», «Демон», балетов «Гарлемский тюльпан», «Золушка» и более 800 мелких сочинений. Материал о моршанской ветви Фитингофов хранится в фонде 161 «Тамбовское Дворянское Депутатское Собрание» Государственного архива Тамбовской области. Эта отрасль проживала также в Петербурге, породнилась с хорошими дворянскими фамилиями Дегай, Веригиными, князьями Урусовыми, графами Рибопьер.

Потомки же старшего брата, Адама (1780–1828), продолжали жить в Курляндии и занимать должности по выборам дворянства. Из его девяти детей старший, Вильгельм (1803–1873) владел имением Гулбен Иллукстского уезда. Один из младших, Теодор (1814–1878), оставался в Курляндии, но был всего лишь казенным лесничим в Сессау. На год младше его – генерал-лейтенант Николай Адамович (1815–1887), связавший свою судьбу с Кавказом. В 1847–1862 годах он участвовал в боях против чеченцев, а в 1863 году осуществлял операции против черкесов, которые были затем переселены в Турцию. Он окончил свои дни в Петербурге. Из его троих сыновей ни один не добился успехов на службе: Николай Николаевич (1866–?) служил до революции в Департаменте Железнодорожной Отчетности, а на 1925 г. значится контролером отдела НКФ при Октябрьской железной дороге в Ленинграде. Георгий Николаевич (1870–1916) прожил сравнительно недолгую жизнь, однако оставил потомство – дочь Эмилию Георгиевну (1909–1976), в замужестве Смирнову. Её внук, Андрей Владимирович Второв, сумел уточнить даты жизни своих предков, Фитингофов, прежде всего путем подачи запросов в Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга.

Лесничий Теодор Адамович имел 12 детей. Из них некоторая часть «вымывается» в Россию, что мы наблюдаем практически в каждом поколении. Карл Федорович (1839–1892) стал почтово-телеграфным чиновником в Баку.

Из материалов Государственного архива Российской Федерации происходит дело об увольнении от службы следующего сына, Конрада (1846–1891). Последнее его место службы – исправляющий должность Виндавского уездного начальника. Карл закончил свои дни в лечебнице для умалишенных Ротенберг близ Риги. Анамнез дает неожиданные данные обо всей семье, в которой «многие были одержимы нервными болезнями»: «Отец его страдал падучею болезнью (Fallscucht) и одна родная сестра страдала в продолжение двух лет сумасшествием. Он сам в малолетстве имел припадки падучей болезни и в 1865 г. страдал, сколько можно судить по анамнезу, нарывом в мозгу, который прорвался в ухо. После того судорожные припадки являлись гораздо менее часто и лет пять тому назад совершенно прекратились, но у него осталась сильная раздражительность. Начиная с весны минувшего года, обнаруживалась забывчивость и рассеянность, а зимою

начали являться галлюцинации слуха и зрения» (ГАРФ. Ф. 102. 1-е делопроизводство. Оп. 8. 1888 г. Ед. хр. 146. Л. 26–27. Врачебное свидетельство). Надо сказать, что выявилось это дело по базе данных ГАРФ, несмотря на довольно интенсивные поиски всех упоминаний Фитингофов в 1990-е гг.

Из младших сыновей Сессауского лесничего, Эдгар Федорович (1852–1911) служил долгое время на Кавказе, и женился в г. Петровске (вероятно, имеется в виду Порт-Петровск, название г. Махачкала до 1921 г.) на Клавдии Манденовой, очевидно грузинского или армянского происхождения. Его брат Адольф Александрович (вероятно, считавший имя-отчество «Адольф Федорович» неблагозвучным, 1853–?), был почтово-телеграфным чиновником на Кавказе, а скончался в Средней Азии, в городе Ош от рака печени. Его потомок по женской линии, Денис Фетенгоф-Шель, живущий в городе Клин Московской области, владеет фитнес-клубом.

Сёстры Эдгара, Элизабет (1848–до 1935), и Ида (1850–1921), были замужем за прусскими офицерами – Эрнстом фон Раутер-Прессентин (1844–1899) и Вальдемаром Готцгейном (1843–1901). В Тайном Государственном архиве Прусского Культурного Достояния в Берлине удалось разыскать дело о пенсии вдове Готцгейн после смерти мужа, очень напоминающее соответствующие дела в РГВИА. В нем содержится уточняющая информация о времени её смерти, потомках, имени и карьере мужа (Geheimer Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. IV. HA. Preußische Armee. Rep. 7. Offizierswitwenkasse u.a. milit. Versorgungsstelle. Nr. 467. Листы не нумерованы).

На данный момент в поколенной росписи насчитывается 100 персон. Из них 30 – православные, которые, вероятнее всего, осознавали себя принадлежащими к русской нации. От потомков, а также из архивов Института Гердера (Германия) и Государственного Исторического архива Латвии в наше распоряжение перешли сканы двух силуэтов (Магнус Александр фон Фитингоф и его вторая жена Аполлония фон Фелькерзам), а также девяти фотографий членов дома Турмонт. Планируется публикация поколенной росписи отдельной брошюрой.

А.Н. Кежутин (Нижний Новгород)

Юридическая периодика России рубежа XIX–XX вв. как исторический источник

Периодическая печать является одним из важнейших источников для исследования проблем взаимоотношения общества и власти, социальных процессов и явлений. Особое место среди последних составляют социальные проблемы, резко обостряющиеся в кризисные периоды истории.

Российскую империю на рубеже XIX–XX вв. захлестнула волна социальных болезней – алкоголизма, венерических заболеваний, детской смертности (Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за [1896–1914]. СПб., [1903–1916]). Передовых врачей, экономистов, учителей, священнослужителей, земских и городских деятелей беспокоила пагубность

социальных болезней, затрагивавших практически все стороны народного благосостояния. Юридическая общественность не могла остаться в стороне от обсуждения этих вопросов, поскольку их разрешение неизменно требовало регламентации и правового закрепления.

Своеобразным форумом обсуждения проблемы социальных болезней была общероссийская периодическая печать благодаря ее ориентированности на широкую общественность, непосредственной связи с текущими событиями и возможности диалога с аудиторией. Юридическая общероссийская печать содержит хотя и небольшой, но содержательный пласт материалов по борьбе с социальными болезнями. В рассматриваемый период юридическая периодика была представлена обширным корпусом частных и ведомственных, отраслевых и общих, региональных и общероссийских изданий, но наиболее репрезентативными для исторического исследования являются «Журнал министерства юстиции» и «Вестник права: Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете».

В плане информативности по теме социальных болезней выделяется крупнейший общероссийский «Журнал министерства юстиции» (1894–1914 гг.), основанный как ведомственный печатный орган, но ставший затем общеюридическим (Горобец А.Ф. Отечественные юридические журналы XIX в.: эволюция и характерные особенности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2012. С. 21). Издание было очень популярным среди широкой аудитории, поскольку отражало частные мнения по наиболее злободневным вопросам, освещало деятельность центральных и региональных юридических, медицинских и иных общественных организаций в аспекте их общей деятельности. Наиболее значимыми из них были совместные заседания уголовного отделения Юридического общества при Санкт-Петербургском университете и Комиссии Русского общества охранения народного здравия по вопросу об алкоголизме. «Вестник права» (1899–1906 гг.) освещал в основном профессиональные вопросы, но не обошел на своих страницах и социальные проблемы.

Кроме авторских статей, эти издания содержат материалы заседаний столичных юридических обществ, периодически поднимавших вопросы борьбы с социальными болезнями, а также труды ряда региональных организаций: Казанского, Курского, Харьковского юридических обществ, Общества истории, филологии и права при Варшавском университете и др.

Контент-анализ всех номеров данных изданий позволил выделить общее количество публикаций по тематике социальных болезней (58) и обобщить их в три основные группы: «алкоголизм и пьянство» (26), «проституция и венерические болезни» (14), «детская смертность, беспризорность, нищенство, бродяжничество» (18).

По своему жанру большинство публикаций представляют собой информационные материалы, оригинальные научные статьи и выступления на заседаниях обществ. Среди авторов преобладали известные правоведы Е.Н. Тарновский, А.А. Пионтковский, А.Л. Рубиновский, С.К. Гогель, А.А. Левенстим, причем некоторые из них были и юристами, и врачами (М.С. Маргулиес) или прослу-

шали курс лекций по медицине (Д.А Дриль). При этом социальные болезни рассматривались ими не как медицинские патологии или локальные юридические проблемы, требовавшие лишь волевого решения законодателя, а как сложные общественные феномены.

В данном аспекте анализ всего комплекса публикаций позволяет выделить причины массового распространения социальных болезней и предлагавшиеся мероприятия по борьбе с ними. Причины социальных болезней разделялись на нравственные, физиологические, финансовые, политические и социальные. Важнейшими из причин, по мнению большинства авторов, были отсутствие «умственно-нравственной культуры» и знаний, плохо вознаграждаемый труд, постоянное чрезмерное напряжение физических и умственных сил, сильное утомление, внутренние невзгоды. Основными мерами борьбы представлялись: улучшение экономического и правового положения основной части населения, распространение просвещения, поднятие нравственного уровня, организация широкого попечения о социально незащищенных слоях населения. В целом, взгляды юристов на причины социальных болезней и меры борьбы с ними совпадали с позицией передовой отечественной интеллигенции, не раз озвученной в медицинской и педагогической периодике и на всероссийских съездах по проблемам пьянства и алкоголизма, проституции и венерических заболеваний, детской смертности.

Таким образом, юридическая общероссийская периодика является важным историческим источником по проблеме борьбы с социальными болезнями российского общества на рубеже XIX–XX в. Она содержит взгляды передовых правоведов на причины алкоголизации населения, широкого распространения проституции, приводившей к массовости венерических болезней, а также проблемам бродяжничества, беспризорности, преступности и смертности детей. По всем этим направлениям отечественными юристами были разработаны и публично предложены необходимые меры борьбы.

М.Ю. Киселев (Москва)

Об отзывах А.Т. Николаевой на некоторые публикации по вспомогательным историческим дисциплинам

Среди критических источников на публикации по различным направлениям архивного дела, в том числе по вспомогательным историческим дисциплинам, наиболее часто используются рецензии по сравнению с отзывами на публикации. Рецензия в настоящее время трактуется как жанр журналистики, научной и художественной критики. Отзыв имеет более широкое толкование: критическая статья, мнение, оценка, рецензия, официальный документ, содержащий оценку чьей-либо деятельности.

В Архиве Российской академии наук сохранился фонд известного историка-архивиста, доктора исторических наук, профессора А.Т. Николаевой В ее документах сохранились отзывы ученого о научных трудах других лиц (Архив РАН. Ф. 1950. Оп. 1. Д. 51), среди которых заслуживают внимания

критические замечания к некоторым публикациям по вспомогательным историческим дисциплинам.

В 1946 г. вышел в свет учебник «Русская палеография», подготовленный Н.С. Чаевым и Л.В. Черепниным. В своем рукописном отзыве А.Т. Николаева отмечала, что в учебнике собран большой фактический материал, но методологическая сторона не удовлетворяет требованиям времени. По ее мнению, авторы использовали метод формальный, заимствованный ими у «буржуазного палеографа» В.Н. Щепкина и переданный в тех же выражениях, что и определило неправильное расположение материала в учебнике – по формальному принципу, так, как и в учебнике А.И. Соболевского. А.Т. Николаева высказала свое несогласие с тем, что учебник начинается с истории западной палеографии, поскольку из этого можно сделать вывод, что истоки русской палеографии нужно искать на западе. Она считала, что русская палеография имела свой путь развития, так как русская конкретная историческая обстановка диктовала определенные формы развития русской письменности.

Кроме того, она отметила отсутствие классового анализа буржуазных палеографов, разбора их «порочной» методологии. Приведены и несколько примеров фактических ошибок, которые, по ее мнению, допустили авторы.

Документ можно датировать началом 1948 г., поскольку в отзыве имеется ссылка на рецензию Н.В. Устюгова на учебник «Русская палеография», опубликованную в № 12 журнала «Вопросы истории» за 1947 г. Несмотря на негативный отзыв, в конце текста А.Т. Николаева задает себе вопрос «Можно ли пользоваться этим учебником?», и сама отвечает: «Можно и нужно».

Теперь обратимся к рукописному отзыву А.Т. Николаевой на статью Е.И. Каменцевой «Основные проблемы советской эмблематики», опубликованной в № 1 журнала «Советские архивы» за 1970 г. Она отмечала, что основная ценность статьи – привлечение внимания историков и специалистов в области вспомогательных дисциплин к научной разработке проблем советской эмблематики. По ее мнению, Е.И. Каменцева пунктиром наметила пути развития эмблематики в СССР и указала на необходимость создания ее как вспомогательной исторической дисциплины. В то же время она считала желательным, чтобы историографический материал, имеющийся в статье, был дан с научной оценкой, поскольку в отдельных случаях при оценке литературы по проблеме автор ограничивался словами «хорошо» и «интересно». В целом, по ее мнению, статья заслуживала опубликования.

Интересным было бы исследование по вопросу об осведомленности авторов публикаций на отзывы А.Т. Николаевой и их реакции на них.

Обратимся теперь к машинописному отпуску рецензии Е.И. Каменцевой, А.Т. Николаевой и М.Н. Черноморского на третий том сборника «Вспомогательные исторические дисциплины», опубликованному в 1970 г. Несмотря на положительную оценку содержания статей сборника, рецензенты, в частности, отметили неудовлетворительное состояние разработки вопросов рус-

ской палеографии на фоне деятельности Международного комитета по палеографии, координирующего работу по латинской палеографии.

Рассматриваемый сборник, по мнению рецензентов, свидетельствует о том, что научная разработка ряда вспомогательных исторических дисциплин пущена на самотек. Это связано с отсутствием центра, где бы специально разрабатывались вспомогательные исторические дисциплины и координировалась исследовательская работа. Они считали, что таким центром мог бы стать сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР АН СССР. Однако внимание сектора заслужили только две дисциплины – генеалогия и дипломатика. Ученые высказали мнение о перспективности научной разработки вопросов палеографии, метрологии, эмблематики и других дисциплин, необходимости этой работы именно в секторе института, что позволит изжить стихийность в разработке дисциплин. В противном случае научная разработка многих вспомогательных исторических дисциплин будет отставать от Запада.

Ученые отметили, что сектору могла бы оказать методическую и практическую помощь кафедра вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, где в течение 30 лет преподается большой цикл дисциплин, сложилась методика обучения, созданы учебные пособия и исследования, часть которых из-за отсутствия полиграфической базы не опубликована. По их мнению, другие научные учреждения и учебные заведения могли бы оказать помощь сектору в научной работе по вспомогательным историческим дисциплинам. Они высказали надежду на поддержку на страницах печати всех, кто в той или иной степени связан с вспомогательными историческими дисциплинами, историков, специалистов, работающих с рукописными документами и книгами.

Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории вспомогательных исторических дисциплин и оценке отдельными учеными некоторых направлений их изучения.

С.Н. Кистерев (Москва)

Печать гостя Гаврилы Фетиева

Исследователям с давних пор известны персональные печати представителей светских и церковных феодальных кругов русского общества XVII в. Вместе с тем, в корпусе сохранившихся сфрагистических памятников длительное время отсутствовали печати, принадлежавшие купцам и промышленникам, в том числе пожалованным высоким чином «гостя» и, тем самым, причисленным к придворному служилому купечеству. Лишь в 2000 г. Л.А. Тимошиной была опубликована печать, хозяином которой был видный предприниматель своего времени – гость Иван Данилович Панкратьев (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1999. М., 2000. С. 416–425). До сих пор она оставалась уникальной по своей социальной принадлежности. Теперь к ней присоединяется печать гостя Гаврилы Мартыновича Фетиева.

В отличие от И.Д. Панкратьева, большей частью проживавшего в Москве, Г.М. Фетиев не стремился переезжать из Вологды и не имел в столице даже собственного дома, находя пристанище во время вынужденных приездов у своих друзей, в частности – у гостя, а затем дьяка Аверкия Кириллова или князя Ивана Мышецкого. Фетиева можно считать человеком из провинции, что вовсе не означает узости его деловых интересов. Гаврила Мартынович известен как крупный делец, управлявший значительными по размерам капиталами, состоявший в тесных отношениях с отечественными и иноземными предпринимателями (Владимир Воронин и Томас Келдерман). Исследователям он знаком и как одна из сторон в имевшем место в 1665 г. и дошедшим до рукоприкладства конфликте с греческим купцом Мануилом Ивановым и газским митрополитом Паисием Лигаридом. Подоплекой столкновения стали споры вокруг торговой сделки Фетиева с греческим торговцем, сторону которого принял состоявший в фаворе у царя Алексея Михайловича заезжий иерарх. Судебное разбирательство завершилось обвинением Фетиева, что не помешало впоследствии пожалованию его званием «гостя» (Тимошина Л.А. Греки и русские в Москве в 1665 г. // Третьи чтения памяти профессора Н.Ф. Каптерева: Материалы. М., 2005. С. 41–53).

Еще один эпизодом, в связи с которым к фигуре Фетиева привлекалось серьезное внимание, стало обвинение в 1676 г. боярина Артамона Сергеевича Матвеева в чернокнижии. Гаврила Мартынович как приятель обвиненного оказался одним из фигурантов громкого дела, впрочем, завершившегося для него без существенных дурных последствий.

Именно в промежутке между этими двумя событиями Г.М. Фетиев получил чин гостя, с каковым и фигурирует в документах, скрепленных его личной печатью. Все они датируются декабрем 1675 г. и связаны своим появлением с выполнением Гаврилой Мартыновичем своих служебных обязанностей по надзору за кружечным двором в Вологде, будучи частью переписки с должностными лицами двора вологодского архиепископа Симона.

Всего на трех памятях-отношениях Фетиева сохранились единственный целый оттиск и два фрагмента его персональной черновосковой печати. На полном экземпляре имеется изображение, атрибутирующее печать Гавриле Мартыновичу. В овал, образованный двумя изгибающимися растительными ветвями, вписана удлиненная по высоте буква «Г». Ровно на середине ее вертикальной черты прорисована буква «М» так, что вертикаль «Г» делит ее пополам. В нижней части столба буквы «Г» двумя полукружиями обозначена буква «Ф». Все вместе составляет написание инициалов владельца печати – «Г[аврила] М[артынович] Ф[етиев]».

Сравнивая печати Г.М. Фетиева и И.Д. Панкратьева, стоит отметить относительную скромность изобразительных средств на первой из них. Если на печати Панкратьева присутствует рисунок корабля, гербового щита с инициалами владельца, а сами эти инициалы продублированы латинскими буквами, то у Фетиева никаких изысков и излишеств не наблюдается. Мож-

но даже заметить, что за скромностью изображения скрывается некий особый художественный вкус мастера, явившегося автором печати как памятника художественного. Не менее, нежели Панкратьев, связанный делами с иноземцами, Фетиев не старался отразить свою причастность к европейской культуре путем использования латинских надписей или гербовых фигур. Ограниченность примененных средств не лишает, однако, печать ее подчеркнутой индивидуальности, узнаваемости, атрибуции определенному лицу.

Весьма интересно употребление Г.М. Фетиевым своей личной печати. До настоящего времени было известно, что светские феодалы, занимая те или иные должности и составляя различные связанные с их отправлением документы, скрепляли последние своими печатями. При этом далеко не все благодаря своим изображениям могли атрибутироваться определенному лицу и воспринимались в качестве личных лишь осведомленными людьми. Такие же печати использовались для закрепления документов частноправовых, что не было актом обязательным. И.Д. Панкратьев своей печатью скреплял собственные письма, адресованные своему же приказчику, то есть в хозяйственной переписке, но примеры приложения его печати к официальным бумагам неизвестны.

Печать Г.М. Фетиева сохранилась на документах официального происхождения, адресованных вологодским церковным властям и не отвергалась ими как ненадлежащая вольность со стороны чиновного купца. Следовательно, личная печать гостя использовалась наравне с аналогичными знаками прочих должностных лиц из иного социального слоя и нахождение ее на документах признавалось правомерным со стороны инстанций, таковые документы получавших.

Синхронность первого из известных именований Г.М. Фетиева гостем и первого же употребления им персональной печати заставляет вновь задаться вопросом о связи между получением чина и обзаведением личным знаком. Это актуально и потому, что И.Д. Панкратьев как владелец личной печати известен так же лишь в звании гостя.

С.С. Ковалёва (Москва)

Элементы сфрагистики в генеалогических источниках непривилегированных сословий XIX – начала XX в.

Средневековая русская сфрагистика в генеалогических исследованиях имеет очень большое значение, особенно как дополнительный источник недостающей информации. Печати этого периода интересны и разнообразны, они отражают жизнедеятельность высших слоев населения.

Иначе обстоит дело с документами генеалогического характера, связанными с непривилегированными сословиями. Обратимся к периоду XIX – начала XX в. Основные массовые источники при исследовании родословных непривилегированных сословий в это время – метрические книги, исповед-

ные ведомости и ревизские сказки. В каждом из подобных документов можно встретить оттиски печатей разных видов и форм.

Как известно, необходимость в печатях возникла для подтверждения подлинности документа, доказательства его принадлежности и обозначения того, что документ имеет официальный статус.

Консисторские экземпляры православных метрических книг каждой церкви отмечались сургучной печатью, на которой была надпись с названием духовной консистории, и изображен двуглавый орел с одной короной. В оттиске обычно запечатывается веревка, с помощью которой сшиты листы метрической книги.

Чаще всего встречаются печати оттенков красного цвета, но бывают и черного. Это связано с тем, что обычно сургуч делали красным за счет киновари и красной окиси железа. Черная печать появилась благодаря добавлению ламповой сажи или жженой слоновой кости. Существовали сургучные печати и других цветов, но в консисториях употреблялся сургуч только красного и черного цветов.

Редко когда в метрических книгах можно обнаружить хорошо сохранившуюся печать, со временем они осыпаются и на листах остаются одни крошки. Соответственно, возникает необходимость строго придерживаться температуры хранения документов, так как состав, из которого сделан сургуч, может повредить и испортить документ. Ведь материалами сургучного производства были шеллак и терпентин, к которым добавлялись различные химические вещества, например, канифоль и каменноугольная смола, эфирные масла, гипс, магнезия и пр.

Сургучные печати преимущественно красного цвета встречаются в православных метрических книгах на листах, в которых содержится дополнительная или исправленная информация о человеке, и такой вшитый лист запечатан в конверт. На таких печатях можно увидеть изображение уже не двуглавого орла, а условное изображение церкви. Этот факт говорит о том, что помимо руководства епархии, печать имелась и у сельских священников, но, судя по всему, использовалась крайне редко. Также подобной печатью подтверждалась исправленная информация, например, о рождении, и рядом наклеивалась гербовая марка.

Кроме того, в православных метрических книгах начала XX в. встречаются отдельные как бы вшитые листы с дополнительной информацией, скреплённые синими печатями с изображением герба и надписью по кругу, обозначающей уездного пристава.

В метрических книгах других исповеданий, например, римско-католического, можно встретить оттиски печатей с изображениями святых. Такие печати имеют дугообразную форму с надписями, в которых обозначено название церкви на латинском языке. Иногда встречаются печати синих оттенков с изображением креста в центральном круге, а в двух других идёт название церковного совета и церкви, но на русском языке.

В ревизских сказках сургучных печатей почти нет, оттиски, которые встречаются – это чернильные штемпели черных и синих оттенков. Принадлежали такие печати волостным правлениям.

Некоторые листы ревизских сказок имеют отметки в виде оттисков печатей круглой или прямоугольной формы, черного цвета, с изображением государственного герба и указанием стоимости, например, 10 копеек, 15 копеек, 60 копеек серебром, 1 рубль 45 копеек серебром, два рубля, и т.д. На такой гербовой бумаге писались документы особого характера, чаще всего о покупке помещичьих крестьян или передаче в наследство от одного помещика к другому. Поскольку ревизские сказки о крепостных крестьянах помимо документов казенной палаты можно найти ещё и в фондах самих помещиков, то разумеется, разнообразные оттиски печатей можно встретить и там. В целом, как и в настоящее время, в документах генеалогического характера XIX – нач. XX в. популярна гербовая печать с двуглавым орлом.

М.О. Ковалишина (Москва)

Палеографические особенности почерка Екатерины II

Целью нашего исследования является анализ почерка Екатерины II и выделение его отличительных особенностей на основе подлинных рукописей императрицы. Их изучение позволит более широко взглянуть на творческое наследие Екатерины II, которое является уникальным материалом не только для анализа ее разнообразных по жанру произведений, но и представляет значение, как источник для исследования особенностей русского языка XVIII в., позволяет воссоздать язык и быт эпохи. Для палеографического анализа почерка Екатерины II нами были исследованы ее письма, законопроекты и литературные произведения на русском языке, хранящиеся в РГАДА. Исследуемые материалы написаны на разных по формату листах бумаги светло-коричневого цвета черными или темно-коричневыми чернилами, которые до сих пор не выцвели, и текст читается достаточно хорошо. Сами листы достаточно плотные, что определяет их сохранность. Отличительной особенностью рукописей императрицы является использование песка для чернил с добавлением частичек золота, что придает особый блеск архивным документам.

Будущая императрица Екатерина Великая, родилась 21 апреля (2 мая) 1729 г. в Штеттине в Померании, а 3 февраля 1744 г. Екатерина II прибыла в Санкт-Петербург в качестве невесты наследника престола Петра III. На пути к свадьбе немецкоговорящей принцессе Софии необходимо было выучить русский язык и принять православие. Её учителем русского языка стал В.Е. Ададуров − автор одного из первых учебников «Русской грамматики», составленного не на церковно-славянском, а на русском языке, и написанного носителем русского языка. Для юной принцессы учитель составлял тексты писем по-русски к императрице Елизавете Петровне, которые его знатная ученица

лишь переписывала от руки, таким образом получалось что-то сродни прописям.

Литературная деятельность Екатерины II затрагивала большое количество жанров, от законодательных актов до исторических и прозаических сочинений. Она писала много и оставила после себя богатое наследие, в основном на русском языке. Проанализировав особенности скорописи XVIII в. можно сделать вывод о том, что почерк Екатерины II соответствовал графике того времени: она не использовала лигатуры, выносные буквы. Он был высоковыработанный, т.е. вполне сформированный, со временем вертикальное написание букв сменилось четко выраженным наклоном вправо.

Индивидуальный почерк Екатерины II характеризуется использованием латинизированного начертания некоторых букв, например, помимо русского типа начерка буквы «И» встречается вариант «i» с одной или двумя точками, характерным можно назвать написание с 1770-х гг. буквы «Н» как «n». В некоторых случаях начерки определенной буквы менялись не просто от положения буквы в слове, а в течение времени, что, видимо, было связано с увеличением объемов письменной работы императрицы. С середины 1770-х гг. почерк стал более беглым, изменились варианты написания некоторых букв и наклон. Это говорит о постепенном отходе от «прописей», и приобретении Екатериной II собственного индивидуального почерка с такими характерными чертами, как: почерк пышный, размашистый, легко читаемый; размер свободный, буквы не вытесняют одна другую. Буквы остроконечны, но при этом архитектурны, много «завитушек», прописаны чётко, причем их написание редко меняется; выраженный наклон вправо; написание букв очень аккуратно, почерк не «пляшет», выходя за строку вверх и вниз; Перенос слов через знак «=»; использование латинизированного написания ряда букв.

В своём письме императрица предпочитала русский и французский языки, причём почерк в двух этих вариантах в основных своих характеристиках схож, за исключением начерков некоторых букв. Составленные в ходе исследования таблицы строчных и прописных букв наглядно показывают динамику изменения почерка Екатерины II.

Изучение палеографических особенностей почерка императрицы позволяет выявить недочеты даже в фундаментальных публикациях документов, как, например, сборник «Екатерина II и Потемкин Г.А. Личная переписка (1769-1791)» Издание подготовил В.С. Лопатин. М.: «Наука», 1997. Публикатор предлагает использование обращений «ваш» и «вы» в рукописях Екатерины II с заглавной буквы, но в автографах она всегда писала эти слова со строчной «в». Также при сравнении подлинников и публикации можно выявить ряд неточностей в передаче текстов документов: 1) письмо императрицы Екатерины II Г.А. Потемкину с одобрением его службы и беспокойством за его жизнь в условиях тяжелых боев у турецкой крепости Силистрии [1773 г. декабря 4]; подлинник (Ф. 5. Д. 85. Ч. 1. Л. 119–119 об. Автограф.): искустных, по пустому; *публикация* (С. 9): искусных, попустому; 2) записка

императрицы Екатерины II Г.А. Потемкину с признанием в любви [после 1774 г. марта 1]; подлинник (Ф. 1. Д. 54. Л. 4. Автограф.): галубчик, дарогой, сижю, внутренное, сердцо; *публикация* (С. 14): голубчик, дорогой, сижу, внутреннее, сердце; 3) записка Г.А. Потемкина императрице Екатерине II с высказываем своих чувств, параллельно написаны ее ответы [1776 г. февраль-март]; подлинник (Ф.5. Д.85. Ч.1. Л.265. Автограф.): знать, всево, приятней, с радостию, чево?; *публикация* (С. 95): знаешь, всего, приятнее, с радостию, чего!; 4) записка Г.А. Потемкина императрице Екатерине II с высказываем своих чувств, параллельно написаны ее ответы [1776 г. февраль-март]; подлинник (Ф. 5. Д. 85. Ч. 2. Л. 305. Автограф): процес, в сердце, всю, скарея, бысть; *публикация* (С. 95): процесс, на сердце, все, скорее, будь.

Проведенное исследование почерка Екатерины II является первым опытом палеографического анализа ее автографов, это будет способствовать атрибуции ее рукописей, выявлению фальсификаций, а также может быть использовано при датировке рукописей, не имеющих дат (в зависимости от написания букв). В дальнейшем целесообразно расширить базу изучаемых автографов, в том числе на французском, английском и немецком языках, а также провести погодовое исследование эволюции почерка Екатерины II.

О.В. Козлов (Смоленск)

Обзоры Смоленской губернии как источник по истории становления системы просвещения в российской провинции во второй половине XIX века

Обзоры губернии, являвшиеся приложением к ежегодному всеподданнейшему отчёту смоленского губернатора, – это обобщающий источник, характеризующий процесс становления провинциальной системы народного просвещения во второй половине XIX в. Обзоры в обязательном порядке включали раздел «Народное просвещение», содержавший статистические данные о количестве учебных заведений, числе учащихся с разделением на лиц мужского и женского пола, указанием на территориальное расположение школ (в губернском городе, уездных городах и сельской местности).

Например, в Обзоре Смоленской губернии за 1878 г. сообщалось, что в «отчётном году, в губернии было всего 312 учебных заведений; из них в губернском городе 21, в уездных 53 и в уездах 238; в них обучалось 12025 человек мужского и 2712 человек женского пола; в том числе: в губернском городе 2377 человек, в уездных городах 3676 и в уездах 8684 человека обоего пола. По сравнению с 1877 годом, в числе учебных заведений и учащихся в них незаметно значительных изменений. Число учащихся относится к общему числу населения, как 1 к 84» (Обзор Смоленской губернии за 1878 год. Смоленск, 1879. С. 27).

Уже в 1879 г. ситуация несколько улучшилась, так как последнее число уменьшилось: количество обучавшихся составило 1 к 73 (к общему числу

населения) (Обзор Смоленской губернии за 1878 год. С. 28). Обзоры за 1880-е гг. сохранились выборочно (за 1883, 1884, 1886, 1887 гг.), а за 1890-е гг. почти без перерывов (1890–1893, 1895, 1897–1899). Таким образом, можно проследить динамику открытия учебных заведений в губернии. Для сравнения в 1898 году, то есть через 20 лет после первого упомянутого нами обзора, ситуация изменилась коренным образом: «К 1 января 1899 года в Смоленской губернии состояло учебных заведений 1508, в том числе: 2 мужских и 2 женских гимназии, 2 мужских и 6 женских прогимназий, духовная семинария, учительская семинария с начальной школой, реальное училище, 4 духовных училища, епархиальное женское училище, детский приют ведомства учреждений Императрицы Марии, подведомственных местной дирекции народных училищ и училищным советам, 975 церковно-приходских и школ грамоты. Число всех вообще учебных заведений в отчетном году увеличилось на 301… Таким образом общее число училищ постепенно приближается к действительной потребности местного населения» (Обзор Смоленской губернии за 1898 год. Смоленск, 1899. С. 56). Налицо значительный рост числа учебных заведений (приблизительно в 5 раз), разнообразие их ведомственной подчиненности (МНП и Синод), указание на соответствие между реальным положением дел и потребностями губернии. Сведения в Обзоре расширены и приведены в определенной последовательности.

Особое внимание в источнике уделено церковно-приходским школам и школам грамоты. Упоминалось, что к началу 1897–1898 учебного года в Смоленской епархии было 199 церковно-приходских и 484 школы грамоты, всего 683 церковных школы. Подчеркнуто, что в том же учебном году преобразовано и вновь открыто 39 церковно-приходских и 201 школа грамоты, всего 240 церковных школ, где обучалось 10920 мальчиков и 2223 девочки, а в школах грамоты обучалось 13675 мальчиков и 2782 девочки. Всего же в церковных школах обучалось 29600 детей обоего пола. При этом подчеркивалось, что «большинство церковных школ были смешанные». Кроме того, только для мальчиков было 11 церковно-приходских и 167 школ грамоты, а для девочек – 16 церковно-приходских и 22 школы грамоты (Там же. С. 57).

В документе также зафиксирован состав учителей начальных училищ – 788 человек и сделан вывод о том, что этот контингент «по своему умственному и научному развитию и по подготовке к делу обучения и воспитания юношества, в отчетном году был не удовлетворителен» (Там же. С. 56). Указано общее количество учащихся, включающее учащихся низших училищ, подведомственных Дирекции народных училищ и училищным советам, а также обучавшихся в частных и еврейских школах: «к 1 января 1899 года было 41108, следовательно, число их против 1898 года (40127), возросло на 981 человек» (Там же. С. 57). Если сравнить число учащихся с данными 20-летней давности, то оно увеличилось почти в 3 раза! В Обзорах 1890-х гг. приводятся данные о финансировании учебных заведений. Так, в 1898 г. оно составило 394845 руб. 70 коп., в том числе со стороны земств, городов, сель-

ских обществ и частных лиц поступило 300664 руб. 23 коп. Но несмотря на внушительность цифр, этой суммы было явно недостаточно для осуществления всеобщего начального обучения.

В целом можно сделать вывод, что со временем в Обзорах Смоленской губернии стало больше статистического материала, расширились возможности для анализа деятельности учебных заведений различных ведомств, упоминался состав педагогических кадров и контингент учащихся. Признавая репрезентативность ежегодных Обзоров губернии, стоит подчеркнуть, что указанные в них сведения на конец 1890-х гг. вполне достоверны, так как они подтверждаются статистическими данными, приводимыми в исследованиях земских деятелей (Очерк положения начального народного образования в Смоленской губернии в 1897–1898 уч. г. Смоленск, 1901. С. 1, 9, 10) и санитарного инспектора Д.Н. Жбанкова (Жбанков Д.Н. Некоторые данные о народном образовании и санитарном состоянии начальных школ в Смоленской губернии в 1895–1896 учебном году. Смоленск, 1897. С. 73–74).

А.Ю. Козлова (Коломна)

Дробные часцы в тексте «Толковой Палеи»

«Толковая Палея» уже больше двух столетий находится в фокусе научного внимания. Критическое издание Палеи *Толковой редакции* было осуществлено в конце XIX в. учениками академика Н.С. Тихонравова (Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892–1896), которые издали Коломенский список 1406 г. (РГБ. Тр.- Серг. 38) и подвели разночтения к нему по восьми другим спискам. В настоящее время приходится признать это издание устаревшим: с одной стороны, после 1917 г. четыре списка из использованных при подведении разночтений были утеряны; с другой стороны, было обнаружено достаточно большое количество списков, не учтенных в издании; в-третьих, анализ доступных для исследования списков Палеи показал, что ученики академика Н.С. Тихонравова обращались к спискам как *Толковой*, так и *Промежуточной* редакции памятника. Новые издания «Толковой Палеи» 2002 и 2012 гг. содержат так называемый «интегральный текст» (Камчатнов А.М. Предисловие издателя // Палея Толковая. М., 2002. С. 9), который появился в результате переработки издателем текста Коломенского списка, но представленный текст отнюдь не совпадает дословно ни с одним из текстов ныне известных списков «Толковой Палеи».

При анализе состава списков Палеи *Толковой редакции* обнаружилось, что их можно распределить по подгруппам, одну из которых можно условно назвать списками Александро-Невской ветви. В основе этой ветви находится рукопись Александро-Невской Лавры (РНБ. СПбДА I/119, РГАДА. Тип. 53) (? XIII – конец XIV в.), а также сюда относятся ГИМ. Увар.85 (10–20 гг. XVI в.), ГИМ. Муз. 1197 (10–20 гг. XVI в.), ИРЛИ. Величко 12 (посл. чет-

верть XVII в.), ПМЗ. (Псковский музей-заповедник) 443 (первая четверть XVIII в.) (Грибов Ю.А. Значение палеографических особенностей для определения состава и генеалогии четьих сборников // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 34–55), РГАДА. Саров. 6 (вторая четверть, сер. XVI в.).

В рукописях Александро-Невской ветви присутствует так называемое «Сказание о Луне», в списках ИРЛИ. Величко 12, ПМЗ. 443, РГАДА. Саров. 6 перед ним помещен текст, в котором рассказывается о фазах Луны. В этом тексте используется редкий термин – *дробные часцы*. По списку ИРЛИ. Величко 12: Л. 143об. **а егда боудеⷮ / лꙋна .з҃.ми дне҃ .г҃.хъ чс҃овъ. то есть мⷪ/лодꙋ пекрои. и тако считаютъ мр҃ецы / ѿ настаⷮѧ мц҃ꙋ до .а҃. перекроѧ .рз҃е. чс҃оⷡ. / и .а҃. дробныи чс҃ецъ. егда боудетъ поⷧ /.еі҃. дн҃и. и тогда полнъ бываетъ. и ѿ/селе .д҃. дн҃и . сꙋхо година. а потомъ сыра / до веⷮхаго пеⷬкроѧ. и в тѣ поⷧ .еі҃. дн҃и лꙋна / ісполниⷮсѧ. того ради причитаетсꙗ /еи ѿ настаⷮѧ. та҃, чс҃овъ. и .в҃. чс҃аца дроб/ныⷯ. егда боудетъ лоунномꙋ мц҃ꙋ .кв҃. / дн҃и безчеⷮ. и тогда совокоупитсѧ чсѡⷡ / ѿ настатиѧ мц҃а .ѵче҃. и .г҃. чс҃ацы дро/бныⷯ. а ѿ веⷮховаго перекроѧ .з҃. дн҃и .г҃.** / Л. 144 **ча҃ы и того всего считаетсѧ .кѳ҃. днь҃ . / и поⷧ днѧ҃ .а со҃мъ .хз҃. и .д҃. часцы дробъ/ныхъ.**

Интересующий нас термин *дробный часец* в различные эпохи мог иметь разные значения. Первый раз он появляется у Кирика Новгородца в «Учении им же ведати человеку числа всех лет» (1136 г.) в разделе «О дробном делении часа», где приводятся «сведения о последовательном пятеричном делении косого часа, с указанием каждого вида дробных часцов в соответствующем дне и соответствующей ночи: 60 первых дробных долей часа, 300 вторых дробных, 1500 третьих дробных, 7500 четвертых, 37500 пятых, 187500 шестых и 937500 седьмых дробных часа» (Симонов Р.А. Роль Кирика Новгородца в культуре Руси (К 900-летию со дня рождения) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 74–75).

В данном же контексте «Толковой Палеи» термин *дробные часцы*, по-видимому, имеет совсем другое значение: речь идет о каком-то четко фиксированном отрезке времени – определенной части часа. Встает множество вопросов: сколько дробных часцов содержалось в часе данного отрывка? И какой же час упоминается в данном тексте – косой или равный? Пока ответить на эти вопросы затруднительно, но можно заметить, что при обозначении временных отрезков фаз Луны отмечается от одного до четырех дробных часцов: значит, можем предположить, что час делится на пять ровных временных отрезков.

Термин *дробные часцы* примерно в таком же значении можно увидеть в «Послании о неблагоприятных днях и часах» старца Филофея – публициста первой половины XVI в. Автор использует данный термин, обличая тех, кто обращается к Шестокрылу – апокрифической книге по астрологии, переведенной на славянский язык в XVI в.: «И кто прилѣжнѣйше подщится, по Шестокрылу считают дробныа часы, то обрящет, в который час потемнѣнию

лунѣ и солнцу; но о сем подщание и подвиг великъ, а приобрѣтения мало» (Памятники литературы Древней Руси. Конец XV– первая половина XVI века. М., 1984. С. 444–445). Книгу Шестокрыл связывают с ересью жидовствующих в Новгороде, она попала в индексы запрещенных книг (Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. М., 1962. Вып. VIII. С. 61–82).

Но уже в «Торговой книге» (1575–1610 гг.) встречается другое понимание *дробных часовцев* – это 1/6 часть часа: «въ часу 6 дробныхъ часовцевъ: въ 1-мъ дробномъ часовцѣ 10 часецъ, во 2-мъ дробномъ часовцѣ 10 часецъ...» (Книжка описательная, како молодым людям торг вести и знати всему цену и отчасти в ней описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые // Записки отд. Русск. и Славянск. археологии Имп. Археологическ. Общ. I.1851. Стр. 115). Здесь видим два термина – *часовец* и *часец*.

Итак, указанный контекст с упоминанием *дробных часцов* в тексте «Толковой Палеи» еще не был опубликован. Он указывает на то, что текст памятника обладает открытой традицией: переписчики включили в «Толковую Палею» научные сведения, возможно связанные с апокрифической традицией книги».

В.Н. Козляков (Рязань)

Генеалогические основания службы и карьеры Артамона Матвеева

Начало биографии боярина Артамона Сергеевича Матвеева – друга царя Алексея Михайловича, всегда представляло загадку для историков. С.М. Соловьев писал: «Недостаточность источников неофициальных, именно записок (мемуаров), не дает нам возможности объяснить, каким образом дьячий сын Матвеев мог приблизиться к царю и сделаться его другом». По предположению историка, «это сближение произошло посредством Морозова» (Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. Т. 11−12. М., 1991. С. 585). С тех пор, несмотря на наличие специальных биографических исследований, посвященных Артамону Матвееву (Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века. СПб., 1906) историки не слишком продвинулись в постижении истоков, действительно, невероятной служебной карьеры этого выходца из приказной среды. Поэтому появились мифы о воспитании Артамона Матвеева с детских лет вместе с царем, для чего «подверстывается» произвольно реконструированная дата рождения царского приближенного – 1625 г. В новейшей литературе даже можно даже встретить утверждения, что Матвеев был сыном «дворянина по московскому списку (скорее всего в первом поколении)» (Романова О.А. Частная жизнь ближнего боярина А. С. Матвеева // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6: От Средневековья к Современности. С. 108). Хотя, конечно, никаких сведений о вхождении дьяка Сергея Матвеева в Государев двор не существует, а вот происхождение отца

Артамона Матвеева из подьячих, его дальнейшие службы дьяком Стрелецкого приказа в 140-142 (1631/32–1633/34) гг., и в Казанском приказе в 144–150 (1635/36–1641/42) гг., напротив, хорошо известны и описаны в известном справочнике С.К. Богоявленского «Приказные судьи XVII века». Еще больше сведений о дьяке Сергее Матвееве сообщает С.Б. Веселовский в «Дьяках и подьячих XV–XVII вв.». Начало его службы историк относит к 1615/16 годам, когда подьячий Матвеев был одним из дозорщиков Рязанского уезда. Возможно, к этому времени относится и земельное приобретение Сергея Матвеева – поместье, жеребий с. Дягилево Окологородного стана Рязанского уезда, перешедшее к нему от дьяка Луки Владиславлева (Сторожев В.Н. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900. С. 500). Отец Артамона Матвеева, кроме Поместного приказа, начиная с 1626/27 года служил в Посольском приказе. Сергей Матвеев был дьяком в посольствах в Константинополь с Иваном Коробьиным в 1634-1635, и в Персию с Семеном Васильевичем Волынским в 1642−1645 (См.: Рогожин Н.М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) М., 1990. С. 84–85, 116). Большой четвертной оклад в 100 рублей позволял ему вести земельные операции с вотчинами в Московском уезде и владеть собственным двором в Москве, находившимся на Покровке в приходе церкви Николы Чудотворца «у Столпа». Впоследствии, уже по имени Артамона Матвеева, переулок, где располагался двор его отца, получил название Артемонова (ныне – Армянский пер.) (Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881. Стб. 139; Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626−1657 гг. М., 2010. С. 915; Шокарев С. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012. С. 77).

Новые сведения о начале службы самого Артамона Сергеевича Матвеева обнаружены А.П. Павловым в материалах жилецкого разбора, проведенного в 20-х числах июня 1643 г. Выясняется, что сын дьяка Сергея Матвеева с 12 лет был написан в службу в жильцах, а к моменту разбора ему было 20 лет (Павлов А.П. Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV−XVII вв. Сб. статей, посв. 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 377). Учитывая почитание А.С. Матвеевым своего патронального святого – священномученика Артамона Лаодикийского, память которого праздновалась 13 апреля, можно попытаться определить точную дату его рождения (см.: Симон Ушаков – царский изограф. М., 2015. С. 192−193). Артамон Матвеев родился около 13 апреля 1623 г. и был почти на шесть лет старше царя Алексея Михайловича. Красивая легенда о воспитании Артамона Матвеева вместе с царевичем Алексеем поэтому вряд ли имеет право на существование. По итогам жилецкого разбора, в 152 (1643/44) г. А.С. Матвеев был пожалован в чин стряпчего (Жаринов Г.В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 407). Такой поворот карьеры не выглядел необычным, и соответствовал статусу и

службам отца дьяка Сергея Матвеева, последние упоминания о службах и земельных приобретениях которого относятся, примерно, к 153 (1644/45) г.

С 1645 г. Артамон Матвеев служил стрелецким головой. Одно из первых пересечений по службе, где один из многих стрелецких начальников мог стать известным царю, относится ко времени восстаний в Новгороде и Пскове в 1650 г. Стрелецкий голова Артамон Матвеев тайно, ночью доставил новгородских челобитчиков в Посольский приказ, он же приводил туда для расспроса ездивших в Псков людей («а взял де их по тверской дороге»). Особенно важной была его служба на встрече в Твери выборных «от всех чинов» Пскова. По царскому наказу этих псковских челобитчиков велено было привезти прямо к царю Алексею Михайловичу в село Покровское 12 мая 1650 г. (Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 335; Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 72–73, 161). К 1650/51 г. относятся сведения о покупке московским стрелецким головой А.С. Матвеевым вотчины сельцо Афанасьевское в Рахове стану Волоцкого уезда (Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. С. 928). Настоящее время вхождения Артамона Матвеева в ближний царский круг относится к 1653–1654 гг. Тогда стрелецкий голова Матвеев участвовал в тайных переговорах с гетманом Богданом Хмельницким. 13–14 мая 1653 г. Артамон Матвеев и Иван Фомин уехали из Москвы вместе с посланцами Запорожского Войска. Именно Артамону Матвееву удалось блестяще провести переговоры с гетманом Богданом Хмельницким. Судя по отчету Артамона Матвеева и Ивана Фомина, гетман дал согласие на прием «в вечное холопство» московским царям, при этом был готов дождаться результатов «великого посольства» к королю Яну Казимиру (Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. 3. С. 308–313). После неудачи посольства князя Б.А. Репнина, как известно, был созван земский собор 1 октября 1653 г., где состоялось принятие гетмана Богдана Хмельницкого и Запорожского Войска «под высокую руку» московского царя. Голова московских стрельцов Артамон Матвеев снова был востребован, ему поручалась охрана боярина Василия Васильевича Бутурлина, отправленного принимать присягу «черкас». После Переяславской рады 8 января 1654 г. в Москву с сеунчом для извещения царя о радостной вести прислали именно Артамона Матвеева. От него первого царь Алексей Михайлович узнал о свершившейся присяге и обретении новых подданных – гетмана Богдана Хмельницкого и всего Запорожского войска, которые «ему государю веру учинили на том, что им быть под его государскою самодержавною рукою, и с землями и городами, на веки неотступным» (Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 397). И эта служба Артамона Матвеева уже никогда не забывалась царем Алексеем Михайловичем. Как рассказывал шведский резидент в Москве Иоганн де Родес, царь на радостях почтил вестника, как никого другого из своих подданных, пожаловав кафтаном с царского плеча, и даже бросив шапку к его ногам.

Иоганн де Родес оставил также ускользнувшую от внимания историков важную информацию о том, что Артамон Матвеев был пасынком думного дьяка и главы Посольского приказа Алмаза Иванова. Публикация этого известия в редком, малотиражном издании, вышедшем в свет в Великом Новгороде в 1919 г. на долгие десятилетия оказалась невостребованной (Сборник Новгородского общества любителей древности. 1919. Вып. 8. С. 49. См. также: Курц Б.Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915). Лишь недавно К.А. Писаренко «кстати» упомянул, что Матвеев был пасынком Алмаза Иванова, но ничего не сказал об источниках своих сведений о семейных связях стрелецкого головы (Писаренко К.А. Тайны раскола. Взлет и падение патриарха Никона. М., 2012. С. 156). Между тем, очевидно, что именно свойство с Алмазом Ивановым (конечно, наряду с личными качествами Артамона Матвеева) и стали главной пружиной карьеры будущего «канцлера». Дьяк Алмаз Иванов происходил из торговых людей гостиной сотни, в 1638/39 г. был пожалован в чин гостя и далее служил дьяком на Казенном дворе (в это время отец Артамона Матвеева – дьяк Приказа Казанского дворца). Алмаз Иванов начал службу в Посольском приказе в начале 1646 г., когда его возглавлял думный дьяк и один из учителей царя Алексея Михайловича Григорий Васильевич Львов. Следующий глава Посольского приказа Назарий Чистой, убитый в московском восстании 1648 г., был родным дядей Алмаза Иванова (см. подробнее: Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 98, 102; Лукичев М.П. Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 257–275). От дьяка Назария Чистого, его племянника Алмаза Иванова, как и предполагал С.М. Соловьев, прямая линия тянется уже к боярину Борису Ивановичу Морозову. Алмаз Иванов – участник посольств в Речь Посполитую, внес значительный вклад в дела по приему «черкас» в подданство. 28 сентября 1653 года он получил за свою службу чин думного дьяка (Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 369) и на долгие годы стал во главе Посольского приказа. «Черкасские» службы обратили внимание царя Алексея Михайловича и на Артамона Матвеева.

К сожалению, ответить на вопрос, когда Ерофей (Алмаз) Иванович Чистой (полное имя дьяка) стал отчимом Артамона Матвеева, не удается. В Синодике Успенского собора есть запись о поминании: «Род г[осу]д[а]рева диака казенного двора Алмаза Иванова. Ионы. Дарии. Вассы млад[енца]» (Цит. по: Перхавко В.Б. Материалы о купеческом быте средневековой Москвы // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского. М., 2007. С. 86), сделанная до перехода дьяка Алмаза Иванова на службу в Посольский приказ в 1646 году и, возможно, связанная с судьбой его первой семьи? Скорее всего, семьи двух дьяков – Ивановых (Чистых) и Матвеевых – породнились в самом начале царствования Алексея Михайловича. Кроме генеалогических

оснований развития карьеры Артамона Матвеева, важное значение имели и соседские связи рода Матвеевых. С.Ю. Шокарев упомянул в своей книге о «повседневной жизни средневековой Москвы» о похоронах Артамона Матвеева в родовой усыпальнице в церкви Николы в Столпах, где «по иронии судьбы» три года спустя был похоронен и «злейший враг» Матвеева – боярин И.М. Милославский (Шокарев С. Указ. Соч. С. 78–79). Подробности этой вражды, связанной с возвышением Матвеева и его покровительством будущей царице Наталье Кирилловне слишком хорошо известны, но ведь Милославские и Матвеевы жили в одном приходе десятилетиями еще до того времени, как оба рода внесли такой яркий вклад в дворцовую историю середины XVII в. Двор Милославских был заметен в своем приходе более других, в сентябре 1627 г. на погребение кого-то из рода Милославских в церковь Николы в Столпах приезжал сам патриарх Филарет (Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. 1884. Стб. 480). Будущий царский тесть боярин Илья Данилович Милославский тоже жил здесь (Переписная книга города Москвы 1638 года… Стб. 138). Интересны параллели между посольской службой дьяка Степана Матвеева и Ильи Милославского в разное время назначавшихся в посольства в Константинополь. В наказе 5 марта 1643 г., выданном послу И.Д. Милославскому, есть, например, даже упоминание о прежнем посланнике дьяке Степане Матвееве (Временник МОИДР. 1851. Вып. 9. С. 10–11). Следовательно, дьяк Матвеев и Илья Данилович Милославский должны были знать друг друга. Сын дьяка — жилец, стряпчий и стрелецкий голова Артамон Матвеев, также достаточно рано мог попасть в поле зрения царского тестя (а еще и тестя боярина Морозова).

23 января 1655 г., в день появления на свет царевны Анны Алексеевны, царь Алексей Михайлович написал из Вязьмы «верному и избранному голове нашему» большое письмо, «жалуючи» его «за верную службу». Царь послал Артамону Матвееву «азбуку для переводу тайных дел» и просил «принять» ее «со радостию и держать скрытным делом» (Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 725–729). Все письмо царя, где он делится своими переживаниями с Артамоном Матвеевым, рассказывает о текущих дипломатических и военных делах, не оставляет сомнения в уже установившемся после Смоленского похода 1654 г. полном царском доверии к своему приближенному. Таким образом, принадлежность к семье думного дьяка Алмаза Иванова, помогла продвинуть карьеру Артамона Матвеева и позволила ему со временем стать одним из главных людей в окружении царя Алексея Михайловича.

А.М. Колызин (Москва)

О так называемых пронских монетах с «Ф»-образной тамгой

Среди русских монет удельно-вечевого периода существует немногочисленная группа, на которых с одной стороны надчеканена тамга рязанско-

го типа, с часто прослеживаемыми изображениями в каждом из её завитков человеческих голов, обращенных друг к другу, а на другой стороне имеется малая «Ф»-образная тамга, вокруг которой выполнена круговая надпись «печать князя великого», «печать князя». Чеканены они по весовой норме денег конца XIV в. великого князя рязанского Олега Ивановича (1350–1402). Среди исследователей не существует однозначного мнения относительно места их чеканки.

А.Д. Чертков, поместивший в своем каталоге рисунок одной из таких монет, отметил, что он видел экземпляр, на котором читалось имя князя Ивана (Чертков А.Д. Описание древних русских монет. М., 1834. С. 104, 105. № 217. Табл. XX. Рис. 7). А.В.Орешников усомнился в правильности прочтения круговой надписи А.Д.Чертковым. Он относил их к Олегу Ивановичу и Федору Ольговичу Рязанским. (Орешников А.В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896. С. 76, 77. № 431–434. Табл. VII. Рис. 303–306). В более поздней работе А.В. Орешников подтвердил свое отношение к этим деньгам, написав, что отнести их к Пронскому или Рязанскому княжествам, за отсутствием каких-либо данных, пока не представляется возможным. (Орешников А.В. Материалы к русской нумизматике доцарского периода. О монетах Великого княжества Рязанского // Нумизматический сборник. Т. I. М., 1911. Изд. Московского нумизматического общества. С. 382).

А.А. Ильин отнес данный тип денег к чекану пронского князя Ивана Владимировича (1378–1430) на основании того, что в фондах Государственного Эрмитажа имелется монета, где в круговой надписи читается имя князя Ивана (Ильин А.А. Классификация русских удельных монет. Л., 1940. С. 24, 25. Табл. III. Рис. 13).

Специальную работу посвятил чекану Пронского княжества П.А. Шорин, в которой он отнес рассматриваемые здесь монеты к чекану Ивана Владимировича Пронского. Причем, ориентируясь на тяжелый вес таких денег, – к чекану конца XIV в. (Шорин П.А. Монеты Пронского удельного княжества // Вестник Московского университета. № 6. 1970. С. 73–78). Одним из аргументов отнесения их к чекану Ивана Пронского автор посчитал наличие имени «Иван» в круговой надписи. При этом он сослался на экземпляр, опубликованный И.А.Ильиным. Неоспоримый факт самой чеканки монет Иваном Владимировичем в бытность его великим князем Рязанским в 1408–1409 гг. опирается, по мнению автора (соглашусь с ним – *А.К.*) на наличие монет с именем княза Ивана в строчной надписи и рязанской тамги, вес которых соответствует весовой норме 1,18 г монет великого князя рязанского Фёдора Ольговича (1402–1417).

Если чеканка Иваном Пронским денег в кратковременное сидение его на Рязанском столе выглядит убедительно, то мог ли он чеканить монеты с «Ф»-образной тамгой по весовой норме конца XIV в. в своём уделе? Попробуем сопоставить имеющиеся данные.

Во-первых, наличие титула «великий» в круговой надпии говорит не в пользу такой чеканки, хоть П.А. Шорин пытался объяснить наличие великокняжеского титула на ранних пронских (по его мнению) монетах тем, что титулование в Древней Руси было малоустойчивым. (Шорин П.А. Монеты Пронского удельного княжества. // Вестник Московского университета. № 6. 1970. С. 74). Этот довод мне кажется малоубедительным. Во-вторых, наличие имени Ивана в круговой надписи пока не подтверждено в имеющемся нумизматическом материале, т.к. на монете, которую приводил А.А. Ильин и на которую ссылался П.А. Шорин не читается имя Ивана. Эта же монета опубликована в работе И.Г. Спасского, который вслед за АА. Ильиным посчитал её чеканенной Иваном Пронским. (Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1970. С. 88. Рис. 8). Правда И.И. Спасский датировал её 1408–1430 гг., что невозможно в силу тяжелого веса этих монет, т.к. известно, что в княжение Фёдора Ольговича была установлена весовая норма 1,18 г. Если принять тот факт, что имя Ивана в круговой надписи нет, то главным камнем преткновения остается титулование в надписи как «великого князя», так и просто «князя».

Обратимся к метрологии чекана. Известно, что эти монеты имеют вес монет Олега Рязанского, т.е. чеканены по норме около1,40–1,42 г. П.А. Шорин, говоря о весе монет Федора Ольговича в 1,18 отмечал, что обычно денежная реформа ведет к смене монетного типа с одновременным изъятием монет старого веса и и образца. Однако по мнению исследователя смены типа монет в Рязани в результате реформы конца первого десятилетия XV в., последовавшей в связи с реформой в Великом княжестве Московском, не произошло. (Шорин П.А. О метрологических особенностях и закономерностях в монетном чекане Великого княжества Рязанского // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 224–225).

Данные монеты с «Ф»-образной тамгой и круговой надписью без княжеского имени вполне могли быть чеканены начиная с конца правления Олега Рязанского (известен только один клад конца XIV в. из села Исады Рязанской области, в котором встречена единственная монета рассматриваемого типа) и в первой половине правления Фёдора Ольговича Рязанского (1402–1409 гг.), т.е. до денежной реформы конца первого десятилетия XV в. Здесь находит объяснение то, что П.А.Шорин не смог выделить тип монет Фёдора Ольговича, который сменился в результате указанной денежной реформы. И именно вследствие денежной реформы конца первого дестилетия XV в. в Рязани заменили тип с круговой надписью и «Ф»-образной тамгой на обычные всем известные монеты этого князя с обычной глазастой тамгой и без кругофой надписи, а аналогичные тяжелые монеты следует считать чеканеными не в конце княжения Олега Рязанского, а накануне или в самом начале указанной денежной реформы при Фёдоре Ольговиче. Монеты же с «Ф»-образной тамгой были перелиты (а возможно на начальном этапе реформы частично перечеканены) в обычные деньги этого князя.

Предлагаю считать мою точку зрения как гипотезу, т.к. наличие просто одного лишь княжеского титула среди великокняжеских на данных монетах не дает на сегодня с полной уверенностью говорить об этом.

А.И. Комиссаренко, Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова (Москва)

Фискальные повинности карельских дворцовых крестьян в конце XVII-начале XVIII вв. (опыт источниковедческого анализа)*

Еще в 1950 г. профессором Е.И. Каменцевой был поставлен и исследован вопрос о размерах окладных повинностей крестьян в XVII в. (Каменцева Е.И. Порядные и ссудные записи XVII в. как источник по истории крестьянского закрепощения. М., 1950). Эта проблема остается актуальной и в настоящее время. Фискальные повинности крестьян принадлежат к числу факторов, существенно влиявших на их положение, особенно в последней четверти XVII в., когда был совершен переход от посошного налогообложения к подворному. Этот вопрос обстоятельно изучался в отечественной историографии (Устюгов Н.В. Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. Т. 6. М, 1956; Голубцов И.А. К истории податной реформы 1679−1681 гг. // «Исторический архив». 1959. № 5; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976; Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974; статьи Иванова В.И., Соколовой Н.В., Маньковой И.Л., Дубмана Э.Л., Камараули Е.В., Аракчеева В.А., Комиссаренко А.И. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. М.; Самара, 2015 (далее – Ежегодник). Вместе с тем, в результате исследований выявлена «вариантность видов фискального обложения» «в отличных друг от друга условиях» (Ежегодник. С. 5). В связи с этим актуальным также является создание источниковой базы для ее изучения.

В составе дворцового крестьянства своеобразное место занимали карельские дворцовые крестьяне (официально, «кореляне»), населявшие Карельские дворцовые волости Бежецкого Верха. Исход карел в Россию из Швеции в конце XVI в. – XVIIв. глубоко исследован в историографии (Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. М., 1905; Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке Петрозаводск, 1956; Чернякова И.А. К вопросу о судьбах «карельских выходцев». Петрозаводск, 1989; Головкин А.Н. История Тверской Карелии: от язычества к православию. Петрозаводск, 2008; История карельского народа / Киркинен Х., Невалайнен П., Сихсо В. / Петрозаводск, 1998). Изучение положения карельских дворцовых крестьян, в частности их фискальных повинностей, крайне затруднено в связи с гибелью документов Московского дворцового архива во время пожара 1737 г.

Наказная память из Приказа Большого дворца стряпчему Кормового дворца Чамеровской дворцовой волости Артемию Тютчеву от 25 апреля 1699 г. входит в число источников изучения фискальных повинностей карельских дворцовых крестьян. Она сохранилась в копии (РГАДА. Ф. 396.

Оп. 2. Кн. 3551. Л. 403–407 об.). В ней, в частности, рассмотрен вопрос об отдаче под поселение крестьянам из карельской дворцовой деревни Стогино Чамеровской волости Осипу Иванову, Григорию Тихонову и Андрею Кузмину пустошей Старое и Ладышкино по их челобитной (Там же. 405 об.–407 об.). В наказной памяти роспись налогов карельских дворцовых крестьян присутствует дважды: в водной и заключительно части наказа. (Там же. Л. 406, 406 об.). Оба варианта налоговой росписи совершенно идентичны по содержанию. Они были составлены «по приходным книгам прошлых лет и нынешнего 207-г году» (Там же. Л. 406, 406 об.). То есть рассматриваемый документ отражает реальную налогово-повинностную практику карельской дворцовой деревни.

В начальной статье росписи зафиксировано, что карельские крестьяне («кореляне») «окладных денежных всяких и за изделье платят по два рубли» (Там же). Как видно, по росписи окладные платежи, предназначенные для пополнения государственной казны, были объединены с платежами, шедшими на дворцовый обиход («за изделье»). Данная статья соответствует указу от 5 сентября 1679 г.: города, подчиненные Приказу Большого дворца, должны были платить стрелецкие деньги «обще с дворцовыми денежными доходы» (ААЭ. Т. 4. СПБ, 1836. С. 351). При этом в казну они должны были платить 1 рубль с двора (ААЭ. Т. 4. С. 351). Можно предположить, что половина денег, выплачиваемых названными карельскими крестьянами ежегодно по первой статье налоговой росписи, шла в казну, а другая половина – на дворцовое «изделье».

Карельские дворцовые крестьяне должны были также поставлять стрелецкий хлеб – «по полосмине з двора». Здесь опять же прослеживается соответствие с указом от 2 сентября 1679 г. (Голубцов И.А. Указ. соч.). «Кореляне» должны были платить в казну также «запросные всякие денги» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 406). Последний налог по росписи, по-видимому, шел на дворцовый обиход: «На молотьбу богородицкого хлеба по две денги с двора» (Там же. Л. 406, 406 об.).

Приведенный материал позволяет не согласиться с выводом С.Б. Веселовского, поддержанный И.А. Черниковой, что доходы с дворцовых крестьян, преимущественно натуральные, шли на дворцовый обиход (Черникова И.А. Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998. С. 69). Среди их налогов государственные платежи преобладали. В общей сложности, с Чамеровской волости, состоявшей из 495 дворов могло взиматься в казну более 500 рублей (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 62).

С монастырских и помещичьих крестьян в рассматриваемое время также взимали «объединенный» подворный платеж, который сопоставим с вышерассмотренными налогами с карельских дворцовых крестьян. (Бакланова Е.Н. Указ соч. С. 119–121. Тихонов Ю.А. Указ соч. С. 270–281. Соколова Н.В. О роли общины в системе налогово-повинностных практик в монастырских вотчинах // Ежегодник. С. 65–76). Однако при подворном обложе-

нии у монастырских и помещичьих крестьян действовал повытно-тягольный принцип их разверстки (Там же). В связи с этим тяглецы платили неодинаковую сумму, и в значительной части случаев она была меньше 2 руб. (Там же). «Кореляне» Осип Иванов, Григорий Тихонов и Андрей Кузмин на новом месте поселения должны были платить налоги по росписи «как их братия, кореляне». Оставшейся на старом месте поселения брат Андрея Козмина должен был платить «прежнее тягло» «в равенстве своею бартиею». Можно предположить, что в карельской дворцовой деревне действовал непосредственно подворный принцип обложения.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00086.

Е.Л. Конявская (Москва)

О системе книжности в Древней Руси

В свое время Л.П. Жуковская провела исследование рукописной традиции домонгольских евангелий (Жуковская Л.П. Сколько книг было в Древней Руси? // Русская речь. 1971. № 1. С. 73–80). Из данных, приведенных в ее статье, можно заключить, что евангелия составляют в ранний период от четверти до трети сохранившихся книг. Примерно также – «более двадцати процентов» – определяет их количество С. Франклин (Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 57).

Безусловно, Евангелие, главная книга христиан, в первую очередь, необходимо для богослужения, и такая функция этих книг подтверждается особой распространенностью именно евангелий-апракос. Но люди Древней Руси знали и евангелия-тетр, четьи.

Система христианской книжности была привнесена на русскую почву в виде болгарских переводов и прямых переводов с греческого, побуждая древнерусских книжников составлять сборники и создавать уже оригинальные памятники в той же жанровой парадигме. Эта система выстраивалась в своего рода иерархию, на вершине которой – Книги Священного Писания.

Наряду с евангелиями для богослужения были необходимы апостолы (также, в первую очередь, апракос). Что же касается Апокалипсиса, то, по крайней мере, с XII в. известны списки Толкования на Апокалипсис Андрея Кесарийского, цитаты из «Откровения» читаются среди так называемых «скрытых текстов» Новгородской церы. Основными же текстами церы являются псалмы. И именно Псалтырь была самой распространенной у русских ветхозаветной книгой.

Следующую ступень в иерархии занимали гимнография и патристика. Молитвословия объединялись в богослужебные календарные сборники – Октоихи, Триоди, Минеи служебные. Творения Отцов Церкви – в сборники постоянного состава: Торжественник, Златоструй.Близки к этим сборникам Шестодневы, на Руси особое распространение получил Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского.

Содержание Изборников Святослава 1073 и 1076 гг. гораздо шире толкования основных христианских догматов. Первый из них был создан в Болгарии для царя Симеона и переписан в Киеве для Святослава Ярославича в его бытность киевским князем (1073–1076). Изборник 1076 г., в отличие от него, представляет собой скромную рукопись. Хотя для произведений, входящих в состав сборника, определяются греческие оригиналы, греческий сборник подобного состава неизвестен. На Руси этот болгарский сборник подвергся определенной редакции: древнерусский книжник смягчал ригоризм некоторых императивов, вводил реалии русского быта и др.

Далее следует агиографическая литература. Жития святых приходили на Русь в составе таких календарных сборников, как Прологи (Синаксари), Минеи, а также в Патериках.

Отчасти представления о некоей иерархии русские ученые люди могли приобрести из известных им греческих списков, выделяющих канонические библейские тексты. В частности, было известно Правило Афанасия Александрийского. Кроме того, русским были знакомы описи-перечни книг из крупных греческих монастырей, где перечисление книг шло в определенной последовательности. Важно то, что воспроизведение этой иерархии не оставалось на Руси в русле чистой эмпирики, она в полной мере осознавалась древнерусскими книжниками. Классификация типов книг, типов «чтения» сохранились в тексте Изборника 1073 г. (Изборник 1073 г. М., 1983. Л. 204), затем в XV в. она упоминается иноком Фомой (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. С. 100). Уже в иерархической последовательности о книгах пишет Нил Сорский: «прежде заповѣди Господня и толкованіа ихъ и апостольская преданіа, таже и житіа и ученіа святыхъ отецъ» (Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Изд. подгот. Г.М. Прохоров. СПб., 2005. С. 240).

Но в полной мере в систему и иерархию эта классификация выстраивается в «Летописце» (предисловии) к Великим Четьим Минеям митрополитом Макарием (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12. С. 10). Он перечисляет сначала книги Священного Писания: «святое Еуангелие, четыре Евангелисты толковые, и святыи Апостолъ, и всѣ святыя апостольскиа посланиа и дѣаниа с толкованием, и три великиа Псалтыри розных толковников», затем святоотеческие произведения: «Златаустовы книги, Златаструи, и Маргарит, и великий Златаусть, и велики Василии, и Григорий Богослов с толкованиемъ, и великая книга Никонская с прочими посланми его, и прочиа всѣ святыя книги събраны и написаны в них: пророческиа, и апостольскиа, и отеческиа, и праздничныя слова, и похвалныя слова». Далее речь идет об агиографии – житиях и патериках: «всѣх святых отецъ житиа, и мучениа святых мученикъ и святыхъ мученицъ, житиа и подвизи преподобных и богоносных отецъ, и святых преподобных жен страдание и подвизи; и всѣ святыя Патерики написаны: Азбучныя, и Ерусалимскиа, и Египетскиа и Синаискиа, и

Скитскиа, и Печерскиа, и всѣ святыя книги събраны и написаны, которые в русской землѣ обрѣтаются, и с новыми святыми чюдотворцы».

Здесь по сути дела названы лишь два вида житий: мученические и преподобнические. Но представление о еще одной иерархии − иерархии святости − проявляются в устоявшемся порядке расположения житий и памятей в Прологах и Минеях. Как и у Макария, вначале идут мартирии, затем жития равноапостольных, исповедников, далее святительские жития, преподобнические и, наконец, жития юродивых.

Наши классификации порой отвечают лишь требованию исследовательского удобства и не соответствуют ментальным установкам наших предков. Но в отношении иерархичности, очевидно, дело обстоит иначе. Это свойство представлений о мироустройстве проявляется не только по отношению к книгам, но и более широко. Достаточно вспомнить разного рода перечисления − в летописях, актах и других памятниках письменности.

М.В. Корогодина (Санкт-Петербург)

Евангелие Пинского Лещинского монастыря 1506–1513 годов*

Лещинский монастырь, находившийся неподалеку от Пинска, в XV–XVI вв., был одним из центров культурной и церковной жизни Туровско-Пинской епископии (Ильин А.Л., Игнатюк Е.А. Очерки истории культуры Пинщины: IX – начало XX вв. Пинск, 2013. С. 7–8). Подобно другим епархиям Киевской митрополии, Туровская епископия переживала трудные времена в кон. XV–XVI в., и большое значение имела поддержка церквей и монастырей влиятельными и состоятельными людьми, делавшими богатые вклады. Ряд вкладов: земельных, денежных, книжных был сделан и в Лещинский монастырь; сведения о них по опубликованным актам были собраны митр. Макарием. Одним из наиболее щедрых вкладчиков был князь Федор Иванович Ярославич; известны его жалованные грамоты 1511–1520 гг. Лещинскому монастырю и другим монастырям и церквам Пинской земли (Макарий, митр. История русской церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 122–123, 137–138; издание других жалованных грамот Лещинскому монастырю кн. Ф.И. Ярославича: Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли. Сост. Мстибоговским Г.Б. Воловичем в 1559 г., с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 г. Вильна, 1867. № 91–93, 95). Сведения о пожалованиях конца XV – перв. пол. XVI в. сохранились в двух актовых книгах 1554 и 1559 гг., выборочно опубликованных в 1867 г.

Наиболее ранняя известная опись Лещинского монастыря, составленная в 1588 г., сохранила сведения о 34 рукописных книгах, преимущественно богослужебного характера, находившихся в монастыре (Довгялло Д.И. Пинский Лещинский монастырь в 1588 г. Минск, 1909). К сожалению, от первоначального книжного собрания практически ничего не сохранилось.

Ю. Лаврик, собравший сведения о книжных описях Лещинского монастыря за XVI–XIX вв., выявил лишь несколько книг, принадлежавших монастырю, самая ранняя из которых относится к 1634 г. (Лаўрик Ю. Лёс Лешчанскай кнiжнiцы // Роднае слова. 2010/8 (272). С. 90–95). Таким образом, наиболее древняя часть книжного собрания Лещинского монастыря до сих пор считалась безвозвратно утраченной.

Однако сохранилась, по крайней мере, одна рукопись, принадлежавшая Лещинскому монастырю в XVI в., создание которой, как можно полагать, тесно связано с историей монастыря. Сведения об этой рукописи были опубликованы еще в начале XX в. В.И. Срезневским (Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. I: Рукописи. Т. 1 / сост. В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. С. 10–12) и лишь по недоразумению прошли мимо внимания исследователей, изучавших историю Лещинского монастыря. Рукопись представляет собой Евангелие тетр, датируемое по водяным знакам 1500–1510-ми гг., с красочными плетеными и писаными золотом заставками и инициалами; причем заставка в начале Евангелия отделена шелковой завесой (БАН, собр. П. Доброхотова № 10. Евангелие тетр. 2°. 315 л. Филиграни: 1) Голова быка с крестом и косым крестиком, неотожд.; 2) Тиара, вид: Briquet 4900 (1507 г.); 3) Тиара, вид: Лихачев 1387 (1511 г.). Красочные заставки и инициалы на л. 2, 8, 96, 151, 236, 293. Рукопись попала в Библиотеку Российской Академии наук вместе с собранием еп. Олонецкого Павла (Доброхотова). Она является одним из самых ранних приобретений П.Н. Доброхотова, сделанным им еще в бытность профессором Литовской семинарии в Вильно в 1846, где Евангелие было приобретено им у старовера Ф.А. Букина; см. записи в рукописи БАН, Доброх. 10, л. 2, 8, 3 об.–50, 96, 151, 236). Роскошно украшенное, Евангелие, несомненно, высоко ценилось и, надо полагать, было напрестольным. В описи 1588 г. в Лещинском монастыре указано три напрестольных Евангелия, в том числе одно пергаменное (Лаўрик Ю. Лёс Лешчанскай кнiжнiцы. С. 91). К сожалению, сведения описей не могут помочь при отождествлении, поскольку рукопись из собрания БАН утратила первоначальный переплет и в начале XIX в. (судя по бумаге переплетных листов) была «одета» в новый алый бархат; тем не менее, учитывая несомненную принадлежность рукописи Лещинскому монастырю, можно полагать, что оно входило в число напрестольных Евангелий, перечисляемых в описи.

Принадлежность Евангелия Лещинскому монастырю устанавливается из записей о пожалованиях, вписанных в рукопись. Такие записи в Евангелии две; по своему формуляру они близки к грамотам, хотя не являются ими в строгом смысле слова. Более ранняя из них (1506 г.) переписана писцовым почерком после указателя евангельских и апостольских чтений по гласам и описывает вклад Богдана Васильевича Велятицкого, боярина Пинского князя Федора Ивановича Ярославича, в Лещинский монастырь. Богдан Велятицкий (из записи в Евангелии мы узнаем его крестильное имя – Андрей)

владел имениями в Велятичах и Невли, получал пожалования от кн. Федора Ивановича Ярославича (Грушевский А.С. Пинское Полесье XIV–XVI вв. Исторические очерки. Киев, 1903. С. 119–120). Как следует из записи в Евангелии, Богдан Велятицкий в 1506 г. вложил в Лещинский монастырь два «дворища», подробно перечислив доходы с этих деревень.

Вторая запись (1513 г.) написана также в середине рукописи, перед Евангелием от Иоанна, но выполнена почерком, отличным от основного почерка рукописи. Запись выполнена от имени Пинского князя Федора Ивановича Ярославича, главного вкладчика и покровителя Лещинского монастыря в те годы, на службе у которого находился Богдан Велятицкий. Согласно записи, Федор Иванович пожаловал в Лещинский монастырь озеро Соминое, которое незадолго до того было отобрано людьми Федора Ивановича у его соседа. Озеро передавалось во владение Лещинскому монастырю со всеми ловами. Как подчеркивается в тексте, запись закрепляет некое ситуативное решение князя, высказанное устно и не подкрепленное особой грамотой, а зафиксированное лишь в записи в Евангелии. Очевидно, сакральный характер главной монастырской книги – Евангелия, лежавшего на престоле в алтаре, охранял пожалование не хуже, чем грамота, скрепленная печатью.

Первая из записей, принадлежавшая Богдану Велятицкому, выполнена писцовым почерком и по датировке совпадает со временем создания рукописи. Это заставляет полагать, что вклад, как и запись о нем, был сделан тогда же, когда писалась сама рукопись; в этом случае Евангелие следует датировать 1506 г. или вскоре после него. Вероятно, заказчиком Евангелия был сам Богдан Велятицкий, вложивший в монастырь как «дворища», так и книгу с записью о земельном вкладе. Несомненно, что при создании рукописи в ней было оставлено чистыми полтора листа в середине кодекса, что, в целом, нехарактерно для рукописной традиции. В некоторых кодексах оставлялось чистое место до конца листа (чтобы следующий раздел начать с лицевой стороны листа); иногда оставлялось и один-два чистых листа, отделявших один раздел от другого. В таких случаях чистые листы оставлялись после каждого раздела; однако в Лещинском Евангелии «запас» был оставлен лишь в одном месте. Возможно, при подготовке рукописи предполагалось, что туда будут вписаны иные пожалования. Как видим, других земельных вкладов от имени Богдана Велятицкого не последовало; однако оставленное место пригодилось для пожалования кн. Федора Ивановича.

Ниже публикуем записи в упрощенной орфографии из Лещинского Евангелия – БАН, Доброх. 10.

Л. 303 об.–304: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се я, раб Божии Андреи Васильевич, а иначе зовомыи Богдан Велятицкыи, по отци своем Василии и по матци своеи и по своеи души дал есми к церкви Божии Пречистои Богоматери в Лещьи два дворища своих отчизных во Всемерови. Одно дворище данное Хилимоновское, идет из него 4 ведра дани, а пятое липцу, а четырьнадцать грошеи поданного, а шеснадцать грошеи за овес, а стог сена,

а по сене грош, а двадцать грошии лагвица, а топор. А другое дворище поборное Вербиловское, идет с него побору 20 грошеи о Рожестве Христове, а лагвица двадцать грошеи о Велице дни, а шестьнадцать грошеи за овес, а стог сена, а по сене грош. А што хоживали к нам на пригон з дворища сохою, и они вже не мають ходити, а за то мают давати игумену Лещенскому по шести грошеи з дворища, а топор. А дал есми тыи дворища с тыми людми, которыи седят на них церкви Божеи вечно и непорушно, не надобе въступатися в тыи дворища и в тыи люди ни жене моеи, ни детем моим, ни счадком моим, а никому от роду моего. Аще бы хто хотел тыи дворища от церькви Божиа отлучити, а собе их мети, тому Бог въздаст месть и Пречистая Богомати, а с моею душею расудится пред милостивым Богом. А дано в лето 7014, индикта в 9».

Л. 234 об.–235 об. – «Се я, князь Федор Иванович Ерославич, и с княгинею моею, княгинею Оленою Семеновною, даем знати, што которое озеро люди наши кожьчичане и посиничане и иншии люди наши повета Пинского оттегали у людеи пана Доркетовых у восьнежичан на имя Съминое, а тое озеро за Оснежичи подле реки Ясельды, и тыи люди наши тое озеро Съминое поступили нам. Ино мы тое озеро Соминое записуем на церковь Божию Пречистое Богоматере честного ее Успения монастыря Лещиньскаго игумену Лещиньскому Варламью и на потом будучим игуменом и всеи еже о Христе братьи того монастыря Лещинского. А записуем тое озеро на тот монастырь со всим и з гатом и з акотами и з ловы рыбными и вьюнными. И мает игумен Лещинскыи тое озеро неводом волочити и сетми ловити и котци ставити и гати гатити и духи уюнии чинити. А людем оснижицким и нашим людем и иншим посторонним нелзе в тое озеро ничим ся уступати, а ни лову которого ловити под виною городовою, под пятнадцать рублями грошеи. Как же есмо тое казали и в Евангелие церковное монастыркое уписати, а при том при нас были дворяне государскии пан Корнило Тур, а пан Семен Иванович сын митрополии, а бояре наши пан Ивашко Полоз, а пан Матфеи Гричинович, а маршалок наш Дылека. Псати по семои тисячи 22-го году, индикта 1, месяца октябрь 21 день».

*** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-31-01017 «Славяно-русские рукописи первой половины XVI века Библиотеки Российской Академии наук: исследование и подготовка каталога».**

Е.В. Косырева (Москва)

Материалы по вспомогательным историческим дисциплинам в личном фонде А.Л. Станиславского в Архиве РАН

Личный фонд историка, доктора исторических наук (1985), профессора (1989) Александра Лазаревича Станиславского (1939–1990) был передан в Архив РАН в 1992 г. сотрудником кафедры вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ Л.Н. Простоволосовой. В результате разбора и научного описания десяти метров документальной россыпи было сформировано

224 единицы хранения за 1955–1993 гг. Фонд представлен научными трудами ученого, биографическими документами, документами о деятельности, перепиской. Также в состав фонда входит раздел, включающий документы жены А.Л. Станиславского – С.П. Мордовиной.

А.Л. Станиславский родился 21 марта 1939 г. в семье служащих. В 1956 г. он окончил среднюю школу № 24 г. Москвы, в 1956–1962 гг. учился в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ), где увлекся историей феодальной России XVI–XVII вв.

После окончания института работал научным сотрудником музея-панорамы «Бородинская битва» (1962–1964), заведующим архивом Института сердечно-сосудистой хирургии Академии медицинских наук СССР (1964–1965), старшим инспектором Всесоюзного объединения Совета Министров СССР «Союзсельхозтехника» (1965–1967).

Первым научным учреждением для А.Л. Станиславского стал Архив АН СССР, в котором он проработал почти 14 лет: с января 1967 г. по октябрь 1980 г. в должности младшего научного сотрудника. В архиве занимался комплектованием и описанием личных фондов ученых, составлением обозрений для путеводителя по фондам архива, организацией документальных выставок, публикаторской и методической работой.

28 октября 1980 г. А.Л. Станиславский был зачислен на должность ассистента кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, где он проработал до самой смерти. За годы преподавания в институте им были подготовлены и прочитаны курсы лекций по исторической библиографии, источниковедению истории СССР дооктябрьского периода и советского периода, исторической географии. Помимо лекционных курсов он вел в большом объеме практические и семинарские занятия по источниковедению истории СССР, древнерусскому языку, вспомогательным историческим дисциплинам.

С декабря 1986 г. по январь 1990 г. А.Л. Станиславский заведовал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Он начал перестройку работы кафедры, значительно обновил состав преподавателей. Благодаря разработанным А.Л. Станиславским спецкурсам были возрождены исключенные из учебных планов дипломатика и генеалогия.

В личном фонде ученого сохранились лекции по источниковедению, исторической географии, исторической библиографии и др.

«Чем отличается современный научный труд от, скажем, Никоновской летописи. Прежде всего, осмысленным отношением к историческим источникам. В сущности именно искусство обращения с источником определяет результат исторического исследования, подобно тому, как умение правильно интерпретировать те или иные улики, оставленные преступником, определят результат криминального расследования. Важность науки об источниках привела к ее выделению в специальную историческую дисциплину, но это, конечно, не значит, что источниковед занимается только источниковедением, а историки – историей. В действительности каждый хороший историк

должен быть источниковедом, а каждый хороший источниковед хорошо знать историю», – так начинается первая лекция А.Л. Станиславского по источниковедению (АРАН. Ф. 2030. Оп. 1. Д. 62. Л. 2).

Курс лекций по исторической географии, состоявший из 12 циклов, сохранился фрагментарно, а именно: «Историческая география XVIII столетия. Климат, природа», «Климат XIX в. (первая половина)», «Историческая география СССР», «Историческая география России в период становления Русского централизованного государства (XIV–XV вв.)», «Татаро-монгольское нашествие и его влияние на географию Восточной Европы» и др.

В 1986 г. сотрудники кафедры Е.И. Каменцева, О.И. Медушевская, Е.П. Маматова, Л.Н. Простоволосова и др. под руководством А.Л. Станиславского начали вести научно-исследовательскую работу по теме «Разработка актуальных проблем теории и методики источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин». После изучения литературы коллектив исполнителей пришел к выводу, «что, несмотря на значительные достижения в изучении источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, остро ощущается отсутствие обобщающего исследования по теории, истории и общей методике источниковедения. Остаются неизученными или недостаточно изученными также многие важные виды исторических источников: делопроизводственные источники, мемуары, писцовые книги, периодическая печать, нумизматические источники и др.» (АРАН. Ф. 2030. Оп. 1. Д. 49. Л. 3). Результатом работы творческого коллектива должно было стать создание фундаментального исследования, «посвященного теории, истории и современному состоянию источниковедения как науки, анализу ее концептуальной основы и практического применения методов источниковедческого анализа в современной социальной практике» при изучении отдельных видов и групп исторических источников.

Безвременная кончина ученого в возрасте 50 лет не дала ему осуществить задуманное. Умер А.Л. Станиславский 27 января 1990 г.

Н.Ф. Котляр (Киев, Украина)

Из истории городского самоуправления в Древней Руси

Древнерусское вече издавна пребывало в фокусе внимания отечественной историографии. Вначале историки принялись изучать его общественную природу и социальную структуру (Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, В.И. Сергеевич) Они считали участие в вече правом свободного человека, несколько идеализируя общественное равенство среди его участников. В советское время вече рассматривалось в общественно-экономическом плане (Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто и др.). Историки справедливо видели в нем классовую организацию, в которой распоряжалась городская верхушка. Всё же вече во многих случаях выражало волю горожан, особенно начиная с середины XII в. На этой позиции стоят и современные историки.

Как известно, вечевые собрания выросли из собраний родоплеменных, однако этот процесс не отразился в источниках. Историки представляют его следующим образом. В IX–X вв. в город время от времени сходятся жители округи и вместе с горожанами обсуждают дела земли или княжества. Лишь редкие летописные известия позволяют пролить свет на этот процесс. В частности, он отразился в тексте «Повести временных лет» 80-х годов X в., когда Владимир «созва бояре своя и старци градьскиѣ», дабы обсудить важные вопросы внешней политики государства, после чего на широком народном собрании решили послать послов в разные страны.

Собрание горожан некоторые историки считают главным народным органом управления землей или княжеством. Так оно и было, но во времена, когда не существовало центральной власти в лице князя и его аппарата. Памятники письменности называют собрание горожан вечем. Киевское вече, равно как и вече других крупных городов, решало важные вопросы войны и мира. Его созывали в исключительных случаях, прежде всего во время вражеского нашествия. Согласно обычному праву в нем могли принимать участие все свободные жители города, на практике же на него собирались лишь главы семейств, среди которых ведущую роль играли «лучшие мужи», состоятельные купцы и ремесленники, а также бояре и княжеские дружинники, входившие в городскую общину. Вечевые собрания со своими требованиями и протестами вмешивались в княжеское управление, не претендуя на полноту власти. С другой стороны, князья обычно признавали права городской общины избирать себе князя. Речь идет о вольных городах, получавших эти права от власти.

По своему содержанию народному городскому вечу соответствовало собрание горожан небольшого города Киевской земли Белгорода в 997 г. Тогда город осадили печенеги. Осада затянулась, горожанам угрожал голод. Тогда жители «створиша вѣче в городѣ, ... и тако совѣть створиша» («Повесть временных лет»). Раздавались призывы капитулировать на милость победителя. Однако нашелся мудрый старец, сумевший перехитрить печенежских ханов. Он предложил создать перед печенегами видимость благополучия и сытости горожан, те поверили и сняли осаду. На белгородском вече распоряжаются старцы, но масса горожан принимает в нем уже активное участие.

Уже первые летописные свидетельства о вече конца X–XI вв. позволяют судить о том, что оно было органом чрезвычайным, решавшим важнейшие дела государственной жизни, прежде всего войны и мира, призыва и изгнания князей, что особенно часто случалось во второй половине XII в. Такое чрезвычайное вече было созвано в Киеве в 1068 г., после поражения Ярославичей от половцев. Вече собирал князь или тысяцкий (глава общины). Оно имело власть над городским ополчением, и князь, дабы собрать ополчение, должен был просить об этом вече. А во время отсутствия князя в городе его власть перенимало вече.

Летописи содержат много свидетельств того, как вече Киева, Новгорода Великого, Владимира на Клязьме, Галича и других крупных древнерусских городов властно вмешивались в княжеское управление. Со своей стороны, князья обычно признавали права городской общины (представленной вече) отдельных городов избирать себе князя. Речь идет о вольных городах.

Следствием борьбы горожан за вольности было то, что первый письменный кодекс на Руси был дан городской общине Новгорода Великого: «Правда Ярослава». Она родилась в Киеве в 1015 г. благодаря поддержке новгородцев в борьбе Ярослава Владимировича с братьями за киевский стол. Этот кодекс отразился в Новгородской первой летописи младшего извода. Он стал отправной точкой для выработки как общегосударственного законодательства, так и городских Правд. Ярослав издал Правду для Киева, положенную в основу городского суда и городской жизни. В последующие десятилетия эта Правда совершенствовалась и стала основой отношений городской общины с киевскими князьями.

Однако общины крупных городов Древней Руси, прежде всего Киева и Новгорода Великого, не довольствовались закреплением их прав и вольностей в государственной и городских Правдах. Они стремились заключать соглашения с князьями, «ряды». Само существование «ряда» является доказательством признания властью за вольными городами прав собственности, в частности на доходы от торговли, ремесел и промыслов.

Вольные города видели гаранта своих права и вольностей в князе. Для этого он должен был быть сильным и авторитетным правителем, охранять городскую Правду, политические и экономические интересы города, защищать его от посягательств других князей. Князю приходилось быть умеренным и уступчивым, не посягать на городские привилегии и доходы.

С другой стороны даже большие вольные города, в частности Киев и Новгород, способные выставить народные ополчения по несколько десятков тысяч воинов, считали необходимым иметь князя для соблюдения порядка и защиты, потому что «боярина не вси слушають», как заметил один из составителей Киевской летописи под 1151 г. Летописи свидетельствуют, что сохранение городских Правд и вольностей, подтвержденных княжескими грамотами и уставами, составляло основу политического ряда каждого вольного города с государем.

А.В. Краско (Санкт-Петербург)

К вопросу о достоверности разных источников для определения даты рождения при генеалогическом исследовании

При составлении поколенной росписи задачей генеалога является точное определение даты и места рождения человека. Источником таких данных служит метрическое свидетельство о рождении и крещении (документ «прямого» действия), а при его отсутствии – данные из других источников. Так, возраст жениха и невесты с их слов указывался в метрических книгах

при венчании (как правило, в XIX в.). В метрической записи о смерти указывался возраст покойного. Данные о возрасте (число лет) записывались священником в исповедных ведомостях, также со слов пришедшего к исповеди. В ревизских сказках также сообщалось число полных лет каждой «ревизской души» и членов его семьи. Есть сведения о датах жизни в некрополях – для Санкт-Петербурга это четырехтомный «Петербургский некрополь» и однотомный «Русский провинциальный некрополь», опубликованные до 1917 г., и некоторые современные аналогичные издания («Новодевичье кладбище» и др.). Для изучения истории и генеалогии купечества важную информационную роль играют ежегодные справочники санкт-петербургской Купеческой управы, издаваемые с середины 1860-х гг. (аналогичные справочники выпускала и московская Купеческая управа). Общее их название «Справочная книга о лицах…, получивших купеческие свидетельства на… год». В них при фамилии каждого записанного в купечество на данный год сообщался его возраст (число полных лет, со слов самого купца).

Дата рождения в метрической книге не может быть подвергнута сомнению. Однако сведения о возрасте (и, соответственно, о годе рождения) из других источники нуждаются в более внимательном рассмотрении и сопоставлении на предмет большей их достоверности.

На протяжении нескольких лет автором готовились к печати родословные росписи шести санкт-петербургских купеческих родов, которые занимали лидирующие позиции в купеческой корпорации со времен Екатерины II, а некоторые и еще раньше (Ольхины, Лесниковы, Кусовы, Молво, Меншиковы и Косиковские). Их объединяет то обстоятельство, что эти роды (или отдельные их ветви) получили права не только потомственного почетного гражданства, но и потомственного дворянства, что, в свою очередь, дает исследователю дополнительные источники информации для составления родословной.

При сопоставлении сведений из разных источников выявились существенные расхождения в датах. Так, основоположник купеческого рода Ольхиных, по данным справочника «Петербургский некрополь», родился 25 декабря 1709 г., по ревизским материалам на 1720 г. ему было 8 лет. Дата его смерти – 14 декабря 1788 г. – указана в «Петербургском некрополе». Метрическое свидетельство о смерти сообщает, что он скончался действительно 14 декабря 1788 г., 85 лет, от старости (ЦГИА СПб. Ф. 19. Петроградская духовная консистория. Оп. 111. Д. 105. Л. 130 об. (м. с.)). Сведения о возрасте покойного идут, очевидно, от родственников – вряд ли священник при отпевании требовал метрическую выписку о рождении. Его сын Василий при венчании в 1763 г. в метрической книге поименован «отроком» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 55. Л. 116). Согласно исповедной ведомости 1785 г. ему 43 года (Там же. Ф. 781. Оп. 2. Д. 761. Л. 3 об.). Умер он, как гласит метрическая запись об отпевании, 27 июля 1791, 55 лет, от «водяной»

(Там же. Ф. 19. Оп. 111. Д. 111. Л. 157 об. (м. с.)). «Петербургский некрополь» указывает дату его смерти как 25 июля.

Иван Федорович Лесников по данным «Петербургского некрополя» родился 30 марта 1752. По ревизской сказке 1795 г. ему 40 лет (ЦГИА СПб. Ф. 788 (Санкт-Петербургская городская шестигласная дума). Оп. 4. Д. 12. Л. 123 об. (р. с.)).

Василий Григорьевич Кусов по данным «Петербургского некрополя» родился 1 января 1729. По исповедной ведомости 1780 г. ему 55 лет (ЦГИА СПб. Ф. 19 Оп. 111. Д. 284. Л. 954 (и. в.)). Умер он 18 сентября 1788, 60 лет, «чахоткой» (Там же. Д. 105. Л. 156 об. (м. с.)).

Приводить подобные примеры расхождений в данных из разных источников можно и дальше. Всего в шести поколенных росписях описаны 403 персоны, и практически у всех людей, рожденных в XVIII – начале XIX в. такие расхождения выявлены (они оговорены в тексте росписи). Эта ситуация объясняется, в частности, тем, что большинство основоположников известных столичных купеческих родов и даже их дети были уроженцами разных губерний и не всегда имели на руках свои метрики. Естественно, при оформлении права на потомственное почетное гражданство и потомственное дворянство, когда должны быть представлены метрические свидетельства, расхождений в датах выявлено меньше.

Метрическое свидетельство – главный документ, поэтому исследователь не должен без проверки доверять другим, менее авторитетным источникам. Проверка дат по метрическим книгам – занятие долгое. Появление в сети Интернет отсканированных метрических книг православных церквей Санкт-Петербургской епархии (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124, 126, 127) дают ныне исследователю возможность в короткий срок разыскать метрические свидетельства и окончательно решить вопрос о дате рождения (венчания и отпевания) членов изучаемого рода.

Т.А. Круглова (Москва)

Первое печатное пособие по русской палеографии: традиции и новаторство

Первое учебное пособие по отечественной палеографии было издано в 1844 г. Им стал «Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданный для воспитанников Межевого ведомства». По поручению Министерства юстиции его составил архивист, знаток документальных архивных фондов П.И. Иванов.

В течение своего более чем 170-летнего существования учебное пособие П.И. Иванова не затерялось в потоке подобных изданий. Вместе с тем истинное значение «Сборника палеографических снимков...» в развитии учебно-методической палеографической литературы, как представляется, пока не определено. Чтобы оценить данное пособие, следует выявить, с одной стороны, его взаимоотношения с палеографической литературой своего времени, а с

другой – черты, характеризующие его как первое учебное пособие. Генетическая связь пособия с современной ему традицией «книгоописания» (термин П.М. Строева) и привнесенные в него новшества выявляются при анализе композиции, содержания и названия созданного П.И. Ивановым труда.

К 1840-м гг. в работах, выполненных в жанре описания рукописных книг, просматривается устойчивое трехчастное построение. Эти труды обычно состояли из предисловия, собственно описания и приложения с образцами почерков.

П.И. Иванов построил свое пособие по этой традиционной трехчастной схеме. Однако пособие он назвал «Сборником палеографических снимков…», представляя только одну его часть. Это заглавие обеспечило в дальнейшем оценку пособия исключительно как палеографического альбома, достоинство которого заключается в значительном количестве приведенных образцов письма. Объем и разнообразие иллюстративного материала – это, безусловно, важная характеристика данного издания, однако она уводила исследователей, изучавших историю палеографии, от анализа «Сборника палеографических снимков…» именно как учебно-методического пособия.

Между тем, пособие являлось прообразом, говоря современным языком, обучающего модуля. Его *первая часть* называется «Исторический взгляд на развитие славяно-русской письменности и словесности». Это вводная теоретическая часть, главной предметной областью которой являлась история языка. Собственно палеографические сюжеты здесь отсутствуют. Подобная ситуация объясняется, безусловно, состоянием на тот момент палеографии как вспомогательной исторической дисциплины, слабо разграниченной с филологической наукой.

Вторая часть пособия озаглавлена как «Объяснение содержания литографированных снимков с древних актов». По назначению, содержанию и месту расположения она соответствовала собственно описанию рукописных книг, помещенному в традиционных «книгоописательных» изданиях. В учебном же пособии здесь П.И. Иванов давал описание источников, находящихся в третьей части.

В *третьей части*, которая в пособии не имела внутреннего заглавия, репродуцировалась графика уставных, полууставных и скорописных источников начиная с XII в. и до конца XVIII в. Для создания палеографического альбома П.И. Иванов мобилизовал все доступные ему материалы. Они брались, с одной стороны, из появившихся ранее изданий, а с другой – из отобранных составителем в архиве. Архивные материалы представляли собой документы, написанные скорописью. Вообще в «Сборнике палеографических снимков…» сделан акцент на древнерусской скорописи, поскольку ее использовали в приказном делопроизводстве, к документации которого воспитанники Межевого ведомства будут вынуждены обращаться в своей профессиональной деятельности.

Две последние части тесно связаны между собой. Их взаимосвязь обеспечивали, конечно же, письменные материалы, которые в каждой из частей рассматривались с разных сторон. Особенно ярко эту связь подчеркивал повторявшийся элемент – одни и те же тексты, в одинаковом объеме присутствовавшие в каждой из частей пособия, но в разных вариантах. Если в третьей части, т.е. в палеографическом альбоме пособия, образцы разных типов кириллического письма воспроизводились способом литографии как факсимильные, то во второй части эти же тексты воспроизводились обычным гражданским шрифтом и в орфографии XIX в. Фрагменты источников, опубликованные в узнаваемом учащимися виде, служили им образцами эталонного прочтения древних текстов.

В данное учебное палеографическое пособие методический прием «эталонное прочтение» был введен неслучайно. Дело в том, что, заботясь о подготовке специалистов для межевания, Министерство юстиции поручило П.И. Иванову не только подготовить палеографический альбом образцов древнего письма, но и «преподать особенные способы к свободному чтению древних документов». С целью решить поставленную перед ним методическую проблему П.И. Иванов поместил в пособии одинаковые тексты, с одной стороны, в факсимильном варианте, а с другой – эталонные их прочтения. Действительно, с помощью подобных эталонов учащиеся имели возможность сверить с ними свое самостоятельное чтение, увидеть собственные ошибки и их исправить. Иначе говоря, примеры эталонного прочтения осуществляли контрольную функцию.

Введение «эталонов прочтения» было тем новым моментом, который П.И. Иванов привнес в процесс обучения чтению древних источников. Прием был особенно полезным и даже необходимым в ходе обучения чтению скорописных текстов, поскольку овладение навыками чтения книжных типов письма не вызывало особых затруднений, и в «книгоописательных» работах, с которыми генетически было связано пособие П.И. Иванова, такой прием отсутствовал.

В заключение заметим, что в новейшей литературе, посвященной истории палеографии как вспомогательной исторической дисциплине, изобретение методики «эталонного чтения» для приобретения навыков чтения древнерусской скорописи относят к началу XX в. Однако еще в 1844 г. для первого печатного пособия по палеографии этот методический прием изобрел П.И. Иванов.

А.С. Кручинин (Москва)

Пират с огненным мечом, или о внимательном чтении исторических источников

Одним из кандидатов на сомнительный (как по моральным соображениям, так и в силу расплывчатости критериев) титул «величайшего пирата» Нового Времени по праву может считаться Бартоломью Робертс, за непол-

ные три года (июнь 1719 – февраль 1722) захвативший около четырехсот «призов», оперируя едва ли не по всей Атлантике от Ньюфаундленда до Гвинеи (у берегов которой, в конце концов, и встретил смерть в бою с британским военным кораблем), не имея при этом долговременных баз на суше и не прибегая для продления своего существования к объявленным властями амнистиям. Характерной деталью пиратской истории капитана Робертса стали его флаги или вымпелы, описания которых в литературе встречаются часто, однако с существенными искажениями, иногда совершенно фантастическими: «известный флибустьер был изображен сам лично в полный рост с саблей в руке и с бочкой под каждой ногой. Над двумя мертвыми головами, изображенными по сторонам, фигурировали буквы ABH и AMH, которые расшифровывались в переводе с английского как "голова барбадосца" и "голова мартиниканца"» (Комаровский Е.А. Адамова голова или «Веселый Роджер» как элемент символики пиратских флагов // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания / РГГУ; ИАИ. Ч. 2. М., 2008. С. 375). На самом же деле заниматься эквилибристикой на бочках вексиллологическому alter ego капитана Робертса не приходилось: пират на флаге попирал ногами именно черепа, обозначенные как «A B[arbadian] H[ead]» и «A M[artinican] H[ead]» (A General History of the Pyrates / Defoe D.; ed. by Schonhorn M. Mineola (USA), [1999]. P. 221, 234).

Важной представляется и характеристика самого этого флага как вспомогательного (термин «jack», в данном случае условно переводимый как «вымпел», но не в смысле формы: «jack» Робертса был простым прямоугольником, а не «флагом с косицами») по отношению к основному («flag», «ensign») в вексиллологической символике корабля. В сущности, это индивидуальный, личный символ конкретного капитана, принятый им лишь с упрочением своего разбойничьего авторитета и на основании совершенно определенных обстоятельств своей биографии. Первоначально пиратский флаг Робертса нес на черном поле вошедшее в моду у морских разбойников с начала XVIII в. изображение черепа и абордажной сабли (Privateering and Piracy in the Colonial Period: Illustrative Documents. [S.l.], [2008]. P. 363), и капитан переменил его лишь в ответ на попытки губернаторов Барбадоса и Мартиники положить конец пиратским операциям в регионе, символически угрожая обоим островам беспощадною местью. Заметим, что наряду с более известным существует и альтернативное свидетельское показание о личном вымпеле Робертса, довольно невнятное, но сохраняющее основной — угрожающий или вызывающий — смысл флага: «на каждой из его сторон были рисунки и грубые надписи по-французски. И то, и другое относилось к губернаторам Мартиники и Барбадоса» (Sanders R. If a Pirate I Must Be…[London], [2008]. P.143). Основным же флагом, как следует из описания корабля Робертса во время крейсирования в Гвинейском заливе у берегов нынешнего Бенина, был по-прежнему старый английский флаг Святого Георгия (красный прямой крест на белом поле),

воспринимавшийся, по-видимому, больше как национальный, чем как государственный символ (при том, что сам Робертс был валлийцем). Наравне с ним упоминается и еще один «черный шелковый флаг» (именно «flag») с оригинальным изображением, описания и реконструкции которого уже почти три столетия кочуют по исторической и популярной литературе.

«Ужасающее товарищество с самой Смертью», которое якобы символизировала вновь появившаяся на флаге фигура пирата Робертса, иногда интерпретируется менее эмоционально, но едва ли не более причудливо: «он (Робертс – *А.К.*) и скелет держат песочные часы» (Чумаков С. История пиратства. М., 2001. Ил. вкл. с. 96/97), или даже «черный стяг с моряком и скелетом, держащим дротик и чашу. Скелет и моряк повернуты к зрителю и дружески чокаются» (Копелев Д.Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках. СПб., 2013. С. 502). Конечно, песочные часы в руках скелета, особенно при протянутой к ним с другой стороны руке моряка, можно принять за «чокающиеся» чарки или стаканы, но для описания флага Робертса следовало бы не разглядывать сомнительные копии со старинных гравюр, отличающихся немалой условностью, а обратиться к повествовательным источникам.

«Всеобщая история пиратов» капитана Чарльза Джонсона (в этой загадочной личности подозревают Даниэля Дефо, хотя такая версия имеет не меньше горячих противников, чем ревностных сторонников), многие главы которой являются чисто литературными, как раз в отношении капитана Робертса оказывается неплохо документированной, и там-то мы и встречаем детальное описание как «вымпела» с двумя черепами, так и «флага», в котором «чокающийся» со скелетом пират вовсе не упомянут: «на Флаге была Мертвая Голова, имеющая в одной руке (sic! – отсюда видно, что на самом деле речь идет о скелете – *А.К.*) Песочные Часы, а в другой скрещенные Кости, рядом же был изображен Дротик и под ним Сердце, из которого сочились три Капли Крови» (A General History… P. 234). Заметив, что общая угрожающая символика этого изображения вполне очевидна, за исключением разве что скрещенных костей в руке скелета, единственно возможной интерпретацией которых нам представляется пародийно-кощунственный намек на могильный крест, – обратим внимание на неожиданное обстоятельство: столь сложный рисунок флага практически со всеми его подробностями… вовсе не был оригинальным, более того, бытовал в пиратской среде на протяжении десятилетий, именуясь в обиходе «Old Roger» (эвфемизм для обозначения дьявола), – и это само по себе довольно удивительно, поскольку говорить о каноничности рисунка пиратских флагов в общем случае вряд ли возможно. Такой флаг был у капитанов Джона Квелча, повешенного в Бостоне в 1704 г. (Pringle P. Jolly Roger. Mineola (USA), [2001]. P. 124), Чарльза Гарриса, нашедшего конец на виселице в Ньюпорте в 1723 г. (Rogozinsky J. Honour among Thieves. [London], 2000. P. 229), и… в 1719 г. у Ховела Дэвиса (Ibid. P. 228), непосредственного предшественника Робертса, который и выдвинулся-то в главари шайки у неостывшего трупа

Дэвиса и начал свои деяния с мести за него. Таким образом как будто получается, что Робертс просто унаследовал флаг со «Старым Роджером», а единственной оригинальной деталью последнего оказываются скрещенные кости в руке скелета?

Существует, однако, и свидетельство, что «Старый Роджер» на флаге Робертса действительно был дополнен еще одною фигурой, начать же следует с важной особенности «вымпела», о которой пока мы сознательно умолчали. Попирающий черепа пират (Робертс) был изображен отнюдь не с «абордажною саблей», как можно предположить по старинной иллюстрации (Копелев Д.Н. Указ. соч. С. 502), а с… огненным (пламенным, пылающим — «flaming sword») мечом, сразу же приводящим на память первые главы Книги Бытия (в английской «Библии Короля Иакова» используются буквально те же слова: «a flaming sword which turned every way» — Gen. 3:24; в русском синодальном переводе — «пламенный меч обращающийся»); в связи с этим упомянем, что Робертс, якобы приказывавший на своем корабле соблюдать субботу для наемных музыкантов, иногда интерпретируется как сектант-пуританин, хотя это допущение и может считаться чрезмерным (Pringle P. Op. cit. P. 239). И, согласно одному из описаний его «основного» флага, рядом со «Старым Роджером» изображался пират, отнюдь не «дружески чокающийся»: в руке его был опять-таки огненный меч, а вся группа символизировала «вызов, непокорность самой смерти» (Sanders R. Op. cit. P. 203).

В связи с этим подчеркнем яркую индивидуальность символики, принятой капитаном Робертсом. Обычный «Веселый Роджер» или «Старый Роджер», происходящий, по нашему предположению, просто от сигнального черного флага − приказа остановиться и не оказывать сопротивления, нес эмблемы смерти как угрозу-предупреждение, исходящее от пиратов и адресованное их жертвам, то есть «Король-Смерть» («Banner of King Death» − еще одно из бытовавших названий) оказывался в каком-то смысле «союзником» разбойников. Напротив, у знаменитого капитана на «вымпеле» черепа обозначают не «смерть вообще», а буквально человеческие останки, общая же картина символизирует беспощадную месть и победу над конкретным врагом; а группа на флаге и вовсе показывает пирата как противника своего грозного визави, интерпретировать ли последнего как неумолимую смерть или как нечистого духа. Таким образом, вексиллологическое наследие Робертса скорее демонстрирует гуманистический (не путать с гуманным) образ «возрожденческого» или «просвещенческого» победоносного и непокорного человека, в каком-то смысле отодвигающий на задний план непосредственную угрозу стороннему наблюдателю.

Будучи индивидуальными, отражающими особенности личности и подробности биографии Робертса или, если угодно, его фантазию и блажь, оба флага в то же время побуждают задуматься об общих чертах пиратской символики или вексиллологической «моды». Как уже упоминалось, черный и красный флаги изначально использовались в качестве сигнальных, причем

«более угрожающим» был как раз не черный: «атакуя под “Веселым Роджером”, они дают пощаду сдающимся, но не щадят никого, поднимая красный или “кровавый” флаг» (свидетельство датируется 1724 г.: Pringle P. Op. cit. P. 124). Нельзя сказать, чтобы красные флаги, встречавшиеся на разбойничьих кораблях в данный период, не несли каких-либо изображений: у того же Дэвиса (вероятно, вслед за ним и у Робертса) был красный флаг, именовавшийся в обиходе «Strong Arm», поскольку его украшала рука с саблей (Rogozinski J. Op. cit. P. 228). Однако наибольшее внимание современников и историков оказывается прикованным к флагам черным, которые, даже по скудным и отрывочным документальным свидетельствам, отличались с одной стороны известным разнообразием рисунков, а с другой − выдержанностью последних все-таки в общем ключе. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что первая четверть XVIII в. становится временем, когда начинается своеобразное перерождение черного сигнального флага в quasi-государственный, идентифицирующий своего владельца. Примером является хотя бы сцена встречи в море капитана Дэвиса и капитана ла Буше: корабль француза с предупредительным выстрелом выкинул черный флаг, на что англичанин ответил тем же, и оба пирата с облегчением приступили к дружеским переговорам (A General History… P. 174). Вряд ли следует переводить этот флажный диалог как «сдавайся» − «сам сдавайся»: скорее после первоначальной угрозы ответное поднятие черного флага обозначало «здесь свои», то есть угрожающая функция уступала место опознавательной. Впрочем, полного развития, до возникновения «национально-разбойничьего» флага, эта тенденция не получила вследствие недолговечности «золотого века пиратства», одним из ярчайших представителей которого был Бартоломью Робертс − «пират с огненным мечом».

А.Н. Крюкова (Москва)

Фрагменты рукописей агиографических произведений на латинском языке в фондах НИОР РГБ

В докладе будут рассмотрены новые поступления 2012–2014 гг. Научно-исследовательского отдела рукописей (НИОР) Российской государственной библиотеки (РГБ), представляющие собой фрагменты рукописных книг на латинском языке и содержащие отрывки как поэтических, так и прозаических произведений о святых. Данные фрагменты были присоединены к фонду 183/I (Собрание рукописей на западноевропейских языках) НИОР РГБ.

Наиболее ранний фрагмент под № 3390 представляет собой двойной пергаменный лист размером 4° (12,3×16, 5 см) и датируется кон. X − нач. XI вв. Текст на фрагменте написан каролингским минускулом и является отрывком 5 гимна из знаменитого творения христианского поэта Пруденция († после 405 г.) «Перистефанон» или «О венцах мучеников». Поэма «Перистефанон» состоит из 14 гимнов, в которых автор прославляет христианских мучеников, пострадавших за веру, и отличается простотой синтаксиса, а также яс-

ностью повествования. В 5 гимне прославляется святой Викентий (Винцентий) Сарагосский, пострадавший в 304 г. при императоре Диоклетиане за отказ принести жертву языческим богам.

Также в ф. 183/I под № 3393 хранится фрагмент списка «Золотой легенды» Иакова из Варацце (ок. 1228 или 1230–1298 г.), широко известного агиографического сборника, совмещающего церковный календарь, литургический легендарий и произведения биографического жанра. Автор начал работу над «Золотой легендой» в 60-е гг. XIII в. и уже в XIV в. она достигла пика своей популярности, переписываясь в 40 раз чаще аналогичных Легендариев, что можно объяснить простотой и доступностью изложения, а также выразительной манерой повествования. Не случайно, «Золотую легенду» называют энциклопедией Священной истории и богословия, без которой невозможно изучать западноевропейскую средневековую культуру и быт: для одних она послужила источником при создании иконографических образов святых, для других стала важным материалом при анализе взаимоотношений Церкви и общества в средние века. Хранящийся в НИОР РГБ фрагмент «Золотой легенды» представлен на 6 листах размером in folio (36,4×24,0 см), которые датируются кон. XIII − перв. пол. XIV в. Текст расположен в 2 столбца, написан готическим книжным письмом и имеет художественное оформление в виде рубрик и инициалов красного и синего цвета. На полях и между строк имеются писцовые вставки, обрамленные изящными рамками с филигранями красного цвета или отмеченные специальным значком. На листах содержится 177 глава из «Золотой легенды» без начала и окончания, в которой рассказывается о папе Пелагие, и глава 178 «Об освящении церкви».

Близкой по времени создания является № 3381, содержащий Житие святой Савины Труасской, пострадавшей в III в. при императоре Аврелиане. Фрагмент представляет собой пергаменный лист размером in folio (41,2×28,6 см) и датируется XIII в. Текст без каких-либо художественных украшений расположен в 2 столбца и написан готическим книжным письмом темно-коричневыми чернилами. Полная версия данной редакции Жития была опубликована болландистами в Acta Sanctorum (Acta Sanctorum. Parisiis, 1863[3]. Janvarius. T. 3. P. 559–561), краткий вариант представлен в 127 главе «Золотой легенды» Иакова из Варацце. Повествование Жития отражает широко известный в мировой литературе сюжет о брате и сестре, разлученных в детстве и посвятивших жизнь поискам друг друга.

Другой фрагмент рукописи из ф. 183/I под № 3382 содержит отрывок Жития святой Одилии (Оттилии) Хоэнбургской (660–720), покровительнице региона Эльзас во Франции. Расширенный вариант данной редакции Жития представлен в 189 главе «Золотой легенды» Иакова из Варацце. Отрывок расположен на пергаменном листе размером in folio (29,8×19,0 см), написан готическим книжным письмом и датируется XIV в. Святая Одилия была слепой от рождения дочерью герцога Эльзаса. Поскольку отец не хотел принимать больное дитя, мать отнесла дочь в местность Пальма (возможно,

округ Бом-ле-Дам в регионе Франш-Конте во Франции) и отдала на воспитание крестьянам. В 12 лет Одилия поселилась в соседнем монастыре, куда вскоре прибыл Эрхард, епископ Регенсбургский, который крестил девочку с именем Одилия, после чего она прозрела. Ее брат узнал о чудесном выздоровлении сестры и вернул ее домой. Видя красоту дочери, отец решил выдать ее замуж, однако святая отказалась, тогда в порыве гнева он убил сына. Одилия воскресила брата, но ей самой пришлось спасаться бегством; отец кинулся в погоню с целью убить дочь, однако не сумел догнать ее, так как Одилия спряталась в ущелье. Лишь спустя много лет, когда слава о святой распространилась по всему Эльзасу, отец простил дочь и подарил ей гору (ныне Гора Одилии) с замком, в котором Одилия основала женский монастырь и стала его первой настоятельницей. Спустя 10 лет после основания обители, ей явился святой Иоанн Креститель и повелел построить другой монастырь под горой, что святая и сделала (монастырь Нижний Мюнстер; сгорел в 1542 г.). По молитвам Одилии из скалы забил источник воды, которая до сих пор исцеляет страдающих глазными болезнями и другими недугами. Одилия умерла 13 декабря 720 г. и была похоронена в своем монастыре.

Наконец, последний фрагмент под № 3392 из ф. 183/I содержит отрывок «Истории монахов» Руфина Аквилейского (нач. V в.). Фрагмент состоит из одного пергаменного листа размером in folio (29,8×19,0 см) и датируется XIV в. Текст написан в 2 столбца готическим книжным письмом с красными большими инициалами. На фрагменте представлены отрывки глав, в которых рассказывается об авве Пимене и отшельнике Агафоне.

Рассмотренные в докладе фрагменты являются важным источником при изучении истории Церкви, христианской культуры и нравов Западной Европы в Средние века.

А.В. Кубатин (Ташкент, Узбекистан)

К вопросу об употреблении титула *MR'Y* на монетах Средней Азии эпохи раннего средневековья

MR'Y (в документах с г. Муг. вариант *MRY'*) является арамейской гетерограммой букв «мой государь», служащей для обозначения согдийского *xwβ(w)*, *xwt'w* «государь, правитель» (Gharib B. Sogdian Dictionary. Sogdian – Persian – English. Tehran, 1995. P. 216). А.А. Фрейман, первоначально считал, что *MR'Y* – это гетерограмма, соответствующая слову *афшин*, но затем пришел к выводу, что она не является его соответствием, а передает согдийские термины *xwt'w* и *xwβ(w)* (Мусакаева А.А. Туранские монеты III–VIII вв. Ташкент, 2013. С. 132).

Гетерограмма *MR'Y* заняла свое место в легендах раннесредневековых монет таких владений Средней Азии, как Хорезм, Бухара, Панч и Уструшана. Так, гетерограмма *MR'Y* на монетах Хорезма в составе парного титул *MR'Y MLK'* заняло место на монетах группы Г по квалификации Б.И. Вайнберг (Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 16).

Относительно монет Уструшаны следует отметить, что на них заняли место согдийский титул, возможно *афшин*, переданный гетерограммой *MR'Y* и имена правителей. Данные монеты были отнесены исследователями к чекану Уструшаны.

Другой историко-культурной областью, на монетах которой занял место титул *MR'Y*, является Панч (Пенджикент). По мнению исследователей, чекан в Панче начался в середине VII века и представлен монетами, чеканенными по образцу китайских с квадратным отверстием по центру. Гетерограмма *MR'Y* представлена в легендах трех типов монет Панча: *pncy MR'Yn cm'wky'n* – "Государь Панча Чамукйан/Джамукйан" (или «Государь Панча (из рода) Чамук/Жамук»), *pncy MR'Y βyδk'' xwβ* – «Государь Панча князь Бильге», *pncy MR'Y pycwtt* – «Государь Панча Бичут» (Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 49).

Гетерограмма *MR'Y* заняло место на монетах с изображением правящей четы. Данные монеты в иконографическом отношении близки к нескольким типам собственных монет Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче и одного из типов монет Тохаристана (т.н. Чаганиан). Исходя из ареала находок монет этого типа, исследователи локализовали место их чекана в Восточном Согде. Однако, новые находки позволили прочесть легенду на монетах данного типа, *pny βγy (?) x'ttwn(h) MR'Y* – «Деньга божественных (?) Хатун и государя» или как *pncy nn x'ttwn(h) MR'Y* – «Панча Нана-хатун (и) государь», что позволило связать их чекан также с владением Панч (Babayarov G. New readings of the pair portrait coins of the Pre-Islamic Sogd // http://groups.yahoo.com/group/Sogdian-L/files (December, 2013)).

Следует отметить, что в свое время Э.В. Ртвеладзе, ссылаясь на В.А. Лившица, писал, что на монетах Чача доисламского времени встречается титул арамейского происхождения *MR'Y* – «правитель, государь» (Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). Ташкент, 2006. С. 62–63, 66, 73). Кроме тогго, Э.В. Ртвеладзе выявил титул *MR'Y* в легендах некоторых монет Чача, в частности на монетах с изображением правителя в фас с длинными волосами (*twrk[š] č'čnynk MRYW* – "Ту/юрк[еш] Чачан(й)ск(ий) правитель») и изображением правителя, сидящего на зооморфном троне правителя (*č'čynk MR'Y 'w'bh (?)* – «Чачский правитель (государь) *'w'bh (?)*») (Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача... С. 49, 60, 62, 66, 104). При этом, исследователь сам пересмотрел свое чтение на монетах изображением правителя, сидящего на зооморфном троне правителя, предложив читать его как *c'c'ny n'pc xwbw* – «Чачского народа (общины, страны) правитель» или «Правитель Чачского народа (общины, страны)» (Ртвеладзе Э.В. Монеты Чача с изображением правителя восседающего на зооморфном троне // Ташкент: вчера и сегодня. Ташкент, 2007. С. 25). Однако, исследование многих сотен монет Чача того времени показывает, что в действительности этот титул на этих монетах ни разу не встречается (см.

Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса VI–VIII вв. Ташкент, 2007). Вполне очевидно, что мнение о титуле *MR'Y* возникло в результате неверного чтения согдийских легенд.

Таким из вышеупомянутого материала становится очевидным, что в отличие от других оазисных государств Средней Азии на монетах Чачского оазиса эпохи раннего средневековья, согдийский титул, переданный арамейской гетерограммой *MR'Y* не встречается, и он является характерным в основном для таких историко-культурных областей той эпохи, как Бухара, Хорезм, Согд (Панч) и Уструшана.

Т.А. Кузьменко (Москва)

Печати Вернадских и Алексеевых в Архиве РАН как исторический источник

В Архиве Российской академии наук хранится фонд выдающего ученого XIX–XX вв., академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), насчитывающий в настоящее время 4741 единицу хранения за 1767–1966 гг. (АРАН. Ф.518). Документы ученого были переданы в Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1945 г. Вместе с документальным фондом академика в Архив поступили и печати, которые были выделены из основного фонда В.И. Вернадского в разряд Р-XI.

Объектом исследования стали три печати (матрицы) из фонда В.И. Вернадского. Цель данного исследования – определение их принадлежности и назначения.

Оттиски печатей показали, что две печати являются именными, личными печатями. Личные печати, как правило, использовались владельцами для запечатывания своей личной корреспонденции.

Вот описание этих печатей по их оттискам:

1. Металлическая круглая матрица. Рисунок вдавленный. Размер в диаметре – 31мм. В центре печати буквы: «И.В.» готическим шрифтом. Вверху – дворянская корона. Внизу – растительный орнамент (ветки с листьями) (АРАН. Р-XI. Оп. 1. Ед. хр. 1).

2. Бронзовая овальная матрица. Рисунок вдавленный. Размер овала – 14 х 17 мм. В центре – вензель «ОА» (АРАН. Р-XI. Оп. 1. Ед. хр. 5).

Для определения владельцев этих сфрагистических материалов потребовалось знание родословной семьи Вернадских.

Историей своего рода интересовались отец академика, Иван Васильевич Вернадский и Владимир Иванович Вернадский, о чем свидетельствует сохранившиеся дневники В.И. Вернадского, переписка с родственниками, с В.Л. Модзалевским (1882–1920), автором «Малороссийского родословника».

В фонде В.И. Вернадского сохранились многочисленные генеалогические материалы, указывающие на принадлежность членов семьи Вернадских к дворянскому сословию (паспортные книжки, выписки из метрических книг, и др.).

Инициалы «И.В.» в семье Вернадских были у отца академика, Ивана Васильевича Вернадского (1821–1884). В.И. Вернадский в своем дневнике писал: «Василий Иванович Вернадский [дед В.И. Вернадского, отец И.В. Вернадского] 26 июля 1826 года за выслугу лет произведен в *коллежские советники,* что давало тогда *потомственное дворянство* и старшинство… Дворянство моего прадеда священника И.Н. Вернадского было очень сомнительно, т. к. род его не принадлежал к старшинским» (Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. (Серия «Библиотека трудов академика В.И. Вернадского»). М., 2001. С. 392).

В аттестате о службе Ивана Васильевича Вернадского, датированном 1876 г. со ссылкой на формулярный список указано, что И.В. Вернадский «из дворян, имеет благоприобретенные в Тамбовской губернии Моршанского уезда 525 десятин земли» (АРАН. Ф. 518. Оп. 6. Д. 45. Л. 1, 5 об.). Умер И.В. Вернадский в чине тайного советника.

Таким образом, личная печать с инициалами «И.В.» и дворянской короной по праву принадлежала Ивану Васильевичу Вернадскому, отцу В.И. Вернадского.

Принадлежность именной печати с монограммой «ОА» сомнений не вызвала. Бронзовая печать с вензелем «ОА», хранившаяся в доме В.И. Вернадского, принадлежала его сестре, Ольге Ивановне Алексеевой (урожденной Вернадской, 1864–1920), которая в 1882 г. вышла замуж за Кира Алексеевича Алексеева (1816–1923), приняв его фамилию.

Сохранились письма Ольги Алексеевой (Вернадской) за 1883 и 1885 гг. с оттиском на письмах вензеля «ОА» и дворянской короны, адресованные брату, В.И. Вернадскому (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 24. Л. 1, 4, 7, 11, 17, 19).

Третья печать оказалась дворянской гербовой печатью. Круглая матрица печати изготовлена из бронзы. Рисунок вдавленный. Размер в диаметре – 21 мм. В центре печати щит, разделенный вертикально на две части. В центре щита – скрещенные шпага и ключ. Над гербом изображен рыцарский шлем с дворянской короной. Щит держат львы (АРАН. Р-XI. Оп. 1. Ед. хр. 2).

Вот описание герба рода Алексеевых в «Общем гербовнике»: «Щит, разделённый перпендикулярно на две части, имеет правое поле красное, а левое голубое, на коих изображен прямо поставленный Столб и сквозь оный видны крестообразно проходящие Ключ и Шпага, остроконечием обращённая к правому верхнему углу. Щит увенчан обыкновенным дворянским Шлемом с дворянскою на нем Короною. Намет на щите красный, подложенный серебром. Щит держат два Льва».

Таким образом, третья печать оказалась дворянской гербовой печатью, принадлежащей роду Алексеевых. Владельцем печати (матрицы) был Кир Алексеевич Алексеев, муж Ольги Ивановны Алексеевой (урожденной Вернадской).

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что печати И.В. Вернадского и рода Алексеевых, хранящиеся в Архиве РАН являются подтверждением принадлежности семей Вернадских и Алексеевых к

дворянскому сословию. Кроме того, дворянская печать рода Алексеевых представляет собой интерес и как памятник изобразительного искусства.

А.В. Кузьмин (Москва)

Существование зороастрийской карты созвездий: за и против

В 1533 г. в Ингольштате была издана весьма необычная карта созвездий, авторство которой принадлежит П. Апиану (Peterus Apianus) – так называемая «Карта староарабского неба» (Apianus Peterus. Horoscopion generale... Ingolstadt, 1533). П. Куницш интерпретировал эту карту как единственное известное в астрономической литературе изображение звёздной карты арабов доисламского периода (Kunitzsch P. Peter Apian and “Azophi”: Arabic constellations in Renaissance astronomy // J. Hist. Astron. 1987. Vol. 18. P. 117–124). Эта карта рассматривалась только в связи с вопросом влияния восточных изображений созвездий на формирование западноевропейской традиции. Между тем, есть все основания полагать, что значение этой звёздной карты выходит за ранее установленные рамки. Несмотря на определённую фрагментарность, она представляет совершенно корректную реконструкцию карты неба, существовавшую во времена античности на Востоке.

Интерпретация П. Куницша имеет недостатки, главный из которых – лишь частичное соответствие изображения реконструкции П. Апиана достоверно известным описаниям карты созвездий арабов доисламского периода. (См.: Беруни А.Р. Книга вразумления начаткам науки о звёздах (Избранные произведения. Т. VI.) Ташкент, 1975).

Кроме того, даже при наличии соответствий остаётся открытым вопрос о происхождении самой карты староарабских (доисламских) созвездий. Между тем, подобно тому, как созвездия классической карты неба традиционно интерпретируют в поле древнегреческой мифологии, весь комплекс образов карты Апиана может быть интерпретирован и в поле зороастрийской (древнеиранской) мифологии.

Заметим, что именно в так называемый «доисламский период» (VIII–IX вв. н.э.) происходит знакомство арабов с зороастрийской культурой. Возникает так называемый ортодоксальный Зороастризм, происходит письменная фиксация зороастрийских текстов, восходящих к III–IV в. н.э. (Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.,М., 1988).

Можно предположить и то, что на карте Апиана присутствуют (смешаны) две различные традиции (некоторая часть карты – «греческая», хорошо известна, другая – напротив состоит из «других, совершенно не характерных» фигур-символов). Но более вероятным представляется, что эта карта отражает единую традицию, но одна её часть (назовём её канонической) нам известна, а другая (не каноническая) – нет. Причём символы, кроме тех, что кажутся нам необычными (не канонические, трактуемые нами как символы зороастрийской мифологии), – хорошо знакомые нам: Пегас, Кит, Псы, Мед-

ведица и другие созвездия греческого неба, присутствующие на этой карте, также могут быть интерпретированы как символы зороастрийской мифологии.

Зороастрийские символы карты Апиана противоречат канонам древнегреческой мифологии. Но при этом та часть символов, которая согласуется с известной нам греческой мифологией также согласуется (по крайней мере, не имеет явных противоречий) с мифологией древнеиранской. Иными словами, можно предположить, что Апиану удалось реконструировать именно зороастрийскую карту неба, которая изначально могла иметь именно такой вид и в своё время была частично заимствована греками.

Такое предположение о частичном заимствовании греками зороастрийской карты созвездий, по крайней мере, не противоречит известным данным о взаимодействии древних культур (См., например: Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана (По материалам глиптики V–IV вв. до н.э.). М., 1994), и, в том числе, наличию следов зороастрийских теокосмогонических мифов в орфической астрономии.

Графическая реконструкция 1533 г. отражает карту созвездий сложившуюся в период культурного контакта носителей астрономических знаний Древней Месопотамии с представителями зерванитской религиозной традиции. В это же время происходит выборочное заимствование греками зороастрийской карты и таким образом, известную нам карту созвездий описанную Аратом (Арат. Явления. (Пер. А.А. Россиуса) / Небо, наука, поэзия. М., 1992), сообразно считать плодом не сугубо греческой, а греко-персидской культуры. Таким образом, предложена интерпретация так называемой «староарабской карты созвездий»: основная идея заключается в том, что графическая реконструкция П. Апиана 1533 г. отражает карту созвездий, сформировавшуюся в указанный выше период и ставшую впоследствии основой известной нам греческой карты созвездий.

Кулаковская О.Ю. (Петрозаводск)

Генеалогическая экспедиция на «малую родину» в Заонежье в 2015 г.: из опыта практической генеалогии

Как известно, в большинстве российских семей не культивируется родовая память, а во многих она едва ли не полностью угасла. Семейные архивы не сберегаются и на глазах исчезают. Почти никто из россиян ничего не знает о своих предках, не знает даже имён своих прадедов-пращуров, к какому сословию они принадлежали и чем занимались, не знает, в каких местах коренится их род. Хуже всего то, что большинство наших сограждан и не интересуется вопросами своей семейной истории и даже не подозревает, насколько интересным и даже увлекательным может стать ее изучение.

Мало интересовались и мало что знали о происхождении своей семьи и мои родственники по линии отца Сахаровы. Отчасти это было связано с тем, что мой отец совсем не знал своего отца – дед накануне войны исчез, и его судьба до сих пор остается загадкой. Зато по линии моей матери, урожден-

ной Шиловой, родовая память была весьма крепкой, «цепкой», разветвлённой и уходила достаточно глубоко, захватывая несколько поколений предков. Эта память явилась той «питательной средой», в которой еще в отроческие годы пробудился мой живой интерес к истории моей семьи, прежде всего, к истории Шиловых и их предков по женской линии Олюшкиных – крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии, в Заонежье. С детства знала я и названия деревень, откуда они были родом, – Заозерье, где родилась моя мать, и неподалеку – Пелус-озеро.

Когда я повзрослела, этот интерес принял более серьезный и углубленный характер и привёл меня в архив. Метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки – благодаря этим бесценным источникам я смогла составить подробные родословные и Шиловых, и Олюшкиных, охватывавшие несколько поколений этих крестьянских родов. Вокруг меня сложился круг единомышленников, что привело к тому, что в 2012 г. в Петрозаводске было создано Генеалогическое общество Карелии, а в 2013 г. возник его филиал в Пудоже.

Этот интерес стал разделять и мой сын, и когда возникла идея поездки в Пудож на встречу с местными краеведами и генеалогами, то он предложил посетить и родовые гнезда, тем более, что он надумал даже приобрести там дом в подарок своей бабушке и вновь укорениться на своей прародине.

В сентябрьское «бабье лето» 2015 г. мы с сыном, который прихватил с собой и свою четырехлетнюю дочь, отправились в Заонежье.

Прежде всего, мы обосновались в Заозерье, входящем в «куст деревень», располагающихся вокруг Колодозера. Я здесь уже бывала, но в эту поездку как-то особенно прочувствовала свою коренную связь с землей моих предков, снова побывала в родовом доме Шиловых (сейчас он принадлежит другим людям), отыскала точное место, где некогда располагалась небольшая сельская часовенка и дала себе обещание сделать все возможное, чтобы ее восстановить.

Мы посетили церковь Рождества Пресвятой Богородицы, недавно возрождённую в соседней небольшой деревушке Погост (звонница при ней устроена на средства моего родного дяди Сергея Александровича Шилова), полюбовались расположенным возле нее уникальными деревянными торговыми рядами, построенными в XVIII столетии, где в свое время, несомненно, торговали мои предки (увы, нуждающимся в срочной реставрации), побывали на родственных могилах на местном кладбище и, наконец, присмотрели дом, который нам захотелось купить (теперь в нем никто не живет).

Однако главные находки ждали нас на «малой родине» Олюшкиных – в деревне Пелус-озеро, расположенной на берегу одноименного озера, в которой ни мы с сыном, ни кто-либо из ныне живущих близких родственников никогда не бывал.

Первое, что нас поразило, – это общий вид небольшой деревни, который неожиданно открылся нам как бы с высоты птичьего полета – с вершины высокой горы. Уместившаяся на небольшом полуострове, вдающемся в одноименное и в этой части неширокое озеро, она казалась – и оказалась! –

сказочно живописной. Расположенные частично по берегу озера, у самой воды, частично беспорядочно раскиданные дома, и среди них выделялся своими размерами, как скоро выяснилось, дом моего прямого прапрадеда Ивана Сидоровича Олюшкина. Спустившись по крутому склону горы мимо полуразвалившейся часовенки, к нему мы и направились. Двухэтажный дом с большим балконом производил впечатление своими размерами, но, как сообщил нам нынешний его владелец, перед нами стояла лишь часть прежнего сооружения: значительная часть его давно была раскатана и перенесена в другое место в той же деревне. Однако главное, чем поразил нас хозяин, – это длинная и широкая доска, которую он вынес из дома и на которой красовалась четкая надпись «1912. сей домъ ивана сидоровича олюшкина мастер александръ», украшенная фигурами двух геральдических львов! Своего рода «визитная карточка» крестьянского дома! Нам было сказано, что некогда эта доска висела под балконом. Между прочим, на доме в свое время была и другая, металлическая доска, на которой было написано «Земское училище» (это, кстати, подтверждало семейные сведения о том, что И.С. Олюшкин, когда его дети подросли, устроил в своем доме школу и на свой счет содержал двух учителей). К сожалению, эту доску не удалось отыскать, хотя еще недавно она где-то валялась, вросшая в землю.

В отличие от Заозерья, где ныне никто ни из Шиловых, ни из их близких инофамильных родичей не живет, в Пелус-озере одним из домов до сих пор владеет семейство Олюшкиных, некоторые члены которого поселяются здесь летом. Соседи дали нам адрес в Пудоже, и на обратном пути я навестила супругов Бориса Васильевича и Екатерину Ивановну Олюшкиных (ему 79 лет, ей 81). Степень родства между ними и «нашими» Олюшкиными установить не удалось – для этого придется снова поработать в архиве над метрическими книгами. Зато мы узнали, что на сельском кладбище в Пелус-озере, расположенном несколько в стороне от деревни, сохранилась могила И.С. Олюшкина, которую летом этого года нам обещали показать. Вскоре после возвращения в Петрозаводск нас ждало еще одно открытие: оказалось, что в предреволюционные годы этот мой прапрадед был гласным Пудожского земского собрания, как минимум с 1913 по 1916 гг.

Добавлю, что на обратном пути в Пудож мы посетили в поселке Кривцы Леонида Леонидовича Мицуро, главу муниципального образования «Кривецкое сельское поселение», в которое входят обе «мои» деревни. В беседе с ним мы, во-первых, обсудили вопрос о задуманной нами покупке дома в Заозерье, и, во-вторых, наметили проект герба и флага указанного муниципального образования, которыми оно еще не обзавелось.

Подводя итоги, хотелось бы сделать некоторые выводы, касающиеся всех тех, кто начинает интересоваться своей родословной и намеревается заняться этим всерьез. Особенно это относится к тем, кто потерял корневую связь с «малой родиной» своих предков. Посещение мест, в которых некогда из поколения в поколение проживали деды, прадеды, пращуры, помогает

стимулировать и укреплять интерес к генеалогии своей семьи, окрашивает этот интерес эмоционально, придает ему духовное измерение, пробуждает «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу». С другой стороны, решившийся посетить прародину своих пращуров обычно получает свою награду – его ждут неожиданные находки: родовые дома, различные семейные реликвии, родственные могилы, а иногда и живые родичи, о существовании которых человек мог позабыть, а то и вовсе не знать. Строго говоря, сказанное относится вовсе не только к начинающим свой путь родословных изысканий, но и ко многим маститым генеалогам.

С.В. Кулинок (Минск, Беларусь)

Историография изучения исторических источников фонда № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) Национального архива Республики Беларусь

Фонд № 1450 «Белорусский штаб партизанского движения» является одним из крупнейших фондов на территории бывшего СССР по истории партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны. На сегодняшний день этот фонд включает в себя 24 описи и 11108 единиц хранения и является одним из самых востребованных для зарубежных и отечественных исследователей.

Видовое разнообразие документальных материалов послужило причиной возникновения интереса исследователей к изучению отдельных групп и видов исторических источников. В советское время источниковедческих исследований по материалам фонда практически не проводилось, но документы активно привлекались для написания общеисторических исследований.

В начале 1990-х гг. белорусский историк В. Ермолович провел глубокое изучение такой группы исторических документов, как листовки партизан и подпольщиков Беларуси, значительное количество которых хранится в фонде БШПД. Результатом этой работы стало появление как общетеоретических статей (Ермаловіч В. Лістоўкі перыяду Вялікай Айчыннай вайны як гістарычная крыніца // Весці АН Беларусі. Сер. грамад. навук. 1993. № 1. С. 49–58), так и диссертационного исследования (Ермолович В. Листовки партизан и подпольщиков Беларуси периода Великой Отечественной войны. Дисс. на соиск. уч. степени… канд. ист. наук. Минск, 1993). В своей работе автор применил методику использования ЭВМ в ходе изучения данных массовых исторических документов.

Документы по личному совтаву партизанских формирований, их место, роль и исторический потенциал исследовала белрусский историк Е.Я. Павлова (Павлова Е.Я. База данных о партизанах Белоруссии // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 23. М., 1998. С. 35–37; Павлова Е.О месте и особенностях партизанских документов в комплексе источников по истории партизанского движения // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: зб. 2011. Вып. 6. С. 103–119). Результатом этой работы

стала подготовка и защита кандидатской диссертации по теме «Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источники и метод анализа». В процессе подготовки диссертацией исследователем была подготовлена база данных об участниках партизанского движения, созданная на основе выборки из именных списков. Эта база данных позволяет выявить основные тенденции и закономерности формирования личного состава партизанских отрядов и бригад и дополнить в имеющейся историографии сведения по ряду показателей личного состава.

Актуальной и востребованной является деятельность историка А. Лукашова по изучению картографического материала партизан. Данный вид исторических источников, ранее практически не изученных, был подробно исследован в рамках подготовки и успешной защиты диссертации «Картаграфічныя матэрыялы партызан і падпольшчыкаў Беларусі (1941–1944 гг.) як гістарычная крыніца вывучэння Вялікай Айчыннай вайны». Автором также опубликовано несколько статей по данной проблеме (Лукашоў А.А. Картаграфічныя дакументы фондаў партызанскіх фарміраванняў 1941–1944 гг. у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. 2012. № 1. С. 79–87; Лукашоў А.А. Картаграфічныя матэрыялы беларускіх партызан Вялікай Айчыннай вайны: азначэнне, віды, змест // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: материалы Международной научн.-практ. конф. Минск, 2009. С. 132–136.; Лукашоў А.А. Крыніцазнаўства картаграфічных дакументаў у сістэме спецыяльных гістарычных дысцыплін // Молодежь в науке – 2011: прил. к журналу «Весці нац. акад. навук Беларусі». Сер. 2. 2012. С. 19–21).

Автор определил основных места хранения исторических карт партизан и подпольщиков, этапы формирования данного комплекса документов и их информационный потенциал.

В рамках подготовки диссертационного исследования по изучению разведывательных документов БШПД, автором данной статьи был подготовлен ряд публикаций по изучению как в целом разведывательных документов (Кулинок С.В. Разведывательные документы Белорусского штаба партизанского движения: виды, структура, информативность (по материалам фонда № 1450 Национального архива Республики Беларусь) // Архивы и делопроизводство. 2013. № 4. С. 131–138), так и отдельных групп и видов (Кулинок С.В. О разведывательной деятельности партизанских соединений: агентурные и разведывательные сводки, докладные записки, отчеты, справки // Вестник архивиста. 2015. №4. С. 113–123; Кулинок С.В. Организационно-распорядительные документы в системе разведдокументов руководящих органов партизанского движения: виды, структура, информативность // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. трудов. Витебск, 2015. Т. 19. С. 77–84; Кулинок С.В. Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения как источник по истории Беларуси периода Великой Оте-

чественной войны // Архивы и делопроизводство. 2012. № 4. С. 124–134). Автором впервые были изучены и проанализированы такие ранее неисследованные документы, как «опросные листы» и «протоколы бесед» (Опросные листы и протоколы бесед как источник по истории партизанской разведки в 1941−1943 гг. (по материалам фонда 1450 Национального архива Республики Беларусь) // Беларускі археаграфічны штогоднік. 2012. Вып. 13. С. 72–79).

Подводя итог, отметим, что при положительной динамике изучения исторических источников фонда БШПД, которое началось с 1990-х гг., на сегодняшний день еще остается значительный пласт документов, которые требуют своего анализа и исследования.

К.С. Кунавин (Тамбов)

База данных «Члены Государственного совета Российской империи второй половины XIX – начала XX века» как инструмент анализа и типизации политической элиты

Особенностью любых кризисных и переходных ситуаций в государстве является то, что в эти моменты возрастает значение и роль политических элит. Выступая в качестве инициатора и, отчасти, непосредственного исполнителя политических, экономических и социальных действий, элита (а вслед за ней и остальное общество) оказывается «в плену» собственных профессиональных и моральных качеств. В ситуации, когда налаженная система функционирования власти перестает быть эффективной, ошибочные решения элит могут привести к деструктивным последствиям.

Изучение российской истории XIX в. невозможно без внимания к крупным структурным изменениям, происходившим в стране на протяжении этого столетия, влияние политических элит на которые неоспоримо. Социолог М.Н. Афанасьев утверждает, что России всегда был присущ «властоцентризм», выражающийся в «зацикленности социума на власти» (Афанасьев М. От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 3. С. 9). Этот «властоцентризм» можно объяснить особой ролью правительства в экономике государства. В Российской империи экономические акторы не представляли серьезной социальной силы, а главным видом капитала являлся политический. «Экономическое развитие не только не было самодовлеющим и определяющим политический процесс, но, напротив, детерминировалось политикой» (Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. № 4. С. 5). Таким образом, изучение особенностей формирования, функционирования и смены персонального состава политической элиты позволяет рассмотреть процессы модернизации в Российской империи XIX в. как производное от этих особенностей, что добавляет глубины пониманию исторического процесса.

Наша база данных является частью исследования динамики карьерного роста государственной элиты России XIX в. Создание подобной базы данных позволит получить обобщенные характеристики этого процесса, а также

неформальных связей административной элиты Российской империи. База даст возможность приблизится к решению главного вопроса исследования – каковы были формальные и неформальные факторы, обеспечивавшие модели карьерного успеха отдельных представителей имперской бюрократии. Это позволит объяснить некоторые механизмы принятия управленческих и кадровых решений на государственном уровне. На локальном уровне в контексте полученных результатов будет проанализирован карьерный рост одного из выдающихся администраторов второй половины XIX в., создателя феномена Русской Палестины – Б.П. Мансурова.

СУБД Microsoft Access дает возможность создать просопографическую базу данных со структурой любой сложности, позволяющей учесть интересующие нас признаки представителей элиты и, что немаловажно, изменить и дополнить эту структуру в процессе или после заполнения базы информацией.

Результатом применения этой возможности стала база данных «Члены Государственного совета Российской империи второй половины XIX – начала XX века». В основу этой просопографической базы данных был положен позиционный принцип выявления политической элиты, который заключается в определении ее по занимаемым позициям в формальной политической структуре. Данный принцип позволил сформировать выборку из совокупности представителей политической элиты, в которую входят все члены Государственного совета Российской империи, профессиональная биография которых началась при правлении Николая I или Александра II. Хронологические рамки были определены конкретными вопросами в смежной исследовательской работе и при необходимости могут быть расширены.

Информация о карьерной динамике чиновников XIX в. содержится в формулярных списках и личных делах. Эти же источники использовались при составлении биобиблиографических справочников «Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 гг.» и «Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917». Представляя собой результат структурирования и критического осмысления профессиональными историками Д.Н. Шиловым и Ю.А. Кузьминым формулярных списков и личных дел, данные справочники избавляют от повторения долгой и кропотливой исследовательской работы с оригинальными документами в фондах различных архивов.

Сама база данных представляет собой 7 связанных таблиц. Главная таблица содержит основные биографические сведения – фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти, вероисповедание – и служит преимущественно для идентификации персоны. Несколько подчиненных таблиц позволяют учесть ряд интересующих нас формальных показателей: титул, полученный как при рождении, так и в процессе службы, место получения образования и время окончания учебного учреждения, статус и чин отца, а также, если это возможно, политические взгляды и их условная периодизация. Основной же массив информации содержится в подчиненной таблице «Чин», которой, в

свою очередь, подчинена таблица «Должность». Обязательными элементами этих двух таблиц являются различные хронологические показатели (начало или конец справления должности, дата присвоения чина и т.д.). Данная связка позволяет сгенерировать графическое отображение карьерной динамики отдельных лиц, где по оси X отмечен возраст или год, а по оси Y классы чинов от низшего к высшему.

Чинопроизводство в Российской империи было привязано к формальной системе выслуги лет, зависело от количества и качества материального и социального капитала, а так же субъективного отношения к чиновнику высшего начальства. Поэтому поиск и формирование групп на основе карьерной динамики их представителей дает возможность дополнительной типизации политической элиты, а также определения формальных показателей, оказывавших существенное влияние на эту динамику.

С.М. Кусмауль (Москва)

Орфографическая справа 1620-30-х гг.: дополнительные письменные источники*

Одним из важных источников при рассмотрении книжной справы XVII в. являются сведения о справщиках, проводивших изменения в богослужебных текстах. Важным аспектом книжной справы является также вопрос о том, на какие грамматики или грамматические сочинения ориентировались справщики. Период первой трети XVII в. с этой точки зрения комплексно не рассматривался. В 1620–30-х гг. на Московском Печатном дворе (далее МПД) трудилась группа справщиков: Арсений Глухой, Антоний Крылов, старец Феодосий. Примерно в конце 1620-х – начале 1630-х гг. была создана анонимная грамматика (ГИМ *Син.* № 734, далее грамматика *Син 734*) на основе компиляции двух грамматик Лаврентия Зизания (1596 г.) и Мелетия Смотрицкого (1619 г.). В акростихе стихотворного предисловия к этой грамматике зашифровано имя (вероятно, автора-составителя) – Антоний. Возникает вопрос об идентификации Антония, автора грамматики, и Антония Крылова, справщика МПД, а также о том, работали ли Арсений Глухой, Антоний Крылов и Феодосий в начале 1620-х гг., когда возникают первые орфографические изменения в богослужебных книгах, т.е. начинается книжная справа. При рассмотрении этого вопроса нами привлекались сведения о годах работы справщиков, об их личных связях, а также проводился анализ орфографических принципов богослужебных текстов 1620–30-х гг., издаваемых на МПД, и орфографических рекомендаций грамматики *Син 734*.

Сведения о справщиках содержатся в Приходно-расходных книгах Московского Печатного двора. Годы работы разных справщиков в отдельности опубликованы (Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. М., 2001). Сведения о годах работы справщиков 1620–30-х гг. указаны с того момента, когда выдачу жалования справщикам и другим работникам МПД на год записывали

в отдельную книгу. По сведениям этой публикации, Арсений Глухой работал с (7) 137 г., т.е. с 1628–29 гг., по (7) 144 г., т.е. 1635–36 гг., а Антоний Крылов в (7) 137–139 гг., т.е. с 1628 г. по 1631 г. (стр. 449). При подробном исследовании Приходно-расходных книг более ранних годов обнаруживаются записи и выдаче им жалования с сентября (7) 132 г., т.е. 1623 г. (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 4. Л. 96–98, 99–99а, 100, 100а–102а). Эти сведения помещаются среди прочих хозяйственных расходов и записываются по месяцам, поэтому сразу не становятся очевидными исследователям. Из Приходно-расходных книг выясняется, что Арсений Глухой работал на МПД с сентября 1623 г. по 1635–36 гг., а старец Антоний – с сентября 1623 г. по 1631 г.

В 1622 г. при издании Минеи на февраль месяц изменяются некоторые орфографические принципы по сравнению с предыдущими изданиями. Во-первых, это правила употребления буквы w (с ее помощью выделяются формы мн.ч. в любой части слова, в начале и в середине; до этого буква w преимущественно употреблялась только в начале слова в формах как ед., так и мн.ч.). Во-вторых, противопоставление по написанию форм *иже* по числу с помощью букв і/и (јже – ед.ч., и4же – мн.ч.). Исправления в корректурном экземпляре февральской Минеи (ГИМ. *Син.* № 184), непосредственно предназначавшимся к печати, наглядно показывают, как вводились новые принципы, когда поверх уже написанной буквы писалась справщиком другая буква. В Приходно-расходных книгах содержится запись о выдаче книг старцу Арсению после окончания работы над февральской Минеей (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 3. Л. 304а). Возможно, это одна из первых его работ, за которую он получил жалование книгами, а не деньгами. После выхода последующих изданий никто, кроме царских особ, книг не получал. Не известно точно, работали ли над февральской Минеей Антоний Крылов и Феодосий. Возможно, работа была коллективная, а выдавались книги только старцу Арсению, так как он был главным справщиком (его имя всегда стояло первым в списке), но возможно также, что Арсений работал еще один, а Антоний и Феодосий присоединились к нему позднее.

Арсений Глухой и Антоний Крылов работали вместе над исправлением книг под руководством Дионисия Зобниновского в Троице-Сергиевом монастыре в 1615–16 гг. О совместной работе с Антонием Крыловым сообщает Арсений Глухой в предисловии к Канонннику (РГБ НИОР. Ф. 304/1. № 281), переписанному им собственноручно. Принципы употребления буквы w и словоформы *иже* в Канонннике Арсения идентичны (в основном, за исключением некоторых деталей) принципам употребления в февральской Минее 1622 г. и в последующих богослужебных книгах. Совместная работа Арсения Глухого и Антония Крылова на протяжении многих лет обусловливает и общность орфографических принципов, применявшихся ими в текстах. Не случайно, что именно с приходом Арсения и Антония на МПД изменяются и орфографические принципы богослужебных текстов.

Указанные орфографические принципы употребления буквы w и словоформ јже/и4же находят отражение в грамматике *Син 734*. Во-первых, там даются соответствующие орфографические правила, во-вторых, в грамматических объяснениях и в формах словоизменения буква w употребляется как маркер форм мн.ч. как в начале, так и в середине слова. Показательно, что в переделках грамматики Зизания 1620-х гг. (РГБ НИОР. Ф. 299. № 336) содержится протест против употребления буквы w как показателя множественности в любой части слова, т.е протест против орфографических принципов МПД 1620-30-х гг.

Таким образом, сопоставляя различные источники можно сделать вывод о том, что проводников орфографических нововведений в текстах 1620-х гг. были Арсений Глухой и Антоний Крылов, а автором грамматики *Син734* мог быть Антоний Крылов.

Почти ничего не известно о третьем справщике, старце Феодосии. Он работал вместе с Арсением и Антонием с сентября 1623 г. по август 1632 г., т.е. на год больше, чем Антоний и на три года меньше, чем Арсений. Имя старца Феодосия всегда стояло третьим в списке справщиков, получавших жалование, возможно, и его роль в редактировании книг не была такой большой, как у Арсения и Антония.

Т.С. Кутаренкова (Москва)

Орфографические особенности периодической печати русской эмиграции (начало 1920-х – конец 1940-х гг.)

Изменение орфографии в 1917–1918 гг. стало одним из первостепенных действий новой, советской власти. Но, даже после официального вступления в силу новых правил, дореформенная русская орфография еще в течение нескольких лет сохранялась России – в областях страны, еще не занятых советской властью. Эмиграция первой волны тоже осталась верна старой письменной норме.

О вреде «большевистского» правописания писали И.А. Бунин, М.И. Цветаева, И.А. Ильин, В.И. Иванов, И.С. Шмелёв, М.А. Алданов и др. Иван Ильин называл новую орфографию «революцiонное кривописанiе» (Ильин И.А. О русскомъ правописанiи // Наши задачи: в 2 т. Т. 2. Париж, 1956. С. 434–437). В своей статье, посвященной русскому правописанию, он говорил о том, что до реформы орфографии слова-омонимы легко различались в письменной речи (мир – мiр, Ѣли – ели, Ѣду – еду). Революционная орфография всё сравняла, внеся путаницу. Также не стало разницы между притяжательным местоимением «её» (раньше писалось «ея») и личным местоимением «она» в винительном или родительном падеже («её»). (Там же).

Самое сильное негодование эмиграции вызывало то, что слово «Бог» стало писаться, согласно новым правилам, со строчной буквы (Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 104).

Для русских эмигрантов принять новую орфографию означало прервать историческую преемственность с дореволюционной Россией, которая была им так дорога, изменить важному компоненту своего культурного пространства, изменить своей истории. Письменные навыки, которые передавались из поколения в поколение, значили для них многое.

Поэтому и эмигрантская журналистика, в большинстве своем, стремилась следовать старым письменным традициям. Однако были некоторые нюансы, на которые стоит обратить особое внимание. Во-первых, некоторые издания всё же перешли на новую орфографию (какие-то раньше, а какие-то позже). Во-вторых, даже верные старой орфографии издания со временем стали пренебрегать отдельными орфографическими особенностями. И, наконец, постепенно, с течением времени старая орфография выходила из употребления в печати.

Как и само эмигрантское общество, эмигрантская пресса была крайне разнородной, если говорить о политических взглядах. И орфография становится здесь неким политическим идентификатором.

Монархические издания (к примеру, журнал «Двуглавый орел») использовали исключительно дореволюционную орфографию, со всем набором букв, упраздненных в советской России. Для консервативных печатных органов старая орфография была нитью, связующей со старой Россией.

Некоторые издания правого толка отказывались от буквы «фита». Например, не монархическая, но правоцентристская газета «Возрождение», идеологию которой ее первый редактор П.Б. Струве называл «либеральным консерватизмом», придерживавшаяся принципа «непредрешенчества» (т.е. идеи о том, что форма правления в России должна быть избрана лишь после победы над большевиками). Но в то же время она сохраняла другие буквы старого алфавита и правила дореволюционного правописания.

Газета «Последние новости» относилась к иному политическому лагерю, республиканско-демократическому, но тоже придерживалась правил дореволюционной орфографии. Однако ее сотрудники не разделяли жесткой позиции правой прессы по отношению к новым орфографическим нормам. В 1926 г. на страницах «Последних новостей» литературовед М.Л. Гофман раскритиковал заявления И.А. Бунина относительно новой орфографии, опубликованные ранее в газете «Возрождение». Бунин называл новую, «навязанную большевиками» орфографию, «заборной». «…Именно забор и в точном и в переносном смысле этого слова так долго служил ей», – писал он (Бунин И.А. О новой орфографии. Письмо в редакцию // Возрождение. Париж, 1926. 6 нояб. С. 3).

Эсеровские издания отказывались от старой орфографии постепенно. Газета эсеров «Дни», главным редактором которой был А.Ф. Керенский, в 1927 г. еще использовала некоторые буквы старого алфавита, но уже отказалась от буквы «ять». В номерах газеты от 1928 г. все статьи уже напечатаны в соответствии с правилами новой орфографии.

Социал-демократическая, «левая» пресса (журнал «Социалистический вестник») практически полностью приняла новую орфографию, равно, как и евразийские и сменовеховские издания («Смена вех», «Евразийский временник», «Версты», «Евразия»). Они рассматривали новую орфографию как культурный инструмент для сближения евроазиатской России с западным миром (Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб., 2007. С. 27).

Отдельно стоит рассмотреть издания литературные и для досуга, не связанные с политикой. Литературный журнал «Современные записки», популярный журнал «Иллюстрированная Россия» (летопись русской жизни за рубежом в фотографиях, рисунках, репортажах) использовали старое правописание, но без «фиты» и «ижицы». То же самое можно увидеть, пролистав журнал «Жар-птица». В то же время, сатирический журнал «Бич» уже не использует и «ять».

Но всё же старые буквы и орфографические правила постепенно уходили из эмигрантской печати. В первую очередь это было связано с объективными причинами: умирали приверженцы старой орфографии. Закрывались прежние печатные органы, на смену им шли новые. Особенно ощутимым стал отход от старой орфографии после окончания Второй мировой войны. Вторая волна эмиграции в большинстве своем уже не знала старой орфографии.

Но некоторые издания всё еще продолжали хранить верность старой норме, к примеру, журнал «Возрождение». Но в номерах от 1949 г. мы уже не видим буквы «ять». А парижская газета «Русская мысль» придерживалась большинства старых орфографических правил вплоть до середины 1950-х гг.

Итак, русская эмиграция первой волны, еще в течение тридцати лет после введения новой орфографии в России сохраняла старые традиции письменности, но уже после Второй мировой войны наблюдается очевидный переход к новой орфографии. Одним из ключевых источников знания об этом могут служить эмигрантские газеты и журналы.

***Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно- исследовательского проекта «Орфографический аспект книжной справы 40-х гг. XVII в.» (проект № 15-34-01256).**

А.В. Лаврентьев (Москва)

«Московская корона» казны польских королей XVII в.

1. В Речи Посполитой на протяжении XVII в. хранилась некая «corona moscovitica», репрезентативный головной убор, исчезнувший с большинством королевских сокровищ в XVIII в. Первым обладателем «московской короны» был король Сигизмунд III Ваза, как полагают, получивший ее от Лжедмитрия I после «коронации» последнего в мае 1605 г. (подр. см.: Chodynski A.R. Druga korona Moskiewska i inne klejnoty zastawne ze skarbca Rzeczypospolitej // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 2007. T. 55 (2). S. 189–204). Сохранилось изображение «московской короны» (Szabowski J.,

Fischinger A. Zbiory Zamku Królewskiego na Wawelu.Warszawa, 1975. S. 55), несмотря на «московское» происхождение явным образом сделанной в традициях западноевропейского ювелирного дела.

2. Первый Романов, царь Михаил Федорович застал в 1613 г. в царской казне всего два «венца», шапку Мономаха и шапку Казанскую, однако их количество к 1604 г., дате начала похода армии Самозванца на Москву, было в два раза большим; в результате событий Смуты кремлевская казна российских государей лишилась двух «шапок». Одна из них, похищенная из казны во время майского восстания 1606 г. известным авантюристом М. Молчановым и попавшая сначала в Самбор, а потом в Краков, судя по всему, и стала «московской короной» польских королей (Лаврентьев А.В. Царевич–царь–цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2000. С. 174–200).

3. «Corona moscovitica» в царской казне была шапкой – символом обретения Иваном Грозным Астраханского ханства и в этом качестве заказывалась через посредство британской торговой корпорации в России, Московской компании, в Лондоне (Лаврентьев А.В. «Английская корона» казны российских государей и ее изображение на золотом 1598 г. // Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 171 (Нумизматический сборник. Т. 18). С. 239–244), откуда и была привезена в Россию не позднее 1571 г.

Г.Н. Ланской (Москва)

Историко-географические аспекты регионоведческих исследований

С конца XIX в. одним из интенсивно развивающихся направлений в области социальных и гуманитарных знаний является регионоведение. Сформировавшись в рамках изучения и последующего обобщения особенностей развития территориальных сообществ (к которым в первую очередь относятся большие этнические группы), оно стало трансформироваться в систему различающихся между собой междисциплинарных областей научного знания.

Первой из этих областей является этнология, в рамках которой вслед за этнографическим подходом сложилась система социологических и культурологических представлений. В результате в отличие от возникшего еще в древней Греции методологического подхода, основанного на принципах географического детерминизма, сформировалось современное и успешно апробированное представление о предметной области этнологической науки, включающей в себя наряду с повседневной жизнью этнических групп присущие им особенности сознания и социального поведения. Данный процесс проходил в отечественной науке в том числе в контексте дискуссии между Л.Н. Гумилевым и Ю.В. Бромлеем, которую в свете современных междисциплинарных подходов к формированию социальных и гуманитарных знаний можно, на наш взгляд, считать завершенной в пользу широкого понимания предмета этнологической науки.

Второй и не менее распространенной областью развития регионоведения в период конца XIX – начала XXI в. стала геополитическая наука. Степень ее объективности несомненно может вызывать вопросы, связанные с ее преимущественно прикладной ориентацией на экспертное обеспечение внешнеполитических решений. Данное свойство прослеживалось практически на всех этапах развития геополитических знаний, начиная с предварявшей развертывание Первой мировой войны концепции противостояния Германо-Нордического союза государства «старым европейским державам»; продолжая обоснованием германской экспансии в канун Второй мировой войны и заканчивая гегемонистской теорией однополярного мира, исповедуемой действующей администрацией США. Однако при всей своей идеологической ангажированности геополитическая наука обладает признаками объективности потому, что она опирается на методологию исторического исследования и синтезирует ее со сложившимися на основании позитивизма социологическими теориями.

Исходя из существующей опоры, с одной стороны, на этносоциологические знания и, с другой стороны, на политологические и исторические представления, регионоведение приобрело в настоящее время комплексный характер, сохраняя при этом свой объект изучения – региональные особенности развития территориальных сообществ. При этом в зависимости от сферы своих научных исследований ученые, изучающие вопросы теории регионоведения, концентрируют свою деятельность на освещении определенных аспектов данной теории. В частности, авторы работ по истории международных отношений выделяют в ней политологический аспект, рассматривая вопросы формирования и последующей реализации геостратегических концепций и выстраивая образы государств как своеобразных «организмов», стремящихся освоить новое жизненное пространство. Специалисты в области социологии и связанных с нею более частных научных дисциплин – социальной антропологии, социолингвистики, этносоциологии – концентрируют свое внимание на процессах формирования у территориальных сообществ этнического сознания, проявления и трансформации этносоциальных процессов. В результате в качестве основной особенности развития территориальных сообществ выступает не экспансионизм, а понимаемая в широком интеллектуально-практическом контексте идентичность.

В то же время, несмотря на рассмотренные методологические различия между течениями регионоведческих исследований одной из их необходимых и, следовательно, фундаментальных оснований являются историко-географические аспекты. В различной степени они позволяют выявить и изучить особенности пространственной среды, в которой проявляются региональные особенности развития территориальных сообществ.

Первым из этих аспектов является ландшафтная специфика территорий, на которых формируются и развиваются на стадии оседлого существования социально-этнические общности. В связи с исследованием данного аспекта

представляется доказанной непосредственная связь обитания социально-этнических общностей на сухопутной, прибрежной и островной территориях со степенью их практической активности и с динамикой их исторического развития. Данная связь, в частности, отчетливо проявилась в первые два столетия развития европейских стран, последовавшие за великими географическими открытиями, когда в рамках торговли и индустриализации преуспели государства, имевшие протяженную береговую линию и развитый флот. Только со второй половины XVIII в. пространственный фактор промышленного роста стал дополняться, а затем в определенной мере вытесняться воздействием факторов научно-технического прогресса и производительности труда. С другой стороны, государства, находившиеся в рамках замкнутого сухопутного пространства (например, Монголия), постепенно исчерпывали свои возможности развития за счет кочевой миграции и оказывались на периферии исторического развития по сравнению с соседними странами, имевшими в своем ландшафте береговую линию.

Вторым историко-географическим аспектом регионоведеческих исследований является обеспеченность развития территориальных сообществ природными – естественными по своему происхождению – ресурсами развития. Данный аспект имеет комплексное значение, воздействуя, с одной стороны, на определение возможностей развития территориальных сообществ в политической сфере и, с другой стороны, на выявление их экономического потенциала. В связи с этим проведение исследований в области теории регионоведения находится в непосредственной связи со страноведческими исследованиями, предусматривающими оценку имеющегося у конкретных государств объёма природных ресурсов, а также степени их доступности с точки зрения фактической добычи и уровня их исчерпаемости. Распространенное в рамках геополитических исследований разделение государств на глобальные, региональные и периферийные по признаку степени их воздействия на международные процессы используется в целях прогнозирования влияния определенных стран на динамику развития, а также на степень внутренней конкурентности рынка природных ресурсов.

Третьим активно изучаемым историко-географическим аспектом регионоведческих исследований можно считать воздействие климатических процессов на развитие территориальных сообществ. При этом в отличие от особенностей ландшафта и ресурсообеспеченности изменения климата имеют достаточно частную сферу воздействия, влияя, главным образом, на экономические и связанные с ними социальные процессы функционирования этнических общностей. В то же время следует подчеркнуть, что влияние климатических изменений было особенно существенным в период господства аграрного уклада в рамках производственно-экономической деятельности людей.

Таким образом, рассмотренные историко-географические аспекты оказывают существенное влияние на развитие теоретического регионоведения, обеспечивая его междисциплинарность и научно-практическую значимость.

Т.Н. Лаптева, О.В. Селиванова (Москва)

Научный совет АН СССР по исторической географии и картографии (1967 – 1984)

Научный совет по исторической географии и картографии был создан 21 ноября 1967 г. Задачи совета состояли в разработке эталонов для показа государственных границ в различные исторические периоды, границ национального размежевания народов, научном консультировании при издании исторических карт и атласов и общем руководстве исследованиями в области исторической географии и картографии. Инициатива создания такого научно-экспертного центра исходила от Научно-редакционной картосоставительной части ГУГК при СМ СССР и объяснялась нареканиями к изданным в последние годы этнологическим картам. Задача состояла в первую очередь в обеспечении аутентичности, точности и научного обоснования издаваемых карт с учетом международных договоров. Рабочим органом совета стал сектор Исторической географии Института истории СССР. Первоначально в совет было избрано 27 членов, представлявших как университетскую, так и академическую науку: историю, географию, этнографию, востоковедение, африканистику, археологию, военную историю; в совет входили представители Военно-морской академии, редакции БСЭ, Главного архивного управления, Главного управления геодезии и картографии, Министерства геологии СССР, институтов истории 14 союзных республик СССР и др. Председателем совета стал специалист в области военной истории проф. Л.Г. Бескровный, его заместителями – этнограф С.И. Брук, картографы К.А. Салищев и И.Я. Сукеник. Изменения состава совета в 1967-1971 гг. свидетельствует о стремлении сделать его предельно представительным, поиске баланса между историей и географией (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 527. Л. 133–135; Д. 577. Л. 33; Д. 592. Л. 45–46; Ф. 457. Оп. 4. Д. 85а. Л. 41; Ф. 1731. Оп. 1. Д. 92. Л. 13–15, 64–66; Д. 126. Л. 55).

Фактически научная работа началась в 1969 г. – совет приступил к созданию Исторического атласа мира (руководитель – А.А. Губер) и Исторического атласа СССР (Л.Г. Бескровный). Реализация фундаментального проекта по созданию атласа истории СССР, «отражающего осмысление исторического процесса в историко-географическом аспекте», являлась основной научной задачей совета, для выполнения которой следовало не только установить изменения внутренних и внешних границ республик, но и указать территории расселения народов, специфику размещения хозяйства и др. Для этого были разработаны и направлены в институты союзных республик методические рекомендации, скоординированы планы институтов республиканских академий. Эскизы карт для Исторического атласа СССР создавались в республиках СССР и обсуждались сначала в формате переписки, с 1970 г. – в рамках региональных совещаний (АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 21. Л. 188–190; Д. 25. Л. 151–154). Эскизы карт Латвийской, Белорусской, Эс-

тонской, Литовской, Казахской, Туркменской, Таджикской, Грузинской, Украинской, Киргизской и Узбекской советских республик были согласованы уже в 1970 г., до наступления января 1971 г. планировалось обсудить карты Армении и Азербайджана. В 1975 г. были утверждены карты по административно-территориальному делению России с XVII до начала XX вв. Первый научный макет Атласа истории СССР был готов уже в 1971 г. (АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 29. Л. 141–142). С 1972 г. работа по созданию атласа истории СССР замедлилась, а по подготовке атласа всемирной истории вовсе прекратилась.

Разработка эталонов границ понималась как борьба с фальсификаторами истории и буржуазной картографией, как метод доказательства законности притязания СССР на спорные территории. Советом были разработаны эталоны русско-китайской, русско-норвежской границ, исторических границ республик Прибалтики и Закавказья. Были подготовлены сборники по формированию русско-турецкой, русско-иранской и русско-японской границ. В год разрабатывалось и утверждалось от 15 до 36 исторических карт и атласов. К публикации уточненных карт и тематических сборников статей приступили уже в 1970 г. (АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 21. Л. 188-190; Д. 25. Л. 151–154; Д. 34. Л. 143–144; Д. 42. Л. 129–130; Д. 50. Л. 170).

Одним из самых результативных направлений были разработка и утверждение эталонов школьных атласов (руководитель – И.Я. Сукеник). Уже за два первых года работы совета были апробированы 8 школьных настенных карт для школ РСФСР, 3 – для литовских школ и столько же для школ МНР, было рассмотрено 3 школьных атласа по истории СССР (АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 21. Л. 188–190; Д. 25. Л. 151–154; Д. 29. Л. 141–142).

Число научных исследований постоянно возрастало. В 1970 г. в отчете о работе совета был указан лишь один сборник, в 1971 – сборник и одна отдельная статья. В 1972 г. к отчету впервые был приложен список опубликованных научных работ, включающий целых 35 наименований. Спустя два года к отчету был приложен список из 80 монографий, статей и сборников. Это были работы по формированию границ, учебные пособия и исследования по исторической географии, этнографии и демографии (АРАН. Ф. 457. Оп. 4. Д. 50. Л. 170).

В 1978 г. был утвержден новый состав Научного совета из 60 членов. Несмотря на включение в работу Министерства геологии СССР, Института геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Географического общества СССР, численное соотношение историков и географов все более решительно склонялось в пользу первых. В работе совета наметился дисбаланс, тенденция к отходу от картографии в сторону научных исследований по исторической географии (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 703. Л. 80–88;. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 256. Л. 45–48).

В 1980 г. не стало Л.Г. Бескровного. Его место занял известный историк В.Т. Пашуто. Во время его председательства работы по картографии вновь заняли одно из приоритетных мест. Спустя четыре года по инициативе

Ю.А. Полякова был создан Научный совет по исторической демографии и исторической географии. Прежний научный совет влился в него как секция по исторической географии, картографии и краеведению (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 725. Л. 6; Д. 759. Л. 181–199).

Ю.П. Латушкова (Минск, Беларусь)

Практические аспекты и проблемы работы с коллекциями бонистики в музее и преподавание специального курса «Бонистика»

Национальный исторический музей Республики Беларусь одним из первых в стране начал работу над подготовкой электронной базы данных фондов. С 2008 г. на его базе создан Центр государственного каталога Музейного фонда Республики Беларусь. В процессе работы по разработке и заполнению базы данных предметов коллекции «Бонистика», возник ряд спорных вопросов. При изучении фондовой документации по коллекции было выявлено, что для однотипных предметов (например, Государственных Кредитных Билетов Государственного Банка Российской Империи образца 1898–1912 гг.) информация, зафиксированная в учетных записях и подлежащая переносу в базу данных, существенно различается. Судя по обращениям коллег, с подобными сложностями столкнулись и в других музеях. При изучении литературы выяснилось, что русскоязычных работ, посвященных описанию бумажных денежных знаков мало, а подготовленных музейными специалистами – практически нет. Неких четких критериев, зафиксированных в инструкциях и методических рекомендациях, на тот момент обнаружено не было. Заполнение практически каждого поля АМС-5 (автоматизированной музейной учетно-фондовой системы) для предметов коллекции «Бонистика» вызывало споры: что вносить в графу «подлинность»; «название/авторское название»; «тип/вид/разновидность»; «техника/технологии»; «материалы»; «дата создания»; «место создания»; «автор»; «коллективный автор» и т.д.?

В результате наработки опыта музейной работы с коллекцией, внесения данных предметов в АМС-5 и изучения литературы был подготовлен спец. курс «Бонистика», несколько лет успешно читаемый на историческом факультете БГУ для студентов 2-го курса отделений «историко-архивоведение» и «музейное дело и охрана историко-культурного наследия». Курс состоит из нескольких основных блоков: материалы и технология изготовления бумажных денежных знаков; фондовая работа с предметами коллекции «Бонистика»; история возникновения и развития бумажных денег. Каждый блок состоит из ряда тем, после изучения которых студенты выполняют практические (1 и 2 блоки) и контрольные работы. Курс читается после изучения спец. курса «Нумизматика», параллельно с изучением курса «Экономика».

На практических занятиях студенты приобретают навыки описания, источниковедческой критики бумажных денежных знаков, включения их в

исторический контекст. При изучении истории возникновения и обращения бумажных денежных знаков, рассматриваемых в спец. курсе «Бонистика» у учащихся возникает необходимость логического переосмысления ряда событий отечественной и зарубежной истории, что положительно сказывается на общей успеваемости.

Несколько лет преподавания показали необходимость подготовки учебного пособия по данной дисциплине. Абсолютное большинство изданий по специальным историческим дисциплинам, выпущенных за последние годы, либо вообще не рассматривают бонистику, либо затрагивают лишь историю возникновения бумажных денежных знаков и их обращения.

Основная часть доступной студентам литературы по бонистике в настоящее время представлена либо каталогами бумажных денежных знаков, либо изданиями по истории денежного обращения. Для изучения блоков, имеющих непосредственное практическое значение, публикации разрозненны, их относительно немного, в ряде случаев они труднодоступны.

В.Д. Лебедев (Москва)

Перспективы издания архивных документов о государственной деятельности императора Николая II: основные проблемы археографии и историографии

Основная задача настоящего доклада – раскрыть круг письменных источников, которые позволяют выяснить и оценить роль императора Николая II в социально-экономическом и политическом развитии страны, и одновременно охарактеризовать процесс выявления источников и возможности для их публикации в формате сборника.

Историография. История России конца XIX – начала XX в. постоянно привлекает внимание историков. Однако деятельность главы государства, императора Николая II, начали активно изучать только в последнее десятилетие и здесь еще немало пробелов.

Первые публикации по этому вопросу появились в 1920-е гг. Они были посвящены истории свержения монархии в России (Николай II и великие князья. Л.; М., 1925). В 1930-е гг. тема стала запретной. Однако к ней все же пришлось вернуться, так как история революций неизбежно вынуждала касаться и личности последнего монарха. С конца 1950-х гг. появились публикации документов по истории экономики. Наиболее существенные из документальных публикаций для изучения личности монарха были связаны с изучением реформ министра финансов С.Ю. Витте (Материалы по истории СССР. М., 1959; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883–1914. Документы и материалы. М.; Л., 1961; 2-й вып. Л., 1973). Опубликованные документы свидетельствовали, что отношения министра с императором были натянутыми и, в конце концов, привели к отставке сановника. Отметим, что конфликт, вызванный разными подходами к экономической политике, опровергал тезис, что монарх не интересовался государ-

ственными делами. Однако именно этот тезис лежал в основе тех оценок, которые были вынуждены придерживаться советские историки.

Таким образом, в 1960–1980-х гг. продолжали публиковать исследования, выводы которых заметно расходились с публикуемыми источниками, что и вызвало методологический кризис. Однако в 1990–2000-х гг. ситуация изменяется.

Одной из первых научно-исследовательских работ в новейшей литературе об императоре Николае II стало исследование историков Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина (Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58–76). Заслуга авторов – подробное изложение биографии монарха и попытка рассмотреть его воззрения. Однако бросается в глаза слабая документальная база исследования. Работа основана на воспоминаниях или дневниках сановников, относившихся к императору предвзято, или его родственников. Кроме того, в начале 1990-х гг. стали публиковать источники о личной жизни монарха: это его переписка с Александрой Федоровной и дневники, причем последние издали без археографической обработки. Большое влияние на историографию оказали такие события, как деятельность правительственной комиссии по идентификации останков царской семьи и канонизация императора и его семьи.

Не случайно публикации исторических источников о жизни и деятельности императора в 2000-х гг. подготовили церковные издательства (Кудрина Ю.В. Мать и сын. Император и императрица. Императрица Мария Федоровна и император Николай II. М., 2004; Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы: в 4 кн. М., 2006–2011; Великая княгиня Елизавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009). В светской историографии постепенно стали уходить представления об императоре как нерешительном политике, не интересующимся государственными делами, принимая во внимание, что введенные в научный оборот документы свидетельствовали обратное.

В это время стали публиковать воспоминания знавших его современников: великих князей и княгинь, генералов и сановников, что позволило получить более объективные представления о монархе. Появились также содержательные публикации на страницах журнала «Исторический архив» («Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться». Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова. 1905–1906 гг. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 171–185; «Мы переживаем страшно трудные времена». Письма великого князя Сергея Александровича Николаю II. 1904–1905 гг. // Исторический архив. 2006. № 5. С. 101–109). Заметным событием в науке стало издание дневников императора (Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2011–2013). Благодаря новым источникам стали выходить статьи, раскрывающее деятельность императора в разные периоды его жизни (Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствова-

ния: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011. № 4. С. 114–125).

Тем не менее, в историографии недостаточно полно изучены политические воззрения императора на социально-экономическое развитие России и его роль в проведении ключевых реформ конца XIX – начала XX в., а также внешнеполитическая доктрина императора.

Источники. Для раскрытия темы следует использовать письма императора родственникам – великому князю Георгию Александровичу, великому князю Константину Константиновичу, великому князю Петру Николаевичу, великому князю Александру Михайловичу, великому князю Сергею Михайловичу и др. Письма позволяют представить государственную деятельность монарха. Подлинники писем хранятся в Государственном архиве РФ. Кроме того, там же сохранились ответные письма великих князей и княгинь, а также письма королей и принцев из стран Европы и Азии. За рубежом его письма королям и принцам сохранились в национальных архивах. Письма имеют автограф, дату, украшены монограммами. Публикация переписки может составить основу для сборника, посвященную его жизни и деятельности. Дополнительными источниками являются: законодательные акты, материалы прессы и официальные издания (напр.: Полное собрание речей императора Николая II: 1894–1906. СПб., 1906).

Д.В. Лобанов (Москва)

Надгробные плиты из церкви Николая Чудотворца в Столпах в Донском монастыре

В пилоны северной стены ограды Донского монастыря вмурованы шесть надмогильных резных белокаменных плит из церкви Николая Чудотворца в Столпах, разрушенной в 1938 г. (Фрагменты архитектурных сооружений и садово-парковая скульптура / С.В. Гераскин (Музей архитектуры им. А.В. Щусева). М., 1986. С. 3). Четыре плиты (медальоны с надписями), находившиеся ранее у левой стороны трапезной церкви Николая Чудотворца в Столпах, принадлежат представителям родственного Дому Романовых дворянского рода Милославских. Это плиты: Данилы Ивановича Милославского, деда царицы Марии Ильиничны, умершего 16 января 1640 г; Феклы Матвеевны Милославской, жены стольника Алексея Матвеевича Милославского; Льва Александровича Милославского (1700–1746), флота лейтенанта; Екатерины Львовны Милославской (1730–1748), дочери Л.А. Милославского (Клейн В.К. Надписи на гробницах в церкви Николы на Столпах. М., 1905. С. 3).

Милославские в середине XVII в. жили «у церкви Николы в Столпах». Здесь стоял двор Ильи Даниловича Милославского, отца царицы Марии Ильиничны. А «на церковной земле» был двор Богдана Емельяновича Милославского, деда Алексея Матвеевича и прапрадеда Льва Александровича Милославских (Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881. С. 138; Лобанов-Ростовский А.Г. Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. С. 382–384).

Фёкла Матвеевна Милославская, умершая на память св. пророка Авдея 19 ноября 1680 г., была дочерью стольника Матвея Ивановича Ладыгина и княжны Степаниды Яковлевны Волконской (Московский некрополь / Сост. Б.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Т. 2. СПб., 1908. С. 264; Власьев Г.А. Потомства Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 3. СПб., 1907. С. 385–386).

Интерес представляет герб, расположенный над надписью на плите Льва Александровича Милославского. Он подобен гербу его двоюродного брата вице-адмирала Фёдора Сергеевича Милославского (1709–1783) (Гербовник А.Т. Князева 1785 года: Издание С.Н. Тройницкого 1912 г. / Ред., подгот. текста, комм., послесл. О.Н. Наумова. М., 2008. С. 122).

Оба герба схожи с польским гербом Doliwa (Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 266–267). Как и в гербе Doliwa, на гербах Л.А. и Ф.С. Милославских можно увидеть узкую перевязь с тремя розами (четырехлистниками). По обе стороны перевязи, проведённой как и в гербе Doliwa вправо, расположены звёзды. В гербе Ф.С. Милославского их семь, в гербе Л.А. Милославского – двенадцать. В отличие от герба Ф.С. Милославского, в гербе Л.А. Милославского нет орденских знаков. В число Высочайше утвержденных герб Милославских не вошёл (род Милославских пресёкся в конце XVIII в.).

В некрополе Донского монастыря, с «правой стороны» Малого собора была погребена вдова Л.А. Милославского Анна Михайловна Милославская (1694–1770), дочь действительного тайного советника князя Михаила Владимировича Долгорукова (1667–1750). Её захоронение примыкает к семейному некрополю Долгоруковых-Грушецких (Путеводитель к древностям и достопамятностям московским / Сос., статья С.С. Илизарова. М., 2009. С. 315; Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 3. СПб., 1907. С. 92).

Пятая плита, расположенная ранее также у левой стороны трапезной церкви Николая Чудотворца в Столпах, принадлежит Александре Андреевне Собакиной (ум. 7 февраля 1736), вдове стольника Степана Афанасьевича Собакина. Плита была установлена «тщанием» капитана Петра Прохоровича Скрябина, зятя А.А. Собакиной, в 1740 г. (Клейн. В.К. Надписи на гробницах в церкви Николы на Столпах. М., 1905. С. 3).

Шестая плита из церкви Николая Чудотворца в Столпах, вмурованная в северную стену ограды Донского монастыря (над плитой Д.И. Милославского), ранее находилась при входе в трапезу церкви и принадлежит Ксении Колычевой, жене стольника Василия Ивановича Колычева, умершей «на память Симона Зилота» 10 мая 1702 г. на 27 году жизни. Ксения Колычева не вошла в родословную роспись Колычевых, составленную русским историком, археологом бароном М.Л. Боде-Колычевым, но можно предположить, что Ксения Колычева была первой женой стольника Василия Ивановича Колычева-Хлызнева (ум. 1709). На это указывает родство В.И. Колычева-

Хлызнева с Апухтиными. Матерью В.И. Колычева-Хлызнева Стефанида Ивановна Апухтина. Брат С.И. Апухтиной стольник Александр Иванович Апухтин и племянники были погребены в церкви Николая Чудотворца в Столпах. Дворы Апухтиных в середине XVII в. находились недалеко от церкви (Клейн В.К. Надписи на гробницах в церкви Николы на Столпах. М., 1905. С. 3, 9; Боде-Колычев М.Л. Боярский род Колычевых. М., 1886. С. 198, 248; Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881. С. 137, 139).

Таким образом, до нашего времени в северной стене ограды Донского монастыря сохранились шесть плит из церкви Николая Чудотворца в Столпах, спасённых после уничтожения церкви сотрудниками Музея истории русской архитектуры.

С.И. Лучицкая (Москва)

«Толедская колекция» (Collectio toletana) XII века в российских рукописных собраниях: предварительные замечания

В 1142 г. известный деятель клюнийской реформы, аббат Петр Достопочтенный совершил путешествие по Испании с целью посетить монастыри ордена Клюни и встретиться с кастильским королем Альфонсом VII (1135−1157). Во время поездки прелат остановился в Толедо — знаменитом интеллектуальном центре, где впервые были сделаны переводы с арабского на латинский известнейших в Средние века философских и научных трудов, в том числе произведений Аристотеля. В этом городе, где в XII в., особенно при архиепископе Раймунде (1125−1152), происходил интенсивный обмен знаниями между христианскими, еврейскими и мусульманскими учеными, аббат встретился со знатоками астрономии и математики и переводчиками арабских текстов Робертом Кеттоном и его другом Германом Далматинцем. Аббат Клюни отвлек друзей, прибывших в Толедо изучать арабскую науку, от их штудий и, пообещав щедрое денежное вознаграждение, поручил им перевести на латинский язык целый ряд арабоязычных текстов включая Коран. Роберт Кеттон и Герман Далматинец выполняли задание аббата в тесном сотрудничестве с его секретарем – Петром из Пуатье и мосарабом Петром Толедским, а также неким знатоком арабского языка по имени Мухаммад. Результатом напряженного труда явилась т.н. Collectio toledana (Толедская коллекция), или Corpus Toletanum (Толедский корпус), в который вошли переводы интереснейших памятников арабо-мусульманской культуры: 1) т.н. Fabulae Sarracenorum − тексты, переведенные Робертом Кеттоном с неизвестного арабского оригинала, включавшие иудео-мусульманские легенды о возникновении мира и человека, сведения о мусульманских патриархах и пророках, историю Мухаммада, а также эскизы биографий первых семи халифов; 2) «Liber Generationis Machumet» − перевод Германом Далматинцем арабского сочинения о генеалогии Мухаммада (*Kitab nasab Rasul Allah, de Sa'id ibn 'Umar*), содержавшего рассказы о рождении пророка ислама; 3) «Doctrina Mahumet» − перевод тем же ученым арабского текста, напи-

санного в виде диалога Мухаммада с неким Абдиллахом (Абдией?) и другими еврейскими мудрецами о содержании мусульманской веры, 4) «Lex Mahomet pseudoprophete» – пожалуй, главная часть Толедского корпуса – перевод на латынь Корана, осуществленный Робертом Кеттоном, и, наконец, 5) «Epistula Sarraceni et Rescriptum Christiani» – перевод Петром Толедским с участием Петра Пуатевинского сочинения, написанного в 1-й пол. IX в. и известного в христианской традиции под названием «Апология аль-Кинди», на деле представлявшего собой вымышленную переписку мусульманина и христианина, а именно – письмо араба аль-Хашими, предложившего своему христианскому другу перейти в ислам и ответ аль-Кинди, написанный в форме трактата в защиту христианской веры .

Все эти переводы в «Толедской коллекции» предваряет одно из главных сочинений Петра Достопочтенного об исламе – «Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum» («Сумма всей ереси и дьявольской секты сарацин»), в котором аббат вкратце изложил основные догмы ислама и биографию Мухаммада. Вероятно, это сочинение было призвано ввести в круг тематики «Толедского корпуса» христианского читателя и подготовить его к восприятию составивших корпус мусульманских текстов. Предпринятый Петром Достопочтенным труд был главным источником средневековых знаний об исламе, а перевод Корана Робертом Кеттоном стал самым известным в латинской Европе. В эпоху Реформации в 1543 г. этот перевод был вновь опубликован известным швейцарским ученым-протестантом Теодором Библиандером (Теодором Бухманом), предисловие к изданию написал Мартин Лютер.

Знаменитая «Толедская коллекция» («Толедский корпус») имел широкое распространение в средневековом обществе и сохранилась в ряде рукописей. Оригинал этой коллекции – манускрипт 1162 – хранится в Арсенальной библиотеке в Париже. Основные манускрипты этого труда восходят именно к этому оригиналу. Рукописей, в которых бы воспроизводились все тексты Толедского корпуса, не так много – чаще всего «Апология аль-Кинди» в таких экземплярах отсутствует. Большинство рукописей сохранились во Франции, они хранятся в библиотеках, причем три из них – в Национальной библиотеке Франции (ms.lat. 3549, ms. lat. 6225, ms. lat. 4970 etc.). Другие списки были обнаружены в Италии – в библиотеке Ватикана (Vat.lat. 4012), в библиотек Амброзиана в Милане (C.201), в Великобритании – в книгохранилище Мертонского колледжа (313), а также в Испании – в библиотеке Эскориала (IV.8).

Нам удалось отыскать поздний список Толедской коллекции в Российской Национальной библиотеке (Lat. Q.I). Судя по всему, эта рукопись была изготовлена на рубеже XV–XVI вв. Она происходит из коллекции братьев Залусских, содержит большую часть сочинений Толедской коллекции, на полях порисованы маргиналии. Текст предваряет оглавление, написанное гуманистическим курсивом. Общий объем манускрипта – 433 стр. Текст написан в два столбца 18x22 см. Эта довольно поздняя копия «Толедской коллекции» включает сочинение Петра Достопочтенного «Summa totius haeresis»

(f.9v), «Chronica mendosa» (f.11), арабские сочинения «De generatione Mahumet» (f.38v) и «Doctrina Mahumet» (f.38v), предисловие Роберта к Корану и часть текста, разделенного на 123 суры (f.212–217v). После чего следует оглавление (f. 218). Существование еще одной, причем самой поздней из всех известных рукописей «Толедского корпуса» еще раз свидетельствует о том, что эти тексты переписывали и использовали в латинской Европе на протяжении пяти столетий. Католические миссионеры и теологи прибегали к нему в своих проповедях, а деятели Реформации рассматривали Толедскую коллекцию как кладезь ценнейших сведений о мусульманском мире.

О.М. Лях (Киев, Украина)

Сергей Николаевич Белоусов как организатор украинской исторической науки

В контексте всестороннего изучения становления и развития украинской исторической науки исследование ее институциональной составляющей занимает особое место. В частности, это касается деятельности Института истории Украины НАН Украины как ведущего научно-исследовательского учреждения страны, которое в этом году отметит свой 80-летний юбилей.

Первым директором Института был Сергей Николаевич Белоусов (06.03.1897, Тула – 02.07.1985, Киев). Назначению С.Н. Белоусова на должность директора Института истории Украины предшествовала его активная комсомольская и партийная деятельность. С.Н. Белоусов прошел путь от организатора кружков рабочей молодежи в годы Октябрьской революции до выпускника Историко-партийного отделения Института красной профессуры в Москве и начальника политотдела МТС в Одесской области. Он безусловно обладал организаторскими способностями, имел опыт преподавательской работы, в частности, был преподавателем рабфака Нижегородского госуниверситета, преподавал историю партии в I Московском областном комуниверситете, руководил кафедрой истории партии и партийного строительства во II Московском областном комуниверситете в Туле. В 1934 г. был награжден орденом Ленина.

В декабре 1936 г. С.Н. Белоусов возглавил Институт истории Украины. Несмотря на тотальный государственный контроль над его деятельностью и многочисленные репрессии против ученых, первый директор Института проводил научно-организационную работу, направленную на развертывание его исследовательской и издательской деятельности, пополнение его кадрового состава, в частности, ставил вопрос об открытии аспирантуры и способствовал привлечению к работе в учреждении историков-профессионалов старшего поколения. В феврале 1940 г. был открыт Львовский отдел Института истории Украины, что положительно сказалось на его работе, способствовало налаживанию научных контактов с западноукраинскими учеными.

За время руководства С.Н. Белоусова коллективом Института, научная деятельность которого была заложником марксистско-ленинской методологии и навязанных сверху исследовательских тем, был опубликован ряд фундаментальных работ и документальных сборников. Среди них «Очерки истории Украины» (1937–1941 гг., 6 вып.), «История Украины в документах и материалах» (1939 г., 2 т.), «Хронология истории Украины» (1938–1940 гг., 2 вып.) и др. В этом перечне стоит отдельно отметить учебник «История Украины. Краткий курс» (1940 г.), который в те времена был признан «выдающимся достижением украинской советской историографии». С.Н. Белоусов был редактором всех институтских изданий, к тому же благодаря его неоднократным ходатайствам Президиум АН УССР в начале 1941 г. дал разрешение на основание в Институте собственного периодического издания – «Научных записок» (первый том по понятным причинам вышел лишь в 1943 г. в Уфе).

С началом войны С.Н. Белоусов записался в народное ополчение, а в июле 1941 г. был мобилизован в ряды Красной Армии. Был комиссаром батальона, начальником социально-экономического цикла 2-го Харьковского танкового училища, участником обороны Харькова. В июле 1946 г. вышел в запас в звании подполковника. После демобилизации С.Н. Белоусов вернулся в Киев и был восстановлен на работе в Институте истории Украины, в котором работал до выхода на пенсию в 1964 году. Однако и на пенсии вел большую общественно-политическую и воспитательную работу среди молодежи.

Исследование жизненного и творческого пути С.Н. Белоусова заслуживает внимания по нескольким причинам. Во-первых, оно позволит определить основные вехи его биографии, показать участие в тех или иных событиях, засвидетельствовать его гражданскую позицию. Во-вторых, анализ научных трудов С.Н. Белоусова позволяет определить сферу его научных интересов. И, в-третьих, его деятельность на посту директора Института истории Украины даст представление о развитии этого научно-исследовательского учреждения в начальный период его истории, позволит проследить зависимость исторической науки от целенаправленной государственной политики, даст возможность воссоздать целостную картину работы украинских советских историков в сложных политических, идеологических и научно-организационных условиях очерченного периода.

А.С. Майорова (Саратов)

Экологические проблемы Саратова в последней четверти XVIII в. в письменных источниках

Наибольший интерес у специалистов в области экологии вызывают проблемы воздействия человеческого общества на природу. Однако существует и другая сторона в этом комплексе вопросов. Природная среда тоже оказывает воздействие на человеческое общество. Последствия таких явлений, как природные катастрофы, эпидемии, изменения климатических условий, неизменно вызывали интерес историков. В конечном итоге, тяготение ис-

следователей к изучению взаимодействия человека и природы во времени привели к возникновению, а затем бурному развитию нового направления в мировой историографии – экологической истории.

При изучении экологических проблем исследователи опираются на разнообразные материалы, среди которых письменным источникам отводится значительное место. Обострение современной экологической ситуации обычно связывают с функционированием городов и сосредоточенных в них промышленных предприятий. Изучение городской среды до промышленного переворота может ответить на вопросы о ранних проявлениях влияния города на окружающую природу.

В последней четверти XVIII в. Саратов не относился к числу крупных городов. Однако взаимоотношения его населения с природной средой порой доходили до критических ситуаций.

При рассмотрении экологических проблем необходимо обращение к сочинениям историков. Они фиксировали погодные условия, редкие природные явления, экологические бедствия. Во второй половине XVIII в. в Саратове вел свою летопись Г.А. Скопин – автор наиболее раннего из известных нам сочинений по истории города (Майорова А.С. История города в контексте истории государства. Саратовская городовая летопись второй половины XVIII века // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 80–101). Свои записки Скопин вел с 1762 по 1796 гг., тщательно отмечая природные явления, а также пожары в годовых разделах летописи. При этом в ней отсутствуют упоминания о голодовках, падеже скота и эпидемиях, которые были постоянными бедствиями для саратовцев. Их можно назвать факторами природного давления на городское население.

Наиболее информативными источниками по экологическим проблемам Саратова последней четверти XVIII в. являются некоторые материалы делопроизводства учреждений Нижнего Поволжья, относящиеся к периоду восстания Е.И. Пугачева. В настоящее время они хранятся в ГАСО (Ф. 407. Оп. 2. Д. 1307–1376). Участие горожан в восстании обострило и без того сложную экологическую обстановку в городе и в его окрестностях. Еще до прихода войска Пугачева к Саратову его жителям стало ясно, что им угрожает голод из-за неурожая, который был следствием засухи летом 1774 г. О голоде и о падеже скота речь идет во многих документах саратовской воеводской канцелярии и царицынской комендантской канцелярии, составленных зимой 1774–1775 гг. и наступившей вслед за ней весной. В доношении воеводской канцелярии от 27 марта 1775 г. астраханскому губернатору сказано, что жители Покровской слободы не могут заплатить подушные деньги из-за того, что им приходится покупать хлеб и фураж для скота (Майорова А. С. Саратов во время пугачевского восстания: сборник документов для семинарских занятий по истории Саратовского края. Саратов, 2001. С. 34). Для жителей Саратова положение осложнялось тем, что в мае 1774 г. в городе произошел опустошительный пожар.

По документам 1774–1775 гг. выявляется и другая сторона взаимодействия населения города с окружающей средой. В одном из апрельских указов 1775 г. на имя саратовского коменданта И.К. Бошняка из астраханской губернской канцелярии от апреля 1775 г. нарисована яркая картина антисанитарных условий в городе. Вплоть до начала весны саратовцам не разрешали похоронить казненных участников восстания Пугачева – их тела оставались на виселицах и на колесах. К тому же во время таяния снега на улицах и за городом на земле обнаружились трупы. Распоряжение о захоронении «мертвых тел» в глубокие ямы в отдаленных от города местах было отдано 8 марта 1775 г., но только через двенадцать дней его начали приводить в исполнение (Там же. С. 36–37) Среди жителей Саратова возникло «великое смущение» и «великое негодование» – они боялись вспышки эпидемии.

Из «мертвых тел», когда они начали оттаивать, «открылось течение». Домашние животные – коровы и лошади, – проходя мимо виселиц, обнюхивали и облизывали повешенных. Держать свою скотину дома, не выпуская в поля, саратовцы не могли, потому что не имели кормов для животных. (Там же. С. 36–37). Хозяева лошадей и коров, «напитавшихся вредного духа», сами могли стать источниками его распространения. (Там же. С. 37–38). Жуткие подробности жизни в Саратове, которые выясняются из указа губернатора, были следствием чрезвычайной ситуации. Однако некоторые приметы антисанитарного состояния, возможно, были деталями обычной картины весеннего Саратова. В указе губернатора сказано о том, что на постоялых дворах «превеликое множество накоплено конского и скотского помету», то же самое наблюдалось и во всех городских дворах. Навоз был «положен» и на берегу Волги, с наступлением весенних дней нечистоты начали разлагаться. К тому же на берегу реки лежало «великое множество палых лошадей, коров и телят, вывезенных из Саратова» (Там же. С. 37).

В документах городских учреждений сведения о загрязнении природной среды встречаются очень редко. Документы 1774–1775 гг. были созданы в экстремальной ситуации. В них описаны условия жизни, которые создавали угрозу эпидемии, что было следствием не только хозяйственной деятельности людей, но и ожесточенного социального конфликта. Неблагоприятные природные условия привели к голоду и падежу скота. Опасность «великого негодования» со стороны горожан заставила саратовских чиновников и коменданта в переписке с губернатором обсуждать проблемы, которые обычно не входили в тематику делопроизводственной документации. В сочинении саратовского летописца Скопина не освещались проблемы влияния хозяйственной деятельности саратовцев на окружающую природную среду и последствия военных действий, а также карательных мероприятий для санитарного состояния города.

А.А. Малыгина (Москва)

Копии сюжетных полотен Вишневецкого замка из собрания Королевского замка в Варшаве: проблемы атрибуции

В книге польского искусствоведа М. Гембаровича (Gębarowicz M. Poczatki malarstwa historicznego w Polsce. Wrocław, 1981) существует упоминание о создании копий знаменитых полотен Вишневецкого замка с сюжетами о Лжедмитрии и Марине Мнишек. В 1787 г. Урсулой Мнишек было написано письмо своей матери Катажине Замойской (Listy pani Mniszchowej, żony marszalka w. koronnego, pisane do matki, pani Zamoyskiej, z domu Poniatowskiej, woedziny podolskiej, 1787. Wyd. J.I. Kraszewski // Rocznik Tow. Historyczno-Literackiego w Paryży. 1866 [wyd. 1867]. S. 226), в котором говорится о том, что Екатерина II заказала копии трех сюжетных полотен из истории Марины Мнишек, среди которых «Обручение», «Въезд» и «Коронация». Для выполнения этого поручения польский король Станислав Понятовский отправил в Вишневец художника Валерия Котерского. После создания копии находились в Эрмитаже до 1854 г., потом их перевезли в Оружейную палату. В 1922 г. по итогам Советско-Польской войны 1918–1920 гг. картины были переданы в Польшу посредством Наркомата иностранных дел. Проследить путь полотен из России в Польшу пока не получилось, однако на сегодняшний день они находятся в Королевском замке в Варшаве.

Полную атрибуцию и описание оригинальных и копийных полотен составил Д.А. Ровинский (Ровинский Д.А. Материалы для русской иконографии. СПб., 1886. Вып. IV. С. 3–4). У Ровинского оригиналы, в том числе и портреты, проходятобозначены номерами № 123, 124, 126, 128, 130. Копии – сюжетные полотна (по хронологии) – под номерами № 125, 127, 129. При внимательном рассмотрении оказывается, что копии совсем не похожи на оригиналы. Картины объединяет лишь сюжет и надписи, хотя на копиях надписи сделаны на оборотах, переведены на польский и добавлены некоторые детали. Так, в оригинальном «Обручении говорится о присутствии, разумеется, «жениха» в лице посла Афанасия Власьева, невесты и кардинала Мациевского, проводившего обряд. А в копии: «Zaslubenie Maryny Mniszchówny Córki Jerzego Wandalina Hrabi Mniszcha Woiewody Sendomirskiego z Nayiasnieszym Dymitrem Iwanowiczem Carem Moskiewskim w Osobie Jego Posla Ophanasego Ulasiwicza Bozobrazowa przez Bernarda Macieiowskiego Kardinala i Przmasa w Obecnosci Nayiasnieszego Zigmunta III Króla Polskiego i Nayiasnieszey Anny Królewny Szwedskiey Siostry Królewskiego tudziez Claudio Rangoni Nuncjusza Papiezkiego w Katedrze Krakowskiey w Miesiącu Listopadzie R 1605. Z Originalu w Zamku Wisniowieckim znazduiącego sie przez Walentego Koterskiego» (здесь и далее в надписях сохранена орфография Д.А. Ровинского (Материалы для русской иконографии. СПб., 1886 Вып. IV. С. 3)) («Обручение Марины Мнишковны дочери Юрия графа Вандалинского (Вандалин – Бельский повят, Подляское воеводство – *А.М.*) воеводы Сандомирского с Наияс-

нейшим Дмитрием Ивановичем Царем Московским представленного особой Великого его посла Афанасия Власьева Безобразова при участии Бернарда Мациевского, кардинала и примаса в присутствии Наияснейшего Сигизмунда III, Короля Польского, и наияснейшей Анны Королевны Шведской, сестры Королевской, и Клавдия Рангони, Нунция Папского, в Соборе Краковском в месяце ноябре 1605 г. С оригинала Вишневецкого замка выполнено Валерием Котерским»).

Вероятно, о присутствии короля, его сестры и папского нунция, которых невозможно «опознать» на оригинальном изображении, художник узнал из документов польского сейма (Отрывки из дневника польского сейма 1605 г., относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. СПб., 1872 Т. 1). Однако, им допущена серьезная ошибка в месте проведения церемонии. Источники четко указывают на дом Андрея Фирлея близ рынка Краковского, ни о каком соборе речь не идет – обручение проходило в камерной обстановке, несмотря на присутствие высоких гостей. А помещение, изображенное на копийном полотне, очевидно, ассоциируется с католическим костелом!

Следующая копия изображает въезд Марины в Москву. Надпись на ней тоже несколько отличается от оригинальной, в которой акцент ставится в пользу коронации, а не въезда. Копия: «Wiazd Na Stolicę Carską Maryny Mniszchówny Córki Jerzego Wandalina Hrabi Mniszcha Woiewody Sendomirskiego, w liczney Assystencyiswey Familii, Rycerstwa Polskiego, tudziez Olesnickiego Kasztelana Malagoskiego, i Alexandra Gąsiewskiego Poslow Wielkich Nayiasnieszego Zigmunta III Króla Polskiego. Dnia 26, Kwietnia 1606. Z Originalu w Zamku Wisniowieckim znazduiącego sie przez Walentego Koterskiego» («Царский въезд в столицу Марины Мнишковны, дочери Юрия, графа Вандалинского, воеводы Сандомирского, с личным участием ее семьи, рыцарства польского и Олесницкого, каштеляна Малагоского, Александра Гонсевского, послов Великих Наияснейшего Сигизмунда III, короля польского, апреля 26 дня (3 мая) 1606 г. С оригинала Вишневецкого замка выполнено Валерием Котерским»).

Примечательно, что в копии, в отличие от оригинала, верно указана дата въезда Марины Мнишек в Москву. Копийное изображение еще более вольно трактует сюжет – пейзаж совсем далек от реальности, даже нет хоть какого-нибудь изображения Кремля – конечной цели маршрута царской невесты.

Копия «Коронации» также крайне загадочна, церемония происходит не в Успенском соборе, а, вероятно, на его крыльце. Вдали мы видим смутный пейзаж, изображающий галереи какого-то дворца, напоминающего королевский дворец на Вавеле. А коронованный царь и супруг Марины Мнишек Лжедмитрий I скромно присел у колонны, да так, что сложно его узнать даже при длительном разглядывании полотна! Надписи также разнятся, в оригинальной упоминается лишь посол Олесницкий, а копийная – основное внимание уделяет родственникам «императрицы»: «Koronacya Maryny

Mniszchówny Córki Jerzego Wandalina Hrabi Mniszcha Woiewody Sendomirskiego w przylomnosci Oyca krewnych lizcnego Rycerstwa Państw Oboyga tudziez Olesnickiego Kasztelana Malagoskiego i Gąsiewskiego Poslow Wielkich Nayiasnieszego Zigmunta III Króla Polskiego. Dnia 29 Kwetnia 1606. Z Originalu w Zamku Wisniowieckim znazduiącego sie przez Walentego Koterskiego» («Коронация Марины Мнишковны, дочери Юрия, графа Вандалинского Мнишка, воеводы Сандомирского, в удовольствие отца, родственников, многочисленного рыцарства обоих послов Великих Олесницкого, каштеляна малагоского, и Гонсевского, Наияснейшего Сигизмунда III, короля польского, апреля 29 дня (6 мая) 1606 года. С оригинала Вишневецкого замка выполнено Валерием Котерским»).

Причина, по которой Екатерина II заказала копии сюжетных картин с историей Марины Мнишек пока неясна, и требует дополнительных изысканий. Непонятны причины, по которым копии были выполнены крайне вольно в художественном отношении и могут назваться «вариациями на заданную тему», которые лишь повторяют основную сюжетную линию, еще более искажая исторические факты.

И.Т. Марзоев (Владикавказ)

К истории рода тагаурских князей Алдатовых

Алдатовы – осетинский княжеский род. Он восходит к родоначальнику тагаурских алдар – привилегированного сословия Тагаурского общества Северной Осетии – Тага. Потомкам Тага – тагиатам принадлежали земли Тагаурского общества, которое занимало территории Санибанского и Кобанского ущелий, Даргавской котловины, а также левый берег Терека в Дарьяльском ущелье. Название общества грузинский историк Вахушти Багратиони еще в XVIII в. объяснил как производное от имени предка тагаурцев – Тага, почему оно и называлось Тагаури (Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник / Сост. Чибиров Л.А. Книга 4. Цхинвали, 1989. С. 265). Высшее сословие Тагаурского общества включало в себя одиннадцать фамилий и называлось по имени легендарного прародителя Тага – «Тагиата». К ним относились фамилии Алдатовых, Жантиевых, Дударовых, Есеновых, Кануковых, Кундуховых, Мамсуровых, Тугановых, Тулатовых, Тхостовых и Шанаевых.

Впервые в литературе о происхождении родоначальника тагаурских фамилий Тага сообщил, путешествовавший по Кавказу, немецкий врач Якоб Рейнеггс (1744–1793), считая это название производным от армянского такаур, а его носителя выходцем из Армении (Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, 1967. С. 95).

Известно несколько вариантов преданий о происхождении этих фамилий. По некоторым из них «Тагаур – наследник Армянского царства, который по смерти отца, хотя вступил на престол, но вскоре, по причине предстоявшей ему опасности со стороны двоюродных братьев, возмутивших против него

народ, бежал из Армении с несколькими человеками дворовых людей и прибыл на Кавказ. Сначала Тагаур поселился в Абхазии, потом (неизвестно почему) перешел в Осетию и в Куртатинском ущелье построил себе башню, где прожил до глубокой старости, пользуясь в преданном ему народе большими почестями и уважением» (НА СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 26. Л. 2–3 об.).

В «Сведениях о сословном делении Осетии, правах и обязанностях каждого сословия» за 1844 г. говорится, что «Тагаур бежал из Армении к осетинам, жившим в горах на север от Мингрелии и Имеретии. Он привел туда с собой несколько дворовых людей /кавдасардов/ и привез много денег и дорогой посуды…. Ироны, узнав, о происхождении Тагаура сделали его своим вождем. Тагаур там женился и имел двух сыновей: Камбия и Тотика. Камбий имел трех сыновей: Тлата, Алдата и Знаура; Тотик – одного сына Сана. По каким-то ссорам с иронами эти четыре внука тагауровы перешли от них с своими людьми и имуществом в Куртатинское ущелье, где и по ныне сохранились развалины их замка. Поссорившись впоследствии с куртатинцами, тагаурцы переселились в соседственное ущелье, прозванное от их народа Тагаурским» (НА СОИГСИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 2).

Тагиата основали в Тагаурском ущелье несколько селений. Алдатовы вместе с Мамсуровыми и Тхостовыми являются основателями с. Даргавс, где до сих пор сохранилась их родовая башня (Осетия. Историко-этнографический справочник. СПб.; Владикавказ, 1998. С. 99). С переселением на плоскость, Алдатовы обосновались в с. Шанаево (ныне с. Брут).

В документах Комитета для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа за 1859 г. фамилия тагаурских алдар Алдатовых была представлена девятью семьями: 1) Биазыра Алдатова, 2) Темир-Болата Алдатова с братом, 3) юнкера Гуцыри Алдатова с братьями, 4) Эльмурзы Алдатова с братьями, 5) Беслана Алдатова, 6) Тембулата Алдатова, 7) поручика Адиль-Гирея Алдатова, 8) Хатахцико Алдатова с братом, 9) Батраза Алдатова.

Родословное древо тагаурских алдар Алдатовых демонстрирует наличие родственных связей с аристократией осетинских обществ, а также с этническими элитами других народов Кавказа: баделятами Абисаловыми, Тугановыми, Кубатиевыми, Битуевыми, царгасатами Карабугаевыми и Кантемировыми, куртатинскими таубиями Арисхановыми, Брциевыми, Гумецовыми, Гуриевыми, Гусовыми, Дзобеловыми, Дзодзиковыми, Есиевыми, Схановыми, Цаликовыми, Цопановыми, алагирскими уазданами Бекузаровыми, Зангиевыми и Мисиковыми, балкарскими князьями Келеметовыми, кабардинскими знатными узденями Анзоровыми, Коголкиными, Аджиевыми и др.

Известными представителями рода являются: подполковник в отставке Адиль-Гирей Салатович Алдатов (род. в 1816 г.), юнкер Гуцыри Измаилович Алдатов (род. в 1828 г.), Беслан Джанхотович Алдатов (род. в 1832 г.), капитан Урусби Хаджи-Догиевич Алдатов (род. в 1834 г.), Бимбулат Джанхотович Алдатов (род. в 1835 г.), поручик Джамбулат Джанхотович Алдатов (1836-1918), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Ильяс

Алдатов, помощник пристава Горских народов поручик Бапын Салачирович Алдатов, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. подпоручик Дзамболат Дзагулович Алдатов (род. в 1850 г.), полковник Мусса Хатахцикоевич Алдатов (род. 21 сентября 1868 г.), подпоручик Ибрагим Темир-Болатович Алдатов (род. в 1874 г.).

Одним из значительных событий в истории Северной Осетии в начале XX века явилось переселение в Турцию. В числе мухаджиров значилась и семья Эльмурзы Темир-Болатовича Алдатова (род. в 1831 г.), который в 1865 г. вместе с братьями Эльбердом, Мурзабеком, Заурбеком и Кавдыном эмигрировал в Турцию (ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 9. Л. 77 об. – 78).

В сложные послереволюционные годы волна репрессий коснулась и представителей этой фамилии: Какуш (Буси) Муссаевич Алдатов погиб в 1919 г. во время Гражданской войны, Абпе Каспулатович Алдатов (род. в 1869 г.) тройкой ОГПУ СКК и Дагестанской АССР 28 апреля 1930 г. приговорен к ссылке в Северный край на 3 года, а 4 октября 1937 г. тройкой НКВД СОАССР приговорен к 10 годам ИТЛ, Хатахцико Алдатович Алдатов (род. в 1903 г.) Областным судом СОАО 16 октября 1928 г. приговорен к 2-м годам ИТЛ. Асланбек Касполатович Алдатов (род. в 1870 г.) тройкой НКВД СОАССР 21 сентября 1937 г. приговорен к расстрелу (Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ, 1999. Т. 1. С. 68).

А.И. Маркова (Москва)

«Заплатить типографщику денег»: о финансовых взаимоотношениях с типографами в Московской медико-хирургической академии (1798/1808–1845)

Несмотря на обилие архивных материалов, сохранность изданий, подготовленных высшими учебными заведениями России, их издательская деятельность периода первой половины XIX в. пока не получила должного внимания исследователей, более того – зачастую не сформулирована в отдельную научную проблему. Это связано с тем, что вузовское книгоиздание нередко отождествляется с деятельностью типографии учебного заведения или не выделено из истории образования. И в том, и в другом случае, чаще всего изучается книжный репертуар.

Процесс издательской деятельности высших учебных заведений чрезвычайно сложен и богат. Его структура и полнота в каждом отдельно взятом учреждении формируются предписаниями устава, организационной структурой учреждения, его положением в общей системе образования, а также его реальными финансовыми возможностями, наличием при учреждении типографии. Ценнейшим источником для исследователя являются материалы делопроизводства. Очевидно, что изучение постановки издательского дела в высших учебных заведениях является не только задачей книговедов и историков книги, но и историков науки, образования, культуры.

В настоящем сообщении мы рассмотрим один из аспектов издательского процесса – финансовых взаимоотношений вуза и типографа – на примере Императорской Московской медико-хирургической академии (1798/1808–1845), одного из двух московских учреждений, где обучали медицине в первой половине XIX в. При работе с архивным фондом Академии (Центральный государственный архив Москвы. Ф. 433) удалось установить число подготовленных ею изданий, которое на сегодняшний день составляет 35 названий. В первую очередь, это оригинальные сочинения профессоров, а также переводы на русский язык востребованных европейских трудов по практической медицине, ветеринарии, фармакологии, каталоги академических коллекций. Важная деталь – Академия не имела собственной типографии, все издания печатались в частных типографиях.

Финансовая сторона издательской деятельности Академии (расчета средств на печатание и выдачу гонорара автору) во многом предопределена уставами (Об образовании Императорской Медико-хирургической академии. СПб., 1808; Устав Императорской Санкт-петербургской медико-хирургической академии. СПб., 1835). Но уставы не предписывали и не могли предписывать правила организации сотрудничества с типографом и принцип вычисления стоимости печатных работ. Ключевую роль здесь играл установившийся обычай финансовых отношений с внешними подрядчиками, которые привлекались для поставки продовольствия, дров, починки зданий и пр. хозяйственных работ.

На протяжении всего периода существования Академия печатала свои издания в двух типографиях. До 1817 г. книги по негласному решению выходили в типографии руководителя Академии – вице-президента Н.С. Всеволожского (1772–1857). После закрытия его типографии и смены руководства, последовавших в 1817–1818 гг., сотрудничество велось с типографией его зятя – француза Августа Семена (1781–1862). Патриархальный тип профессиональных отношений по принципу родственных связей не влиял, однако, не только на качество типографских работ (оба печатных заведения были одними из лучших в Москве), но и на бюджет Академии – цены на печатание были средними по Москве.

До 1817 г. Академия, не запрашивая предварительного расчета и не торгуясь с вице-президентом, сразу заключала акт на исполнение работ с представителем его типографии – управляющим печатными работами, который назывался фактором, или директором (кстати, директором Всеволожского был Семен). Этот документ назывался «условием» и по форме не отличался от договоров на исполнение других услуг. Часто на таком документе фиксировались все финансовые вопросы по одному изданию: распоряжение об оплате, расписка представителя типографии о получении денег, и даже расписка библиотекаря о получении тиража.

После 1817 г. порядок усложнился. Академия отправляла рукопись с указанием желаемого формата и тиража для расчета стоимости работ. А. Семен определял количество печатных листов, необходимый объем бу-

маги и подавал свой ответ. Этот документ в разное время назывался «сведением», «донесением» или «объяснение» и содержал итоговую общую цену, и стоимость отдельных параметров: набора и печатания (считались вместе), бумаги обычной и веленевой (для подносных экземпляров).

При одобрении расчета заказ подтверждался. В ряде случаев, когда цена Семена не удовлетворяла Академию, она устраивала некое подобие конкурса на исполнение работ. Например, для напечатания перевода «Физиологии» Ф. Мажанди (1830 г.) был разослан циркуляр в шесть московских типографий с запросом «последней пониженной цены за набор и печатание каждого листа на собственной своей бумаге по приложенной форме книги» (ЦГАМ. Ф. 433. Оп. 50. Д. 35. Л. 13). В результате, Семен согласился печатать по самой низкой заявленной цене, и заказ передали ему.

Нам неизвестно о заключении условий после 1817 г. По всей видимости, документом, фиксирующим договор, был письменный ответ Академии, но поскольку архив типографии Семена не сохранился, а в академическом фонде не отложились соответствующие черновики – не существует возможности документально проследить этот этап делопроизводства. По завершении печатания, типография присылала в Академию тираж и счет, в который добавлялась стоимость набора и печатания издательских обложек («обверток» или «сорочек»). При одобрении окончательной суммы, а разногласий на этом этапе не возникало, она записывалась в расход и выдавалась типографу.

Таким образом, реконструкция одного из фрагментов издательского процесса показала, что единообразие делопроизводства позволило избежать специализации чиновничества – секретарь Хозяйственного правления контролировал равным образом исполнение печатания и работ хозяйственного плана. При этом явные личные интересы и даже превышение полномочий не могли существенным образом повлиять на отлаженную работу бюрократических процессов и делопроизводства.

А.В. Матисон (Москва)

Практика публикации источников по генеалогии православного духовенства России (на примере Тверской епархии)

Круг источников изучения генеалогии священно-церковнослужителей широк и разнообразен, и его основой являются массовые источники официального происхождения. Подобные источники по генеалогии православного духовенства России синодального периода можно разделить на две основные группы: источники церковного происхождения и источники светского происхождения. В свою очередь, первые включают документы церковного учета исключительно духовенства (клировые ведомости, семинарские ведомости, материалы консисторий о службе клириков) и документы церковного учета всего православного населения, в том числе священно-церковнослужителей (исповедные ведомости, метрические книги). К массовым источникам свет-

ского происхождения по генеалогии духовенства относятся, прежде всего, материалы ревизий (сказки и переписные книги).

Начиная с конца XX в., одновременно с возрождением массового интереса к изучению генеалогии российских сословий, в том числе и духовенства, в различных регионах были предприняты определенные шаги, направленные на публикацию названных документов. Одним из наиболее удачных примеров, вероятно, можно считать издание источников по генеалогии священно-церковнослужителей Тверской епархии.

Благодаря усилиям Научно-исследовательского центра церковной истории и православной культуры им. В.В. Болотова, созданного при Тверском государственном университете, были опубликованы клировые ведомости духовенства нескольких уездов, а также монашествующих Тверской епархии за разные годы, хранящиеся в Государственном архиве Тверской области (ГАТО. Ф. 160 (Тверская духовная консистория): Духовенство и приходы города Твери и Тверского уезда. 1801 год: Клировые ведомости / Сост. С.С. Кузин. Тверь, 2008; Монастыри и монашествующие Тверской епархии. Клировые ведомости: 1808, 1809, 1816 годы / Сост. С.С. Кузин. Тверь, 2009; Духовенство и приходы города Старицы и Старицкого уезда. 1828 год: Клировые ведомости / Сост. С.С. Кузин. Тверь, 2009; Духовенство и приходы г. Торжка и Новоторжского уезда. 1799 год: Клировые ведомости / Сост. С.С. Кузин. Тверь, 2012).

Также были изданы сказки и переписные книги всех ревизий духовенства кафедрального центра епархии – города Твери, сохранившиеся в полном объеме в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. 1–2 ревизии. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки)) и в ГАТО (4–10 ревизии. Ф. 160 и ф. 312 (Тверская казенная палата)). Они были опубликованы в качестве приложений к генеалогическим росписям клириков епархии, включаемых в отдельное справочное издание (Матисон А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII–начала XX веков: Родословные росписи. СПб., 2002–2007. Вып. 1–5, М., 2011–2014. Вып. 6–8). В одном из выпусков того же справочного издания были помещены самые ранние из сохранившихся в архивах (ГАТО. Ф. 575 (Тверская духовная семинария)) списки учителей и учеников духовных учебных заведений Тверской епархии, составленные в 1786 г. (Матисон А.В. Указ. соч. М., 2015. Вып. 9).

Вспомогательный характер при изучении генеалогии духовенства носят мемуарные и эпистолярные источники, сохранившиеся, к сожалению, в незначительном объеме. Некоторые из них были опубликованы еще до 1917 г. в неофициальной части «Тверских епархиальных ведомостей». В последние годы тверскими специалистами были изданы воспоминания, записки и дневниковые материалы двух виднейших представителей духовенства Тверской епархии XIX в. – протоиерея Владимирской церкви Твери Василия Федоровича Владиславлева и священника Николаевского собора Калязина Иоанна Стефановича Белюстина, содержащие разнообразные сведения по семейной истории клириков (Из истории провинциального духовенства: записки священника

В.Ф. Владиславлева / Хрестоматия. Сост. Д.А. Беговатов, Т.Г. Леонтьева. Тверь, 2012; Леонтьева Т.Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. Тверь, 2012).

Очевидно, что названные публикации составляют лишь незначительную часть от общего объема источников по генеалогии епархиального духовенства. Кроме того, публикация таких источников, как метрические книги и исповедные ведомости, включающих все население губернии, а не только духовенство, представляется просто невозможной из-за их колоссального объема. Гораздо более разумным был бы свободный доступ к этим источникам в электронном виде. Уникальность ситуации, применительно к Тверской епархии, заключается в том, что эти источники (равно как и значительная часть ревизских сказок) были микрофильмированы еще в начале 1990-х гг., а позднее переведены в электронный формат. Некоторое время они были выложены в интернете на генеалогическом сайте т.н. «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» (мормонов), однако по настоянию российской стороны свободный доступ к ним оказался закрыт. Вместе с тем, тот же объем материалов, находящийся в распоряжении ГАТО, так и не стал доступен в интернете даже за отдельную плату. До сих пор также не решен вопрос о размещении в интернете оцифрованных материалов ф. 350 РГАДА, включающих весь объем ревизских сказок 1-й, 2-й и 3-й ревизий, в том числе и духовенства всех епархий России.

Т.В. Медведева (Москва)

Эпистолярный архив семьи Свербеевых (1820-е – 1900-е годы): источниковедческий и археографический аспекты изучения*

Изучение эпистолярного архива семьи Свербеевых, представляющего собой большой комплекс переписки, распределённый между несколькими архивохранилищами, началось одновременно с подготовкой к переизданию «Записок» Д.Н. Свербеева, известного мемуариста и хозяина московского салона (Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014).

В современной историографии частной переписке как жанру и историческому источнику уделяется всё больше внимания, что позволяет говорить об актуальности исследований и научных публикаций семейных эпистолярных комплексов (Например: Коневец С.Н. Эпистолярное наследие Н.В. Станкевича в контексте литературного движения 1830-х годов XIX века. Дис. … к.ф.н. Саратов, 2005; Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века. Дис.… к.ф.н. Томск, 2009; Кобак И.В. Семейная переписка Гаевских 1820-х – 1880-х гг. как исторический источник. Дис. … к.и.н. СПб., 2014).

Знакомство с перепиской, хранящейся преимущественно в семейных фондах Свербеевых в РГАЛИ (ф. 472), РО ИРЛИ (ф. 598) и ГА Иркутской обл. (ф. 774), показало, что она представляет несомненный источниковедческий интерес как в силу своей сохранности (это десятки писем трёх поколе-

ний семьи, а также частная переписка отдельных членов семьи), так и в силу своего содержания. Прекрасное образование и широта взглядов родителей-Свербеевых, хозяев известного литературного салона 1840-х гг., позволили им поддерживать отношения и состоять в активной переписке с целым рядом заметных деятелей русского общества и культуры XIX в. (как ровесников, так и младших современников), а их интерес и живое участие в общественной жизни непосредственно отразились в письмах.

При этом, важнейшей стороной жизни Д.Н. и Е.А. Свербеевых было воспитание в традициях семьи (в т. ч. и общественных) десяти детей (пятерых сыновей и пятерых дочерей), которое позволило детям органично войти в круг общения родителей и обогатить его своими знакомствами. Переписка позволяет проследить как уже сформированные традиции и устои семьи, принятые в семье восприятие общественной жизни, передавались следующему поколению – внукам хозяев литературного салона.

Кроме того, т.к. большинство членов семьи, не занимая высоких постов, принадлежало к кругу дворянской интеллигенции умеренных взглядов, то сама история этого микро-социума на протяжении XIX в. столетия, кратко выраженная в переписке, представляет безусловный интерес.

Наиболее ранние письма этого комплекса принадлежат супругам Свербеевым – мемуаристу Д.Н. Свербееву (1799–1874) и его супруге, Е.А. Свербеевой (урожд. кнж. Щербатовой) (1808–1892), хозяйке известного литературного салона, и относятся к началу 1820-х гг.

Нейтральное положение салона Свербеевых, радушно принимавшего как западников, так и славянофилов, позволяло им переписываться со многими известными деятелями своего времени и участвовать в обсуждении важных вопросов общественной жизни. Сохранилась переписка четы Свербеевых (включающая известные письма с подробностями о кончине Н.В. Гоголя и А.И. Герцена) и письма к ним различных общественных деятелей, ученых, писателей: братьев А.И. и Н.И. Тургеневых, братьев К.С. и И.С. Аксаковых, Н.М. Языкова, Е.А. Боратынского, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, В.Ф. Одоевского, Д.А. Валуева, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева, А.П. Елагиной, Г.С. Батенькова, Вяч. Ганки, Ф.П. Гааза, С.П. Шевырева, С.В. Ешевского, А.Н. Попова, А.С. Норова, Н.А. Мельгунова, П.И. Бартенева, В.П. Боткина, И.С. Гагарина, К.Д. Кавелина, митр. Филарета (Дроздова).

Ранее из этого эпистолярного комплекса исследователями привлекались лишь письма к Свербеевым П.Я. Чаадаева, вошедшие в собрание его сочинений, и письма, касающиеся Н.В. Гоголя (П.Я. Чаадаев и Е.А. Свербеева (Из неизданных бумаг Чаадаева) / Подг. публ. и вступ. статья Н.В. Голицына // Вестник Европы. 1918. Кн. 1–4. С. 238–253, Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991; Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. IV. М., 1897. С. 519–525 и др.; Литературное наследство. Л., 1952. Т. 58: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. С. 746–750 и др.; Гоголь в воспо-

минаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств / Подг. изд. И.А. Виноградов. М., 2011–2013. Т. 3. М., 2013. С. 844–858).

Отдельного упоминания заслуживает переписка детей Д.Н. и Е.А. Свербеевых, сыновей и дочерей, унаследовавших и успешно поддерживавших связи родителей в обществе, развивавших свои связи и дружеские взаимоотношения – например, комплекс переписки архиепископа Камчатского Иннокентия (Вениаминова) и Н.Д. Свербеева (старшего сына мемуариста), а также переписка последнего с А.И. Герценом и И.Д. Якушкиным, фрагментарно опубликованная.

Обращает на себя внимание и тот факт, что внутри семьи, почти одновременно с созданием писем, предпринимались усилия по сохранению семейной переписки. Письма отца семейства, Д.Н. Свербеева, заботливо переписывались детьми и хранились наряду с мемуарным наследием. Впоследствии, в начале XX в., с перепиской Свербеевых много работал вошедший в эту семью архивист Н.В. Голицын (он был женат на внучке мемуариста, М.Д. Свербеевой). Голицын отобрал и готовил к публикации в середине 1910-х гг. наиболее яркие фрагменты этого эпистолярного архива, в первую очередь переписку с известными современниками, однако его планы, в большинстве своём, не были реализованы.

Стоит заметить, что понятие «эпистолярный архив», на наш взгляд, шире, чем просто «семейная переписка», поскольку подразумевает, в данном случае, осознанное хранение значительных комплексов личной или семейной переписки, а также переписки друзей семьи: в архиве Свербеевых хранились документы и письма А.И. Тургенева, оставшиеся после его смерти, переписка и некоторые произведения Н.М. Языкова. Известно, что А.Д. Свербееву (сыну мемуариста) гр. Е.Е. Ламберт оставила на хранение принадлежавшие ей письма И.С. Тургенева.

Изучение эпистолярного наследия одной семьи в рамках трех поколений (от Д.Н. и Е.А. Свербеевых до их внуков, живших в конце XIX – нач. XX в.) даёт возможность получить важный опыт реконструкции и анализа подобных комплексных источников, проследить эпистолярные и мемуарные традиции семьи, формирование и развитие мировоззрения и самоидентификации. Сами письма представляют собой ценный источник по истории общественной и интеллектуальной жизни русского общества, по истории русской духовной культуры, а также гендерной истории (Некоторые аспекты «салонной историографии», отраженные в переписке семейства, освещены в статье: Медведева Т.В. «Возлюбленный о Русском Архиве Петр Иванович...» (Свербеевы и П.И. Бартенев) // Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенев и «Русский архив». М., 2013. С. 408–426; переписка двух поколений Свербеевых с Аксаковыми нашла отражение в публикации: Медведева Т.В., Батшев М.В. Аксаковы и Свербеевы. Страницы переписки двух семей (1840-е–

1860-е годы) // Абрамцево в истории и культуре России. Сб. статей. Абрамцево, 2015. С. 16–36).

В переписке Свербеевых поднимаются вопросы философии, литературы, религии, педагогики, представлены отклики на важнейшие общественные и культурные события эпохи, содержится большой материал биографического и культурно-бытового характера. Комплекс переписки целой семьи, поддерживавшей значительные общественные связи, собранный за более чем половину столетия, является важным документом памяти культуры и жизнестроения нескольких поколений русской дворянской интеллигенции XIX в.

*** Работа над эпистолярным архивом Свербеевых ведется при поддержке РГНФ (грант № 15-01-00120).**

А.Н. Медведь (Москва)

Изображения врачей в Лицевом летописном своде

Миниатюры Лицевого летописного свода (далее ЛЛС) исследуются довольно давно, однако в последнее время в связи с публикацией этого памятника появилась возможность более детально изучить отдельные аспекты истории России, отраженные в ЛЛС. Одной из таких тем являются изображения представителей различных областей знания (строителей, инженеров, врачей). Именно изображениям врачей в ЛЛС и посвящена эта работа. Как художники XVI в. представляли себе врачей? Можно ли на основе этих изображений хотя бы отчасти реконструировать врачевательные практики, бытовавшие в древнерусских землях и в Московии?

Сразу отметим, что изображения врачей и врачевателей в Лицевом летописном своде встречаются крайне редко. Врачи фигурируют в сюжетах, связанных с более ранними периодами истории, например, в сюжетах, связанных с Троянской войной. Врачи здесь оказывают помощь раненым. Они отличаются от обычных людей, как правило, это пожилые люди, одетые несколько иначе. Способы лечения изображены стандартно – врачи смазывают раны пострадавших. Из медицинских инструментов у этих лекарей только кисточки для обработки ранений и сосуды с какими-то составами.

В книгах Свода, посвященных периоду Древней Руси, врачей мы не встретим. Они появляются лишь в сюжетах, связанных с концом XV в. Здесь фигурируют исключительно иностранные врачи, работавшие в Московском государстве. Так, на страницах Шумиловского тома ЛЛС мы встречаемся с врачом Леоном-жидовином, который пытался в 1490 г. вылечить сына великого князя Ивана Васильевича Ивана Молодого. Фигура врача Леона отличается от окружающих его русских людей – на нескольких миниатюрах он изображен в строгом однотонном бежевом одеянии (правда, в одном случае из-под этой одежды видна одежда зеленого цвета) с головой покрытой неким подобием тюрбана. Покрой этого одеяния и головной убор в чем-то сближают изображение Леона с изображениями пророков или мудрецов, которых мы видим на страницах Свода, посвященных более ранним событи-

ям всемирной истории. История лечения Ивана Молодого проиллюстрирована в ЛЛС довольно подробно. Не менее подробно изображена и сцена казни Леона, не выполнившего обещания излечить Ивана Ивановича. В этой сцене лекарь одет только в зеленую одежду – его «одеяние мудреца» отсутствует. Возможно, таким образом художник хотел подчеркнуть лишение лекаря его особого статуса.

Несколько раз на страницах ЛЛС изображаются врачи великого князя Василия Ивановича Н. Булев и Теофил. Они присутствуют в пространной повести о болезни великого князя. Известно, что великий князь заболел, находясь на охоте вдали от Москвы и так как обычая возить с собой врачей у московских князей не было, то Булев и Теофил были призваны, когда болезнь обострилась. На миниатюре, посвященной приглашению этих врачей к Василию Ивановичу, художник очень четко выделил Булева и Теофила – они носят необычные головные уборы. Примечательно, что на одной и той же миниатюре изображения этих уборов несколько разнится, но, тем не менее, врачи узнаваемы и отличаются от окружающих их русских. Еще раз мы увидим Теофила на миниатюре, посвященной обследованию князя Андрея Старицкого, который в 1537 г. отказался участвовать в походе на Казань. По приказу Елены Глинской, Теофил отправился к князю Андрею с целью выявить возможную симуляцию болезни. На миниатюре, посвященной этому сюжету, Теофил уже совершенно неотличим от окружающих. Возможно, художник считал этого врача совершенно «своим» и решил на рисунке никак не выделять (с подобным приемом в ЛЛС мы встречаемся в сюжете, посвященном закладке каменного Китай-города, где руководитель стройки – итальянец Пьетро Франческо Анибале – также совершенно ничем не отличается от окружающих его русских людей. И, на наш взгляд, такая трактовка итальянского инженера абсолютно логична.

Примечательно, что ***русские*** врачи ни разу не упоминаются в ЛЛС. В свое время мы высказывали предположение о том, что врачевание в ранний период русской истории (примерно до XVI в.) не относилось к разряду престижных профессий, а сами носители этих знаний (лекари, рудометы, кровопуски и т.п.) занимали весьма низкое социальное положение. Причем, многие из них занимались врачебной практикой, не афишируя свои знания.

Конечно, в ЛЛС встречаются и другие изображения, которые можно отнести к истории врачевания. Например, в Голицынском томе имеется рисунок «древяницы» – приспособления, совмещавшего в себе костыль и протез. С таким приспособлением ходил монах Наум, который в 1462 г. исцелил свою сухую ногу у гробницы московского митрополита Алексия. «Древяница» представляет собой довольно толстую палку, имеющую ответвление примерно в середине. В ответвление, видимо, вставлялось бедро (или согнутая нога), а сама палка использовалась как опора (ее придерживали рукой).

Отдельное место занимают изображения болезней. Кроме эпидемий (они изображались довольно схематично) на страницах ЛЛС встречаются миниа-

тюры, посвященные болезням отдельных исторических деятелей. Так, Голицынский том содержит несколько миниатюр, где описывалась болезнь великого князя московского Василия Васильевича. Как известно, он пытался самостоятельно излечиться от сухотной болезни (туберкулеза?), повелев зажечь у себя на спине трут, но позже умер (возможно от загноившихся ожогов). Создатели ЛЛС подали ее необычно – болезнь и попытка излечения довольно подробно описывалась в тексте, но на рисунке не показывалась. Великий князь просто лежит одетым на одре (о том, что он находится в тяжелом положении, говорит разве что княжеская шапка, лежащая рядом). Князь лежит лицом вверх (а не вниз, как можно было бы предположить из описания лечения). К нему подходят некие люди, один из которых несет нечто напоминающее сосуд и поднос одновременно, на котором лежит какой-то предмет (возможно, кусок трута). Один из присутствующих протягивает к князю руки, словно пытаясь уговорить его не пытаться излечиться таким образом. На следующей миниатюре по-прежнему одетый великий князь лежит уже в шапке, а на миниатюре ниже мы уже наблюдаем мертвое тело князя в монашеском одеянии. Очевидно, что художник не посмел изобразить подробности лечения великого князя, так как это могло быть связано с изображением его обнаженного тела.

Впрочем, художники ЛЛС подробно изложили историю болезни и лечения великого князя Василия Ивановича. Мы можем наблюдать даже внешние признаки болезни в виде болячки на бедре больного (художник оказался более «смелым» и показал, как из обнаженной ноги великого князя выходит гной).

Можно ли использовать миниатюры ЛЛС как источник для реконструкции врачевательных практик XV, XIV вв. и более раннего времени? Очевидно, что нет – миниатюры Лицевого летописного свода являются отражением взгляда художников середины XVI в. Они видели прошлое исходя из своего жизненного опыта, поэтому, конечно же, считать эти миниатюры источником по истории врачевания в Древней Руси до XVI в., видимо, не следует. Да и в целом информационные возможности ЛЛС для изучения истории русского врачевания невелики – изображения каких-либо медицинских инструментов отсутствуют, медицинские манипуляции также почти не показаны. Интерес представляют лишь изображения внешних признаков некоторых болезней.

А.Г. Мельник (Ростов)

Акты как источник по истории почитания русских святых в XV – XVI вв.

Анализ актов XV–XVI вв. позволяет найти ответы на ряд вопросов по истории почитания русских святых. Самым надежным признаком глубокого и устойчивого почитания святого в тех или иных местах является сооружение и функционирование в них посвященных ему церквей. По количеству и широте распространения таких храмов можно судить о степени распростра-

ненности культа святого. Тот же признак проясняет вопрос: какие локальные сообщества были особо привержены к этому культу.

Казалось бы, свидетельства об указанных церквах надо искать в писцовых книгах и описях монастырей. Действительно, в них такие данные содержатся. Но большинство писцовых книг и описей XVI в. до нас не дошло. Эту нехватку частично и восполняют различные акты. В ряде из них прямо указываются посвящения церквей. Например, согласно акту 1544 г., в селе Берлюково Ростовского уезда имелась церковь Петра митрополита.

Прямых сведений о посвящениях церквей большей части русских монастырей XV–XVI вв. документы до нас не донесли. Но существуют косвенные показания актов по данному вопросу. В то время было принято именовать монастыри по названию главного соборного храма, а иногда – по названиям двух или даже трех храмов.

Например, согласно меновной грамоте 1514 г., определенные земельные владения были даны «в дом к Николе чюдотворцу в монастырь на Волосово», то есть Волосову монастырю, находившемуся во Владимирском уезде. Из слов «в дом к Николе чюдотворцу» следует, что собор обители был посвящен св. Николе. В купчей грамоте 1521 г. сообщается, что земля была приобретена «святому чюдотворцу Николе и Сергию чюдотворцу в дом в митрополич монастырь в Волосово». Следовательно, тогда в Волосовом монастыре действовали два храма – Николы Чудотворца и Сергия Радонежского. Так обозначилась особая приверженность сообщества данной обители в XVI в. к культу св. Сергия.

В актах конца XV–XVI в. чаще всего встречаются сведения о церквах, посвященных святым Борису и Глебу, Сергию Радонежскому, Петру митрополиту, Алексею митрополиту и Леонтию Ростовскому. Это и не случайно, поскольку они были самыми популярными русскими святыми того времени.

Акты позволяют определить социальную принадлежность вкладчиков в монастыри, в которых хранились мощи почитаемых святых и, таким образом, установить степень признания культов этих подвижников в различных слоях русского общества. Из актов мы узнаем о некоторых практиках почитания святых. Одна из таких практик заключалась в том, что монастыри, некоторые архиерейские дома и храмы отождествлялись со «своими» святыми, то есть с теми подвижниками благочестия, мощи которых в них покоились. В частности, земли церковных собственников обозначались как владения их святых покровителей. В другом варианте такого отождествления различные пожертвования людей фигурировали в актах как предназначенные не просто монастырю или иному церковному собственнику, а его святому. Еще одна практика выражалась в возложении документов, удостоверявших дар жертвователя, на раку святого или прямо на мощи в раку.

Проиллюстрируем сказанное на примере культа св. Алексея митрополита, мощи которого хранились в московском Чудовом монастыре. В актах, относящихся к концу XIV – началу XVI в., упомянутая обитель именуется

по названию его главного храма во имя Чуда архангела Михаила, то есть она отождествлялась тогда только с ним. Первое косвенное свидетельство по интересующей нас теме содержится в купчей грамоте 1519/20 г. В этом документе сказано: «А купили есмя у них то сельцо и деревню себе в дом Чюду Михаилу Архангилу да Алексею чюдотворцю впрок без выкупа». Из данной формулы следует, что монастырь приобрел новую вотчину не просто себе, а и своим небесным покровителям и в том числе св. Алексею. В более поздних актах до конца XVI в. фигурируют сходные формулы.

Первая грамота, в которой наряду с подобной появилась новая формула, относится к 1556/57 г. Речь идет о данной Чудову монастырю княгини Алены Тростенской на сельцо Волково с деревнями в Рузском уезде. В этой грамоте читаем: «А крепости есми у чюдотворца у Алексея в раку положила, по чему муж мои и дети мои, и яз тем селцом и деревнями, и пустошми владели. Архимандриту Левкее и священником, и братие те крепости ис чюдотворцовы раки взяти в казну в манастырскую и держати те крепости с сею даною вместе впрок без выкупа».

Перед нами – необыкновенно ясное выражение идеи о передаче определенной собственности небесному покровителю Чудова монастыря св. Алексею. Действительно, если документы на владение землями, перед тем как попасть в руки представителям названной обители, были положены прежней их владелицей в раку с мощами святителя, то значит, она буквально продемонстрировала, что отдала их именно ему. В большинстве последующих подобных грамот до 1571 г. имеет место описание ритуала положения владельческих грамот в раку св. Алексея. Сходный ритуал положения грамот, удостоверяющих дары, на раку св. Петра митрополита в московском Успенском соборе практиковался в те же 1550–1570-е гг.

Согласно актам, со «своими» святыми отождествлялись некоторые архиерейские кафедры и монастыри. Например, Московская кафедра отождествлялась сначала с Петром митрополитом, а затем с митрополитами Петром, Алексеем и Ионой, Ростовская кафедра – с Леонтием Ростовским, Троице-Сергиев монастырь – с Сергием Радонежским, Чудов монастырь – с Алексеем митрополитом, Кириллов монастырь – с Кириллом Белозерским, Спасо-Прилуцкий монастырь – с Димитрием Прилуцким, Колязинский монастырь – с Макарием Колязинским, Соловецкий монастырь – с Зосимой и Савватием, Ярославский Спасский монастырь – с Феодором, Давидом и Константином, Спасо-Евфимиев монастырь – с Евфимием Суздальским. Вероятно, зачинателями традиции такого отождествления были Московская митрополичья кафедра и Троице-Сергиев монастырь.

М.О. Мельцин (Санкт-Петербург)

Неизвестный князь Александр Долгоруков: проблемы установления родства

В «Московском некрополе» имеется следующая запись: «Долгорукой, князь Александр, отрок † 24 декабря 1857. Мраморный бюст. / В жизни скорбной и унылой / Не забуду я тебя; / Так прости, мой ангел милой, / И молися за меня (Донской монастырь)» ([*Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.*]. Московский некрополь. Т. I: А–I. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 392). В опубликованных генеалогиях князей Долгоруковых лица с именем Александр, умершего 24 декабря 1857 г., не значится. Запись в «Московском некрополе» называет ранее неизвестную персону. Проблема в том, что отчество отрока князя Александра Долгорукова в ней не значится, и его место в генеалогии остаётся неизвестным.

В книге сочинений одного из литераторов-дилетантов из рода князей Долгоруковых, князя Александра Ивановича (1793–1868), опубликовано стихотворение «Сашиньке», датированное 23-м декабря 1857 г. и завершающееся тем самым четверостишием, которое написано на надгробии отрока (с небольшой вариацией последней строки) (Долгорукий А.И., кн. Сочинения князя Александра Ивановича Долгорукого в прозе и стихах. Ч. II. М.: В типографии Л. Степановой при Императорских Московских Театрах, 1859. С. 257–258). Значит, отрок Александр – это его сын, не указанный в родословиях князь Александр Александрович Долгоруков (все справочники называют князя Александра Ивановича бездетным). Хотя странно, что эпитафия датирована днём, предшествующим смерти сына.

Однако остаётся неясным вопрос, от какого брака рождён этот сын. Согласно генеалогическим справочникам, князь Александр Иванович был женат дважды: первый раз – на Елене Ивановне Колошиной, второй раз – на бар. Анне Львовне Боде (Власьев Г.А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. I: Князья Черниговские. Ч. 3: Князья Долгоруковы, Щербатовы, Тростенские, Волконские. СПб., 1907. С. 145; [Аргутинский-]Долгорукой Ф.С., кн. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. II. СПб., 1913. С. 92–93 (с неверно указанным отчеством второй жены); Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга, издаваемая Князем Петром Долгоруковым. Ч. I. СПб., 1854. С. 101; Ermerin R.-I. Annuaire de la Noblesse de Russie. A. I: Contenant les Princes de l'Empire augmenté d'un grand nombre de notice sur les familles alliées. SPb., 1889. P. 91). Княгиня Елена Ивановна умерла в октябре 1850 г. в возрасте 60 лет (Ссылка на свидетельство о смерти // Архив СПб ИИ РАН. Колл. 238 (Н.П. Лихачева). Оп. 2. Картон 133. Ед. хр. 3. Л. 4). Замуж за князя она вышла в 1832 г. (в копии от 15.03.1833 с копии ее с сестрой раздельного акта от 06.06.1832 обе названы девицами Колошиными, но при выдаче этой копии она названа капитаншей княгиней Долгоруковой // Там же. Л. 16–19; дата их бракосочетания (3 июня) названа в одном из стихотворений её мужа –

Долгорукий А.И., кн. Указ. соч. Ч. II. С. 270, год назван во многих других его стихах – см. Там же. Т. I. С. 27; Т. II. С. 9–10, 24, 28, 265). На бар. Боде (1815–1897) князь женился в 1854 г. (высочайшее разрешение на брак дано 27.03.1854, и 04.04.1854 ей пожаловано на приданое 3428 руб. сер. // РГИА. Ф. 472 (Министерство Императорского двора). Оп. 4. Д. 277. Л. 11, 13, 15. Брак отражён в книге Долгоруков П.В., кн. Указ. соч. Ч. I. СПб., 1854. С. 101, получившей цензурное разрешение 12.07.1854). На надгробии покойный князь Александр Долгоруков назван отроком. По буквальному смыслу это означает, что ему от 7 до 15 лет, т.е. он родился между 1842 и 1850 гг. от первого брака. Но княгине Елене Ивановне в этот период было от 52 до 60 лет, что практически исключает рождение ею сына. А если бы она родила в первые годы брака, то сыну к моменту смерти было бы не меньше 20 лет, и отроком он бы не мог быть назван. Елена Ивановна завещала всё своё благоприобретённое имение мужу (Завещание кн. Е.И. Долгоруковой // Архив СПб ИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Картон 133. Ед. хр. 3. Л. 57–58), что было бы странно при наличии сына. Во всех генеалогиях, включая вышедшую в 1854 г. и составленную однородцем наших героев, князь Александр Иванович назван бездетным. Кроме того, в стихах князя Александра Ивановича, многие из которых посвящены его семье и разным жизненным обстоятельствам, сын Саша ни разу не упомянут живым (покойным – ещё один раз). Это может свидетельствовать о том, что прожил он не очень долго. И стихотворение «Сашиньке» скорее обращено к совсем маленькому ребёнку. В этом случае логично допустить, что Саша является сыном от второго брака. Правда, именование его в этом случае отроком неуместно. Однако всё остальное выглядит более правдоподобным, чем версия с рождением сына 52-летней женщиной.

Дополнительным фактором выступает ещё одно обстоятельство. 1 декабря 1852 г. было дано цензурное разрешение книге князя Алексея Владимировича Долгорукова, который в посвящении своему четвероюродному брату князю Александру Ивановичу назвал его старейшим в роде, а себя – четвертым по родостарейшинству (Долгорукий А.В., кн. Фамильные заметки. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1853. С. 2, 8). Между тем, согласно генеалогиям, их разделял только один князь Долгоруков – младший брат князя Александра Ивановича князь Дмитрий. Ещё одним может быть рассматриваемый Саша, но это означает, что он существовал уже к 1852 г. и не мог быть рождён от второго брака, а также не мог быть незаконным сыном, впоследствии записанным на вторую жену. Либо существовал другой сын у князя Александра Ивановича или у его брата Дмитрия, не отражённый ни в каких родословиях. Нельзя исключить и того, что кн. А.В. Долгоруков просто просчитался.

Можно, конечно, допустить, что кн. А.И. Долгоруков был в действительности женат трижды – между 1850 и 1854 годами был ещё один брак, от которого и рождён Саша. Но об этом браке нет никаких сведений ни в родословиях, ни в творчестве князя Александра Ивановича, который о двух сво-

их жёнах пишет очень много. Из рассмотренных версий более вероятным представляется всё-таки рождение кн. А.А. Долгорукова от второй жены.

Е.Н. Метёлкин (Санкт-Петербург)

Место вспомогательных исторических дисциплин в публичной истории

В настоящее время достаточно активно развивается такая отрасль историографии как публичная история (Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и Новейшая история. 2014. № 3. С. 141). По определению американского учёного Роберта Келли (Robert Kelley), считающегося одним из «отцов» публичной истории, «публичная история – это средство представления исторического знания широкой публике. Публичная история существует в разных формах – музейных экспозициях и выставках, телевизионной документалистике, проектах по сбору и организации коллекций и записей и переводу традиционного исторического знания в современные компьютерные базы данных. Как научная дисциплина она также направлена на эффективное и этичное управление нашим историческим наследием и коллективной памятью» (Цит. по: Савельева И.М. Указ. соч. С. 142–143).

Современное общество получает и усваивает свои представления о прошлом не только на основе литературных произведений и музейных экспозиций. Зачастую приобщение к истории базируется на информации, полученной при просмотре художественных фильмов, телевизионных сериалов, обращений к различных формам массовой культуры и медиа. При этом у потребителей таких знаний проявляется стремление не только к зрелищности, но и к достоверности.

История, как известно, – это строгая гуманитарная наука, имеющая свою теорию познания, опирающаяся и строящая свои выводы на материале исторических источников. Извлекать, исследовать, интерпретировать информацию, полученную из этих источников, позволяет широкий круг вспомогательных исторических дисциплин, таких как палеография, историческая хронология, историческая метрология, геральдика, нумизматика, фалеристика, филателия, ономастика и др.

Если трактовать публичную историю как «средство представления исторического знания широкой публике», то место вспомогательных исторических дисциплин в её функционировании может быть весьма представительным.

Очень часто профессиональные историки критикуют литературные произведения, художественные (а то и т.н. документальные) фильмы за то, что действующие лица говорят языком, не присущим описываемой эпохе, носят не те костюмы, на них не те ордена… И вообще всё было не так! На эту критику «неисторики» отвечают утверждениями о том, что нельзя учесть все «мелочи», невозможно реконструировать прошлое во всей его полноте.

Для источниковедения, для вспомогательных исторических дисциплин нет мелочей. Эти дисциплины могут не только способствовать нахождению компромисса в полемике профессиональных и публичных историков, но и дать интересный широкой публике материал.

Нумизматика, например, изучающая среди прочего и историю денежного обращения, даёт ценные сведения по такому вопросу, живо обсуждаемому обществом и интересующему многих людей, как клады, прежде всего клады монетные. Фалеристика, предметом изучения которой является наградное дело, может рассказать современному российскому обществу, в котором повысился интерес к истории Великой Отечественной войны, не только о том, что из себя представляют ордена и медали СССР, хранящиеся во многих семьях, но и осветить на основании документов довольно сложный путь награды от представления к ней, через подчас тернистый путь согласования в различных инстанциях, до вручения награждённому. Эпиграфика изучает надписи на твёрдых предметах. Среди прочего (надписи на фасадах зданий, на оружии, эпитафии) содержательным источником для этой вспомогательной исторической дисциплины являются мемориальные доски, своеобразные маркеры городского пространства, хранящие память о выдающихся людях и исторических событиях (См. Беседина Е.А., Буркова Т.В. «В этом здании жил и работал…»: мемориальные доски как образец исторической памяти // Искусство и зритель: сб. статей. СПб., 2013. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 16). С. 45–67).

Таким образом, мы видим, что используя информацию, получаемую при изучении вспомогательных дисциплин, вполне можно достичь сотрудничества с общественностью, привлечь её внимание к историческим фактам, дать гипотезам и предположениям в контексте публичной истории научный фундамент.

В.В. Мильков (Москва)

Тексты Моисея Маймонида в древнерусской книжности

В ранний период древнерусской книжности еврейское литературное влияние на нее ищут главным образом в материалах переведенных с иврита ветхозаветных апокрифов. В эпоху идейных исканий конца XV − середины XVI вв. в отечественной письменности появляются сразу несколько произведений, переведенных с еврейского. В числе переводов выявлены тексты, принадлежащие перу Моисея Маймонида (Моисея-бен-Маймуна) (1135/38–1204). К таким памятникам относится «Книга, глаголемая логика». Это пособие по логике Моисея Маймонида, которое примыкало к «Логике Авиасафа». В основе последней лежит текст сочинения Аль-Газали (1059–1111) «Стремленияя философов». С арабского на еврейский ее переводили несколько раз в XIII–XIV вв. Высказывалось предположение, что в основу древнерусского перевода была положена версия Моисея Нарбонского (Моше из Нарбоны). Единственный древнерусский перевод этого произведения

был известен по списку Михайловского монастыря 1483 г., который погиб во время войны. Ныне судить о памятнике можно только по публикации 1909 г. (Неверов С.Л. Логика иудействующих // Университетские известия. Киев, 1909. № 8. С. 1–62).

«Логика» Аль-Газали представляет собой пример средневековой восточной интерпретации постулатов Аристотеля. «Логика» Маймонида – это обобщение логических терминов и правил, описанных в текстах Аль-Газали. Специальный раздел посвящен категориям, которые отсутствуют в «Логике Авиасафа». «Книга, глаголемая логика» акцентирует внимание на истолковании логических терминов, тогда как в «Логике Авиасафа» излагаются общие положения логической науки.

Если «Логика Авиасафа» дошла до нас в единственном древнерусском варианте, то логическое произведение, принадлежащее перу Маймонида, было известно в древнерусской книжности в целом ряде списков под названием «Книга глаголемая логика, сиречь словесница» или «Речи Моисея египтянина». Они читаются в составе сборников ГИМ. Син. № 943; РНБ. Погод. № 1146; РНБ. Сол. № 105/263. Ни одна версия в древнерусских сборниках не передает «Логику» Маймонида в полном виде, а только с сокращениями, или в извлечениях. По сути дела, в древнерусской книжности получило распространение сокращенное переложение логического труда Моисея Маймонида, которое имеют собственную историю бытования в средневековой отечественной книжности.

В виде вставки в «Тайная Тайных» еще один текст, принадлежавший перу Моисея Маймонида, читается в составе седьмой главы «Тайная тайных», в виде диетологических предписаний Александру Македонскому. В нем излагаются медико-гигиенические правила, которые призваны обеспечить здоровый образ жизни. Рекомендации расписаны на четыре сезона года, а объяснение тех или иных пищевых и гигиенических предпочтений обосновывается с позиций гуморальной теории. Правила здорового образа жизни выстраиваются на принципах гармонизации взаимодействия господствующих в то или иное время года стихий с качествами соответствующих сезону жидкостей человеческого организма. Поэтому рекомендованная к потреблению пища рассматривается с точки зрения ее стихийных свойств, определяющих полезность или вредность продукта в разные времена года.

Буквальных соответствий данного сюжета текстам Маймонида не обнаружено, поэтому авторство устанавливается на основании сходства идей и мотивов. Логично предполагать переработку оригинальных идей Маймонида, к которой присоединен отрывок о драгоценных камнях и их свойствах. Авторство раздела о магических свойствах камней приписывается Иегуде аль-Харази (1170–1230) (Багно В.Е. За Аристотелевыми вратами (древнерусская и кастильская версии краткой редакции «Тайная Тайных») // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003. С. 184–192). За счет вставок из текстов Маймонида и Аль-Харази древнерусскую версию «Тайная тайных» принято называть интерпо-

лированной. До нашего времени дошло несколько списков XVI–XVIII вв.: Национальной библиотеки Беларуси № 091/276К (XVI в.; ранее рукопись хранилась в ОР Виленской публичной библиотеки под № 272 (222)); БРАН. Собр. Археограф. ком. № 97 (299) (XVII в.); РГБ. Унд. № 750 (кон. XVII в.); ГИМ. Син. № 359 (XVII в.) и Син. № 723 (1640 г.); РГБ. Рум. № 626 (XVIII в.). Наиболее исправные чтения текстов Маймонида дает список РГБ. Унд. № 750. Л. 132а–142б.

«Тайная Тайных» или «Аристотелевы врата» с добавлением заимствований из текстов Моисея Маймонида и Аль-Харази − это типичное Псевдо-Аристотелевское арабское сочинение, созданное в форме советов Александру Македонскому от имени Аристотеля. В этом произведении много внимания уделяется физиогномике, ядам и противоядиям, медицинской проблематике. Будучи произведением арабской литературы, созданным в X–XI вв., «Тайная тайных» была переведена на латинский и еврейский языки (еврейская версия датируется XII–XIII столетиями). Не позднее середины XIII в. в нее были включены сочинения, принадлежащие перу Моисея Маймонида (Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг: Аристотелевы врата или Тайная тайных. М., 2012. С. 102–113; впервые опубл. в 1908 г.). По некоторым данным, перевод с арабского на еврейский выполнялся Аль-Харази, который так же переводил с арабского на еврейский тексты Маймонида. Это объясняет характер интерполированной версии.

Содержавшая вставки древнерусская версия «Тайная тайных» была переведена с еврейского языка в западнорусских землях, о чем свидетельствуют диалектные черты древнерусского перевода. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что появление неортодоксального чтения с ярко выраженными астрологическими мотивами обуславливалось идейными запросами еретиков-жидовствующих; т.е. по косвенным признакам время перевода относили к концу XV в.

Восходящий к творчеству Моисея Маймонида диетологический трактат, по всей видимости, бытовал и отдельно. С названием «Наука врача Моисея Египтянина царю Александру Македонскому» он попадал в компиляции, использовавшие переводные медицинские тексты (в частности в «Благопрохладный вертоград», переведенный в середине XVI в.) (Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879. С. 184–187; Книга глаголемая «Прохладный вертоград» / Изд. подгот. Т.И. Исаченко. М., 1997. С. 292–300). Данный текст читается в списках РГБ. Ф. 236 (собр. А.Н. Попова) № 174 (быв. Муз. № 2439). Л. 248а–255а (кон. XVII в); РГБ. Унд. № 1337. Л. 232а–237б (XVII в.); РГБ. Унд. № 1336. Л. 342а–366а (1719 г.)

Обобщая, можно сказать, что переработка медико-диетологического трактата Маймонида появилась в древнерусской письменности в конце XV в. одновременно с «Логикой жидовствующих» и другими переводами с еврейского. По заключению авторитетного исследователя русско-еврейских связей, «эти переводы делались евреями для иноверцев или, точнее, для

интересующихся иудаизмом христиан» и осуществлялись в среде, где славянская культура тесно контактировала с еврейской (Таубе М. Переводная литература «жидовствующих» // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. М., 2010. С. 387). Благодаря этим контактам философские и научные идеи через посредничество гебраистской книжности проникали в Древнюю Русь. Причастность наследия Моисея Маймонида к этому культурному влиянию бесспорна.

Е.В. Минина (Москва)

Портрет ученого как источник по истории науки и техники первой половины XIX века

В начале XIX в. резко возросла потребность в каменном угле, который стал основным топливом в металлургии, а затем и на транспорте. Шахтами стали отрабатываться более глубокие угольные горизонты с повышенной газоносностью, и участившиеся взрывы рудничного газа приводили к многочисленным человеческим жертвам. Так, в 1812 г. на угольной шахте в Филлинге произошел взрыв, в результате которого погибло 92 человека. В связи с тем, что основной причиной взрывов было открытое пламя масляных рудничных ламп, возникла необходимость в создании такого светильника, который можно было использовать во взрывоопасной атмосфере угольных шахт. Первым ученым, обратившим внимание на проблему безопасного освещения на угольных шахтах, был Вильям Рейд Кленни (1776 – 1850). Его портрет и является предметом нашего исследования.

В. Кленни получил степень доктора медицины в Эдинбургском университете и в течение 45 лет (1801–1846) работал врачом в Саундерленде, в том числе более 10 лет занимал пост главного врача городской больницы. В 1813 г. он стал одним из основателей Общества предупреждения аварий на угольных шахтах, и с этого времени много внимания уделял проблеме безопасного освещения под землей (Clanny, William Reid (1770–1850) / Oxford Dictionary of National Biography / Ed. H. Matthew, B. Harrison. Vol. 11. Oxford University press, 2004. P. 727). В российских и зарубежных музейных коллекциях по рудничному освещению представлена безопасная лампа конструкции Кленни, изобретение которой датируется 1839 г.

В своей лампе Кленни соединил элементы конструкции, предложенные двумя другими изобретателя безопасной лампы для угольных шахт – Гемри Дэви и Джорджем Стефенсоном. Он использовал знаменитый проволочный цилиндр Дэви, но сделал его на 2 дюйма короче. Также он использовал стеклянный цилиндр для защиты пламени, но сделал его на 3 дюйма короче, чем в лампе Стефенсона. Таким образом, в лампе Кленни часть сетки вокруг пламени была заменена стеклянным цилиндром. Этот важнейший элемент использовался практически во всех последующих конструкциях безопасных ламп, и ученый мог по праву гордится своим изобретением (подробнее см.:

Минина Е.В. Вещественные источники по истории рудничного освещения в музейных собраниях и частных коллекциях / Архив истории науки и техники. Вып. V (XIV) / Отв. ред. С.С. Илизаров. М., 2015. С. 346–366). Однако на портрете ученого изображена еще одна лампа: она стоит на столе, на заднем плане. Очевидно это еще одно изобретение доктора Кленни, возможно более раннее и менее значимое.

Действительно, в ряде публикаций имеются сведения о том, что первоначально В. Кленни предложил безопасную лампу, основная идея конструкции которой заключалась в том, что шахтный воздух попадал внутрь, а продукты горения выходили из нее, проходя через «водяной затвор». Для обеспечения достаточной тяги воздух закачивался в лампу принудительно с помощью небольших мехов. Приведенная схема ее устройства позволяет утверждать, что на портрете ученого изображен другой технический объект (Беренсон С.Б. Освещение рудников. СПб., 1905).

Дальнейшие исследования позволили обнаружить статью В. Кленни, посвященную рудничным лампам, изучение которой позволило не только атрибутировать предмет, изображенный на портрете ученого, но и воссоздать хронику его работы над созданием безопасной лампы для угольных шахт (Clanny W.R. Practical observation on safety lamps for coal mines // Annals of philosophy. 1816. Vol. VIII. № V. P. 353–357).

20 мая 1813 г. на заседании Королевского общества поддержки искусств, ремесел и коммерции (The Royal Society for the Encouragement of Arts, Manufactures and Commerce) Кленни объявил об изобретении «водяной» безопасной рудничной лампы. Лампа получилась громоздкой и, чтобы приводить ее в действие, нужен был еще один человек, т. к. шахтер, ведущий отбойку угля, делать этого не мог. Тем не менее, испытания лампы Кленни под землей прошли 20 ноября 2015 г.: когда лампу поместили в выработку, в которой присутствовал газ и начали накачивать в нее воздух, произошла яркая вспышка и лампа погасла. После этого Кленни усовершенствовал конструкцию (воздух проходил не через водяной затвор, а через слой масла, которое одновременно служило горючим для лампы) и уменьшил ее габариты. Именно за эту конструкцию безопасной лампы Королевское общество поддержки искусств, ремесел и коммерции 14 апреля 1816 г. наградило Вильяма Кленни серебряной медалью.

Однако, как следует из статьи В. Кленни, он не остановился на достигнутом и разработал следующий вариант безопасной лампы – «паровую» лампу. Шахтный воздух поступал в нее через узкую трубку, которая начиналась под днищем резервуара с маслом и заканчивалась в верхней части лампы. Примерно на середине высоты лампы был размещен резервуар с водой. Вода в резервуаре нагревалась от пламени лампы и закипала, образуя пар. Шахтный воздух, поступавший по трубке, прежде чем попасть в зону горения, смешивался с паром и становился невзрывоопасным. Эта усовершенствованная конструкция была удостоена золотой медали Королевского

общества поддержки искусств, ремесел и коммерции в 1817 г. и использовалась в Англии на шахтах Харрингтона. Помещенный в статье схематический рисунок «паровой» лампы, позволяет утверждать, что именно она изображена на портрете ученого.

Н.А. Мининков (Ростов-на-Дону)

Иерархия чинов и общественное положение казаков войска донского конца XVIII в.

Конец XVIII в. был периодом истории донского казачества, когда оно занимало свое место в формировавшейся системе сословий российской империи. Одной из сторон этого процесса было распространение чинов военной службы, утвержденных Табелью о рангах, на казачью службу. Начало этому процессу было положено с середины XVIII в., когда в 1753 г. войсковой атаман Данила Ефремов получил чин генерал-майора. Практика присвоения донским старшинам армейских чинов расширилась с начала царствования Екатерины II, в последующие годы она закрепилась. Этому способствовало участие войска Донского в войнах того времени, которые вела Россия.

Вместе с тем распространение на донских офицеров чинов по Табели о рангах не означало, что традиционные чины донских казаков, сложившиеся в прошлом, были упразднены. Они продолжали существовать на протяжении всего XVIII в., что нашло отражение в документах Канцелярии войска Донского, относившихся к массовому движению донских казаков 1792–1794 гг. против нарушений традиционного порядка нарядов на службу на Кавказскую линию и переселения на нее казачьих семей.

Представители высшей власти войска Донского имели к тому времени армейские чины, что было закреплено за ними еще по указу от 14 февраля 1775 г. Так, войсковой атаман А. И. Иловайский был генерал-поручиком, войсковой наказной атаман Д. М. Мартынов – генерал-майором. При упоминании этих лиц сложилась формула с упоминанием чина и должности этих лиц с прибавлением оборота «и кавалер», что означало наличие у них орденов и, следовательно, указывало на особые заслуги этого лица. Данная формула употреблялась в разных падежах, в зависимости от контекста документа. Также право на почетный оборот «и кавалер» после чина имел бригадир М. И. Платов. Отдельные донские офицеры также имели военные чины по Табели о рангах. В Войсковой канцелярии служил премьер-майор Е. Астахов. Командующий тремя полками, направленными на Кавказскую линию на смену трем ранее находившимся донским полкам, был также премьер-майор О. Паздеев. В экстракте из Войскового гражданского правительства 1793 г. о выступлении казаков Есауловской и соседних станиц упоминался ряд донских офицеров, имевших армейские чины. Это был подполковник Сычов, секунд-майоры Кузнецов и Небыков, а подполковник Василий Денисов имел дом в станице Нижне-Чирской. В станицу Курмоярскую в

связи с волнениями казаков приезжали генерал-майор Мартынов, бригадир Иловайский и подполковник Манков.

Не все донские офицеры имели, однако, армейские чины по Табели о рангах. Полковниками были командиры трех донских полков Кавказского корпуса, стоявших по Кубани, Луковкин, Кошкин и Паздеев. Однако это не значит, что этот чин соответствовал чину полковника русской армии. В данном случае «полковник» − чин войска Донского, понимавшийся как должность командира казачьего полка. Так, при упоминании донских офицеров, которые назначались во главе трех полков, вышедших на смену полкам, находившимся на Кавказской линии, говорилось, что при походном атамане О. Паздееве во главе полков идут полковники Ф. Ильин, И. Андрианов и Е. Карпов. В другом документе уточняется, что И.Андрианов имел чин войскового старшины. Но об О. Паздееве сказано, что он был премьер-майором, а для полковников армейский чин не был указан. Следовательно, полковники отдельных полков были его подчиненными, и, являясь донскими полковниками по должности, не могли рассматриваться выше армейского секунд-майора.

Все казаки, имевшие донские офицерские чины, считались ниже секунд-майора. Должности сыскного начальника исполняли полковые есаулы, кочетовского – И.Попов, нижнего хоперского – И. Екимов. Полковым есаулом был атаман Нагавской станицы Н.Григорьев. Выше полкового есаула были войсковые есаулы, но разница была, по-видимому, не существенной. Так, посланный в волновавшуюся Тишанскую станицу на Хопре старшина И. Разорителев назван в разных документах есаулом то полковым, то войсковым. Ниже есаулов стояли офицеры, имевшие чины сотников и хорунжих. Так, сотник Т.Попов был посажен в колоду восставшими казаками станицы Есауловской, а хорунжие А. Акользин и Е. Рубилкин принимали участие в выступлении. Хорунжий К. Донсков рассказывал, как в этой станице восставшие казаки раздавали деньги старухам, чтобы они молили за них Бога. В отдельных случаях упоминаются полковые сотники, как, например, атаман восставшей Михайловской станицы К. Матарыгин. Как и чины офицеров регулярной русской армии, чины донских офицеров подразделялись на штаб-офицерские и обер-офицерские.

В качестве рядовых упоминаются лица, называемые казаками. Как правило, в документах об этих событиях они упоминаются поодиночке редко. Обычно говорится о казаках отдельных станиц. Наряду с казаками упоминаются отставные казаки, а также старики (как люди, пользовавшиеся влиянием в станицах). Отставным казаком был назван Никифор Кательников, отец донского историка, писателя и главы секты духоносцев на Дону Евлампия Кательникова. Упоминается также отставной старик, которым был выбранный восставшими в Михайловской станице А. Коротков.

Таким образом, документы, относящиеся к движению на Дону 1792−1794 гг., отразили сосуществование в войске Донском традиционной системы донских казачьих чинов и российских армейских чинов по Табели о

рангах. Войсковое начальство стало получать армейские чины, что позволяло им войти в ряды российского дворянства. Но донские штаб-офицеры остались при своих традиционных чинах. Равенства между чинами российской армии и донскими чинами при этом не было, донские чины были ниже, и поэтому полковники войска Донского соответствовали армейским майорам, в связи с чем, как отмечал известный советский историк донского казачества А. П. Пронштейн, среди донских старшин существовала поговорка: «Нашего полковника произвели в майоры». Это отражало сложность процесса инкорпорации Дона в состав империи и нежелание российских властей расширить доступ в дворянство для донских старшин.

Л.В. Мининкова (Ростов-на-Дону)

Царские родственники в присягах и шертных грамотах второй половины XVII в.

Как указывал В.О. Ключевский, одним из самых серьезных последствий Смуты для сознания русского общества было изменение во взглядах на государство и царскую власть. Так, до Смуты государство рассматривалась в качестве царской вотчины. Однако события Смуты показали, что после пресечения династии государство сохранилось, а выборные цари уже не могли иметь статус вотчинника, или хозяина Русской земли. В массовом русском сознании начинало формироваться представление о государстве не как о царской вотчине, но как о земском, или общенародном явлении.

Эту точку зрения принял и развил историк-юрист Г.Г. Тельберг. По его мнению, такой новый взгляд на государство нашел отражение в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича. Он обращал внимание на некоторые положения из второй главы Уложения. Так, в статье 1 этой главы речь шла о таком преступлении, как умысел «на государьское здоровье». В статье 2 говорилось про «измену» «державе царьского величества». Таким образом, в этих основополагающих статьях, оформлявших усиление царской власти, в качестве объекта преступных замыслов и преступных деяний была особа «царьского величества». При этом никаких царских родственников как объектов преступления в данных статьях не упоминались. Это было, по мнению Тельберга, не случайно. «"Измена государевым детям" как особое политическое преступление», по его мнению, безвозвратно ушла в прошлое. В результате избрания Михаила Романова на земском соборе «власть… была вручена только ему и именно ему», тогда как «все иные члены этого вновь избранного рода не имели к этой власти никакого правового отношения и не могли заявлять на нее ни личных, ни родовых притязаний». Государство, таким образом, уже не рассматривалось как родовая вотчинная собственность, в отношении которой царь как вотчинник имел право делить государства на уделы, а присяга приносилась не только государю, но и его родственникам.

Между тем, изживание традиций вотчинного государства происходило на протяжении царствования первых государей из династии Романовых более сложно и противоречиво, чем это казалось В.О. Ключевскому и Г.Г. Тельбергу. Старые вотчинные понятия в отношении государства оказывались в то время все еще весьма устойчивыми. В частности, это проявлялось в документах, по которым приводились к крестному целованью некоторые окраинные территории государства. Такой территорией, включенной в состав Русского государства в результате подавления Разинского восстания, стала с 1671 г. земля войска Донского. В августе этого года на Дон был послан царский посланник, стольник полковник Г. Косагов, который должен был провести церемонию присяги донских казаков. Из текста этой присяги видно, что казаки присягали не только царю. Среди лиц, относящихся к царствующему дому, которым присягали донские казаки, упоминалась царица Наталья Кирилловна, а также сыновья царя от его первого брака с Марией Ильиничной Милославской, цесаревич Федор Алексеевич и царевич Иван Алексеевич. Кроме того, по тексту присяги казаки целовали крест на верность сестрам царя Алексея Михайловича – царевнам Ирине, Анне и Татьяне. Также они приводились к присяге дочерям царя, царевнам Евдокии, Марфе, Софье, Екатерине и Феодосии. Таким образом, оказывалось так, что донские казаки присягали не только царю, но и всем членам царствующего дома, жившим в то время. Но, кроме того, по тексту присяги упоминалось про «наследников», которых «и впредь великому государю бог даст». Получалось, что данная присяга должна была распространяться на родившегося в следующем, 1672 г., царевича Петра Алексеевича.

Царские родственники упоминались в шертных грамотах калмыцких властителей, которые публиковались современным исследователем русско-калмыцких отношений в XVII в. В.Т. Тепкеевым. В шертной записи 1657 г., которая давалась калмыцкими тайшами Мончаком и Манжи-Ялбо, шерть принималась не только великому государю. Среди лиц, которым шертовали тайши, упоминались царские дети. Тайши шертовали «государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя России, и иным ево государским детям, которых впредь ему, государю, бог даст». По тексту шертной записи распоряжение «идти с своими государевыми ратными людьми на Крым или где его государево повеленье будет» мог отдать не только царь, но и «сын его государев, государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич». Следовательно, из детей царя Алексей выделялся особо. Так же была оформлена шертная запись 1661 г., которую принимал тайша Дайчин и его сын, тайша Мончак. Шерть давалась не только царю Алексею Михайловичу, но и его сыну, «царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу».

Таким образом, в отдельных и весьма важных государственных документах времени царствования Алексея Михайловича, означавших приведение к присяге на верность войска Донского и калмыцких властителей, про-

слеживается юридическая традиция, по которой подданные подводились к присяге не только самому государю, но и членам его семьи. Такая форма, как правильно указывал Г.Г. Тельберг, соответствовала традициям вотчинного государства, существовавшего до Смутного времени. Но в документах XVII в. она появилась не случайно. Упоминание в этих документах наряду с царем имен самых разных царских родственников соответствовало политическому мышлению донских казаков и калмыков того времени, которые не делали различие между государством и вотчиной великого государя, и на свою службу смотрели как на службу всему царскому роду. В их сознании понятие о государе и государстве существовало как единое целое, но понятие о государстве не отделялось также от семьи государя, что и нашло отражение в документах. Поэтому упоминание в этих документах наряду с царем его родственников было не столько пережитком старого вотчинного мышления, сколько отражением некоторых реалий политического сознания того времени.

Е.Ю. Мокерова (Киров)

Кладовый комплекс русских монет XV – начала XVI века из Верхошижемского района Кировской области

В 2014 г. в фонды Кировского областного краеведческого музея поступил комплекс из восьми русских монет XV – начала XVI века, отчеканенных правителями Великого княжества Московского на различных денежных дворах: 1) денга 1446–1462 гг. Василий II (1425–1462); Московский денежный двор (Орешников А.В. Русские монеты до 1547 года. М., 1896. № 671); 2–3) денга 1462–1505 гг. Иван III (1462–1505); Московский денежный двор (Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев, 2006. № 13.1); 4) денга 1478–1505 гг. Иван III (1462–1505); Новгородский денежный двор (Зайцев В.В. Указ. соч. № 108); 5–6) денга 1478–1505 гг. Иван III (1462–1505); Новгородский денежный двор (Зайцев В.В.Указ. соч. № 120); 7) денга 1520-е гг. Василий III (1505–1533); Московский денежный двор (Зайцев В.В. Указ. соч. № 35); 8) денга 1510-е гг. Василий III (1505–1533); Псковский денежный двор (Зайцев В.В. Указ. соч. № 152.2). Данный комплекс монет, можно предположить с большой долей вероятности, – часть клада, более значительного по размерам.

Находка из Верхошижемского района отмечена чистотой состава, т.к. не содержит монет удельных и великих княжеств (кроме Московского) первой половины XV в. Комплекс отражает вероятное соотношение монет по чекану правителей: Василий II – 1, Иван III – 5, Василий III – 2 экз. Близкие пропорции зафиксированы и в двух кладах русских монет XV – начала XVI в., найденных на территории Вятского бассейна в последней трети XIX – начале XX в. (с реки Пимы – 1193 монеты и из деревни 2-й Аршининской – около 400 монет).

Клад датируется приблизительно 1520-ми гг. Монеты были обнаружены в бассейне реки Шижмы - небольшого левого притока реки Вятки. В XV – начале XVI в. этот район входил в состав «Вятской земли» (среднее течение и верховья Вятки), созданной ранее древнерусскими переселенцами. Однако, вероятнее всего, в указанный период эта местность еще была слабо затронута русской колонизацией. Только через 150 лет, в последней четверти XVII в., когда здесь появится Верхошижемская вотчина Вятского епископа, процесс освоения земель русским населением стал происходить более интенсивно.

Редким в бассейне р. Шижмы было и коренное финно-угорское народонаселение, о чем свидетельствуют весьма немногочисленные археологические памятники. Среди местных жителей господствовало натуральное хозяйство, которое давало средства существования практически для всех слоев населения. Таким образом, клад не может быть увязан с местной экономикой и не является моментальным снимком с денежного обращения Вятского края. Захоронение монет носит случайный характер, а сам комплекс, возможно, является купеческим капиталом и связан с торговлей.

Остается открытым вопрос о конкретном месте находки монет в районе и, соответственно, о торговой дороге. Это могла быть второстепенная сухопутная дорога, идущая через «дремучие» леса в бассейне незначительной речки Шижмы (в центре Вятской земли), либо главная торговая водная артерия – река Вятка. В любом случае сухопутные и водные пути Вятского края в XV – начале XVI в. были весьма опасные для людей в силу ряда причин (разбойничество, Вятская земля – своеобразный «проходной двор» для московских и казанских войск и т.п.).

Так же открытым остается вопрос о месте формирования монетного комплекса. XV в. – время борьбы за присоединение Вятской земли (независимого политического и экономического образования с вечевым устройством и военизированным характером; центр – город Хлынов) к Московскому княжеству (единому государству). На Вятке после местной знати вторая по значимости реальная сила – купечество, влияние которого было обусловлено зависимостью от товаров, без которых было трудно обойтись (цветной металл, часть вооружения, некоторые виды продовольствия и пр.) Археологические находки свидетельствуют о торговых связях региона как с русскими землями, так и с Прибалтикой, Поволжьем и Причерноморьем. Вероятно, купцы помогали продавать военную добычу после набегов вятчан на казанские земли, после участия в междоусобицах на русских землях. Из их среды выходили и деятели местной администрации. Основная денежная масса была, вероятнее всего, была сосредоточена в руках небольшого количества знатных людей и купечества.

В 1489 г., после двух походов, своеволие вятчан было сломлено и был произведен «развод»: Все знатные лица Вятской земли с семьями 1 октября 1489 г. были переселены на жительство в новые места и, в частности, вятские торговые люди были переселены в город Дмитров. Их место в Хлынове

заняли новые купцы, приехавшие из центральных русских земель и сохранившие старые связи. Возможно, монетный комплекс был сформирован в казанских землях, где с конца правления Ивана III русские монеты начинают занимать значительную долю местного денежного рынка и ко времени Василия III становятся основной платежной единицей в казанских землях.

Таким образом, предполагаемый владелец транзитного клада или хлыновский купец, купец из центра единого русского государства, либо торговец из казанской округи. Подобная интерпретация находки не противоречит анализу находок и двух других монетных кладов Василия III. Все они являются купеческими капиталами, указывающими на основные направления торговых связей Хлынова – западное и юго-западное (московское) и южное (казанское).

Б.Н. Морозов (Москва)

Поварухины из деревни Поповской Ростовского уезда в XVII – начала XX вв. (Еще раз о методике составления крестьянских родословных)

В современной отечественной генеалогии все большее место занимают работы, посвященные родословиям крестьянских родов, потомками которых является основная часть населения нашей страны. И если в советской историографии про крестьянство писали очень много, то собственно генеалогических работ почти не было (замечательная популярная книга вологодского профессора П.А. Колесникова «Родословие вологодской деревни» 1990 г. скорее была исключением). На первой конференции «Генеалогия» в МГИА 1989 г. (ознаменовавшей возрождение этой дисциплины) крестьянской генеалогии был посвящен только один доклад М.Г. Кротова, о жителях пушкинского подмосковного имения сельца Захарова, содержащий ряд важных методических положений использованных для реконструкции родословий ряда связанных между собой семей (понятие «генеалогического поля» и др.). В 1990-е гг. ряд методических и историографических работ по крестьянской генеалогии был опубликован М.Ф. Прохоровым, они также были основаны на опыте создания родословий жителей конкретных селений, в том числе исторической деревни Фили. В 2000-е гг. стали реализовываться фундаментальные академические проекты по региональной генеалогии, в которых основное место также занимало создание родословий сельского населения, достаточно назвать вышедшие в Екатеринбурге в 2000 г. «Уральскую родословную книгу» под ред. С.В. Конева и А.Г. Мосина и книгу А.Г. Мосина «Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года)» и др. В наше время объем родословий крестьянских родов, созданных их потомками генеалогами-любителями велик, они издаются отдельными книгами, размещаются и обсуждаются в интернете, появились и методические пособия (Петриченко М.Б. Практические рекомендации по

составлению крестьянских родословных. СПб., 2001). Симптоматично, что изучением своих предков занялись и крупные ученые историки (см.: Козлов В.П. «Вышли мы все из деревни…»: поиски методов и источников изучения истории крестьянского рода в Черноземной полосе России в конце XVI–XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции: Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 1. С. 77–87).

Одной из главных трудностей в составлении крестьянских родословий является отсутствие официально зафиксированных фамилий у подавляющего большинства крестьян центральных регионов России (в основном бывших крепостных) вплоть до конца XIX в., в отличие от северных (черносошных, а затем государственных) крестьян, в большинстве писавшихся в документах с фамилиями с начала XVIII в. Автор этих строк (ранее занимавшийся северными крестьянами) получил удачный опыт создания в короткие сроки родословия одного крестьянского рода с XVII в. по традиционным источникам: переписным книгам, ревизиям и исповедальным ведомостям, хотя ни в одном из них фамилия, основанная, очевидно, на древнем прозвище общего предка, не была указана.

Фамилия эта довольно редкая – Поварухины. Ни в «Ономастиконе» С.Б Веселовского, ни в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова она не встречается (у последнего приведена только фамилия Поваров, которую носил и новгородский помещик XVI в., и холмогорский посадский человек XVII в. (СПб., 1903. С. 720)). Но она есть в фундаментальном исследовании Б.-О. Унбегауна «Русские фамилии» (М., 1995. С. 103), причем, ясно, что Унбегаун взял эту фамилию из одного из своих основных источников – адресной книги «Весь Петербург» 1910 г. В ней (С. 668) указаны пять лиц, носящих эту фамилию (забегая вперед, надо отметить, что все они оказались однородцами), но почему-то нет «главного героя», с которого началось нашего исследование, – купца Федора Егоровича (Георгиевича) Поварухина, хотя точно известно, что он давно жил в столице и, очевидно, покровительствовал родственникам (точнее, вел с ними общее дело). Он есть в книгах «Весь Петербург» 1899–1909 и 1911–1913 гг. (Примечательно, что на протяжении этих годов информация о лицах с этой фамилией меняется, как и их число – исчезал и появлялся не только купец – его опять нет в 1914 г., но основные адреса остаются прежними, причем, проживающие по ним чередуются. Изучение этой городской жизни крестьян – тема особой работы).

Петербургский купец Ф.Е. Поварухин оставил о себе память как благотворитель у себя на родине в Ростовском уезде, рядом с храмом Ильи Пророка в селе Ивановском (ныне Борисоглебского района Ярославской области) он и был похоронен в 1917 г. Купец был «пожизненным членом» Вощажниковского благотворительного общества, основанного графом С.Д. Шереметевым и получившим свое название от ростовской вотчины Ше-

реметевых села Вощажниково, пожалованной Петром I фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. Ф.Е. Поварухина упоминают и в современной работе, посвященной духовному центру этого региона – древнему Борисоглебскому монастырю, в которой отмечается, что многие борисоглебские крестьяне «благодаря своему природному уму, предприимчивости и трудолюбию… стали видными представителями русского купечества» и ставят его в один ряд со знаменитыми братьями Елисеевыми, также местными уроженцами (Лапшина С.А. «Труждайтесь на месте сем…» // Московский журнал. 2013. № 5).

Родовым же «гнездом» Поварухиных была деревня Поповская (Поповка), входившая вместе с селом Ивановским в состав старинной вотчины Борисоглебского монастыря (центрами ее в разное время были также соседние села Павловское, затем Давыдовское). По современным устным рассказам фамилия Поварухины была основной для жителей этой деревни, носители других фамилий были пришлыми. Но первая «разведка» показала, что имеющиеся в Ростовском филиале Государственного архива переписные книги VIII–X ревизий Ростовского уезда 1834–1858 гг. и исповедальные ведомости Ильинской церкви 1787–1861 гг. фамилии крестьян не содержат. Соединить с ними сведения о лицах живших в кон. XIX – нач. XX в. казалось бы затруднительно, а другие материалы о местных крестьянах (во втор. пол. XVIII в. экономических, а в XIX в, государственных) в Ростовском архиве практически не отложились (кроме метрических книг). Помощь оказала проведенная недавно компьютеризация справочного аппарата Государственного архива Ярославской области, доступного для поиска в Интернете. В описях были отмечены планы владений двух Поварухиных – крестьянина деревни Поповской Григория Ильича, владевшего в 1840-е землей в сельце Маклакове (расположенном довольно далеко от его деревни), и Александра Федоровича, значившегося в 1889 г. крестьянином, а в 1890-1899 гг. «петербургским мещанином», спорившего о земле с односельчанами (по устной информации – младшего брата купца, служившего у него управляющим, но в адресных книгах он упомянут только один раз в 1913 г.).

Наличие фамилии у одного из крестьян деревни Поповской уже в сер. XIX в. давало перспективу найти его имя в переписях и связать его (очевидно, уже немолодого человека) с предыдущими поколениями. Обращение к исповедальной ведомости Ильинской церкви за памятный для России 1812 г. это подтвердило – там значился крестьянин деревни Поповской Илья Игнатьев, имеющий взрослого женатого сына Григория. Он, в свою очередь, значился в материалах ревизий 1834, 1850 и 1858 г. и не было сомнений, что это Григорий Ильич Поварухин, которому и в 1859 г. межевали землю, того же сельца Маклакова. Теперь уже можно было строить родословие всего потомства Ильи Игнатьевича (кроме Григория у него было еще два сына) и его старшего брата Андрея Игнатьевича (два сына), отраженное в документах Ростовского архива, начиная с исповедальной росписи 1787 г., в которой была записана и их мать – Мария Петровна, родившаяся в 1722 г. (согласно

указанного ее возраста – 65 лет, что, впрочем, всегда вызывает сомнение). Всего в это родословие вошло 84 человека, в том числе 48 мужчин, их 20 жен (естественно их нет у последних поколений 1850-х гг., среди них в переписи 1858 г. был указан и будущий купец Егор 4-х лет) и 18 дочерей. Причем, в черновом виде это родословие было составлено сразу в виде таблиц за несколько дней работы в Ростовском архиве, когда благодаря любезности его сотрудников были получены сразу все материалы ревизий и исповедальные ведомости и проводился их одновременный сравнительный анализ. Конечно, их проверка должна быть осуществлена по заказанным фотокопиям. Особое внимание при этой работе было уделено фиксации возраста, включенных в документы лиц, если у детей он был близок к реальному, то у взрослых зачастую изменялся, причем, в основном у женщин, но не только в сторону уменьшения, но и увеличения. Точные данные о рождениях, браках, и смертях дают, как известно, метрические книги, и из Ильинской церкви села Ивановского они частично сохранились в Ростовском архиве (ф. 312. Оп. 2. № 1201-123 – 1784–1800, 1863–1889 гг.). В первой же из них было обнаружена запись о рождении 4 ноября и крещении 10 ноября 1784 г. упомянутого выше Григория Ильича Поварухина (без фамилии). Но работа с метрическими книгами, из которых желательно брать всю информацию – имена восприемников, свидетелей, священнослужителей, требует значительного времени.

Дальнейший поиск предков жителей деревни Поповская, носивших в кон. XIX – нач. XX в. фамилию Поварухины (она зафиксирована в разных ветвях потомков Ильи Игнатьевича – р. 1754), продолжался в РГАДА. Переписи крестьян Ивановской волости Борисоглебского монастыря (после секуляризации 1764 г. – ведомства Коллегии экономии) сохранились в книгах 1 ревизии 1719–1720 гг. и 3 ревизии 1762–1763 гг. (Ф. 350. Оп. 2. № 2804 и 2824). В момент вступления на престол Екатерина II в 1762 г. в деревне Поповской жили отец Ильи Игнатьевича – Игнатий Иванович (р. 1720) и дед Иван Васильевич (р. 1697) со старшим братом Кузьмой Васильевичем (р. 1694). А в конце царствования Петра I – прадед Василий Меркурьевич (Меркульев) в возрасте 75 лет (что было, как выяснилось, явное преувеличение) с сыновьями Кузьмой и Иваном (в их возрасте также есть разночтения).

История деревни Поповской и ее жителей в XVII в. таит в себе ряд загадок. От этого века сохранились три полных описания Ростовского уезда: писцовая книга 1629–1631 гг., переписные книги 1646 и 1678 гг. Материалы первых двух описаний изданы В.А. Кадиком в 2012 и 2014 гг., а электронный текст подготовленной им к печати книги 1678 г. был любезно предоставлен нам для изучения, как и электронные тексты предыдущих. Это имело важнейшее значение для успешного «удревления» родословной предков Поварухиных (также не имевших в XVII в. никаких особых прозвищ). Дело в том, что деревня Поповская в этих книгах вообще не описывалась. В писцовых материалах 1629–1631 гг., использовавших «дозор» Ростовского уез-

да 1619–1620 гг. значится при селе Ивановском «пустошь Поповское на реке на Кутме, а в ней три места дворовых» (с. 135). Очевидно, что это запустение произошло в Смутное время – «в литовское разорение» (как отмечено для пустого двора в соседней деревне Чухолза). В переписных книгах 1646 и 1678 гг. естественно пустоши не описывались. Откуда же пришли или было переведены крестьяне (такие переводы внутри одной монастырской вотчины обычны) в эту деревню, переписанные в 1 ревизии 1719–1720 гг.? Поиск по электронным текстам описаний сразу дал результаты (для поиска использовался начальная часть имени Меркурий).

В 1678 в Ивановской вотчине Борисоглебского монастыря в деревне Титово описан двор, в котором жили: «Кипрюшка Меркульев, у него братья Васка, Ивашко девяти лет». Нет сомнений, что здесь указан тот же Василий Меркульев, что жил в «восстановленной» деревне Поповской в 1719 г. Неточность, очевидно, есть в передаче его возраста, так же как и его брата Ивана («Ивашки») Меркульева, которому в 1678 г. указано 9 лет (род. в 1669 г.), а когда он описан в той же древне Титово по «сказке» 1719 г., то отмечено, что ему 68 лет (род. в 1651 г.?). Василию Меркульеву в 1719 г. также было не 75 лет (род. в 1644 г.?), поскольку он не попал в опубликованное описание деревни Титовой 1646 г., где жил отец Киприана (Кипрюшки), Василия и Ивана – «Меркушка Филимонов» (с. 109). Там нет и самого Киприана, а тем более младшего Ивашки, но указан другой сын Меркурия Филимонова – «Ванка» – Иван Старший или Большой (обычное в то время употребление одинаковых имен для разных детей). Причем, этот Иван Меркульев также был переселен и жил в 1678 и 1719 гг. в соседней деревне Вертлово. Отца же Меркурия (Меркушки) – Филимона в описании деревни Титово 1629–1631 гг. нет – в ней всего значится пять дворов. Он, очевидно, родился (возможно, еще в конце XVI в.) в другом селении Ивановской вотчины. Найденные в электронном тексте писцовой книг 1629–1631 гг. несколько «Филек» в этой вотчине, конечно, могут быть связаны с ним только гипотетически.

Проведенная работа – только начало исследования большого крестьянского рода. Для определения всех его представителей, которые впоследствии начали носить фамилию Поварухины, или возможно другие фамилии, надо составить родословия всех жителей деревни Поповской. Кроме основных ветвей – потомков Василия Меркурьевича (Меркульева), в ней в 1719 г. жили и другие крестьяне, в том числе также переселенные из деревни Титово. Очевидно, эту работа должна начаться с выявления источников кон. XIX – нач. XX в., содержащих все фамилии (подворных переписей и т.д.).

Л.Е. Морозова (Москва)

Феномен рода Годуновых

В исторической литературе нет единодушного мнения ни о происхождении рода Годуновых, ни о причинах феноменального взлета на престол их

представителя Бориса Федоровича. Попробуем разобраться в некоторых из этих вопросов.

В трудах историков наиболее часто встречается утверждение, что родоначальником Годуновых был ордынский мурза (князь) Чет, выехавший на службу к Ивану Калите в 1330 г. Источником этих сведений являются родословные книги XVII в., дошедшие до нас в нескольких редакциях. Однако С.Б. Веселовский обнаружил, что в Государевом родословце 1555 г. род Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых начинался с Дмитрия Зерно, сына Александра Захарьевича. Поэтому исследователь решил, что версия о родоначальнике Чете – легенда, созданная монахами Ипатьевского монастыря. В реальности же родоначальником Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых был Дмитрий Зерно – костромской вотчинник. А.А. Зимин, рассмотрев аргументы Веселовского, счел их неубедительными, поскольку Государев родословец 1555 г., по его мнению, не отражал окончательный текст этого документа. Он сделал вывод о том, что, поскольку легенда о Чете сохранилась в родовой памяти его потомков, то она имеет исторические корни. Составляя родословие Годуновых, А.А. Зимин взял в качестве источника сведения родословцев о том, что «В лето 1330 прииде ко князю Ивану Даниловичу князь именем Чет, а во крещение имя ему Захарья, а у Захарья сын Александр».

Обращение к летописным источникам позволяет уточнить данные об Александре Зерно. В Ермолинской и ряде других летописей сообщается, что в 1304 г. в Костроме было собрано вече, в ходе которого был убит боярин Александр Зерно. Получается, что один из предков Годуновых – Александр Зерно, в конце XIII – начале XIV вв. был костромским боярином, но в 1304 г. погиб. Попробуем разобраться, кем были упомянутые в летописях костромские бояре, и почему между ними в 1304 г. произошел конфликт.

Боярство в Костроме появилось в период правления (с 1246 по 1276 гг.) в этом городе младшего сына великого князя Ярослава Всеволодовича – Василия. В 1272 г. он даже стал великим князем Владимирским, а его бояре перешли в статус великокняжеских, но ненадолго, поскольку в 1276 г. бездетный князь скончался. Кострома, как выморочное владение, была присоединена к великокняжеским землям. Править в городе стали сыновья великого князя Дмитрия Александровича, сначала – Александр, а после его смерти – Иван. В 1294 г. новый великий князь Андрей Александрович послал Кострому сына Бориса, который в 1302 г. скончался.

В 1304 г. Андрей Александрович тоже умер, а его бояре из Городца отправились в Тверь, полагая, что новым великим князем станет тверской князь Михаил Ярославич. Однако в это время бороться за великокняжеский ярлык решил и московский князь Юрий Данилович. Предварительно он отправил в Кострому своего брата Бориса. Тому, правда, не удалось закрепиться в городе, поскольку тверские бояре его арестовали.

Борьба двух претендентов за владимирский престол отразилась и на ситуации в Костроме. Часть бояр, судя по всему, захотела служить тверскому князю, а часть – московскому. Александр Зерно, очевидно, был на стороне Юрия Даниловича, и за это был убит. Власть в городе перешла к тверским наместникам.

В итоге исторически сложилось так, что, хотя костромские бояре и стали считаться великокняжескими, их статус был ниже бояр столичных городов из-за того, что они служили не самим верховным правителям, а их сыновьям.

О службе сына Александра Зерно – Дмитрия данных в летописях нет. Исследователи, начиная с Н.М. Карамзина, считают, что его сын Константин Дмитриевич подписывал в 1406 г. духовную грамоту великого князя Василия I. Однако в самом документе нет никаких указаний на то, что боярин Константин Дмитриевич, поставивший свою подпись вторым, был сыном Дмитрия Зерно. Первым подписал документ князь Юрий Иванович, которого можно отождествить с сыном великого князя Тверского Ивана Михайловича и его первой супруги Марии Кейстутовны, тетки великой княгини Софьи Витовтовны. После второго брака отца он мог переехать в Москву. Далее значится подпись Константина Дмитриевича также без каких-либо пояснений, кем он был. Учитывая невысокий статус костромских бояр по сравнению с московскими чинами, трудно предположить, что им был Константин Зерно, второй сын Дмитрия Александровича. Ведь за ним идут подписи известных московских бояр: Ивана Дмитриевича – сына Дмитрия Всеволожа, Ивана Федоровича Кошкина и его брата Федора Федоровича Голтяева.

На основе летописных данных и сведений из родословцев можно построить следующую генеалогию предков Годуновых до XV в.

1. Костромской боярин Александр Зерно, убит в 1304 г., сын Захария.

2. Дмитрий, сын Александра. С 1328 г. мог служить сыну Ивана Калиты Семену. В 1330 г., согласно родовой легенде, Дмитрий Зерно переехал в Москву. У него было три сына: Иван Красный, Константин Шея и Дмитрий.

3. От Ивана Красного, по данным родословцев, пошли сразу две ветви: Сабуровы и Годуновы. От Дмитрия – Вельяминовы-Зерновы. У Ивана Красного было три сына: Федор по прозвищу Сабур (название растения), Даниил Подольный и Иван по прозвищу Годун (воспитанник или приемыш). Сведений об их службе в источниках нет.

4. Федор Иванович Сабур, по мнению Веселовского, во второй половине XIV в. был боярином, но сведений и о его службе нет.

В летописях за период XV в. обнаруживаются данные только о трех сыновьях Федора Сабура: Михаиле, Семене и Василии. Михаил в середине века находился на службе у двоюродного брата и соперника великого князя Василия II – удельного князя Дмитрия Шемяки. В 1447 г. ему было поручено привезти в Москву из плена великую княгиню Софью Витовтовну. Боярин справился с этим делом и остался в окружении Софьи Витовтовны. Перед смертью он завещал ей и великой княгине Марии Ярославне свои села.

Его брат Василий Федорович вошел в окружение наследника престола Ивана, а второй брат Семен Федорович – удельного князя Андрея Меньшого.

Эта служба Сабуровых – не самому великому князю, а его родственникам, полностью согласуется с нашим выводом о том, какое место должны были занять костромские бояре при московском дворе в первое время. В последующем за свою службу они могли возвыситься.

В 1478 г. Семен Федорович, по прозвищу Пешек, уже боярин и дворецкий великой княгини Марии Ярославны, возглавлял ее полки во время похода на Новгород. Сын Семена Пешека Дмитрий стал дворецким дочери Ивана III Елены, выданной в 1495 г. замуж за великого князя Литовского Александра, внук Василий – ее стольником.

Служба бояр Сабуровых великим княгиням, видимо, и стала основанием того, что невеста для наследника престола Василия Ивановича была выбрана из их рода. В 1505 г. женой будущего великого князя Василия III стала Соломония Юрьевна Сабурова, а все представители ее рода вошли в родственный круг государя. Отец Юрий Константинович сначала стал окольничим, а потом и боярином. Дядя Андрей Васильевич в 1509 г. стал окольничим и видным воеводой, в 1531 г. получил боярство.

Брак Василия III с Соломонией Сабуровой помог представителям ее рода начать службу уже при великокняжеском дворе. В это время назначения на воинскую службу стали получать и Годуновы. Они во главе основных полков и считаются выше князей Елецких, Засекиных, Волконских, Ушатых, дворян Салтыковых, Плещеевых, Бороздиных.

Затем в службе Годуновых, как и Сабуровых, наступает перерыв, связанный с разводом государя с Соломонией. Вновь их имена появляются в разрядных книгах с 1531 г. после рождения у Василия III наследника. Получается, что карьера Сабуровых и Годуновых была напрямую связана с событиями в великокняжеской семье: женитьбой, разводом, рождением наследника. Все это происходило задолго до учреждения опричнины, с которой многие исследователи связывают взлет Годуновых

Следующий этап в служебной карьере Годуновых начался в период самостоятельного правления Ивана Грозного. Сев на престол, молодой царь начал окружать себя родственниками, в числе которых были и Сабуровы с Годуновыми. Уже с 1547 г. они стали получать назначения на воеводскую службу в полки и города.

Б.Ф. Годунов начал служить в 1567 г. стряпчим Постельного приказа, который возглавлял его дядя Дмитрий Иванович. Затем вместе с двоюродными и троюродными братьями он вошел в свиту царевича Ивана Ивановича в должности рынды. Используя успехи в воинской службе своих предков в начале XVI в., он смог занять среди московской знати достаточно высокое место – выше князей Сицких, Хворостининых Курлятевых, дворян Бутурлиных, Воронцовых, В.И. Умного-Колычева, Салтыковых.

Возвышению Годуновых и Сабуровых в это время способствовал и брак ца-

ревича Ивана Ивановича с Евдокией Богдановной Сабуровой, заключенный в ноябре 1571 г. Кроме того, приблизительно с 1561 г. дядькой царевича Федора начал служить троюродный брат Бориса – Г.В.Годунов. Именно он, судя по всему, и сосватал в жены Федору свою родственницу Ирину. Это произошло, видимо в 1577 г., когда Д.И.Годунов получил боярство, а Борис стал кравчим.

Годуновы, как государевы родственники, получили двор в Кремле, который раньше принадлежал Владимиру Старицкому. Об их близости к Ивану Грозному наглядно свидетельствует роспись царской свадьбы с Марфой Собакиной в октябре 1572 г. В дружках у царя значились И.И. Сабуров с К.В. Собакиным. В дружках у невесты – Б.Ф. Годунов с М.Л. Скуратовым. В свахах царя и невесты – их жены.

Все дружки – родственники царя, даже М.Л. Скуратов – тесть двоюродного брата Ивана Грозного И.М. Глинского. Всего же в этой свадьбе приняли участие 13 Собакиных, 8 Сабуровых и 4 Годуновых. Борис с дядей Дмитрием Ивановичем участвовали и в свадьбе царя с Анной Колтовской в 1572 г., и с Анной Васильчиковой в 1574 г. Причем Борис даже был дружкой самого царя, а Дмитрий Иванович сидел за столом с боярами.

На свадьбе с Марией Нагой в 1580 г. Годуновых уже четверо, но Борис – только дружка невесты, хотя и с боярским чином. За почетным столом сидели трое представителей его рода: Дмитрий Иванович, Степан и Иван Васильевичи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что взлету Годуновых способствовало их родство с государями через браки с представительницами их рода. После женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой Годуновы стали назначаться на воеводские должности в полки, при Иване Грозном им удалось получить незначительные придворные должности. Женитьба царевича Ивана на Евдокии Сабуровой еще больше приблизила Годуновых к царской семье – они стали участниками царских свадеб. Брак царевича Федора с Ириной Годуновой привел к карьерному росту сразу нескольких Годуновых. В итоге на момент прихода Федора Ивановича к власти вокруг него уже сформировалось окружение, состоящее из Годуновых. Помогая царю успешно править, они плотной стеной окружили его престол, а после его бездетной кончины посадили на трон своего наиболее подходящего ставленника – брата царицы Бориса Федоровича.

М.С. Мостовенко (Сургут)

Традиционное природопользование: от модернизации к сохранению (теоретический аспект)

Одной из форм взаимодействия человека и природы в прошлом является система традиционного природопользования, основанная на использовании биологических ресурсов. Стоит отметить что в таком случае окружающая среда воспринимается лишь как объект государственного управления.

Именно ресурсы служили причиной большинства конфликтов в человеческой истории. Обширные пастбища, богатые охотничьей добычей и дре-

весиной леса, наполненные рыбой реки и озера, наряду с территорией были основным объектом притязания государственных притязаний.

Развитие системы природопользования является одной из основных задач государства. Для него природа не только выступает в качестве поставщика ресурсов, но и является объектом политики. Так, согласно мнению немецкого экологического историка Йоахима Радкау, «экологические вопросы использования воды и леса очень рано стали частью большой политики – их брали под свой контроль высшие инстанции… Охрана вод и лесов издавна давала властям возможность управления сверху, именно она породила представление об окружающей среде как общем достоянии, нуждающемся в защите от частной корысти» (Радкау Й. Природа и власть. М., 2014. С. 122). Во многом именно лозунг защиты природы и биологических ресурсов от их истребления декларировался как основа государственной политики по отношению к природе. Кроме того, государственные деятели в данном случае не только заботились о сохранности используемых ресурсов, но и выступали от имени природы, «заботясь о ней».

Напоминая о государственном взгляде на использование природных ресурсов нельзя не сказать и о том, что «политизация экологических проблем способствовала накоплению экологического знания, однако крайне редко администрации проявляли внимание к окружающей среде бескорыстно, обычно они это делали для интенсификации пользования» (Там же). Вместе с тем, «природа» в государственном понимании часто выступала «элементом стратегий роста, например, в представлении о «природных богатствах» страны, которые ещё предстоит разведать» (Там же. С. 253), становясь, таким образом, лишь инструментом в руках государства.

В особенности это касается индустриального подхода к освоению ресурсов. И тут важное место занимает традиционное природопользование, поскольку на его основе значительно легче создать промышленный комплекс (Мостовенко М.С. Биологические ресурсы как основа индустриального развития Севера Западной Сибири // Экология и природопользование в Югре: мат-лы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию кафедры экологии СурГУ (Сургут 24–25 октября 2014 г.). Сургут. Гос. ун-т ХМАО – Югры. Сургут, 2014. С. 41–43). Стремясь извлечь максимальную прибыль от использования того или иного вида биологических ресурсов, государством принимает меры, направленные на модернизацию данной системы, заключающиеся, прежде всего, в изменении подходов к использованию ресурсов (переход от разрозненных хозяйств к централизованной системе получения ресурса, совершенствование технологического процесса и т.д.).

В целом для государства важна в первую очередь «ресурсность» природы. Изменение парадигмы природопользования зачастую обусловливается не только изменением рыночной структуры, но и «деградацией» используемых ресурсов в связи с переходом на более эффективный ресурс. Таким образом, с точки зрения государства, благодаря модернизации, происходит переход от

«деградирующего ресурса» к «эволюционному», т.е. более совершенному, а ранее используемые ресурсы становятся объектом сохранения.

В условиях индустриального развития окружающая среда испытывает высокую антропогенную нагрузку, что приводит не только к «деградации» ресурса в экономическом и в биологическом смысле значении, но и к осознанию необходимости его защиты.

Появление возможности «сохранения» ресурса привело к внутреннему разногласию между научным сообществом и сторонниками окружающей среды. Научное сообщество выступало за «сохранение природных ресурсов (conservation), то есть за «их рациональное использование». Сторонники же «охраны природы» (preservation) занимали позицию защиты природы от любой эксплуатации (Борейко В. История охраны дикой природы в США. Киев, С. 230). В этой связи заметим, что в российских условиях доминировала идея «сохранения природных ресурсов».

В заключение можно сделать вывод о том, что в государственном измерении природа нередко становится одним из основных элементов развития. Впрочем, возникают и ситуации, когда ранее используемый ресурс со временем теряет свою экономическую значимость и переходит в категорию охраняемого природного объекта.

Л.В. Мошкова (Москва)

«Говорящий формат» или Грамоты с претензией*

1. Изучение формата русских документов XV – первой трети XVI в., несомненно, является одной из задач актовой археографии. Однако принятое в фундаментальных публикациях указание формата двумя числами не вызывает у исследователя никакого зрительного образа, мешая увидеть за сухими цифрами определенную проблему для изучения.

2. Самые ранние частные акты из ф. 281 РГАДА, которые датируются до 1427 г., написаны на небольших кусочках бумаги: формат Данной Евсея 16,2х5 см (Ф. 281. № 714); Данной Харлама Мортки больше – 15х9,5 см, но ее оформлял книгописец Христофор (Ф. 281. № 741); Данной Ивана Репеха – 14,6 х 5 см (Ф. 281. № 12837). Даже княжеские жалованные невелики по размеру: их высота колеблется в пределах 12−17,7 см при ширине 14,6−15,5 см (Ф. 281. № 8726, 8727, 8759, 12838). Это явно свидетельствует об ориентации на «предыдущий» писчий материал – пергамен, который был достаточно дорог (могла ли использоваться для фиксации сделок береста – вопрос открытый). По мнению А.Л. Грязнова, тем самым сохранялась преемственность облика с более ранними актами. «Малоформатные» частные акты встречаются и во второй-третьей четвертях XV в., а самая поздняя подобная грамота – Поступная («дерная») запись 1515 г. размером 13,8х7 см (Ф. 281. № 4083).

3. Даже в грамотах вел. кн. Василия Васильевича (1430-е – 1462 гг.) явно проглядывает желание сэкономить писчий материал: они написаны практиче-

ски без полей достаточно мелкими почерками (см., например: Ф. 281. № 1109, 1110, 1123, 1130, 1137). А одна из них – Жалованная грамота игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану – форматом (15,2х6,7 см) больше напоминает частные акты (ф. 281, № 1124). Кстати, из двух грамот кн. Д.Ю. Шемяки 1440 г. одна написана «экономно», т.е. в русле старой традиции (Ф. 281. № 1120), но другая демонстрирует иную культуру оформления акта: поля шире, почерк крупнее, помимо этого указана дата (Ф. 281. № 1107).

4. В жалованных грамотах, выданных вел. кн. Василием Ивановичем, явно прослеживается тенденция увеличения ширины документа: из 34 актов 18 по ширине больше 16 см, из них 6 – превышают 24 см, т.е. приближаются к формату развернутого листа бумаги.

5. Документы частных лиц имеют, как правило, столбцовый формат (даже если содержат текст, значительный по объему). Так, размер Купчей с отводом Анны Тарбеевой жены Скрипицыной Балуевой 1510/ г. составляет 33,7х14,8 см (Ф. 281. № 8773); Купчей с отводом Федора Некраса Микитина сына Шерятского 1518 г. – 31,2х14,3 см (Ф. 281. № 6705); Деловой записи Арины Григорьевой жены Семенова сына Полозова 1522 г. – 36,4х14,4 см (Ф. 281. № 6708); Данной с отводом Сидора Ртищи Васильева сына Александрова 1532/1533 г. – 40,5х14,5 см (Ф. 281. № 2421).

На этом фоне выделяется Данная с отводом Варвары, жены Юрия Дмитриевича Траханиота, с сыновьями Василием, Иваном и Захарием Чудову монастырю 1526/1527 г. (Ф. 281. № 7154). Формат грамоты 51х30,7 см, т.е. написана она на развернутом листе бумаги. Послухи в тексте не упоминаются (!), но на лицевой стороне располагается подпись Василия Юрьевича Траханиота, а на обороте двух его братьев – Ивана и Захария (почерки всех братьев вполне русские, без какого-либо влияния греческой графики). Конечно, формат грамоты во многом определялся размером текста: в данном случае описание отвода занимает очень много места, поскольку подробное определение межи страховало обе стороны от последующих споров и конфликтов. Но, тем не менее, по внешнему облику Данная больше напоминает княжеский акт, чем частный. Об этом (помимо формата) может свидетельствовать отсутствие послухов (при оформлении данных их участие обязательно), именование Василия в подписи с «вичем» (братья называют себя только по имени). Известно, что приехавшие в Москву вместе с Софьей Палеолог Юрий и Дмитрий Траханиоты – представители византийского аристократического рода, их отцом был Мануил Траханиот Буллотес, один из советников императора Иоанна VII (см.: Флоря Б.Н. Греки – эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през Средновековието. София, 1982. С. 124). В России члены этой семьи титула не имели, но свою принадлежность к знатной фамилии ощущали и помнили. Но, вероятно, не только это повлияло на внешний вид грамоты. Полагаю, здесь уместнее говорить в большей степени об ориентации на престижные образ-

цы, чем на объем текста, который лишь отчасти определял формат документа (ср. выше).

Можно привести и другой пример «большеформатного» акта. Купчая с отводом келаря Иосифо-Волоколамского монастыря Селивана, казначея Геласия и старца Герасима Ленкова 1517/1518 г. (Ф. 281. № 2410) также написана на развернутом листе бумаги (33,2х29,3 см). Но в тексте упоминаются 11 послухов, а на обороте две подписи продавцов и рукоприкладства 7 послухов.

Однако, данные или купчие с отводом, написанные на «большом» листе составляют явное меньшинство: из 8 подобных данных грамот XVI в. только 3 по размеру приближаются к развернутому листу; а из 16 купчих – 2 (одна пергаменная). Последний акт – единственная купчая «на харатьи» среди всех просмотренных актов XV – первой трети XVI в. из фонда «Грамоты Коллегии экономии» (Ф. 281. № 8803). Ее формат 41,5х30 см. Что заставило игумена Даниила и старцев монастыря «Пречистой и Всех святых с посада в Переславле» в 1526/1527 г. так роскошно оформить покупку и отвод земли у представителей семьи Корсаковых, можно только догадываться. Возможно, этот писчий материал представлялся им более престижным и долговечным, а написанная на нем грамота приобретала дополнительный вес (становилась «нерушимой»), хотя акт заверен в соответствии с принятыми нормами не только пятью рукоприкладствами, но и подписями продавцов.

Сказанное выше является первой попыткой изложить наблюдения об изменении формата русских актов XV – первой трети XVI в., сделанные в процессе изучения неподлинных грамот. Полагаю, что разработку этой темы можно продолжить.

* Работа подготовлена в рамках грантов РГНФ № 13-01-00063 и № 16-01-50058.

В.В. Мурзин-Гундоров (Москва)

Некрополь Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря: уточнение к родословной росписи первой линии третьей ветви князей Мещерских

В некрополе Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря сохранились несколько фамильных захоронений представителей княжеского рода Мещерских. В своей работе мы делаем попытку обосновать принадлежность этих лиц к 1-й линии 3-й ветви рода, обосновав причину появления захоронений этих лиц в монастырском некрополе. Выводы основаны на данных генеалогических таблиц, росписях и других источниках (Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887. С. 29–55, 873, 874; Гребельский П.Х., Думин С.В. Дворянские роды Российской империи. Т. 3. Князья. // под ред. Думина С.В. М., 1996. С. 104–110).

Из лиц этой фамилии атрибутированы четыре женских погребения: княжны Марии Михайловны Мещерской (†20.05.1771); княжны Ирины Ми-

хайловны Мещерской († между 1771–1783 гг.); княгини Марфы Петровны Мещерской († 07.03.1772, перезахороненной в некрополь 02.1773); княжны Анны Юрьевны Мещерской (†1788) (МВК МО «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–3; Ф. 1. Оп. 1. Л. 105 [опись]; Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. М., 2006. С. 182, 183, 287, 388, 392). Реальное число захороненных из этой семьи может быть больше.

Публикация предполагает рассмотреть два погребения Мещерских, на примере родных сестёр княжон М.М и И.М. Мещерских.

В родословиях XIX в. мы не сумели найти упоминания о княжне М.М. Мещерской (Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1855. Ч. II. С. 24–25; 1857. Ч. IV. С. 421; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887. С. 29–55, 873, 874; Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 1. М., 1991. С. 382–384). В русских родословиях имена жён, женских отпрысков, как и умерших младенцев плохо известны, их не всегда учитывали. Можно предположить, что её отцом был помещик Волоколамского уезда (1712), князь Михаил Иванович Мещерский. А его женой была княгиня Екатерина Васильевна († после 1749), урождённая Юшкова, дочь погребённых в монастыре Василия Алексеевича и Татьяны Михайловны (урожд. Борщовой, инокиня Московского Вознесенского монастыря).

Мотивацией приобщения князей Мещерских к подмосковному Новому Иерусалиму, можно проследить и по родству с 19-м настоятелем Воскресенского монастыря (1727–до 1736) архимандритом Мелхиседеком I (Матвеем Михайловичем Борщовым), братом Т.М. Юшковой. Интригует, что в рукописи архимандрита Аполлоса Байбакова, фамилия Мелхиседека I – «Мещерский» (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1762. Л. 25).

Свидетельство захоронения княжны М.М. Мещерской мы находим в упоминании об утраченном надгробии. Медная литая таблица располагалась в нише восточной наружной стены алтарной части соборного придела храма Успения. Это подтверждает рукопись архимандрита Аполлоса Байбакова: «…погребена в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре против Воскресения Господня близ алтаря и против сей таблицы» (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1762. Л. 33 об.).

Возможно, наименование княжны именно Ириной Михайловной не было ошибкой переписчика, и среди монастырских захоронений существовало захоронение княжны И.М. Мещерской – родной сестры княжны М.М. Мещерской (Шереметьевский В.В. Русский провинциальный некрополь великого князя Николая Михайловича. Т. 1. М., 1914. С. 549). Не исключено, что это сохранившееся анонимное надгробие с частично утраченным текстом. Г.М. Зеленская и А.В. Святославский, не обращая внимания на дату 15, приписывают его М.М. Мещерской. В пользу версии как существования самой княжны, так и её смерти и возможного погребения в монастырском некрополе до 1783 года говорит документ о поминании лиц из рода Самариных. В

тексте умершие внесены по факту смерти. Имя княжны Ирины стоит после княжны Марии, одно из последних в списке – имя их матери княгини Екатерины. В документе есть пояснение, что часть из упомянутых были похоронены в монастыре. Мы не может исключать, что и княгиня Е.В. Мещерская могла также быть упокоена в обители. Поминальная запись рода Самариных содержит ряд и других известных имён, Василий и Татиана (Юшковы), Фёдор и Мария (Наумовы). Помимо дочери, княгини Е.В. Мещерской, у Юшковых, были ещё две, И.В. Алексеева (†04.05.1776), и П.В. Самарина (†04.02.1799), упокоенные в обители. Именно Юшковы предопределили появление некрополей князей Мещерских и дворян Самариных с потомством (МВК МО «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. С. 128 [опись]; Д. 507. Л. 1; Д. 389. Л. 2).

В начале списка – имена Преосвященного Архиепископа Стефана и Архимандрита Мелхиседека. По поводу архиепископа Стефана, в 1658 г. рукоположенного патриархом Никоном в архиепископа Суздальского, существует мнение архимандрита Леонида Кавелина, что он скончался в монастыре и был погребён на братском кладбище. Это противоречит мнению Г.М. Зеленской, отрицающей возможность его захоронения в монастыре. Отсутствие данных о его происхождении, также оставляет открытым вопрос о его родстве с кланом Самариных.

Княжеская чета М.И. и Е.В. Мещерских в росписи указана, как не оставившая потомства. Подобное определение в справочной генеалогической литературе указывает на отсутствие прямых мужских наследников, что не исключает наличие женского потомства, которым могли пренебречь родственники при родословном счёте. Поэтому можно допустить, что погребённая княжна М.М. Мещерская, как и её сестра, княжна И.М. Мещерская с большой долей вероятности являются дочерями княгини Е.В. и князя М.И. Мещерских, а значит и внучкой В.А. и Т.М. Юшковых, племянницей П.В. и И.М. Самариных и И.В. Алексеевой, и внучатыми племянницами архимандрита Мелхиседека I. Отчего их место в семейном некрополе выглядит закономерным.

Л.П. Муромцева (Москва)

Архивные собрания российской эмиграции как источник по истории России

В системе историко-культурной деятельности российской эмиграции одно из центральных мест занимают архивные учреждения, создание которых являлось наиболее эффективной формой собирания и сохранения дореволюционного и эмигрантского исторического наследия.

Культурная и научно-информационная роль архивного дела прекрасно осознавалась эмигрантской интеллигенцией, в составе которой были видные представители российской исторической науки, в том числе, архивисты, археографы, источниковеды. Архивным документам, отражавшим события

периода революции и Гражданской войны в России 1917–1922 гг., лидеры российской эмиграции придавали также важное общественно-политическое значение в идеологической борьбе с режимом большевиков. Исторические документы должны были обеспечить в будущем воссоздание объективной картины этой трагической эпохи в отечественной истории, донести до потомков информацию о личностях и судьбах российских эмигрантов. С постепенным осознанием эмигрантами постоянства собственного пребывания за границей была выдвинута идея создания зарубежного архива всей русской эмиграции.

Русский Заграничный исторический архив (далее – РЗИА) был образован на основании постановления Комитета Земгора в Чехословакии в феврале 1923 г. (ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 42. Л. 3). Комплектование РЗИА носило организованный характер и осуществлялось через представителей архива, работавших к концу 1920-х гг. во многих странах Европы, Китае и США (ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 21. Л. 12). Принципы деятельности архива определялись, прежде всего, идеей историко-культурной миссии эмиграции (ГАРФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 36. Л. 16).

Руководство РЗИА демонстрировало широкий научный подход к тематике собираемого материала, его исторической значимости, комплектуя фонды независимо от идейно-политических взглядов и направления деятельности фондообразователей. Авторитет РЗИА обусловил возможность практически планового комплектования его фондов материалами эмигрантских воинских обществ и союзов, которые передавались архиву на основании приказа председателя Русского Обще-Воинского Союза (далее – РОВС) генерала П Н. Миллера от 10 июня 1930 г.

С 31 марта 1928 г. РЗИА был принят в ведение МИД ЧСР, что в определенной степени укрепило положение архива в условиях свертывания «Русской акции». При этом передача в собрание РЗИА фондов российских эмигрантских организаций и личных архивов продолжалась на безвозмездной основе вплоть до 1945 г.

Одним из наиболее ценных и крупных архивных собраний российского зарубежья в межвоенный период являлся Донской казачий архив, формирование которого началось в Новочеркасске в 1917 г. Он был вывезен командованием Донского казачьего войска сначала в Константинополь, затем в Белград, а в 1925 г. в Прагу, где получил помещение в одном здании с РЗИА, с которым впоследствии объединился.

Кубанский заграничный архив, основанный в 1925 г. Обществом кубанцев в Праге, а затем перешедший в ведение Кубанского Комитета, с 1929 г. размещался в одном здании с РЗИА, но в отличие от Донского архива, сохранил независимость от властей ЧСР. Вместе с историческими реликвиями Кубанского казачества он был в основном вывезен после окончания Второй мировой войны в США, где вошел в состав Кубанского войскового музея в г. Ховелл (штат Нью-Джерси) (Ратушняк О.В. Источники по истории каза-

чьего кубанского зарубежья // Казачество России: история и современность. Краснодар, 2002).

Следует также упомянуть и действовавшие в Праге в межвоенные годы Украинский Народный Музей-архив и Белорусский Заграничный архив, которые впоследствии составили Славянский архив в ЧСР (Муромцева Л.П. Архивные и музейные собрания украинской эмиграции в межвоенной Чехословакии // И.С. Шмелев в контексте славянской культуры. Сб. материалов. Алушта, 1999. С. 184–189).

Во Франции размещались Архив русских войск во Франции (1915–1920 гг.), взятый на хранение Французским военным министерством (ныне в составе французского Военного архива – SHAT), и архив Славянской библиотеки, основанной русскими иезуитами в 1855 г. и действующей до настоящего времени в Медоне (пригород Парижа). Собиранием документов по истории русского флота занимался Военно-морской исторический кружок в Париже.

В Германии в 1920–1930-е гг. продолжал существовать «Русский социал-демократический архив», основанный в начале 1910-х годов князем И.Д. Бебутовым, вывезенный в 1933 г. в Париж как официально приобретенное Национальной библиотекой Франции. Русский архив и библиотека были захвачены вместе с другими культурными ценностями во время оккупации Парижа и впоследствии исчезли (кроме части документов, которые удалось переправить за границу).

Архивно-исторический музей имелся в структуре Музея русской конницы в Белграде, который собирал разнообразные материалы по истории Гражданской войны и Белого движения, в том числе, фотографии, альбомы, описания боевых действий, дневники, мемуары, полковые песни, стихи, списки георгиевских кавалеров, списки убитых и раненых, открытки и книги.

25 сентября 1927 г. в Болгарии было основано общество «Музей и Архив русской зарубежной жизни». В начале 1930-х гг. его сотрудниками была сформирована коллекции архивных документов и фотографий, перешедшая затем в ведение «Варненского Археологического общества». Примером комплексного подхода к собиранию историко-культурных материалов стали Русский культурно-исторический музей в Праге, Музей и архив Общества «Родина» в США, коллекции Музея русской культуры в Сан-Франциско, которые имели в своем составе архивные отделы. После утраты российской эмиграцией РЗИА, вывезенного в СССР, и одновременно – окончательного краха надежд на падение режима большевиков и возвращения на родину, создание центров музейно-архивного строительства в США было воспринято с энтузиазмом российскими эмигрантами по всему миру. Так, Музею русской культуры в Сан-Франциско в 1948–1952 гг. было передано свыше 30 архивов частных лиц и учреждений (Бакич О. Бюллетень Музея Русской культуры в Сан-Франциско. Наше пятидесятилетие // Россияне в Азии. Торонто,1998. № 5. С. 265).

Кроме того, финансовые и организационные возможности российской эмиграции в области собирания и хранения исторических памятников значительно сократились. Напротив, интерес иностранной советологической науки и политических структур к историко-культурному наследию эмиграции возрастал. В этих условиях многие эмигрантские архивы, музеи и библиотеки передавали свои собрания в иностранные хранилища. Позднее туда поступали личные архивы политической эмиграции 1950−1980-х гг., различные документы, вывезенные из СССР, советская пресса и другая печатная продукция. Россика в собраниях иностранных архивов, библиотек, научных центров стала одним из наиболее ценных компонентов историко-культурного наследия российской эмиграции в мире. (Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россика: география размещения, выявление, публикация источников. М., 2014).

В 1990–2000-е гг. наблюдается процесс информационного выделения архивных комплексов в структуре российских зарубежных историко-культурных центров и установление связей между ними и крупными иностранными и российскими архивами, в том числе, микрофильмирование эмигрантских архивов и перевод их на электронные носители с передачей копий в профильные архивохранилища. (Гуверовский институт: микрофильмирование и организация справочно-поискового аппарата к коллекциям Музея русской культуры в Сан-Франциско. Сан-Франциско, 2000).

Этот процесс был связан с ростом интереса, прежде всего, российской научной общественности к историко-документальному наследию зарубежной России, изучению ее истории и культуры по первоисточникам. С другой стороны, в конце XX – нач. XXI в. сложилась достаточно тревожная ситуация с сохранностью общественных и частных архивных собраний российского зарубежья, что дополнительно привлекает к ним внимание культурных сил России, зарубежных соотечественников и иностранных ученых-русистов.

Коллекции зарубежной архивной россики в настоящий момент остаются в значительной степени не освоенным резервуаром уникальной информации об истории и культуре российской эмиграции. При этом сам факт наличия данных собраний, в иностранных архивах, библиотеках, научных центрах является элементом цивилизационного влияния российского зарубежья в мире, о чем свидетельствует и рост интереса к ним со стороны и российских, и иностранных специалистов.

В.В. Незговорова (Санкт-Петербург)

Памяти 1 марта 1881 года: документы из собрания музея лейб-гвардии Сапёрного батальона

135 лет назад, 1 марта 1881 г., Россия была потрясена страшной вестью: в центре столицы, среди бела дня был смертельно ранен император Александр II. «Деяние, возмутительное в нравственном и безумное в политическом отношении, свершилось!.. Мы переживаем век, который составляет

как бы возрождение явлений низшей культуры. Извращенная в своих формах политическая борьба приводит к чудовищным последствиям», – отмечалось в московском журнале «Юридический вестник» за апрель 1881 г. (Цит. по: 1 марта 1881 года. Труды кружка народовольцев при о-ве политкаторжан и ссыльнопоселенцев / Сост. Якимова-Диковская А.В., Фроленко М.Ф. и др. М., 1933. С. 20). Действительно, эта трагедия стала вехой отечественной истории и на многие десятилетия предопределила внутриполитическое развитие страны.

Драматическим событиям 1 марта посвящена обширная литература: многочисленные материалы столичной прессы, опубликованные «по горячим следам», воспоминания участников и свидетелей, мемуары современников, исследования... Наиболее полно библиография этого вопроса представлена в справочнике Ю.А. Кузьмина «Российская императорская фамилия» (Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия. Биобиблиографический справочник. Изд. 2-е. СПб., 2011. С. 78–88).

В сообщении рассматриваются не публиковавшиеся ранее документы о событиях 1 марта 1881 г. из собрания музея лейб-гвардии Сапёрного батальона.

В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится обтянутая чёрным муаром папка с тиснёным текстом «1 марта 1881 года». В папке – две записки с воспоминаниями о последних минутах жизни Александра II, уведомления о дежурстве у гроба покойного императора, билеты для пропуска в Петропавловский собор (ВИМАИВиВС, ИДФ 22/2385. 1–12). Указанные документы были помещены в чёрный деревянный ларец «с памятными предметами кончины императора Александра II. На крышке – раскрашенная фотография государя» (Опись имущества бывшего музея лейб-гвардии Сапёрного батальона. АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Д. 1. Л. 12). Кроме документов, в ларце находилась «коробка, отделанная внутри серым шелком, в ней кусок мундира, сухой цветок, семь мелких осколков стекла и щепочек от кареты. Сохранены лейб-медиком Ф.С. Цыцуриным» (Там же). Ему и принадлежали воспоминания, уведомления и пропуска. К собственным воспоминаниям Ф.С. Цыцурина добавлено «более подробное описание дежурного гоф-медика Маркуса на 2-х листах» (Там же).

Автор воспоминаний, Фёдор Степанович Цыцурин (1814–1895) – известный терапевт, доктор медицины; окончил медицинский факультет харьковского университета, после окончания занимался три с половиной года практикой в Харьковской губернии, дальнейшее образование получил в дерптском университете. Состоял профессором по кафедре терапевтической клиники с семиотикой в киевском университете (1844–1867). Цыцурин пятнадцать лет был управляющим придворной медицинской частью (с 29 января 1867 года по 10 июля 1882 г.). (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 86. СПб., 1907. С. 860–861). После освобождения от этой должности, Фёдор Степанович вплоть до конца жизни оставался на службе в качестве непременного члена Военно-медицинского учёного комитета, со-

вещательного члена Медицинского Совета Министерства внутренних дел и члена Главного военно-санитарного комитета. (Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел, на 1895 год (по сведениям к 15 марта 1895 года). СПб., 1895. С. II). 30 августа 1887 года Ф.С. Цыцурин был удостоен чина действительного тайного советника (Список гражданским чинам первых трёх классов. Исправлен по 1-е октября 1894 года. СПб., 1894. С. 81).

Воспоминания Ф.С. Цыцурина – не просто впечатление от увиденного, это одно из немногих свидетельств профессионала-врача. Два листа бумаги наскоро исписаны карандашом с двух сторон. Эта черновая запись полностью переписана ровным почерком на двух листах плотной бумаги с чёрной траурной каймой по краю, внизу дата «23 марта 1881 г.» (ВИМАИВиВС, ИДФ 22/2385 №3. Л. 2).

Из записки следует, что Ф.С. Цыцурин прибыл во дворец в 3 часа и, следовательно, не был свидетелем «первой подачи» помощи императору. Эта часть его воспоминаний записана, скорее всего, со слов медиков, оказывавших первую помощь Александру II: «Первое показание было в возможно быстром приостановлении кровотечения из раздробленных конечностей, и потому были немедленно придавлены пальцами обе бедренные артерии. Немедленно затем были наложены на обе ноги каучуковые (эсмарховские) бинты с целью совершенного приостановления кровотечения» (Там же. Л. 1). Под впечатлением от увиденного Цыцурин пишет: «Всякая человеческая помощь была давно уже кончена, и потому все мы были только несчастными свидетелями мало-помалу, но очевидно угасающей жизни в Бозе почившего монарха! Несмотря на настойчивое и усиленное употребление многоразличных возбуждающих средств, непрерывное вдувание кислорода, ежеминутно доставляемого из придворной аптеки, дыхание постепенно становилось реже и реже (в $3^{1}/_{4}$ часа по полудни я насчитывал от 5-6 дыханий в минуту) и то едва заметное по движению шейных мышц, а с половины 4-го часа по полудни я уже не мог заметить никаких признаков дыхания. Быстрая кончина его величества в связи с страшными повреждениями, подробно описанными в протоколе вскрытия тела, последовала, без сомнения, от совершенной потери крови (бескровие), как это также засвидетельствовано в подписанном нами протоколе» (Там же. Л. 2–2 об.).

Воспоминания Ф.С. Цыцурина дополнены собственноручным «более подробным описанием дежурного гоф-медика Маркуса». Воспоминания Ф. Маркуса «Последние минуты императора Александра II» известны по тексту первой публикации 1900 г. (Исторический вестник. 1900, № 4. С. 133–134), по которой печатались в позднейшем (Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 351–352).

Рукопись несколько отличается от печатного текста. Эти воспоминания написаны вскоре после кончины Александра II и передают сильные эмоции автора: «Владея пером, я бы мог начертить такие душу раздирающие сцены,

от которых застыла бы кровь в жилах! Но я, как простой смертный, постараюсь в коротких, но ясных, а главное в правдивых словах, без всяких прикрас и фантазий, не искажая истины, описать всё, что относится до этой кровавой драмы». Стоит отметить и некоторые подробности медицинского характера, которых нет в публикациях. Так, Маркус пишет о том, что он и прибывший вскоре доктор Круглевский (Николай Александрович Круглевский (1844–?), лейб-хирург) для подачи императору кислорода «не могли ввести в рот стеклянную плоскую трубочку, которой оканчивается каучуковый рукав от подушки, наполненной кислородом, и принуждены были вынуть нижние искусственные зубы; вдыхание кислорода, равно как и другие возбуждающие средства не производили желаемого результата» (ВИМАИВиВС. ИДФ 22/2385 №4. Л. 2 об.–3).

7 марта 1881 г. состоялась торжественная церемония перенесения тела усопшего государя в Петропавловский собор, к месту погребения. Ввиду угрозы новых терактов, были приняты особые меры безопасности. Это касалось и доступа в Петропавловский собор «для поклонения телу в Бозе почившего государя императора Александра Николаевича». Для лиц первых шести классов «впуск» в собор осуществлялся в определённые часы «по особым билетам от придворной конторы» (Терновый венец над гробом в Бозе почившего царя-освободителя Александра II и восшествие на престол государя императора Александра III. М., 1881. С. 105). На принадлежавших Ф.С. Цыцурину билетах для пропуска в Петропавловский собор проставлены чёрными чернилами от руки номера, каждый билет снабжён напоминанием: «Билет сей никому другому передан быть не может и предъявляется полиции. Без оного никакой экипаж пропущен в крепость не будет» (ВИМАИВиВС ИДФ 22/2385 № 8). Но такая строгость отнюдь не означала, что «лица разного сословия» не были допущены в собор для прощания с императором. Для последних было определено «своё» время, когда они допускались в собор без всяких пропусков, в отличие от представителей первых шести классов (Терновый венец… С. 105). Часы посещений были распределены на всё время до церемонии погребения, которая состоялась 15 марта.

Комплекс документов и памятных предметов с места трагедии был передан в дар музею лейб-гвардии Сапёрного батальона Н.Н. Моисеенко-Великим в 1910 г. (ВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Д. 1. Л. 12). В папке с документами С.Ф. Цыцурина находится карточка: «Николай Николаевич Моисеенко-Великий. Подпоручик лейб-гвардии Егерского полка» (22/2385 №11). Дед дарителя, Василий Яковлевич Моисеенко-Великий (1822–1875), генерал-лейтенант (1875), выпускник Главного инженерного училища (1842), проходил службу в лейб-гвардии Сапёрном батальоне с 1847 по 1856 гг. (Волькенштейн А.Е., Случевский К.К. История лейб-гвардии сапёрного батальона 1852–1876. С кратким обзором участия лейб-гвардии сапёрного батальона в русско-турецкой войне 1877–1878. СПб., 1879. Приложение 11. С. 65 // Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 сентяб-

ря. СПб., 1875. С. 453). Сын Василия Яковлевича, Николай Васильевич Моисеенко-Великий, чиновник Министерства внутренних дел, был женат на дочери Ф.С. Цыцурина.

Документы из собрания музея лейб-гвардии Сапёрного батальона являются пусть небольшим, но ценным штрихом, дополняющим уже известные источники по истории 1 марта 1881 г.

В.О. Никитин (Санкт-Петербург)

Реестр 1732 г. из архива Военно-исторического музея артиллерии, войск и войск связи – неизвестный источник по истории российского флота: к вопросу о русском флоте на Каспии в 30-е гг. XVIII в.

В документальном фонде (Архиве) Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи был выявлен неизвестный ранее источник по истории русского флота – «Регестр какое число по присланному в Адмиралтейскую коллегию из Астраханской конторы над портом генваря от 12 дня сего 1732 году доношение, показано в Астраханском флоте имеется годных и негодных судов…».

В связи с тем, что фондообразование Архива более всего связано с историей русской артиллерии, выявление источника по истории флота вызвало наш повышенный интерес.

В историографии крайне мало данных о количестве, состоянии и составе Каспийского флота в 30-е гг. XVIII в. Некоторые сведения есть в работах А.М. Кирокосьяна и И.В. Курукина, (Кирокосьян А.М.. Русский флаг на Каспии. М., 2013; Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). М., 2010.)

Источник, о котором идет речь в статье, дает ответы на вопросы о состоянии, количестве и составе астраханского флота на начало 1732 года, именно поэтому, на наш взгляд, он достоин внимания и подробного изучения.

Наличие русского флота на Каспийском море в первой половине XVIII в. принято связывать с Персидскими походами Петра Великого. Однако флот, который был создан для решения локальных задач в 1722−23 гг., оставался на Каспии вплоть до 1735 г., когда Российская империя на время покинула этот регион. Для закрепления военного присутствия и контроля территорий, завоеванных в ходе Персидских походов, в 1723 г. был создан Низовой корпус. Период с 1723−1735 г. – самый напряженный для Каспийской флотилии. С различными грузами, почтой и рекрутами на борту корабли ходили в Энзели, Баку, Дербент. Для снабжения гарнизонов в Персии требовалось большое количество транспортных судов. (Кирокосьян А.М. Русский флаг на Каспии. М., 2013. С. 67).

Для перевозки рекрутов, провианта, оружия, почты, использовались корабли различного типа, в основном небольшие по размеру – гекботы, пакен-

боты, гукоры. Строили их, как правило, на Волге – в Казани и Нижнем Новгороде - и переправляли в Астрахань. Центральным был Астраханский порт во главе с Астраханской портовой конторой (История отечественного судостроения. Т. 1. СПб., 1994. С. 175).

В 1732 г. командующим Низовым корпусом стал генерал-лейтенант принц Людвиг Вильгельм Гессен-Гомбургский. В том же году он посылает запрос в Адмиралтейств-коллегию, с тем, чтобы та, в свою очередь, запросила Астраханский порт о наличии в нем судов, которые способны выполнять поставленные задачи. Задачи были следующие – перевозка рекрутов, грузов, защита прибрежных пунктов и рассыльные функции. В ответ на свой запрос Гессен-Гомбургский получает из Адмиралтейств-коллегии развернутый реестр, в котором указаны названия судов, их тип, состояние и перспективы ремонта и расширения состава флота. Именно этот документ сохранился в составе служебной переписки Л.В. Гессен-Гомбургского в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 181. Л. 20–21 об.)

В реестре подробно указаны годные и негодные суда, их названия и типы (гекботы, пакет-боты, гукоры). В документе, помимо перечисления судов, присутствуют различного рода уточнения, которые касаются их состояния и перспектив использования: «(*вышеперечисленные корабли – Никитин В.О.*) весьма сомнительные и до лета сего году точно показать не можно, годны ль будут, хотя на одну еще компанию в ближайшие рейсы, а именно до Астрахани и Терека.», «Пакенбот Меркуриус – за весьма ветхостью определен был при Зинзилях на брантвахте, и уповает Астраханская контора над портом, что тамо на оном месте может пробыть года два или три.», «Весьма негодные такмо еще подлежат рассмотрены быть негодным будут, которые из них для содержания материалов и припасов для провианта вместо магазинов, а может быть, что некоторые выберутся из них на несколькое время для посылки в ближайшие рейсы». (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 181. Л. 20 об.–21) Кроме того, в реестре есть информация о кораблях, которые были отданы на слом или пропали в море: «гекбот Дагестан – велено за весьма негодностью убрав все припасы, и леса и материалы разломать», «гекбот Ставрополь – при Зинзилях разбило августа 23 числа 1731 году, где и разломан», «швербот Окунь – безвестно пропал в 1730-го года в ноябре около 20 числа, о котором через весь прошлый год морскими служителями искан, но токмо и поныне не найден». (Там же. Л. 21об.)

Всего в реестре указано 47 годных и негодных судов. В документе также описаны перспективы пополнения флота: «из Казани в Астрахань отправлено 17 вновь построенных судов и еще 30 мелководных судов (завозней) предполагается построить для снабжения крепости Святого Креста». (Там же.)

Изучение вышеописанного источника в контексте истории русского флота на Каспийском море на наш взгляд является перспективным.

Е.Ю. Нуйкина (Москва)

Архивно-следственные дела как источник изучения антирелигиозной политики советского государства

Использование архивно-следственных дел в качестве исторических источников для изучения религиозной политики советского государства обусловлено высокой информативностью этих документов. Дела следственного производства содержат информацию, в том числе о тысячах лиц духовного звания, судьбы которых оставались неизвестны.

Вопрос использования архивно-следственных дел как исторических источников в силу его исключительной актуальности вызвали серьезный интерес как церковных, так и светских историков. Эти вопросы стали предметом исследования научных коллективов, в частности, ВНИИДАД (Издание судебно-следственных документов советского периода. Методическое пособие. [Электронный ресурс]. М., 1998). Проблема использования архивно-следственных дел получила освещение в трудах многих современных исследователей (Дамаскин (Орловский), игумен. Дела по обвинению духовенства и верующих Московской епархии в архивном фонде УКГБ по г. Москве и Московской области // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 67–73; Он же. Судебно-следственное дело иеромонаха Макария (Телегина) как источник персональной информации. 1922 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 231–240; Он же. Церковно-государственные отношения и вопросы канонизации святых Русской православной церкви в постсоветский период Российской истории // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 122–129; Елпатьевский А.В. Следует ли публиковать документы фальсифицированных дел? // Отечественные архивы. 2000. № 5. С. 120; Иноземцева З.П. Имеют ли историческую ценность судебно-следственные дела // Труды Регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Вып. 1. Новомученики XX века. М., 2004. С. 61–63; Она же. Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника? // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / Под ред. А.Б. Безбородова и др. М., 2005; Она же. Искусство ставить вопросы. Архивно-следственные документы в агиографических исследованиях. Проблемы и решения // Журнал Московской патриархии. 2014. № 4. С. 58–66; Литвин А. Следственные дела как исторический источник // Эхо веков. 1995. С. 170–176; Подкур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР 1920–1930-х годов: источниковедческий анализ. Тернополь, 2010), Н.Н. Покровского (Покровский Н.Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 94–105; Романова С.Н. Дела по обвинению православного духовенства и мирян. 1937–1938 гг. // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 4–12; Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. М., 2013 и др.).

Состав и содержание архивно-следственных дел по обвинению духовенства Русской православной церкви за 1917–1922 гг. позволяет отнести эти дела к наиболее сложному и многоаспектному источнику по истории народа России XX века. Особенности документирования судебно-следственного производства на каждом этапе его развития, специфика ведения следственного процесса применительно к лицам духовного звания и мирянам, обвиняемым в контрреволюционной деятельности, определяют имеющиеся трудности источниковедческого анализа этих документов.

Архивно-следственные дела являются ценным источником антирелигиозной политики советского государства и тех методов, на основе которых она осуществлялась. Изучение нормативных правовых документов, регулирующих судебно-следственное производство, показало, что следователи твердо придерживались установленного процессуального порядка документирования. Основываясь в вынесении приговоров на требованиях государственных законодательных актов, направленных на укрепление «революционной законности», вся следственная работа сводилась к ложному уличению православного духовенства в прямой или косвенной принадлежности к ведению контрреволюционной деятельности с использованием подставных свидетелей. В протокол обвинения проникали сведения, отражающие психологические характеристики личности обвиняемого, его мировоззренческие взгляды на события действительности. Отражая государственную политику советской власти по отношению к церкви в целом, архивно-следственные дела заключают в себе информацию о внутрицерковной жизни, об отношении и взаимодействии различных церковных групп с органами власти, а также дают возможность проследить судьбу конкретного человека, его взгляды и позицию.

Дальнейшее исследование корпуса архивно-следственных дел по обвинению духовенства в годы антирелигиозного террора и введение этой информации в научный оборот рассматривается на современном этапе как важная задача исторической науки.

Т.А. Опарина (Москва)

Служилые иноземцы «Селунские» в России в конце XVI – первой половине XVII вв.

Иммигранты из Османской империи и ее вассальных государств в России теряли свои подлинные фамилии и имена. В русской традиции существовала практика наделения выходцев русифицированным вариантом, при котором фамилию заменяло отчество. Принятых на родине наименований не сохранялось. При этом иностранец обязательно указывал локус – место рождения. По прошествии времени топоним нередко превращался в фамильное прозвище, которое с ясностью указывало на территорию, из которой прибыл иммигрант. Успешная адаптация иностранца, создание собственной семьи, появление детей превращали топонимические фамильные

прозвища в наследственные.

Одним из наиболее распространенных топонимических фамильных прозвищ стало «Селунские». Подобное наименование давалось иммигрантам, происхождение которых восходило к «Солуни» (Фессалоникам). Большинство из них не было связано между собой родственными узами, зачастую на родине они принадлежали к разным стратам. Соответственно, варьировался и их социальный статус в России. Одни иностранцы с именем «Селунские» принадлежали к аристократическам родам выезжей знати и входили в Государев двор, другие становились профессиональными военными Иноземского приказа, иные достигали положения переводчика или толмача Посольского приказа. Более того, носители подобного фамильного прозвища не всегда были этническими греками. Разделить между собой многочисленных «Селунских» в России XVI и XVII вв. не всегда просто.

Наиболее ранний выезд «Селунских» относится к концу XVI в., когда в Россию перебрался Дмитрий Аргилов, ставший потом называться Селунским. Русские документы называли его сыном воеводы Солоник. В Россию *Дмитрий Аргилов Селунский* забрал трех (в других случаях – четырех) сыновей: «В прошлых годех при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии выехали на его государево имя из Царягорода селунской воевода Дмитрей Аргилов з детьми», «Дмитрей селунской воевода з детмя: с Аврамом, с Иваном, с Павлом (Палеологом)». По мнению Б.Н. Флори, иммигрант мог принадлежать к греческой аристократической фамилии Аргиропулосов, связанной с Фессалониками. При этом имя одного из сыновей – Палеолог, дает основание говорить о причислении рода себя к потомкам византийской императорской династии. В любом случае, высокое положение на родине определило место в русском обществе. При царском дворе Дмитрий Селунский получил чин московского дворянина, входил в Боярскую думу в 1589–1605 гг. Три сына Дмитрия Селунского: Аврам, Иван и Палеолог, продолжили боярский род Селунских.

Аврам Дмитриевич Селунский действовал в первой половине XVII в., входил в Государев двор, был активным участником дворцового церемониала. Дочь Аврама Дмитриевича Селунского Аграфена стала супругой Ивана Альбертуса. *Палеолог Дмитриев Селунский*, упоминается под именем Палеолог как московский дворянин в 1599 и 1606 гг. Возможно, он погиб в боях с тушинцами. *Иван Дмитриевич Селунский* являлся переводчиком Посольского приказа, входил Государев Двор (1598−1599, 1606−1607 гг.), владел поместьями и вотчинами в Углечском и Дорогобужском уездах. Переводчик сопровождал в России османского посла Фому Кантакузина и русского посла А. Совина в Турцию. Умер в 1630/1631 г.

Помимо выходцев, причисляющих себя к византийской знати, из Фессалоник в Россию приезжали представители иных социальных групп. Смутное время приостановило переселение греческой аристократии. Новые иммигранты относили себя уже к «служилым людям».

После воцарения Романовых первым примером переселения стал выезд «на государево имя» Анастаса Иванова, получившего позже прозвище «Селунский». Он приехал с посольством Солового Протасьева в 1614 г. и был зачислен в Иноземский приказ. В военном ведомстве *Анастас Иванов Селунский*, видимо, исполнял обязанности полкового писца и сумел блестяще овладеть русской каллиграфией и отчасти русским языком. В 1627 г. он воспользовался приобретенными намыками и перешел из Иноземского в Посольский приказ, получив после специального экзамена должность переводчика. Вокруг Анастаса Селунского формировался семейный клан. Грек не только обустроился в России, вступив в брак, но и смог вызвать родственников, оставшихся в Османской империи. В 1624 г. в составе посольства Ивана Кондратьева и Тихона Бормосова в Россию приехал «греченин» *Константин Юрьев сын Селунский*, назвавшийся двоюродным братом Анастаса. Иммигранта определили в Иноземский приказ. Анастас Селунский пытался перевезти в Россию и других, более близких родственников. В 1628 г. в составе дипломатической миссии Семена Яковлева и Петра Евдокимова он прибыл в Константинополь, где встретился с родным братом Михаилом. Брат примкнул к русскому посольству, но достичь России ему не удалось. Михаил погиб в Крыму от эпидемии и был порохонен Анастасом в Керчи.

С посольством Семена Яковлева и Петра Евдокимова до Москвы доехали два других уроженца Фессалоник, очевидно, не являвшихся друг другу родственниками: *Николай Дмитриев Селунский* и *Дмитрий Федоров Селунский*. Можно предположить, что переводчик помог землякам перебраться в Россию. Иммигрантов зачислили в Иноземский приказ, в «греческую роту». Николай Дмитриев Селунский, очевидно, был более родовитым и в 1642 г. сумел перейти в Разрдяный приказа, пополнив Государев двор. Его имя внесли в группу «иноземцев, служащих с дворяны московскими». Вскоре иммигрант обзавелся поместьями. Николай Дмитриев Селунский владел греческой письменностью. Грамотность позволила ему поступить в Посольский приказ на должность толмача греческого языка. Брачная политика иммигранта замыкалась греческим землячеством. Николай Селунский выдал замуж свою дочь за Константина Христофорова. Соотечественник, родом из Валахии, первоначально служил в Аптекарском приказе. Возможно, тесть помог ему войти в штат Посольского приказа. Зять исполнял обязанности переводчика греческого и волошского языков, получал рекомендации александрийского патриарха Паисия. Имя Николая Дмитриева Селунского встречается до 1651/52 г.

В 30-е гг. XVII в., в период подготовки Смоленской войны, приток греков в Россию все усиливался. Выходцы из Османской империи, в том числе, из Балканской Греции прибывали, как и ранее, преимущественно с дипломатическими миссиями. На этой волне интенсификации русско-греческих контактов, проявившихся и в укреплении церковных связей, в России стали появляться иммигранты, обладавшие рекомендательными грамотами патриархов Христианского Востока.

В 1634 г. с посольством Афанасия Осиповича Прончищева и Тихона Васильевича Бормосова в Россию прибыли еще три выходца из Фессалоник: *Антон Дмитриев Селунский*, его племянник *Афанасий Кириллов Селунский*, а также же не являющийся членом их семьи *Авраам Тарасьев Селунский* (Панков). В миссию вновь входил переводчик Анастас Селунский, очевидно, и в этот раз оказавший помощь землякам. Антон Дмитриев Селунский обладал рекомендательной грамотой иерусалимского патриарха Феофана. Наличие столь весомого документа позволило ему сразу попасть в Государев двор. Его племянник – Афанасий, первоначально оказался в Иноземском приказе. В «греческой роте» он сблизился со своим «однофамильцем», уже упомянутым Николаем Дмитриевым Селунским. Земляки подавали совместные челобитные, а в1641/2 г. им одновременно удалось пополнить группу московских дворян-иноземцев Государева двора. В новом статусе Антон Дмитриев Селунский и Николай Дмитриев Селунский обменивались поместьями.

Следующий выезд из Фесслоник оказался необычен. Большой портовый город прославился не только присутствием греков и славян, но крупнейшей на Балканах еврейской общиной. Один из ее представителей, Абрам Абрамов принял решение принять православие. В обращении ему помогли иерусалимский патриарх Феофан и Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис. Последовавшее преследование бывших единоверцев обусловило бегство в России в 1637 г. В России неофита миропомазали и нарекли *Иваном Абрамовым Селунским*. Не умеющего воевать иммигранта зачислили в Иноземский приказ в «греческую роту». В 1641 г. вместе с сослуживцами он получил земельный надел в только что основанной Греческой слободе. В 1647 г. Ивану Абрамову Селунскому удалось перейти в Посольский приказ, пройдя экзамен. Он показал знание греческого, турецкого и волоского языков, предложив и родной язык. Позже он стал переводчком с еврейского языка. Иван Абрамов Селунский, благодаря связами с патриархами Христианского Востока в 1671 г. сумел перевезти в Россию из Османской империи сына и внука. Умер около 1678 г.

Новый этап миграции, в том числе Балканских жителей, был связан с контактами Москвы и фанариотов Дунайских княжеств. В 1639 г. с посланцем молдавского господаря Василия Лупу – Исаием Остафьевым, в Москву перебрался *Дмитрий Юрьев Селунский,* по рекомендации посла зачисленный в Государев дворе. В 1647 г. к Дмитрию Юрьеву Селунскому приехал его родной брат, еще один *Константин Юрьев Селунский*. Под 1644 г. упомянут *Дмитрий Николаев Селунский*, прошедший подначальство.

Таким образом, в конце XVI – перв. пол. XVII в. выехало значительное число иммигрантов, получивших фамильные прозвища «Селунских». Сохранившиеся источники позволяют говорить о полтора десятке людей, один из них был евреем, другие именовались «греченами». Практически все они обзавелись семьями, передав наследственное прозвище потомкам.

Т.А. Опарина, С.М. Шамин (Москва)

Биографии иноземных потешников царя Михаила Федоровича: Юрий Проскуровский и Иван Ермис

Об иноземных потешниках Михаила Федоровича исследователи обычно пишут, используя в качестве источника книги И.Е. Забелина. Нами предпринята попытка восстановить биографии двоих из упоминаемых Забелиным лиц на основе архивных документов.

Первым по времени иностранным потешником, появившимся при Михаиле Федоровиче, Забелин считал Юрия Проскуровского. В работах по истории музыки его обычно называют поляком. Это утверждение соответствует словоупотреблению источников, но требует уточнения. Фамилия и прозвище (Проскура) связаны с топонимом Проскурів (г. Хмельницкий, Украина, в XVII в. коронный город). Прибыл он в Москву в свите православного епископа Владимирского и Брестского Иосифа (Курцевича), вынужденного покинуть Речь Посполитую из-за преследований со стороны униатов и польских властей (Горбатов Е.Н. Материалы к биографии архиепископа Иосифа (Курцевича) //Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 233–242). О социальном положении Проскуровского можно говорить, опираясь на данные о пожаловании, полученном им по приезде, 7 августа 1625 г. Оно составило 18 руб. Это была не самая крупная сумма из данных сопровождающим Иосифа, но все же она в несколько раз превышала пятирублевую дачу, которой были удостоены гайдуки и рядовая челядь (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1625 г. Д. 2. Л. 156). Таким образом, Проскуровский был представителем нетитулованной православной шляхты западно-украинских земель Речи Посполитой.

Вскоре пути епископа Иосифа и Проскуровского разошлись. Последний был «взят» ко двору. Забелин упоминал о появлении Проскуровского в начале 1626 г. и предполагал, что первое пожалование было связано с его участием в свадьбе Михаила Федоровича, а также отмечал, что Проскуровский «заведовал органной потехой», а в 1638 г. фигурировал как органный мастер. Эти данные Л.И. Ройзман переосмыслил в том ключе, будто бы уже на свадьбе Проскуровский выступал в качестве органиста (Ройзман Л.И. Орган в истории русской музыкальной культуры. М., 1979. С. 58). К сожалению, это предположение источниками не подтверждается. Ко двору он был взят и получил новое пожалование (22 августа 1625 г.) как трубач, а не как органист (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 280. Л. 538). Не исключено, что орган Проскуровский освоил уже после того, как в Москву в 1630 г. приехали голландцы братья Луны.

На протяжении нескольких лет Проскуровских регулярно получал жалование из Оружейной палаты (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 281. Л. 33, 41, 83, 250, 297 об., 660; Кн. 282. Л. 26 об., 80 об.; Кн. 284. Л. 104, 173, 354). В 1629 г. он получил платья на 21, 945 руб. На фоне того, что участвовавшие в Пещном действе отроки получали тканей примерно на 2 руб., его жалование

выглядит внушительно. К сожалению, мы не знаем, за что конкретно эти деньги давались. Дело в том, что в расходных книгах для большинства категорий награжденных указывалась причина награждения – от ратных побед, до доставки государю ястребов, дынек и т.д. Но иногда причина дачи обозначалась фразами типа «по именному государеву указу», «в приказ», а то и прямо говорилось: «за што их государь пожаловал, и тово в росписи не написано». По нашим наблюдениям, причины жалования потешников не отмечались почти никогда, поэтому утверждать, что все указанные пожалования Проскуровский получил как трубач, мы не можем. После 1629 г. сведений о дачах Проскуровскому не выявлено. В единственном документе 1638 г. Проскуровский именовался уже органным мастером и получил в помощники иноземца Федора Завальского. Таким образом, мы видим, что Юрий Проскуровский оставался придворным музыкантом минимум 14 лет. Прекращение выплат в оружейной палате может быть связано с тем, что Проскуровский получил иной источник дохода, к примеру, поместье. Поручались ли ему другие службы, неизвестно.

Еще одного потешника, Ивана Ермиса, Забелин упоминает впервые в 1635 г., когда ему выдавались ткани «для потешного дела» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 290. Л. 288, 474 об.). Времени появления Ермиса в Москве выяснить не удалось, однако он, несомненно, относился к числу недавних выходцев, поскольку русский язык знал плохо. До приезда в Россию Ермис служил в испанском флоте. Его социальный статус был высоким – позднее в сибирскую ссылку он отравился сыном боярским. (Люцидарская А.А. Несостоявшаяся авантюра. Из истории переселения «иноземцев» в Сибирь в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 82–86).

Как и всякого иноземца, владевшего нужным в России ремеслом, от него потребовали подготовить учеников. В 1637 г. он обучал накрачеев царевича Алексея Михайловича Илюшку Чернятина, Митьку Ботанова и Агу Искулянова (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 94. Л. 168 об.–169). Чему именно обучались подростки неизвестно, но в последующей челобитной Ермис отмечал, что «учил ребят ходить по канату и метальники метаться» (Акты Московского государства. Т. 2. СПб. 1894. № 157. С. 101). В переписной книге Москвы 1638 г. сам Ермис назван канатоходцем (Переписная книга г. Москвы 1638 г. М., 1881. С. 74). Необходимость в этой профессии при дворе отпала уже в следующем году, когда из-за смерти сыновей царствующая чета погрузилась в траур. Для Ермиса нашлось новое дело – он стал учить государевых трубников. Кроме того, Ермис обучал ратному строю стрельцов (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 297. Л. 161; Акты... Т. 2. СПб., 1894. № 157. С. 101; № 192. С. 124).

Вскоре судьба Ермиса вновь переменилась. Еще в 1642 г. он обучал стрельцов пред государевыми очами в загородной резиденции Покровском-Рубцове, а уже в 1644 г. по неизвестной причине оказался в Сибири, где в Енисейском остроге составлял проект похода на Шилку (Д.Я. Резун считал, что Ермис планировал присоединение к России Филиппин). Полная при-

ключений жизнь Ермиса в ссылке вплоть до смерти в 1650 г. изучена в работах по истории Сибири (сведения обобщены в статье А.А. Люцидарской, указ. соч.).

*We gratefully acknowledge the support provided by the National Endowment for the Humanities for this article (project № RZ-51635-13, any views, findings, or conclusions expressed in this article do not necessarily represent those of the NEH).

А.М. Пашков (Петрозаводск)

Двуглавый орел в декоративно-прикладном искусстве крестьянства Русского Севера

Впервые на использование двуглавого орла в декоративно-прикладном искусстве крестьянства Русского Севера обратил внимание художник И.Я. Билибин, три года (1902–1904) подряд выезжавший летом в северные губернии России (Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую) для изучения деревянного зодчества и декоративно-прикладного искусства местного крестьянства. В написанной по итогам этих поездок статье «Народное творчество Севера» (опубл.: Мир искусства. СПб., 1904. № 11. С. 303–318) он писал о крестьянских вышивках: «Очень излюблена форма двуглавого орла, который вышивался на всевозможные вариации; этот орел часто терял свои определенные формы, принимая, в своей переходной стадии, вид оригинального узора с элементами и животного и растительного орнамента. Сами бабы не усматривали этого перехода и уже не замечали больше орла, называя узор очень странными и непонятными названиями, напр. «корабельная пристань» − несомненный видоизмененный двуглавый орел. Далее следы орла постепенно совершенно исчезают, и получается уже узор «наводами» скорее растительного характера» (цит. по: Билибин И.Я. Народное творчество Севера // Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике / Ред.-сост. С.В. Голынец. Л., 1970. С. 42). Показательно, что И.Я. Билибин, находившийся в либеральной оппозиции к царскому строю, хотя и признает распространение двуглавого орла как сюжета на крестьянских вышивках, но видит в этом только эстетическую особенность восприятия этого символа как красивого орнамента вышивки, игнорируя политическое и социальное значение этого символа.

Сюжеты северорусских вышивок с двуглавым орлом не изучались в советский период, но в постсоветское время на них стали обращать внимание.

Так, искусствовед из Каргополя Е.В. Шевелева посвятила специальную статью изображению орла в каргопольской вышивке. Она отмечает, что двуглавый орел встречается в вышивке различных волостей Каргополья на одежде (станах и рукавах женских рубах), полотенцах, подзорах, вязаных кружевных концах (Шевелева Е.В. Изображение орла в каргопольской народной вышивке // Каргополь: историческое и культурное наследие. Сборник трудов. Каргополь, 1996. С. 314).

Петрозаводский искусствовед Л.В. Трифонова отмечает распространение изображения двуглавого орла в вышивках Заонежья (Трифонова Л.В. Коллекция заонежской вышивки в собрании музея-заповедника «Кижи» // Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле. Материалы Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 2015. С. 312).

Итак, двуглавый орел был распространенным по всему северу Европейской России элементом, использовавшимся в декоративно-прикладного искусстве местного крестьянства. Вероятно, такое широкое бытование этого символа можно объяснить рядом причин. Во-первых, основание С.-Петербурга и перенос туда столицы Российской империи означали появление столичного мегаполиса в географической близости от северного региона России. Северные крестьяне поддерживали тесные связи с С.-Петербургом, совершали туда торговые и деловые поездки, уходили на заработки. В столице они испытывали сильное влияние имперской культуры столичного города, в которой изображения двуглавого орла играли заметную роль. Другой причиной такого внимания к двуглавому орлу в крестьянской культуре Севера был социальный статус северных крестьян. В отличие от крепостного крестьянства центральной России крестьяне северных губерний были государственными. Сословная группа государственных крестьян была оформлена указами Петра I. В отличие от помещичьих крестьян государственные имели юридические права (могли выступать в суде, заключать сделки, владеть собственностью и т.д.). Земли государственных крестьян считались государственной собственностью, но фактически они могли совершать различные земельные сделки как владельцы земли. Зависимость государственных крестьян от государства проявлялась только в уплате налогов и выполнении повинностей. Такой статус сформировал особый менталитет государственных крестьян, а двуглавый орел получил широкое распространение в крестьянском искусстве, поскольку стал своеобразным негласным знаком принадлежности к определенному социальному слою – вольным государственным крестьянам (Шевелева Е.В. Изображение орла в каргопольской народной вышивке. С. 314).

Реформы Александра II, уравнявшие статус всех категорий крестьян, и упадок традиционной крестьянской культуры под натиском цивилизационной городской культуры привели к деформации и постепенному исчезновению символа двуглавого орла в крестьянском декоративно-прикладном искусстве, отмеченному И.Я. Билибиным.

В.Б. Перхавко (Москва)

В.Н. Татищев о вещественных памятниках истории Древней Руси

Эпоха Просвещения сыграла огромную роль в зарождении в России интереса к памятникам времен минувших. Первым из отечественных ученых обратил внимание на вещественные реликвии В.Н. Татищев (1686–1750). Хотя, в отличие от М.В. Ломоносова, он не получил университетского (да и вообще систематического) образования, Татищева по праву можно назвать

первым русским ученым-энциклопедистом. В незавершенном, к сожалению, справочнике энциклопедического характера «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» (1745), впервые изданном в 1793 г., В.Н. Татищев описал ряд исторических мест России и находившиеся там памятники старины (Вдовина Л.Н. «Лексикон российской» В.Н. Татищева как источник по истории и культуре XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия История. 1986. № 5).

Рассказывая об истории Изборска со времен легендарного Трувора, Татищев отметил, как «по многих летех великая княгиня Ольга Плесков построя, оной стал быть оставлен, однако ж в нем древняго каменнаго строения крепости и другое осталось и, как слышно, еще немалое число древних книг хранилище наполнено» (Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л., 1979. С. 295).

Немало внимания уделено древнему Киеву: «Киев, главный город в Малой Руси, на правом берегу Днепра, ниже устья реки Десны, на горе довольно высокой, весьма древней, от славян назван Горы, а от сармат Киви, то же значит, от чего имя Киев осталось... В нем в верхнем граде великая церковь Софейская строения Ерослава Великаго, другая меньшая, но первейшая, Десятинная имянуемая, строена при Владимире I-м , дом великой каменной архиерейскиой и губернаторской деревянной, имеет около старинной вал с плохою обороною, в другом монастырь святаго Михаила, в котором мощи мч. Варвары» (Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 323).

Лаконично, но точно повествуется о древнерусском Вышгороде: «Вышгород в Малой Руси, на правой стороне Днепра, выше Киева 7 верст, дан был княгине Ольге в собственное пребывание и потом неколиким великим княгиням, а иногда в удел детям даван. В нашествие Батыево разорен до основания и ныне мало село, где токмо древняя каменная церковь починена» (Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 226–227).

Необходимо выяснить круг источников, которыми пользовался В.Н. Татищев при составлении описаний исторических мест России. Часть информации почерпнута в результате личного осмотра достопримечательностей. Детские и юношеские годы Татищева прошли на Псковщине. В зрелые годы он не раз бывал в Москве и Подмосковье, Казани и Астрахани (Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. М., 1861; Кузьмин А.Г. Татищев. 2-е изд., доп. М., 1987).

Татищев считал изучение исторических мест предметов исторической географии, а не истории. «География показует положение мест, где что прежде было и ныне есть», – отмечал он в сочинении «Предъизвещение о истории общественное и собственно о русской» (Татищев В.Н. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Б. Каменский. М., 2010. С. 272). Чтобы не разрывать ткань повествования, в текст «Истории Российской» им практически не включалась информация о памятниках старины. Она присутствует лишь в примечаниях к труду.

Описывая княжеские междоусобицы 40-х гг. XII в., Татищев в примечании отметил: «Вал, часто упоминается за Триполем, которой и донесь неколико виден, знатно, для удержания от набегов степных народов учинен, но кем строен, неизвестно» (Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. История Российская. Часть вторая. М., 1995. С. 438; см. также: Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II. История Российская. Часть вторая. М., 1994. С. 269).

Не остался без внимания Татищева и храм св. Георгия в Юрьеве-Польском, построенный в 1234 г.: «Церковь сия в Юрьеве Польском доднесь стоит, зделана из белого камени и вся резана, на которой имя князя Святослава Гавриила, и той подписи разобрать не без труда (в другом месте: «и год подписано, токмо разобрать все не без труда). Сия есть по ея древности и особной архитектуре во всех русских строениях изящнейшая» (Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. III. История Российская. Часть вторая. М., 1994. С. 269; Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. История Российская. Часть вторая. С. 468).

Пользуясь далеко не всеми источниками, Татищев порой ошибался. Так, Тмутаракань им размещалась в Рязанской земле, причем на основе устной информации: «один знатной дворянин сказывал мне, что в верховье реки Прони есть запустелое городище и неколико здания каменаго видно, имени же никто не знает; то мню, что сей Тмутаракань был; ибо оное принадлежало ко княжению Черниговскому, к нему же и Муром…». Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II и III. История Российская. Часть вторая. М., 1994. С. 240.

Татищев считал необходимым приложить при издании к «Истории Российской» чертежи некоторых древних «строений», в том числе: церкви и Золотых ворот Владимира-на-Клязьме, Георгиевского храма в Юрьеве-Польском (Татищев В.Н. Избранные труды по географии России / Под ред., со вступ. ст. и коммент. А.И. Андреева. М., 1950. С. 20).

Уезжая в 1741 г. из Петербурга к новому месту службы в Астрахань, Татищев просил А.И. Остермана отправить с ним одного геодезиста и живописца «для описания руин великих городов и строений». 12 сентября 1741 г., находясь в Нижнем Новгороде, Татищев информировал Академию наук: «Доношу вам, что, едучи чрез Володимер, нарочно неколико времяни умедлил для осмотра древняго строения церкви и башни, которые в примечании на гисторию древнюю внесу» (Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I. История российская. Часть первая. М., 1994. С. 27; Татищев В.Н. Записки, письма (Научное наследство. Т. 14) / Сост. А.В. Ковальчук, Т.Б. Соловьева, А.И. Юхт. М., 1990. С. 281).

В труде «Предложение о сочинении истории и географии российской» Татищев предлагал при описании городов и уездов России показать: «103. Нет ли где в уезде том каких признаков и видов, где напредь сего городы или знатные строения были, и нет ли известия, как именованы, когда и кем разорены. 104. Не находится ль где в степях и пустынях каменных болванов или камней с надписями или какими либо начертании, которое, елико возможно,

живописцу надлежит назнаменовать и, описав ево меру и цвет, при том же сообщить» (Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. С. 87–88).

Татищев первым в отечественной историографии дал определение термина «городище»: «Городисче называется место, где прежде бывал город и опустошен, каковых в Российской империи не токмо по степям или пустыням, но и междо селениями немало находится, и большей части имена неизвестны (Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 242).

Не оставил он без внимания в труде «Предложение о сочинении истории и географии российской» и археологические артефакты из старинных погребений: «105. В некоторых местах в древних могилах находятся старинные вещи дивные и ко изъяснению гистории весма полезные… 106. Особливо находятся горшки и кувшины в гробах, на которых надписи есть… 107. Золотые же, сребряные и медные вещи, яко идолы, звери и протчие вещи…» (Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. С. 88).

Татищев составил инструкцию по сбору археологических материалов. Для него было характерно изучение истории в единстве с географией, археологией и этнографией. Он занимался также генеалогией, геральдикой и нумизматикой, порой ошибаясь в истолковании происхождения древних монет и эмблем. В примечаниях к «Истории Российской» им была предложена, в частности, неверная атрибуция древнерусских монет-сребреников: «Сребряники видно, что некая манета греческая или римская во употреблении была, а паче мнится, что от болгоров манеты имели, которых с арабскою надписью повсюду множество в земле находится» (Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II. История Российская. Часть вторая. С. 260; Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. История Российская. С. 431).

Изучив присланную И.Д. Шумахером «роспись старых денег», Татищев 19 ноября 1740 г. отправил ему свои пояснения: «1) Что начертаней на оных касается, то о многих видно, что по некоторым знатным обстоятельствам деланы, яко эмблематы. Например, два человека держат дерево, видно някакой союз или мир, иныя же изобразуют победы, брани и проч., как я о некоторых во изъяснении приметил. Однако мню, что некоторые, перенимая один у другаго, без причины равное от незнания изображали, как то видим Иоанн III орла двояково мог употребить, прияв по женке наследие герб греческий, орла двоеглавого, другое же летясчий орел мог эмблемат быть в знак его приятого над всеми князи самовластия, но равно то же видим и на тверских деньгах в то же время безо всякой причины, сколько от гистории видим. Разве оные тверские тогда деланы, как он тем княжением овладел, что и о протчих многих разуметь можно» (Татищев В.Н. Записки, письма С. 277). Татищев предложил «порядок тех денег, видится, в ясчиках или досках надобно бы переменить, яко, во-первых, великих князей московских, потом кождаго княжения особно, а в кнежениях, взирая на князей, кто после кого был, что по гистории учинить весьма нетрудно» (Там же).

Татищев был поборником всестороннего изучения далекого прошлого России и стоял у истоков комплексного источниковедения, привлекая не только письменные источники, но и вещественные материалы (как движимые, так и недвижимые). Его взгляды, идеи, предложения в данном направлении, не получили должного развития ни в XVII, ни в XIX вв. Намного опережая время, они, по сути дела, осуществились на практике лишь в XX в.

Д.И. Петерс, Т.П. Петерс (Москва)

Документы о пожаловании наградных медалей Российской империи как источник историко-биографических сведений (на примере Ярославской губернии первой половины XIX в.).

Архивные источники о награждении купцов, мещан и крестьян Ярославской медалями за гражданские заслуги в первойй половине XIX в. сообщают не только о биографиях пожалованных, зачастую абсолютно неизвестных, но и проследить, какие тенденции в их деятельности, которая удостоилась награждения, преобладали на данный период и были продиктованы временем. Документы с подобными сведениями хранятся в многочисленных фондах ГА РФ, РГАДА, РГВИА, РГИА в официальной переписке Капитула императорских и царских орденов, Кабинета его императорского величества, Департамента Горных и Соляных дел, канцелярий Военного министра и министра Внутренних дел, губернаторов. Купцов, мещан и крестьян награждали, в основном, медалями с надписями «За усердие», «За усердную службу», «За полезное», причем, купцам, кроме серебряных, предназначались золотые медали среднего сорта, а мещанам и крестьянам – только серебряные медали. Все эти награды жаловались на лентах в порядке возрастания орденов, украшение медали бриллиантами распространялось только на купечество (РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 973. Л. 34). За период 1804–1844 гг. обнаружено 60 примеров награждения (из них 12 серебряных и 48 золотых), т.е. 1−2 медали в год. Сведения биографического характера (фамилия, имя награжденного, социальный статус, должность) содержатся во всех примерах и нередко предоставляют возможность проследить наличие династий в купеческой среде различных городов губернии, представители которой получали награды от правительства в качестве поощрения за свои отличия (2-й гильдии купец Рыбинский городской голова и именитый гражданин Тюменев и 2-й гильдии купеческий сын Тюменев, Ростовские купцы братья Иван и Федор Мясниковы и др.). Сведения об общественно-значимой деятельности, о вкладе в развитие экономики представляются редкостью и выявлены в 33 примерах. Поощрялось и стремление повысить качество своего труда и производимой продукции: Рыбинский 3-й гильдии купец Григорий Голубенцев был награжден «за постоянные труды и полезную для казны службу при Уральском металлическом караване», Костромской купец Угле-

чанинов – «за превосходную обделку на его фабриках в Ярославле и Костроме французских полотен, равентуля и пестрядей» (Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1841. С. 725–726). Из документов следует, что купеческие капиталы направлялись, преимущественно, на сооружение гражданских зданий, и случаев строительства культовых зданий не обнаружено. За означенный период купечество губернии вкладывало собственные средства, прежде всего, в промышленность (4 примера) и связанное с этой отраслью городское строительство (8 примеров), в сельское хозяйство, торговлю, образование (по одному примеру). В области сельского хозяйства отмечено развитие овцеводства – в 1830 г. золотую медаль выдали «Ростовскому 1-й гильдии купцу Месникову [Мясникову] за содействие его к распространению овцеводства…», в промышленности – становление бумагопрядильного производства: «Рыбинскому 2-й гильдии купцу и тамошнему городскому голове Лаврентию Попову за устройство трех бумажных его фабрик в Ярославской губернии», «2-й гильдии купца Петра Веснина по Азиатской торговле, производимой им с давнего времени на Оренбургской линии, способствуя полезными предприятиями сбыту наших произведений в области Средней Азии…». Так закладывались предпосылки для превращения городов Ярославской губернии в торгово-промышленные центры.

Д.А. Петров (Москва)

Кулинарные блюда с геральдическими фигурами на царском столе в XVII в.

Геральдические фигуры и, прежде всего, двуглавый орел с короной, скипетром и державой были в XVII в. непременным атрибутом столовой царской посуды. Большинство чар и ковшей имеют гравированных или литых орлов в мишени на дне, а некоторые кубки украшенными литыми орлами на крышках. Даже скатерти вышивались изображением государственного герба. (Посольство Кунрада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 414). Однако, государственные и «земельные» гербы во время торжественных царских трапез на столах присутствовали не только на посуде. Мы знаем, что некоторые кулинарные блюда, подаваемые на стол, имели форму разных геральдических фигур и, прежде всего, двуглавых орлов, или архитектурных сооружений, завершенных двуглавыми орлами. Ниже мы постараемся дать обзор известных нам письменных источников, в которых описаны такие кулинарные изделия.

19 февраля 1664 г. с царского стола послу Ч. Карлайлу и его сыну были посланы: «блюда орлов, блюдо львов... блюдо грифов... 2 рощи белые орлы золоченые, 2 ели белые орлы серебряные... 2 блюда орлов… 2 блюда индрыков, 2 блюда гриф...». (Дворцовые Разряды. Том третий. СПб., 1852. Стб. 576–577). Из чего были приготовлены эти фигуры, теста или сахара, мы не знаем. Упоминания блюд и множественного числа кулинарных изделий за-

ставляет думать, что это были небольшие изделия, вроде пряников или печенья или небольших фигур из сахара. Набор традиционных геральдических фигур (орел, лев, единорог, гриф), на наш взгляд, очень красноречив.

Сладости в виде гербов или сложных архитектурных композиций, выполненных из сахара, нередко подавались на царский стол. На родинный день царевича Петра Алексеевича 29 июня 1672 г. «Великому государю было подано в стол: коврижка сахарная большая, герб государства Московского; …орел сахарный большой литой белый, другой орел сахарный же большой красный с державами, весу в них по полтора пуда орел; …город сахарный Кремль с людьми с конными и с пешими; башня большая с орлом; башня средняя с орлом; …Да из Грановитой от Великого Государя со стола взято в Столовую: …2 орла литых больших... город сахарный Кремль». В этот же день «… государыне, (царице Наталье Кирилловне – *Д.П.)* подано сахаров и овощей: коврижка сахарная большая, герб государства Казанского; …орел сахарный литой белый большой с державою, весом пуд 20 ф.». (Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. М., 2014. С. 946–947, 952) Легко догадаться, что на сахарном Кремле обязательно должны были быть двуглавые орлы. Можно также осторожно предположить, что если существовали «коврижки сахарные большие», «герб государства Московского» и «герб государства Казанского», то, как минимум, должны были быть и другие «коврижки» – «Астраханская», «Владимирская», «Новгородская» и т.д., отражающие царскую и великокняжескую часть титула.

А вот с каким подарками «гофмейстер» князя Ю.А. Долгорукого пришел на пир 5 февраля 1675 г. к голландскому посланнику К. фан Кленку: «Большое красивое печенье; его несли два человека. Другое, еще большее, с позолотою в некоторых местах и с гербами его величества, его несли два человека… Печенье: …Круглый пирог с красным деревцом и с позолоченным двуглавым орлом наверху. Круглый пирог с белым деревцом; все в виде короны…Большая рощица, раскрашенная разными красками, с птичками на каждой ветке и с большим двуглавым орлом посередине наверху. Ее несли 4 человека на носилках, большею частью позолоченных» (Посольство Кунрада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 426-427). Здесь описаны печеные изделия, сложные по композиции и больших размеров. Упоминание о «дереве» мы находим и в документе 1666 г.: «Сентября 16 в неделю …Того же дни был у великого государя родильной стол (после рождения 27 августа царевича Ивана Алексеевича – *Д.П.)* по комнате. А у стола были бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки, все без мест… И как государь пожаловал бояр, окольничих и думных людей водкою, и в то время принесли заедать сахару вареного большое дерево. А после стола им же пожаловал государь, боярам по орлу одноглавому с коришным маслом; окольничим и думным людям по орлу». (Дневальные записки Приказа тайных дел: 7165–7183 гг. / С.А. Белокуров. М., 1908. С. 226). Что имеется ввиду под «вареным сахаром» – не совсем

понятно, но если в середине XVII в. его изготовляли по той же технологии, что и сейчас, т.е. уваривая сахар с молоком с добавлением сладостей или орехов до образования густой массы, то можно представить, что он мог разливаться в формы и там застывать. Возможно, при добавлении молока он мог выглядеть как постный сахар или щербет.

Бернгард Таннер, служащий польского посольства 1678 г. описывает подаваемые на стол фигуры и композиции так: «Из муки, разведенной тоже на льняном масле, сложены были башни, стены и— не говоря о прочем— очень много вещей, сделанных с особенным искусством. Заметны были в особенности двуглавые орлы по верхушкам» (Таннер Б.Л.Ф. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. М., 1891. С. 55). «Стены и башни, увенчанные двуглавыми орлами» − это, скорее всего, Московский Кремль с его башнями, завершенными орлами. Упоминание муки и масла говорит о том, что это были печеные изделия. Впрочем, если автор не пробовал на вкус эти фигуры, он вполне мог и перепутать сахарную фигуру с фигурой из теста.

Сахарные фигуры, по-видимому являлись предметом пожалования. 19 февраля 1664 г. царевичем Алексею Алексеевичу и Федору Алексеевичу были пожалованы «...роща красная цветная росцвеченая розными краски, а на ней орел золоченый сусалным золотом; роща белая, а на ней орел серебряной…» (Дворцовые Разряды.Том третий. СПб., 1852. Стб. 576). «…Да к нему ж послано: 3 сахара больших орлов, 3 сахара малых орлов, 2 четверных с пряными зельи…» (Дела Тайного Приказа. Книга первая. СПб., 1907. С. 1084–1085). Судя по всему, такие подарки не съедались, а сохранялись как память о царской милости. Вот что, среди других «сахаров», хранилось в доме царского тестя «...боярина Ильи Даниловича Милославского в полате сахаров: орел стоячей на колодке, двоеглавой, золоченой; орел двоеглавой, в травах, аршин с четью; ...орел двоеглавой, с травы, трехчетвертной; 2 орла на дереве, двоеглавой, по 9 вершков; 6 орлов двоеглавых, съ травами, по полуарашину; в яшике 6 травных, 7-й попорчен по полуаршину; 7 орлов одноглавых по чети аршина, …13 орликов по 2 вершка...» (Дела Тайного Приказа. Книга первая. СПб., 1907. С. 212−213). В 1689 г. в спальне князя В.В. Голицына, хранился «Лебедь сахарной на поддоне, на шее корона золотая. Цена полтина» (Розыскныя дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Том четвертый. СПб., 1893. Стб. 13). Интересно, что эта фигура легко идентифицируется с гербом нескольких английских семей XIV−XVI вв.

Мы знаем, где делались эти фигуры: «На Москве: Оптекарской Новой Дворъ на Смоленской улице …Да въ хлебне медной посуды: ..., 2 доски коврижешные, 2 покрышки, станокъ сахарной да налитокъ, (по Далю: « *Налитка*, шестик, с означеньем на нем меры жидкости в ведрах, для известной посуды, чана, котла…» – *Д.П.*) орлик, индрох, лев, …100 досок розных образцов… Да медных судов, в чем сахар льют: 8 противней» (Дела Тайного Приказа. Книга первая. СПб., 1907. С. 206−213). Судя по приведенным выше описаниям, фигуры раскрашивались разными красками и золотились.

Когда геральдические фигуры стали подаваться на стол московских царей, мы не знаем. Достоверно известно, что в конце XVI в. русские, как минимум, знали о существовании такого приема оформления сладостей: «А ествы были перед Максимильяном розные многие и урядные орлы, и павы, и гуси, и утки и великие птицы всякие в перье золочены, и рыбная ества деланы киты и щуки и иные рыбы, и пироги розными образцы золочены, еств с пятдесят, да овощей сахоров на тридцати на пяти блюдех» (Посольство Афанасия Власьева к эрцгерцогу Максимиллиану и императору Рудольфу II. 1599 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1852. Стб. 743–744). Из этого текста, конечно, трудно понять, что именно было в виде геральдических фигур («орлы, …великие птицы всякие») – «пироги» или «сахоры», но очевидно, что такая информация в Москве была.

Использование огромных сахарных фигур (в том числе деревьев и геральдических изображений, например, двуглавых орлов и львов с гербовыми щитами) для украшения церемониальных банкетов владетельных государей в Европе и, особенно, в Италии получило широкое распространение с сер. XVI в. (См.: Di Schino, J. The Triumph of Sugar Sculpture in Italy, 1500–1700 // Look and Feel: Studies In Texture, Appearance and Incidental Characteristics of Food: Proceedings of the Oxford Symposium on Food and Cookery 1993, Oxford. 1994; Brown P. Ivan D. The Pleasures of the Table. Ritual and Display in the European Dining Room 1600–1900. York, 1997; Giusti G. Spinelli R. Dolci Trionfi e Finissime Piegature. Sculture in Zucchero e Tovaglioli per le Nozze Fiorentine di Maria De' Medici. Florence, 2015; The Art of Food for Festivals. Reed M. (ed). Los Angeles, 2015).

Сахар для нас являлся в XV–XVII вв. импортным товаром. Очевидно, что культура устройства геральдических сахарных фигур является прямым заимствованием модного в Европе кулинарного приема, пришедшего вместе с самим продуктом. При современном состоянии исследований источников, достоверно установить время бытования геральдических композиций на столе Московского царя мы можем только во второй половине XVII в. Однако, интенсивность и «размах» производства сахарных фигур (в наш обзор включены только упоминания о строго геральдических фигурах, не включающих в себя такие формы как «петух», «лебедь», «утя», «попугай», «голубь», «город четвероуголной с пушками», «коврижки сахарные, белая да красная; голова большая», «голова большая расписана с цветом», «стерлядь», «узлы травные», «узлы кафимские», «репья» и т.д.) предполагает, что такая подача существовала и раньше.

М.С. Петрова (Москва)

Методы просопографического анализа и реконструкция биографии Марциана Капеллы

Доклад посвящен демонстрации работы методов просопографического анализа при реконструкции биографии Марциана Капеллы, автора «De nuptiis Philologiae et Mercurii» (см. лейпцигское издание под ред. А. Дика 1925 г.).

Отмечается, что о Марциане прямых свидетельств не сохранилось за исключением нескольких строк, которые интерпретируются по-разному. Предпринимается попытка ответить на ключевые вопросы, связанные: 1) с именем автора, местом его рождения и продолжительностью жизни; 2) временем написания «De nuptiis» и 3) родом занятий.

В частности, рассматривается полный перечень имен Марциана: MARTIANUS MIN(N)E(I)US FELIX CAPELLA, сохранившихся в виде подписи в немногих средневековых манускриптах X–XII вв. Обсуждается отсутствие в таких подписях титула, указывающее на невысокий общественный статус писателя. Показано, что сам автор называл себя «Феликсом» (De nupt. 576, 9) или «Феликсом Капеллой» (Ib. 806, 21; 999, 7). Обращено внимание на факт употребления имен «Феликс Капелла» современниками Марциана — Фульгенцием (кон. V – нач. VI вв.) (Exp. serm. ant. 45) и Кассиодором (ок. 490–583) (Inst. II, 2, 17; II, 3, 20). Анализируются слова Григория Турского (538–594): «наш Марциан» (Hist. fr. X, 31), а также аналогичные именования («Марциан») составителей комментариев на «De nuptiis» (IX–X вв.) − Иоанна Скотта (Эриугены) (Ann. in Marc., passim) и Ремигия из Осерра (Comm. in Mart., passim). Отмечено, что в современной зарубежной и отечественной историографии употребляются или два имени (первое и последнее из перечня, то есть «Марциан Капелла»), или одно из них («Марциан»).

Приводятся доказательства того, что Марциан мог быть уроженцем Карфагена. Среди таковых фраза: «AFRI CARTAGINIENSIS», содержащаяся в одном из ранних манускриптов X в. (MS Leidensis 36) и собственные слова автора: «beata alumnum urbs Elissae» (De nupt. 999, 13). Принадлежность Марциана африканской школе подтверждается анализом его стиля, похожего на стиль его соотечественников − Апулея (ок. 124 г.), Арнобия (ок. 300 г.), Макробия (V в.) и Фульгенция. Анализируется содержание «De nuptiis» в ракурсе латинской интеллектуальной традиции.

На основании анализа релевантных строк из «De nuptiis» (997, 11) предпринимается попытка определить возраст писателя, род его занятий (999, 10−12), даты написания «De nuptiis» (637, 10−13 и 669, 5−6).

В заключение предложена следующая реконструкция биографии Марциана: Марциан родился в Карфагене приблизительно в конце первой четверти V в. (ок. 420/5 г.). Его полное имя было «Марциан Минней Феликс Капелла», однако сам автор называл себя «Феликсом» или «Феликсом Капеллой». Какую-то часть жизни Марциан провел в Карфагене, где, по-видимому, получил образование. Свое произведение он написал в конце 70-х гг. V в., традиционно посвятив его сыну (Марциану), который тогда был юношей. К моменту завершения «De nuptiis» автору было чуть более пятидесяти лет. Марциан не занимал высоких постов и не имел титула. Его занятия были связаны с судебной деятельностью и преподаванием грамматики.

Д.Г. Полонский (Москва)

«Отеческий» элемент титулатуры русских иерархов и монархов в XV–XVIII вв.

Одной из первых новаций Петра I в области внутриполитического этикета был именной указ от 1 марта 1702 г., изменявший форму обращений на царское имя и повелевавший «всякого чину людям» завершать челобитные формулой вассальной зависимости «Вашего Величества нижайший раб» (Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. IV. № 1899). Последующие преобразования в этой области растянулись почти на 20 лет: фактически их завершало принятие в 1721 г. Петром I нового титула, вследствие чего он был провозглашен «Отцом Отечествия», «Императором Всероссийским» и «Великим» (ПСЗ. Т. VI. № 3840). Этот акт справедливо связывается исследователями с ориентацией на культурно–политическую модель Римской империи. При этом считается, что первый элемент трехчастного титула, эквивалент латинского Pater Patriae, не только воспроизводил почетное титулование римских императоров, но и «устанавливал новое значение роли царя как духовного отца своей паствы» (Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / перев. С.В. Житомирской. Т. I. М., 2004. С. 97; ср. Успенский Б.А. Петр Первый и переосмысление понятия империи // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3. М., СПб., 2014. С. 214–216).

Установление такого нового значения включало несколько аспектов. Во–первых, употребление слова «Отечество», помимо распространенного значения «родина», начиная с XIV в. встречается в летописях и патериковых сказаниях, в частности, как «звание духовника» и «почтительное обращение к духовному лицу» (см. примеры: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 239), однако без предиката «Отец». Во–вторых, формула «Отец Отечества», хотя и утверждалась властью в сознании подданных как новация, вряд ли могла не иметь коннотации с издавна употреблявшейся на Руси по отношению к церковным иерархам формулой «отец отцов». Латинский оригинал последней (Pater Patrum) представлял собой заимствование в титулатуре римских понтификов из распространенного в I–IV вв. в Римской империи языческого культа – митраизма, первосвященники которого, как показывают исследования памятников эпиграфики, носили такой титул (von Döllinger J. J. I. Die Papst–Fabeln des Mittelalters. Stuttgart, 1890. S. 33–35; Vermaseren M.J. Corpus Inscriptionum et Monumentorum Religionis Mithriacae. Hague, 1956. № 336; 369; 378 и др.).

Свидетельства употребления формулы «отец отцов» по отношению к иерархам христианской Церкви в документах, написанных кириллицей, сохранились в памятниках, происходящих с территории Великого Княжества Литовского и относящихся к последней четверти XV в. Так, составленное в Вильне 14 марта 1476 г. послание избранного на Киевскую митрополию

смоленского епископа Мисаила и православной западнорусской знати к папе Сиксту IV адресовано ему как «отцу отцем и всеначалнейшему пастырю пастырем» (Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1992. Ч. 5. Прил. № 59. С. 1071); в черновом варианте послания 1488/1489 г. православных князей, живших «под державою великого господаря, наяснейшого пана Казимира короля Польского и Великого князя Литовскаго и Рускаго», к Константинопольскому патриарху (имя не названо) с просьбой о благословении избранного ими на Киевскую митрополию полоцкого епископа Ионы (Глезны) фигурирует аналогичное обращение как к «господину господем и отцу отцем» (Археографич. сборник документов, относящихся к истории Северо-Зап. Руси. Вильна, 1867. Т. 1. № 2. С. 2).

Та же этикетная формула, причем употребленная по отношению не к папе или патриарху, а к усопшему святителю, встречается в русской агиографии более чем за полвека до этого: Епифаний Премудрый в похвальном слове Сергию Радонежскому называет его «отцемь отець и учителем учитель, наказатель вождемь, пастырем пастырь, игуменом наставник, мнихомь началникь» (ОР РГБ. Ф. 304/I. № 755. Л. 87 об.; список втор. пол. XV в.). Тем не менее в документах, созданных в скрипториях и приказах Московского государства, формула «отец отцем» появляется в титулатуре православных иерархов существенно позднее: в XVI в. она еще отсутствует в дипломатическом этикете обращений царей и предстоятелей русской Церкви к патриархам Христианского Востока (см., напр.: Россия и греческий мир в XVI в. / отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2004. Т. 1. № 110, 111, 113, 135, 144, 145; Посольская книга по связям России с Грецией… 1588–1594 гг. М., 1988. С. 126–127, 135–136, 141). Однако в XVII в. «отец отцем» употребляется уже как стандартный элемент титулатуры московских патриархов: так назван патриарх Гермоген в послесловии к первой служебной Минее, напечатанной в Москве Иваном Андрониковым Невежиным (Минея служебная, сентябрь. М., 31. XII. 1607. Л. 327об.); обращение «старейшему и превысочайшему священноначалием отцу отцем, Великому Государю моему», начиная с декабря 1614 г. фигурирует в посланиях царя Михаила Федоровича к Филарету Никитичу (Собр. госуд. грамот и договоров. М., 1822. Ч. III. № 25. С. 120); затем в июне 1619 г. статус Филарета как «ныне святопомазанного превысокого патриарха, отцем отца и крайнего святителя» закрепляется в формуле интронизации, провозглашенной от имени Иерусалимского патриарха Феофана (Дополн. к Актам историческим. СПб., 1846. Т. II. № 76. С. 207), после чего выражение становится употребительным в этикете обращений к патриарху: например, в послании митрополита Киевского Иова Борецкого от 1 сентября 1624 г. (Архив ЮЗР. Киев, 1883. Ч. I. Т 6. С. 542), и т.д.

Примечательно ретроспективное употребление «отеческого» элемента титулатуры и в символическом обряде: когда в 1652 г. царь Алексей Михайлович решил перенести в московский Успенский собор мощи трех преждебывших высших иерархов (митрополита Филиппа, патриархов Иова

и Гермогена), то в подражание византийскому императору Феодосию II, обратившемуся в 438 г. с молебным посланием к покойному Иоанну Златоусту при перенесении его мощей из Коман Понтийских в столицу, усопшим иерархам от имени царя и патриарха Иосифа также были направлены подобные послания, где по отношению к адресатам употреблялась этикетная формула «отец отцем» (Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 569; Люстров М.Ю. Два послания московского патриарха Иосифа усопшим святителям // Изв. АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 1. С. 45–48).

В настольных грамотах, утверждавших поставления нижестоящих иерархов вышестоящими, та же формула фигурирует не только как элемент почетного, но и властного титула вышестоящих, что отражалось в специальном требовании покорности, обращенном к поставляемым. Так, в грамоте, данной патриархом Филаретом в 1630 г. при посвящении архимандрита Московского Новоспасского монастыря Тихона сказано: «Достоит ему с нами совет имети во всем… и во всех духовных вещех послушание и покорение, яко к Первосвятителю, Пастырю и Учителю, и Отцу отцем» (Рождественский В.А. Историческое описание Серпуховского владычного общежительного девичьего монастыря, с приложениями. М., 1866. С. 136); ср. то же выражение в грамоте 1653 г. патриарха Никона архимандриту Нижегородского Печерского монастыря Герасиму (Амвросий, архим. История российской иерархии. Ч. V. М., 1813. С. 167); патриарха Иоасафа в грамоте 1667 г. настоятелю Троице-Сергиевой Лавры Феодосию (Там же. Ч. II. М., 1810. С. 114–115) и др. Показательно представление патриарха Никона о формуле «отец отцем» не только как об элементе почетного титула, но и как о канонически обоснованном выражении статуса верховного носителя властных полномочий. Как писал Никон боярину С.Л. Стрешневу в «Возражении» (исследователи датируют сочинение от 1662 до 1665 г.): «Како же ты, не суть отец отцем, но аще бы еси и православен был и яко сын, како бы мог отцу отцем законополагати. Правила святых Отец не оставляют патриарший суд никому посуждати…» (Записки Отд. Рус. и славян. археологии Имп. Рус. археолог. общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 456).

Однако было бы неверно трактовать формулу «отец отцем» как элемент титулатуры исключительно высших иерархов. Один из составленных в конце XVI – начале XVII в. и распространявшихся в рукописях письмовников, называвшийся «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку» (или «Азбучный письмовник»), содержит формуляр послания «к святителю», причем без уточнения сана, и в нескольких списках памятника (РНБ. Соф. 1546, ГИМ. Увар. 616 и Увар. 848) в этом формуляре фигурирует выражение «отец отцем» (Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве. М., 2003. С. 178–179, 591, 623). Русские митрополиты XVII в. в настольных грамотах, обращенных к нижестоящим священнослужителям, тоже называли себя «отец отцем», используя в качестве этикетного клише дословно такое же требование покорности, что и

патриархи (см., напр.: Амвросий, архим. Указ. соч. Ч. IV. М., 1812. С. 275; Акты юридические. СПб., 1838. № 384. С. 404). Более того, обращение иерарха к подчиненному ему по статусу духовному лицу, имевшему репутацию выдающегося подвижника, могло выражать логический парадокс, благодаря которому в символическом пространстве этикета адресат оказывался одновременно и сыном, и отцом. Так, одна из редакций жития прп. Ефросина Псковского включает послание, где архиепископ Великого Новгорода и Пскова Евфимий обращается к иноку как к «Сыну моему о Христе св. Духом и возлюбленному ми чаду… отцу отцем Ефросину» (Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб., 1862. С. 95).

Юридическое оформление формулы «отец отцем» в качестве официальной в патриаршей титулатуре планировалось при царе Федоре Алексеевиче в конце 1681 г., что зафиксировано в приговоре «о именовании архиереев по степеням», которым должен был быть введен новый строй епархиального управления и новые церковные титулы (ПСЗ. Т. II. № 898; ср. Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842. № 75. С. 110), но это установление не было реализовано (Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 440–442). Тем не менее, в посланиях последней четверти XVII в. патриархам Иоакиму и Адриану, направлявшихся, например, архепископом Черниговским Лазарем Барановичем, Киевскими митрополитами и архимандритами Варлаамом Ясинским, Гедеоном Четвертинским и Мелетием Вуяхевичем, а также гетманом Иваном Мазепой, обращение к московскому первоиерарху как к «отцу отцем и архипастырю пастырем» присутствует в качестве обязательного элемента титулатуры (многочисленные примеры – в ОР РГБ. Ф. 310. № 210; Архив ЮЗР. К., 1873. Ч. I. Т. 5).

Формула «отец отцем» закономерным образом исчезает из титулатуры иерархов после кончины в 1700 г. Адриана, последнего русского патриарха досинодального периода. Когда более чем 20 лет спустя окружение Петра I поднесло ему трехчастный титул, общественное восприятие, видимо, уже не могло отличить в нем новой формулы «Отец Отечества» от прежней «отец отцем». Противники царя понимали утверждение новой титулатуры не только как ориентацию на римский образец, но, что для них явно было важнее, как похищение полномочий главы Церкви: в анонимном старообрядческом сочинении об антихристе Петр обвинялся в том, что он самозванно «приял на себя титлу Патриаршескую, назвася Отцом Отечества» и «яко же Папа в Риме, тако и сей лжехристос нача гонити и льстити и искореняти останок в России Православныя Веры...» (ЧОИДР. 1863. Кн. 1. Отд. V. С. 58; ср. Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. М., 1996. С. 74–75, 81). Различие между формулами, однако, состояло не только в лексике, но и в выражении отношения к подвластным лицам: обладатель статуса «отца отцов» распространял полномочия на «духовных чад», тогда как подданным носителя титула «Отца Отечества» предписывалось называться «нижайшими рабами».

И.Г. Пономарева (Москва)

Известия о местнических конфликтах при дворе московского великого князя Василия I

Касаясь вопроса о времени появления местничества, современные историки ссылаются на выводы А.А. Зимина. Назвав два примера, но не исследовав их, он написал об отсутствии достоверных сведений о местничестве в XIV в. Среди известий времени правления Ивана III А.А. Зимин нашел проявление местничества только в двух, связанных с местническими делами, по сути, определив главным критерием развитости института наличие конфликтов на почве местничества. В итоге, А.А. Зимин пришел к выводу, что «во второй половине XV – первой трети XVI в. местничество имело скромные размеры» и оставалось неразвитым даже в начале XVI в. Вместе с тем, он отметил, что «для более раннего периода… сохранились отрывочные данные, главным образом содержащие предания о местах, которые занимали во время приемов ближайшие к великому князю бояре» (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 398–304). К сожалению, беглый обзор источников и пренебрежение исследованиями предшественников не позволяют признать выводы А.А. Зимина обоснованными и окончательными.

Разбирая примеры, он упомянул самое раннее местническое дело, чья документация сохранилась (В.Ф. Сабурова и Г.В. Заболоцкого). Датировка А.А. Зимина: 60-е – перв. пол. 70-х гг. XV в., уточнена В.Д. Назаровым: 1463−1465 гг. (Разрядная книга 1475−1605 гг. Т. I. Ч. 1. М., 1977. С. 81−86; Назаров В.Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 188; Пономарева И.Г. О происхождении комплекса ранних местнических документов // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2011. С. 50−54). Не связывая друг с другом дошедшие раздельно правую грамоту и материалы следствия, А.А.Зимин признал необходимость изучения последних, априори высказав сомнение в их достоверности. Между тем, эти официальные документы показывают развитость местничества уже в начале правления Ивана III, а также содержат информацию о местнических конфликтах при дворе его деда.

В приобщенной к делу «Памяти Федора Ивановича Сабура» (Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 25) описан спор из-за места на свадьбе выехавшего из Литвы потомка Гедимина князя Юрия Патрикиевича, состоявшейся в Москве в 1406 или 1407 г. (Кучкин В.А. Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // ОИ. 2006. № 1. С. 157). Описание предваряет ремарка о том, что для Юрия Патрикиевича «князь великий место упросил у бояр, коли за него дал сестру свою великую княжну Анну». На свадебном пиру Федор

Сабур «засел» (занял более почетное место) старшего брата жениха – князя Федора Хованского, на что тот заявил, что Сабур должен сидеть ниже даже его младшего брата («Посяди брата моего меньшего князя Юрья Патрикиевича»). Предложение носило гипотетический характер (на собственной свадьбе у жениха было особое место), но этим заявлением Хованский указал как на определенный и зафиксированный более низкий по отношению к обоим князьям статус Сабура. Но у того на этот счет был свой взгляд. Его дядя, Константин Дмитриевич Шея, до приезда братьев стоял в челе московского боярства, возглавляя боярский совет при великом князе, о чем свидетельствует приобщенная к делу В.Ф. Сабурова и Г.В. Заболоцкого «Память Генадия Бутурлина да Михаила Борисовичя» («как князь Юрьи Патрекёевич приехал, а заехал бояр Констянтина Шею, да Ивана Дмитреевичя...»), в которой Шея назван первым из бояр (ПСРЛ. Т. 24. С. 232). Федор Сабур, будучи старшим племянником бездетного Константина Дмитриевича, должен был после кончины дяди войти в Боярскую думу, что и произошло позднее. В первом завещании Василия I среди бояр-свидетелей назван Константин Дмитриевич Шея, в двух последних его имени нет, но упоминается Федор Иванович Сабур (ДДГ. № 20–22). Князь Хованский на членство в Думе рассчитывать не мог. Сабур поставил на место заезжего князя, язвительно заметив, что особое положение в Москве занял только Юрий Патрикиевич и исключительно благодаря удачному браку, породнившему его с великим князем («У того бог в кике (головной убор новобрачных и замужних женщин), а у тебя бога в кике нет»), после чего «сел Хованского выше». Совершенно очевидно, что спорившие за место на пиру рассматривали свои притязания в контексте общей дворовой иерархии, зиждившейся на двух базисных принципах местничества: происхождение и заслуги предков.

То, что местнические конфликты бытовали при дворе Василия I и могли стать предметом судебного разбирательства, показывает другой рассказ из «Памяти Федора Ивановича Сабура», упоминающий о несостоявшемся счетном деле. Когда младший брат Сабура Даниил Иванович Подольский «Новгород держал», с ним там «Федор был Вельяминович (Протасьевичи-Вельяминовы) заставою». «Писал к ним князь великий вместе», но грамоты к великому князю шли «за Даниловою печатью», что свидетельствовало о его первенстве. По возвращении, на приеме у великого князя, как и следовало, «Данила напереди пошел, и после его пошел Федор Вельяминович». Сложившаяся ситуация послужила поводом к тому, что тогдашний глава рода «Иван Федорович (Воронцов) да Федор надумали бити челом великому князю», очевидно, желая добиться признания своего приоритета, но «князь великий не дал Федору с Даниилом ни помянути» и тем самым решительно присек их попытку инициировать дело.

Более настойчивые добивались возбуждения дел и судебного решения с оформлением соответствующей документации. В Описи Посольского приказа 1626 г. значится «грамота правая, что судил князь великий Василей

Дмитреевич Ивана Федоровича с Ываном Хоробровым» (ДДГ. С. 462). На то, что несохранившийся акт связан с местническим делом указывает отсутствие упоминания объекта спора, как должно было быть в случае поземельной тяжбы.

В.П. Пушков, И.И. Соломин (Москва)

«Поднос» новоизданных книг Московского печатного двора первым лицам государства как одна из черт идентичности русской книжной культуры XVII в.

Сразу после завершения тиражирования каждой новой книги руководство Московского печатного двора (МПД) в первую очередь торжественно вручало («подносило») несколько специально подготовленных ее экземпляров царю и патриарху. Эта традиция, безусловно, имела большое смысловое значение, символизируя некую соборность приобщения к православной Книге всех слоев общества. Судя по архиву МПД, эта традиция вполне сложилась уже к концу 1610-х гг, так что ее корни, скорее всего, уходят в первые десятилетия отечественного книгопечатания. Поскольку аналогий в соседних странах не известно, то такую особенность следует признать яркой чертой идентичности русской книжной культуры, устойчивость которой в продолжение всего XVII в. подчеркивает ее вклад в формирование «культурного ядра русского народа» (терми патриарха Кирилла).

В первое десятилетие после Смутного времени факт передачи книг первым лицам государства обозначался словами «отданы» (Минеи служебные сентябрьские и октябрьские 1619 г. издания, Минеи декабрьские 1620 г., Апостол 1621 г.) или «отнесено» (Минея январская 1622 г.) (см.: Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры: 1618–1652 гг. М., 2001. С. 314, 325, 332, 344. Далее ссылки на эту и аналогичные книги данных авторов: Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры (1652–1700 годы). Кн. 1. М., 2007 и Кн. 2. М., 2011 будут даваться по году их издания). Так, 9 ноября 1619 г. царю Михаилу Федоровичу по две Минеи сентябрьские и октябрьские «государю отдал» кравчий М.М. Салтыков, а книги эти «относил наборщик Алексей Невежин». И в тот же день по три таких книги патриарху и по четыре матери царя «великой старице иноке» Марфе Ивановне «отдал» начальник типографии Еф. Гр. Телепнев, которые «относил» тот же наборщик Ал. Невежин (2207, с. 314). В данном случае слова «государю отдал» вполне определенно говорят о непосредственном вручении книг самому царю Михаилу Федоровичу. Более четкий и церемониально окрашенный термин «поднес» впервые встречается при вручении 11 февраля 1622 г. первым лицам государства по три переплетенных экземпляра вышедших накануне «из дела из печати» Миней январских (мероприятие провел начальник

МПД Телепнев). Сухой язык типографских отчетов не раскрывает процедуру этой важной акции, которая, безусловно, должна была иметь достаточно представительный вид.

На примере вышедшего в 1637 г. в свет Трефологиона сентябрьского отметим изменения в кругу получателей новых изданий Печатного двора: «И в нынешнем во 145 году июня в 28 день из тех книг поднесено ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и к государыне царице и великой княгине Евдокие Лукьяновне так и к государю царевичю Олексею Михайловичю и к государю царевичю князю Ивану Михайловичю и к великому господину святейшему Иоасафу патриарху Московскому и всеа Русии, подано по две книги в переплете по обрезу золоченые да по книге в простом переплете – и всего по обрезу золоченые и в простом переплете пятнацать книг» (2007, с. 276, 277).

В дальнейшем термин «поднесено» окончательно закрепился для обозначения торжественного вручения новоизданных книг первым лицам государства, утратив, однако, имена конкретных подносителей и приносителей. Так, 16 июля 1653 г. из только что отпечатанного тиража Часослова было «поднесено ко государю царю и еликому князю Алексею Михайловичу всеа Русии 4 книги в переплете по обрезу золотом, 2 книги в простом переплете» (2007, с. 277). Однако относительно патриарха в данном случае было употреблено слово «отнесено», причем эти книги (две в золотом и одна в простом переплете) были даны ему в качестве «государева жалованья» (как и другим получателям «безденежной» раздачи), что, видимо, снижало протокольный уровень подобнной процедуры.

В патриаршество Никона количество вручаемых ему «нововыходных» книг резко возрастает. Так, например, из тиража Чиновников 1653 г. издания было «поднесено к великому государю святейшему Никону патриарху Московскому и всеа Русии 12 книг в переплете», а в 1654 г. ему же было «поднесено» 50 экземпляров Служебника «в тетратех» – первой книги Печатного двора, выпущенной под его непосредственным руководством (2007, с. 285, 296).

Традиция торжественного вручения первым лицам государства новой типографской продукции продолжала существовать и при сыновьях царя Алексея Михайловича. Например, из нового издания Апостола 1679 г. «великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу поднесено» было семь экземпляров этой книги «в переплете по обрезу золотом» и шесть – «в переплете с цветками», а «Иоакиму патриарху Московскому и всея Русии» соответственно две и одна книга в таких же переплетах (2011, с. 427). Из уникального большеформатного издания Евангелия напрестольного 1681 г. царю Федору Алексеевичу было «поднесено 3 книги на большой бумаге» и 10 «на средней» (все в золотом переплете), тогда как патриарху Иоакиму соответственно две и одна книги в простом переплете (2011, с. 436). С установлением регенства царевны Софьи Алексеевны традиция не прекратилась. Так, из

нового тиража церковного Устава (Типикона) «великим государям» Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу было «поднесено» каждому по шесть и семь экземпляров этой огромной книги (соответственно в переплетах «по обрезу золотом» и «с цветками»), а патриарху два и один экземпляр в том же оформлении. В тех же пропорциях и переплетах оба царя и патриарх получили вышедший в 1682 г. Увет Духовный и Ирмологион 1683 г. издания (2011, с. 445, 450, 473). Весьма показателен «поднос» царской семье осуществленного в 1693 г. полного годового круга служебных Миней (12 томов), который косвенно подтверждает непосредственность вручения новых книг первым лицам государства, причем с резким расширением состава царственной семьи. Так, цари Иван и Петр получили по одному полному кругу таких Миней в золотом переплете. «Да великим государыням царицам и великому государю царевичю Алексею Петровичю, и великим государыням царевнам в 15 комнат по году Миней в переплетах с цветками и всего в 17 комнат». Архиепископу же Московскому Адриану поднесли один годовой круг служебных Миней в золотом и два комплекта «в переплете с цветками» (2011, с. 484).

Поскольку в продолжение всего XVII в. МПД выпустил в свет сотни книг, то формально царская династия только в результате «подносов» должна была обладать огромной библиотекой, использование которой будет рассмотрено в следующих наших работах.

Е.В. Пчелов (Москва)

«Игра с фамилиями» в русской литературе XX века на примере «Ады» В.В. Набокова

Нет необходимости говорить о том, какое огромное значение в литературных произведениях принадлежит антропонимам, в т.ч. и фамильным. Их функции разнообразны, а семантика позволяет существенно скорректировать интерпретацию того или иного произведения, глубже понять его смысл. Общеизвестно, что вместе с ходом литературного процесса усложняются и сами способы формирования, использования и функционирования антропонимов в литературном тексте; со временем они обнаруживают в нём всё более и более неявное присутствие, вплоть до того, что их роль становится не очевидной, а об их значимости приходится лишь догадываться. Авторы как бы «играют» с личными именами и фамилиями, обыгрывая их тем или иным образом, намекая на них, но не обозначая явно, делая различные

отсылки или же вызывая возможные аллюзии. В качестве примера приведу роман В.В. Набокова «Ада».

Как известно, большое место в нём занимает генеалогическая тема родственных отношений героев, их близкородственные связи и, по сути, инцест. О фамилиях персонажей много писали, указывая, в том числе, и на их связь с фамилиями русского дворянства и их родственников (Земские, Тёмносиние, О'Райли и др.) (И.В. Сахаров). Однако одна из главных фамилий в романе – фамилия «Вин». Набоков пишет её как Veen, заставляя исследователей предполагать даже голландское её происхождение (П. Фрай). Высказывалось также предположение, что эта фамилия представляет собой усечённую русскую дворянскую фамилию Головин (А. Скляренко), образованную по тому же типу, что и другие подобные фамилии в романе (Вяземский – Земский, Гагарин – Гарин; подобный тип фамилий, как известно, был характерен для внебрачного потомства дворян XVIII – нач. XIX в.).

Между тем, существенно, что предка Винов в романе звали Эразмус. Более того, он был мужем Ольги Земской, брат которой Пётр женился на Мэри О'Райли. В ирландском происхождении антропонима последней не приходится сомневаться. Допустимо предположить, что и муж сестры Петра Земского также имел близкое – английское происхождение. На ум приходит, конечно же, выдающийся натуралист и изобретатель Эразм Дарвин, дед великого Чарльза Дарвина. Его антропоним по-английски звучит как Erasmus Darwin. Но Набоков не просто «отсекает» первую часть фамилии Дарвин, экстраполируя русскую традицию на иностранный язык, но и переделывает её оставшуюся часть, превращая её в Veen. Таким образом, как и Мандельштам, он лишь намекает на фамилию-прототип, обыгрывая её и заставляя читателя подумать.

Набоков был выдающимся учёным-биологом, и нет сомнения, что личность и происхождение Ч. Дарвина были ему хорошо известны. Обращает на себя внимание также и тот факт, что в родословной Дарвина неоднократно заключались близкородственные браки – прежде всего, с фамилией Вэджвуд. Так, сам Чарльз Дарвин был женат на своей двоюродной сестре по этой линии. Генеалогия героев «Ады» также построена по схожему принципу. Причём, по-видимому, какое-то значение в романе для Набокова имел мотив селекции в человеческом обществе (подобно скрещиванию животных) и, возможно, он в какой-то степени подразумевал идеи евгеники, основателем которой был двоюродный брат Ч. Дарвина Фрэнсис Гальтон. Хотя «Ада» и написана в послевоенный период, Набоков навер-

няка знал и о евгенике и об идеях применения искусственного отбора в социальной сфере.

Ещё один примечательный момент – большое распространение среди антропонимов романа имён и фамилий или начинающихся или включающих в себя букву Д (Дедалус, Ардалион, Дементий, Данила, Ада, Дарья, Дурманов). В некоторых из них совершенно очевидна первая часть фамилии Дарвин (Дарья, Дурманов), в других на это может косвенно указывать буква Д. Наконец, в фамилиях невесток Эразмуса Вина – Гариной и Трамбэлл (как и в имени Ардалион) – очевидны сочетания букв *ар (ра)* и *ин*, также недвусмысленно отсылающих к фамилии Дарвин.

Эти пример показывает, насколько неявными, подразумеваемыми могут оказаться отсылки к реальным фамильным антропонимам в литературных произведениях XX века.

А.И. Раздорский (Санкт-Петербург)

Сроки представления таможенных и кабацких книг в центральные приказы в XVII веке (на примере курских, белгородских, вяземских и можайских источников)

Таможенные и кабацкие головы, отвечавшие за сбор таможенных доходов и питейной прибыли в городах и уездах Московского государства, были обязаны по окончании срока своей службы, длившейся обычно год, представить отчетные документы – таможенные и кабацкие книги. Эти книги, выверенные и переписанные набело, головы вместе с собранными денежными суммами доставляли в центральные приказы, ведавшие получением таможенных доходов и питейной прибыли в различных частях страны. Для истории таможенного и кабацкого дела XVII в., а также для источниковедения таможенной и кабацкой документации, представляет интерес определение сроков, отделявших дату окончания службы очередного головы до момента сдачи им книг и собранных денег в соответствующий приказ.

Приказные пометы о дате поступления той или иной книги в приказ присутствуют нередко в самих документах. Однако имеется немало таможенных и кабацких книг, где таких помет нет. Кроме того, по большинству городов таможенные и кабацкие книги дошли лишь в очень небольшом количестве или не сохранились совсем. В то же время в приходо-расходных книгах центральных приказов, в которые доставлялись таможенные и кабацкие книги, можно обнаружить сравнительно полные сведения о датах представления этих документов.

В данной публикации приведены некоторые сведения о сроках доставки в приказы таможенных и кабацких книг двух южнорусских городов (Курска и Белгорода), ведавшихся до начала 1680-х гг. в Разрядном приказе, и двух западнорусских городов (Вязьмы и Можайска). Таможня и питейные заведения Можайска до начала 1680-х гг. ведались в Приказе Устюжской четверти (по указу от 22 октября 1680 г. сбор таможенных и кабацких доходов по большинству городов Европейской России был переведен из различных приказов в Приказ Большой казны). Что же касается Вязьмы, то ее таможня и питейные заведения числились, как правило, за разными приказами. Так, сбор вяземских питейных доходов до 1654/55 г. контролировался Приказом Устюжской четверти, в 1655/56–1658/59 гг. ведался в Приказе Новой четверти, с 1659/60 по 1666/67 г. – снова в Приказе Устюжской четверти, с 1667/68 по 1669/70 г. – в Посольском приказе, а в 1670 гг. вновь возвращен в Приказ Устюжской четверти. Вяземская таможня в 1643 г. была передана от Приказа Большого прихода в ведение Посольского приказа, в 1665 г. переподчинена Приказу Устюжской четверти, в 1667 г. возвращена в Посольский приказ, а в 1670 г. вновь передана в Приказ Устюжской четверти, в котором и состояла до начала 1680-х гг.

В нашем распоряжении имеются данные о датах доставки в приказы 20 курских, 22 белгородских, 35 вяземских и 30 можайских таможенных и кабацких книг. В отношении 8 курских и 4 белгородских книг в приходо-расходных книгах Разрядного приказа указаны не даты представления отчетных документов головой в приказ (как в других случаях), а дата присылки воеводой головы с книгами и деньгами в столицу, например: «и в нынешнем во 156-м году апреля в 9 день писал к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю Всеа Русии ис Курска Федор Ладыженской и прислал кабацково и таможенново голову белогородца Степана Страхова с кабацкими и с таможенными деньгами и тем деньгам зборные книги» (РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 306. Л. 36). Надо полагать, что даты, указанные подобным образом, также означают именно день подачи документов в приказ. Так, в приходо-расходной книге Разрядного приказа 1642/43 г. говорится, что 7 марта 1643 г. белгородский воевода З. Леонтьев «писал и прислал» в Москву голову Б. Уланова с книгами и деньгами, а в самой белгородской таможенной и кабацкой книге 1641/42 г. содержится приказная помета: «151-го марта в 7 день подал Богдан Уланов» (Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1982. С. 7).

Сроки представления таможенных и кабацких книг в центральные приказы значительно варьировались. Так, по Курску минимальный (из известных нам) временной промежуток между окончанием срока служ-

бы головы и представлением им отчетных документов в приказ (в этот интервал входила, разумеется, и дорога до Москвы) составил 1 месяц и 9 дней (таможенная и кабацкая книга с 22 ноября 1623 г. по 22 ноября 1624 г. подана 31 декабря 1624 г.), максимальный – 6 месяцев и 30 дней (таможенная и кабацкая книга с 6 декабря 1642 г. по 6 декабря 1643 г. подана 5 июля 1644 г.). По Белгороду рассматриваемые данные выглядят так: минимальный интервал – 1 месяц и 4 дня (таможенная и кабацкая книга с 2 марта 1624 г. по 2 марта 1625 г. подана 6 апреля 1625 г.), максимальный – 8 месяцев и 20 дней (таможенная и кабацкая книга с 25 декабря 1651 г. по 1 сентября 1652 г. подана 20 мая 1653 г.); по Вязьме – минимальный интервал – 1 месяц 17 дней (кабацкая книга с 1 июня 1621 г. по 1 июня 1622 г. подана 17 июля 1622 г.), максимальный – 10 месяцев и 4 дня (кабацкая книга с 1 сентября 1627 г. по 1 сентября 1628 г. подана 4 июля 1629 г.); по Можайску – минимальный интервал – 1 месяц 6 дней (таможенная и кабацкая книга с 1 сентября 1625 г. по 1 сентября 1626 г. подана 6 октября 1626 г.), максимальный – 6 месяцев и 12 дней (книга с 1 сентября 1673 г. по 1 сентября 1674 г. подана 12 марта 1675 г.).

По срокам представления в центральные приказы таможенные и кабацкие книги рассматриваемых городов распределяются так: курские – от 1 до 3 месяцев – 3 книги, от 3 до 6–16, свыше 6–1; белгородские – от 1 до 3–6, от 3 до 6–9, свыше 6–7; вяземские – от 1 до 3–8, от 3 до 6–19, свыше 6–8; можайские – от 1 до 3–14, от 3 до 6–15, свыше 6–1. Таким образом, на составление и доставку в Москву 59 из 107 учтенных нами книг (55,1 %) потребовалось от 3 месяцев до полугода, 31 книги (29,0 %) – от 1 до 3 месяцев и только 17 (15,9 %) – свыше полугода.

Мы не обнаружили в приказных приходо-расходных книгах каких-либо указаний на существование законодательно установленного временного интервала, в течение которого головы обязаны были представить беловые таможенные и кабацкие книги в приказы. Вероятно, «по умолчанию» таким интервалом (по крайней мере для городов Европейской части страны) считался год после завершения службы очередного головы. По-видимому, этим и объясняется отсутствие в приказных приходо-расходных книгах упоминаний о порицаниях, вынесенных головам за несвоевременную доставку отчетных документов в приказы (даже в тех случаях, когда она превышала 10 месяцев).

Вопрос о сроках подготовки беловых таможенных и кабацких книг и времени их доставки в столичные приказы необходимо разрабатывать дальше по другим городам, используя для этого как приказные приходо-расходные книги, так и другие источники.

И.Я. Райковский (Ивано-Франковск, Украина)

Переписка П. Драгоманова с галицкими деятелями как исторический источник для изучения украинского национального движения последней трети XIX в.

Ценным историческим источником для изучения украинского национального движения в австрийский период является переписка известных галицких деятелей с представителями интеллигенции за рубежом. Они находились в разных государствах – соответственно под властью Австро-Венгерской и Российской империй – и посредством переписки обменивались информацией о состоянии жизни местного населения, посылали друг другу интересующую их литературу, выражали собственное мнение по различным актуальным вопросам общественной жизни. (Райківський І. Ідея української національної єдності в громадському житті Галичини XIX століття. Івано-Франківськ, 2012).

Среди представителей украинской элиты особое место принадлежало Михаилу Драгоманову – известному украинскому общественному деятелю, историку, публицисту, фольклористу. Он внес особый вклад в пробуждение современного украинского национально-политического самосознания, в частности, в Галиции. Во время научной стажировки в Европе (1870–1873 гг.) М. Драгоманов установил контакты с передовыми галицкими деятелями, имел влияние на местную молодежь (И. Франко, М. Павлик и др.), знакомил их с украинофильством и социально-политической проблематикой посредством передачи литературы, вышедшей в России, публикацией своих статей в галицких журналах. В этом контексте особое значение имела переписка М. Драгоманова с галичанами в 1870-х – перв. пол. 1890-х гг., не прекращающаяся до его смерти. Свои письма он, как правило, писал т. н. «драгомановкой» – одной из систем украинского кириллического правописания (с использованием гражданского шрифта, латинской буквы *j* вместо *й*, соответственно *ja, je* (а не *я, є*) и т.п.), созданной им по сербской модели. Однако она не получила распространения, за исключением частной переписки М. Драгоманова и его идейных сторонников.

«Без подробного изучения жизни и деятельности Драгоманова, – утверждал М. Возняк, – невозможно описать... украинскую политическую жизнь в 70–90 гг. в Галиции...» (Возняк М. Із зносин М.П. Драгоманова з Галичиною // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. Київ, 1926. Кн. 5. С. 155). Наиболее тесные отношения у М. Драгоманова сложились с М. Павликом, переписка между ними продолжалась на протяжении 1876–1895 гг. Семь томов их переписки (а также некоторые письма к жене М. Драгоманова Людмиле и др.) опубликовал М. Павлик в начале XX в. (Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876–1895). Т. II (1876–1878). Чернівці, 1910; Т. III (1879–1881). Чернівці, 1910; Т. IV (1882–1885). Чернівці, 1911; Т. V (1886–1889). Чернівці, 1912; Т. VI (1890–1891). Чернівці, 1910; Т. VII (1892–

1893). Чернівці, 1911; Т. VIII (1894–1895). Чернівці, 1911).

И. Франко издал в двух томах письма М. Драгоманова к себе и «другим» в 1881–1895 гг. (Драгоманов М. Листи до Ів. Франка і инших. 1881–1886 / видав І. Франко. Львів, 1906; Он же. Листи до Ів. Франка і инших. 1887–1895 / видав І. Франко. Львів, 1908). В предисловии было сказано, что корреспонденция И. Франко с начала их переписки в 1877 г. и до конца 1881 г. пропала, как и некоторые письма позднего периода. М. Драгоманов имел привычку писать часто, слать «письма день за днем или, опоздав на день, присылать два письма в одном конверте» (Драгоманов М. Листи до Ів. Франка і инших. 1881–1886. С. 4). Переписка И. Франко и М. Драгоманова была переиздана в 1928 г. с включением ряда ранее неопубликованных писем (Листування І. Франка і М. Драгоманова. Матеріяли для культурної й громадської історії Західньої України. Т. І. Київ, 1928). Новое переиздание эпистолярного сборника вышло в 2006 г. современным украинским правописанием (Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова / редкол.: І. Вакарчук, Я. Ісаєвич (співголови) та ін. Львів, 2006).

М. Павлик опубликовал в начале XX в. переписку М. Драгоманова с известными политическими и культурными деятелями Галиции М. Бучинским в 1871–1877 гг. (Переписка Михайла Драгоманова з Мелїтоном Бучиньским. 1871–1877: З портретами й факсіміліями кореспондентів // Збірник фільольогічної секції НТШ. Львів, 1910. Т. XIII), Д. Танячкевичем в конце 1876 г. – нач. 1877 г. (Листи Данила Танячкевича до Михайла Драгоманова (1876–1877). Львів, 1906), Т. Окуневским в 1883–1895 гг., с перерывами (Переписка Михайла Драгоманова з д-ром Теофілом Окуневським (1883, 1885–1891, 1893–1895). Львів, 1905), Н. Кобринской в 1893–1895 гг. (Переписка М. Драгоманова з Наталією Кобринською (1893–1895). Львів, 1905).

В отдельном томе в 1901 г. М. Павлик издал письма М. Драгоманова к галичанам Ю. Яворскому в 1891–1894 гг., А. Борковскому в 1888–1889 гг., К. Панькивскому в 1886, 1893 и 1894 гг., О. Макарушке в 1894 г., Ю. Бачинскому в 1894–1895 гг., О. Огоновскому в 1871–1877 гг., 1893, 1894 гг. (Михайло П. Драгоманов Переписка / Зібрав і зладив М. Павлик. Львів, 1901. Т. I). Публикация тех же писем была осуществлена М. Павликом во львовском украиноязычном журнале «Житє і слово» в 1896–1897 гг. под редакцией И. Франко. Свою переписку с М. Драгомановым в 1894–1895 гг. опубликовал также Ю. Бачинский, как приложение к переизданию «Украины ирреденты», в которой впервые с помощью марксизма обосновано неизбежность провозглашения независимости Украины (Бачиньский Ю. Моя переписка з Михайлом Драгомановом (Додаток до «України irredent-и»). Львів, 1900). Современное переиздание переписки М. Драгоманова с Ю. Бачинским вышло в 2003 г. (Бачинський Ю. Україна irredenta з додатком: Листування Ю. Бачинського з М. Драгомановим з приводу «України irredent-и» / наук. редактор І. Бегей. Київ, 2003).

Переписку М. Драгоманова с галицким народовским деятелем В. Навроцким в 1872–1877 гг. опубликовали М. Возняк и К. Студинский (Возняк М. З листування М. Драгоманова з В. Навроцьким // Літературно-науковий вістник. Львів, 1923. Т. LXXIX, кн. III. С. 249–259; Студинський К. Переписка М. Драгоманова з В. Навроцьким (З початків соціялістичного руху в Галичині) // За сто літ. Матеріяли з громадського й літературного життя України XIX і початків XX століття. Київ, 1927. Кн. I. С. 83–153). М. Возняк издал также подборку неопубликованных драгомановских писем к ряду галицких деятелей: Я. Окуневскому, И. Белею и редакции львовской народовской газеты «Дило», Н. Кобринской и др. (Із зносин М.П. Драгоманова з Галичиною / подав М. Возняк // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. Київ, 1926. Кн. 5. С. 137–155), А. Барвинскому (Возняк М. Драгоманов у відновленій «Правді». З додатком його листів до Ол. Барвінського й Ол. Кониського… // За сто літ. Матеріяли з громадського і літературного життя України XIX і початків XX століття. Харків; Київ, 1930. Кн. VI. С. 279–330). Галицкая тематика нашла отражение в опубликованной 1937 г. переписке М. Драгоманова с украинскими деятелями в Киеве (В. Антоновичем, П. Житецким и др.), на средства которых он печатал свои зарубежные издания (Архів Михайла Драгоманова. Т. 1: Листування Київської старої громади з М. Драгомановим (1870–1895 рр.) / за ред. Р. Смаль-Стоцького. Варшава, 1937).

Сталинский погром украинства на советской Украине на долгие годы остановил издание драгомановской переписки, которая возобновилась с конца XX в., когда были опубликованы малоизвестные письма М. Павлика к родственникам Драгоманова (Денисюк І. Листи Михайла Павлика до родини Драгоманових // Записки НТШ. Праці філологічної секції. Львів, 1997. Т. CCXXXIV. С. 452–542), переписка М. Драгоманова с галицким радикалом Р. Яросевичем (Трегуб М. Листування між М. Драгомановим і Р. Яросевичем. 1888–1894 рр. // Матеріали засідань Історичної та Археографічної комісій НТШ у Львові (лютий 1992 р. – жовтень 1993 р.). Львів, 1994. С. 99–101; Она же. Листи Романа Яросевича до Михайла Драгоманова (1888–1894 роки) // Записки НТШ. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2000. Т. CCXL. С. 590–655; Она же. Листи Михайла Драгоманова до Романа Яросевича // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 2002. Вип. 37, част. 2. С. 119–127). Материалы, касающиеся драгомановской переписки, содержатся в документальных сборниках (Михайло Драгоманов. Документи і матеріали. 1841–1994 / упорядники: Г. Болотова, І. Бутич та ін. Львів, 2001; Михайло Драгоманов: автожиттєпис / упорядкування, вступ. стаття та добір ілюстрацій І.С. Гриценка, В.А. Короткого, М.В. Томенка. Київ, 2009 и др). Однако переписка М. Драгоманова с галицкими деятелями опубликована далеко не полностью. К. Студинский заметил, что ученые слишком мало заботились «о собрании и опубликовании этой очень важной переписки…», много писем, вероятно, навсегда утрачены. Переписка с М. Драгомановым нашла отражение в

обобщающем сборнике К. Студинского (Студинський К. Галичина й Україна в листуванні 1862–1884 рр. Матеріяли до історії української культури в Галичині та її зв'язків з Україною. Харків; Київ, 1931).

Изучение переписки М. Драгоманова с галицкими деятелями последней трети XIX в., преимущественно сторонниками радикальных, социалистических взглядов, даст возможность глубже понять особенности украинского национального движения в Галиции, характеризующееся процессом формирования современного национального самосознания, чувства всеукраинского единства. Характерно, что за постоянный интерес к Галиции современники в шутку называли его Михаилом Галицким.

Д.С. Рыжова (Москва)

Зарождение блазона: описания щитов во французской литературе XI – XIII вв.

Описание щитов и изображений на них как поэтический прием появилось ещё в далекой древности. В произведениях Гомера не раз встречаются описания щитов, на которых изображены космологические системы, исторические события или деяния самого героя. Не случайно классическим примером экфрасиса, т.е. греческого приема литературного описания предметов искусства, считается описание щита Ахиллеса в Илиаде. Не удивителен и выбор щита, как важного элемента воинского вооружения, не раз фигурирующего в качестве важного элемента в фольклоре. Тем не менее, подобные художественные описания в античной литературе выполняют совсем другую функцию, отличную от геральдической – они остаются «риторическими упражнениями».

В раннесредневековой литературе, экфрасис также присутствует, однако, основное внимание уделяется другим предметам обихода, описания щитов исчезают. Даже в изложениях истории о разрушении Трои, основанных на оригинальном тексте Гомера, включая *Roman du Troie* Бенуа де Сент-Мора, щит у Ахиллеса, бесспорно, присутствует, но никакого изображения на нем в тексте не упоминается. А ближе к концу XII в. Конрад фон Вюрцбург наградил Ахиллеса новым щитом, уже очевидно геральдическим – с «белым лебедем на темном поле». (Wandhoff H. The Shield as a Poetic Screen. 2005).

Напомним, что гербы начинают распространяться по всей Европе со второй половины XII в., и свидетельством тому являются многочисленные изображение на печатях, оружии, надгробных плитах и других предметах. Но только в 1250 г., через 100 лет, появляются первые гербовники. Целое столетие геральдика существует без какого-либо письменного воплощения, кроме редких и часто неоднозначных упоминаний в литературе, чтобы появиться в уже вполне сложившемся и стройном виде блазона в первых гербовниках. Удивительно и то, что развитие геральдики принято связывать с развитием турнирной деятельности, а ту в свою очередь – с развитием жанра

рыцарского куртуазного романа, но блазоны и геральдические данные в этих романах встречаются довольно редко.

Однако нельзя сказать, что литературные тексты не содержат совсем никаких указаний на то, что гербы в обществе активно использовались. На примере хорошо известных текстов Кретьена де Труа, видно, что автор с геральдикой знаком, хоть и не так часто к ней прибегает. В тексте его романов щит встречается в основном в общем перечне вооружения рыцаря при подготовке к бою, без особых указаний на его внешний вид, однако при описании турнира в Ланселоте (Lancelot ou le Chevalier de la Charrette, 1176 г.), автор, перечисляя участников, дает и описание их гербов. И хотя эти описания блазонами назвать ещё нельзя, следы определенной кодификации в них уже есть.

Детальное изучение подобных упоминаний во французских текстах XI–XIII в. поможет проследить путь появления квазигеральдических, а затем и непосредственно геральдических терминов и конструкций в литературе до возникновения гербовников. Очевидно, что блазон долгое время оставался устной мнемонической практикой, которая никак не фиксировалась в письменном виде, но возможно могла проникать в произведения поэтов. На основании полученных результатов, можно будет предпринять попытку восстановить ход развития и становление блазона как профессионального языка геральдики.

Г.Р. Саатчян (Москва)

Елена Ивановна Каменцева: учебные семинары по вспомогательным историческим дисциплинам в Московском государственном историко-архивном институте

В 1990 г., окончив подготовительные курсы, мы с товарищами поступили в МГИАИ. Гостеприимные старинные здания стали буквально нашим домом на ближайшие 5 лет. Главное, что формировало тогда атмосферу Института – наши учителя, как более молодые специалисты, так и «старые профессора». И с самого начала одним из основных наших наставников стала Елена Ивановна – глава направления вспомогательных исторических дисциплин.

К тому времени были изданы базовые учебные пособия Елены Ивановны. На них был основан курс её лекций, который мы слушали в знаменитой 6-й аудитории. Было видно, что Елене Ивановне некомфортно стоять за трибуной на приличном отдалении от массы студентов и придерживаться сухой (что неизбежно) лекционной подачи материала.

Всё изменялось, как только наша группа оказывалась в небольшой аудитории на семинарских занятиях. Начался курс с палеографии. На занятиях каждый текст, фотокопию которого нам приходилось читать, буквально оживал. Для Елены Ивановны это был не только образец начертания букв, но в первую очередь – источник. Она рассказывала нам о людях, событиях, об авторах документов. Вокруг текста благодаря ей перед нами возникал целый мир с бытовыми подробностями, принадлежащий определенной ис-

торической эпохе – от времени «Остромирова Евангелия» и «Русской Правды» до XVIII в. Часто наши занятия выглядели скорее как заседание кружка.

Не менее интересными были занятия по метрологии и хронологии. Здесь для Елены Ивановны меры и время также были частью повседневности конкретного исторического периода. Разумеется, особый энтузиазм у мужской части группы вызывало обсуждение мер алкогольной продукции. А вопросы хронологии и связанные с эти проблемы датировки исторических событий вообще зачастую напоминали детектив.

Конечно, не только занимательные рассказы и обсуждения составляли основу семинаров. Контроль от этого не страдал: различного рода опросов тоже хватало. Помню проверочные испытания по палеографии, метрологии, хронологии. Готовиться к ним приходилось серьезно. Ответов путём угадывания Елена Ивановна не терпела: такого рода «халтура» в подготовке, как чувствовалось, её просто удивляла.

Уже потом, работая рядом с Еленой Ивановной, я узнал, что ей самой пришлось учиться весьма напряжённо: МГИАИ пришлось оканчивать за сокращённый период, как вуз, находящийся в прифронтовой полосе.

Меньше времени отводилось таким дисциплинам, как сфрагистика, геральдика, филигранология. Но и они были не менее увлекательны, тем более, что Елена Ивановна использовала на занятиях кафедральную коллекцию по вспомогательным дисциплинам.

Чувствовалось, что самой Елене Ивановне семинары доставляют большое удовольствие, и в эти минуты помню её всегда весёлой. Но невнимание к предмету вызывало её резкое неприятие: было видно, что Елена Ивановна считает вспомогательные дисциплины основой профессионального ремесла историка, и студент, сознательно пренебрегающий этими базовыми знаниями, не может стать грамотным историком-архивистом.

Елена Ивановна любила студентов, заботилась о том, чтобы информация дошла до каждого. После семинаров и в часы консультаций она готова была с удовольствием помочь разобраться в вопросах, которые казались студенту особо сложными.

В полной мере качества Елены Ивановны как наставника проявились, когда она узнала, что наша группа должна отправиться летом на практику в Российский государственный архив древних актов. К тому времени мы были старшекурсниками; Елена Ивановна опасалась, что мы успели подзабыть палеографию, и по собственной инициативе в своё свободное время организовала нам краткий курс, позволивший вспомнить особенности письма разных периодов. В итоге при работе с документами в архиве никаких проблем у нас не возникло.

Позже, после окончания Института (тогда уже ставшим подразделением РГГУ), я начал работать и.о. начальника Учебно-научной лаборатории кафедры Источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, рядом с Еленой Ивановной. Она, как могла, заботилась о молодых препода-

вателях; например, меня даже снабжала принесённой из дома литературой по специальности. С удовольствием участвовала в наших частых «посиделках» за длинным кафедральным столом.

С самого начала работы в РГГУ мне поручили вести семинары по вспомогательным историческим дисциплинам. Конечно же, я старался строить их по образцу семинаров Елены Ивановны. С энтузиазмом в эти годы согласилась Елена Ивановна стать ответственным редактором моей популярной книжки по истории мер. К сожалению, эта книжка не вышла, но остались главы с замечаниями и рекомендациями Елены Ивановны.

Семинары Елены Ивановны, начавшиеся с первых дней учёбы в Историко-архивном институте, лично для меня стали школой, научившей видеть мир, стоящий за казёнными строками архивных документов.

Г.Р. Саатчян (Москва)

Каменные стены на перевалах Главной гряды Крымских гор: новые находки и возможная пограничная линия генуэзской Готии

За столетия историко-географических и археологических наблюдений проблема времени и обстоятельств создания, а также назначения сложенных из камня стен в районе обращённой к морю кромки Главной гряды Крымских гор осталась неразрешённой. В частности, датировка стен в археологической литературе 2-й половины XX в. чрезвычайно широка – от VI до XV в. н.э.

Для меня эта проблема вышла на новый уровень после краткосрочных разведок в мае, а затем в октябре 2013 г., во время походов по Крымским горам с С.А. Арифуллой. Целью был осмотр хорошо известных по литературе остатков стен у перевала Чигенитра-Богаз, а также поиск остатков стен на перевалах, следующих к востоку, по направлению к Судаку.

Наиболее интересной находкой стали рукотворный проход и подходящая к нему с обеих сторон дорога на перевале Кучук-Капу (Малые ворота).

В отличие от соседних перевалов, данное понижение между горными вершинами в древности не обладало всеми свойствами естественного транспортного пути. Проход перекрывал скальный гребень, который, вероятно, был выше (поверхностный скальный слой сейчас покрыт мелкими трещинами и отслаивается). Натеком почвы и естественного щебня покрыт просматривающийся участок дороги, подходящий к проходу с северо-западного, более пологого склона.

С юго-восточной стороны скального гребня на крутом склоне выложена крепида, на которой устроена дорога высокого качества. Визуально следы связующего раствора здесь не прослеживаются. В основании крепиды находятся камни очень большого размера, выше их величина уменьшается, а полотно дороги покрыто мелким камнем (неясно, была ли дорога изначально была покрыта щебнем или же это следы разрушения как её поверхности, так и примыкающей к ней скалы).

Данный участок дороги (в отличие от северо-западного) сохранился на всю ширину, которую я считаю достаточной для проезда 2-колесной повозки, как и пробитый в скале проход – «ворота» (верхняя точка перевала). На сегодня он состоит из 2 вертикальных стенок высотой ниже человеческого роста. Следы крепления ворот найти не удалось. Для 4-колесных повозок поворот в перевальной точке представляется слишком крутым.

Со стороны моря к «воротам» слева от проема примыкают строительные остатки, в которых я предполагаю развалины небольшой постройки 4-угольной формы. Это могло быть небольшое караульное помещение (остатки башни маловероятны). С северо-западной стороны «ворот» на поверхности почвы видны остатки керамики.

Фактически в данном случае естественная скала выполняла те же функции преграды, что и стены на других аналогичных горных проходах. При этом к морю пропускной пункт, вероятнее всего, оказывается обращенным тыльной стороной.

Интересно, что «ворота» в скальном гребне видны со стороны с. Приветное (отождествляется исследователями с селением Скути генуэзского времени) – от возвышенности на левом берегу реки Ускут, у её устья. Здесь на склонах, обращенных в сторону реки и моря, заметны остатки поселения. Несанкционированное строительство и грунтовая дорога даже вскрыли участок кладки из отесанных камней. Возможно, небольшой припортовое поселение, следы жизнедеятельности которого тянутся вдоль моря к востоку, было укреплено.

Очевидно, цель создания комплекса на пер. Малые Ворота – организация удобной дороги, а не преграждение пути в оборонительных целях. И уже как следствие создания дороги на ней был устроен контрольно-пропускной пункт с южной (обращенной в сторону моря) стороны.

Подобными же дорожными контрольно-пропускными пунктами выглядят стены на соседних перевалах к западу. Ближайший – Биюк-Капу (Большие Ворота). Здесь сохранился нижний слой явно разобранной на камень стены (часть ее уничтожена при террасировании склона для лесопосадок; связующий раствор в развале камней визуально не прослеживается). Предположительно, именно этот памятник (в статье с Э.И. Соломоник) О.И. Домбровский указывал как «восточную стену» − дополнительно к «главной стене» − у перевала Чигенитра-Богаз (по историко-географической ситуации стена на пер. Большие Ворота представляется вполне самостоятельной).

Стена на пер. Большие Ворота примыкает к скалистым возвышенностям таким образом, что именно со стороны моря (с юга) за ней остается небольшая площадка, через которую проходит проезжая дорога в сторону моря (участок, где можно предполагать ворота, не сохранился на поверхности почвы). Памятник выглядит обращенным к морю тыльной стороной. Дорога от перевала на яйлу поднималась круто вверх, и обрыв яйлы практически нависал над перевалом, делая площадку за стеной уязвимой и просматрива-

емой. В этом случае, как и на пер. Малые Ворота, пропускной пункт как укрепление выглядит довольно слабым.

Стена у пер. Чигенитра-богаз – наиболее хорошо сохранившаяся. Она также явно была обращена лицевой стороной на плато Караби-Яйлы, а тыльной – в сторону балки Чигенитра, проезжая дорога по которой спускается в сторону моря. Северо-восточный участок стены расположен на склоне, своей крутой частью обращенном на плато яйлу, а пологим – в сторону Чигенитры. На юго-западном участке стена построена с отступом от края обрыва, обращённого к Чигенитре. Предположительно, ещё заметный участок старой дороги (в нескольких метрах от современной) проходит через бывшие ворота (справа и слева от краёв ворот видны удлинённые насыпи, обращенные в сторону плато Караби-Яйлы – возможно, остатки каких-то конструкций перед проёмом).

Далее к западу на обращенной к морю кромке Караби-Яйлы находятся проходы с пешеходными тропами. Они достаточно круты, использовать их в плохую погоду затруднительно, однако по ним можно провести мелкий скот и, возможно, лошадей. Преграждающие путь сооружения здесь заметить не удалось. Однако у западной оконечности Караби-Яйлы находится пер. Таш-Хабах-Богаз, через который проходит проезжая дорога. Остатки сохранившихся стен на этом перевале подробно описаны О.И. Домбровским.

Сопоставляя эти сведения с данными, приведенными в литературе относительно горных проходов, расположенных далее к западу, можно прийти к ключевым выводам: 1) стенами были перекрыты дороги, подходящие для колёсного транспорта, вьючных животных и крупного рогатого скота, а не тропы для пешеходов и мелкого домашнего скота; 2) стены обращены в сторону спусков к морю тыльной, а не лицевой стороной; 3) как оборонительные системы укрепленные пропускные пункты слабы, против сколько-нибудь профессиональной военной силы им было не устоять.

Всё это заставляет видеть в большинстве стен не оборонительные сооружения, а ограды контрольно-пропускных пунктов на удобных, практически всепогодных дорогах. Предположительно, в определенный период все стены от района Фороса или Ласпи до Приветного (даже если какие-то из них были построены раньше и несли реальную оборонительную функцию) существовали как единая система, позволяя в первую очередь управлять потоками товаров, скота и проезжающими путниками.

В качестве одной из гипотез, кем и когда могла быть организована такая система, можно выдвинуть предположение об устройстве контрольно-пропускных пунктов на месте горной границы южнобережной Готии, оказавшейся под их контролем в XIV в. В этом случае, учитывая обращенность в сторону спусков к морю именно тыльной стороны стен (а также аспекты взаимоотношений генуэзцев с Феодоро, подробно рассмотренные в монографии В.Л. Мыца 2009 г.) контрольно-пропускные пункты следует считать организованными именно генуэзцами на своей границе (а не феодоритами, как

предполагал Л.В. Фирсов). Наиболее вероятный период, когда это могло происходить – между 1387 (окончательное закрепление южнобережья за генуэзцами по договору с татарами) и 1422 г. (предполагаемая дата захвата Фуны и окрестностей феодоритами – см., в частности, монографию В.П. Кирилко). Возможно, линия окончательно не была достроена: во всяком случае, заметен пропуск необходимого участка стены, которым, как кажется, должен был бы быть перекрыт восточный проход к перевалу Чигенитра-Богаз.

Контрольно-пропускные пункты и пограничные правила, установленные генуэзцами, могли послужить катализатором для Алексея I, правителя Феодоро, к началу войны. В результате агрессивных действия часть пропускных пунктов оказалась в тылу феодоритов, и вся пограничная генуэзская система таким образом была разрушена. Существенную роль в этом процессе, предполагаю, сыграл митрополит «города Феодоро и всей Готии» (особенно учитывая конфликтную ситуацию XIV в. относительно Элисса и Кинсануса).

В заключение отметим, что к востоку от рассматриваемой территории (удобные перевалы Каллистон-Богаз, Алакат-Богаз и следующие) визуально обнаружить остатки стен не удалось (возможно, помешала высокая в это время трава). Однако кое-где встречаются остатки построек – например, на перевале у действующей дороги выше родника Павло-Чокрак (рядом с бывшей тур. стоянкой). Впрочем, если говорить о пограничной линии времён генуэзцев, то селения, расположенные в горах восточнее Караби-Яйлы, исследователи относят к округе Солдайи, окончательно переданной генуэзцам татарами по тому же договору 1387 г. В этом случае остатки пропускных пунктов указанной линии логично искать у восточной и северо-восточной оконечности плато Караби-Яйлы. А граница генуэзской Готии после договора 1387 г., если считать её соответствующей стенам, шла по южной кромке Главной гряды Крымских гор (на западе эта линия заканчивалась над районом Фороса или же Ласпи и Батилимана; дальше находилась округа Чембало, и здесь границы генуэзской Готии не ясны). На востоке же Готия заканчивалась там, где начиналась сельская округа Солдайи, и эта граница также пока не найдена (более-менее уверенно исследователи устанавливают её только в районе морского побережья – западнее с. Приветное).

И.В. Савицкий (Петрозаводск)

Документы о внесении в дворянскую родословную книгу Олонецкой губернии в Национальном архиве Республики Карелия

Данный материал посвящен проблеме поиска документов о внесении в Дворянскую родословную книгу Олонецкой губернии далее – ДРК), содержащих генеалогическую информацию и хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия (далее – НА РК). Частично эта проблема уже затрагивалась автором в отдельных изданиях, однако в них имеющиеся документы были представлены в виде монолитного блока. Это не соответствует реальности, так как на практике материалы хранятся не только в фонде Дворян-

ского депутатского собрания (Ф. 490 в НА РК), но и в разных описях фонда Губернского правления (Ф. 2). Историкам-архивистам, в том числе и генеалогам, было бы полезно ознакомиться с причинами подобного хранения данной документации в НА РК.

Дворянское депутатское собрание просуществовало в Олонецком крае 55 лет. Созданное в соответствии с Жалованной грамотой Екатерины II в 1786 г., оно проработало до 1841 г. с перерывом в 1797–1803 гг. из-за упразднения Олонецкой губернии. Процесс оформления документов о внесении в ДРК начался с 1791 г. и, прервавшись в Павловский период, продолжался до закрытия Собрания. Несмотря на небольшой период деятельности, приграничное положение края и многие другие причины, Собрание оставило после себя довольно значительный по региональным меркам комплекс архивных материалов.

Сложность поиска документов Собрания объясняется, прежде всего, его нестабильным положением. Так, из-за временного возвращения в состав Новгородского наместничества при Павле I, наиболее важные документы были перевезены в Новгород. В их число входила и ДРК, которая едва не была потеряна; восстановить ее записи удалось только к 1811 г. Таким образом, процесс записи дворян в ДРК прервался на полтора десятилетия.

В соответствии с Положением о порядке Дворянских собраний от 6 декабря 1831 г. в Олонецкой, Архангельской и некоторых других губерниях собрания не должны были составляться ввиду малочисленности постоянно проживавшего в них дворянства. Однако на практике Собрание было закрыто лишь в октябре 1841 г. из-за конфликта с местным губернатором А.В. Дашковым. Все документы были переданы в Губернское правление. Одновременно указ Правительствующего Сената № 48376 от 8 октября 1841 г. определил порядок делопроизводства местной администрации по дворянским делам. В нем говорилось, что на случай подачи просьб и документов о дворянстве по Олонецкой губернии, подлежащих рассмотрению Дворянского депутатского собрания, Губернское правление должно было ограничиться выдачей справок и свидетельств по прежним делам. Со вновь же подаваемыми документами о дворянстве представители благородного сословия должны были обращаться в другие губернии, где функционировали депутатские собрания. Таким образом, Губернское правление играло роль лишь передаточной инстанции между Сенатом и отдельными дворянами, нуждавшимися в получении свидетельств о своем благородном происхождении.

Исходя из сказанного, становится понятно, почему вплоть до событий 1917 г. все документы Олонецкого Дворянского собрания были сосредоточены в фонде Губернского правления (ныне – Ф. 2 в НА РК). Датой начала выделения анализируемых материалов в отдельные структурные единицы можно определить 1927 г. В списке фондов за этот год были указаны несколько единиц: «Олонецкого Дворянского депутатского собрания книги» (2 связки длиной 0,5 м) и «Олонецкого дворянского Депутатского собрания

дела» за 1745–1878 гг. (43 связки длиной 3,7 м). Ничего особенного в описании фондов «погонными метрами» в то время не было; более того, в описи за предшествовавший 1926 г. объем архивных фондов измерялся в пудах. Можно догадаться, что архивисты имели дело с россыпью документов в прямом смысле этого слова.

Таким образом, в нынешний фонд № 490 вошли не все дела Дворянского собрания. Значительная часть его материалов осталась в фонде Губернского правления. В нём автором было выявлено более 70 дел о дворянском достоинстве отдельных лиц и их семей. Здесь же находятся материалы о переносе родов в другие части ДРК, а то и вовсе о лишении дворянства за недостаточностью доказательств после известной ревизии 1834–1837 гг. Строго говоря, эти документы никогда не принадлежали Дворянскому собранию и их нахождение в фонде № 2 вполне оправдано. Почему в том же фонде остались дела о внесении дворян в родословную книгу, датированные периодом до 1841 г., – непонятно. Точно так же неясно, почему в фонде самого Собрания оказались дела, датированные после 1841 г.

Дела Дворянского собрания встречаются в нескольких описях фонда Губернского правления. Прежде всего, это опись 40, относящаяся к канцелярии Правления. Вероятно, именно в ней хранились дела, переданные после 1841 г. из Дворянского собрания. Кроме того, отдельные документы можно встретить во внеструктурной описи 61. Возможно, данная опись была создана из россыпи дел, в том числе когда-то находившихся в канцелярии Правления.

В итоге дела, посвященные внесению дворян в ДРК Олонецкой губернии за определенные годы, можно свести в следующую таблицу:

Годы	Номера дел о внесении в ДРК	Годы	Номера дел о внесении в ДРК
1791–1797	Ф. 490, оп.1, дд. 9/129, 12/177	1830	Ф. 490, оп. 1, дд. 33/477, 34/479
1811–1813	Ф. 490, оп. 1, д. 13/190	1831	Ф. 490, оп. 1, д. 35/494
1816–1818	Ф. 490, оп. 1, д. 19/276	1832	Ф. 2, оп. 40, д. 3/51
1818	Ф. 2, оп. 61, д. 48/609	1833	Ф. 490, оп. 1, д. 37/544
1819	Ф. 490, оп. 1, дд. 23/334, 23/341	1834	Ф. 490, оп. 1, д. 39/568
1820	Ф. 490, оп. 1, д. 12/169	1835	Ф. 490, оп. 1, дд. 41/582, 41/586
1823	Ф. 490, оп. 1, д. 26/390	1837	Ф. 2, оп. 40, д.8/168
1826–1827	Ф. 490, оп. 1, д. 29/415	1838	Ф. 2, оп. 61, д. 62/730
1828	Ф. 490, оп. 1, д. 31/446	1839	Ф. 2, оп. 40, д. 10/239
1829–1834	Ф. 490, оп. 1, д. 39/564	1840	Ф. 490, оп. 1, д. 48/712
		1841	Ф. 490, оп. 1, д. 49/727

Как видно, при создании современного комплекса документов Дворянского собрания был нарушен один из основных принципов формирования фонда – его недробимость. Тем не менее, сами материалы по своему смыслу представляют единую группу документов.

М.М. Сафонов (Санкт-Петербург)

«Манифест к русскому народу» и вопрос об отмене крепостного права

В отечественной историографии прочно утвердилось мнение о том, что одним из основных лозунгов восстания декабристов 14 декабря 1825 г. была отмена крепостного права. Мнение это основывается на том, что в проекте

«Манифеста к русскому народу», найденном в столе у неудавшегося «диктатора» С.П. Трубецкого ночью 15 декабря, содержался следующий пункт: «Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей» (Восстание декабристов. Т. I. М.; Л., 1925. С. 107). Принято считать, что этот пункт, провозглашал прекращение крепостной зависимости российских крестьян. Однако еще в 1954 г. академик Н.М. Дружинин высказал мнение о том, что Манифест «умалчивает об уничтожении крепостного состояния». Эта формула означает всего запрещение продажи крепостных без земли. То есть, речь идет об уничтожении рабовладельческого нароста на крепостном праве, а не об уничтожении феодальной зависимости» (Дружинин Н.М. Программа северных декабристов // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1951.Т. VIII. № 1. С. 44). Как бы то ни было, главное заключается в другом. В ходе выступления тайного общества во время событий 14 декабря этот лозунг никак не был публично оглашен, или же как либо заявлен инсургентами в иной форме. Более того, как теперь известно, «Манифест к русскому народу» не является программным документом. Он был создан гораздо ранее и непосредственного отношения к событиям 14 декабря не имел (Сафонов М.М. Манифест к русскому народу // Х Декабристстькі читання: Тези Міжнародної теоретичної конференції, 2005. Київ. 2005. С. 88–90). Напротив же, манифест, написанный по просьбе К.Ф. Рылеева В.И. Штенгейлем, исходил из другой теоретической установки и содержал иную формулировку. Он провозглашал неприкосновенность государственных и частных имущества, как государственного, так и частного, то есть, на крепостное право не покушался, оставляя его незыблемым. (Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С. 269). Вместе с тем обращает на себя тот факт, что инсургенты рассчитывали создать временное правление и ввести в него либеральных государственных деятелей Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского. Поскольку же Мордвинов был категорическим противником немедленной отмены крепостного права и считал необходимым «соединить хартию (то есть, конституцию – М.М.) с рабством крестьян» (Восстание декабристов. Т. I. С. 293), то декабристы, вручая власть в руки Мордвинова, никак не могли бы рассчитывать на то, что этот государственный деятель, имевший репутацию принципиального человека, станет плясать под их дудку и вопреки своим принципам будет осуществлять отмену крепостного права. То же следует сказать и о Сперанском. Несмотря на его репутацию либерала, хорошо известен скепсис, с которым он воспринимал слухи о намерении Александра I приступить к решению крестьянского вопроса и дать России конституцию, наподобие польской. (Русский архив. Стб. 1697–1703). Так что следует признать: немедленная отмена крепостного права не была лозунгом восстания декабристов 14 декабря 1825 г.

И.В. Сахаров (Санкт-Петербург)

Потомки Великих Моголов на российской службе? Князь Александр Порюс-Визапурский и его сыновья

С чувством волнения взялся я, «с подачи» Е.В. Пчелова, за написание краткого изложения содержания предлагаемого доклада. Дело в том, что по первой моей научной профессии я индолог: в аспирантуре я занялся изучением национального вопроса в Индии, ряд лет был сотрудником Института востоковедения АН СССР в Москве, написал несколько десятков статей и ряд брошюр, защитил кандидатскую диссертацию, дважды побывал в Индии, опубликовал капитальную монографии, посвященную Западной Бенгалии, готовил докторскую диссертацию, посвященную этнической демографии Индии в целом… Но случилось так, что я увлекся российской генеалогией и однажды принял драматическое решение, которое многим в моем окружении тогда показалось невразумительным, не здравомыслящим, – я решил прекратить свои индологические исследования, хотя в те годы это казалось престижным и сулило новые карьерные успехи, и целиком погрузился в родословные изыскания, которые тогда в Советском Союзе, мягко выражаясь, не поощрялись, но которые вскоре превратились в дело моей жизни и которыми я по мере моих сил занимаюсь по сей день.

Между прочим, такой путь к серьезным генеалогическим изысканиям был достаточно типичным для российских интеллигентов в 1970-е и особенно в 1980-е и в более поздние годы: почти все они по своей профессии были совершенно далеки от исторической науки, но постепенно, благодаря преданности своему новому увлечению, трудолюбию, накопленному исследовательскому и источниковедческому опыту, превратились в выдающихся знатоков генеалогии и семейной истории и как области гуманитарного знания вообще, и как научных исторических дисциплин – знатоков, подчас не уступающих дипломированным историкам, университетским профессорам и сотрудникам академических научных институтов. В этом отношении мой случай представляет определенный интерес как иллюстрация особенностей развития вспомогательных и специальных исторических дисциплин в нашей стране.

Итак, превратившись в генеалога – или решив, что я стал таковым, – 24 января 1984 г. я впервые выступил с генеалогическим докладом перед научной общественностью. Это произошло на заседании Восточной комиссии Географического общества (я тогда еще по инерции оставался заместителем ее председателя), организованном совместно с Ленинградским индологическим семинаром и посвященном Национальному празднику Индии – Дню Республики, и доклад назывался «“Индейский князь” Порюс-Визапурский на русской службе». Можно сказать, что этот доклад имел двойной символический смысл: с одной стороны, он был актом моего прощания с индологией (поскольку речь шла о персоне индийского происхож-

дения), последним моим выступлением на Восточной комиссии, с другой – являлся как бы первым шагом на новом пути в науке.

Впрочем, прощание с Индией не оказалось окончательным. То ли от того, что моя любовь к этой стране и некогда всепоглощающий интерес к ней не были окончательно преодолены, то ли потому, что в генеалогии и истории князей Порюс-Визапурских оставалось немало увлекательных и трудноразрешимых загадок (отгадать некоторые из них не удалось до сих пор), то ли потому, что родоначальник российской ветви рода породнился с моими однофамильцами Сахаровыми, но, так или иначе, интерес к носителям этой необычной фамилии хотя и переместился на периферию, но все же не угас. В течение более чем тридцати лет я продолжал по крупицам накапливать новые сведения об этом семействе.

И вот теперь настало время – на старости лет, чтобы не сказать в конце жизненного пути – я надумал вернуться «к началу начал», вновь просмотреть соответствующее основательно разбухшее фамильное досье в моем архивном собрании и, обогащенный новыми данными, подвести итоги изучения этой темы.

* * *

Итак, в 1780-х гг. в России появился мальчик, именовавшийся князем Александром Порюс-Визапурским. Вторая часть его фамилии недвусмысленно свидетельствовала о том, что сам он или, во всяком случае, его предки происходили из одного из полунезависимых индийских княжеств, центром которого был город Визапур, или Биджапур. В послужных списках князя Александра, с отроческих лет записанного в военную службу, в графе «Происхождение» соответственно значилось «из индейских князей» или, в самых ранних, что интереснее, – «из монгольских и визапурских князей», что означало претензии на происхождение от одной из ветвей разросшегося к тому времени потомства знаменитой мусульманской династии Великих Моголов, основанной выходцем из Средней Азии султаном Бабуром, потомки которого со временем установили свою власть над большей частью Индии.

Что касается первой части рассматриваемой двойной фамилии, то с легкой руки Е.Я. Люстерник ее стали связывать с именем древнеиндийского царя Пора, известного тем, что он проиграл сражение Александру Македонскому. Развивая эту версию, Н.В. Гуров даже счел не случайным сочетание фамилии Порюс с именем Александр. Заметим, что в отечественной литературе неоднократно высказывалось мнение, что фамилия Порюс являлась главной и что интересующая нас персона изначально именовалась только ею, а фамилия Визапурский (или просто Визапур) появилась сначала лишь как второстепенная добавка и лишь впоследствии обрела большую значимость и иногда даже использовалась как единственная.

Однако нам удалось установить, что вышеизложенные суждения неверны: в «Санктпетербургских ведомостях» за 10 июня 1793 г. был опубликован список проживавших в Санкт-Петербурге французских подданных, ко-

торые в силу Высочайшего указа от 8 февраля 1793 г. (объявленного вскоре после получения известий о казни Людовика XVI) отреклись присягою «от правил безбожных и возмутительных, в земле их ныне исповедуемых». Среди учинивших присягу оказалась… вдова княгиня Мариана Визапур, урожденная Порус! Нет сомнения, что речь идет о матери князя Александра, и это объясняет и происхождение первой части его фамилии, и почему он «содержал католический закон», и почему в совершенстве владел французским языком. Впрочем, где, в какой стране родился отрок Александр, когда и при каких обстоятельствах очутился он в России, мы можем только гадать.

Далее, в отечественной литературе князя Александра нередко называют индусом. Однако это слово, утвердившееся в русском языке в качестве синонима индийца, жителя Индии, неприменимо к нашему герою. Оно восходит к английскому Hindu (и, в свою очередь, к языку хинди), что означает только лицо, исповедующее индуизм, и соответственно неприменимо к мусульманину, буддисту, джайну, христианину и т.д. Предки же князя Александра (в том числе, вероятно, и его дед, и, возможно, отец) были мусульманами, сам он – католиком, а дети его – православными. Более того, слово *индус* вообще крайне неудачно: в русском языке оно означает слово, употребленное в единственном числе, тогда как в английском Hindus – слово во множественном числе.

Биографические сведения о князе Порюс-Визапурским скудны. Известно, что в 1783 г. подростком он была записан в Киевский гренадерский полк сержантом, затем был переводим из одной воинской части в другую, продвигался довольно быстро чинами (хотя никакими военными заслугами не отличился и наград не получал) и, находясь в рядах гусарского графа Вмтгенштейна полка, в 1800 г. был удостоен чина полковника, а в 1802 г. был переведен на статскую службу в Коллегию иностранных дел в чине статского советника. Возможно, этот перевод был связан с какими-то видами на него со стороны правительства, так как в это время привлекали к себе внимание проекты налаживания прямых торговых связей с Индией (один такой проект в 1802 г. предложил на благоусмотрение Государя и сам князь Александр). В 1803 г. он был отправлен в бессрочный (!) отпуск («для путешествия по Южной России») с сохранением содержанья, а в 1823 г. распоряжением управляющего Министерством иностранных дел был исключен из списков (по всей видимости, ввиду кончины). Какими поручениями был обременен наш герой в двадцатилетний период с 1803 по 1823 гг., нем не известно (так, непонятен контекст аудиенции, которой он будто бы добился у Наполеона в 1812 г., когда Москва была занята французскими войсками). Известно, однако, другое: что он подолгу жил в Москве, вел весьма активную светскую жизнь бонвивана, ловеласа и театрала, поддерживал широчайший круг знакомств и прославился своей необычной внешностью, своим остроумием, красноречием, стихотворным дарованием, необыкновенной памятью и, главное, своими чудачествами и экстравагантными выходками.

Оставил он след и в литературе: в 1804 г. увидела свет его книжка «Croquis de Saint-Pétersbourg» – живо и не без таланта написанный на французском языке очерк жизни и облика столицы империи (издан через сто лет в переводе на русский язык: Петербургские зарисовки. СПб., 2004).

В 1804 г. он женился на Надежде Сахаровой, дочери умершего отставного полковника и статского советника и крупного помещика Казанской губернии (вероятно, по этому случаю по тогдашней Москве ходил стишок: «Нашлась такая дура, / Что, не спросясь Амура, / Пошла за Визапура»). Она принесла своему мужу в приданое имение в Лаишевском уезде, куда он в последние годы жизни, исчезнув с московского горизонта, перебрался и где, вероятно, и умер. У супругов родилось трое сыновей – Александр (*1805), Лев (*1807) и Иван (*1808), в службу вступивших в лейб-гвардии Преображенский полк. Их мать, следуя за своими подросшими сыновьями, переехала в Санкт-Петербург и приобрела имение в Ямбургском уезде.

Представляет большой интерес вопрос о праве Александра Порюс-Визапурского и его сыновей на княжеский титул. Дело в том, что Александр-старший в свое время не представлял никаких документов, которые, как того требовал общий порядок, могли бы обосновать его право именоваться князем (прежде всего документов, подтверждающих его происхождение от иностранного княжеского рода или возведение в оное достоинство коронованной главою). Естественно, не было и не могло быть таких документов и в распоряжении его сына Александра-младшего. Когда в связи с вступлением последнего в 1824 г. в военную службу всплыл вопрос не только о том, принадлежит ли он к российскому потомственному дворянству (что сомнения не вызывало), но и о его праве на княжеский титул (его отец к тому времени скончался), казалось, ответ не мог не быть отрицательным. Однако при рассмотрении этого вопроса в Департаменте Герольдии Правительствующего Сената, а затем в Государственном совете выяснилось, что и в Высочайшем приказе от 8 февраля 1802 г., согласно которому Александр-старший был уволен с военной службы и переведен в Коллегию иностранных дел, и в Именном Высочайшем указе от 28 марта 1802 г., согласно которому было повелено на новом месте службы платить ему жалованье «из почтовых доходов», Александр Порюс-Визапурский-старший был именован князем. Означало ли это, что тем самым носимый им *de facto* титул Высшей властью признан (или что он ему пожалован), или не означало? Окончательное решение этого вопроса было во власти только самого Государя. В конечном счете в мае 1828 г. Николай I повелеть соизволил «по уважению» того, что Александр I удостоил Порюса-Визапурского-старшего княжеского титула, предоставить его сыну недорослю Александру право именоваться князем. Таким образом, в данном случае фактически в виде исключения вопрос был решен не согласно с действовавшими законоположениями, а на путях монаршей милости. После этого соответственно княжеский титул был признан и за младшими сыновьями князя Александра-старшего. Однако

пользоваться этой Высочайшей милостью им пришлось недолго: во время подавления польского восстания в один из майских дней 1831 г. и Лев, и Иван в одночасье умерли от холеры.

Единственным мужчиной, носившим интересующую нас титулованную фамилию остался князь Александр-младший.

Здесь нельзя не отметить, что в опубликованной в 1880 г. на правах рукописи «Родословной рода князей и дворян Бычковых-Ростовских» (в качестве составителя назван Ф.А. Бычков) указано, что Вера Николаевна Бычкова (1827–1865) состояла якобы в замужестве за князем Николаем (!) Александровичем Порюс-Визапурским, будто бы родившимся в 1821 г. и умершим в Париже в 1864 г. Однако в существовании этой персоны нельзя не усомниться, тем более, что и названная «Родословная» в целом при внимательном ее изучении производит впечатление недостоверной.

Князь А.А.Порюс-Визапурский в 1825 г. вступил в службу в л.-гв. Преображенский полк; будучи временно прикомандирован к Херсонскому гренадерскому полку, принял участие в персидском походе 1827 г., за боевые отличия награжден орденом Св.Анны 4-й степени; и в чине поручика в 1830 г. вышел в отставку. В 1835 г. снова поступил на службу, на этот раз по ведомству Министерства внутренних дел чиновником особых поручений, несколько трехлетий (с 1839 по 1857 гг.) состоял депутатом от Ямбургского уезда в Петербургском дворянском депутатском собрании, в 1840-х гг. заседал в Ямбургском земском суде, в 1847 г. был определен чиновником особых поручений при Санкт-Петербургском генерал-губернаторе, продвигался чинами и в 1851 г. за отличие произведен в статские советники… Не был чужд литературе: на сцене столичного Александрийского театра с успехом шли в его переводе на русский язык пьесы Скриба «Отцовское проклятие» и «Проступок».

Однако память о нем как о чиновнике и как литераторе практически стерлась, осталась же память весьма сомнительного свойства как о жестоком крепостнике. После матери он унаследовал имения в Лаишевском и в Ямбургском уездах и в последнем постоянно проживал. Для него как помещика были характерны непомерные повинности и поборы, которыми он обременял своих крепостных, жестокое и безнравственное поведение по отношению к ним (так, в имении он завел своего рода гарем из местных крестьянок, насильно обращенных им в свои наложницы) – «какое-то странное смешение восточного деспотизма и русского самодурства», как писал о нем его сосед по имению барон Н.Е.Врангель. Доведенные до отчаяния крестьяне не раз пытались совершить покушения на его жизнь, и в 1865 г., по некоторым данным, он был ими убит. Похоронен при церкви в селе Яблоницы Ямбургского уезда. Князь был холостым, и с его смертью этот экзотический русско-индийский род окончательно пресекся.

О.В. Светлова (Москва)

Акафист святой равноапостольной княгине Ольге в свете источниковедческих данных

В отечественной письменной культуре существует огромный корпус текстов, практически не изученных: это акафисты. Язык, поэтика и структура акафистов сложны и своеобразны и представляют несомненный интерес для лингвистов и литературоведов, однако на первом этапе изучения этих произведений необходим сбор источниковедческой информации о каждом из них. Акафисты в большинстве своем анонимны – их авторство и обстоятельства написания обычно становятся известны лишь после специального сбора информации.

На рубеже XIX–XX вв. акафисты приобрели чрезвычайную популярность в Русской Православной Церкви: в это время было составлено большое число новых текстов данного жанра. Введение новых гимнографических текстов в богослужебное употребление Русской Церкви предполагает обязательную предварительную духовную цензуру. До революции 1917 г. ее производили Духовные Цензурные Комитеты – Санкт-Петербургский и Московский. Произведения, получившие одобрение, шли на рассмотрение Святейшего Синода, после положительного решения которого допускались к молитвенному употреблению и печати. По этой причине архивы Св. Синода, Цензурных Комитетов и Синодальных типографий могут содержать материалы об акафистах. В конце XIX – нач. XX вв. А.В. Поповым была заложена традиция описания истории произведений данного жанра на основе архивных материалов Св. Синода и Духовных Цензурных Комитетов: в 1903 г. в Казани была опубликована его монография «Православные русские акафисты» (переиздана в новейшее время: Попов А.В. Православные русские акафисты. М., 2013). Однако архивные материалы тех текстов, которые появились позже, не были собраны и описаны. Поскольку в наши дни создается большое количество новых произведений этого жанра, изучение уже существующей традиции приобретает особую важность.

Целью нашего исследования стала реконструкция истории составления, цензурной проверки и первого издания в 1912 г. акафиста в честь св. княгини Ольги (Акафист святей и равноапостольней Великой Княгине Российстей Ольге. М.: Синод. тип., 1912). Источниками исследования послужили дела Св. Синода о разрешении к печати акафиста княгине Ольге (По прошению сенатора Иванова о разрешении к печати «Акафиста святой и равноапостольной великой княгине российской Ольге», составленного Афонским монахом Пахомием (начато 9 августа 1911 г. – окончено 13 сентября 1911 г.) (РГИА. Ф. 796. Оп. 193 (1911). VI отд., 1 стол. № 1322) и Московской Синодальной типографии о его издании (Дело о напечатании «Акафиста Св. княгине Ольге» по заказу Русской Общежительной пустыни (начато 19 октября 1911 г. – окончено 16 ноября 1912 г.), 39 л. (РГАДА. Ф. 1184. Оп. 3 (1911).

№ 10), а также первое издание этого текста. Изучение материалов архивных дел могло пролить свет на личности заказчика и автора произведения, редакторов, цензоров, издателей, осветить ход работ по созданию и подготовке текста. Мы надеялись также обнаружить рукопись или корректуры акафиста, в которых могли отразиться содержательные, языковые, стилистические правки текста. В наши задачи входило прочитать рукописные и машинописные документы, входящие в состав архивных дел, идентифицировать упомянутых в них лиц, построить хронологическую канву событий. Изучение всех материалов обрисовало следующую картину.

Акафист св. княгине Ольге был написан около 1910 г. на Афоне монахом Пахомием (по всей видимости, это иеромон. Пахомий (Буберенко), насельник Введенской келлии Кутлумушского монастыря, впоследствии настоятель Вознесенской келлии Филофеевского монастыря, автор акафистов Воскресению Христову, Богоматери – Игумении Афонской и др. (Каталог рукописей, печатных книг и архивных материалов Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне // Русский Афон XIX–XX вв. Т. 7. Ч. 1: Славяно-русские рукописи, хранящиеся в Библиотеке и Архиве монастыря / Сост. мон. Ермолай (Чежия); ред. Ж.Л. Левшина, А.А. Турилов. Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2013. С. 121, 252 – 253, 259, 264, 277). Текст был создан по заказу сенатора Федора Федоровича Иванова из г. Бежецка Тверской губернии, родился 26.04.1841 г., назначен к присутствию в Сенате 28 ноября 1894 г. (Мурзанов Н. А. Правительствующий Сенат (господа сенаторы) 22 февраля 1711 – 22 февраля 1911: Список сенаторов. СПб, 1911. С. 21). В течение 5 лет Ф.Ф. Иванов хлопотал о составлении и издании акафиста в честь св. Ольги. Дважды написанные по его заказу тексты отклонялись Цензурным Комитетом. Третий, заказанный на Афоне, акафист был одобрен при условии исправления обнаруженного в нем недочета: в икосах не хватало по одному возгласу. С просьбой о рецензии и редактуре этого текста и о содействии в вопросе его утверждения сенатор обращался ко многим церковным иерархам, а именно: к митр. Владимиру (Богоявленскому), к еп. Тверскому Антонию (Каржавину), еп. Вологодскому Никону (Рождественскому), еп. Волоколамскому Федору (Поздеевскому). Недостающие возгласы были дописаны преосвященным Антонием (Каржавиным), а еп. Никон (Рождественский) и еп. Феодор (Поздеевский) внесли некоторые «незначительныя очень ценныя исправления» (из письма сенатора Ф. Ф. Иванова обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру от 17.06.1911 г.), после чего афонский текст акафиста княгине Ольге был представлен на повторное рассмотрение в Санкт-Петербургский Духовный Цензурный Комитет, а затем в Св. Синод. 13 сентября 1911 г. акафист был разрешен к церковному употреблению. Утвержденный текст Ф.Ф. Иванов передал для издания в русскую обитель Вознесения Господня на Афоне (Вознесенскую келлию Филофеевского монастыря). В конце января – начале февраля 1912 г. акафист княгине Ольге был отпечатан в Московской Синодальной типографии.

Изучение материалов архивных дел помогло нам установить личности заказчика и автора акафиста в честь св. Ольги, редакторов и цензоров, проследить ход работ по созданию и подготовке текста. К сожалению, ни рукописи, ни корректуры акафиста обнаружить нам не удалось.

А.А. Севастьянова (Рязань)

Источниковедческие и археографические опыты в работах провинциальных историков XVIII века

Рождение гражданской («партикулярной», «приватной») истории традиционно связывается с именем Н.М. Карамзина. Между тем, сотни исторических произведений разного уровня создавались в российской провинции во второй половине XVIII в. В них сочетались летописно-хроникальные и государствоведческие способы историописания. Но они не менее интересны в контексте работы их авторов с историческими источниками (подробнее см.: Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998). В трудах по истории источниковедения (С.Н. Валк, А.Т. Николаева, С.С. Илизаров) с этой точки зрения анализировались отдельные тексты. Однако представление об источниковедческих и археографических опытах провинциальных историков существенно обогащается по мере включения в предмет исследования новых материалов.

Для рассмотрения опытов работы историков XVIII в. с источниками важнейшим вопросом является их опубликование, обеспечивающее широкую доступность читателям. В 50–70-е гг. XVIII в. таких публикаций известно 12: текст «Русской Правды» (1767), Никоновская летопись и «Повесть временных лет» (1767), вышедшие ранее законодательные памятники – «Соборное Уложение» (1737, 1748, 1759), «Судебник Ивана IV» (1768), «Царственный летописец» (1769) и указы Петра I (рубеж 1740 – 1750 гг.). В 70-е гг. ситуация серьезно меняется, прежде всего, в связи с выходом «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новикова. По моим подсчетам, с 1772 по 1799 гг. одних только летописных текстов было издано более пятнадцати (Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография. С. 44–49). И что особенно важно для провинциальных любителей старины, были опубликованы местные летописцы: Двинской (1774, 1791), Нижегородский (1791), Тамбовский (1768), Суздальский (1791). Из источников общерусских отметим выход в свет публикаций «Степенной книги» (1775), «Казанской истории» (1773), «Летописи о многих мятежах» (1771), «Титулярника» (1791). Опубликованные материалы способствовали формированию новых подходов к источникам истории провинциальными авторами.

В отыскании сведений на первое место историки провинции ставили летопись. Почти без комментариев, не сомневаясь в достоверности, летописные известия переписывали или перелагали в темах о первых «насельниках» мест, о первых князьях, в преданиях об основании главного города. Главную задачу они видели в отыскании летописных известий о ранней истории

местности. Если их не обнаруживали, то пересказывали нужные сюжеты, обращаясь к опубликованным трудам В.Н. Татищева, «Синопсису» Гизеля, «Краткому летописцу» М.В. Ломоносова и даже к «Ядру российской истории» А.И. Манкиева. История княжений напоминала нередко агиографическую литературу, в лучшем случае «Степенную книгу» (к тому времени уже опубликованную). Источниковый арсенал, кроме преданий, сказаний, летописей, житий, содержал также пересказы или копирование некоторых рукописных материалов – актов, фрагментов «разрядов» и хронографов.

В описании событий XVII в. увеличился пересказ документов и устных свидетельств. Впрочем, исторические описания событий, начиная с XVI в., достаточно лапидарны. Исключения составляют описания Тверской истории Диомида Карманова и его позднейших последователей, Псковской истории Николая Ильинского, анонимного Ярославско-Углицкого сочинения, Костромской истории Николая Сумарокова и некоторых другие.

Особенно интересны источниковедческие опыты В.В. Крестинина. В ранней работе по истории русского Севера (Крестинин В.В. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб., 1784), написанной еще в 1779 г., автор привлек широкий круг летописных, топонимических, актовых источников и сообщил о своем двадцатилетнем (!) собирании документов в «монастырских письмохранилищах», «градской архиве» Архангельска и у частных лиц. Целый семейный архив двинских жителей и ссылки на рукописные подлинники повестей о приходе Ивана Грозного в Новгород и известное сочинение о Смуте Авраамия Палицына используется в другой работе В.В. Крестинина о «сельском домостроительстве» на Севере.

Сам факт публикации трудов В.В. Крестинина и еще нескольких авторов, писавших об истории своего края (города, губернии), изданных в XVIII в., важен как свидетельство умения собирать и осмысливать исторические источники в переходной период развития исторической мысли.

Именно тогда, замечал А.А. Кизеветтер, историописание (как и общественная мысль) заняло «среднее» положение «между узкопрофессиональными принципами петровской эпохи» и «общеобразовательными течениями екатерининского царствования» (Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 91–99). В следующем столетии, примерно до его середины, «писатели русской истории» оставят без внимания опыты провинциальной историографии (Чирков С.В. Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005). Но источниковедческие и археографические приемы провинциальных историков останутся потенциально важными и востребованными на местах.

Д.В. Сень (Краснодар)

Неизвестный список розмирной грамоты Войска Донского османскому Азову (конец 1660-х гг.): предварительные наблюдения

История *замирения* и *розмирения* (пользуемся терминами, характерными для источников российского происхождения), составляет один из наименее изученных вопросов многовековых отношений Войска Донского и турок-османов из крепости Азов (Азак). Она предметно характеризует как *конфронтационные*, так и *внеконфронтационные* отношения обеих сторон. В исторической науке по преимуществу изучаются конфликты сторон, а события иного порядка, тоже являющиеся важной части пограничной жизни, напрасно маргинализируются.

Такое историко-культурное и историко-правовое явление из области взаимодействия казаков и турок-османов, как замирение/розмирение, убедительно свидетельствует о т*ворчестве* договаривавшихся сторон, не всегда сообщавших своим государям о формах, способах и масштабах взаимного выживания и сотрудничества в пограничном пространстве. Полагаем, что мирные, дипломатические отношения не были вынужденным дополнением к военным акциям казаков и Азова друг против друга. Они отражали более сложную картину социального взаимодействия во *фронтирном пространстве*, когда умение договориться положительно сказывалось на общей способности казаков и турок-османов к выживанию в условиях пограничного существования.

Отдельные аспекты истории замирения/розмирения казаков и турок-османов получили освещение в науке (Дружинин, 1889; Сватиков, 1924; Сухоруков, 1892; Сень, 2009–2015). Истоки явления уходят во вторую половину XVI в., а исчезает оно, видимо, после 1712 г. Накопленный объем фактического материала позволяет говорить о перспективах его дальнейшего изучения. Среди актуальных вопросов темы: причины и время возникновения указанного явления, хронология его «затухания» (исчезновения); состав участников переговорного процесса; практики осуществления (в т.ч. документирования) обеих процедур – замирения и розмирения, их символика (вербальные и невербальные формы); взаимосвязь между «замирением-розмирением» и фактической военной активностью донских казаков и турок-османов; отношение сторон к нарушениям мирного состояния дел; отношение Москвы и Стамбула к подобным внеконфронтационным контактам со стороны своих подданных.

Неизвестный раньше случай из истории замирения/розмирения казаков и турок-османов подробно освещают документы РГАДА, один из которых был опубликован в книге В. Микаеляна (Микаелян, 2004). Этим автором впервые описана история пребывания осенью 1669 г. в Москве крымского армянина Н. Мансурова с товарищами, передавшего в Посольском приказе письмо (челобитную) азовского Сулеймана-паши на имя царя Алексея Михайловича с жалобой на донских казаков. Подробное изучение нами сохра-

нившегося комплекса документов из ф.123 РГАДА позволило вписать указанный случай в историю замирения/розмирения сторон как важной составляющей *культуры диалога* донских казаков и турок-османов, в историю войскового делопроизводства. На повестке дня – составление сводки данных не только о фактическом замирении/розмирении сторон, но также о прямых/косвенных письменных свидетельствах об этом, включая пересказы содержания грамот. Актовому материалу войскового происхождения принадлежит исключительное значение в решении подобной задачи. Кроме того, возможно ставить и решать другие вопросы – например, об эволюции формуляра войсковых грамот, об истории войскового архива и документировании истории отношений Войска Донского с мусульманскими государствами Причерноморья.

Обнаруженный в РГАДА архивный документ, подготовленный нами к публикации, особенно важен – это второй, известный нам, текст розмирной грамоты Войска Донского османскому Азову. Однако список другой розмирной грамоты был представлен в публикации конца XIX в. *по памяти* (Сухоруков, 1892). О списке анализируемой нами розмирной грамоты стало известно следующим образом: выполняя поручение азовского паши, крымский армянин Н. Мансуров с товарищами и с «окупными полоняниками» прибыл в Москву 10 октября 1669 г. Он привез письмо азовского Сулейман-паши на имя царя, к которому был приложен указанный список. Оригинал розмирной грамоты не обнаружен, хотя имеются основания говорить о перспективах архивной эвристики: недаром Сулейман-паша указал, что оригинал грамоты за войсковой печатью он отправил с чавушем в Стамбул по требованию султана Мехмеда IV. Полагаем, что оригинал розмирной грамоты необходимо искать в Başbakanlık Osmanlı Arşivi (г. Стамбул).

Предварительные наблюдения над формуляром этой розмирной грамоты, известной по списку, позволяют говорить об элементах начального и основного протокола при отсутствии конечного протокола. Например, интитуляция, инскрипция и салютация представлены следующим текстом: «От донских казаков от атамана Михайла Самаренина и ото всего Войска Донского азовскому Селайману паше и яниченским и бешлейским началным людем и всем азовским ратным малым и болшим людем поздравление». Недатированный список грамоты содержит сведения, позволяющие предварительно датировать время ее составления летом (июлем или августом) 1669 г.

Информационный потенциал этой грамоты существенно богаче потенциала грамоты, приведенной *по памяти(!)* В.Д. Сухоруковым. Так, в исследованном нами списке грамоты говорится о сроке, в течение которого держался мир казаков с Азовом (полтора года), и даже о последнем дне (пятница), по истечению которого мир объявлялся разорванным. Вероятно, случившееся до этого замирение произошло в 1668 г., совпадая во времени со сроком очередного атаманства М.Л. Самаренина (1668–1670(?) гг.). Более подробно изучить рассмотренный нами случай позволили другие докумен-

ты, отложившиеся в архивном деле. Так, известие об очередном розмире обеспокоило султанский и ханский дворы: из Стамбула в Азов прибыл султанский чавуш Усман-ага, а из Бахчисарая – ханский тесть Икбал-ага. Анализ списка грамоты в целом привел не только к установлению новых частных фактов из истории замирения/розмирения казаков и турок-османов. В распоряжении ученых оказался новый важный источник по реконструкции традиционных механизмов взаимовыгодного пограничного сотрудничества и межкультурной коммуникации Войска Донского и османского Азова.

К.Т. Сергазина (Москва)

Материалы первой комиссии о раскольниках как источник по изучению религиозной жизни москвичей в первой половине XVIII века

После публикации Духовного регламента 1721 г., предписывавшего епископам узнавать, не водится ли в их епархиях суеверий, кликуш, «ложных чудес при кладезях и источниках», не бывает ли, как на Западе, сомнительного почитания мощей («например, святого первомученика Стефана тело лежит и в Венеции на предградии, в монастыре Бенедиктинском, в церкви святого Георгия, и в Риме в загородной церкви святого Лаврентия; тако ж много гвоздей креста Господня…»), нет ли «церемоний непотребных», начались расследования религиозной жизни городов, деревень и сел. Для этой цели нередко вербовали преступников, которые освобождались от наказания, но обязаны были исправно доносить о случаях, описанных в духовном регламенте.

Так, в январе 1733 г. разбойник Семен Караулов сообщил московскому губернатору графу С.А. Салтыкову о том, что в четырех московских домах «чинятся непотребности». Для расследования подобных дел в Москве была учреждена следственная комиссия, созданная на базе Раскольнической конторы, в которую были введены светские и духовные лица для расследования дел особой важности: судья раскольничьей конторы статский советник Афанасий Савелов и асессор Иван Телепнев, архимандрит Донского монастыря Кирилл и игумен Сретенского монастыря Евсевий. В ходе следствия была организована также «особливо высокоучрежденная комиссия» в Санкт-Петербурге, в которую вошли члены Синода архиепископ Новгородский и Великолуцкий Феофан (Прокопович), архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим, архиепископ Сарский и Подонский Леонид, а также Андрей Иванович Ушаков, глава Тайной канцелярии, Андрей Иванович Остерман, член Верховного тайного совета, Алексей Михайлович Черкасский, обер-комиссар Петербурга.

В указе от 7 августа 1734 г. происходившее описывалось так: «Явившийся собою разбойник Семен Караулов доношением объявил, что в Москве имеются четыре дома, в которых-де чинятся непотребности и собираются в праздники по ночам разных чинов люди старцы-старицы и прочие, из них-де некоторые выбираются наставниками и садятся в передних местах, а прочие

по лавкам, и, приходя-де, им кланяются в землю и целуют у них руки, и, собирая деньги, отдают, а другие из них пророчествуют, и по тому его, Караулова, показанию означенные разных чинов люди обоего пола семьдесят восемь человек, в том числе старцы и старицы, сысканы, и о чем надлежало, следовано, и по следствию-де явилось, что у тех людей наставница была Ивановского девичья монастыря, что в Москве, старица Настасья да две старицы и старец, которые-де приходящих к ним людей прельщали лживыми пророчествами и вместо причастия Святых Таин подавали резаный кусками хлеб и из стакана давали пить квас, а иногда и воду, и при том ведении для известия Святейшему Правительствующему Синоду в Санкт-Петербурге приобщен и экстракт, в котором показаны многие богомерзкие чинимые оными людьми противности» (РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 2–2 об).

Знакомый с Угличским делом и входивший в состав петербургской комиссии архиепископ Феофан Прокопович соотнёс московскую общину с угличской. В указе упомянуто, что 12 февраля 1733 г. архиепископ рассказал членам комиссии о содержании угличского дела, которое за неделю до того было поведано ему судьёй Юрьева монастыря Андроником. Последний являлся архимандритом Угличского монастыря и непосредственным участником дела 1717 г.

В указе приведены также краткие сведения об учении и о практике религиозного движения, официального названия у которого ещё нет. В 1734 г. название «хлысты» еще не вошло в обиход и никакого суждения о характере собраний, кроме того, что речь идет о тайной (а потому опасной) группе, вынесено не было. Создаётся впечатление, что уникальность, отделявшая описанные в указе учение и практику от других существующих групп «раскольников» или «суеверов», была создана самой комиссией. Оказалось, что неизвестное ранее религиозное образование охватывает многие регионы страны, среди которых первенствующее место занимает Москва.

По доносу Караулова в январе 1733 г. было схвачено 78 человек, их расспросные речи представляют собой отдельный корпус документов (РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 6. Расспросы 78 человек колодников по присланным из Синода пунктам, 1733 г.). Эти документы содержат сведения биографического характера, фрагменты проповеди христоверов, личные истории обращения в веру Христову, описания обрядов и в некоторых случаях ссылки на Священное Писание, позволяющие воссоздавать фрагменты религиозной жизни москвичей XVIII в. – преимущественно посадских людей, крестьян, духовенства.

Всего в ходе работы первой раскольнической комиссии было задержано 303 человека, из них девятнадцать монахов, пятьдесят семь стариц московских монастырей, более тридцати купцов и посадских людей и около двадцати ремесленников. Среди монахов – старцы Высокопетровского, Донского, Симонова, Чудова, старицы Ивановского (двадцать одна), Никитского (двадцать), Георгиевского (одиннадцать), Рождественского, Варсонофьевского монастырей, белицы Варсонофьевского, Никитского и Рождествен-

ского монастырей. К тому же в Московском уезде было задержано около шестидесяти крестьян, преимущественно монастырских (Нечаев В.В. Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 163).

28 марта 1739 г. по добровольному решению Московской следственной комиссии и одобрению Тайной канцелярии следствие по некоторым нерешенным делам было передано Раскольнической конторе. В настоящее время корпус Первой и второй следственных комиссий о раскольниках хранится в одноименных фондах РГАДА.

А.В. Сергеев (Санкт-Петербург)

Князья Рязанские в Московском государстве XVI в.

В историографии деятельность представителей Рязанской ветви Рюриковичей в XVI–XVII вв. изучена недостаточно. Несмотря на отдельные сходства с судьбами других князей, их политическая жизнь сложилась особым образом, она представляет ряд интересных примеров и заслуживает специального изучения.

Князья Рязанские происходили от внука Ярослава Мудрого, младшего брата знаменитого князя Олега Святославича (Гориславича) Ярослава, и делились на князей Рязанских, Муромских, Пронских (Иловайский Д.И. Рязанское княжество. М., 1997. С. 156–157). После 1534 г. единственными представителями Рязанских Рюриковичей в Московском государстве остались последние.

Специальный очерк посвятил князьям Рязанским за XV – перв. треть XVI вв. А.А. Зимин (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV– первой трети XVI в. М., 1988. С. 113–122). Биографии наиболее выдающихся князей Пронских приведены в Русском биографическом словаре (Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. 15. С. 50–63).

Князья Пронские в XVI в. делали вклады (преимущественно денежно-вещевые) во все крупнейшие монастыри, что указывает не только на их благочестие, но и на наличие свободных денежных средств. Земли они давали редко, что объясняется преобладанием среди их земельных владений поместий, которые, в отличие от вотчин, нельзя было «по душе дать». Поземельные связи с «родовым гнездом» были утрачены Пронскими еще в XV в. Сведения документов архивов Троице-Сергиева (ТСМ), Иосифо-Волоколамского, Симонова, Кирилло-Белозерского, Ростовско-Борисоглебского, Саввино-Сторожевского монастырей позволяют уточнить время смерти или пострижения отдельных представителей Пронских, выявить имена княгинь, не указанные в родословных, родственные связи с другими фамилиями, в том числе с удельными князьями Старицкими. Не менее важна информация о характере землевладения Пронских, содержащаяся в писцовых книгах и других источниках.

Без учета «литовской линии» князя Глеба Юрьевича мужская часть фамилии Пронских насчитывала около 40 представителей (Лобанов-Ростовский А.Б. Рус-

ская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 132–136, 467). В их родословной выделяются три линии, идущие от сыновей князя Ивана Владимировича, умершего в 1409 г. Старшие его потомки перешли на службу в Литву, вторая линия – Нелюбовы-Шемякины угасла во второй половине XVI в. Третья линия была наиболее многочисленной и существовала до конца XVII в. У внука князя Ивана, Дмитрия Андреевича, было четверо сыновей, образовавших еще 4 линии данной фамилии. Князь Дмитрий постригся в ТСМ, приняв имя Антоний, около 1517 г. Это событие положило начало связям князей Пронских с Сергиевой обителью, в которой по некоторым данным размещался их фамильный некрополь, от которого пока обнаружены лишь фрагменты (Вишневский В.И. Средневековые надписи-граффити на надгробиях из Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2007. С. 69–80).

Выдающимся представителем старшей (в «русской части фамилии») линии Пронских (Нелюбовых-Шемякиных) был князь Юрий Иванович. Он активно участвовал в военных походах, был способным военачальником, руководил завоеванием Астрахани, после присоединения которой получил боярство в конце 1554 г., но вскоре умер, не достигнув 30 лет (Кобрин В.Б. Опыт изучения генеалогии (Протопоповы–Мезецкие–Пронские) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. XIV. С. 50–59). Поскольку в Тысячной книге Нелюбовы-Шемякины записаны по Тарусе, можно заключить, что часть их земельных владений располагалась в этом уезде (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 56, 59).

Пример малоуспешной служебной карьеры представляют Рыбины-Пронские и их ближайшая родня. Почти все князья этой линии быстро сошли с политической сцены в первой половине XVI в., никак себя не проявив. Единственный оставшийся их представитель князь Василий Федорович на службе не преуспел, а в период опричнины был казнен. В Костромском уезде у В.Ф. Рыбина-Пронского были земли, которые он обменял на владения в Рузе. Его сын служил по Дорогобужу в последней трети XVI в. Эта линия Пронских существовала дольше всех и угасла в конце XVII в. Повысить социальный статус смог только внук В.Ф. Пронского Петр Иванович, получивший боярство. Боярами стали и оба его сына – последние представители мужской линии Пронских.

Видное положение в Государевом дворе XVI в. занял старший сын взятого в плен под Оршей князя Ивана Дмитриевича Пронского – Иван Турунтай. Он часто командовал полками в военных походах, стал боярином около 1549 г. В 1559 г. князь И.И. Пронский был в числе душеприказчиков царского родственника князя М.В. Глинского, с которым в конце 1547 г. пытался неудачно отъехать в Литву. В период опричнины (около 1569 г.) престарелый князь И.И. Турунтай был убит.

Следующая линия Пронских служила удельным князьям Старицким. Боярином князя Андрея Старицкого был третий сын князя Дмитрия Андрееви-

ча Пронского Федор. Вотчины в Старицком уезде сохранялись у его потомков (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 862. Л. 120 об., 179 об.). Кроме того, у них были владения в Дмитровском, Романовском, возможно, Ростовском уездах. Князь Федор скончался «в нуже» после ареста князя А. Старицкого в 1537 г. Его сын Константин разрядами не упоминался и умер вскоре после отца. Данная линия угасла в первой половине XVII в. Ее представители оставались на уровне «второстепенных» князей. Никто из потомков удельного боярина князя Федора не получил думных чинов в Государевом дворе.

В отличие от потомков князя Ф.Д. Пронского сыновья его младшего брата Данилы добились выдающихся служебных успехов. Сам князь Данила получил боярство в 1547 г. Его сыновья были записаны в Тысячную книгу по Юрьеву. Их служебная карьера сложилась успешно. Оба стали боярами, были приняты в опричнину, избежав опалы и казни (Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. М., 2008. С. 70–72).

В.Н. Сергеев (Москва)

Униформология и «большая история»

С развитием исторической науки набирают силы процессы измельчания тем и создания «научных заповедников». Постепенно единая историческая наука начинает распадаться на всё более и более автономные сферы. Этот процесс вдёт к глубоким последствиям. Главная проблема кроется в том, что представители этих новых наук всё меньше и меньше осуществляют коммуникацию между собой. Даже внутри единого блока специальных или вспомогательных исторических дисциплин нет сильных внутренних связей. Каждый историк занимается своей сферой научных интересов и не мешает работать другим. Ещё одним следствием дифференциации исторической науки становится доминирование внутренней логики конкретной маленькой науки. Лучше всего мы можем проследить это на уровне выбора тем магистерских и кандидатских диссертаций. В результате получается, что важные научные открытия остаются локальными событиями и не вызывают цепную реакцию. Конечно, историки тут не одиноки. Аналогичные процессы происходят во всех общественных науках. В этой ситуации сложно говорить о междисциплинарных или метадисциплинарных исследованиях.

Ещё одни фактор, который заставляет часть специальных исторических дисциплин уходить в автономное плавание, это наличие сообществ коллекционеров. Этот фактор заметнее всего проявляется в отношении нумизматики, бонистики, фалеристики, униформологии и т.д. Существование двух миров (коллекционеров и исследователей) приводит, с одной стороны, к конкуренции, а с другой – к доминированию практических знаний. В результате, вместо научных статей и монографий на первый план выходят каталоги. Доминирование коллекционеров так же приводит к фокусированию на вторичных деталях. Акцент ставится на мелкие, незначительные

различия, которые при научном подходе можно отнести к статистической погрешности и не рассматривать вовсе.

Для преодоления научного сепаратизма и диктата коллекционеров, необходимо заново понять предназначение вспомогательных исторических дисциплин и определить их место в научном пространстве. Чтобы осуществить такое сложное действие необходимо установить прочную взаимосвязь между специальными дисциплинами и «большой историей». Источники должны изучаться не сами по себе, а для составления адекватной картины мира и лучшего понимания процессов, которые происходили или происходят в человеческом обществе. Особенно это касается наук, которые изучают различные символы и знаки. По своей сути и нумизматика, и униформология, и схожие дисциплины изучают материальные воплощения духовной культуры. Следовательно, всё значение знаков и символов можно раскрыть только в широкой исторической перспективе. Для понимания этого тезиса, можно привести пример из истории XX в..

Данный пример относится к дискуссиям о социально-экономической природе Советского Союза. Ещё в 1930−1940-е гг. оформилось три варианта восприятия СССР: в качестве социалистического государства (И. Сталин и антикоммунисты), деформированного рабочего государства (Л. Троцкий), нового эксплуататорского общества (М. Шахтман) и общества государственного капитализма (Т. Клиф). В основном, эти теории доказывались через обращение к экономической или политической истории. Изучение же форменной одежды агентов государства (военные, чиновники, правоохранительные органы и т.д.) даёт много фактов, которые явно противоречат теории о социалистическом характере Советского Союза.

В советской униформе с середины 1930-х гг. наблюдается «термидор» и возвращение к имперской традиции. Советская Республика изначально создавалась как форма диктатуры пролетариата, которая разрывает родовые связи с капиталистическим и феодальным прошлым. Поэтому новое государство титулов и личных званий не имело. Погоны, дорогая униформа, слово «офицер», персональные воинские и гражданские звания и другие элементы эксплуататорских обществ должны были остаться в прошлом. Но в 1935 г. начинается постепенное возвращение имперских символов. Первым шагом стала замена термина красные командиры на офицеры и появление персональных званий. Показательно, что форменная одежда Рабоче-крестьянской милиции в конце 1940-х гг. практически неотличима от униформы жандармерии и полиции Российской империи начала XX в. Защитники рабоче-крестьянского государства внешне напоминали защитников царизма.

Аналогичные данные нам даёт исследование советской системы государственных наград. Сам факт появления во время Второй мировой войны наград для разных страт (от генералитета до рядового) показывает наличие социального неравенства. Для сравнения, в период Гражданской войны од-

ними орденами награждали и рядовых, и командующих фронтами, что соответствовало идее социального равенства всех революционных бойцов.

Материалами униформологии и фалеристики можно подкрепить теорию о существовании в СССР деформированного рабочего государства, которое находилось в состоянии перехода, где конечный результат не был ещё предопределен. С одной стороны, сохранялись символы революции, но всё более и более отчётливой становилась перспектива реставрации капитализма и возвращения к культурным образцам Российской империи.

Связь специальных исторических дисциплин с большими нарративами позволит отказаться от диктата коллекционирования и связанного с ним фокусом на различия незначительных деталей. Если мы подкрепляем большие исторические события данными из вспомогательных исторических дисциплин, то становятся неважными конкретные обстоятельства производства предметов материальной культуры, вместо этого, на первый план выходит их символическое значение.

Н.В. Середа (Тверь)

Документы личного происхождения тверских купцов: к вопросу о функциях и жанровой принадлежности

Самоназвания сохранившихся тверских купеческих текстов личного происхождения тверского купечества дореформенного периода разнообразны, они зафиксированы на обложках дел и в справочниках по Государственному архиву Тверской области (Голубев И.Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. Калинин, 1960). Исследователи воспроизводят их, не предлагая новых, более точно отражающих жанровую принадлежность текстов. Сохранившиеся тексты в значительной мере написаны синхронно происходившим событиям, однако все они имеют признаки произведений мемуарного жанра.

Начало Летописи Михаила Тюльпина явно составлено на основе воспоминаний автора о пожаре в Твери 1763 г. и его последствиях. В 1763 г. Михаилу было 8 лет. вероятно многое он не столько сам помнил. сколько знал по рассказам окружавших его людей. Однако чувство бездомных, разорённых пожаром людей, вынужденных искать приюта у родственников, пережитое Михаилом в детстве, видимо, сохранилось вплоть до момента, когда автор писал своё сочинение, т.е. до 30-х гг. XIX в. О тягостности того периода жизни свидетельствует запись: « И так жили мы чужим домам от 1763 года майя 13-го числа два года и 5 месяцев и 14 дней» (Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007. С. 271).

Элементы повествования о прошлом есть в каждом из анализируемых памятников. Тверские купцы не только фиксировали значимые для них события, но также заботились о сохранении этих записей и о передаче их потомству. Для этого они периодически переписывали информацию на новый материальный носитель. В процессе переписывания более ранний текст, как правило, пополнялся новыми сведениями. В этом случае ранее извест-

ные сведения входили в состав создаваемого текста органично, вписывались тем же почерком, тем же пером и одними и теми же чернилами, что и другие, близкие по расположению записи. Так в памятной книге купцов Томилов под 1777 г. сообщается о событиях, отделённых друг от друга несколькими десятилетиями: «1777-й год. июня 28-го заложен монумент, … который сломан в 1811-м году при принце, с тем, дабы построить великолепнее и огромнее. но за смертию его остался незделанным (в Твери располагалась резиденция принца Георгия Ольденбургского, который скончался в конце 1812 г.). Наличие аналогичных, сложносоставных записей – ещё один из признаков, которые придают исследуемым источникам характер мемуаров.

Еще один приём, который использовали авторы, является внесение приписок к ранее созданному тексту; они вносились другими чернилами и другим пером. Эти дополнения достаточно легко вычленяются в основном тексте рукописей и также придают источникам характер произведений мемуарного жанра. В дневнике Блиновых 1772 г. датирована запись о том, что «у Покрава церковь каменная сделана и отбелена совсем месяца сентября». А далее следует приписка, сделанная другими чернилами: «1774 году октября 1-го дня освещена» (Купеческие дневники и мемуары… С. 226). Наличие таких приписок позволяет думать, что авторы периодически перечитывали свои ранее сделанные записи, т. е. написанный ими текст выполнял автокоммуникативные функции, что придаёт ему свойства эго-документа. Перечитывание текста позволяло авторам «обозревать путь», пройденный ими (Троицкий Ю.А. Аналитика эго-документа: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 14–31). Однако, как свидетельствуют тверские купеческие памятники личного происхождения, «обозревать» прожитое время можно было и иным способом: другое проявление автокоммуникативной функции можно увидеть в «дневнике» Блиновых.

Основным автором дневника Блиновых был Иов Карпович. Большинство его записей являют собой образец хронологической системы «ex post». Их анализ позволяет реконструировать «событие самого рассказывания», мы можем предполагать, что поводом для обращения Иова к дневнику обычно служило событие, максимально приближенное по времени к очередному этапу работы над дневником. Однако, взяв дневник в руки, Иов как бы имплацировал себя в некую иную реальность – уже свершившегося – и в этой реальности память вела его всё дальше вглубь времени от события, ставшего толчком для того, чтобы обратиться к дневнику и зафиксировать это событие в нём. В итоге автором, во-первых, оказывались осмысленными и заново пережитыми события прошлого и, во-вторых, эти события оказывались описанными, а значит включёнными в историческую память семьи.

Рассмотрим пример. Поводом обращения Иова к дневнику в январе 1774 г., стало рождение сына 27 декабря прошедшего года. Прежде чем сделать запись об этом событии, Иов фиксирует факт своей женитьбы в ноябре

1772 г., тем самым устанавливая причинно-следственную связь событий и располагая их в порядке хронологии на оси времени. В итоге весь этот комплекс событий описан им в январе 1774 г., но под 1772 г. «В 1772 году ноября 11 дня Иев Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году месяца генваря декабря 27 дня» (Купеческие дневники и мемуары… С, 327). Зачеркнутое слово «генваря» позволяет предположить, что эта комплексная запись, датированная 1772 г., была сделана в январе 1774 г. Однако поток сознания вёл Иова дальше вглубь времен, к воспоминаниям о рождении брата Никифора в 1764 г. В результате в дневнике в составе записи, сделанной, по всей вероятности, в январе 1774 г., описаны события, датированные автором 1772 и даже 1764 гг. Целая серия событий зафиксирована одномоментно, одним почерком и одними чернилами.

Подобные записи также придают источнику характер мемуаристики и, кроме того позволяют размышлять над изменениями душевного состояния и переживаниями автора.

А.В. Сиренов (Санкт-Петербург)

Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях»*

«Летописец о небесных явлениях» − это летописная компиляция начала XVII в., посвященная астрономическим и атмосферным явлениям, которые согласно средневековой традиции воспринимаются как «небесные знамения». Летописец известен в единственном списке БАН. 24.5.32, который происходит из собрания И.И. Срезневского. Можно думать, что рукопись была написана в Казани местным иконописцем. Последнее обстоятельство отразилось в том числе в иллюстрациях к летописному тексту, которые схематически изображают те самые «небесные знамения», о которых идет речь в тексте. Схематично изображенные кометы, метеоритный дождь, гало и паргелии делают «Летописец о небесных явлениях» уникальным для древнерусской традиции (Маркелов Г.В. «Явися на небеси знамение чюдно» // О древней и новой литературе. СПб., 2005. С. 42–51.). Это обстоятельство заставляет более внимательно отнестись к той информации, которую автор Летописца оставил на страницах составленного им сборника.

Кроме летописных известий, читающихся в основном тексте рукописи, здесь присутствует и несколько известий, написанных на полях или на свободных от текста частях листов. Таким образом, речь идет о маргинальных записях. Три из них представляют собой попытки дополнить текст Летописца новыми известиями о небесных знамениях и других важных для истории событиях (л.141 об., 232 об., 233). Остальные характеризует некое тематическое и хронологическое единство. Перечислим их в хронологическом порядке: 1) 1 декабря 1595 г. кончина священника Феодора и погребение его в Спаси-Преображенском монастыре за олтарем (л. 98−98 об.); 2) 17 октября 1598 г. кончина священника Иакова и погребение его в Спасо-Преображенском монастыре (л. 98 об.); 3) 31 августа 1606 г. поставление в

Казань митрополита Ефрема (л. 141 об.); 4) 6 сентября 1606 г. кончина юродивого Тимофея и погребение его у Покровской церкви (л. 98); 5) 17 сентября 1606 г. кончина Александры и ее погребение у церкви Сретения иконы Владимирской Богоматери (л. 98); 6) 19 сентября 1606 г. кончина сына Александры младенца Никиты (л. 98); 7) 18 сентября 1609 г. пострижение Анны Семеновны в монахини с именем Анисии, 22 сентября принятие ей схимы, 23 сентября ее кончина и погребение в казанском Троицком монастыре (л. 98 об.); 8) в январе 1610 г. кончина Бориса Татаринова и его погребение в Казани на посаде у Никольской церкви (л. 226); 9) 17 июля 1610 г. сведение с престоля Василия Шуйского, его пострижение и отправка в Речь Посполитую (л. 222); 10) 31 января 1611 г. кончина Марии Даниловны (л. 227 об.); 11) 7 марта 1611 г. убийство казанского воеводы Богдана Бельского и его погребение на следующий день в Троицком монастыре (л. 227 об.); 12) 26 июля 1611 г. женитьба (автора записи?) (л. 279); 13) 17 января 1612 г. кончина патриарха Гермогена (л. 214); 14) 15 апреля 1612 г. рождение Симеона (л. 279); 15) 26 декабря 1613 г. кончина казанского митрополита Ефрема (л. 141об.); 16) 1613/1614 г. перезахоронение Богдана Бельского в Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле (л. 227 об.); 17) 12 июня 1615 г. рождение Ивана (л. 279); 18) 29 июня 1616 г. кончина Евфимии, в монашестве схимницы Евпраксии (л. 226).

Перечисленные известия написаны по непосредственным впечатлениям автора. Характерно, что они охватывают сравнительно небольшой отрезок времени – всего 21 год. Часть известий касается событий в Казани, свидетелем которых был автор. Это поставление митрополита Ефрема, кончина юродивого Тимофея, убийство казанского воеводы Богдана Бельского, кончина митрополита Ефрема, его погребение и перезахоронение. Два известия носят общерусский характер – это сведение с престола Василия Шуйского и кончина патриарха Гермогена. О них автор не мог не узнать, к тому же они наверняка представлялись ему важными для будущего страны. Следует учитывать и бытность Гермогена казанским митрополитом, что обуславливало особый интерес к его персоне со стороны жителей Казани.

Остальные известия носят исключительно частный характер. В них по преимуществу сообщается о кончине каких-то людей, по всей видимости, казанцев, из которых по фамилии назван только один – Борис Татаринов. Обратим внимание, что под 26 июля 1611 г. читается предельно короткое известие – «женился». По всей видимости, здесь автор записи имеет в виду самого себя. Следом помещены известия о рождении в 1612 г. Симеона (через девять месяцев после женитьбы) и в 1615 г. Ивана. К этим трем известиям приписаны астрономические расчеты относительно указанных дат. Весьма вероятно, что в данном случае упомянуты факты биографии автора – его женитьба и рождение сыновей. Поскольку в остальных случаях не указаны фамилии лиц, дата смерти и место погребения которых тщательно зафиксированы, в рассматриваемых маргиналиях можно видеть семейный летопи-

сец. Его автор фиксировал самые важные события в жизни своей семьи – рождение и смерть ее членов. Фамилии он не указывал, возможно, по той причине, что почти все упомятные в записях люди носили одну фамилию, ту же, что и сам автор.

Подобная традиция семейного летописца в виде приписок на полях кодекса исторического содержания известна и для более позднего времени. Укажем как пример семейный летописец XVIII – начала XIX вв., который читается на полях принадлежавшей купцу А.А. Медынцеву, известному собирателю древнерусских монет, рукописи Степенной книги РГАДА, ф. 187 (собр. ЦГАЛИ), оп. 2, № 96а. Для автора «Летописца о небесных знамениях» характерно, что он сам был составителем рукописного сборника, на полях которого расположил известия своего семейного летописца. Некоторые из них, относящиеся к концу XVI в., он выписывал из какой-то другой рукописи, поскольку они оказываются написанными в одном комплексе с известиями более позднего времени. Таким образом, он вполне мог некоторые из этих известий поместить в основной текст своего сборника, однако не сделал этого. Для него было важно расположить известия своего семейного летописца в виде маргиналий, а это, в свою очередь, характеризует семейный летописец как особый вид летописного произведения, имеющий свои правила записи известий.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00288а.

С.В. Сливко (Хабаровск)

Филателия как вспомогательная историческая дисциплина

Современное состояние исторической науки с особой остротой ставит вопрос о расширении источниковой базы исследований, в т.ч. за счет произведений эпистолярного жанра. В значительной степени это обусловлено увеличением интереса к истории повседневности, социальной истории и другим новым научным направлениям. Возрастает интерес к истории нового и новейшего времени, равно как и количество специальных исследований по данным периодам, что предусматривает активное введение в оборот источников, впервые появившихся в это время. Указанное обстоятельство позволяет вспомогательным историческим дисциплинам выйти за рамки их использования в изучении преимущественно древней истории.

Нельзя не согласиться с Е.И. Каменцевой, упоминавшей об этом процессе: «Сейчас наступило время распространения приемов и методов исследования источников, разработанных вспомогательными дисциплинами, на все периоды исторического развития» (Каменцева Е.И. Вспомогательные исторические дисциплины в источниковедении и практике конкретно-исторических явлений // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин (темы докладов и сообщений V Всесоюзной конференции). Киев, 1990. С.74–75.). Вместе с тем, всё большую значимость приобретает изучение исторических аспектов способов передачи информации,

их влияние на социально-политические и экономические процессы. Все эти обстоятельства, наряду с углублением специализации в системе вспомогательных исторических дисциплин, позволяют говорить о выделении филателии в качестве отдельной вспомогательной исторической дисциплины.

До недавнего времени филателия считалась видом коллекционирования, специализировавшимся на собирании и изучении знаков почтовой оплаты и других почтовых объектов, имеющих отношение к франкированию. Несмотря на исследовательскую составляющую, которая проявилась еще в XIX в., филателии вплоть до 1980-х гг. отказывалось в принадлежности к какой-либо области научных знаний (Граллерт В. Филателистический словарь. М., 1977. С. 195–196.). Однако, накопление и систематизация филателистического материала, разработка понятийного аппарата и привлечение данных филателии к исследованиям по истории XVII–XX вв. (особенно второй половины XIX–XX вв.) вызвала потребность её оформления в качестве вспомогательной исторической дисциплины.

Этот процесс находится в русле развития исторической науки, о чем говорил Л.В. Черепнин: «Специфика отдельных категорий памятников, порождающая в отношении их специальную методику, диктует и рождение специальных дисциплин. <…> Не ограничиваясь регистрацией тех или иных признаков исторических памятников («примет») исторических памятников (рукописи, печати, монеты и т.д.), они ставят своей задачей объяснить возникновение, развитие, замену этих признаков другими» (Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение Отечественной истории: сб. статей. Вып. 1. М.,1973. С. 40). Изменения правил приема и доставки почтовой корреспонденции, отразившиеся во введении в оборот почтовых штемпелей (в Западной Европе вт. половина XVII в., в России – 60-е гг. XVIII в.) и марок (1840 г. – Британская империя, 1857 г. – Российская империя), способствовало увеличению объемов почтовой корреспонденции, которая оставалась важнейшим средством коммуникации вплоть до конца XX вв.

Почтовые марки, штемпели, оттиски франкировальных машин и др. филателистические предметы стали неотъемлемым атрибутом письменной корреспонденции, эволюционируя вместе с развитием науки и техники, государственной политики, транспорта, связи, международного права и многих других сторон жизни человеческого общества, отражая при этом изменения, происходившие в них. Следовательно, филателистические знания помогают исследователю в изучении социальных процессов. Вместе с тем, данные филателии вносят вклад в установлении подлинности письменных источников, прошедших через почту (особенно это касается личной и деловой переписки, некоторых разновидностей делопроизводственной документации), а также их идентификации – например, в случаях с воинской корреспонденцией, имеющей вместо точного адреса и наименования воинской части лишь шифр полевой почты.

Можно выделить несколько ключевых задач, стоящих перед филателией как вспомогательной исторической дисциплиной: 1) исследование техники производства филателистических предметов в их историческом развитии (изготовление бумаги и ее виды, способы полиграфической печати, гуммирование и его характеристики, машины для производства почтовой продукции и т.д.); 2) всестороннее изучение эмиссионной политики субъектов, осуществляющих изготовление знаков почтовой оплаты (государств, ведомств, организаций, частных лиц); 3) анализ отражения филателистическими предметами общественных процессов и их влияние на коммуникацию, массовое сознание; 4) углубление филателистических сведений и их систематизация в виде каталогов с расширенной исторической характеристикой воспроизводимых источников; 5) изучение истории филателии и филателистического движения.

Филателия имеет широкие связи с другими вспомогательными и специальными историческими дисциплинами. Сущность почтовых марок как средств оплаты почтовых отправлений сближает филателию с нумизматикой и бонистикой − тем более, что помимо специального изготовления марок-денег известны случаи использования обычных почтовых марок в качестве денежных знаков при совершении сделок купли-продажи. В непосредственном отражении филателистическими предметами мер денежного счета (почтовые марки и цельные вещи), длины, поверхности и веса (целые вещи) заключается ее родство с исторической метрологией. Водяные знаки на бумаге, использующейся для изготовления филателистических предметов, сближают филателию с филигранологией. Сюжеты и надписи, изображенные на почтовых марках, штемпелях, конвертах и цельных вещах нередко имеют содержание, составляющее предмет геральдики, фалеристики, эмблематики, вексиллологии, ономастики.

Вместе с тем, необходимо признать – несмотря на относительную давность заявлений о том, что филателия вправе считаться вспомогательной исторической дисциплины, её становление как таковой находится в самом начале (Каштанов С.М. О классификации вспомогательных исторических дисциплин // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин (темы докладов и сообщений V Всесоюзной конференции). Киев, 1990. С. 75–77). Для успешного решения данной задачи не обойтись без плодотворного взаимодействия историков и коллекционеров-филателистов. Это сотрудничество тем более необходимо, так как позволяет историкам-профессионалам овладевать методикой популяризации филателистических знаний для преодоления дистанции между профессиональным и обыденным историческим сознанием. Нередко устойчивый интерес к истории возникает с коллекционирования марок или иных филателистических предметов, что особенно характерно для детей школьного возраста. Этот факт особенно значим для учителей истории, которые во время своего обучения в вузах изучают курс вспомогательных исторических

дисциплин и применяют полученные знания в своей профессиональной деятельности. Таким образом, изучение филателии в рамках университетского курса имеет не только исследовательское, но и методическое значение.

Д.Д. Смирнова (Санкт-Петербург)

Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548 г. как источник по истории Новгородской епархии и государства середины XVI в.

В изучении истории Новгородской епархии XVI в. не исследован до конца вопрос её финансового обеспечения. В этой связи источники, сообщающие информацию по данному вопросу представляют особый интерес. К числу подобных источников относятся расходные книги Софийского дома за 1548 г., содержащие комплекс интересных, а зачастую уникальных сведений. С момента их публикации И.К. Куприяновым (Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548 год // Извлечены из Т. 3 Известий императорского Русского археологического общества. 1861. 36 с.) они неоднократно становились предметов изучения исследователей (Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. 8. Кн. 3. СПб., 1877. С. 296, 299, 304–308; Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 гг. Вып. 33. С. 201–332; Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 46–109 и др.). При этом содержащиеся в них сведения в основном использовались для иллюстрации конкретных вопросов, без комплексного анализа.

Данный источник содержит подробное описание расходов новгородской епархии за 1548 г., когда ее главой являлся архиепископ Феодосий (1491–1563) Книги последовательно фиксируют расходы за десять месяцев (с 1 ноября по 30 августа), однако с большими пропусками.

Фиксируемые в книгах расходы весьма разнообразны по составу, начиная от бытовых, связанных с повседневным обеспечением, и заканчивая тратами на прием Ивана IV и высокопоставленных государственных лиц. Значительную часть книг составляет описание именно мелких расходов, помогающих получить сведения о жизни епархии. Среди них оплата починки саней архиепископа, работа сыромятника на конюшне, труды кузнеца, меховщика, что наряду с информацией о мастерах серебряных дел дает объективную информацию о новгородских ремесленниках. Отдельно можно отметить неоднократную покупку икон у новгородских «иконников». Зафиксированы и более прозаические покупки, такие как рожь для коня, топленое сало и хмель. Почву для нумизматических исследований дает перечисление в книгах различных типов монет.

Особый интерес представляет описание расходов по приему первых лиц государства. Расходные книги предоставляют информацию, позволяющую сделать вывод о масштабности подобных приемов. Как правило, организовывался обед, в процессе которого вручались подарки. Отводится много внимания подаркам, высылаемых архиепископом или преподносимых им

лично, в том числе Ивану IV, митрополиту Макарию, а также представителям боярской аристократии. Книги подробно перечисляют также и подарки, вручаемые гостями архиепископу Феодосию, однако архиепископ, как правило, отказывался от них, принимая лишь отдельных лошадей. Примечательна также система вручения подарков с его стороны. Многим присутствующим архиепископ вручает дары, в качестве которых в основном выступают серебряные или золотые образа, кресты, ковши и деньги. Очевидно, запас этих даров заготавливался заранее, о чем также можно сделать вывод из книг. Вручение даров имело место не только на праздники. Это происходило и в качестве благословения. В то же время, при описании вручения подарков на пирах, в отношении некоторых лиц расходные книги фиксируют их отсутствие, что дает основание для дальнейших изысканий. Помимо этого, расходные книги позволяют предположить, что данные приемы нелегко давались Софийской казне. На это указывают неоднократные упоминания о займах, в том числе к приезду Ивана IV и сообщения о возврате долгов. Занимать порой приходилось даже незначительные суммы.

В книгах находим также сообщения о выдаче архиепископом жалованья дворовым людям. Благодаря записям в книгах установлены имена певчих дьяков, псаломщиков, звонцов, казначея, отдельных попов. По записям можно также установить имена отдельных игуменов и дьяков. Присутствуют многократные упоминания о выделении денег по непосредственному повелению архиепископа. Например, на выделение «человеку Кубенскаго» и митрополичью подьячему сукна, а также денег на него повару великого князя и Гришке плотнику. По повелению архиепископа неоднократно выделялась милостыня для заключенных.

Книги позволяют получить представление о разъездах, являвшихся неотъемлемой частью жизни архиепископа. Сохранились сведения о его визите в Москву, посещении монастырей Новгородской епархии, поездке в Псков. Именно на пути в Псков, во время остановки в Сольцах, застала архиепископа новость, что по его ходатайству Иван IV закрыл в Новгороде корчмы. По этому случаю гонец был архиепископом награжден.

Расходные книги содержат информацию по истории традиций русской православной церкви. Так, в них содержится упоминание раздачи подарков халдеям – участникам церковного обряда - «пещнаго действия», которое совершалось перед праздником Рождества Христова. Также в книгах зафиксированное самое раннее датированное исполнение «шествия на осляти в неделю Ваий», проводимое с начала XVI в. Следует отметить участие в нем новгородских наместников князей И.М. Шуйского Ю.М. Булгакова. Содержат книги и многочисленные упоминания иных персоналий. Так, присутствуют многочисленные указания на наиболее влиятельных лиц не только Новгородской земли, но и всего государства, что позволяет считать книги информативным источником для биографов и исследователей истории XVI в. Поскольку расходы в книгах фиксировались с указанием конкретного дня, то записи могут быть

использованы при атрибуции текстов, где также указаны фигурирующие в книгах исторические фигуры. Примером такой практики может служить проведенная автором атрибуция наказных памятей архиепископа Феодосия.

Таким образом, расходные книги Софийского дома являются многогранным источником, не только предоставляющим ценные сведения о финансовой жизни новгородской епархии, но и позволяющим взглянуть на ее жизнь изнутри.

Я.Г. Солодкин (Нижневартовск)

К реконструкции «написания» «ермаковых казаков»*

Синодик «ермаковым казакам» (далее – С) является самым ранним из дошедших до нас памятников русской книжной культуры Сибири. Из четырех редакций С – обнаруженной в составе общего Чина православия, известной в копии, снятой по заказу Г.Ф. Миллера, представляющей собой своеобразное приложение к Есиповской летописи (далее – ЕЛ) и, наконец, включенной в «Историю Сибирскую» С.У. Ремезова, – начальной считается первая (нередко признающаяся подлинником, оригиналом).

Согласно найденной и трижды опубликованной Е. К. Ромодановской редакции С (далее – С1), «первой бой» «руского полка» с «агарянами» и татарами произошел «на брегу (Иртыша – *Я.С.*) под Чювашею» 26 октября 1580 г., и тогда погибли Окол, Иван Карчига и Богдан Брязга «с их дружиною». Следом, однако, читаем, что зимой того же года, 5 декабря, эти ермаковцы были убиты внезапно напавшими на них «воинством», «нечестивыми» под Абалаком, когда направлялись «к рыбной ловле». Но ранее сообщается, что в бою у Абалака, причем в тот же самый день, пали Сергей, Иван, Андрей и Тимофей «с их дружиною». Противоречие насчет времени и места гибели Окола, Ивана Карчиги, Брязги (Брюзги) и их «товарищей» могло быть допущено в С1 вслед за «написанием» (далее – Н), составленным ветеранами «Сибирского взятия» в ответ на просьбу тобольского «первопрестолъника» Киприана Старорушанина. Видимо, сподвижники Ермака, к которым обратился владыка, успели забыть, где и когда лишились многих соратников (Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 57, 191), а никто из «дружины» Брязги не дожил до учреждения сибирской архиепископии. Окол, Иван Карчига, Богдан Брязга, оказывается, подверглись внезапному нападению тогда, когда шли ловить рыбу на Абалацкое озеро (о котором сказано в известном Г. Ф. Миллеру кратком «помяннике» (далее – С2) и С из Ремезовской летописи), про что относительно Сергея, Ивана, Андрея и Тимофея умалчивается. Последние, как думалось и Р.Г. Скрынникову, возможно, погибли в бою с «воями» ханского племянника Маметкула. Е. И. Дергачева-Скоп приняла Н за «обычные поминальные записи, подаваемые оставшимися в живых, с указанием места боя и имен погибших; … на Абалакский бой было подано две записки и дьяк (Киприана – *Я.С.*), не разобравшись, вписал обе» (Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летопи-

сания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 88). Этой оценке противоречит единственное свидетельство об этой «скаске» ветеранов похода за «Камень», принадлежащее Есипову: «казаки … принесоша к нему (архиепископу – *Я.С.*) написание» о том, как, в частности, «приидоша в Сибирь». Дублирование записей в С1, кстати, опровергает утверждение, будто из сотен имен своих «товарищей», которые сумели вспомнить бывшие ермаковцы, софийский дьяк механически выбрал тридцать семь (Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 137 и др.).

В С2 не сказано о «подчювашской брани», а об Окуле, Иване Карчиге, Богдане Брязге, Сергее, Иване, Андрее и Тимофее говорится как о павших на Абалацком озере. В том же С перечислены и те, которые «ходиша и городки имаша», и вначале назван предводитель экспедиции, однако про место его гибели наряду с семью соратниками умалчивается (в С1 в данной связи перечислено шесть казаков). Утверждать, что С2, где нет дат, вторичен по отношению к С1 (Ромодановская Е. К. Там же. С. 65), стало быть, не приходится. Возможно, в Н Окол (Окул), Иван Карчига, Брязга, Сергей, Иван, Андрей и Тимофей значились павшими на Абалаке – и собиравшиеся там рыбачить, и сражавшиеся с татарами. Составитель С1 мог не знать о казаках, погибших в решающей битве на подступах к Кашлыку (Искеру), и книжник из окружения Киприана превратил трех первых из указанных ермаковцев в участников этого «дела», рассудив, и скорее всего справедливо, что «под Чювашею у засеки» полегло немало «православных воев». Там они, если верить С1, дали «первой бой» «кучумлянам» (что, кстати, неверно). Этот бой приурочен анонимным «слогателем» к 26 октября; в «помяннике» (далее – С3) же, который Есипов «написах к своему исправлению», сражение близ Кашлыка отнесено к 23 октября, как и в самой ЕЛ, из которой, по наблюдению Р.Г. Скрынникова, неясно, где «единомысленная дружина» провела последующие две ночи (до вступления в «град» Сибирь). Имеющееся в С1 указание на время битвы «под Чювашею», достоверность которого обычно не оспаривается, Р.Г. Скрынников приписывал ветеранам знаменитой экспедиции, запомнившим, что в тот же день атаманы и казаки заняли главную резиденцию Кучума (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 153, 216, 217). Однако в С нет упоминания о вступлении ермаковцев в Искер, поскольку никто из русских при этом не погиб. В принадлежащих, вероятно, создателям С1 и С3 датировках «дела», исход которого предопределил падение Кашлыка, заключен символический смысл. Быть может, первый из этих «списателей» (что воспринял Есипов) отнес и события у Абалака к 5 декабря, т. е. кануну праздника в честь Николая Мирликийского.

В С1 утверждается, что из экспедиции по Иртышу и Оби не суждено было вернуться атаману Никите Пану и пятнадцати с лишним его соратникам. По допущению Р.Г. Скрынникова, эта цифра, скорее всего лишенная достоверности, явилась следствием редактирования Н дьяками Киприана, которые

в число участников похода до Белогорья включили тех, кто погиб и ранее, и спустя какое-то время. Но почему тогда составитель С1, назвавший, вспомним, одних и тех же ермаковцев среди погибших и «под Чювашею», и у Абалака, не перечислил ряд «товарищей» Никиты Пана, говоря о других эпизодах «зауральской эпопеи»? Именно ее ветераны, надо думать, при возникновении Н представили поход в Обь-Иртышье стоившим ермаковцам наибольших потерь (Есипов же так не считал).

* Исследование выполнено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

Ю.В. Стеценко (Москва)

Нумизматические находки Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1937 – 1945 гг. под руководством С.П. Толстова (по документам фонда №1869 С.П. Толстова в Архиве РАН)

Наше сообщение является обзором документов, хранящихся в Архиве РАН, в составе фонда № 1869 члена-корреспондента АН СССР Сергея Павловича Толстова, которые относятся к теме нашей работы. Таких документов в фонде немного, в основном, это научные труды и документы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, исследования которой принесли С.П. Толстому мировую известность.

Среди научных трудов, посвященных нумизматическим находкам Хорезмской экспедиции, назовем статью «Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмский алфавит», представленную в фонде в виде автографа в двух тетрадях и на отдельных листах, датированную 1938 г. (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 11). Не ранее 1937 г. С.П. Толстовым была написана рецензия «К вопросу о монетах Герая» на работу А.Н. Зографа «Монеты Герая», изданную Комитетом наук УзССР в Ташкенте. Эта работа была опубликована в журнале «Вестник древней истории № 2 за 1939 г. (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 144). Назовем также опубликованную в журнале «Известия АН СССР. Серия историческая и философская» № 4 за 1945 г. статью « К истории хорезмийских сиявушидов. Новые данные по нумизматике древнего Хорезма» (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 42). О нумизматических находках речь идет в VII главе неосуществленного труда об отношениях Хорезма с европейским Востоком под названием «Хорезмско – Хазарские монеты» (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 49).

На страницах большой статьи, сохранившейся в виде автографа, «Три года Хорезмской экспедиции» мы находим упоминания о найденных монетах, об их значении для датировки определенной постройки или существования целой исторической эпохи (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 15). Назовем еще один документ, хранящийся в Архиве РАН, который не относится к документам личного происхождения. Это стенограмма доклада С.П. Толстого на заседании Отделения истории и философии АН СССР 12 октября 1944 г. на тему «Новые данные по нумизматике Древнего Хорезма» (АРАН. Ф. 457.

Оп. 1а-44. Д. 48). Документы, отобранные для иллюстрации темы выступления, охватывают период 1937–1946 гг.

В названии работы указаны даты непосредственного руководства Хорезмской экспедицией С.П. Толстовым. Известно, что даже после ухода в связи с болезнью в 1965 г. из Института этнографии, С.П. Толстов до конца своих дней руководил исследованиями Хорезмской экспедиции.

Послевоенные работы Хорезмской экспедиции по инициативе и под руководством С.П. Толстова приняли большой размах и развернулись на новой методической основе. Это была самая крупная, современно технически оснащенная экспедиция страны.

Нумизматическая коллекция Хорезмской экспедиции пополнялась с каждым годом. Первые находки относятся к 1937 г. Древнехорезмийские монеты были найдены сотрудником Хорезмской экспедиции МОГАИМК АН А.И. Тереножкиным, впоследствии известным археологом, профессором, зав. отделом археологии раннего железного века Института археологии АН УССР «на развалинах древних укреплений, расположенных между столицей Кара-Калпакии – г. Турт-кулем и юго-восточными отрогами гор Султан-Циз-Даг, частью − на самих развалинах, частью – на песчаных выдувах в их ближайших окрестностях. Коллекция состоит из 150 целых монет и фрагментов. Все монеты, за исключением трех серебряных фрагментов – медные. Все монеты, за исключением двух кушанских, двух китайских и одной напоминающей парфянские являются хорезмийскими монетами.» (АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 11. С. 27–29). Хорезмийские монеты, найденные в 1937 г., также как большая часть известных до экспедиции монет, происходила из пределов СССР. Имеется в виду монета, опубликованная в 1850 г. в I томе собрания сочинений Н.К.Е. Келера, свинцовая монета «неизвестного царя» из частной коллекции Петербурга. На лицевой стороне эта монета изображала бюст царя с большой бородой и длинной шевелюрой, повернутый вправо, с тиарой, увенчанной головой орла. На реверсе имеется надпись и изображение царя на коне, идущем слева направо.

В 1870 г.вышла статья Эдварда Томаса «Индо-парфянские монеты», в которой было опубликовано и исследовано пять хотя и отличных от опубликованной Келером, но несомненно принадлежащих к той же группе монет. На монетах Томаса имеется надпись другого характера, также отличается головной убор. Лицо царя безбородо. На реверсе – та же фигура всадника, движущегося вправо, хотя и несколько иначе трактованная. Но, самое главное, в поле реверса слева от всадника, расположена тамга, тождественная имеющейся на монете Келера. Анализируя первые нумизматические находки, С.П. Толстов делает следующие выводы: монеты по типу реверса связываются с индо-сакскими монетами группы Азеса, Азилиса и других варварских правителей Бактрианы и бассейна верхнего Инда I в. до н.э. и первых десятилетий н.э.; изображения на лицевой стороне одними признаками свя-

зываются с индийской, другими – с сасанидской иконографией; единство серии подчеркивается единством тамги, сближающейся с тамгой кушанов.

К 1945 г. число древнехорезмийских монет и читаемых фрагментов в коллекции С.П. Толстова превышало тысячу, причем наиболее богатые сборы и наиболее интересные находки дало городище Топрак-кала на землях древнего орошения Шабасского района ККАССР, датируемое I в. до н.э. – V в. н.э.

Нумизматическая коллекция Хорезмской экспедиции позволила наметить ряд крупных политических фактов истории Хорезма и взаимоотношений Хорезма с окружающими государствами.

Т.Ю. Стукалова (Москва)

Осадные монеты Гданьска 1577 г. в собрании Отдела нумизматики ГИМ

В польской истории было всего две осады, во время которых выпускались монеты чрезвычайных обстоятельств, и первой из них была как раз осада Гданьска войсками короля Стефана Батория в июне-декабре 1577 г.

В собрании Государственного Исторического музея удалось выявить 9 монет, связанных с этим событием. Монеты происходят из четырех разных фондов: 6 экз. из ГИМ 92384 («Монеты Польши X–XX вв.», сформированного из т.н. безномерного фонда в количестве 12208 экз.); 1 экз. из ГИМ 99265 («Коллекция нумизматических предметов», 4265 экз.), 1 экз. из ГИМ 91807 («Монеты и медали», 2950 экз., полученные и Кассы по приему и выдаче ценностей в 1956 г.) и 1 экз. из ГИМ 98361 («Монеты, ордена, кресты и пр.», 2474 экз., также полученные из Кассы в 1963 г.). Таким образом, все эти вещи утратили все свои «биографические» данные.

1. Талер 1577 г. М.д. Гданьск, мюнцмейстер Каспер Гёбель. Серебро. Вес 26,72 г. Диаметр 40,5 мм. Состав: Ag 68,58 %; Cu 31,03 %; Pb 0,39 %. Сохр. Потерт, следы ушка. ГИМ 92384/ КП 103957; З I 10221.

2. Талер 1577 г. М.д. Гданьск, мюнцмейстер Каспер Гёбель. Серебро. Вес 27,37 г. Диаметр 41,0 мм. Состав: Ag 67,12 %;Cu 38,87 %; Pb фон. Сохр. Потерт, позолочен, следы ушка. ГИМ 92384/ КП 103958; З I 10222.

3. Грош 1577 г. М.д. Гданьск, мюнцмейстер Каспер Гёбель. Н/п серебро (ок. 250). Вес 1,94 г. Диаметр 23,5 мм. Сохр. Потерт. ГИМ 92384/ КП 94733, З I 18320.

4. Грош 1577 г. М.д. Гданьск, мюнцмейстер Каспер Гёбель. Н/п серебро (ок. 250). Вес 1,65 г. Диаметр 23,5 мм. Сохр. Сильнее потерт, подвижка штемпеля на о.с. ГИМ 92384/ КП 94734, З I 18321.

5. Грош 1577 г. М.д. Гданьск, мюнцмейстер Вальтер Таллеман (Далеман). Н/п серебро (ок. 250). Вес 1,85 г. Диаметр 23,5 мм. Сохра. Потерт, выщерблен. ГИМ 92384/ КП 94735, З I 18322.

6. Шиллинг 1577 г. М.д. Гданьск, мюнцмейстер Каспер Гёбель. Н/п серебро. Вес 0,99 г. Диаметр 14,5 мм. Сохр. Потерт, деформирован, выщерблен. ГИМ 92384/ КП 103959, З I 10223.

Кроме выпуска осадных монет, гданьский монетный двор занимался и надчеканкой иностранных эмиссий. Для золотых монет был изготовлен пунсон овальной формы, несущий малый городской герб:

7. Венгрия. Максимилиан II (1564–1576). Дукат 1569 г. М.д. Кремниц. Золото. Вес 3,52 г. Диаметр 22,5 мм. Сохр. Потерт, деформирован, край загнут; надчеканка на о.с. ГИМ 98361/ КП 1038919, З 4074, СУЗ 8770.

8. Венгрия. Янош II Сигизмунд Хуньяди (1540–1571). Дукат 1565 г. М.д. Клаузенбург/ Колошвар. Золото. Вес 3,50 г. Диаметр 22,5 мм. Сохр. Потерт, деформирован; надчеканка на о.с. ГИМ 97807/ КП 982793, З 511, СУЗ 5208.

9. Венгрия. Янош II Сигизмунд Хуньяди (1540–1571). Дукат 1562 г. Золото. Вес 3,55 г. Диаметр 21,0 мм. Сохр. Потерт, деформирован, надчеканка на о.с. ГИМ 99265/ КП 1495856, З I 2581; СУЗ 7277.

Гданьск вместе с Торунью и Хелмно вошел в состав Польского королевства в начале Тринадцатилетней войны (1454–1466). 16 мая 1457 г. Гданьск принес польскому королю присягу на верность, и в награду за заслуги и жертвы, понесенные в борьбе с тевтонцами, получил ряд экономических привилегий, в том числе и касающихся монеты: «(…) Даем и из особой милости жалуем бурмистрам, советникам и всей общине вышеназванного нашего города Гданьска разрешение на то, чтобы без каких-либо препятствий и затруднений они имели золотой и серебряный монетные дворы в названном городе Гданьске и чеканили монету с нашим королевским изображением и именем по такой стопе и пробе, как это принято или как по нашей воле и с нашего ведома и наших советов государственных и местных установлено будет. Каковая монета в этих наших государствах (т.е. в Польше и Литве) должна иметь хождение и уважение» (Gumowski M. Mennica Gdańska. Gdańsk, 1990. S. 29). В целом же королевские привилегии делали Гданьск лишь номинально зависимым от Польской короны.

После смерти короля Сигизмунда II Августа (1548−1572), не оставившего наследника, во время элекции 1575 г. Гданьск поддержал кандидатуру Максимилиана II Габсбурга и отказался признать избрание Стефана Батория. Местный патрициат больше всего беспокоили так называемые Статуты Карнковского, оглашенные еще 15 марта 1570 г. и подтвержденные Сеймом 20 июня того же года. Этот документ определял принципы морской политики Речи Посполитой, заметно усиливал зависимость Гданьска от Короны и существенно сокращал привилегии, пожалованные Гданьску предыдущими польскими королями.

Однако, когда 12 ноября 1576 г. умер Максимилиан II, большинство его сторонников в Польше перешло на сторону Батория. Гданьское посольство во главе с бургомистром Константином Фербером отправилось 23 ноября в Торунь на переговоры с королем. Оно вернулось в город в конце декабря и представило Совету требования Батория – 300 тысяч флоринов и половину свайной пошлины (платы за пользование причалом в порту). Но городской

совет и цеховые собрания отвергли эти требования как завышенные, неподъемные даже для горожан среднего достатка (Bogucka M., 1958. S. 428).

Вместо того, чтобы разрешить конфликт путем уговоров, Стефан Баторий решил расправиться с непокорным городом силой. Но Сейм Речи Посполитой, собравшийся в марте 1577 г., не утвердил повышение налогов для ведения войны, хотя и выразил согласие на созыв всеобщего ополчения. Кроме того, он утвердил «баницию» (форма политического изгнания и отлучения), конфискацию гданьской собственности, арест его граждан, торговую блокаду и переправление крупной балтийской и висленской торговли через порт в Эльблонге вместо Гданьска.

В этой ситуации гданьские власти вступили в соглашение с Данией, которая обязалась блокировать морской порт Эльблонга, и приступили к военным приготовлениям. В это время Гданьск, насчитывавший около 50 тысяч жителей (Bogucka M. Walki społeczne w Gdańsku w XVI wieku // Szkice z dziejów Pomorza. Pomorze średniowieczne. Warszawa, 1958. S. 437), был окружен крепкими стенами, построенными еще в средневековье и в XVI в. усиленными земляными укреплениями. Были сооружены два новых, обнесенных стеной бастиона, все укрепления были дополнены множеством дамб и шлюзов, которые делали возможным затопление различных районов. Вход в порт был защищен сильным фортом, называвшимся «Латарня» (Фонарь).

В течение зимы 1576/77 г. обе стороны ограничивали свою боевую деятельность мелкими рейдами, пока весеннее потепление не прекратило всякое движение. За это время гданьские патриции наняли большой отряд – около трех с половиной тысяч – конных и пеших немецких наемников под командованием хорошо известного кондотьера Ханса Винкельбруха (Winckelbruch) из Кёльна (пригород Берлина). В апреле 1577 г. Винкельбрух решил атаковать армию гетмана Яна Зборовского, который располагал всего лишь 1350 всадниками и 1050 пехотинцами, и разбить ее до подхода новых сил, которые должны были подойти вместе с королем. Подробности сражения между Любишевскими озерами, произошедшего 17 апреля, сохранил для потомков Бартош Папроцкий (род.ок.1640 †1614), известный польский историк, поэт, переводчик, генеалог и геральдист, автор знаменитого сочинения «Herby rycerstwa polskiego» (1584 г.). По-всей вероятности, он был очевидцем этого события (Paprocki B., 1584. S. 148–155). По его словам, Винкельбрух оставил на поле боя и во время бегства 4420 убитых и более 5000 пленных, польские потери составили 188 человек, из которых 58 убитых.

После поражения гданьские силы отступили за стены, горожане выкорчевали деревья и разрушили дома перед фронтом укреплений, на всё население была наложена обязанность несения военной службы. Подкрепления с королем Баторием прибыли только в июле. Во время осады король Стефан использовал зажигательные пушечные ядра и повернул вспять течение реки Радуни. Но он имел около 1 тысячи человек, а Гданьск – около 10 тысяч. Внезапная атака гданьчан привела к уничтожению двух третей польской

артиллерии, сильно замедлив развитие осады. Гданьские купцы гораздо сильнее страдали от блокады, особенно из-за отсутствия торговли. Тем временем Баторий тоже хотел завершить осаду, так как в июле 1577 г. Иван Грозный во главе большого войска снова вторгся в Ливонию. Осада Гданьска завершилась12 декабря, а 16 декабря горожане поклялись в верности Стефану Баторию его представителям Евстахию Волловичу (Wołłowicz) и Анджею Фирлею (Firlej) (Мальборкский договор). Все введенные ранее экономические ограничения были отменены взамен за репарации и признание Батория государем. Стефан простил мятежный город и снова вернул польскую торговлю из Эльблонга в Гданьск. Город взамен признал его правителем Польши и обещал в течение пяти лет выплатить огромную сумму в 200 тысяч злотых и дополнительно 20 тысяч злотых репараций аббатству в Оливе. 26 ноября 1585 г. были отменены и Статуты Карнковского, и Гданьск опять стал самым привилегированным городом Речи Посполитой.

В июне 1577 г. возобновил работу Гданьский монетный двор, простаивавший с 1573 г. Хотя монету этого периода принято называть «осадной», на самом деле она предназначалась для вооружения городской милиции и найма иностранных солдат. Кроме того, она являлась зримым выражением городского сепаратизма, так как не несла ни изображения, ни имени и титула правящего короля – только герб и название Гданьска. Руководителем монетного двора был назначен местный патриций, богатый городской землевладелец и цеховой старейшина Каспар Гёбель, который несколькими годами ранее занимался установкой вальцовочных машин. Трудности с поставками серебра заставили городской Совет приять решение о конфискации в гданьских костелах различных предметов из драгоценных металлов, прежде всего, богослужебных сосудов и вотивных даров. Вместе с ними в переплавку ушли и настоящие предметы ювелирного и декоративно-прикладного искусства – реликварий в виде головы святой Барбары, Благовещение святой Девы Марии, крест и двенадцать апостолов (Bahrfeldt E. Die Münzen und Medaillen-Sammlung in der Marienburg. V.Bd. Münzen und Medaillen der Stadt Danzig. Danzig, 1910. S. 10) из Мариацкого костела, который еще в начале XVII в. предъявлял свои претензии на сумму в 6346 марок серебра (Gumowski M.,1990. S. 84).

Контракт между Каспаром Гёбелем и городским Советом предусматривал чеканку следующих серебряных монет: талеров пробой в 10 ½ лота (656,25 ‰) по 7 штук из марки серебра, полуталеров такой же пробой по 14 штук из марки, грошей пробой в 4 лота (250 ‰) по 96 штук из марки и шиллингов пробой в 2 лота (125 ‰) по 148 штук из марки. Все монеты должны были нести на оборотной стороне изображение Иисуса Христа и легенду: DEFENDE NOS CHRISTE SALVATOR (Защити нас, Христос-Спаситель) – с большими или меньшими сокращениями. На лицевой стороне вокруг городского герба – обозначение номинала SOLIDVS (GROSSVS) CIVI GEDANENSIS (Шиллинг города Гданьска) и дата по сторонам гербового щита 15–77.

На талерах и полуталерах было написано: MONETA NOVA CIVI GEDANENSIS (Монета новая города Гданьска).

Монетный двор начал выпуск монет, по всей видимости, 22 июня 1577 г., так как в Городском архиве Гданьска сохранился отчет об эмиссии талеров, грошей и шиллингов за период с 22 июня по 23 августа (Bahrfeldt E., 1910. S. 10). В этот же период в городской Совет стали поступать сообщения о том, что Гёбель чеканил талеров больше, чем выплачивал в городскую кассу, гроши же чеканил по заниженной стопе, нанося городской казне огромные убытки. Скомпрометированный злоупотреблениями на монетном дворе и своей ориентацией на Данию Гёбель спасся бегством, ища милости и защиты в королевском лагере.

После отставки Каспара Гёбеля изготовление серебряных монет было передано Вальтеру Таллеманну из Любека, с которым 14 сентября городской Совет заключил договор о том, что тот будет руководить монетным двором за свой счет, за исключением вардейна и бухгалтера, которых пригласит и оплатит город. Серебро должен был поставить Совет, медь – сам мюнцмейстер. За перечеканку гривны чистого серебра в талеры и полуталеры он должен был получать 14 грошей, за перечеканку в гроши – 34 гроша и в шеляги – 68 грошей (Gumowski M., 1990. S. 84–85). Продукция этого мюнцмейстера несет характерный знак – птичку (галку) в начале легенды на аверсе.

Вальтер Таллеманн состоял в своей должности до конца осады, то есть до 12 декабря 1577 г. Однако, население не доверяло его монетам, и Совет вынужден был издавать эдикты, регулирующие их обращение и номинальный курс так же, как он это делал в отношении эмиссий Гёбеля (Gumowski M., 1990. S. 84–85).

Кроме серебряных монет, гданьский монетный двор в период осады выпускал и золотые монеты. Эту работу городской Совет поручил 31 августа 1577 г. итальянцу Грациану Гонсало при условии изъятия из обращения всего золота и перечеканки его в полноценные дукаты по венгерской стопе, по 54 штуки из гривны пробой в 23 карата 12 гран (974 ‰). Вознаграждение за перечеканенные и переданные в городскую кассу дукаты, согласно контракту, должно было составлять 1 грош за штуку. Таким образом, после осады остались дукаты Г. Гонсало, талеры, гроши и шиллинги К. Гёбеля, а также талеры, полуталеры и гроши В. Таллемана.

Но кроме этих монет в обращении по-прежнему находились более ранние прусские и иностранные монеты, которые жители пожертвовали на военные нужды или же обменивали на ходячую монету. Эти монеты Совет отсылал для перечеканки или контрсигнования и пускал в обращение по более высокой стоимости. С этой целью использовались пять разных надчеканок – четыре с крюками и пятая с гербом Гданьска без щита. Пунсоны с крюками использовались для контрсигнования серебряных монет, с городским гербом – для золотых. Надчеканке подвергались по преимуществу серебряные шиллинги, гроши и трояки герцога Альбрехта, а также иностранные и польские золотые дукаты, в больших количествах представленные в

разных коллекциях. Например, в каталоге Проспера Майе с гданьскими надчеканками 1577 г. отмечены: венгерские дукаты времени Матиаса Корвина (1458–1490), Владислава II (1490–1516), Людовика II (1516–1526) и Фердинанда I Габсбурга (1526–1564); каринтийский дукат Фердинанда I от 1560 г., силезские дукаты – герцогства Мюнстерберг-Ольс (1544 и 1566 гг.) и города Бреслау (1553 г.); трансильванский дукат самого Стефана Батория (1575 г.), собственный гданьский дукат 1553 г. и даже розенобли Эдуарда IV (1461–1483) (Maillet P. Catalogue descriptif des monnaies obsidionales et de nécessité. Bruxelles, 1870. Premier et deuxième supplément. Bruxelles, 1873. P. 141–142, 108).

Эмиссии осадных монет закончились вместе со сдачей города королю; король заверил, что не намерен ограничивать его монетные права, но не согласен на хождение монет неполноценных и лишенных королевских символов. Вопросом обращения этих монет сначала занялся сам город, в мае 1578 г. объявив о снижении стоимости талеров до 25 грошей, распоряжение об изъятии их через три месяца и перечеканке в более мелкую монету. Это распоряжение касалось как талеров собственного производства, так и надчеканенных талеров, из которых, впрочем, до наших дней не дошел ни один экземпляр. Королевское распоряжение от августа 1578 г. позволяло обращение осадной монеты до конца этого года, другое же – от ноября того же года – предписывало объявить недействительными и изъять из обращения вообще все гданьские монеты, отчеканенные после смерти Сигизмунда Августа.

Л.Б. Сукина (Переяславль-Залесский)

«Биографические» дополнения к помянникам всероссийских патриархов и царей в синодике Николаевской Сольбинской пустыни XVIII в.

В последние десятилетия было много написано о трансформациях, постигших в новое время традиционные формы русской культуры в целом и русской книжности в частности (см., например, труды В.М. Живова, Ю.М. Лотмана, А.М. Панченко, Б.А. Успенского, Л.А. Черной и др.). Но изучение конкретных проявлений этих трансформаций продолжается. Так, при исследовании отдельных памятников рукописной книжности нередко обнаруживаются любопытные следы влияния на содержание их текстов нового культурного сознания эпохи реформ.

При изучении рукописного синодика Николаевской Сольбинской пустыни XVIII в. (Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4310) наше внимание привлекли необычные по своему составу фрагменты поминальной части − помянники патриархов и царей, дополненные вставками, содержащими биографические сведения о поминаемых.

Помянник в русских синодиках традиционно начинается поминанием патриархов и царей. В рассматриваемом нами синодике иерархический порядок поминаний отчетливо сформулирован: «Благочестивые патриархи,

православные цари и царицы и чада их, преосвященные митрополиты, благоверные князья, их благородные супруги и чада, боголюбивые архиепископы и епископы, священноархимандриты, игумены, весь священнический чин, весь причт церковный, иноки и инокини и бельцы, воины и земледельцы и всяк чин и возраст» (Л. 29 об). На практике, в том числе и в данном синодике, поминания записывались в такой последовательности: Константинопольские, Александрийские, Антиохийские и Иерусалимские патриархи; митрополиты Московские и Киевские и всея Руси; Патриархи Московские и всея России; региональные митрополиты (например, Ростовские); великие князья Киевские и/или Владимирские; великие княгини Киевские и/или Владимирские; цари и великие князья Московские и всея Руси, царицы и великие княгини Московские; царевичи и великие князья Московского дома; царевны и великие княжны Московского дома; императоры и императрицы Всероссийские (с 1721 г.); цесаревичи и великие князья, цесаревны и великие княжны (с 1721 г.); архиереи епархии, к которой относился данный монастырь или храм; архимандриты и игумены; монахи данного монастыря. После этой обязательной поминальной части в помянник вносились роды вкладчиков, принадлежавших как к духовному, так и к мирским сословиям.

Поминание вселенских патриархов включалось в синодик изначально. По мере развития синодичной коммеморации оно дополнилось поминанием митрополитов Всея Руси (Киевских и Московских), а с конца XVI в. и московских патриархов.

С.М. Каштанов показал, что идея создания помянника великих князей в рамках патриаршего синодика возникла в середине XVI в. в связи с намерением Ивана Грозного добиться официального соборного освящения царского титула (Каштанов С.М. Царский синодик 50-х годов XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург-Париж, 1993. № 2. С. 46–47). Она была важна и для первых царей династии Романовых, нуждавшихся в дополнительной легитимации своей власти. Со временем к помяннику великих князей киевских, владимирских и московских добавился помянник царей.

Поскольку перечни имен предназначались для церковного поминания, какая-либо иная биографическая информация в них отсутствовала за ненадобностью таковой. В синодике Сольбинской пустыни она специально добавлена в виде вставных текстов на основном поле листов, на которых записаны поминания. Основной текст поминаний выполнен полууставом черными чернилами с красными малыми инициалами. Добавления – тоже полууставом, но другого почерка. Обращает на себя внимание, что основной текст добавлений писан киноварью, а начальный инициал – черными чернилами.

Поминание «Святейших патриархов Московских и Всея России» включает полный список лиц, занимавших патриарший престол, начиная с Иова и заканчивая Адрианом. Биографические добавления относятся к поминаниям от Иова до Иоасафа I. Они включают хронологические данные о времени

возведения на престол и времени кончины. При этом у Иова и Филарета указаны не только год, но и месяц, и день возведения на патриаршество.

Исключение составляет запись, касающаяся патриарха Иоасафа I. Она полностью выполнена черными чернилами, и в ней указан только год возведения этого патриарха на престол.

Помянник «Благочестивых царей и великих князей Московских и Всея России» включает поминания царей от Иоанна (Грозного) до Иоанна (Алексеевича). Отчества у царей не указаны. Титул обозначен в форме «царя и великого князя». У Ивана Грозного, Бориса Годунова и Василия Шуйского дополнительно указаны монашеские имена (Иона, Боголеп и Варлаам, соответственно). К поминанию Ивана Алексеевича другим почерком и чернилами позже было приписано поминание «царя и великого князя Петра».

Ко всем поминаниям (кроме Петра I) сделаны биографические дополнения. У царей от Ивана Грозного до Василия Шуйского указаны даты кончины (год, месяц и день). У царей династии Романовых кроме этого указываются количество лет, месяцев и дней царствования. Последним, поминаемым с дополнительными сведениями, является Иван Алексеевич.

Синодик Сольбинской пустыни − сборная рукопись, сшитая под один переплет в 1782 г. по распоряжению строителя иеромонаха Макария. На Л. 34–36, на которых помещены рассматриваемые нами записи, имеются филиграни «Герб Амстердама», близкие к № 453 (1709 г.) по каталогу Т.В. Диановой (Дианова Т.В. Филиграни XVII − XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998). Вероятно, эти листы заимствованы из одного из первых синодиков пустыни, которая после столетнего запустения была возобновлена по разрешению Петра I архимандритом Варлаамом (Высоцким) − духовником царевны Натальи Алексеевны, близким к патриарху Адриану. Возможно, по его распоряжению и были сделаны «биографические» добавления, которые могли читаться в целях духовного (и не только) просвещения монашеской братии во время трапезы.

И.Е. Суриков (Москва)

Ономастикон боспорской династии Спартокидов (V–II вв. до н.э.) в его соотношении с общегреческими традициями имянаречения (предварительные наблюдения)

Безусловно банальным будет суждение, что для изучения античности компетентно ориентироваться во вспомогательных исторических дисциплинах (во всяком случае, в тех из них, которые имеют отношение к античной эпохе) совершенно необходимо. Уже менее банальным будет вопрос, какие из этих дисциплин особенно необходимы антиковеду. Tempora mutantur, и сама необходимость современного подхода к изучаемым проблемам заставляет вносить какие-то корректировки в наши ранее сложившиеся представления.

Когда в 1980-х гг. автор этих строк (по основной специальности ныне являющийся историком античной Греции архаической и классической эпох)

учился на кафедре истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова (одного из сильнейших вузов страны!), в качестве вспомогательных исторических дисциплин, помнится, читались соответствующими специалистами: эпиграфика греческая и эпиграфика латинская, нумизматика, историческая география, даже папирология (пока что автору этих строк совершенно никак в научной жизни не пригодившаяся). Но это и всё; никаких иных вспомогательных дисциплин не предлагалось (а ведь на самом деле их круг гораздо шире, как прекрасно знает любой присутствующий на этой конференции).

В частности, особенно прискорбно, что ни малейшего внимания не уделялось такой дисциплине, как ономастика. Впрочем, это объяснимо: в те времена еще почти никто у нас не придавал античной ономастике особенного значения (исключениями являлись, пожалуй, некоторые – единичные! – специалисты, занимавшиеся греческими колониями в Северном Причерноморье). Да и в целом в мире ситуация была не сильно отличавшейся.

Реальный перелом совершился после того, как начало выходить, том за томом, фундаментальное издание «Лексикон греческих личных имен («Lexicon of Greek Personal Names», тома I–VA, 1987–2010; далее для краткости – LGPN). На это нам не раз уже приходилось указывать, в том числе и на традиционных ежегодных конференциях по вспомогательным дисциплинам в ИАИ РГГУ. Ономастика становится в результате одной из наиболее перспективных вспомогательных исторических дисциплин в изучении греческой античности (то же можно сказать – в свете того, как структурирован материал в LGPN – о просопографии, тесно связанной с ономастикой).

После этих вступительных слов перейдем к формулировкам (именно формулировкам, поскольку аргументацию дать невозможно ввиду ограниченного объема тезисов) основных положений, которые здесь хотелось бы обозначить.

1) Ономастический фонд династии Спартокидов, представители которой правили Боспорским государством (вначале в качестве тиранов, затем в качестве легитимных царей) более трех столетий – с 438/437 г. до н.э. до конца II в. до н.э., – знаком, конечно, любому специалисту по античному Северному Причерноморью. Но весьма мало было попыток действительно системного подхода к нему (Завойкин А.А. Об институте династических имен Спартокидов // Древности Боспора. Т. 10. М., 2006. С. 214–262; Суриков И.Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // Древности Боспора. Т. 11. М., 2007. С. 380–393).

2) Спартокидский ономастикон порой классифицируют по принципу «греческие имена – варварские (негреческие, т.е. иранские и/или фракийские) имена». В рамках данной классификации, заметим сразу, имен первого типа оказывается несравненно больше. Но оговорим также, что подобная классификация для целей нашего доклада не является релевантной.

3) В том контексте, в котором мы сейчас работаем, предпочтительными будут иные принципы классификации. Например, такой: (а) имена, которые

носили правители из династии Спартокидов (Спарток, Селевк, Сатир, Левкон, Перисад, Притан, Евмел), – только они могут быть названы «династическими», если употребить термин, использованный А.А. Завойкиным; (б) имена, которые носили члены семьи правителя (Горгипп, Метродор, Аполлоний, Комосария/Камасария, Акия); (в) имена, которые по тем или иным причинам вызывают сомнения касательно их спартокидской атрибуции (Орхам, Гигиенонт). Имена категории (в) из рассмотрения должны быть исключены для чистоты анализа. Что же касается категорий (а) и (б), между ними есть точки пересечения. Имеются в виду лица, которые стали правителями, хотя при их имянаречении не предполагалось, что они получат этот статус (Перисад, Притан, Евмел, – да даже, если угодно, Спарток и Селевк).

4) Может стать перспективным и иной принцип классификации: (а) имена специфичные и (б) имена типичные. Ко второй категории относятся, например, такие имена, как Аполлоний, Метродор. Их при сравнительном анализе спартокидского ономастикона приходится просто оставить в стороне, поскольку они ничего не дают, в массовых количествах встречаясь повсюду в греческом мире. Увы, в ту же категорию попадает и такое колоритное спартокидское династическое имя, как Сатир (Сатир I – фактически создатель державы Спартокидов, см.: Завойкин А.А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь, 2013): носителей этого имени в греческих полисах различных регионов буквально сотни! Или, точнее, это имя требует отдельного анализа. По другой (но, в сущности, аналогичной) причине приходится оставить в стороне и те боспорские спартокидские имена, которые являются *абсолютно* специфичными, то есть вообще не находят аналогий в остальных частях эллинского мира. Комосария/Камасария – наиболее показательный пример. Но ведь, по большому счету, не иначе обстоит дело и с таким распространеннейшим спартокидским династическим именем, как Перисад (ближайшая аналогия – Берисад во Фракии: по этой проблематике нами подготовлена статья для «Вопросов эпиграфики», а пока см. в тезисной форме: Суриков И.Е. Боспорское царское имя Перисад и некоторые связанные с ним проблемы // Имя как квант лингвистического и историко-культурного анализа. М., 2015. С. 48–53).

Что же остается? Остается ряд ономастических единиц, работа с которыми дает действительно небезынтересные результаты. Эти результаты (подчеркнем, в форме предварительных наблюдений) и будут изложены нами в докладе, а помещать их тут в «скомканной» форме вряд ли имеет какой-либо смысл.

К.Н. Сутормин (Москва)

Изобразительные девизы Висконти и Сфорца в политической и социальной жизни миланского герцогства XIV–XV вв.

В нашем сознании прочно укоренилась мысль о том, что в средневековом обществе одному человеку соответствовал один единственный герб, являвшийся единственным идентификатором личности носителя. Представление это, однако, является устаревшим. Визуализация личности была более дифференцирована и одним из ее проявлений являлись так называемые изобразительные девизы, на территории Апеннинского полуострова именовавшиеся «Impresa». Изобразительные девизы, в отличие от гербов, принадлежали не целому роду, но одному человеку, и, следовательно, твердо ассоциировались с определенной личностью. Причем, одному человеку могло принадлежать сразу несколько таких девизов, которые являлись отсылками к чертам характера обладателя или страницам его биографии. Один из самых ярких комплексов изобразительных девизов северной Италии принадлежал правителям миланского герцогства– семейству Висконти и их преемникам – Сфорца. Самый ранний из дошедших до нас гласных девизов этой могущественной семьи принадлежал Галеаццо II Висконти и представлял собой три горящих ветки (в другой интерпретации – верёвки) с висящими на них ведрами. Согласно историку Паоло Джово, жившему в XVI в., Галеаццо, находясь в изгнании после неудавшегося заговора против своих дядь Лукино и Джованни Висконти в 1340 г., победил в поединке фламандского рыцаря, и, в память об этом, взял герб побежденного своим изобразительным девизом. Примечательно, что у более позднего автора, Марко Кремозано, безымянный фламандский рыцарь превращается в графа де Бурбон, что является достаточно наглядным примером мифологизации эмблем и гербов. По возвращении в Милан, став правителем западной части Ломбардии, Галеаццо II Висконти принял новый изобразительный девиз: горящая ветка с ведрами оказалась зажатой в лапах лежащего в огне льва, на голову которого был надет глухой турнирный шлем. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с гласным изобразительным девизом, основанном на созвучии латинского «galeatus» – шлемоносец и имени владельца – Galeazzo. В то же время, избрав себе изобразительным девизом льва, сохраняющего спокойствие, находясь в огне, его владелец хотел показать, что обуздал свой нрав и обрел качество, необходимое любому политику– умение сохранять хладнокровие. Сын Галеаццо II – Джан Галеаццо Висконти, первый герцог Милана, за свою жизнь использовал три различных изобразительных девиза, в каждый из которых был вложен свой, особый смысл. В свою очередь, стабильность использования горящих ветвей при жизни его отца, привела к их инкорпорированию в родовой герб.

Со смертью сына Джан Галеаццо, Филиппо Мария Висконти, в 1447 г., власть в Милане переходит в руки супруга внебрачной дочери последнего –

кондотьера Франческо Сфорца. Новая династия продолжает традицию использования изобразительных девизов, однако, девизы Висконти не уходят в небытие, но продолжают широко использоваться наравне с девизами представителей новой династии, как бы подчеркивая её преемственность. Помещение изобразительных девизов на фасадах зданий, витражах общественных строений, произведениях прикладного искусства, было еще одним способом создать в сознании народа именно тот образ правителя, который был нужен последнему. Изучение данной персональной визуализации может дать нам уникальную возможность раскрыть неизвестные доселе черты характера исторических персонажей и узнать об их взглядах на окружающую действительность.

П.И. Тахнаева (Москва)

Аварские герб или знамя: о знаке «лекиса дагистаниса» Вахушти Багратиони

В настоящее время известно около 50 экз. дагестанских знамён и «значков» (в основном времен Кавказской войны), хранящихся в фондах различных музеев (РД, РФ, Грузии), но не выявлено ни одного знамени государственных образований Дагестана. В данной статье речь пойдет об одном из таких знамен, о знамени Аварского ханства. Первая попытка его реконструкции была предпринята по «Карте Иберийского царства или всея Грузии», составленной в 1735 г. царевичем Вахушти Багратиони (География Грузии (царевича Вахушти) / Введ., пер. и примеч. М.Г. Джанашвили // ЗКОРГО. 1904. Кн. XXIV. Вып. 5). Эта карта примечательна, прежде всего, тем, что на ней, на особых щитках изображены 16 «гербов» и «знаков» «составляющих Грузию земель, отдельных грузинских княжеств, исторических областей и соседних территорий». Среди них представлен и «знак», как гласит грузинская надпись на карте, «лекиса дагистаниса», т.е. «леков/горцев Дагестана». В 1992 г. по инициативе Т.М. Айтберова и К.Р. Фаталиева была предпринята попытка визуализации знака «лекиса дагистаниса» как «знамени Аварского хана» (Геничутлинский Х. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с араб. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1992. С. 168) по словесному описанию «знака» в статье Г. Тогошвили, опубликованной в 1979 г. в тбилисском сборнике «Источниковедческие разыскания» (Тогошвили Г.Д. Вопросы истории народов Северного Кавказа в труде грузинского историка XVIII в. Вахушти Багратиони // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1979. С. 192). Изображение флага, «реконструированного» художниками Еленой и Тагиром Гапуровыми, было опубликовано в 1992 г. в «Историко-биографических и исторических очерках» Х. Геничутлинского (Геничутлинский Х. Указ. соч. С. 168). Получилось известное в настоящее время стилизованное изображение: на черном фоне над геометрической цепью гор изображен волк, в передних лапах которого размещен штандарт с солярным символом, голова волка повернута назад, в сторону полумесяца в правом верх-

нем углу полотнища. Но насколько этот реконструированный на основании письменных источников флаг соответствовал исходному источнику?

В атласе Вахушти (1735 г.) находится «Карта Иберийского царства или всей Сакартвело», так называемая «Общая карта Грузии», о которой М. Броссе в 1852 г. писал: «На особом щитке грузинская надпись с подробным исчислением разных стран, включенных в карты. Это исчисление оканчивается словами «Мною (описаны) с поспешною охотою. Ваш слуга царственный Вахушти. Гербы или знаки всех тех частей порознь выше выставлены. 1735 янв. 22»». Действительно, на этой же карте изображены 16 гербов всех частей бывшего грузинского царства (Броссе М.И. О бумагах астронома Делиля, хранящихся в архиве императорского русского географического общества. СПБ., 1852. С. 2). Сам Вахушти называет свои изображения на карте «гербами» или «знаками». Современные исследователи-гербоведы М.В. Загоруйко и И.Л. Бичикашвили полагают, что в атласе Вахушти изображены «рисунки знамен» (Бичикашвили И.Л. О грузинском историческом государственном флаге и гербе // Гербовед. 1998. № 29. С. 134). М.В. Загоруйко также предполагает, что лишь в ряде случаев мы имеем дело со «знаменами, разработанными царевичем», он склонен усматривать в знаках Вахушти и «символы народов и княжеств, находившихся на территории современной Грузии, Осетии и Дагестана». Автор уверен, что «данные земли имели сложившийся и общепринятый символизм, известный и принимаемый не только внутри княжеств, но и за их пределами» (Загоруйко М.В. Символы современной Грузии – историческая ретроспектива // http://www.e-notabene.ru/hr/article_14534.html). Но чем являлось известное в числе этих «гербов» и «знаков» изображение, имеющее отношение к Дагестану?

Знак «лекиса дагьистаниса» Вахушти представляет собой светло-зеленое полотнище в виде штандарта, без перекладины (форма, избранная автором для всех знаков). На нем центральной фигурой изображен выбегающий из-за горной гряды волк, задняя часть его туловища скрыта меж гор, между передними лапами размещено древко флага с двухконцовым полотнищем, шаровидное навершие завершается фигурным наконечником. Знак сверху надписан на грузинском языке: *«лекIиса дагьистаниса»* («горцев дагестанских»).

Вахушти отобразил на карте и этнополитическую картину «частей» Дагестана середины XVIII в., которая не всегда коррелирует с исторической географией этого периода. В частности, под этнонимом «леки» в Грузии понимали обычно дагестанцев в целом (Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов «лезг» и «лак» // Этнография имен. М., 1971. С. 15), Вахушти же размещает территорию «Леки» в северных и северо-восточных аварских районах, в основном в историческом Хиндалале, словно очерчивая географические пределы, откуда в основном исходила угроза так называемой «лекианобы». Знак «лекиса дагистаниса» автор относит к определенной исторической области. Вызывает удивление, что область «Леки» и «Хунзахи», издревле известное своими тесными политическим

связями с Грузией государственное образование, у Вахушти территориально не совпадают, хотя по грузинской средневековой хронике «Картлис Цховреба» (XI–XII в.) существовала прямая историческая связь между «Хунзахи» и «леками» (Леонти Мровели. Жизнь грузинский царей // Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2008. С. 14). Под исторической Лекетией, по мнению этнографа-кавказоведа А.В. Гадло, скрывается государственное образование Сарир (Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994, С.184), которое к концу XII в. распалось на ряд независимых союзов политических образований с выделением Хунзахского нуцальства, ставшего одним из политических центров в регионе (Алиев Б.Г., Умаханов М-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 1999. С. 246). Сказанное позволяет полагать, что знак «лекиса дагистаниса», изображенный на карте Вахушти, мог принадлежать аварским ханам, быть стягом Аварского ханства. Однако, ни в первом случае (Аварское ханство), ни во втором (Хиндалал) неуместно допускать принадлежность знака «лекиса дагестаниса» к какому-либо из дагестанских политических образований, мусульманских, если помнить о том, что речь идет о середине XVIII в. и о существовавшем в исламе запрете на изображение живых существ. Скорее, этот знак «леков/горцев дагестанских» имеет условный характер, является изображением самого Вахушти, а не передает реально существовавшую эмблему. Возможно, что в образе волка, появляющегося из-за гор, царевич Вахушти условно изобразил дагестанские народы. Это животное традиционно олицетворяло у многих народов Дагестана храбрость, мужество, отвагу. Поскольку автором рассматриваемого изображения являлся грузин, а не дагестанец, то возможно, образ волка ассоциировался у него совсем с другими качествами этого животного, а именно с хищничеством, разбоем, нападением. О «лезгинских набегах», получивших название груз. *Лекианоба,* вошедшее в грузинский язык наряду с синонимами арабской, ирано-турецкой агрессии *арабоба, османолоба, кизилбашоба* (Мегреладзе Д.Г. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений // Мацне. Тбилиси, 1967. № 6), грузинские историки писали: «Лезгины разбивались на мелкие отряды, совершали набеги, похищая людей и грабя население. …И снова возвращались в Картли и Кахетии для новых грабежей. Особенно участились набеги на Картли и Кахетии в 1754–1760 гг.» (Бердзенишвили Н., Джавхишвили И., Джанашиа С. История Грузии (с древнейших времен до начала XIX в.). Ч. 1. Тбилиси, 1946. С. 405).

Возвращаясь к знаку «лекиса дагестаниса» обратим внимание на флаг, размещенный в его лапах. В аварском фольклоре знамя фигурирует как непременный атрибут военных походов. В одной из исторических песен, о событиях времен конца XVIII в. упоминаются знамена войска правителя Аварского ханства Уммахана: «Выступил Уммахан в Кызылбаш / Взяв знамена, покрытые надписями» (МагIарул хъалкъиял кIучIдул / хIадурана С.М. ХIайбуллаевас, М.-К. Гьиматовас. МахIачхъала, 2001. С. 228). В другой

исторической песне, «Шабан из Джара», о событиях 1830 г. у аварского войска упоминаются те же знамена с навершиями: «Со знаменами, чьи острия достигают луны, Отправилась дружина…» (Чарахъа ШагӀбанил кӀечӀ (Шабан из Джара) // Ахлаков А.А. Героические песни и баллады аварцев. Махачкала, 1972. С.53, 200). В исторической песне, повествующей о событиях времен А.П. Ермолова (1820-е гг.), вновь упоминаются знамена времен Уммахана: «Не встанешь ли, сокол Уммахан / В кольчуге, наводящей на русских страх / Со знаменами в письменах…» (Ермолов Дагъистаналде вачӀин (Приход Ермолова в Дагестан) // Ахлаков А.А. Героические песни и баллады аварцев. Махачкала, 1972. С. 45, 205). В этой же песне упоминаются отрядные знаменосцы: «Со знаменщиками, бросающимися в гущу врагов…» (Там же). В целом фольклор дает нам, помимо самого факта наличия знамен в войсках, общее визуальное представление о знаменах аварского войска времен Уммахана – на высоких древках, с металлическими навершиями и надписями на полотнищах. Одно из таких знамен изображено на картине художника Н.С. Самокиша «Баталия при р. Иори» (1888). По «Указателю» (1907) КВИМа (Кавказского военно-исторического музея), на картине изображен «момент, про который генерал Лазарев доносил: «Мы приняли их картечным и ружейным огнем, затем бросились в штыки и вместе с победным русским ура» погибла вся неприятельская сила. Сам Омар-хан получил смертельную рану, и знамя его было взято мушкетерами» (Указатель Кавказского военно-исторического музея. Тифлис, 1907. Правый зал. С. 1). То есть на картине изображено знамя правителя Аварского ханства. В рапорте от 8 ноября 1800 ген.-м. Лазарев доносил ген.-л. Кноррингу, что знамен трофейных было захвачено несколько, но о знамени «дагестанского владельца Омар-хана» он ничего не сообщает. Чуть позже он напишет другой рапорт, но и там он не упоминает знамя «дагестанского владельца Омар-хана». Из рапорта ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу от 14 ноября 1800 г.: «У неприятеля отбито выстрелами нашими несколько знамен… Препровождая при сем представить честь имею одиннадцать знамен, во время сражения у неприятеля отбитых» (АКАК. Т. 1. Тифлис, 1866. С. 170). Батальон Кабардинского мушкетерского полка, «впервые взявший горское знамя», получил полковое Мальтийское (Георгиевское) знамя с надписью: «С нами Бог! За взятие у Аварских войск знамени при реке Иоре, 7 ноября 1800 г.». В 1906 г. оно поступило из Артиллерийского исторического музея С.-Петербурга в КВИМ, однако трофейное знамя «Аварского войска» в Тифлис не поступило (Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1907. С. 8). Знамена владетелей Аварского ханства не сохранились на родине в силу определенных исторических коллизий. В сентябре 1835 г. в Хунзахе был подожжен ханский дворец, где хранились знамена, и они погибли в огне (Военная история аварцев. Махачкала, 2015. С. 372). В Государственном Эрмитаже в настоящее время хранится одна из крупнейших коллекций знамен, штандартов, флагов, бунчуков, вымпелов и т.д., в их числе до 2000 во-

сточных знамен (Средняя Азия, Кавказ, Персия, Турция). Мусульманские знамена в восточной коллекции знамен не изучены (Вилинбахов Г.В. Русские знамена. СПб., 2006). По всей видимости, в их числе могут находиться не атрибутированные трофейные знамена «Аварского войска» и «дагестанского владельца Омар-хана».

Н.Н. Тимошина (Иваново)

Польские бумажные деньги 1794 года в коллекции Ивановского государственного историко-краеведческого музея

В коллекции «Бонистика» Ивановского государственного историко-краеведческого музея хранятся бумажные деньги иностранных государств разных периодов, имеется небольшое количество денег конца XVIII в., в их числе 11 польских денежных знаков 1794 г. Происходят они из коллекции основателя музея Д.Г. Бурылина. К сожалению, не известно когда и где их приобрел Дмитрий Геннадьевич, но в 1893 г. со своей коллекцией монет, медалей и бумажных денежных знаков он принимал участие в Чикагской выставке, посвященной 400-летию открытия Колумбом Америки и в дипломе к медали выставки, которой был награжден Дмитрий Геннадьевич значилось «наградить медалью за особые качества – за большую ценную и редкую коллекцию бумажных денег, монет, медалей, орденов и т.п. Выставленные бумажные деньги заключают кредитные знаки за много столетий преимущественно из Китая, Японии, Египта, Франции, России, Польши, Великобритании и Соединенных Штатов…» (ИОКМ 63585).

В 1794 г. в Польше произошло национально-освободительное восстание под руководством Тодеуша Костюшко. Основной целью восставших было воссоединение польских земель, которые, в соответствии с актом о втором разделе Речи Посполитой, отошли Пруссии и России. Денежных средств восставшим не хватало, в связи с этим, на заседании Верховного Народного совета 8 июня 1794 г. было решено создать Дирекцию казначейских билетов. Для увеличения объема денежного обращения и облегчения финансовых вопросов, связанных с обеспечением армии, для продолжения восстания, были введены в обращение бумажные денежные знаки, получившие название казначейские билеты. Дирекцией было решено выпустить билеты номиналами в 1000, 500, 100, 50, 25, 10 и 5 злотых на сумму 60 млн злотых. В будущем предполагался их обмен на монеты, ими расплачивались за поставки войскам продовольствия и фуража. (Шиканова И.С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. М., 2005.С. 187. В собрании ГИМа 57 польских казначейских билетов 1794 года разных номиналов)

Казначейские билеты номиналами от 5 до 1000 злотых имели размер около 96х180 мм. В музейном собрании хранится по одному экземпляру казначейских билетов номиналом 5, 10 и 50 злотых. На банкнотах в верхней части мы видим надпись в одну строку в переводе с польского: «Постановление Высшего народного совета от 8 июня 1794 г.». Под ней изображались

символы свободы, заимствованные из французской революционной эмблематики – фригийский колпак, оружие санкюлотов, тюремные стены с башнями, молнии народного гнева и крылья свободы, выше помещались польский и литовский гербы – слева орел под короной, справа – Погонь. По сторонам изображений надпись в переводе: «Билет казначейский» и номинал. В центре рукописный текст в 10 строк в переводе с польского: «На (номинал) злотых польских из расчета одной /гривны (марки) кёльнской злотых польских 84 ½ монеты/ серебряной, которые Народное казначейство каждому предъ/явителю настоящего билета из фондов/для аннулирования казначейских билетов пред/назначенных из общена/родных ипотечных имуществ уплатит, а также/ всех публичных доходов в /силу вышеназванного постановления Выс/шего народного совета будет принимать». (Выражаю благодарность за перевод с польского Стукаловой Т.Ю.) В нижней части билетов номиналами от 5 злотых и выше, был оттиск сухой печати с надписью по кругу – в переводе «Печать Дирекции казначейских билетов», а в центре «Свобода, целостность, независимость». По краям банкнот рамка, выполненная в технике гравюры по дереву, она состояла из геометрических фигур, различных для каждого номинала.

Бумажные деньги имели много элементов защиты. Печатались в смешанной технике гравировки по меди и по дереву в типографии Яна-Абрахама Виллинга в Варшаве. Банкноты от 5 до 1000 злотых печатались на бумаге, изготовленной ручным способом голландской фирмой «J/Honiq& Zoonen» или фламандскими «Pieter de Vries& Comp.» и «D&Blaum». Эта бумага имела собственные водяные знаки в виде тонких параллельных линий, а также украшений и названий фирм. Защита банкнот была поручена автору проекта Енджею Капостасу и химику и красильщику Яну-Фредерику Зейделю (Яворуцкая-Дратх Анна. Первые польские бумажные деньги 1794 г. // Номизма, 2010. № 1. С. 33). Они изобрели «новый способ химическим способом метить бумагу снаружи» в виде букв «BS» сокращение от Bilety Skarbowe − в переводе билеты казначейские. Защитой от подделки было окрашивание бумаги для каждого номинала своим цветом. Так, 5 злотых имели фиолетовый цвет, 10 злотых – лиловый, 50 злотых – коричневатый. Все номиналы от 5 злотых и выше подписаны от руки двумя, реже тремя специально назначенными комиссарами, а затем другими сотрудниками пронумерованы вручную.

Выпуск больших номиналов привёл к тому, что денежный рынок испытывал трудности из-за нехватки мелкой разменной монеты. Для облегчения торговых сделок, финансовая секция Верховного Народного совета приняла решение о введении казначейских билетов меньших номиналов: 5, 10 грошей и 1, 4 злотый на сумму более 6 млн злотых. В собрании музея представлены восемь разменных билетов разных номиналов: 4 злотых − три экземпляра, 5 грошей − один, 10 грошей − три. На этих билетах в верхней части указаны даты постановлений об эмиссии: 13 августа 1794 на номиналах в 5 и

10 грошей, 4 сентября 1794 г. на 4 злотых. Однако известно, что в денежное обращение 4 злотых поступили только 17 сентября, 5 грошей 10 октября, а 10 грошей только 20 октября. Каждый из номиналов имел свой размер. В центре бумажных грошей помещался номинал римской и арабской цифрами, а также прописью, изображались польский и литовский гербы – слева орел под короной, справа – Погонь. Ниже была надпись в переводе с польского: «Дирекция казначейских билетов», на 10 грошах она помещалась полностью, а на 5 грошах после надписи «Дирекция» были только первые буквы наименования билетов «BS». У кредитного билета 4 злотых в центре было наименование и номинал прописью, круглая печать небольшого размера с надписью в переводе: «Свобода, целостность, независимость». На оборотных сторонах разменных билетов находился оттиск факсимиле «F.Malinowski» Филиппа Малиновского, комиссара Дирекции казначейских билетов. Картон для печати банкнот был ручной работы, изготовлен на бумажной фабрике в Езёрне близ Варшавы, билеты печатались в Варшаве в типографиях Пьера Дюфура и Михала Грёлля. Гравюры на меди для печати банкнот выполнил Кароль Грёлль. Номиналы в 5 и 10 медных грошей печатались по 36 штук(6х6), 4 злотых по 24, а затем по 8 штук на листах. Всего было выпущено: 50 злотых – 36700 экз., 10 злотых − 46500 экз., 5 злотых 1 серии − 44000экз., 4 злотых − 990730 экз., 10 грошей – 377028 экз., 5 грошей – 800526 экз. (Яворуцкая-Дратх А. С. 34, 35).

Выпуск казначейских билетов играл роль принудительного займа, обеспеченного национальным имуществом. Планировалось, что это имущество будет продаваться ежегодно на 10 млн. злотых до полного погашения долга. Билеты имели хождение только в Варшаве и в незначительном количестве в провинции. Они с большим трудом принимались населением, которое не доверяло им. Органы государственной и местной власти предпочитали получать монеты, отказываясь принимать бумажные деньги. Верховный Народный совет поручил комиссиям правопорядка и чиновникам наказывать за отказ от бумажных денег шестидневным арестом и немедленной распродажей их товаров за кредитные билеты. Тому, кто попался на этом второй раз, грозило тюремное заключение на шесть месяцев и конфискация товара. Для защиты от подделки Верховный Народный совет назначил награду в 50000 злотых тому, кто выявит изготовителей фальшивых денег и доставит их соответствующим властям. За подделку билетов предусматривалась смертная казнь и конфискация имущества в пользу государственной казны.

После поражения восстания под предводительством Т. Костюшко ценность казначейских билетов упала на половину, уже в начале ноября за них уже ничего нельзя было купить. Первые польские бумажные деньги находились в денежном обращении очень короткий период − с 16 августа до 6 ноября 1794 г., т.е. дня вступления российских войск в Варшаву. Приказом губернатора Варшавы от 22 мая 1795 г. казначейские билеты времени восстания были объявлены недействительными. В 1795 г. произошёл третий

раздел Польши, в результате которого она перестала существовать как независимое государство. В денежном обращении остались польские деньги из драгоценных металлов, а также платёжные средства государств, поделивших Польшу – России, Австрии и Пруссии.

В.В. Тихонов (Москва)

«Прогрессивный историк» как формула историографической реабилитации в советской исторической науке второй половины 1940-х – начала 50-х гг. на примере статьи И.Н. Бороздина о Б.А. Тураеве)

С 1920-х гг. историографические исследования рассматривались как важнейший элемент утверждения правильной, марксистско-ленинской (как она понималась) теории исторического процесса. Именно в эти годы зародился и получил свое развитие такой жанр, как критика буржуазной историографии, причем как отечественной, так и зарубежной. Труды, написанные в данном жанре, были ориентированы на разбор исторических исследований не с точки зрения их соответствия фактам или источниковой базе, а с точки зрения их партийной природы и лояльности действующим идеологическим нормам. Характерной чертой этих работ было стремление навешивать броские и бескомпромиссные политические ярлыки.

После разгрома «школы Покровского» в 1930-е гг. сформировавшиеся в предыдущее десятилетие стандарты историографического исследования никуда не исчезли. Тем не менее, возникла возможность выработать новый, но в то же время основанный на советском марксизме, алгоритм историографического поиска и оценок. Новая историческая политика допускала и позитивные оценки достижений дореволюционной России, в том числе и научно-исторических. Свою лепту внесли и вернувшиеся из ссылок историки «старой школы», которые стали проводниками доoктябрьской академической культуры и научности в среду советских историков.

Историографические исследования в 1940-е гг., подстегиваемые как внутренними законами развития науки, так и идеологическими условиями, требовавшими интенсификации борьбы с буржуазной историографией, приобрели особый размах. Может быть, не самым распространенным, но все же заметным сегментом стали работы, посвященные ушедшему к тому времени поколению историков «старой школы», написанные, как правило, их же учениками. Последние, конечно же, понимали, что оценка творчества их наставников должна даваться с учетом существующих реалий. Нельзя было писать о каком-либо выдающемся историке-немарксисте, не вскрыв его «буржуазной» сущности. Для того, чтобы очерк жизни и творчества не вызвал серьезных нареканий и обвинений в «прорыве исторического фронта», была выработана специфическая стилистика, сутью которой была модернизация исторических взглядов с указанием их близости к материалистическому или, еще лучше,

марксистскому подходу. Для обозначения таких историков-немарксистов был введен специальный термин «прогрессивный историк».

Стремление «осоветить» своих наставников объясняется, видимо, еще и тем, что демонстрация тесной связи советской науки с дореволюционной традицией – это еще и легитимация положения самих «историков старой школы», продолжавших работать и часто понимавших, что их статус отнюдь не гарантирован и может измениться в случае нового крутого идеологического поворота. В указанном ключе были написаны несколько работ, получивших впоследствии широкий резонанс.

Типичным примером такого подхода стала статья востоковеда И.Н. Бороздина (1883–1959) (о нем см.: Бороздина П.А. Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж, 2000) об академике Б.А. Тураеве (Бороздин И. Академик Б.А. Тураев и русская наука // Вопросы истории. 1947 № 11.). Автор отчетливо расставил в своей работе акценты таким образом, чтобы образ покойного классика органично вписывался в идеологический ландшафт послевоенного Советского Союза. Во-первых, подчеркивалось, что Тураев – ученый с мировым именем и, тем самым, яркий пример высоких позиций русских ученых в мировой научной иерархии. Во-вторых, «это был ученый патриот в самом полном смысле этого слова. Тураев пламенно любил свою Родину и гордился успехами и достижениями великого русского народа. Особенно внимание его привлекали завоевания русской науки, не всегда вовремя и в достаточной степени оцениваемые на Западе» (С. 80). Данный пассаж прекрасно вписывался в кампанию борьбы с преклонением перед Западом, связанной с делом Клюева и Роскиной. Научный патриотизм, гордость за отечественную науку, даже жалобы на недооценку наших достижений на Западе – набор типичных идеологем проходившей кампании.

Далее автор наградил Тураева даром предчувствия того размаха исследований древности, который станет возможным только в СССР: «Критикуя недостатки постановки изучения истории Востока и археологии в царской России, Б.А. Тураев как бы предвидел широкий разворот исследований в этих областях после создания новых научных учреждений… научно-исследовательские учреждения Советского Союза далеко продвинули вперед изучение интересовавших Б.А. Тураева проблем» (Там же). Покойного академика представили неутомимым борцом с «грубой тенденциозностью» немецких историков, «предтеч фашистских мракобесов, гнусно извративших науку» (С. 81). Подчеркивая бережное отношение востоковеда к классикам дореволюционной исторической науки (В.Г. Васильевскому, В.О. Ключевскому и П.Г. Виноградову), И.Н. Бороздин не преминул указать на то, что Тураев внимательно, с восхищением относился к работам Н.Я. Марра, общепризнанного, тогда еще не свергнутого, авторитета в марксистском языкознании. Кстати, Тураев действительно положительно оценивал дореволюционные труды Н.Я. Марра. Но автор, естественно, не стал уточнять, какого Марра знал и уважал покойный востоковед. Ему было необходимо указать на это без специ-

альных уточнений, все равно молодое поколение и идеологи знали только послереволюционного, советского Марра, творца яфетической, официально признанной единственно верной языковедческой теории.

Подгоняя под канон идеального, «прогрессивного» русского ученого, не замыкающегося в тиши кабинетов и библиотек, а являющегося активным популяризатором научного знания, И. Бороздин писал: «Занимаясь по преимуществу специальными исследованиями, Б.А. в то же время никогда не забывал и о задачах популяризации исторических знаний. В этом также сказывается привлекательная черта русского ученого, не замыкающегося в глухие стены своего кабинета» (С. 83).

Главной проблемой, мешавшей окончательной реабилитации Тураева в глазах советских идеологов, являлось то, что ученый «был чужд марксизму». Но автор статьи нашел выход в том, что признал несоответствие теоретико-методологических взглядов Тураева («Советская историческая наука отбрасывает идеалистическое мировоззрение и идеалистические концепции Б.А. Тураева») марксизму, но подчеркнул, что «его исследования, основанные на точнейшем и детальном изучении первоисточников, представляют огромный научный интерес и значение. Его научное наследие имеет большое значение» (Там же. С.84).

Таким образом, И. Бороздин предложил классический в своем роде очерк, ярко демонстрирующий методы реактуализации образа покойного классика исторической науки, при этом немарксиста. Вот только подобные ухищрения не спасли описанные выше работы от острой критики.

А.В. Тихонова (Смоленск)

Швейцарские сыровары в российской провинции в первой половине XIX века: генеалогическое исследование

Швейцария в первой половине XIX в. была страной, эмиграция из которой в силу экономических и внешнеполитических причин, носила массовый характер. На этот период пришлось две крупные эмиграционные волны: 1816–1817, 1845–1855 гг.

С начала XIX в. в Швейцарии производство традиционных твердых сычужных сыров получает значительное распространение не только в горах, но и в долинах (О сыроделии и о сыроварных ассоциациях в Швейцарии. Составлено по собственным наблюдениям Н.В. Верещагиным. СПб., 1869. С. 9). В России же «сыром» называли творог (Байбурин А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. СПб., 2004. С. 507). Даже в пореформенный период твёрдый сыр являлся деликатесом: продуктом господ в усадьбе и чиновников в городе (Энгельгардт А.Н. Из деревни: 1872–1887. СПб., 1999. С. 326).

Швейцарские сыровары в России в 1761–1810 гг. занимали лишь 10-е место среди своих соотечественников (2 % от общего числа), а в 1811–1860 гг. переместились на 5-е место (4,9 %) (Bühler R., Gander-Wolf H., Goehrke C., Rauber U., Tschudin G., Voegeli J. Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der

Auswader ung nach Russland. Zürich, 1985. S. 156). Если для бернских сыроваров, составлявших подавляющее большинство среди эмигрантов-сыроделов, Россия (в качестве принимающей страны) занимала третье место после Франции и Германии, то в 1870-е гг. она переместилась на первую позицию (Tschudin G. Schweizer Käse im Zarenreich. Zur Mentalität und Wirtschaft ausgewanderter Bauernsöhner und Bauerntöchter. Zürich, 1990. S. 35).

К середине XIX в. несколько десятков швейцарских сыроварен работало в 15 губерниях Российской империи, главным образом, западных и центральных. Среди губерний-лидеров были Петербургская (13 сыроварен) и Смоленская (11), так как они имели в столицах гарантированный рынок сбыта. Соотечественники-швейцарцы информировали о хозяйственной ситуации в губернии, где значительные площади были заняты заливными лугами, в имениях крупных помещиков содержалось необходимое количество скота.

Благодаря метрическим книгам Смоленской лютеранской церкви возможно изучить генеалогию швейцарских сыроделов. Так, согласно метрическим записям о рождении за 1834–1860 гг. (Государственный архив Смоленской области. Ф. 204. Оп. 1. Д. 11), в Гжатском уезде проживали семьи с детьми (назовем лишь глав семейств): в имении Вырубово – Христиана Виттвера; в Карманово – Иоганна Рудольфа Карлена и Иоганна Готлиба Ребера; в Пречистом – Якова Карлена и Иоганна Дубаха; в Самуйлово – супругов Эммануэля Лертшера и Кристиана Лертшера. В Дорогобужском уезде: в Засижье – семьи Иоганна Виттвера и Иоганна Лауенера; в Сычевском уезде: в Дугино – Батальзар Вильда. Всего десять семей с детьми, рожденными уже в Смоленской губернии. Характерно, что жены сыроваров, также были представительницами семей сыроделов из Швейцарии: Карлен, Виттвер, Вильд, Клоснер. При этом на десять семей приходится лишь 12 фамилий. В случае же с семейством Вильд из Дугино оба супруга были обладателями одной фамилии.

Все супружеские пары были евангелического или евангелическо-реформатского вероисповедания, за исключением католички Марии, урожденной Гебель, вместе с мужем Иоганном Виттвером и детьми, проживавшей в Засижье Дорогобужского уезда. Её дети стали протестантами, как их отец. В большинстве своём семьи швейцарцев были многодетными: у 10 семей – родилось 30 детей. Метрические записи о рождении свидетельствуют, что своих детей семьи швейцарских сыроваров вынуждены были крестить спустя продолжительный срок после рождения (до полугода, а иногда и более). Это было связано с проживанием в сельской местности, где кроме православного священника, не было других духовных лиц. Пастор по просьбе родителей приезжал в конкретную усадьбу, нередко другие соотечественники старались привезти своих младенцев туда в назначенный срок. Примером может служить крещение 9 марта 1845 г. в Карманове Гжатского уезда пастором Лангебеком сразу четырех малышей из разных швейцарских семей (ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 11. Л. 20 об.–21).

Швейцарские сыровары всегда поддерживали тесные связи со своими соотечественниками. Об этом можно судить по именам крестных: обычно ими становились швейцарцы-соседи. Были случаи, когда смоленские пасторы крестили младенцев швейцарских сыроделов из Калужской губернии и Московской губернии, а крёстными выступали их «смоленские» соотечественники (ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 11. Л. 39 об.–40, 50 об., 51 об.).

С 1834 по 1860 гг. на территории Смоленщины было заключено 4 швейцарских брака: все женихи были родом из кантона Берн, имели возраст старше 22 лет. Из невест две родились на Смоленщине (в Карманове и Пречистом Гжатского уезда), их отцы были сыроварами в Вырубове и Столбове того же уезда. Возраст невест – от 19 до 29 лет. Три пары были реформаторского вероисповедания, а одна – евангелического.

Важно отметить, что швейцарцы не прерывали связь с родиной. Свидетельствами чего служат упоминания письменного согласия родителей на брак детей или факт смерти родителей в Швейцарии, указание в числе крестных родственников, давших свое письменное согласие, но отсутствующих во время совершения таинства. Связь со Швейцарией поддерживалась не только перепиской, но и поездками к родным, посылкой детей в школу на родину (Tschudin G. Указ. соч. С. 43).

Изучение статистики и делопроизводственных документов конца XIX в. свидетельствует о росте (почти в 10 раз) числа швейцарцев на территории губернии (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XL. Смоленская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. XVI–XVII).

Н.Л. Трегубов (Тула)

Советский герб Москвы и Московской губернии на памятниках нумизматики, бонистики, фалеристики

В 1918 г. в Советской России сформировался комплекс новой государственной символики. Однако, единственным городским гербом, разработанным в ранний советский период на новой символической базе и получившим официальный правовой статус, стал герб г. Москвы и Московской губернии.

Прообразом герба Москвы послужила композиция на знамени Моссовета, сделанного по эскизу архитектора Д.П. Осипова (1887–1934) ко дню закладки памятника Марксу 1 мая 1920 г. (Вопросы современной архитектуры. Т. 2. М., 1963. С. 144). На одной стороне знамени расположена композиция из советских символов: солнечный диск с лучами, «марсова» звезда и щит-картуш с эмблемой «серп и молот», которые наложены друг на друга и вписаны в окружность, состоящую из девиза «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ». Слева аббревиатура «МСРКД» (Московский совет рабочих и красногвардейских депутатов). На другой стороне изображена гербоподобная эмблема, в центре которой расположен щит-картуш с надписью: «МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ и КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ». По бокам его в качестве щитодержателей помещены рабо-

чий и колхозница. Композиция окружена венком из колосьев; ленты, ниспадающие от щита к колосьям, образуют поле с датой 1920. Вверху щит-картуш венчают здание Моссовета и стоящий перед ним Монумент советской конституции. Справа надпись: «РСФСР» (Овсянникова Е. Градостроительные планы первого революционного десятилетия // Искусство № 2, 1987. С. 31). Автором монумента, изображенного на знамени, также являлся Д.П. Осипов. Памятник был открыт в первую годовщину октябрьского переворота 7 ноября 1918 г. на Советской площади напротив здания Моссовета. В 1919 г. 26-метровый трехгранный обелиск был дополнен статуей Свободы, выполненной по эскизу скульптора Н.А. Андреева. Новая композиция органично вписалась в архитектуру города и стала символом советской Москвы довоенной эпохи.

По инициативе Московского совета Д.П. Осиповым был разработан проект нового герба Москвы, рассмотренный на заседаниях от 1 марта и 28 августа 1924 г. После небольшой доработки герб был утвержден Президиумом Моссовета 22 сентября 1924 г. В пояснительной записке к утвержденному рисунку Осиповым были объяснены эмблемы и композиция герба: «В центральной части в овальный щит вписана пятиконечная звезда. Это победный символ Красной Армии. Обелиск на фоне звезды, являющийся первым революционным монументом РСФСР в память Октябрьской революции… Это символ твердости Советской власти. Серп и Молот – эмблема рабоче-крестьянского правительства. Зубчатое колесо и связанные с ним ржаные колосья, изображенные по овалу щита, являются символом смычки города с деревней, где колесо с надписью «РСФСР» определяет промышленность, а ржаные колосья – сельское хозяйство. Внизу по обеим сторонам изображены эмблемы, характеризующие наиболее развитую промышленность в Московской губернии: слева наковальня – это эмблема металлообрабатывающего производства, справа челнок – текстильного производства. Внизу над надписью «Московский Совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов», изображенной на ленте, расположена «динама» – эмблема электрификации. Таким образом, в целом герб является синтезом деятельности Моссовета» (Николаев Р. Герб Красной столицы // Наука и жизнь. № 8. 1968. С. 108). Новый герб был утвержден президиумом Моссовета в качестве официальной символики г. Москвы и Московской губернии 27 февраля 1925 г. Он изображался на архитектурных сооружениях (Новоспасский и Большой Каменный мосты), на печатных изданиях Московского коммунального хозяйства (МКХ), а позже треста Мосрекламсправиздат (адресные книги, открытки, агитплакаты).

Современные исследователи, подчеркивая уникальность «герба Моссовета», как единственного регионального герба, разработанного и официально утвержденного в этот период, в тоже время указывают на кратковременность и эпизодичность его применения. Например, Н.А. Соболева пишет о советском гербе Москвы, что «к нему уже в 30-е годы перестали обращаться

как к символу города» (Соболева Н.А. Символы и награды Российской державы. М., 2013. С. 73). С.С. Гавриленков указывает на неудачную и сложную композицию герба, нечеткость его идеи, которые «привели к тому, что знак фактически не воспринимался как герб и широкого распространения не получил» (Гавриленков С.С. Современная московская символика: исторический аспект: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007. С. 17).

В тоже время в исследованиях по региональной (в том числе и по московской) геральдике советского периода недостаточно использована источниковая база смежных вспомогательных исторических дисциплин: нумизматики, бонистики, фалеристики.

В СССР широко осуществлялся выпуск ценных бумаг различных займов. В 1924 г. Моссовет провел 8 % жилищно-строительный заем на сумму 10 млн. рублей. Для этого были выпущены облигации номиналом 5, 10 и 100 рублей. Для удовлетворения нужд городского хозяйства губернии в области школьного, больничного и коммунального строительства в 1929 г. состоялся внутренний выигрышный заем Московского губисполкома. Он был выпущен на сумму 27,5 млн. руб. облигациями в 25 рублей и ценными бумагами в 5 рублей (1/5 часть облигации) (Теребов В. Целевые займы и вклады //Советский коллекционер. Вып. 29. 1991. С. 121. № Ц1.1-3; Ц8.1а-2а). На лицевой стороне облигаций обоих займов изображен московский герб («Знак». Аукцион № 3. 25.10.2014. № 362; Аукцион № 4. 14.03.2015. № 353–355).

«Герб Моссовета» расположен на аверсе пробных жетонов московского метрополитена, отчеканенных в 1934 г. и использовавшихся для испытаний турникетов (Петров Л.Ф. О первых жетонах Московского метрополитена // Петербургский коллекционер 2010. № 2(58). С. 12–13). Жетоны имели отверстие в виде пятиконечной звезды, вырубленное в центре, одновременно являвшееся элементом герба. При этом была изменена композиция герба: изображение монумента конституции и эмблема «серп и молот» сместились вверх, а аббревиатура Р.С.Ф.С.Р. стала частью легенды жетона. Из-за проблем с турникетами ни пробные, ни тиражные жетоны не использовались для прохода после пуска метрополитена. Вместо них для проезда были введены одноразовые билеты с изображением герба Москвы.

Довоенные наградные и должностные знаки и знаки различия изготовлены на высоком художественном уровне и насыщены символикой. На некоторых московских знаках 1920–40 гг. воспроизведен «герб Моссовета» или его элементы. Например, на знаке «Чемпион Москвы 1937 года» московский герб изображен на красном знамени в руках спортсмена. В каталоге «Аверс» опубликован «знак Московского коммунального хозяйства» (Кривцов В.Д. Аверс № 8. Каталог-определитель советских знаков и жетонов 1917–1980 гг. М., 2008. С. 95. № 529). Центральную часть знака занимает герб Москвы и Московской губернии в окружении венка из лавровой и дубовой ветвей, под гербом расположен треугольник с надписью МКХ АВТО-СООБЩ. В каталоге этот знак определен как памятный, однако форма знака

(венок) и способ крепления (кламмер) говорят о том, что это кокарда на головной убор служащего автосообщений МКХ Моссовета. Московский герб изображен на должностных знаках дворников, которые представляют собой 6-угольные бляхи с прорезным номером. Московские знаки послужили прототипом для знаков дворников других городов: Киева, Харькова, Одессы (Куценко А.Н., Рудиченко А.И. Знаки отличия правоохранительных органов СССР. Донецк, 1991. С. 42, 43).

На некоторых фалеронимах символика московского герба воспроизведена частично. Например, знак московского отдела Управления пожарной охраны представляет собой позолоченную пятиконечную звезду, на которую наложено изображение монумента советской конституции. Композиция дополнена пожарной символикой: дубовыми листьями, пожарной каской, топорами и красными знаменами (Кривцов В.Д. Указ. соч. С. 416. №1965). Эта эмблема помещалась и на кокардах московских пожарных (Куценко А.Н. Кокарды. Знаки различия министерств и ведомств СССР. Донецк, 1998. С. 32).

Нагрудный знак «Отличник городского хозяйства Москвы» установлен решением Исполкома Моссовета № 1410 от 10.06.1940 г. (Зак А.С., Мехоношин А.И., Калистратов И.Г., Ворончено В.Г. Ведомственные знаки отличия 1934–1991. М., 2004. № 18.1.1). В первоначальном варианте знак назывался «Отличник хозяйства Моссовета» («Монеты и медали». Аукцион № 84. 30.11.2013. № 541). Им награждались особо отличившиеся рабочие, инженерно-технические работники и служащие городского хозяйства г. Москвы. Знак имеет форму пятиконечной звезды с накладным изображением композиции, объединяющей монумент советской конституции и скульптуру «Рабочий и колхозница». В центре звезды – изображение Спасской башни Кремля и здание Верховного Совета СССР. Окаймление знака – лавровые ветви. Награждения этим знаком проводились до сер. 1940-х гг.

Таким образом, представленный комплекс объектов показывает, что в 1920−40-х гг. «герб Моссовета» активно использовался в качестве официальной символики города Москвы и столичного региона, был узнаваем настолько, что даже частичное воспроизведение его символики было достаточно для выполнения репрезентативной функции. В тоже время на примере знака «Отличник городского хозяйства Москвы» можно говорить о постепенной смене символической модели, происходившей в СССР на рубеже 1930-х – 1940-х гг. (Мисюров Д.А. Роль государственной символики в моделировании политических процессов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 12). На знаке сквозь геральдическую доминанту московского герба проступают элементы новой символики: скульптура «Рабочий и колхозница», «сместившая» на монументе статую Свободы, и Спасская башня Кремля, украшенная в 1935 г. рубиновой звездой. В новой символической модели не было места ни монументу Свободы, снесенному весной 1941 г., ни «гербу Моссовета», потерявшему свою символическую актуальность, ни городской геральдике.

У.А. Усаров, Ж.Э. Тагаев (Ташкент, Узбекистан)

Этнотопонимы как исторический источник (на примере Бухарской области Республики Узбекистана)

Наименование местностей является одним из источников дающих подробную информацию о жизни, хозяйственной деятельности и прошлого народа. Из истории известно, что появление оседлого образа жизни на территории нашего края связано с появлением древнейших земледельческих поселений. Выбору названия той или иной местности способствуют различные причины – такие, как наименование проживавшего на данной территории рода, племени, название народа, условия жизни, хозяйственная деятельность, географическое положение местности, политические события, рождение знаменитых исторических личностей.

В исследовании и изучении названий местностей незаменимый вклад вносит топонимика. Топонимы по сфере изучения делятся на несколько направлений, появление которых зависит происхождения названия той или иной местности. Так, топонимы, происходящие от наименования народа, рода называются этнотопонимами. Рассмотрим, например, Бухарскую область Узбекистана. Являясь одним из стратегических центров Средней Азии, Бухара с древнейших времён развивалась в экономической, политической и культурной жизни, вследствие этого взаимоотношения между различными этническими группами на данной территории были активными. Остановимся подробнее на данных этнических группах.

Авшормахалля – на данный момент название кишлака в Бухарском районе. Появление данного наименования связано с родом «авшар». По мнению Абулгази Бахадырхана, топоним авшар означает «делающий работу быстро» (Қораев С. Географик номлар маъноси. Тошкент, 1978. Б. 24).

Арабхана – как и во многих областях Узбекистана, кишлаки и махали Бухарской области имеют такие наименования, как Араблар, Арабон, Арабҳо, Арабча и др. Названия данных местностей имеют такие значения, как «Кишлак арабов», «местопроживание арабов». Арабы переселялись на территорию Средней Азии в различные временные отрезки, они хоть и смешались с узбеками, но до сих пор сохранили своё название (Р. Ражабов. Ўзбекистондаги араблар тарихи ва этнографияси (XIX аср ўрталари ва XXI аср бошлари). Тошкент, 2012. Б. 416).

Аргин – название одного из кишлаков в Бухарской области. Название происходит от тюркского рода, издревле проживавшего в низинах Амударьи. Топонимик С. Кораев в книге «Значение географических названий» предположил, что данный топоним относится к племени аргу, которое упоминается в произведении Махмуда Кашгари «Девони луғати турк», а в произведении Муллы Сайфуддина Ахсикандий «Мажмуат-таворих» данный топоним присутствует в виде «аргун». Отмечается то, что данный этноним имеет монгольское происхождение. Ещё одна исследовательница Б.Х. Кармышева в книге «Очерки этнографической истории южных районов

Таджикистана и Узбекистана» упоминает о том, что кишлак Аргун находится в бекстве Денов Бухарского эмирата на берегу реки Сангардакдарья (Кармышева Б.Х. Очерки этнографической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана, М., 1976. С. 171).

Бахрин – в Бухарской области также встречаются такие названия кишлаков, как Бахринча, Катта Бахрин, Кичик Барин. Баҳрин – это отюреченное монгольское племя. По сведениям Б.Я. Владимирова племя Бахрин является самым крупным течением произошедшего от легендарного правителя монголов Будунчара, они являются потомками старшего сына Будунчара Бааридая (Владимиров Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934. С. 49).

Дурман (Дурмон) – название одного из кишлаков Бухарской области. Так называлось одно из даштикипчакских племён, пришедших на территорию Узбекистана в XVI—XVII веках. Дурманы жили в долине Зарафшана и Сурхандарьи, Ташкентском оазисе, частично в Хорезме. В состав дурманов входили такие роды, как куйли, увок, уч уруг, кукчелак, саксон, нагай, гурдак, ойтамгали. Эти кишлаки произносятся как Дурман и Дурмон.

Джалаир – название одного из кишлаков Бухарской области. Тюркско-монгольское племя джалаир входило в состав узбеков, казахов, киргизов и каракалпаков. Происхождение названия местности имеет те же корни (Жумаев А.Ш, Муҳаммедов И.Т., Ҳамроев А.Ҳ. Ўлкамиздаги жой номлари. Бухоро, 1998. С. 13).

Мангыт – одно из племён узбекского народа. Мангыты проживали на территории Бухарского ханства, Зарафшанской долины, в окрестностях Карши, в Хорезмском оазисе, в окрестностях Джиззака.

Олот – название города и района в Бухарской области. Также в Бухарском районе находится кишлак Олотхона. Происхождение термина восходит к племени Арлот. В некоторых источниках Олот имеет такие значения, как «орудия», «оружие».

Чандир – наименование кишлака в Алатском районе Бухарской области. На самом деле, чандир – это название одного из туркменских родов, также это название существует узбеков. Абу Хайён слово «чандир» объяснял такими словами, как «дурагай», «курама».

Катаган – это наименование присутствует на территории нескольких районов Бухарской области. Катаган – наименование крупнейшего племени-рода, относящегося к узбекскому народу. Основная часть представителей племени катаган проживает на территории Катаганской области Афганистана. В Средней Азии катаганцы проживают на территории долин Вахша и Яхсу (Таджикистан), Бухарской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей Узбекистана.

Кунграт – наименование кишлака в Вобкентском районе Бухарской области. Одно из крупнейших узбекских, казахских и других тюркских племён, так они именовали свои кишлаки.

Развитие городов Средней Азии в сфере торговли и ремесла послужило тому, что на территории нашей страны побывало большое количество послов и путешественников, вследствие чего территория превратилась также в центр развития культуры и межнационального согласия. На протяжении многих лет названия населённых пунктов изменялись, что приводило к искажению их первоначального названия.

А.С. Усачев (Москва)

Об одном нетипичном случае переписки книг в России XVI в.*

Некоторые из представителей знати России XVI в. заказывали рукописные книги. Таких случаев известно несколько десятков (например, см.: Усачев А.С. Рукописные книги XVI в. из фондов центральных библиотек и музеев, созданные по заказу представителей знати // ОА. 2013. № 1. С. 73–79). Несколько меньше известно случаев личного участия знатных лиц в литературной деятельности. Случаи же работы находящихся в миру представителей знати в качестве переписчиков богослужебных и иных книг нам до недавнего времени были неизвестны: не сохранилось ни одного автографа знатных лиц XVI в. (исключение составляют «рукоприкладства» под официальными документами – поручными записями, приговорами земских соборов и т.д.). Недавно нам представилась возможность познакомиться с исключением из этого правила: рюрикович выступил в роли писца мало чем примечательной рукописной книги. С чем может быть связан данный казус? К поискам ответа на этот вопрос мы и обратимся.

Знакомясь с датированными рукописными книгами Московской Руси XVI в. в фондах ОР ГИМ, в 2013 г. мы обратили внимание на ноябрьскую служебную минею 1516/17 г. № 2675 из Музейского собрания (формат рукописи – 4°). На л. 165 об. содержится выходная запись, которая выполнена киноварью полууставом писца основного текста. Среди прочего запись сообщает о том, что «в лето 7025 дописана бысть сия сия (так в ркп. – *А.У.*) книга рукою многогрешнаго Дмитрея Михаиловича Жижемского».

Как следует из текста записи, писец принадлежал к роду потомков смоленских князей, в XV в. служивших в Великом княжестве Литовском (о происхождении и представителях рода Жижемских см.: Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 14–34; Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 169; Она же. Состав класса феодалов России XVI в.: историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 63, 120, 123–124, 140–141, 170–171, 175; Кузьмин А.В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волынские, Липятины) // ГДЛ. М., 2004. Вып. 11. С. 774–775). Что побудило смоленского рюриковича взяться за перо? Точный ответ на этот вопрос вряд ли возможен. В нашем распоряжении имеется материал, который позволяет лишь выдвинуть одно предположение на этот счет.

Продолжив чтение текста приведенной выше записи, мы получаем возможность узнать о судьбе Д.М. Жижемского в России. Запись сообщает о том, что он переписывал книгу «при державе великого князя Василия Ив[анови]ча всея Руси... А в ту пору сидел поиман у Василья Степановича». Каким образом потомок смоленских князей оказался «поиман» в России?

Обратившись к фактам биографии Д.М. Жижемского более раннего периода, можно ответить на данный вопрос. В 1508 г. Д.М. Жижемский вместе со своим братом Василием, присоединившись к мятежу М.Л. Глинского (Жижемские с Глинскими состояли в родстве), перешел на службу к Василию III (другие три брата Дмитрия и Василия остались в Литве) (подробнее о мятеже М.Л. Глинского и его участниках см.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 86–91; Бычкова М.Е. Князь Михаил Глинский на службе в Литве и в России // Человек в XVI столетия. СПб., 2000. С. 113–114; Кром М.М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 139–152). Судя по всему, Жижемские были близки к Глинским и в последующий период. Так, известно, что Д.М. Жижемский участвовал в организации свадьбы Ивана IV в феврале 1547 г. Это было немыслимо без поддержки влиятельных в ту пору Глинских (подробнее см.: Бычкова М.Е. Состав класса феодалов... С. 63, 120, 124, 140–141 и др.). Однако, судя по всему, близость к Глинским для Жижемских таила и определенную опасность.

В 1514 г. покровитель отъехавших в Россию братьев Жижемских М.Л. Глинский за попытку измены московскому государю был арестован (например, см.: Зимин А.А. Россия на пороге... С. 164–165). Учитывая датировку записи на рассматриваемой минее – 1516/17 г. – можно думать, что вскоре после этого был арестован и близкий к нему Д.М. Жижемский (а также, возможно, и иные лица). Известно, что М.Л. Глинский был освобожден лишь после брака Василия III с его племянницей, в феврале 1527 г. (Там же. С. 298). Можно предположить, что освобождение М.Л. Глинского сопровождалось и освобождением близких к нему лиц. Так, известные нам источники ничего не сообщают о судьбе отъехавших в Россию братьев Жижемских в 10–20-е гг. XVI в. Первое известное нам упоминание братьев относится к 1532 г. – под этим годом их имена фиксируются в разрядных книгах на воеводских должностях (см.: РК 1575–1598 гг. М., 1966. С. 81; РК 1475–1605 гг. Т. 1, ч. 2. М., 1977. С. 232). Данное назначение, за которым последовали и другие, указывает на то, что не позднее этого года братья были восстановлены на службе.

Таким образом, по-видимому, не позднее 1516/17 г. Д.М. Жижемский оказался «поиман» и содержался на дворе у некоего Василия Степановича. Учитывая отсутствие в источнике фамилии, точно сказать, о ком именно идет речь, нельзя. Среди служилых людей с подобным именем и отчеством, которое нечасто встречается среди представителей служилой знати, в первой половине XVI в. известен Василий Степанович Отяев-Хвостов (убит во вре-

мя одного из казанских походов рубежа 40-х – 50-х гг. XVI в., о нем см.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 246; на возможность идентификации упоминаемого в записи лица с В.С. Отяевым-Хвостовым нам указал А.В. Кузьмин). Впрочем, одного только факта совпадения имени и отчества, на наш взгляд, недостаточно чтобы настаивать на том, что речь идет именно об В.С. Отяеве-Хвостове. С большей или меньшей определенностью можно лишь констатировать, что минея была переписана на дворе одного из служилых людей, точное местонахождение которого неизвестно.

Отвечая на вопрос о возможных причинах побудивших представителя титулованной знати XVI в. к переписке книги, отметим, что, будучи «поиман», Д.М. Жижемский имел необходимое свободное время. Известно, что в XVI в. переписка книги могла занимать от нескольких недель до нескольких месяцев и даже лет. По-видимому, при «нормальной» ситуации даже при наличии соответствующей «квалификации» и потребности постоянно занятые служебными и хозяйственными делами служилые люди не имели возможности заниматься перепиской книг. Она, как правило, была уделом лиц гораздо более низкого статуса. Обратим внимание и на другой факт. Д.М. Жижемский воспитывался в ВКЛ, в котором провел первые годы жизни. На его территории уровень грамотности среди представителей знати был, вероятно, несколько выше, чем в России (о некоторых аспектах истории книжной культуры ВКЛ см.: Голенченко Г.Я. Крупные светские частновладельческие бибиотеки Белоруссии и Литвы второй половины XVI – середины XVII в. // Федоровские чтения. 1982. М., 1987. С. 100–114; Нікалаеў М.В. Гісторыя беларускай кнігі. Т. 1: Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2009. С. 90–260).

Отвечая на вопрос о причинах переписки рукописной книги представителем титулованной знати в России XVI в., можно заключить, что это событие явилось результатом во многом случайного стечения обстоятельств. Получивший образование в Литве представитель знати по политическим причинам на некоторое время оказался вырван из привычного образа жизни. Вероятно, переписка книги явилась для него способом скоротать время в период длительного нахождения под арестом.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00089а).

И.А. Устинова (Москва)

Два эпизода из истории епархиальной реформы 1670–80-х гг.

Во второй половине XVII в. обострилась сложная проблема создания новых епархий и упорядочивания их границ. Проект создания новых епархий обсуждался еще на соборе 1589 г. Правительством несколько раз предпринимались попытки проведения комплексной епархиальной реформы, однако, архиерейский корпус оказывал последовательное сопротивление их осуществлению, стремясь сохранить имеющиеся доходы. Церковный собор 1674–1675 гг. принял важное решение о приведении границ епархий в соответствие

с границами уездов по писцовым книгам так, чтобы уезды полностью входили в состав епархий. По наблюдению И.М. Покровского, при реализации этого решения «каждая в отдельности кафедра при взаимном обмене церквами нисколько не теряла» (Покровский И. Русские епархии в XVI−XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 1. Казань, 1897. С. 312). Однако воплощение решения в жизнь породило многочисленные споры и злоупотребления, которые длились месяцами и годами (напр., тяжба 1682–1699 гг. между воронежскими и рязанскими архиереями за несколько городов. (Комолова Э.В. Воронежская Епархия в конце XVII−XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения. Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 63−67). Царский проект реформы 1681 г., предполагавший открытие 68 новых епархий и доведение их общего числа до 83 после предварительного обсуждения духовенством был сокращен в два раза, собор остановился на 15 новых епархиях, открыто же было только 3 из них – Холмогорская, Великоустюжская и Воронежская (Покровский И.М. Указ. соч. С. 320, 333−338).

Противоречия возникали даже по незначительным поводам – из-за нескольких церквей, или отдельных видов сборов. Два интересных примера подобных неурядиц сохранились в делах Новгородского архиерейского дома и до настоящего времени не привлекали внимания исследователей.

По решению собора 1674–1675 гг. в ведение митрополита Ростовского перешли земли новгородского владыки в Углицком и Важском уездах, а также дворцовой Усьянской волости (ААЭ. 1836. Т. 4. № 204. С. 263). Во исполнение решения 23 ноября 1675 г. новгородский митрополит Корнилий направил Ионе Ростовскому «роспись монастырем и церквам … и почему с тех монастырей и церквей церковной дани и всяких доходов в год збиралось». Тем не менее, спустя полтора года, 1 апреля 1677 г., Иона писал Корнилию, что с трех из этих храмов на 1676/77 г. «церковные дани и всякие доходы тех сел с попов» собрал новгородский соборный ключарь поп Меркурей. Митрополит Иона просил «не велеть впредь в те два села въезжать и церковных даней и всяких доходов имать … взятые данные и всякие доходные денги тех дву сел прислать». В ответ Корнилий, ссылаясь на переписные книги епархии 1675/76 гг., сообщил о первых двух церквях, что их «в сказках не написано». Церковь же Ильи пророка в с. Соболеве находилась на вотчинной земле, к ней приходили люди из Бежецкого верха, и «та церковь для прихоцких людей в оклад положена и церковная дань взята на … 1675/76 год» (НИИА СПб ИИ РАН. Ф. 171. Переплет 5. № 220. Стб. 103–107). К сожалению, ответ митрополита Корнилия на этот запрос сохранился не полностью и неизвестно, как был решен вопрос о церквях. Переписка владык, однако, показывает насколько трудным в кадастровом отношении было приведение границ епархий к уездным. Более того, новые границы в некоторых местах проходили внутри действующего прихода.

Второй эпизод относится к 1682 г., когда вновь созданной Холмогорской и Важской епархии были переданы «Новгородского митрополита из епархии

во градех, на Колмогорах и на Ваге с пригороды … Архангельской город, Мезень, Кевроль, Пустоезеро, Пинега» (АИ. 1842. Т. 5. № 75. С. 110). В грамоте патриарха Иоакима от 15.04.1682 г. архиепископу Холмогорскому Афанасию (Любимову) перечень территорий расширен в том числе и за счет Соловецкого монастыря с Анзерским скитом (Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. Казань, 1906. С. 371). Это обстоятельство стало причиной нового разбирательства.

В 1683 г. архиепископ Афанасий пожаловался сначала митрополиту Корнилию, а потом и патриарху Иоакиму, что никакой учетной документации на новые земли не получал. Сборы за 1682/83 г. он заплатил с 218 церквей. Между тем, митрополит Корнилий утверждал, что передал в Холмогоры роспись 239 церквей, а относительно 12 храмов в соловецких вотчинах подал челобитье патриарху, поскольку «тот Соловецкой монастырь и вотчиные церкви по писцовым книгам в Новгородском уезде». Таким образом, патриарший Казенный приказ недополучил гривенных денег (на содержание богаделен, сбор со всех епархий, введенный в 1674 г.) с 33 церквей. 21 июля 1683 г. патриарх направил митрополиту Корнилию грамоту с требование закрыть недостачу по 33 церквям (и с другими претензиями). Новгородский митрополит все обвинения отверг, считая, что платить должен архиепископ Афанасий. Претензии патриарха, однако, адресованы именно митрополиту Корнилию, возможно, в связи с наличием других многолетних долгов и недоимок по церквям, которые не являлись спорными. Переписка не имеет окончания и не вполне ясно, кто из архиереев в итоге оказался прав. (НИИА СПб ИИ РАН. Ф. 171. Переплет 5. № 237. Стб. 187–215).

Рассмотренные эпизоды иллюстрируют повседневные сложности, возникавшие в процессе епархиальной реформы. Часть из них порождена противоречиями между соборными решениями и последующими указами и грамотами. Другие проистекали из путаницы в делопроизводстве. Наконец, свою роль играло и нежелание архиереев отдавать земли, стремление уклониться от уплаты сборов. Как и другие крупные административно-территориальные преобразования XVII в. (например, «посадское строение») епархиальная реформа двигалась медленно, тормозилась десятками мелких противоречий и деталей, которые оспаривали между собой архиереи.

Е.М. Ушанков (Москва)

Два сюжета первых шведских нотдалеров 1715–1716 гг.

Шведский король Карл XII (1697–1718), оказавшись в трудном экономическом положении в ходе Северной войны (1700–1721), решился на рискованное предприятие – выпуск кредитных медных денежных знаков, которые в русскоязычной литературе принято называть нотдалерами.

Эти монеты и вызванные ими проблемы в экономике и финансах Швеции уже становились предметом изучения как в собственно шведской, так и в отечественной историографии. Большинство исследователей обращалось именно

к вопросам денежной политики периода Северной войны, как правило, оставляя в стороне вопросы, касающиеся изображений на этих денежных знаках.

Однако особенности оформления этих монет являются интересной темой для исследования. Изображения, помещённые на этих нотдалерах совершенно не характерны для шведской чеканки. Кроме того, некоторые нумизматы указывали на очевидное влияние шведских нотдалеров на оформление русских монет XVIII в.

В одной из работ, посвященной сюжетным особенностям оформления нотдалеров, шведский исследователь Торгни Линдгрен предложил классификацию этих монет. В соответствие с ней все нотдалеры были разделены на шесть групп, исходя из помещённых на них сюжетов. В первую группу он включил два вида оформления: с изображением короны (*Krona*) и с персонификацией Швеции (*Publica Fide*).

Подготовка к первой эмиссии нотдалеров (с изображением короны) началась в 171 г. В своём послании от 25 (14 по старому стилю) марта 1715 г. король обосновал необходимость чеканки, указал объём тиража и оговорил некоторые другие подробности, относящиеся к внешнему виду монет. Король отметил, что для воспрепятствования возможной подделке этих денежных знаков, которая причинила бы большой ущерб казне, изображения на них должны быть исполнены как можно лучше. Однако в самом тексте нет никаких конкретных описаний, и к посланию не приложено никаких проектных рисунков.

Разработка и реализация этой задачи была поручена трём коллегиям – Каммар-, Берг- и Коммерц-коллегии. В ходе обсуждения этих вопросов рассматривались и обсуждались различные варианты оформления будущих нотдалеров. Первоначально решили поместить на одной стороне вензель короля из двух букв «C» под короной, а на оборотной стороне – три короны. Но решение по этому вопросу было отложено, а к обсуждению привлекли нумизмата и известного специалиста в области искусства Элиаса Бреннера (1647–1717). Бреннер заявил, что нельзя придумать такой рисунок, который нельзя было бы подделать.

В заключении по вопросу оформления монет, кроме общих фраз о необходимости как можно более изящного оформления, содержится и конкретное описание внешнего вида монет. На л.с. – погрудное изображение короля в мантии, внизу – год 1715, круговая легенда – CAROLVS XII D. G. REX SVEC. На о.с. легенда в четыре строки – I | DALER | SIFVER | MYNT, внизу три короны, расположенные 2:1. Но и этот вариант после долгого обсуждения был переработан. Коллегии предложили новое оформление: на одной стороне – легенда 1 DALER S. M., а на другой – лев под короной и дата. И в очередной раз обсуждения продолжились. Окончательный вариант, утверждённый королём, включал лишь изображение короны и года чеканки на одной стороне и номинала 1 DALER S. M. – на другой.

В ходе подготовки к выпуску второй партии нотдалеров, было решено, что новые денежные знаки должны быть того же диаметра, что и предыдущие, но при этом вдвое толще. На л.с. предполагалось поместить изображение сидящей женщины, повернутой влево, с ветвью растения (оливковая ветвь?) в правой руке, а левой рукой опирающейся на щит с изображением трех корон и придерживающей копьё, а также круговую легенду PVBLICA. FIDE. (Общественным доверием). Изображение этой женщины, персонифицировавшей Швецию, скорее всего, имеет образцом медаль в честь Карла XI (1660–1697) работы шведского медальера Арвида Карлстена (Karlsteen) (1647–1718), который обучался в Париже и Лондоне и долгое время работал на монетном дворе в Стокгольме. В Англии с 1672 г. чеканили медные монеты номиналом в полпенни и фартинг с персонификацией Британии в виде сидящей женщины с оливковой ветвью в правой руке, опирающейся левой рукой на щит, покрытый флагом Великобритании, и придерживающей копье. Вполне вероятно, что именно эти монеты стали источником сюжета и для шведской медали, и для медных нотдалеров. Кроме того, в документах, связанных с изготовлением первых двух типов медных денежных знаков, в качестве меры для воспрепятствования их подделке, указывалась необходимость особой отделки гурта по английскому образцу.

Изображение короны и девиз Publica Fide, очевидно, должны были способствовать общественному доверию к этому новому типу монет, на которых не было ни имени короля, ни его изображения. Использование творительного падежа слова fides, -ei вместо именительного, аргументировалось тем, что ни у кого не должно быть повода для такого толкования этой легенды, которое подорвало бы доверие к этим кредитным денежным знакам.

Д.З. Фельдман (Москва)

Архивный источник по истории караимского народа в России второй половины XVII в.

Иудейское население Российской империи, кроме евреев, включало в себя и немногочисленный караимский народ, проживавший в основном в Крыму. Караимы – один из древнейших народов, проживающих на крымской земле, по одной из версий, потомки древних тюркских племен полуострова, входившего в VIII–X вв. в состав Хазарского каганата. После его распада караимы остались жить в Крыму. С присоединением Таврии к России в 1783 г. русское общество познакомилось с этим небольшим народом, по внешнему виду, языку, нравам и обычаям, очень похожим на татар, но исповедующим только Ветхий Завет (отрицая Талмуд), празднующим субботу, имеющим религиозные книги с гебраистским шрифтом. Впервые же евреи-караимы были выделены среди иудеев царским правительством, когда Екатерина II в 1794 г. обложила евреев двойной податью по сравнению с христианами – караимов это обложение не коснулось (ПСЗ–1. Т. XXIII. № 17224; Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и поло-

жений, касающихся евреев. СПб., 1874. С. 36–37.). 8 июня 1795 г. императрица подписала указ «о чистоте веры и нации караимов», которые получили по нему особые привилегии (ПСЗ–1. Т. XXIII. № 17340). До 1830-х гг. в официальных делах они именовались «евреи-караимы», затем – «русские караимы ветхозаветного исповедания». А в 1863 г. они были полностью уравнены в правах с христианами, что подтверждено циркуляром МВД 1881 г.; абсолютно исчезло и само упоминание их религиозной связи с евреями – теперь их называли «караимы». Помимо Крымского полуострова, караимские общины существовали в ряде городов Новороссии (Одесса, Николаев, Херсон), а также Галиции (Галич, Луцк) и Литве (Троки), куда в конце XIV в. великий князь литовский Витовт переселил часть народа. Караимы занимались земледелием, садоводством, овцеводством, пчеловодством, виноделием, ремеслами, торговлей и, по свидетельству современников, по внешнему обличью были приятными людьми, имеющими кроткий и скромный характер (Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч. I. С. 308–316).

Между тем, как показывают архивные источники, караимы появились в России гораздо раньше указанной выше даты: не в конце XVIII, а во второй четверти XVII в., и не окраинах Российского государства, а в его столице, в Мещанской (или Новомещанской) слободе, которая была основана за Сретенскими воротами Земляного города Москвы в 1671–1672 гг. и находилась в ведении Посольского приказа. Ее жителями стали выходцы из Польско-Литовского государства – мещане, которые или добровольно переселились в Россию («вышли собою на государево имя»), или были пленены «всяких чинов людьми» во время продолжительной Русско-польской войны 1654–1667 гг., стали холопами тех, кто их «полонил» или кому они были проданы, а затем освободились после смерти своих хозяев либо по царскому распоряжению. Многие из этих «польского и литовского народу мещан» впоследствии были взяты к Москве по государеву указу, где и остались на жительстве.

Хотя сведения о караимах Мещанской слободы содержатся в опубликованной в свое время переписной книге этой слободы 1677 г. (Найденов Н.А. Материалы для истории московского купечества. Т. I. Прил. 2. С. 19), все же обратимся к первоисточникам, хранящимся в фонде «Боярские и городовые книги» из собрания РГАДА. Дело в том, что при сравнении архивных документов и опубликованных текстов нами обнаружен ряд неточностей. Кроме того, краткие сведения из указанной выше работы, изданной Московской купеческой управой, приведены в небольшой дореволюционной статье в журнале «Еврейская старина» (Кунин И. Евреи в Москве во второй половине XVII века // Еврейская старина. СПб., 1913. Т. 6. С. 101; переизд.: Москва еврейская: Сб. статей и материалов. М., 2003. С. 309). «Московской мещанской слободы опись обывательским дворам и поименной список, кто чем промышляет», составленные по указу царя Федора Алексеевича от 30 сентября 1676 г., наказу из Посольского приказа и поданная 23 июля 1677 г.

чиновником Д.Н. Воробиным, сохранилась не полностью: она содержит полное количество дворовых мещан, но прерывается при перечислении мещан бездворных-подсоседников. Согласно данному источнику, в Мещанской слободе проживали с семьями три дворовых караима.

Переписная книга сообщает о первом из них следующее: «Во дворе Васка Прокофьев, краим; у него дети: Ивашко, Пронка; у Ивашки сын Ивашко ж; родиною города Шклова. В прошлом во 163 (1654/55)-м году взят он к Москве по указу великого государя и жил на Москве в Новгородской сотни по боярским дворам на дворничествах. И как почала Мещанская слобода строитца, и он, Васка, перешол по государеву указу в Мещанскую слободу без поручной записи в прошлом во 179 (1670/71)-м году. А промысл их – портное мастерство. А двора ево мерою: длиннику дватцать сажен, поперешнику по воротам десять сажен три чети, в заднем конце тринатцать сажен» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Москва. Д. 6. Л. 56 об.).

О другом дворовом караиме в переписной книге говорится следующее: «Во дворе Тараско Прокофьев, краим, портной мастер; у него дети: сын Ромашка; родиною Шклова города. В прошлом во 163 (1654/55)-м году взят он к Москве по указу великого государя с ево братею с мещаны и жил в Дмитровской сотне по дворничествам. И в прошлом во 176 (1667/68)-м году по указу великого государя отпущен был в свою сторону, и в прошлом во 178 (1669/70)-м году выехал сызнова к Москве на государево имя и пожил на Петровке на дворничестве с полгода у Гаврилы Тухачевского, и в прошлом во 179 (1670/71)-м году перешол он и построился в Мещанской слободе без поручной записи. А двора ево мерою: длиннику дватцать сажен, поперешнику по воротам пять сажен, в заднем конце то ж» (Там же. Л. 58). Кстати, судя по слободской переписи 1676–1677 гг., караимы и, возможно, братья Васка и Тараско Прокофьевы были соседями: их дворы находились по адресу: «другая (т.е вторая, в отличие от главной, «большой» – *Д.Ф.*) улица, правая сторона от Земляного города».

Третий караим проживал «по третьей улице от Земляного города по левой стороне»: «Во дворе Васка Осипов; у него сын Пронка; родиною шкловлянин. В прошлом во 179 (1670/71)-м году выехал он на государево имя собою и того ж году построился в Мещанской слободе без поручной записи. А промысл ево – портное мастерство. А двора ево мерою: длиннику дватцать сажен, поперешнику по воротам пять сажен, в заднем конце то ж» (Там же. Л. 131).

Как видим, все караимы занимались портным мастерством и являлись выходцами из города Шклова, расположенного по обе стороны р. Днепр и дороги из Могилева в Оршу, то есть пути из Великого княжества Литовского в Московское государство. Благодаря деятельности местного, в частности еврейского, купечества, Шклов в XVII в. превратился в один из крупнейших центров пограничной торговли: через него в обоих направлениях шел поток разнообразных товаров (Фельдман Д.З. К истории местечка Шклов – одного из центров еврейской жизни в России конца XVIII в. // Историческая гео-

графия: пространство человека vs человек в пространстве: Мат-лы XXIII Междун. науч. конф. М., 2011. С. 441–443). Скорее всего, некоторые литовские караимы, понимая все выгоды от предпринимательской деятельности именно в этом месте, переселились из Трок в Шклов, образовав тем самым наряду с еврейской небольшую караимскую общину, а когда в Москве была образована Мещанская слобода, многие шкловские жители – и караимы в том числе – поселились в столице.

В.Г. Фоменко (Тирасполь, Молдова)

Место естественнонаучных знаний в формировании историко-географической картины Приднестровья

История с географией – это не неожиданный поворот событий, а органический симбиоз, в котором оба участника процесса познания равноценны. Находясь на методологическом стыке двух наук, историческая география использует широкий спектр методов и подходов в анализе естественнонаучных материалов. Для полноценной реконструкции исторической обстановки важное значение имеют разнообразные естественнонаучные знания, относящиеся, в первую очередь, к сфере интересов физической географии, геоморфологии, климатологии, гидрологии, почвоведения, биологии и пр. (Абрамова Н.Г. Современные проблемы изучения и преподавания исторической географии России // NB: Исторические исследования. 2013. № 1. С. 50−69). Рассматриваемые относительно конкретных исторических эпох, они детерминируют социально-экономическое развитие на различных территориальных уровнях. Поэтому ключевым понятием для геоисторической реконструкции является «географическая среда». Она рассматривается как совокупность объектов и явлений живой и неживой природы, привлеченная на данном этапе развития общества. К географической среде относят рельеф (условия подстилающей поверхности), полезные ископаемые, нижнюю часть атмосферы (в первую очередь в качестве агроклиматического ресурса), поверхностные и подземные воды (реки, озёра, болота, ледники и т.д.), почвенный покров (степень плодородности), растительный и животный миры, то есть ту часть природы, которая является объектом деятельности человека и, в первую очередь, производства. Географическая среда, в которой протекают разнообразные исторические процессы, определяет политическую карту и административно-территориальное устройство стран и регионов, «пространственный рисунок» системы расселения, направления миграционных потоков, размещение аграрного производства, ремесла, промышленности или торговли, транспортных коммуникаций (Сухинин С.А., Фоменко В.Г. Историческая география Приднестровья в проблемном поле новой локальной истории // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: мат-лы XXIII междун. науч. конф. Москва, 27−29 янв. 2011 г. М., 2011. С. 419−422). Акцентируем внимание на некоторых наиболее значимых для исторического процесса элементах географической среды Приднестровья. Север Причерноморской низменности окаймля-

ют отроги Подольской возвышенности. Исторически регион беден полезными ископаемыми. Главным минеральным богатством края был известняк – доступный и прочный строительный материал. Рельеф самой низменности равнинный, слабовсхолмлённый, рассечённый речными долинами Днепра, Южного Буга и Днестра, сформировавшимися в период Днепровского оледенения. Гидрографическая сеть региона отличается сравнительной маловодностью, глубокими долинами, большим числом крутых излучин, широкими и удобными для заселения и хозяйственного освоения террасами. Поэтому в периоды аридизации, именно речные долины в различные доисторические и исторические эпохи, становились антропогенными оазисами. Доступность речной воды, обилие рыбы и дичи, коммуникативная и защитная функция речных долин делала их притягательными для заселения. Ещё в медном веке (IV–III тыс. до н.э.) здесь, от среднего течения Днепра до склонов Восточных Карпат процветала Трипольская культура. Средняя плотность населения в долине Днестра составляла 10–20 чел/км². Затем на эти земли пришли геты, киммерийцы, скифы, сарматы и готы. Появляются существенные визуальные изменения ландшафтов края – на «мысах» над излучинами рек строятся гетские городища, в степях на днестровских террасах насыпаются скифские курганы, между Днестром и Прутом сооружаются Трояновы валы. В низовьях Днестра, в VI–V вв. до н.э. закладываются греческие полисы и фактории – город-государство Тира и торговый пункт вблизи села Чобручи. Таким образом, регион на протяжении нескольких тысячелетий находился на стыке кочевых и земледельческих цивилизаций (Кишлярук В.М. Динамика взаимодействия природной среды и населения нижнего Приднестровья в VI−II вв. до н. э. // Причорноморський екологічний бюлетень: науково-практичний журнал / Одеський центр науково-технічної та економічної інформації. Одеса, 2005. № 3/4 (17−18) С. 268–275). В IV−VII вв. через долины Днепра, Южного Буга, Днестра и Дуная прокатились волны Великого переселения народов, вызванного «усыханием» Центральной Евразии. Природная обусловленность данного маршрута очевидна – через «сифон» (с греч. «трубка, узкое горло») между Карпатами и Чёрным морем пролегает наиболее удобный маршрут к плодородным равнинам Европы. Затем в регионе наступает длительный период климатического оптимума, сопровождающийся интенсивным заселением и освоением края. Днестровско-Карпатские земли подвергаются первоначально славянской, а позднее молдавской колонизации. Согласно средневековым хронистам Иордану и Прокопию, протославянские племенные союзы антов селились к востоку от Днестра, а склавины – к западу. Позднее их место заняли племена уличей и тиверцев. Древнерусские летописи среди края отмечают лесные и степные пожары, сильные морозы и засухи, наводнения, эпидемии чумы. Окружающая среда формировала особый этнопсихологический тип поведения населения, формирующийся на широкой равнине. Однако в силу слабой освоенности территории воздействие человека на ландшафты региона было локальным и эпизодическим. Важной контактной зоной земледельческой культуры восточных славян с кочевыми народами Причерноморья был ру-

беж леса и степи. Днестр «пронизывал» её с севера на юг, создавая тем самым благоприятные условия для развития связей между горными и равнинными районами (Фоменко В.Г. Днестр как геоисторический и геополитический рубеж в университетском курсе исторической географии // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXV Междунар. науч. конф. М., 2013. Ч. II. С. 576–579; Кишлярук В.М. Природная среда как фактор развития земледелия и скотоводства в Нижнем Приднестровье во второй половине I тыс. до н.э. Кишинев, 2004. Т. 2. С. 217–240). С наступлением в XIV–XVI вв. так называемого «малого ледникового периода» климат стал более сухим и холодным, что привело к сдвигу природных зон на юг, к черноморскому побережью. На мощном известняковом фундаменте, благодаря тёплому климату, быстрому формированию перегноя, слабому вымыванию органических останков сформировались плодородные чернозёмные почвы. Растительный и животный мир долины Днестра формировался в пределах трёх природных зон: в верховьях реки – лесная, в среднем течении – лесостепная, в нижнем течении – степная. Ближе к XVIII в. антропогенная нагрузка на ландшафты возрастает – плотность населения увеличивается до 50–60 чел/км^2, степная целина распахивается, дубравы вырубаются, истребляются многие типичные представители животного мира лесов – тур, зубр и медведь. С приходом на берега Днестра Российской империи воздействие человека на окружающую среду увеличивается и принимает более планомерный характер. Для исторической географии края начало нового периода в заселении и хозяйственном освоении важно с точки зрения получения более достоверной естественнонаучной информации об изменениях антропогенных ландшафтов.

А.А. Фролов (Москва)

Подклейка к грамоте 221 (АСЭИ. Т. 1): «новый» хозяйственный документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря

Под № 221 в т. 1 известного трехтомника издана «жалованная тарханная, несудимая и оброчная грамота великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиева монастыря игумену Мартиниану на сс. Шухобалово и Микульское, в Суздальском у.». Грамота плохой сохранности, была подклеена в нескольких местах. При подготовке к публикации И.А. Голубцов обнаружил на бумаге одной из подклеек текст, в связи с чем она была отделена от грамоты, а текст опубликован в виде приложения. В примечании указано, что это «писанный некрупным, архаизированным под устав почерком отрывок росписи оброков с троицких деревень, весьма интересный как по составу оброка, так и по применявшимся единицам измерения; лоскут вырезан из столбца несколько косо, поэтому верхние и нижние строки оказались срезанными наискосьׅ» (АСЭИ. Т. 1. С. 157).

Текст документа по АСЭИ: «керби лну. А[с...пшени]||ци, деж(а) хмел(ю), полот(ь). А с Бармина...||деж(а?) пшеници, деж(а) хмел(ю), кербь лню, полот(ь). А с Корнилов(а)||2 деж(и) ржы, 2 деж(и) овса, деж(а) пшениц(и),

деж(а) хмел(ю), полот(ь), пяток||лну. А с Марков(а) полтин(а). А с Малог(о) Дунилов(а) 5 бел. А с Чер||ноусова 2 деж(и) ржы, 2 деж(и) овса, [деж(а)] пшеници, 2||полти. А с-Ыванисова 6 деж ржы, 6 деж овса, 3||деж(и) пшеници, 3 деж(и) хмел(ю), 3 полти, 3 керби лну. А с А||ркатовьския деревни взят пят(ь) бел и за пят(ь) денги взят. ||А с Сивцева взят полтор(а) пуд(а) масла. А с Вел(ь)ядова 11 ||овчин, а зя пят(ь) денги взят. А с Яковцов безмен ||масла, а половин(а) пуста. А с Куракин(а) 17 бел. А с Кузе||мкин(а) 5 бел. А с Подики 4 белки. А ж Жижнеев(а) полпуд(а) масла...келарев грамот. А з Гузулин(а) 13 бел. А с трет.||...бел погорел...».

Издатели соотнесли топонимы из этого текста с названиями троицких деревень на рр. Шексне и Воре, в Радонеже, Новоторжском, Солигаличском, Переяславском и Бежецком уу. Именно на этом основана их датировка текста: некоторые из деревень монастырь получил еще в 1430-40-х гг., другие упоминаются в монастырских актах 2-й пол. XV в. Три позднейших даты – 7047, 7055 и 7082 г. (младшая дата относится к д. Оркатьева в Бежецком у.).

Не настаивая на надежности отождествления, издатели отметили, что «указанные сведения предостерегают от слишком ранней датировки найденного отрывка, хотя он и писан весьма архаизированным почерком; такой почерк мог принадлежать м(онастыр)скому писцу богослужебных книг, посаженному за писание хозяйственной документации. Поэтому датируем пока данную роспись примерно 2-й половиной XVI в.» (С. 158).

Несмотря на всю условность предложенной атрибуции, в историографии она была принята, кажется, безоговорочно (Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 231; Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (По архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004. С. 295), фигурируя иногда и как факт бытования архаичных явлений еще во 2-ой половине XVI в. (Хорошкевич А.Л. Торговля великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963. С. 66).

Версия о том, что в недрах огромного монастырского хозяйства возник документ, объединивший в 15-ти строчках оброки с нескольких деревень (1–3 двора) со всех концов Руси, кажется странной. Легко отказаться от нее позволяют результаты локализации селений и пустошей Бежецкого Верха по книге письма и меры Д.П. Свечина 1627–1629 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 24. Ч. 1). Большинство селений из подклейки компактно располагается в троицкой вотчине вокруг с. Присеки (в основном к северу и западу от села) Городецкого уезда (локализованы топонимы Бармино, Икорниково, Марково, Иванисово, Сивцово, Венядово, Куземкино, Жизненка писцовой книги; чуть в стороне, на границе троицкой вотчины с землями других владельцев, в Каменском стане находится д. Оркатьево; пока не локализованы, но описаны здесь же, в Городецком стане, Дунилово, Яковцово, Куракино, Подойка, Гузулино). Согласно той же книге, все перечисленные пункты монастырь

получил по грамоте великого князя Дмитрия Юрьевича 6949 г. (Кн. 24. Л. 432) – за исключением д. Оркатьево, которая является дачей Паисия и Василия Мичуриных 7082 г. (Кн. 24. Л. 927об.).

Случаи неоднократного перехода земель от светского владельца монастырю и обратно - с последующим возвратом монастырю - известны (напр., с. Присеки с деревнями (Назаров В.Д. О проездном суде наместников в средневековой Руси // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 84–92)). Едва ли поэтому упоминание д. Оркатьево в подклейке - достаточное основание для датировки. Важнее почерк, который издатели определяли как архаизированный, явно пытаясь примирить свою датировку с обликом документа. Л.В. Мошкова определила его как книжный полуустав XV в., по мнению А.А. Турилова, он, вероятнее всего, относится к середине XV в., но не позднее 1470-х гг. Итак, для подклейки грамоты № 221 (т. 1 АСЭИ) был использован лист с перечнем дохода с деревень в пользу монастыря, составленным вскоре после пожалования Троице с. Присеки великим князем Дмитрием Шемякой. Такой же формат имеют данные о денежном, хлебном и мелком доходах в новгородских писцовых книгах рубежа XV–XVI вв.

Прежде мне приходилось обосновывать тезис о том, что «данные о доходе» из этих книг имеют происхождение, отличное от сведений о населении, экономических показателях (высев хлеба, копны сена) и тяглоспособности крестьянских хозяйств. «Данные о доходе» включались в текст государственных описаний при конфискации земли у вотчинника (Фролов А.А. Источники ретроспективной информации писцовой книги новгородской Деревской пятины конца XV в. (сведения о доходах) // Очерки феодальной России. Вып. 14. М.; СПб, 2010. С. 227–262). Подклейка к грамоте 221 представляет те же сведения из архива вотчинника и подтверждает сделанный ранее вывод.

С.И. Хазанова (Москва)

«Смерть Авраама» в сборниках XVI в.

Апокриф «Смерть Авраама» переведен у южных славян предположительно в XIII в., примерно в то же время он появился и на Руси. А.И. Яцимирский перечислил 22 списка этого памятника (Яцимирский А.И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Пг., 1921. Вып. 1. С. 93–99). Некоторые списки апокрифа были опубликованы Н.С. Тихонравовым по рукописи из собрания Троице-Сергиевой Лавры (Ф. 304/I) № 730 (Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. СПб, 1863. С. 79–90), П.А. Лавровым (Апокрифические тексты // СОРЯС. Т. 67. № 3. СПб., 1899. С. 1–162) и др. Содержание апокрифа об Аврааме вкратце следующее: Бог посылает архангела Михаила за душой Авраама, Аврааму дают возможность вознестись в земном теле на небо и судить грешников. Испуганный немилостивым судом Авраама, Бог прика-

зывает архангелу Михаилу отправить его обратно домой. Потом смерть приходит опять к патриарху в прекрасном облике, Авраама погребают.

Славянский апокриф представляет собой перевод краткой редакции греческого текста (The Testament of Abraham. Cambridge,1892. V. 2. 166 p). Греческий перевод в целом близок славянскому тексту, но в славянском апокрифе упоминается о трех яблоках, которые господь подал Аврааму и упоминание о которых отсутствует в оригинале. Пока неясно, что означают эти три яблока. В одном из списков добавлено, что ангелы «несоша душю душю его на небеса къ Богу на покой въ векы» (Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 90). В греческом тексте душу Авраама на небо доставляет архангел Михаил (The Testament of Abraham. P. 118). Сказание о смерти Авраама содержится и в некоторых списках Палеи. В этом отношении показателен сборник XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры (ОР РГБ. Ф. 304/I. № 794. Л. 240–246). Помимо «Смерти Авраама» в этом сборнике читаются покаянные молитвы, слова св. Ефрема о втором пришествии, слова св. апостолов о Великом Посте, слово Палладия мниха о втором пришествии и о страшном суде. Таким образом, интересующий нас апокриф помещается в один ряд с сочинениями, так или иначе трактующими темы смерти и загробного мира.

Из всех списков апокрифа к греческому оригиналу ближе всего список, опубликованный Н.С. Тихонравовым. В нем архангел Михаил тоже перенес Авраама на реку, азываемую «Океан»: «И прииде Михаил, и взя Авраама с телом на облацех и несе его на реку, нарецаюцу Окианъ» (Тихонравов Н.С. Указ. соч. С. 84). И в греческом оригинале, и в списке Тихонравова совпадает и последовательность «казней» для грешников: огонь, разверзлась земля, растерзали звери в пустыне. В южнославянском сборнике, опубликованном П.А. Лавровым, последовательность «казней» несколько иная: звери, земля, огонь. Кроме того, в этом сборнике рассказывается еще об одном наказании, о котором ничего нет в других списках: Авраам увидел человека, «душу свою погоублеюща за добыти ради». Авраам сказал: «да расыплетсе неко и прьсть» (Лавров П.А. Апокрифические тексты. С. 81). Этот же эпизод с последней казнью находим и в сборнике XVI в., содержащем также Измарагд (ОР РГБ. Ф. 304/I. № 794. Л. 245). В списке Тихонравова на просьбу Авраама показать свой истинный облик смерть предстала перед ним, как и в греческом апокрифе, с многочисленными змеиными головами (Тихонравов Н.С. Указ. соч. С. 89). В этом списке, в отличие от других, нет упоминания и о трех яблоках. Возможно, список представлял собой первоначальный перевод апокрифа, а другие списки являются уже его переделанными вариантами.

К.С. Худин (Москва)

Самая ранняя роспись служащих аптекарского приказа (1618/19 г.): источниковедческое исследование

Самая ранняя «Роспись…» сохранилась в составе дела о создании, т.н. «Осадного списка», и ранее не публиковалась. 20 сентября 1618 г. войска Владислава подошли к столице и встали лагерем в Тушино, а через 10 дней предприняли попытку штурма Москвы (Осадный список 1618 г. / Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. Т. 8. М., 2009. С. 5). «В 127-м году после королевичева отходу ис под Москвы, как по государеву указу велено изо всех приказов всяких чинов людей, которые в королевичев приход сидели на Москве в осаде, приновить в Розряд имена. *И из Оптекарского приказа прислана роспись дохтуром и оптекарем и всяким людем того чину, и в той росписи Вялица Потемкин написан* (курсив мой – *К.Х.*)» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 8. Л. 86. Цит. по: Осадный список. С. 10).

Среди лиц, получивших право на получение вотчин по челобитным, но не упомянутых в т.н. Осадном списке, фигурируют несколько лиц, служивших в Аптекарском приказе. «Список» составлялся с осени 1618 (вскоре после снятия осады) по июль 1619 г. Те, кто подали прошения после составления списка, видимо, в него не попали (Осадный список. С. 10–12, 18, 45).

Те же, однако, кто подал челобитные, по всей вероятности, вотчины получили. Так, Кашпир Давыдов-Циммерман (РГАДА. Ф. 233. Д. 661. Л. 11об.; Ф. 143. Оп. 2. Д. 102в) получил вотчину в Костромском у., Кубанской вол. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 210. Л. 1490об), дети аптекаря Захарьи Миколаева – Яков и Иван – в Ярославском у., Городском ст. (РНБ. ОР. F. IV. № 529. Л. 207 об.), а Потемкин – в Вологодском у.: в Городском ст. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. № 14718. Л. 849 об.) и в Кумзерской вол. (Там же. Л. 141, 217 об).

Рассмотрение челобитной Потемкина относится к 1624/25 г. Первую – он подал «на Преображеньев день» 6 августа 1620 г., «за пометою дьяка Гаврила Богданова». Сначала ему было отказано в переводе поместья в вотчину, т.к. «за ним» «поместьица не было», но было велено «дать вотчину» «как за [ним]…поместейце будет». Когда у него появилось поместье в Вологодском у., он подал новую челобитную в сентябре 1624 г. (Ф. 210. Оп. 9. Д. 8. Л. 195, 196, 198). 5 сентября 1624 г. ее подписал думный дьяк Федор Лихачев (Там же. Л. 9). Жалованная вотчинная грамота царя Михаила Федоровича «на жеребьи дд. Чебаково и Чашниково в Городском ст., дд. Горка, Плесниха в Шапенском ст., дд. Горка (Тетеревиха), Ошурково (Федотково) и Мартыниха (Прониха) в Вазленском ст. Вологодского у.» датирована 28 февраля 1628 г. (Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / Авт. и сост. А.В. Антонов, В.Ю. Беликов, А. Берелович, В.Д. Назаров, Э. Тейро. М., 2010. С. 130).

Ссылаясь на свою «братью», Потемкин указывает, что вотчины были даны «моим товарищам Спиридону Тиманову и Гордею Мандрыкину» (Ф. 210. Оп. 9. Д. 8. Л. 196). Это упоминание заслуживает особого внимания и указывает на статус Аптекарского приказа в начала 1620-х годов. Оба по-

дьячих служили в дворцовом ведомстве: Спиридон Тиманов – в Мастерской палате и Постельном приказе (1618/19-1623/24 гг.) (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 512), Гордей Мандрыкин – в Оружейной палате (1613–1621 гг.) (Там же. С. 316–317). Н.Ф. Демидова не фиксирует этих подьячих, т.к. рассматривает период после 1625 г. Это упоминание разрядной документации, не отмечено и у С.Б. Веселовского к тому же, это расширяет хронологические рамки деятельности указанных лиц в сторону более позднего времени. Очевидно, что и Аптекарский приказ воспринимался как часть Дворца.

Примечательно упоминание иконописцев и травников в числе чинов Аптекарского приказа. 30 сентября 1618 г. по памяти за приписью Потемкина было выдано жалованье иконописцам Прокофию Чирину, Ивану Паисеину, Степану Михайлову, Осипу Полпееву, Бажену Савину, Григорию Ржевитину, Богдану Паисеину, Ивану Герасимову, знаменщику Федору Басову, провильщиком кормовым иконникам Якиму Гаврилову, Прокофию Ярцову, Афанасию Степанову, Степану Истомину. «А пожаловал государь их за то, что знаменовали они житие книгу Сергия Чюдотворца» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 204. Л. 46–46 об. *За предоставленный материал выражаю особую признательность Д.В. Лисейцеву*). По всей видимости, указанные иконописцы состояли в Аптекарском приказе.

Согласно памяти из Серебреной и Оружейной палаты в Казенный приказ от 5 декабря 1621 г. подьячему «обтекарского и иконного приказу» Потемкину «за писмо столовой избы, за подволоку и из образные за многие починки и за постелнию комнату за писмо» велено было выдать «камку доброю» с Казенного двора (Ф. 396. Оп. 1. Д. 585. Л. 3). 7 декабря за «столовой избы за подволоку и постелной комнаты и за подволок[у и] за писмо» был пожаловано «суконцо» травнику Луке Трофимову (Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. М., 1895. С. 178.): «6 аршин сукна [рол…ского] (*неразборчиво, часть листа утрачена – К.Х.*) по гривне аршин». Вероятно, именно он упоминается в числе служащих Аптекарского приказ, находившихся в 1618 г. в осажденной Москве (Ф. 210. Оп. 9. Д. 8. Л. 355). А.И. Успенский, цитируя приведенный выше документ, полагает, что Потемкин «получил от царя камку добрую» так сказать, «для себя». Однако, из приведенного следом документа видно, что ткань была передана Луке Трофимову, который и осуществлял непосредственно работу. К тому же, в указателе В. Потемкин записан среди иконописцев, что, безусловно, является ошибкой, хотя в словарной статье он и указан подьячим. Это не следует относить к опечаткам, т.к. алфавитный указатель разделен на несколько частей, и В. Потемкин упоминается именно среди иконописцев и художников (Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII в М., 1913. С. 221, 388).

К сожалению, иные служащие, кроме врачей, подьячего и толмача – не указаны в этой росписе поименно. Известна лишь их численность: 2 доктора,

2 аптекаря, толмач, подьячий, 6 лекарей, 2 истопника, 4 сторожа и 9 иконников и травников. Таким образом, в приказе служило не менее 27 человек.

С.В. Цыб (Барнаул)

Елена Ивановна Каменцева и развитие историко-хронологического знания

Каждая наука начинается с основ. В 30–40-е гг. XX в. в нашей стране создавались основы изучения и преподавания вспомогательных исторических дисциплин, они создавались в Московском историко-архивном Институте, и одним из активных участников этого процесса была выдающаяся исследовательница и преподаватель Елена Ивановна Каменцева (1920–2004). Ее заслуги еще должны стать объектом глубокого историографического исследования, но знакомство с ее работами в области исторической хронологии и опыт личного общения позволяют нам оформить некоторые выводы.

К моменту начала работы Елены Ивановны на кафедре вспомогательных дисциплин МГИАИ здесь были изданы два учебных пособия по хронологии (Устюгов Н.В., 1939; Черепнин Л.В., 1944), каждое из которых имело и преимущества, и недостатки. Оба они вскоре стали библиографической редкостью, и недостаток в учебной литературе не могли восполнить редкие периферийные издания (Корчмарь Я.И., 1955). Огромной заслугой Е.И. Каменцевой стала подготовка и публикация новых учебных пособий, первое из которых, названное в подзаглавии «справочным» (Каменцева Е.И., 1960), было ориентировано на внутренние потребности института, но другое приобрело статус пособия общесоюзного уровня и было выпущено издательством «Высшая школа» (Каменцева Е.И., 1967). Этот учебник, обобщивший все известные к тому моменту достижения научного историко-хронологического знания, воспитал множество любителей и знатоков этой дисциплины, в том числе и автора этого доклада. Совсем не случайно, учебник стимулировал появление большого количества хронологических книг научно-популярного содержания (Буткевич А.В., Зеликсон М.С., 1969; 1984; Селешников С.И., 1970; 1977; Володомонов Н.В., 1974; Szymańsky J., 1983; Климишин И.А., 1985; 1990; Хренов Л.С., Голуб И.Я., 1989; и др.), каждая из которых содержит прямые ссылки на сочинение Е.И. Каменцевой. Совсем не случайно, он послужил образцом для появления последующих учебных пособий по хронологии (Ермолаев И.П., 1978; 1980; Ермолаев И.П., Ермолаев А.И., 2004; Пронштейн А.П., Кияшко В.Я., 1981; Иванова Н.П., Цыб С.В., 2003; 2008; Спеціальні історичні дисципліни, 2008;), и каждое из них в библиографическом списке содержало ссылку на пособие Е.И. Каменцевой. При этом, Елена Ивановна внимательно следила за этим процессом и своевременно откликалась содержательными и доброжелательными рецензиями (Каменцева Е.И., 1982). И не случайно, наконец, этот учебник удостоился того права, которое даруется редким пособиям: он был переиздан в 2003 г., сопровождаясь при этом такими словами: «…Факт остается фактом. Самым

популярным вот уже у которого поколения будущих историков во всех концах России было и остается скромное пособие, на котором написано: “Е.И. Каменцева. Хронология”» (Данилевский И.Н., 2003).

Будучи опытным преподавателем, Е.И. Каменцева старалась преобразовать теоретические знания студентов и слушателей в практические навыки владения методикой изучения вспомогательных дисциплин. Об этом единогласно свидетельствуют воспоминания многих поколений ее учеников и разработанные ею многочисленные учебно-методические пособия, например, такой как «Сборник задач и упражнений по метрологии и хронологии» (М.: РГГУ, 1991). Автор этого доклада без стеснения признается в том, что многие учебно-методические идеи Е.И. Каменцевой были использованы и развиты им в процессе преподавания предмета «Историческая хронология» в Алтайском государственном университете, о чем свидетельствуют многочисленные рабочие программы, учебно-методические комплексы и др. материалы, изданные в 1995–2015 гг.

Являясь преподавателем и активным пропагандистом историко-хронологических знаний, Е.И. Каменцева не оставалась в стороне от разработки конкретных научно-исследовательских вопросов этой дисциплины. Главной областью ее научных интересов была проблема особенностей введения григорианского календаря в России. В 1969 г. в ежегоднике «Вспомогательные исторические дисциплины» она опубликовала результаты своих исследований о причинах и обстоятельствах принятия ленинского декрета 1918 г., вводившего новый календарь (Каменцева Е.И., 1969), а позже в журнале «Отечественные архивы» появилась ее статья о смелой попытке одного из ученых 20-х гг. XX в. воспротивится календарной реформе советской власти (Каменцева Е.И., 1996).

Всегда Елена Ивановна следила за новыми открытиями и идеями в области исторической хронологии. Мне самому довелось быть свидетелем ее длительной и содержательной беседы с профессором Р.А. Симоновым (1988 г.) о проблемах пасхального времяисчисления в Древней Руси и о роли новгородского монаха Кирика в его развитии. Не удивительно, что в итоговой книге о хронологических заслугах Кирика Р.А. Симонов, крупнейший знаток древнерусского пасхального счета, ссылается на работу Е.И. Каменцевой (Симонов Р.А., 2013, с. 378). Всегда буду помнить и следовать словам Елены Ивановны, высказанными ей в качестве оппонента диссертации автора этого доклада: «Необходимым условием исследования исторических источников является определение, уточнение и проверка дат событий, сообщающихся в них, – и датировка самих источников…, что представляется крайне важным в обстановке современного достаточно невежественного отношения к датам».

Каждое новое поколение ученых обязано помнить и чтить своих предшественников. Призываю всех признать, что Елена Ивановна Каменцева была одним из выдающихся основателей, распространителей и руководителей развития научного хронологического знания в нашей исторической науке.

Д.О. Цыпкин (Санкт-Петербург)

Древнерусские рукописные каллиграфические пособия как источник для формирования методологии исторического почерковедения

В изучении истории русского письма материал каллиграфических пособий, начиная от «азбук фряского письма» и азбук-прописей XVI–XVII вв. и заканчивая современными прописями, ещё далеко не полно использован специалистами. Существующий опыт обращения к этим источникам, как при подготовке сводных работ по палеографии, так и в изучении отдельных этапов развития русского письма не исчерпывает их источникового потенциала. Что касается древнерусской письменности, то здесь пособия имеют особое значение, так как они могут сыграть ключевую роль при разработке методологии историко-почерковедческого исследования. Однако с такой точки зрения эти памятники до настоящего момента не рассматривались.

Проблема функциональной типологии древнерусских каллиграфических пособий также пока ещё остается фактически не разработанной и требует специального исследования. Большая их часть, безусловно, имеет учебный характер. Существовали и своеобразные своды образцов, создаваемые профессионалами для профессионалов. Кроме того некоторые из этих памятников могли возникнуть как своеобразная демонстрация уровня писца – доказательство его соответствия высоким профессиональным требованиям (предположение Л.В. Мошковой).

Одним из наиболее ранних, если не самым ранним сохранившимся древнерусским каллиграфическим пособием является завершенный в 1604 г. Книгописный подлинник или «Азбука фряская» (как обозначили рукопись в описи 1620 г.). Этот документ, хранящийся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (ф.115. № 169), не раз привлекал внимание исследователей (см., например: Карский Е.Ф. Славянская кирилловксая палеография Л., 1928. С. 182, 454, 455; Маркелов Г.В. Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003. С. 684–699; Анисимова Т.В. Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е годы XVI – начало XVII в.) // От Средневековья к Новому времени: Сборник статей в честь О.А. Белобровой. М., 2006. С. 587–608; Парфентьев Н.П. Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых (1580–1630-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014 Т. 14. № 3. Челябинск, 2014. С. 56–57; Конакова А.Д., Цыпкин Д.О. «Азбуки фряские» в истории русской каллиграфии (к постановке проблемы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 3 (61). Сентябрь 2015. М., 2015. С. 56–57). Однако как памятник искусства письма он ещё мало изучен. Рукопись представляет собой сборник образцов – своего рода профессиональный графический «тезаурус» – писца и оформителя древнерусских книг. В том числе, её можно рассматривать в качестве своеобразного каллиграфического «трактата», который, хотя и не содержит какого-либо теоретического текста, но

самой своей организацией и графическим содержанием описывает систему книжного письма, сложившуюся в Московском государстве к кон. XVI в.

Этот сборник наглядно отражает состав и структуру индивидуального письменного опыта древнерусского книгописца-профессионала, что делает его особо ценным для формирования методологической базы исторического почерковедения. Источники такого рода предоставляют уникальные данные для выделения и описания категорий, характеризующих понятие почерка применительно к древнерусскому письму. Важнейшими из этих категорий являются *манера письма* и лежащая в её основе *шрифтовая модель* (Цыпкин Д.О. Проблема разработки единой методологической системы идентификации пишущего в изучении древнерусских рукописно-книжных памятников (на материале Софийского, Кирилло-Белозерского и Соловецкого собраний ОР РНБ) // История и культура. Вып. 11 (11). Статьи. Исследования. Сообщения. СПб., 2013. С. 225–242). На примере работы основного писца рукописи СПбИИ (Федора Сергеевича Басова) мы можем оценить представления о шрифтовых моделях книжного письма, существовавшие у московских каллиграфов в кон. XVI – нач. XVII вв. Каллиграфические опыты Басова дают основу для объективного анализа этих *моделей* в системе единого *почерка*, понимая под почерком *привычный образ действия пишущего при выполнении рукописей, который находит свое материальное выражение в письме рукописного документа* (тогда как для *манеры* более всего подходит определение, используемое в современном судебном почерковедении для почерка: «основанная на функционально-динамическом комплексе письменно-двигательных навыков и отображаемая в рукописи итоговая программа их выполнения, содержащая зрительно-двигательный образ выполняемой рукописи и специально приспособленную для его реализации систему движений» − Рубцова И.И., Сысоева Л.А., Коршиков А.П., Ермолова Е.И., Безрукова А.И. Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз. М., 2008. С. 16). В нашем памятнике самим писцом продемонстрировано четыре манеры письма (полууставные и скорописная). Три из них представлены в форме алфавитов, состоящих из глифов строчных букв, что позволяет «непосредственно» изучать шрифтовые модели, лежащие в основе этих манер, рассматривая эти модели как целостные системы, определяя взаимосвязи и взаимозависимости в построении различных письменных знаков, относящихся к одной модели, определяя закономерности (внутреннюю логику) и эстетические принципы построения знаков. Что касается скорописной манеры, то она представлена в форме, характерной для азбук-прописей, то есть в виде отдельных комплексов всех возможных вариантов написания для каждой буквы алфавита.

При интерпретации наблюдаемых в рукописи *манер* использовались результаты экспериментального изучения древнерусского письма, проводившегося с помощью профессиональных каллиграфов (художников-шрифтовиков), специализирующихся на работе с историческими формами

кириллицы и имеющих соответствующую письменную практику.

Сопоставление шрифтовых моделей друг с другом и анализ характера их реализации на письме дают объективные основания для разработки системы общих и частных идентификационных признаков почерка в русском докурсивном письме.

В.Г. Ченцова (Париж, Франция)

Новые римские источники о «бусурманстве» Арсения Грека

Одним из самых видных сотрудников московского патриарха Никона в проведении церковной реформы был Арсений Грек, жизни и деятельности которого посвящены многочисленные публикации. Появившиеся в последнее время новые материалы о его семейных связях и биографии вызвали новый всплеск интереса к этому персонажу. «Учитель» и книжный справщик, Арсений Грек несколько лет занимался на московском Печатном дворе переводом греческих текстов (в том числе, изданных в опубликованных в 1655–1656 г. «Скрижали», «Требнике», а также в «Анфологионе» 1660 г.). О влиятельности Арсения ходили легенды, и даже знаменитая поездка троицкого келаря Арсения Суханова на Афон в 1653–1655 г. за древними рукописями, как считали некоторые современники, была осуществлена по совету Арсения: «А греческия книги посылал покупать, научен от иноземца, чернца Арсения грека...». Не случайно именно Арсения Грека старообрядцы обвиняли в никоновской «порче» книг и даже в колдовстве, поскольку он, очаровав Никона, предсказал, будто тот вскоре займет патриаршую кафедру.

Важнейшие известия о бурной жизни сподвижника Никона содержатся в следственном деле Арсения Грека 1649 г., проведенном боярином князем Н.И. Одоевским и думным дьяком Михаилом Волошениновым, в то время – главой Посольского приказа. По окончании короткого расследования Арсений был сослан в Соловецкий монастырь, где пробыл около двух лет. Из допроса греческого иеромонаха стало известно, что он происходил из семьи священника, служившего «города Трикала в великом Новом селе»; с помощью старшего брата, архимандрита Афанасия, ему удалось отправиться учиться в Венецию, Рим и Падую, после чего, вернувшись на родину, он был пострижен в монахи и рукоположен в священники. Затем Арсений начал свою преподавательскую карьеру: вначале учил сына некоего «великого человека» в Константинополе, а позже, уехав вначале в румынские земли, а спустя чуть более двух лет – в Речь Посполитую, собирался устроиться преподавателем в Киеве. Из Киева в свите иерусалимского патриарха Паисия Арсений прибыл в русскую столицу, также как предполагалось, для преподавания и переводческой деятельности.

Во время проводившихся допросов Арсений намеревался скрыть самый скандальный факт своей биографии – обращение в ислам, но был поставлен своими обвинителями перед фактом, опиравшемся на свидетельские показания: «Ведомо государю учинилось подлинно, что он, Арсеней, был униятом

и, оставя чернечество и ерейство, был бусурманом, а из бусурманства был в униятстве ж, и он бы ныне про то сказал вправду» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1649 г. Д. 33. Л. 1–8). На это утверждение Арсению пришлось признаться, что, и в самом деле, попытка константинопольского патриарха Парфения I поставить его на епископскую кафедру Модона и Корона привела к его аресту и пыткам из-за подозрений, что он, долгое время пробывший в Венеции, пожелает сдать города венецианцам: «И старец Арсеней говорил прежние свои речи, что он не бусурманен, а то де было, как был во Царегороде патриарх Парфеней, и в то де время тот царегородцкой патриарх, знаючи отца его и племя и ведая то, что он природной греченин, жалуя его, хотел его поставить епископом над двемя епископии, Мофтонским и Коронским. И как де про то учинилось ведомо везирю, что он был в Винищее многое время, и, будто, он привез с собою многую казну, и у патриарха на ту епискупию подкупился для того, чтоб ему с теми епискупиями приложитца к винищеяном. А в то де время у винищеян с турским салтаном зачиналась война, и ево де, Арсенья, имали к везирю, и было ему истязанье многое, и платье с него и камилавку снимали и чолму на него клали и вкинули его в тюрьму» (Там же. Л. 8–9).

Отрицание «бусурманства», впрочем, ни к чему не привело: настойчивые следователи твердо знали, что Арсений был именно «бусурманен», а не просто заключен в тюрьму и переодет в «чолму», причем эти сведения русский двор получил непосредственно от его предыдущего патрона – иерусалимского патриарха Паисия. Арсению пришлось признаться, что «бусурманен де он неволею», но уже давно совершил покаяние, был «исправлен в вере» и получил разрешительную грамоту от самого же иерусалимского святителя, позволившего ему церковное служение.

За последнее время помимо этого важного архивного досье 1649 г. и его копии, сделанной в 1666 г., давно ставших основой для изучения жизни сподвижника патриарха Никона, к сведениям о биографии самого Арсения и его семьи был добавлен целый ряд новых документов. Поскольку Арсений в молодости долгое время прожил в Риме и Венеции, можно было предположить, что в итальянских архивах сохранились какие-то свидетельства об этом пребывании. Публикации исследований об истории греческой Коллегии св. Афанасия в Риме и ее учениках З. Цирпанлиса позволили Х. Ласкаридису сделать существенный шаг вперед в изучении биографии Арсения Грека. Греческий ученый отождествил известного по многочисленным русским документам Арсения с Аргирием Ангелакием Ризиотисом, сыном священника Ангелоса и Маргариты из Неохориона, расположенного в диоцезе Трикалы (Argyrius Angelachius, Risioti / Mega), упоминающимся в документах об учащихся Коллегии св. Афанасия. Дальнейшие поиски привели к выявлению в архиве римской Конгрегации пропаганды веры новых данных, относящихся к биографии Арсения-Аргирия, окончательно подтвердивших гипотезу Х. Ласкаридиса. Они содержатся в письмах Пантелей-

мона (Паисия) Лигарида – еще одного грека, не менее известного в России, чем Арсений, и также оказавшего существенное влияние на Русскую церковь эпохи никоновских реформ.

Пантелеймон Лигарид, как звали Паисия до пострижения в монахи и рукоположения православным иерусалимским патриархом Паисием в газского митрополита, также как Арсений долгое время учился в Риме. Блестящий богослов и проповедник, он был рукоположен в священники униатским киевским митрополитом Рафаилом Корсаком по греческому обряду и в 1641 г. вернулся на родину. Приехав в Константинополь он предполагал сделать церковную карьеру и начать служение делу преодоления схизмы Восточной и Западной церквей. Здесь же, в османской столице, ему пришлось встретиться с его бывшим соучеником по Коллегии св. Афанасия Аргирием, также мечтавшем о церковной карьере. Но эти надежды неожиданно рухнули, о чем свидетельствует письмо Лигарида главе Конгрегации пропаганды веры кардиналу Антонио Барберини, написанное в ноябре 1643 г.: «Аргирий, бывший римский студент, из монаха намеревался сразу стать епископом Модона и Корона, назанимав денег у всех и каждого. После же, будучи неспособен их возвратить, он, оказавшись в этом отвратительном положении, 19 октября внезапно отправился к визирю и обусурманился. Пишу это с тем, чтобы Вы рассмотрели возможность вернуть его к святой вере, поскольку у меня нет средств на расходы» (APF. SOCG. Vol. 170. Fol. 307r: «Argyrio, gia scholaro in Roma, pretendendo di farsi da monacho subito uescouo di Modone e Corone, s'impresto da questo et da quello alcuni denari, quali non hauendo poi da rendere, con singular disgusto all[']improuiso ando nel 19 di ottobre dal vesiri e si fece Turco. Scriuo questo accio ueda, se ui e modo di farlo ritornar alla santa fede, perche io non ho denari per spendere».).

Это известие о скандальном «потурчивании» или «обусурманивании» Аргирия подтверждает документы российских архивов, в которых излагается биография Арсения Грека, и, соответственно, позволяет считать окончательно доказанным отождествление Арсения с Аргирием, сделанное Х. Ласкаридисом. Впрочем, версия о причинах «бусурманства» в письме Лигарида явно весьма далека от того «героизированного» варианта, который Арсений сообщил московским властям.

По расчетам Х. Ласкаридиса, Арсений был в Константинополе еще в 1644 г. Письма Лигарида подтверждают эту хронологию: попытки занять денег и получить кафедру епископа Корона и Модона приходятся на 1643 г., поскольку в октябре этого года произошло скандальное обращение Арсения в ислам. Письмо же Пантелеймона Лигарида из Константинополя в Рим от 25 мая 1644 г. указывает на то, что Аргирий-Арсений все еще находился в османской столице: «Этот несчастный Аргирий, который обещал уехать отсюда, как видно, откладывает отъезд. Господь ведает, что его побуждает [медлить]». (Ibid. Fol. 74v: «Di quel miserabile Argyrio, che a portato promisse di partirsene, ma lo uedo procrastinare. Dio sii quello che l'inspiri»).

Пока остается неясным, удалось ли Арсению и его семье все-таки расплатиться с долгами, или бывшему монаху пришлось бежать из османской столицы, так и не вернув занятых сумм. Во всяком случае, он тогда же навсегда покинул свою бывшую родину, отправившись в румынские княжества, в Киев и, наконец, прибыл в русскую столицу, связав с ней свою жизнь уже навсегда.

М.С. Черкасова (Вологда)

«Свобода» и «воля» в актовых источниках XIV–XVII вв.

Вынесенные в заголовок термины имеют отношение к важным проблемам социальной истории средневековой Руси – эволюции холопства, крестьянскому закрепощению, формированию сельских и городских слобод. Отразившие эти процессы акты и законодательные памятники раскрывают их правовые, социокультурные и источниковедческие аспекты.

Термины эти употребляются как синонимы прежде всего в связи с практикой освобождения холопов. Раннее упоминание *воли* находим в духовных московских вел. князей Семена Гордого 1353 г. и Ивана Красного 1358 г.: «А что моих людей деловых… всем тем людем *дал есми волю куды им любо*» (ДДГ. № 3, 4). В духовной вел. кн. Дмитрия Ивановича 1375 г.: «… *тым дал есмь свободу*» (ДДГ. № 8). Форма *дал* указывает на устное распоряжение князя, когда отпуск холопов на волю/свободу не требовал ещё письменного оформления. В первом варианте духовной вел. кн. Василия I (1406/07 г.) свобода холопов сопрягается с глаголом «*отпущать*»: «тех всех отпущаю на свободу и з женами и з детми» (ДДГ. № 20). Начиная с духовной кнг. Елены Ольгердовны (вдовы кн. В.А. Серпуховского) 1433 г. чаще встречается форма «*слобода*» (ДДГ. № 28).

В духовных удельных князей Б.В. Волоцкого 1477 г., М.А. Верейского 1486 г., московского боярина В.Б. Тучки-Морозова 1497 г. впервые указано на выдачу холопам жалованных отпускных грамот (ДДГ. № 71, 80; АСЭИ. Т. 1. № 612). В 1470-е гг. известны приписки на духовных во исполнение просьбы завещателя об отпуске холопов (АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 301 – духовная кн. Д.И. Шелешпанского).

Тогда же образуется вид сельских и городских поселений – слобод, жители которых получали на некоторое время льготное освобождение от налогов. Так, наряду с холопьим правом, термин *слобода* отражает процессы в аграрной и городской сфере. Опубликована *жалованная слободская* грамота Ивана III двум крестьянам на черные земли в вол. Авнеге Вологодского у. 1481–1493 гг. (Рыков Ю.Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // Записки ОР ГБЛ. М., 1982. Вып. 43. С. 100–101). В самой Вологде имело место пожалование Василием III местного архиерея городской слободкой.

Оборот пожаловал-*ослободил* встречается в великокняжеских и царских жалованных грамотах крестьянам на освоение новых земель в пограничном Устюжском у. в 1530–1550-е гг. Оборот «пожаловал *ослободил*» в грамотах московских великих и удельных князей во второй половине XV в. был рас-

смотрен как показатель одного из путей формирования вотчинной формы собственности (Назаров В.Д. Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты ослобоженые» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. X–XXI вв.: Источники и методы исследования. Рязань, 2012. С. 50–58).

Е.И. Колычева отметила оформление в 1519 г. по приказу Василия III по конкретному судебному делу о холопе-посельском в Суздальском у. *слободных, или ослобоженных* грамот (Колычева Е.И. Холопство и крепостничество. М., 1970. С. 189–190) Названная «отпустной» в Судебнике 1497 г., аналогичная грамота в Судебниках 1550 и 1589 гг. определяется как *вольная*; в то же время ребёнок, родившийся до поступления человека в холопы в 76-й статье Царского Судебника – это «сын *слободный*». И если формула «*копить слободу*» в поземельной сфере указывала на усиленный приток новопоселенцев в данное место, то «*собрать слободу*» – это по сути получить деньги от выпускаемого на свободу холопа. Вкупе с долгами других лиц, упомянутых в завещаниях, это составляло для душеприказчиков сумму, годную для поминального вклада по умершему.

В духовных XVI – начала XVII в. указания на отпускные холопам становятся регулярными (АСЗ. Т. 2. № 21, 30; Т. 3. № 59, 77, 86). С начала XVII в. они уже известны текстуально (АСЗ. Т. 1. № 178; Т. 3. № 320), в них чаще говорится об отпуске холопов «*на волю* на все четыре стороны, где хотят, там пусть и живут» (более ранний вариант: «земля им разделить на 4 части»), сами же холопы называются «*людьми вольными* государя и великого князя» (с 1547 г. царя). К 1622 г. относится выявленная нами в собрании Ростовского музея-заповедника (Ф. 112. Оп. 1. № 1) *слободная память*, выданная помещиками, отцом и сыном Н.М. и Б.Н. Ярцевыми, монастырской крестьянке, выходящей замуж за их холопа. В записи давалось обещание «не окабалить» её, а в случае смерти холопа отпустить её обратно в монастырское село (Переславский у.). Память-то *слободная*, а социальная траектория «героини» в ней очерчена весьма далекая от свободы: крепостная монастыря – жена холопа – и снова крепостная монастыря. При этом разграничение между холопским и крестьянско-крепостным статусом проведено тщательно: свобода от похолопления женщине гарантируется.

Десятки отпускных выводных (с указанием размера «выводной куницы») памятей крестьянским вдовам и девкам на замужество дошли до нас за вторую половину XVII в., что объясняется требованием Соборного Уложения (ст. 19-я главы XI-й). Однако в частноправовой сфере они уже были известны в 1596–1598 гг. (АСЗ. Т. 3. № 121, 380). Выход женщин за пределы светской вотчины, поместья, монастырского или дворцового имения нередко определялся в них как выход *на волю*, иногда даже не по конкретному случаю замужества, а на будущее, просто «на все 4 стороны». Нет существенной разницы между сельским и городским населением. Вот пример: по отпускной памяти земского старосты г. Углича «с товарыщи и мирскими

людьми» 1695 г. посадская вдова выходит замуж за повара угличского Алексеевского монастыря (согласно её «зговору» с будущим мужем и челобитной к посажанам). Статус вдовы «у нас на посаде *вольный*, кроме ее двора и двух ее сынов», которые своими тяглыми обязанностями были тесно связаны с общиной (Собрание Ростовского музея. Ф. 98. Оп. 1. № 192).

Выдача памятей «*на* нашу монастырскую (вариант помещичью) дочь, крестьянскую *девку* такую-то», оттеняла статус последних именно как объектов права, на которых сложившиеся нормы вотчинно-крепостнических отношений были направлены. Клаузула с упоминанием о невступлении в крестьянку рода-племени прежнего владельца аналогична той, что активно использовалась в духовных относительно отпуска холопов на волю и в поземельных актах. Налицо явный перенос норм и холопьего, и вотчинного права на крестьянство.

Концептам же «*свобода*» и «*воля*» ещё предстояло пройти испытание временем в XVIII – начале XIX в.: от Манифеста о вольности дворянства до гражданских манифестаций Радищева и Пушкина (в их одах «Вольность»).

А.П. Черных (Москва)

О типологии «вторичных» гербовников

Общее название «гербовник» для собрания изображений или блазонов возникло в XVII в. Термин «вторичные» гербовники (в которых кодификация гербов не является основной целью создания памятника) появился в 1950 г. с целью учесть источники, которые не подходят под остальные категории.

Известные с XIII в. «вторичные» гербовники неоднородны. Среди них есть поэмы и описания турниров с гербами или блазонами в тексте, в иллюстрациях, на полях рукописи. Гербовник замка Манта – стеновая роспись с Девятью Совершенными, роман Т. Мэлори «Смерть Артура», Гербовник рыцарей Круглого Стола полны воображаемой геральдикой. «Вторичными» гербовниками являются описания гербов «Книги всех королевств и земель», 240 блазонов генеалогического трактата Жака де Амрикура «Зерцало знати Эсбе»; изображения гербов правового в основе «Саксонского зерцала». «Вторичные» гербовники литературного и нарративного происхождения незаменимы для изучения геральдической практики XIV–XV вв.

Многочисленны «вторичные» гербовники хроник: это хроника Матвея Парижского, Гербовник Гримбергской войны, Голландская хроника герольда Бавария, Гербовник Хроники Констанцского собора Ульриха Рихенталя с 1000 гербов, Австрийская хроника Конрада Грюненберга, Цюрихская хроника герольда Эдлибах, Гербовник Уорвика-Роуза.

Особняком стоят гербовники собраний трубадурской поэзии: Песенник Короля, Кодекс Манессе, Вайнгартнерский песенник.

Наряду с ними известны комплексы гербов на памятниках монументально-декоративного искусства и предметах материальной культуры. Это Гербовник потолочной росписи в Меце, Гербовник «Прекрасного дома» в Базе-

ле, Гербовник Диана́, Гербовый зал замка Равель в Клермон-ан-Оверне, Гербовник дома «Цум Лох», Гербовый фриз замка Лауф близ Нюрнберга. Гербовник Кентерберийского собора содержит около 900 гербовых щитов XIV–XV вв. на потолке клуатра. Из предметов материальной культуры упомянём ларец Людовика Святого (46 гербов), ларец-реликварий Жана де Монмирай (53 герба), столешницу из Люнебургской ратуши (38 гербов), аналогичную ей столешницу из музея Клюни (48 гербов).

«Вторичные» гербовники создавались и в Новое время: Гербовый зал Синтры; галереи портретов с гербами ректоров Коимбрского университета и портретов вице-королей Новой Испании; реликварий Братства Св. Крови в Брюгге 1617 г.; гербы, оставленные мореходами на камнях полуострова Ханко в Балтийском море и многие-многие другие.

Иногда это роскошные рукописи с десятками гербов, а иногда очень скромные. Границу между «классическими» и «вторичными» определяет то, посвящена вся рукопись именно гербам или это дополнительная информация. В пределах письменных источников типологических шероховатостей немного. Но совокупности гербов на ларцах, покрывалах, предметах костюма, в интерьерах храмов и дворцов по форме действительно далеко отстоят от классических гербовников.

Часть «вторичных» гербовников близка к гербовникам «по случаю»: дом «Цум Лох» декорирован по случаю визита короля Альбрехта I в 1305 г., гербовый фриз замка Лауф связан с визитами императора Карла IV, потолочный декор Зала Диана́ в Монбризоне призван напомнить о бракосочетании графа Жана I де Форез в 1296 г.

Некоторые «вторичные» гербовники являются одновременно институциональными, в частности, Каталог архиепископов Гнезно, Биккернский гербовник – гербы камерленго и финансовых должностных лиц коммуны Сиены на 139 крышках переплётов счётных регистров. Таков же памятник средневековой демократии Гербовник капитулов Тулузы.

Многие гербовники геральдического декора были «вновь открыты» в 1970–1990-е гг. и соотносимы по времени и географическому распространению с классическими гербовниками. На юге Франции выявлено до 120 фризов и потолочных росписей XIII–XVI вв. Учитывая, что средневековых гербовников – около 400, это означает, что «вторичные» могут расширить общее число гербовников очень значительно.

В то же время в число «вторичных» гербовников нельзя включать такие, как т.н. Гербовник боя Тридцати – поэму об эпизоде Столетней войны, где отсутствуют блазоны или рисунки, а 62 герба упомянутых персонажей воссозданы на основе известных впоследствии родовых гербов в начале XIX в. Это реконструкция, а не источник, но даже научную реконструкцию, гипотетичную по природе, нельзя отождествлять с подлинными историческими источниками – кодексами или фризами.

«Вторичные» гербовники стеновых фризов и росписей, памятников материальной культуры (ларцы, одеяния, столешницы) созданы не с целью идентификации или обозначения принадлежности объекта – в них реализуется программа, смысл которой нелегко, но в принципе возможно распознать. Всё зависит от вопроса: зачем и как мы изучаем гербовники? Исходя из этого, должны строиться и классификации, а вне задач изучения можно обойтись без всяких типологий.

Бессмысленно представлять гербовник обязательно в виде книги или свитка. Даже классические гербовники-кодексы нередко не являются самостоятельными книгами, а включены в состав более пространных компиляций. Это ничуть не мешает рассматривать их как самостоятельные гербовники. Неужели проблема исключительно в носителе? Но разница между изобразительным рядом на бумаге и изобразительным рядом на стене не столь уж велика. Так же мала разница между гербовым фризом в интерьере и геральдическим декором на ларце или ином предмете материальной культуры. В гербовнике главное – не столь сам герб, сколь его присутствие в окружении других, состав и последовательность их размещения. И если мы понимаем гербовник как таковой комплекс, то носитель может быть книгой, ризой или стеной. Важна не коллекция отдельных гербов, а их соотношения внутри любого единства, будь то репрезентативное шествие, столешница или пиршественный зал.

У полноправных в исследовательском отношении «вторичных» гербовников есть и преимущества перед гербовниками-кодексами. В декоре гербы полнее отражают замысел заказчика и его представления об иерархии гербов и визуализируемых ими лиц и сеньорий, его стремление показать властный уровень, связь с землёй, сеньором которой является. «Вторичный» гербовник оказывается в полной мере первичным источником. Цели создания «вторичных» гербовников совпадают с целями классических, при этом «вторичные» гербовники стенового и потолочного декора – более публичная репрезентация гербов, чем гербовники свитков и кодексов, которые мало кто видит. Если гербовые декоры не считать гербовниками, то они уйдут из поля зрения историков.

Когда геральдическая информация памятника выходит за пределы идентификации вещи и может быть использована в общеисторическом контексте, то такое собрание гербов вполне может изучаться наряду со всеми другими типами гербовников. Для историка нет никакой разницы между «классическими» и «вторичными» гербовниками; в любом случае это собрание гербов или блазонов, доступное приёмам и методам работы с источником.

Н.П. Чеснокова (Москва)

Неизвестный список «Слова понуждаемого» Афанасия Пателара

«Слово понуждаемое» бывшего константинопольского патриарха Афанасия (Пателара) – одно из самых ярких произведений поствизантийской литературы, известных в России XVII в. Оно было написано в Москве в 1653 г. и известно специалистам уже два столетия. Однако его источниковедческий анализ специально не проводился, хотя основные факты по истории создания этого памятника известны, как благодаря информации из самого сочинения, так и из архивных документов, освещающих пребывание бывшего патриарха в Москве. Сопоставление документов и текста произведения подтверждают авторство, название, датировку и место его создания. Произведение Афанасия Пателара сохранилось только на русском языке и в нескольких списках. А.И. Соболевский указывает на два из них: в Отделе рукописей ГИМ (ОР ГИМ. Увар. № 144 (1755), Л. 247–275) и в рукописном собрании РГБ. (РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 712, Л. 181–204 об. (Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. С. 368). Б.Л. Фонкич называет еще список XVII в. из собрания Е.В. Барсова (РГБ. Ф. 17. № 743.2), а также список, хранящийся в Герцогской библиотеке в Вольфенбюттеле (Guelf. 210.5 Extrav.), который он датирует концом XVII в. (Фонкич Б.Л. Греческое книгописание в России в XVII в. // Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003. С. 310). Описание сборника из библиотеки в Вольфенбюттеле любезно предоставлено нам С.К. Севастьяновой, исследовавшей его в связи с публикацией «Слова о мантии Паисия Лигарида» (Каптеревские чтения. Сб. ст. М., 2014. Вып. 12. С. 15–51). По ее наблюдениям, текст «Слова понуждаемого» расположен на л. 266–293 об. рукописи с филигранями «герб Амстердама» первой четверти XVIII в.

Нами обнаружен еще один список «Слова» из РГБ (Ф. 17. № 627) в составе сборника произведений старообрядца Ивана Алексеева (1709–1776) и других сочинений (Л. 330–353).

Самый ранний список второй половины XVII в. из РГБ (Ф. 17. № 743.2) имеет утраты в начале и в середине тетради, сохранившиеся листы перепутаны и пронумерованы неверно. Первоначально при нумерации листов, осуществленной, очевидно, в середине XX в., был пропущен Л. 4, а за Л. 9 следовал Л. 9а. Совсем недавно сотрудниками ОР РГБ Л 9а был заменен на пропущенный Л. 4, что, учитывая неверное расположение листов в рукописи, еще больше нарушало порядок текста. Поэтому мы придерживаемся первоначальной нумерации с пропущенным Л 4 и литерным Л 9а.

Восстановить первоначальное расположение текста XVII в. можно только при помощи более поздних списков. После изучения и сравнения всех текстов, кроме недоступной нам рукописи из Вольфенбюттеля, оказалось, что листы в тетради должны быть расположены следующим образом: 1,

1 об., 2, 2 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 13, 13 об., 14, 14 об., 9, 9 об., 9а, 9а об.,15, 15 об., 16, 16 об., 17, 17 об., 3, 3 об., 5, 5 об., 8, 8 об., 10, 10 об., 18. Всего 18 листов. Если подсчитать приблизительное количество знаков на одном листе XVII в. и сравнить его с объемом утраченного текста, получится, что в старшем списке не хватает одного листа в начале и четырех листов в середине тетради.

Выявленный нами еще один список «Слова» из сборника сочинений Ивана Алексеева писан разными почерками второй половины XVIII в. на бумаге с филигранью «Pro Patria» с литерами «АГ» (Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского производства XVII–XX вв. М., 1959. № 20 (1762–1763), водяным знаком «павлин» (Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper-Mills and their Watermarks. Hilversum, 1962. № 661–663 (1756, 1765) и др. Часть кодекса, содержащая списки послания московского патриарха Никона вселенскому предстоятелю Дионисию, «Слова понуждаемого» и грамоты иерусалимского патриарха Феофана к царю Михаилу Федоровичу, написанная одним почерком, выпадает из общей проблематики включенных в него старообрядческих произведений. Остальные известные рукописи с сочинением Пателара содержат «Проскинитарий» Арсения Суханова и иные материалы по истории связей России с Христианским Востоком.

Рукопись РГБ (Ф. 310. № 712) датируется XVIII – нач. XIX вв. Большая ее часть писана одной рукой XVIII в. (Фонкич Б.Л. Греческое книгописание в России в XVII в. С. 310), водяные знаки бумаги «Pro Patria» — как во вновь открытой рукописи РГБ (Ф. 17. № 627). Исключение составляет конец кодекса (л. 254–268), написанный на бумаге с филигранями начала XIX в. На этих последних листах присутствует текст, добавленный анонимным старообрядцем, который он приписывал Арсению Суханову. Очевидно, сборник был задуман и составлен во второй половине XVIII в. и первоначально существовал как единое целое.

Список «Слова понуждаемого» из собрания ГИМ (Увар. 144 (1755) написан в первой четверти XIX в. на бумаге с водяным знаком типа «Pro Patria» без дивиза с датой 1812 г. (отмечено С.К. Севастьяновой в указанной выше работе), а также филигранями «18...УФЛП» и «Герб Петербурга».

Все списки сочинения Афанасия Пателара из названных сборников идентичны. В них угадывается пропуск текста при описании святого источника в развалинах Влахернского дворца: «...и пребывает токмо святая ея вода, источник даже до днесь соделовает многая чудеса и безмерная, *и тамо, яко в своем дому, упокоится кивоту, соблюдаящая, и обладающее ваше великое царствие от всякаго супостата, и дарует тебе всегда одоление*» (Л. 191 об.). Здесь, по-видимому, нет слова или слов об иконе Богоматери, находящейся в киоте при источнике. Нами выявлен также абзац, стоящий не на своем месте. Фразу, которая начинается словами «*Исполненный людми, зане имать 14000 градов и весей, малых и великих, монастырей греческих благочестивых вящше нежели 60, греков множество много, от немцов же против ста ни единого*» (Л. 9),

помещенную после описания критского Лабиринта, нужно переставить в другое место, а именно, на Л. 9а в строку: «И паки Критцкий остров, токмо по болшим градом быша немцы...» (Л. 9а). Тогда получим логичное повествование: «И паки Критцкий остров, *исполненный людми, зане имать 14000 градов и весей, малых и великих, монастырей греческих благочестивых вящше нежели 60, греков множество много, от немцов же против ста ни единого,* токмо по болшим градом быша немцы...». Возможно, пропуск и перестановка текста восходят к дефектам протографа, но в его отсутствие установить данное обстоятельство с точностью невозможно.

В сравнении с рукописью XVII в. более поздние списки содержат в некоторых местах описки или неверно понятые слова, например, «и оттонится тма *вечерняя*» вместо необходимого «и оттонится тма *неверия*» и т.п. Вместе с тем, тексты «Слова понуждаемого» XVIII–XIX вв. очень важны для нас, т.к. позволяют восполнить значительные утраты тетради XVII в., необходимые для реконструкции исторического памятника. Для готовящейся публикации «Слова понуждаемого» мы отобрали старший список, а лакуны в нем будут восстановлены по рукописи из собрания В.М. Ундольского (РГБ. Ф. 310) не в последнюю очередь потому, что его использовал в своей статье о пребывании Афанасия Пателара в России Н.Ф. Каптерев.

П.Г. Чистяков (Москва)

Метрические книги как источник по изучению религиозной жизни сельских приходов

Общеизвестно, что метрические книги церквей – это ценнейший источник, фиксирующий акты гражданского состояния: рождение, брак и смерть. Метрические книги активно используются при проведении биографических и генеалогических исследований (в этом случае выявляются записи о рождении, браке и смерти конкретных лиц), а также при проведении различных статистических исследований (при этом, соответственно, используется информация метрической книги в целом).

Однако возможно использование метрических книг как косвенных источников и получение из них дополнительной информации, не составлявшей содержания актовой записи, но зафиксированной при ее составлении. Так, по метрическим книгам возможно установить состав причта в определенные годы. Это, в частности, бывает очень важно в том случае, если не сохранились другие источники (прежде всего, клировые ведомости). По метрическим книгам можно с точностью до нескольких дней установить дату назначения на приход нового священника, выявить периоды (иной раз, довольно продолжительные – до нескольких недель), в которые в церкви не было штатного священника (прежний настоятель умер или переведен на другой приход, а новый еще не назначен) и требы совершались клириками соседних приходов или уточнить время начала совершения богослужений в только что построенной церкви. Метрические книги также позволяют выявить не-

которые обстоятельства биографии священнослужителей (в частности, понять, умер ли священник скоропостижно или после более или менее продолжительной болезни).

Кроме перечисленных случаев, по метрическим книгам можно уточнить обстоятельства прославления той или иной чудотворной иконы и проверить данные сказания об этой иконе. Большинство историй о прославлении чудотворных икон в Русской Церкви укладываются в единую схему: поначалу они были никому не известны, а потом происходило чудо: больной, зачастую много лет страдавший болезнью, во сне получал повеление помолиться перед определенной иконой, находил эту икону – и исцелялся. Благодаря этому событию, икону эту начинали почитать как чудотворную и это чудо становилось первым в череде множества последующих чудес.

После того, как икона, прославившаяся чудесными исцелениями, была признана в качестве чудотворной, составлялось сказание о ней. Как правило, мы знаем о прославлении чудотворных икон именно из таких сказаний, составленных много лет спустя. Авторы сказаний зачастую ориентировались не только на конкретные предания о той или иной святыне, но и на имеющиеся литературные образцы – в результате мы не можем быть уверены в достоверности подробностей, сообщаемых нам такими сказаниями: многочисленные пересказы вполне могли привести к их искажению. Поэтому очень хорошо, если сведения такого сказания можно подтвердить другими историческими источниками.

Значительная часть чудес, совершавшихся возле чтимых икон – массовые исцеления во время эпидемий. Рассказы об эпидемиях, содержащиеся в сказаниях о чудотворных иконах, можно сопоставить с данными метрических книг.

Например, сказание об Иерусалимской иконе Богоматери из Бронниц сообщает, что в конце июля 1893 г. эпидемия холеры началась в старинном селе Велине Бронницкого уезда Московской губернии, находящемся на Коломенской дороге (современное Рязанское шоссе) в трех верстах от Бронниц. Болезнь распространялась очень быстро: в течение двух недель в Велине умерло 52 человека (27 мужчин и 25 женщин). Тогда местные жители решили принять Иерусалимскую икону Богоматери и 7 августа 1893 г. её принесли из Бронниц для совершения молебнов в велинском приходе. Через несколько дней эпидемия холеры прекратилась. В память об этом чуде прихожане села Велина написали небольшую копию Иерусалимской иконы для своего храма (Добров И.П., прот. Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах, Московской губернии (историческое ее описание). М., 1916. С. 19).

Сказание об Иерусалимской иконе Богоматери было написано бронницким протоиереем Иоанном Добровым в 1916 г. – через двадцать с лишним лет после избавления Велина от эпидемии холеры. За это время устный рассказ об эпидемии мог претерпеть серьезные искажения (скажем, могли быть забыты точные даты начала или конца эпидемии). Обращение к метрической книге Покровской церкви села Велина 1893 г. позволяет установить, что

эпидемия холеры, действительно, началась в конце июля – начале августа того года: первый случай смерти от холеры был 3 августа (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1928. Л. 217 об.–218). В соответствии со сказанием Иерусалимскую икону принесли в Велино 7 августа, и спустя несколько дней болезнь пошла на убыль. Метрическая книга свидетельствует, что в десятых числах августа смертей было заметно меньше, а 17 августа имел место последний случай смерти от холеры (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1928. Л. 220 об.–221). Мы видим, что данные сказания подтверждаются сведениями, полученными из метрической книги. В некоторых случаях метрические книги позволяют скорректировать данные сказания о чудотворной иконе: выясняется, что эпидемия действительно имела место, но по прошествии нескольких десятилетий ее масштабы были заметно преувеличены.

Таким образом, представляется вполне оправданным и перспективным использование метрических книг не только как прямых, но и как косвенных источников.

Э.В. Шульгина (Москва)

Михаил Милютин – писец, иконописец

Михаил Милютин – мастер столичной иконописной школы, ученик известного иконописца XVII в. Симона Ушакова. Милютиным было написано много икон, как по заказу царя, членов его семьи и патриарха, так и для иконостасов московских и подмосковных церквей. В архиве Оружейной палаты сохранились подлинные документы, позволяющие проследить жизненный путь Милютина. В челобитной за 1674 г., он называет себя «Мишка Иванов, сын Милютин» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1504. Л. 1). Возникает вопрос, не является ли Михаил Милютин сыном священника Иоанна Милютина, известного книгописца, составителя Милютинских миней-четьих? (Такие предположения у исследователей возникали неоднократно).

В 40–50-х гг. XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре был создан комплект Миней Четьих. Инициатором и составителем был священник Иоанн Милютин. В настоящее время он хранится в Синодальном собрании рукописей ГИМ (ГИМ ОР Син. № 797–808). Это единственный полный скорописный комплект миней-четьих XVII в. Впервые в составе Синодальной библиотеки они упоминаются в передаточной описи из типографской библиотеки за 1787 г. под № 95–106. Точно сказать в каком году Милютинские минеи попали в Типографскую библиотеку сложно. В исследованиях по истории печатных русских прологов В.А. Кучкин и А.С. Демин высказывают предположения, что Милютинские Минеи вместе со Степенной книгой послужили источниками для проложных житий русских святых и были использованы в четвертом издании Пролога 1661–62 гг. (Кучкин В.А. Первые издания русских Прологов // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 144; Демин А.С. Современные тенденции в источниковедении древнерусской лите-

ратуры и задачи печатного Пролога // Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978. С. 24).

О времени и месте написания миней мы узнаем из послесловия, написанного Иоанном Милютиным в сентябрьском томе (приводим его в сокращенном виде): «Аз, же грешный и недостойный священнического чина Иоанн по реклом Милютин. Егда ново бывшу ми в дому Живоначальные Троицы...и служашу ми в церкви Рождества... Служни слободы, повелевшу ми писати дванадесять книг четиих трема чадом моим отроческого возраста. С ними же иногда и самому моему худолюдству, богом помогающу, отчасти потружатися поспешения ради скорым писанием и первоучным им. Писах же с монастырских миней четиих. Почах же писати в лета 7154 генваря в 18 день и кончах 162. Аще и много трудов с юнеишим чада положи..., но им же велит бог сими книгами владети, вечно уготовах…» (Э.В. Шульгина «Скорописное письмо XVII века по Милютинским минеям-четьим» // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М. 1987. С. 10–33». В послесловии Милютин подчеркивает «самим ими владеть уготовах». Из чего следует, Милютин создавал свои минеи, не для вклада в монастырь или собор, как например создавались Чудовские или Макарьевские минеи, а с определенной личной целью, возможно для своего ухода в Москву.

Михаил Милютин поступил в ученики к Симону Ушакову в 1670 г., а до поступления, он был у государевых дел в кормовых иконописцах меньшей статьи. Поступив к Ушакову, в мастерскую Оружейной палата Михаил Милютин уже владел иконописным письмом, в своей челобитной он пишет: «взят де он, по царскому указу, в ученики и отдан доучиваться иконописцу Симону Ушакову». (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 16495. Л. 11–14).

В Синодальном собрании Исторического музея мной еще раз были просмотрены Милютинские минеи. Заказав подлинные документы из архива Оружейной палаты, я имела возможность просмотреть все документы и провести почерковедческое исследование начертания каждой буквы документов, написанных рукой Михаила Милютина, за его подписью, обратив внимания на присущие только ему написания букв. Также как и в Милютинских минеях почерк в документах относится к скорописному типу письма. Почерк сравнивался с двумя почерками сыновей составителя Милютинских миней, названых мной в указанной работе (Шульгина Э.В. «Скорописное письмо…») первым и третьим (почерк второго писца и почерк Иоанна Милютина не рассматривались). В результате проведенного анализа по идентификации почерков мною было установлено, что почерк третьего писца миней по начертаниям большинства строчных и надстрочных букв, а также по рисунку титла идентичен почерку Михаила Милютина. На основании выше сказанного следует, что иконописец Михаил Иванов сын Милютин – один из сыновей известного священника Иоанна Милютина.

В милютинских минеях есть единственная миниатюра, помещенная в июльской минее (Син. 807. Л. 1321). На миниатюре изображен святой отрок

Артемий Веркольский. Житие Артемия Верколы было очень популярно на Севере, оно рассказывает о юноше, который в возрасте 13 лет погиб от удара молнии. Миниатюра выполнена в легком чернильном очерке, плавные законченные линии свидетельствуют об умении художника изображать человеческие фигуры; краски светлых приглушенных тонов. Миниатюра заключена в рамку старопечатного стиля, заполненную листьями аканта. Миниатюра создавалась одновременно с написанием минеи, так как она была переплетена в составе блока книги, о чем свидетельствует нумерация листов. С высокой вероятностью можно сказать, что миниатюру рисовал Михаил Милютин, будущий изограф.

Мы не имели возможности исследовать почерки на иконах Михаила Милютина. Но работа еще не завершена.

М.А. Шуткина (Москва)

Сражения адмирала Вернона (Правь, Британия, морями…)

В собрании иностранных памятных медалей отдела нумизматики ГИМ хранится около двух десятков довольно примитивно исполненных медалей из красной меди, которые связаны с именем британского адмирала Эдварда Вернона (Edward Vernon, 1684–1757), командовавшим флотом во время неудачной войны с испанцами 1739–1742 гг. Медали, автор которых и место изготовления до сих пор неизвестны, были отчеканены в огромном количестве. Их изображения часто встречаются в книгах, посвященных медальерному искусству, а так же в аукционных каталогах. Часть медалей посвящена захвату адмиралом города Порто-Белло 22 октября 1739 г., другая – осаде на южноамериканском побережье города Картахены в марте 1741 г.

Оба эпизода относятся к так называемой войне «уха Дженкинса» (War of Jenkins' Ear). Поводом к её началу послужил инцидент с капитаном торгового судна Робертом Дженкинсом, которому, как тот утверждал, отсек ухо офицер испанской береговой охраны, поднявшийся на борт судна в Карибском море. Дженкинс представил отрезанное ухо английскому парламенту как доказательство агрессии испанцев.

Вследствие жалобы Дженкинса и ходатайств многих других торговцев, 28 марта 1738 г. Парламент проголосовал за принятие «Обращения» к королю, с просьбой потребовать от Испании «возмещения ущерба». Исчерпав дипломатические средства, 10 июля 1739 г. король Георг II уполномочил Совет Адмиралтейства начать морскую войну с Испанией.

20 июля эскадра военных кораблей под командованием адмирала Эдварда Вернона и генерал-майора Томаса Уэнтуорта направилась в Вест-Индию, чтобы напасть на испанские суда и «имущество короны». Фактическое объявление войны состоялось 23 октября 1739 г.

Одним из первых военных действий был штурм британцами 22 ноября 1739 г. Порто-Белло, в попытке повредить финансам Испании и ослабить ее военно-морское могущество. Этот город на побережье Панамы, принадле-

жавший испанцам, экспортировал золото и серебро в метрополию. Плохо защищенный порт подвергся нападению шести линейных кораблей под командованием адмирала Вернона. Порто-Белло был захвачен за двадцать четыре часа. Британцы оккупировали город в течение трех недель и, перед тем, как покинуть, разрушили его укрепления и портовые сооружения. Именно в честь этого события и были отчеканены первые памятные медали с изображением на аверсе шести кораблей, штурмующих город.

В следующей своей экспедиции в марте 1741 г. адмирал Вернон осадил на южноамериканском побережье город Картахену де Индиас. Английский флот насчитывал 186 кораблей (для сравнения, в Великой Армаде было только 126) и 26 400 человек, в том числе отряд североамериканских колонистов, одним из командиров которого был Лоуренс Вашингтон, сводный брат Джорджа Вашингтона. Им противостояли около трех тысяч испанских солдат и 600 индейских лучников под руководством адмирала Бласа де Лесо (Blas de Lezo), баска по происхождению, по прозвищу «Получеловек» – за долгую, болеесорока лет, военную службу, он потерял левую ногу, правую руку и левый глаз.

Эта самая крупная за весь XVIII в. высадка десанта потерпела сокрушительное поражение. Умелая защита Картахены привела к тяжелым жертвам в британских войсках и, в конечном счете, к их отступлению на Ямайку. Однако дальнейшая карьера адмирала продолжилась – вернувшись из экспедиции, он узнал, что избран членом парламента от Ипсуича.

Вопреки действительности, на некоторых из отчеканенных в 1741 г. медалях коленопреклоненный адмирал Блас де Лесо протягивает шпагу «победителю» Эдварду Вернону (похоже, эти медали были изготовлены заранее).

Эдвард Вернон был довольно популярен среди моряков, прозвавших адмирала «старым Грогом» за то, что неизменно носил фаевый (gragram) камзол. И именно ему принадлежит честь открытия средства от цинги для английских моряков – борясь с пьянством на кораблях, он приказал разбавлять ром водой с лимонным соком (как потом выяснилось, предотвращавшим заболевание цингой). Так появился новый напиток, названный в честь адмирала грогом. Даже принимая во внимание комплиментарный характер этих медалей, они сохранили, пусть отчасти в гротескном варианте, заслуги и имя адмирала Вернона.

А.С. Щавелев (Москва)

К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем (летописная дата, византийские источники и археология)

Захват князьями Олегом и Игорем Рюриковичем Киева – первый шаг в строительстве державы Рюриковичей, который справедливо считается ключевым моментом начала Руси. В ПВЛ это событие датируется 6390 г. (=882 г.); в НПЛМИ, отражающей Начальный свод, событие фактически не датировано. Условность даты 882 г. вполне осознается исследователями, однако, парадоксальным образом все равно используется. Между тем, её применение в исторических реконструкциях серьезно искажает картину становления «державы Рюриковичей».

Сейчас очевидно, что хронологическая система раннего летописания – искусственный конструкт, созданный на основе случайной выборки дат из византийских источников (Бахрушин 1987; Sorlin 1991; Zuckerman 2000; Цукерман 2007). Вцелом достоверная относительная событийно-генеалогическая хронология, построенная на последовательности деяний князей Рюриковичей и их воевод самого раннего (пред-)летописного «Сказания о первых русских князьях» (или, по-другому, «Древнейшего свода» середины XI в.) как бы «натянута» на слишком широкий для нее остов сконструированной сетки дат и, к тому же, удревнена на полвека, охватывая вторую половину IX в. В результате даты жизни (рождения, свадьбы и похороны) ключевых персонажей летописного нарратива оказались крайне неправдоподобными. Перемещение же деяний первых Рюриковичей в X столетие сразу же снимает большинство противоречий генеалогического и общеисторического плана.

Уже С. Франклин и Дж. Шепард обозначили датировку создания «южного плацдарма» русов в Киеве как «ок. 900 г.» (Франклин С., Шепард Дж. 2000. С. 138). Однако нам представляется целесообразным попытаться еще раз суммировать имеющиеся косвенные данные о хронологии появлении руси Олега и Игоря в Поднепровье.

У нас есть строгий terminus ante quem появления князя Олега в Киеве – точная дата договора Руси и Византии 2 сентября 911 г. (Vasiliev A.A. The Second Russian Attack on Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 1951. Vol. 6. P. 221). При этом после нападения руси на Константинополь 860 г. и возможного крещения этой руси около 866/867 г. (Кузенков П.Ю. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003) ***нет ни одного упоминания руси в византийских источниках до начала X в.***

Зато *после 900 г.* 700 росов в 911–912 гг. участвовали в морской экспедиции логофета дрома патрикия Имерия на Крит; росы упоминаются в тексте раздела «Ναυμαχικά» трактата «Τακτικά» (дата написания: 904–912 гг.) императора Льва VI Мудрого; в письме 921–924 гг. патриарха Николая I болгарскому царю Симеону росы – потенциальный военный союзник Византии; росы фигурируют в главах 37 и 42 трактата «Об управлении империей», составление текста которых датируется ориентировочно первой четвертью X в.; (источники и литература: Щавелев А.С. Два сообщения о росах в главе 42 трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного // Античная древность и средние века. Вып. 41. К 80-летию проф. М.А. Поляковской. Сб. научных трудов. Екатеринбург, 2013; Щавелев А.С. «В самых же верховьях реки Днепр обитают росы…» (DAI. 42. 60-61): к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 369–373; Щавелев А.С. Захват территорий славянских «племен» «державой Рюриковичей» в первой половине X в. // Восточная Европа

в древности и средневековье. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 328–335; Щавелев А.С. Известие о «северных скифах» («росах») в разделе «Ναυμαχικά» трактата «Τακτικά» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география / Под ред. И.Г. Коноваловой. Вып. 3. М., 2016 (в печати)). С 900 г. росы – постоянный враг или партнер Византии, следовательно, они уже обосновались на Днепре в Киеве. Но предполагать, что росы с 60-х гг. IX в. обитали в Киеве, и больше 30 лет (!) не вступали ни в какие контакты с Византией крайне маловероятно.

В полном согласии с византийскими источниками находятся все археологические данные. До X в. в Киеве нет ни скандинавских древностей, маркирующих распространение скандинавов-руси, ни кладов дирхамов, обозначающих пути дальней транзитной торговли, ни признаков какой-либо военно-политической элиты (Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. № 4. С. 115–137; Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. Т. 2. М., 2014. С. 7–53).

С X в. ситуация радикально меняется. В конце IX в. начинает застраиваться Подол: древнейший ярус по дендродатам датируется 80-ми гг. IX – 20-ми гг. X в., древнейшая дендродата – 887 г. Подол как район Киева начинает формироваться *в начале X в.* (Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ: проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991. С. 82, 126; Sahaydak M. Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podol District // Ruthenica. 2005. № 4. P. 139–160). Только с начала X в. в Киеве формируется курганный могильник с элитарными камерными погребениями, погребениями с оружием, престижным импортом и скандинавскими предметами (Ивакин В.Г. Киевские погребения X в. // Stratum plus. 2011. № 5. С. 243–286). Древнерусских погребений *ранее рубежа IX–X в.* в киевском некрополе нет (Ивакин В.Г. Киевские погребения X в. С. 244). *В первой четверти X в.* возводятся древнейшие укрепления на Старокиевской горе, причем эти фортификации технически аналогичны укреплениям Рюрикова городища в Приильменье (Михайлов К.А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Вып. 1. Київ, 2010. С. 308–315). Первые два клада дирхамов в Киеве датируются по младшей монете *905 / 906 и 906 / 907 гг.* (Кулешов В.С. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 390–392; более точные датировки: Кулешов В.С. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LXV. Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара. С. 162–184). Комплекс монет из киевского некрополя на Старокиевской

горе датируется *первой четвертью – серединой X в.* (Кулешов В.С. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе. С. 177–180).

Очевидно, что сдвиг датировки захвата князьями Олегом и Игорем Киева с летописного 882 г. на условный 900 г. подтверждается не только логикой реконструкции раннего летописного нарратива. В его пользу говорят как появление в византийских источниках целого комплекса известий о росах *первой четверти X в.*, так и данные археологии, которые показывают возникновение Киева как политического центра (укрепления, вооруженная элита) и центра международной торговли (торговый район Подол, клады дирхамов) только *в первой четверти X в.*

В.Г. Щекотилов (Тверь)

База данных по спискам населенных мест губерний и ее комплексирование с геопорталом по архивным картам*

В настоящее время при проведении исторических исследований существует несоответствие между востребованностью оперативного (дистанционного) доступа различных групп общества (ученых, педагогов, краеведов и др.) к фондам архивов и библиотек и существующим уровнем перевода их в электронную форму, а также уровнем использования при этом общераспространенных технологий баз данных (БД) и географических информационных систем (ГИС).

Одним из структурированных информационных блоков, востребованных пользователями в исторических исследованиях, являются всевозможные разновременные списки населенных мест (СНМ).

Во второй половине XIX в. было издано значительное число поуездных СНМ губерний, которые в отсканированном виде размещены на значительном числе ресурсов Интернета, например: Президентская библиотека (http://www.prlib.ru/); Российская национальная библиотека (https://vivaldi.nlr.ru/); Национальная электронная библиотека (НЭБ.РФ); Государственная публичная историческая библиотека (http://elib.shpl.ru/).

Наряду с этим, появляются ресурсы с СНМ в текстовом виде, например, населенные места (НМ) Пермской губернии, СНМ Могилевской губернии, «Обработка и представление архивных карт» (http://boxpis.ru/).

Следующим этапом автоматизации являются интернет-ресурсы с базами данных по СНМ, в которых реализованы функции поиска населенных мест: картографическая справочно-информационная система (КСИС) «Генеральное межевание Олонецкой губернии»; онлайн справочник «СНМ Владимирской губернии по приходам Владимирской епархии. 1895–1898 гг.» Архивного департамента администрации Владимирской области; краеведческий портал «Родная Вятка»; «СНМ Российской империи» – проект организации Литера.Ру, где представлена БД по СНМ 14 губерний (Архангельская, Астраханская, Владимирская, Калужская, Московская, Нижегородская, Пензенская,

Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Херсонская, Ярославская); «БД по системе сельского расселения на Урале»; «СНМ Тверской губернии 1859 г.».

В методическом плане в профессиональной среде разработчиков ГИС развиваются технологии публикации пространственных данных на геопорталах (Щекотилов В.Г., Лазарев О.Е., Шалаева М.В. Крупномасштабные карты и списки населенных мест губерний России XIX в. как системообразующий элемент электронных коллекций и геопорталов библиотек и архивов. Сборники Президентской библиотеки / Серия «Электронная библиотека» / науч. ред. Е.Д. Жабко. Вып. 6 : Интегрированные цифровые ресурсы: организационно-технологические и научно-методические основы развития. 2015. С. 254–269).

Группа исследователей в 2009 . создала автоматизированный электронный СНМ Тверской губернии. Поуездная организация в форме листов электронной таблицы позволила разработать программное обеспечение (ПО) для поиска с различными условиями. В 2012 г. было выполнено геокодирование населенных мест, а в 2013 г. был разработан вариант ПО для исследования СНМ в части топонимического спектра.

На странице доступа к функциям поиска по созданной в 2015 году БД геокодированного СНМ Тверской губернии сформированная выборка отображается на экране, где также представляется карта Тверской губернии со знаками населенных мест выборки. В таблице выборки на имени населенного места прикреплен URL для вызова полноэкранной страницы с архивной и современной картой, позиционированными на конкретное населенное место. Исследователь может открыть окно карты либо с позиционированием на конкретный элемент выборки, либо с отображением на картах всей выборки. Реализованы следующие возможности поиска: по точному названию НМ; по фрагменту в названии НМ; по набору до 6 фрагментов; по фрагменту поля «При»; по условию на количество жителей.

Для данных по БД СНМ 12 губерний и Тверской, представленных на ресурсе «Списки населенных мест Российской империи», также реализована страница доступа.

Реализованные в Интернете страницы доступа к БД по СНМ Тверской и еще 12 губерний могут быть использованы также при исследовании структуры расселения, повторяемости названий НМ (топонимический спектр, церковная топонимика и др.). Частотные таблицы по названиям НМ и автоматически формируемые соответствующие карты могут дополнять исторические исследования. Практика показывает использование БД и средств поиска по названиям НМ XIX в. при проведении исследований применительно к событиям иных периодов, в частности, при обработке писцовых книг, а также периода Великой Отечественной войны.

Сформированная технологическая среда создания элементов информационных ресурсов (данных для таблиц БД, программного обеспечения для запросов к БД; генерирования кода для страниц сайтов) позволяет выполнять и другие операции, например, генерировать векторные карты KML

формата для отображения подмножеств населенных мест. На основе БД СНМ Тверской губернии сформированы карты: поуездные НМ; НМ с церквями; НМ с часовнями; НМ с заводами, ярмарками; НМ при крупных реках и озерах и т. д. Наличие в БД СНМ координат позволяет автоматизировать сопоставление разновременных СНМ.

Формирование в регионах геокодированных БД по разновременным спискам населенных мест востребовано и может способствовать практической реализации Программы информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему федеральных архивов на 2011–2020 гг.

*** Исследования проводятся с использованием результатов исполнения гранта РФФИ № 14-06-00282а и гранта РФФИ и Правительства Тверской области №14-06-97507 р_центр_а. База данных по СНМ Тверской губернии с сервисом отображения результатов поиска на архивной и современной карте может быть представлена для размещения на ресурсах архивов, библиотек.**

Ю.М. Эскин, М.А. Волчкова (Москва)

Опыт персонификации писцов «Соборного уложения 1649 г.» с применением цифровых технологий

Для прояснения событий и имен, послуживших созданию главного юридического памятника России XVII в. − «Соборного Уложения 1649 г.», мы применили методику палеографических исследований. Наша работа является одним из небольших шагов на пути своеобразной «демократизации» истории, введению в исторический обиход не только имен людей «великих» или безликих «народных масс», а прояснению вклада в письменную историю России ее непосредственных исполнителей. В комиссию по созданию «Уложения» во главе с бояр. кн. Никитой Ивановичем Одоевским вошли кн. Семен Васильевич Прозоровский, окольничий кн. Федор Федорович Волконский, думной дьяк Михаило Дмитриевич Волошенинов, дьяки Гаврило Леонтьев и Федор Грибоедов. Тогда же при Соборе была создана Ответная палата под руководством кн. Юрия Алексеевича Долгорукого. Понятно, что ни руководители комиссий, ни думные дьяки свитка «Уложения» не переписывали.

Гигантский объем визуальной информации, который предстояло проанализировать авторам проекта, для отыскания писцов свитка, стало возможным обрабатывать именно теперь, используя для атрибуции и идентификации палеографических данных достижения современной цифровой техники: 1) цифровую копию столбца свитка «Соборного уложения 1649 г.» (www.rgada.info=> "Коллекции"=>"Древлехранилище"=>№387); 2) компьютерную Схему-модель свитка, выполненную в программе Word-Excel, которая ввиду отсутствия нумерации листов на лицевой стороне свитка является единственным "навигатором" по нему при использовании цифровой копии; 3) цифровыми фотокопиями листов из столбцовых дел РГАДА, сделанных DFC Canon SX600HS; 4) компьютерной редакционной программой «Ножницы» (стандартная комплектация версии Windows 7 professional); 5) компьютерной программой Word 10 мы воспользовались, как «систематизатором»

для составления сравнительно-аналитических таблиц почерков. Для сличения почерков были выбраны столбцовые документы хронологически близкого периода (1646–1655 гг.) из фонда Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9, 10, 12, 17 – Столбцы Московского, Владимирского, Белгородского столов и Дополнительного отдела), как учреждения, являвшегося главной государственной канцелярией по внутренним делам, вероятно, что штат комиссии Одоевского набирался оттуда. Затем столбцовые дела Поместного приказа (Ф. 1209) и из приказных изб: Корочанской, Каширской, Белозерской; Угличской губной избы. Так как Ответная палата после принятия «Уложения» была преобразована в Приказ сыскных дел 1648–1652 гг., под руководством того же кн. Ю.А. Долгорукого, то были просмотрены документы и этого приказа. Итогом палеографических исследований данного проекта стали ***имена 5 писцов,*** идентифицированных с почерками Соборного Уложения. Мы воспользовались двумя методами идентификации почерков: 1) традиционным описанием характера начертания букв, данным в учебниках палеографии, 2) с помощью **Сравнительных таблиц**: Ю.М. Эскин, М.А. Волчкова. Опыт персонификации писцов «Соборного уложения 1649 г. с применением цифровых технологий. (http://www.rgada.info/materiali/soborn_volchkova_eskin.pdf).

Почерк «А» (1) – Яков Добрынин (Таблица I)

В 1654 г. служил в Московском судном приказе *(Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 170).* По нашим сведениям, ранее он служил в Разрядном приказе.

Почерк «Д» (4) – *Григорий Губарев (Таблица II)*

Губарев Григорий известен по службе в Рейтарском приказе в 1661–1674 гг. (*Демидова Н.Ф. Там же. С. 154).* По нашим сведениям, ранее служил в Разрядном приказе.

Почерк «S» (6) – *Василий Владимиров сын Брехов (Таблица III).*

(До 1620 – 1687/88), начал службу в Разрядном приказе подьячим в 1634 г., в 1654 г. пожалован в дьяки, до 1667 г. в руководстве этого приказа, с 1669 г. дьяк Приказа Большой казны, в 1677–1679 гг. – в Монастырском приказе. (*Демидова Н.Ф. Там же. С. 87*).

Почерк «S-2» лл. 256, 288, 614, 806 (1 строка приписки) – выделен из почерка **«S»** и идентифицирован с подписью дьяка ***Федора Акимовича Грибоедова (Таблица IV)***.

С 1628 г. подьячий в Приказе Казанского дворца, в 1664–1670 гг. – в Разрядном, в июне 1648 г. пожалован в *дьяки* за работу по Соборному Уложению (*Демидова Н.Ф. Там же. С.*144).

Почерки «В» (2) и «Е» (5) остались пока безымянными, к ним составлены соответственно ***Таблица V и Таблица VI,*** где подобраны близкие почерки из столбцовых дел РГАДА. Если найдутся в других архивохранилищах дела, с личными подписями этих писцов, авторство их может быть определено в дальнейшем.

Почерк «З» благодаря более тщательному исследованию с помощью ***Таблицы VII***, теперь отнесен к **Почерку «Д»**, как вариант более скорого письма, т.е. персонифицирован с Григорием Губаревым.

Почерк «Г» в сравнении с почерком дьяка Ивана Патрикеева – (? – 1661/2), с 1631 г. подьячий в Иноземском приказе, затем с 1633 по 1658 гг. в Посольском приказе (с перерывом в 1649–1650 гг. – в Приказе Большого прихода), с 1654 г. дьяк. (Демидова Н.Ф. Там же С. 425). Этим почерком сделаны две небольшие вставки-приписки на л. 9, на л. 124 и написан последний завершающий лист Соборного уложения л. 960. Вероятным автором данных вставок, где упоминается роль Ответной палаты и ее руководителя, был сам кн. Ю.А. Долгорукий. Поскольку сомнительно, что это автограф князя, то при анализе подписей четырех подьячих вышеупомянутого Приказа сыскных дел, наиболее сходным с почерком приписок нам показался почерк Ивана Исакова сына Патрикеева.

В целом же первый опыт применения цифровых технологий к палеографическим исследованиям на документальных памятниках отечественной истории проведен успешно. С большой долей вероятности нам стали известны имена пяти писцов такого грандиозного рукописного памятника. Кроме этого конкретного результата исследование показало полезность и насущную необходимость обнародования результатов палеографических исследований в интернете. Ведь наши таблицы невозможно печатать в тех сборниках (а их большинство), где качество полиграфии низко.

Ю.Ю. Юмашева (Москва)

Публикация исторических источников в электронной среде: проблемы источниковедения и археографии

Основным содержанием сегодняшнего этапа развития цивилизации является активное внедрение информационных технологий во все стороны человеческой деятельности. Не остались в стороне от этого процесса и традиционно «консервативные» прикладные дисциплины гуманитарной направленности, для которых наступление «информационного общества» связывается, прежде всего, с повсеместной реализацией проектов представления в электронной среде каталожных описаний и перевода в цифровой формат максимально широкого круга традиционных источников информации (книг, архивных документов, фоно-, фоно-, видео-, киноматериалов, а также других объектов историко-культурного наследия), изъятием подлинников из непосредственного обращения в читальных залах и предоставлением информации о них или их копий в режиме удаленного доступа.

Однако ведущиеся повсеместно процессы оцифровки и представление исторических документов в электронной среде сопровождаются массой проблем не только нормативно-методического, но и технологического, правового, источниковедческого и археографического характера.

К примеру, апологеты электронных копий упускают из вида определенную «незамкнутость» процесса создания электронных копий, позволяющую на любом этапе технологического цикла и представления копии внести в нее изменения, которые практически невозможно обнаружить без доступа к оригиналу (*проблема аутентичности электронной копии оригиналу*).

Между тем, электронные копии зачастую позиционируются как факсимильное или фото-воспроизведение исторического источника, а их представление в читальных залах и в сети Интернет приравнивается к *изданию (публикации)*. В этом случае, по действующим «Правилам издания исторических документов в СССР» (1990) в сопроводительных материалах к каждому из публикуемых документов (электронной копии №№ поколения) должно быть указано, какие работы по графической обработке проводились, что и как корректировалось, а у публикатора (фондодержателя) должна храниться мастер-копия (и желательно) с метаданными, описывающими процедуру ее создания и обработки.

Таким образом, публикация электронных копий исторических источников из средства верификации сама превращается в загадку, смысл отгадывания которой заключается в определении степени адекватности электронной копии подлиннику, ее достоверности и репрезентативности.

Не менее запутанной является и проблема авторства и авторского права, возникающая в отношении созданных электронных копий. Процесс создания электронной копии, также как и любое не регламентированное и не стандартизованное вмешательство в ее содержание может рассматриваться как ее творческая переработка, а результат этих процессов является объектом авторского права сотрудника. При этом сама *созданная* или *преобразованная* копия становится *самостоятельным продуктом*, отдельной материальной сущностью (фактически «новым» историческим источником), т.е. результатом интеллектуальной деятельности, в отношении которой возникает масса вопросов не только правового и технологического, но, прежде всего, источниковедческого характера.

Отношение к использованию копий исторических источников (при наличии подлинника) в исторических исследованиях всегда было неоднозначным. Попытка рассмотрения подобной копии как выражения «феномена смены материальной оболочки», который присущ «феномену источника вообще», представляется несостоятельной. Действительно, в активной (оперативной) фазе своего жизненного цикла, в период функционирования «по прямому назначению» в качестве документа, книги, предмета быта и т. п., любой объект может постоянно и целенаправленно воспроизводиться (переписываться, тиражироваться, копироваться и т. п.) и изменяться (приобретать повреждения, надписи, записи, маргиналии и т. п.) в процессе «бытования». Однако с момента превращения этого объекта в архивный документ, музейный артефакт и т. п., и приобретения им статуса источника информации о прошлом (исторического источника), к нему начинают предъявляться

иные требования, главным из которых является требование *целостности материальной фактуры*, без которой передача социальной информации теряет свою непрерывность.

Одним из негативных моментов работы с копийными материалами является утрата копиями той неотъемлемой части информации источника, которая заключена в материальном носителе (филиграни, фактура материала и т.п.), т. к. при любой технологии создания копий (микрофильмировании, оцифровке) носитель, как правило, не воспроизводится.

Между тем, традиционные методы источниковедческой критики существенное внимание уделяют анализу именно физической сущности источника, который является составной частью этапа «внешней критика» источника.

Еще одна разновидность утраты информации в электронной копии связана с отсутствием понимания *полноты* исторического источника при создании электронной копии. Чаще всего это выражается в «экономном» подходе к оцифровке, при котором не производится копирования, например, «пустых» страниц, имеющихся в подлиннике и т.п.

Следующая проблема связана с несовпадением целей создания подлинника исторического источника и его копии. В первом случае цель заключалась в ***создании*** (фиксации) информации для ее сохранения или передачи. При этом объем скрытой информации исторического источника (в том числе и заключенной в материальном носителе) значительно превышает объем информации выраженной. Во втором случае – при создании копии – основной целью является *воспроизведение* содержания (не тождественного понятию *информации* – sic!) источника, выраженного чаще всего в символьной (знаковой) форме.

Таким образом, очевидно, что копия является самостоятельным физическим объектом, сочетающим в себе авторство, цель создания (отчасти) и семантическую информацию подлинника с отличными от него авторством, физической формой и целями создания.

Природа электронных копий и практика их использования исследователями взамен подлинников ведет к увеличению числа источниковедческих процедур. Действительно, теперь в рамках источниковедческого этапа исследования необходимо провести технологически и технически сложный анализ электронной копии (в частности, установить степень ее аутентичности подлиннику), затем – источниковедческое изучение и анализ оригинала, с которого сделана копия, и только после этого приблизиться к решению конкретно-исторической проблемы.

Это только малая толика той «цены», которую исследователь должен заплатить за «сокращение» географического расстояния до архива, музея, библиотеки, хранящих необходимые ему подлинники документов.

Если же взглянуть на эту проблему с точки зрения методологии исторического познания, выдвигающей принцип адекватности предлагаемых подходов и методов объекту и предмету исследования, а также использованным в нем историческим источникам, то становится очевидным, что широко-

масштабный переход к цифровым технологиям и «отказ» от работы с подлинниками требуют незамедлительного совершенствования методов источниковедческого анализа и археографического описания, поиска новых подходов и методик, адекватных сложившимся реалиям работы с электронными копиями исторических источников.

И.Н. Юркин (Москва)

«...Оставя настоящую свою Красилниковых фамилию, стал писатца Небогатовым, неизвестно чего ради» (О генеалогической контроверзе в основании одного имущественного спора)

Тема этой статьи – имевший место в середине 1750-х гг. имущественный спор представителей предпринимательских династий Красильниковых и Небогатовых. Помимо прочего он интересен тем, что разрешение конфликта оказалось тесно связанным с решением одного, по сути, чисто генеалогического вопроса.

4 ноября 1757 г. Петр Лукьянович Красильников подал в Берг-коллегию доношение с просьбой оформить в его собственность часть Шилвенского медеплавильного завода (Казанский уезд), ранее принадлежавшую Кириллу Ивановичу Небогатову. Последний в 1755 г. занял у него и двоюродных его братьев Лукьяна и Григория Семеновичей Красильниковых 2000 рублей сроком на два года. В обеспечении займа он заложил часть названного завода с крестьянами, мастеровыми людьми и имуществом (рудниками, пашенной землей и покосами), но в срок долг не погасил. Берг-коллегия просьбу удовлетворила: определила числить эту часть завода за просителем и его братьями.

Их ввод во владение, однако, затормозился. 17 ноября 1758 г. в коллегию обратилась Мария Ивановна Литвинова, урожденная Небогатова. По её словам, Шилвенский завод был построен в 1731 г. ее дедом Иваном Евсеевичем Небогатовым. После его смерти имущество перешло к сыновьям отцу Марии Ивану и ее дяде Кириллу. По смерти Ивана половина завода досталась Кириллу, а другая – ей с мужем. Литвинова просила о позволении часть завода, отписанную на Красильниковых, на основании именного указа от 11 мая 1744 г., разрешавшего «таковые заложенные имении выкупать родственником», отдать ей «на выкуп» (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 748. Л. 343–344).

Петр Красильников ей возразил. 8 января 1759 г. он заявил, что в указе «повелено проданных и заложенных вотчин от брата брату и от родственника родственнику на выкуп не давать», если они «проданы и заложены в тот же, а не в чюжеи рода». А Кирилл Небогатов ему, Петру, родственник – «дядя внучатной» (двоюродный дядя, сказали бы мы). Он, пишет Петр – «нашей Красилниковых фамилии, токмо для чего отец ево, Кирилин, а... выкупщицы Марьин дед Иван Евсевьев сын, оставя настоящую свою Красилниковых фамилию, и стал писатца Небогатовым, неизвестно чего ради». По его мнению, из факта родства следовало, что просроченную Небогатовым часть завода «Марье на выкуп отдавать не полагалось».

К прошению Красильников приложил поколенную роспись своей фамилии, в которой свел участников спора к общему корню – к умершему Евсею (в росписи Евсевею) Красильникову. Рядом с именем его сына Ивана приписал: «Завод заведен им. Переменя фамилию, стал писатца Небогатовым» (Там же. Л. 348–349 об.). Это утверждение было замковым камнем всей аргументации Красильникова – в свой недлинной челобитной он повторил его целых пять раз.

Литвинова отвергла существование родственной связи между Небогатовыми и Красильниковыми. Она сообщила, что отец Петра Красильникова Лукьян с детьми положены в подушный оклад с тульскими кузнецами. Иное дело – Небогатовы. Её дед более 50 лет находился «у дел» императорского величества и был пожалован в комиссары. При этом состоял «в одной своей фамилии… Небогатовым, а Красильниковым никогда не бывал». Дед покупал деревни и построил медеплавильный завод. Последний во всех документах показан за Небогатовым. «Да и сам Петр Красильников, – писала она, – просил о принятии в заклад части в заводе Небогатого ж Кирилы, а не Красильникова Красильникову ж».

Следующий аргумент касался правоприменения, которое, по ее мнению, ограничивалось сословной принадлежностью субъекта права. «Указ к выкупу родовых и выслуженных вотчин допускать 4-м пунктом повелевает братьев и племянников родных, ясно глася о дворянских фамилиях, дабы из роду в роды имение переходить не могли, а не о таковых, как Красильников, кузнецах, за которыми и недвижимого не бывало». Последнее неверно. Лукьян и его брат владели построенным ими Коринским заводом. Не вполне очевидна и уместность приведенного аргумента: Красильниковы *на выкуп* Шилвенского завода не претендовали. (Но акцент на различии сословных прав примечателен.)

Итак, главное, во что уперлось решение спора – в вопрос, родственны ли друг другу фамилии спорщиков. Муж Марии капитан Литвинов высказался по этому вопросу уклончиво: «Такое родство они, Красилниковы, з дедом жены ево, камисаром Небогатовым, имеют ли – он, Литвинов, не знает». Но, как и жена, подчеркивал, что в документах нигде «о свойстве их не значитца» (Там же. Л. 398 об.–399).

Красильникова попросили подтвердить его заявление о родстве. Он представил полученное от тульских купцов свидетельство о том, что родственные отношения, отраженные в представленной в Берг-коллегию поколенной росписи, подлинно таковы, «как от него показано». Об этом заявили пятеро купцов первой гильдии и четверо второй, среди которых были представители принадлежавших к тульской предпринимательской элите фамилий Баташевых и Ливенцовых (Там же. Л. 386).

Генеалогический вопрос, с которым столкнулась Берг-коллегия, не прост. Для уверенного восстановления истории этой ветви тульских Красильниковых для рубежа XVII и XVIII вв. сведений в выявленных докумен-

тах недостаточно. Тем не менее, доказательства Красильникова Берг-коллегию удовлетворили и 2 апреля 1759 г. она вынесла определение: просроченную Небогатовым часть в Шилвенском заводе записать за П.Л. Красильниковым с братьями. Основание: Петр Красильников Небогатовым «имеется родственник», поскольку «Евсевей Небогатов оному Красилникову по мужеской линии состоит прадед, а закладчику Кириле Небогатову дед, а Кирила ему, Красильникову, будет внучатой дядя». Небогатов и Красильников «одного рода – Красильниковы». Ситуация подпадает под действие указа от 11 мая 1744 г., по которому «повелено проданных и заложенных вотчин от брата брату и от родственника родственнику на выкуп не отдавать» (Там же. Л. 403 об.–404).

Соответствующий указ был дан из Берг-коллегии 7 апреля. 28 мая Петр Красильников прибыл на Шилвенский завод. То, что он там увидел (разрушенные горны, сожженные ларь и инструменты), что за этим последовало, весьма интересно, но это уже следующий эпизод в цепи событий.

В имущественных спорах признание принадлежности к роду нередко было важнейшим событием, определявшим «поворот руля», а с ним и дальнейший ход процесса. Особенность изложенной истории состоит в том, что эта принадлежность определяла право на собственность не прямо (родственник – претендую на владение), а опосредованно (претендую не допустить выкупа). Останавливает внимание и способ, которым доказывается родство: не документальное доказательство, а совокупность показаний свидетелей. Его применение, разумеется, не уникально. Важно, однако, что словам свидетелей противопоставлен ряд контраргументов (не очень сильных, но многочисленных), но они сочтены менее значимыми.

Е.А. Яровая (Санкт-Петербург)

Шведская монета-плита с посвятительной надписью императрице Елизавете Петровне в собрании Эрмитажа

В фондах отдела нумизматики Государственного Эрмитажа хранится 120 экз. шведских монет в форме проштампованных медных пластин большого размера, известных как plotmynt или plate-money. Подобные монеты чеканились вследствие острой нехватки серебра и переизбытка меди в стране в течение 130 лет – с 1644 по 1776 г. Вторыми по величине были плиты номиналом в 8 далеров и весом в диапазоне от 12 до 15 кг, выпуск которых нерегулярно продолжался с 1652 г. по 1682 г. В музейных собраниях и частных коллекциях мира зафиксировано около 100 экз. этих редких монет. Эрмитаж располагает шестью экземплярами восьмидалеровых плит, из которых четыре экз. соответственно 1653, 1657, 1659 гг. происходят из Рижского клада 1901 г., когда во время работ в порту г. Риги землечерпальной машиной были подняты на поверхность 79 плит в 8,4 и 1 далер 1652–1659 гг. Еще одна плита в 8 далеров 1652 г., найденная частным лицом из г. Иваново-Вознесенское Костромской обл., поступила в Эрмитаж в 1931 г.

Особняком стоит экземпляр, происходящий из бывших кладовых Зимнего дворца – плита в 8 далеров 1662 года с посвятительной надписью российской императрице Елизавете Петровне (Инв. № ГЭ ОН-З-19767. Швеция. Карл XI (1660–1697). 8 далеров 1662 г. Медь, чеканка. Размеры: 580х322. Вес 11903,0 г). Надпись расположена по вертикали в 22 строки и занимает всю поверхность оборотной стороны монеты. Приводим ее полностью: «*Редкой сей остаток / Прежняго в Швеции Благополучного Времени / В бессчастное для Швеции время / При благополучном владении / Ея императорского Величества / Великой Государыни / Елисаветъ Петровны / Императрицы и самодержицы Всероссийской / По завоевании в 1742 году победоносном ЕЯ оружиемъ всея Финляндии / В знак восстановления благополучного времени / В 1743 году в Финляндии недалеко от Улы за Вазою / в земле найден / и / Ея императорскому величеству яко основательнице благополучных времен поднесен / В санктъпетербурге ноября 16 дня 1743 года / От / Генерала лейтенанта и подданного лансъгевтга / Великого княжества Финляндского / Б. Ивана фон Кампенгаузена / Сия монета весом 30 шведских фунтов которая в 1662 году во Швеции по тогдашней цене брана была за восемь талеров сильберминт или за 2 рубли 56 копеек а ныне она стоит 4 рубли 80 копеек*».

Упомянутый в надписи генерал-лейтенант Иван фон Кампенгаузен (Иоганн Балтазар) – родоначальник российской ветви шведского дворянского рода Кампенгаузенов (фамилия значится под № 816 в списках шведского рыцарства), в период с 1742 по 1743 г. служил генерал-губернатором Финляндии. Родившийся в 1689 г., с 1711 г. он перешел на русскую службу и принял участие в самых крупных сражениях Северной войны, дослужился до звания генерал-лейтенанта и пожалования орденом св. Александра Невского (1744 г.) перед своим выходом в отставку. Скончался в 1758 г. в своем поместье в Лифляндии.

В надписи нашли отражение события русско-шведской войны 1741–1742 гг. В августе 1742 г. шведы капитулировали при Гельсингфорсе, а финские полки пришли в русский лагерь, чтобы присягнуть российской императрице. Однако война продолжалась в течение всего 1742 г. Русским пришлось вести военные действия и одновременно налаживать управление в крае. Швед Кампенгаузен, знаток местных порядков и религии, возглавил управленческий аппарат. Население было обложено контрибуцией в пользу русских отрядов, оставленных в крае, но средства взимались с особой «деликатностью и снисходительностью» (Бородкин М.М. Краткая история Финляндии. Часть 3. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1911). Для жителей этих территорий настали «благополучные времена», как трижды уверяют нас в надписи на монете. Мир в Або был подписан только в августе 1743 г., по нему Россия получила земли Финляндии от границ Выборгской губернии до реки Кюмени.

Весьма вероятно, что данный артефакт – медная монета весом в 12 кг – была тоже частью контрибуции, попавшей в руки генерал-губернатору. К сожалению, никаких дополнительных сведений о поднесении плиты императрице 16 ноября, кроме указанных в надписи, обнаружить не удалось – камер-фурьерские журналы велись не очень подробно и не зафиксировали факта вручения Елизавете Петровне подобного предмета в течение ноября 1743 г. Первая запись после перерыва относится уже к 23–25 ноября 1743 г. и фиксирует подготовку и проведение торжеств, связанных с двумя крупными празднованиями – орденского дня святой Екатерины (24 ноября) и дня восшествия на престол дочери Петра Великого (25 ноября). Имена присутствующих при торжествах при этом не указаны (кроме имен лейб-кампанцев). (Журналы походные… за 1742–1744 годы. РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Внутр. опись 28/1618. Д. 9. Л. 20 об. – 24).

Весьма любопытен «нумизматический» комментарий, данный автором надписи, проливающий свет на ценность подношения – «а ныне она (плита) стоит 4 рубли 80 копеек», что составляло приличную по тем временам сумму.

Оглавление

Тезисы докладов

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

Материалы
XXVIII Международной научной конференции
Москва, 14 – 16 апреля 2016 г.

Оригинал-макет подготовлен
в Высшей школе источниковедения, вспомогательных
и специальных исторических дисциплин ИАИ РГГУ

Ответственные за издание:
Е.В. Пчелов
Ю.Э. Шустова

Директор издательства *М.С. Петрова*

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924-97-30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com

Подписано к печати 21.03.2016
Формат 60x90/16
Бумага мелованная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 40. Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в Интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 (495) 545-37-10

ISBN 978-5-906578-11-2